



Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «ЯРОСЛАВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ им. К. Д. УШИНСКОГО»

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

**Научный журнал
2019 – № 2 (17)**

*Издается с 2015 года
Выходит 4 раза в год*

Ярославль
2019

УЧРЕДИТЕЛЬ:

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»
(ЯГПУ им. К. Д. Ушинского)

Верхневолжский филологический вестник = Verhnevzhskii Philological Bulletin: научный журнал. – Ярославль: РИО ЯГПУ, 2019. – № 2 (17) – 223 с. – ISSN 2499-9679.
2019, № 2 (17). – 500 экз.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М. В. Новиков, доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*главный редактор*); **Н. Н. Летина**, доктор культурологии, доцент кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **О. В. Лукин**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **И. Ю. Лученская-Бурдина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора*); **Л. В. Ухова**, доктор филологических наук, доцент кафедры теории коммуникации и рекламы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского (*зам. главного редактора, ответственный редактор*); **Том Байер**, профессор русского языка Миддлбери колледжа (США); **Е. И. Бойчук**, доктор филологических наук, доцент кафедры романских языков ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. М. Болдырева**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Е. Г. Борисова**, доктор филологических наук, профессор кафедры связей с общественностью Московского государственного лингвистического университета; **Е. В. Быкова**, доктор филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью в бизнесе Санкт-Петербургского государственного университета; **Жеф Вершурен**, доктор филологических наук, профессор университета г. Антверпена (Бельгия); **Л. Г. Видулова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии, заместитель директора Института иностранных языков по научной работе и международной деятельности Московского городского педагогического университета; **Е. И. Горошко**, доктор филологических наук, доктор социологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и иностранного языка Национального технического университета «Харьковский политехнический институт» (Украина); **В. В. Деметьев**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории, истории языка и прикладной лингвистики Института филологии и журналистики Саратовского национального исследовательского государственного университета имени Н. Г. Чернышевского; **Т. И. Ерохина**, доктор культурологии, профессор, проректор Ярославского государственного театрального института; **Т. С. Злотникова**, доктор искусствоведения, Заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры культурологии ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Неля Иванова**, доктор филологических наук, профессор Университета им. профессора доктора А. Златарова (Болгария); **Н. Н. Иванов**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории и методики преподавания филологических дисциплин ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **В. И. Карасик**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Государственного института русского языка им. А. С. Пушкина (Москва); **Христо Кафтанджиев**, доктор филологических наук, профессор факультета журналистики Софийского университета (Болгария); **Н. И. Клушина**, доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики МГУ имени М. В. Ломоносова, председатель Стилистической комиссии Международного комитета славистов; **Г. Е. Крейдлин**, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Института лингвистики Российского государственного гуманитарного университета; **А. Д. Кривоносов**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой коммуникационных технологий и связей с общественностью Санкт-Петербургского государственного экономического университета, директор Северо-Западного филиала Европейского института PR (IEPR), эксперт ООН по PR; **Е. Н. Лагузова**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **А. В. Леденев**, доктор филологических наук, профессор кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова; **Ли Сютао**, доктор русского языка и русской литературы, профессор института иностранных языков Юго-Западного университета, г. Чунцин (КНР); **В. А. Маслова**, доктор филологических наук, профессор кафедры общего и русского языкознания Витебского государственного университета (Беларусь); **А. Д. Петренко**, доктор филологических наук, профессор, директор института иностранной филологии, заведующий кафедрой теории языка, литературы и социолитингвистики Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского; **Т. Г. Попова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка (второго) Военного университета МО РФ (Москва); **Иво Поспишил**, доктор филологических наук, профессор, заведующий Институтом славистики философского факультета Университета им. Масарика, г. Брно (Чехия); **Г. Г. Почепцов**, доктор филологических наук, заведующий кафедрой социальных коммуникаций Мариупольского государственного университета (Украина); **Рenate Ратмайр**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой славянских языков Венского экономического университета (Австрия); **И. Б. Руберт**, доктор филологических наук, профессор кафедры теории языка и переводоведения гуманитарного факультета Санкт-Петербургского государственного университета экономики и финансов; **Е. Ф. Серебренникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры романской филологии Евразийского лингвистического института – филиала Московского государственного лингвистического университета в г. Иркутске; **В. Н. Степанов**, доктор филологических наук, профессор, проректор по управлению знаниями, заведующий кафедрой массовых коммуникаций Международной академии бизнеса и новых технологий (Ярославль); **И. А. Стернин**, доктор филологических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, директор Центра коммуникативных исследований, профессор кафедры общего языкознания и стилистики Воронежского государственного университета; **Л. А. Трубина**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы, проректор по учебно-методической работе Московского педагогического государственного университета; **Н. А. Фатеева**, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник, руководитель научного центра междисциплинарных исследований художественного текста Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН; **Т. Н. Федюленкова**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков профессиональной коммуникации Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых; **Г. Ю. Филипповский**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ЯГПУ им. К. Д. Ушинского; **Г. Т. Хухун**, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и англистики Московского государственного областного университета; **Эвелин Эндерлайн**, доктор филологических наук, почетный профессор Страсбургского университета, вице-президент Ассоциации русистов Франции (Франция); **Т. В. Юрьева**, доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ЯГПУ им. К. Д. Ушинского.

Журнал входит в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых публикуются основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук по следующим научным специальностям:
10.01.01 – Русская литература (филологические науки) 10.01.10 – Журналистика (филологические науки), 10.02.01 – Русский язык (филологические науки), 10.02.04 – Германские языки (филологические науки), 10.02.05 – Романские языки (филологические науки), 10.02.19 – Теория языка (филологические науки), 24.00.01 – Теория и история культуры (искусствоведение)

Публикуемые в журнале материалы рецензируются членами редакционной коллегии.

Адрес редакции:

150000, г. Ярославль, Республиканская ул., 108/1
Тел.: (4852) 30-55-96 (научная часть), 72-64-05, 32-98-69 (издательство)

Адреса в интернете: <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ПИ № ФС 77 75453 от 05.04.2019 г.

Условия публикации статьи в научном журнале «Верхневолжский филологический вестник»

см. на сайте: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского», 2019

© Авторы статей, 2019

FOUNDER:

Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky (YSPU after K. D. Ushinsky)

Verhnevolzhski Philological Bulletin : scientific journal. – Yaroslavl : YSPU, 2019. – № 2 (17). – 223 pages. – ISSN 2499-9679.

2019, № 2 (17). – 500 copies.

EDITORIAL BOARD

M. B. Novikov, Doctor of History, Professor, Honoured Scientist, Department of Theory and Methods of Professional Education, Head of Department, YSPU after K. D. Ushinsky, (Chief editor); **N. N. Letina**, Doctor of Cultural Science, Associate Professor, Department of Cultural Studies, YSPU (Deputy chief editor); **O. V. Lukin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Theory of Language and the German Language, Head of department, YSPU; **I. Yu. Luchenetskaya-Burdina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, YSPU (Deputy chief editor); **L. B. Ukhova**, Doctor of Philology, Associate Professor, Department of the Theory of Communication and Advertising, YSPU (Deputy chief editor); **Tomas R Beyer**, Professor of the Russian Language, Middleberry College (USA); **E. I. Boichuk**, Doctor of Philology, Associate Professor of Department of Roman Languages, YSPU; **E. M. Boldyreva**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **E. G. Borisova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Public Relations, Moscow State Linguistic University; **E. V. Bykova**, Doctor of Philology, Associate Professor of the Department of Public Relations in Business of the St. Petersburg State University; **Jef Verschuere**, Doctor of Philology, Professor, Antwerp University (Belgium); **L. G. Vikulova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Institute of Foreign Languages, Deputy Director, Moscow City University; **E. I. Goroshko**, Doctor of Philology, Doctor of Social Sciences, Professor, Department of Cross-cultural Communication, Head of department, Kharkov Polytechnical Institute (Ukraine); **V. V. Dementyev**, Doctor of Philology, Professor; Department of Theory, History of the Language and Applied Linguistics; Institute of Philology and Journalism, Saratov State University named after N. G. Chernyshevsky; **T. I. Erokhina**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Deputy Rector of Yaroslavl State Theatre Institute; **T. S. Zlotnikova**, Doctor of Art, Professor, Honoured Scientist of Russian Federation, Department of Cultural Studies, YSPU; **Nelya Ivanova**, Doctor of Philology, Professor, University named after Professor Doctor A. Zlatarov (Bulgaria); **N. N. Ivanov**, Doctor of Philology, Professor, Department of Theory and Methods of Teaching Philological Sciences, YSPU; **V. I. Karasik**, Doctor of Philological Sciences, Professor of the General and Russian Linguistics Department of the State University of the Russian Language named after A. S. Pushkin (Moscow); **Christo Kaftandjiev**, Doctor of Philology, Professor, Faculty of Journalism, Sofia University (Bulgaria); **N. I. Klushina**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Stylistics, Faculty of Journalism, Lomonosov Moscow State University, Head of Stylistics Board, International Slavic Committee; **G. E. Kreidlin**, Doctor of Philology, Professor, Department of the Russian Language, Institute of Linguistics, Russian State University for the Humanities; **A. D. Krivososov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Communication Technologies and PR, St.-Petersburg State University of Economics, Director of North-Western branch, IEPR, UNO PR expert; **E. N. Laguzova**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of the Russian Language, YSPU; **A. V. Ledenev**, Doctor of Philology, Professor of Department of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Philological Faculty of Lomonosov Moscow State University; **Li Xiaotao**, Doctor of Russian Language and Russian Literature, Professor of Institute of Foreign Languages of South-West University, Chongqing, PRC; **V. A. Maslova**, Doctor of Philology, Professor, Department of General and Russian Linguistics, Vitebsk State University (Belarus); **A. D. Petrenko**, Doctor of Philology, Professor, Director of Institute of Foreign Philology, Head of Department of Theory of Language, Literature and Sociolinguistics of Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky; **T. G. Popova**, Doctor of Philology, Professor, Department of the English Language, Military University of the Ministry of Defence, RF (Moscow); **Ivo Pospishyl**, Doctor of Philology, Professor, Head of Institute of Slavic Philology of Philosophy Faculty of Masaryk University, Brno (the Czech Republic); **G. G. Pocheptsov**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Social Communications, Mariupol State University (Ukraine); **Renate Rathmayr**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Slavic Languages, Vienna University of Economics (Austria); **I. B. Rubert**, Doctor of Philology, Professor of Department of Language Theory and Theory of Translation of Humanitarian Faculty of Saint-Petersburg State University of Economics and Finance; **E. F. Serebrennikova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Romance Philology, Euroasian Linguistic University in Irkutsk (branch of Moscow State Linguistic University); **V. N. Stepanov**, Doctor of Philology, Professor, Vice Rector, Head of Department of Mass Communications, International Academy of Business and New Technologies (Yaroslavl); **I. A. Sternin**, Doctor of Philology, Professor, Honoured Scientist of the Russian Federation, Director of Center of Communicative Researches, Professor of Department of General Linguistics and Stylistics of Voronezh State University; **L. A. Trubina**, Doctor of Philology, Professor, Head of Department of Russian Literature, Vice-Rector for Education of Moscow Pedagogical State University; **N. A. Fateeva**, Doctor of Philology, Professor, a chief research worker, Head of Scientific Center of Interdisciplinary Researches of Literary Text of Institute of the Russian Language named after V. V. Vinogradov of Russian Academy of Sciences; **T. N. Fedulenkova**, Doctor of Philology, Professor, Department of Foreign Languages in Professional Communication, Vladimir State Stoletov University; **G. Yu. Filippovsky**, Doctor of Philology, Professor, Department of Russian Literature, YSPU; **G. T. Khukhuni**, Doctor of Philology Professor, Head of Department of Language Theory and Anglistics of Moscow State Regional University; **Evelyne Enderlein**, Doctor of Philology, Professor Emeritus of Strasburg University, Vice-President of Russian Philology Association in France (France); **T. V. Yurieva**, Doctor of Cultural Studies, Professor, Department of Journalism and Publishing, YSPU.

The journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and editions where the main scientific results of theses are published for proceeding to the degree of Doctor and Candidate of Sciences on the following scientific specialities:
10.01.01 – Russian literature (philological sciences), 10.01.10 – Journalism (philological sciences), 10.02.01 – Russian language (philological sciences), 10.02.04 – German languages (philological sciences), 10.02.05 – Romance languages (philological sciences), 10.02.19 – Theory of language (philological sciences), 24.00.01 – Theory and history of culture (art criticism)

Materials published in the journal are reviewed by the members of the editorial board

Address of the editorial office

150000, Yaroslavl, Respublikanskaya st., 108/1

Tel.: (4852) 30-55-96 (research department), 72-64-05, 32-98-69 (publishing office)

Internet addresses <http://yspu.org/>; <http://vv.yspu.org/>

Certificate of mass media registration:

The Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media

PI № FS 77 75453, 05.04.2019

Conditions for the Publishing Article in the Scientific Journal

«Verhnevolzhski Philological Bulletin»: <https://vv.yspu.org/for-authors/terms/>

© FSBE HE/ FGBOY VO «Yaroslavl State Pedagogical

University named after K. D. Ushinsky», 2019

© Authors of the articles, 2019



Научный журнал
Издается с 2015 года
№ 2 (17) – 2019

«Родное слово есть именно та
духовная одежда, в которую должно облечься всякое знание,
чтобы сделаться истинной собственностью
человеческого сознания...»

К. Д. Ушинский

СОДЕРЖАНИЕ

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

- Филипповский Г. Ю., Зими́на Л. И.** Метафорическое пространство
концепта *железная дорога* в текстах русских и европейских романтиков XIX в. _____ 8
- Кузьмина М. Д.** Интенция исповеди в переписке Н. В. Станкевича _____ 16
- Мокляк В. И.** Циклизация в творчестве русских романтиков _____ 25
- Лученецкая-Бурдина И. Ю.** Жанровые трансформации в творчестве
Л. Н. Толстого 1870-1900-х годов _____ 30
- Коптелова Н. Г.** Стихотворение А. Блока «Шаги Командора»: театральность поэтики _____ 35
- Болдырева Е. М.** Топология памяти в автобиографическом тексте: роман И. Бунина «Жизнь
Арсеньева» в контексте западноевропейского модернизма
(В. Беньямин «Берлинская хроника») _____ 42
- Частных В. В.** Жанровая форма «биографии писателя» в прозе А. Н. Варламова:
журнальная и книжная редакции книги «Пришвин» _____ 49

Журналистика

- Клушина Н. И., Байгожина Д. О., Тахан С. Ш.** Медиатизация: стилистический вектор _____ 57
- Басовская Е. Н.** Стилизовое оформление праздничного медиатекста:
история и современность _____ 63
- Степанов В. Н., Кустова Н. Н.** Информационное пространство профетической
коммуникации во Франции _____ 69

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

- Фокина М. А.** Нарративные свойства языковых единиц в рассказе И. А. Бунина «Конец» _____ 76
- Суханова И. А.** Варьирование мотивов повести Ф. М. Достоевского
«Село Степанчиково и его обитатели» в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» _____ 83
- Гапонова Ж. К.** Семантика слов с префиксоидом *полу-* в русском языке
(историко-лексикологический аспект) _____ 91

Разумов Р. В. Онимическая ситуация в дореволюционных системах урбанонимов провинциальных городов Ярославской области _____ 97

Ли Чэньчэнь К вопросу о стратегиях интерпретации русских междометий китайскими профессиональными русистами _____ 104

Романские языки

Бойчук Е. И., Джонсон М. А. Специфика ритмической структуры испанских прозаических текстов _____ 112

Макарова А. И. Функционирование сослагательного наклонения в придаточных дополнительных во французском и испанском языках _____ 122

Цыбова И. А. Языковые особенности цветопередачи в романе А. Камю «Посторонний» _____ 129

Скуратов И. В. Концепты «тишина» и «молчание» в новелле Веркора «Молчание моря» (Vercors «Le Silence De La Mer») _____ 133

Теория языка

Борисова Е. Г. Трансформация ценностно-смыслового кода в языке современной молодежи _____ 138

Клубкова Т. В. «Этнографический Атлас» А. Бальби (1826): из истории языкового коллекционирования _____ 143

Исаева М. Г., Моисеенко А. В. Прагматические функции кодовых переключений в массмедийных текстах: эколингвистический подход _____ 150

Кондина А. С., Пастухова Е. В. Проявление эмоционального интеллекта как существенный признак нарративизации вторичной языковой личности _____ 156

Лукин О. В. Теодор Гейнзиус: от языкознания и лингводидактики восемнадцатого века к новой лингвистической парадигме _____ 166

Макарова Е. Н. Отражение коммуникативной цели в языковой структуре _____ 171

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Новиков М. В., Перфилова Т. Б. Мир вещей архаических и древних людей в освещении Ф. И. Буслаева _____ 178

Розина О. В. Фарфоровая фабрика Ф. Я. Гарднера и его потомков: историко-культурологическое исследование _____ 188

Сараева Е. Л. Коммуникативная практика дворянских детей первой половины XIX в. в России: каналы трансляции национальной культуры _____ 197

Н. А. Хренов «Творческий ответ» Сталина на вызов истории в контексте византийской традиции _____ 204

Юрьева Т. В. Иконописец Пимен Софронов: причудский период творчества _____ 215

Сведения об авторах _____ 220



*"The word of your native tongue is nothing else but
the spiritual clothing to envelop any kind of knowledge
for it to become a true achievement
of human thought..."*

K. D. Ushinsky

THE CONTENT

LITERARY CRITICISM

Russian literature

- Filippovsky G. Yu., Zimina L. I.** Metaphorical Space of the Concept Railroad
in Texts of Russian and European Romantics of the XIX century _____ 8
- Kuzmina M. D.** Intension of Confession in N. V. Stankievich's Correspondence _____ 16
- Moklyak V. I.** Cyclization in Russian Romantics' Creativity _____ 25
- Luchenetskaya-Burdina I. Yu.** Genre Transformations in L. N. Tolstoy's 1870-1900-s Creativity _____ 30
- Koptelova N. G.** A. Blok's Poem «Knight Commander's Steps»: Poetics Theatricality _____ 35
- Boldyreva E. M.** Memory Topology in the Autobiographical Text: the Novel
by I. Bunin «Arsenyev's Life» in the Context of the Western European Modernism
(W. Benjamin «The Berlin Chronicle») _____ 42
- Chastnykh V. V.** The Genre Form of «the Writer's Biography» in Alexei Varlamov's Prose:
Magazine and Book Versions of the Book «Prishvin» _____ 49

Journalism

- Klushina N. I., Baigozhina D. O., Takhan S. Sh.** Mediatization: a Stylistic Vector _____ 57
- Basovskaya E. N.** Stylistic Decoration of the Festive Media Text: History and Modernity _____ 63
- Stepanov V. N., Kustova N. N.** Information Space of Prophetic Communication in France _____ 69

LINGUISTICS

Russian language

- Fokina M. A.** Narrative Properties of Language Means in I. A. Bunin's Story «The End» _____ 76
- Sukhanova I. A.** Variations of Motifs of F. M. Dostoyevski's Story «The Village of Stepanchikovo
and Its Inhabitants» in B. L. Pasternak's Novel «Doctor Zhivago» _____ 83
- Gaponova Zh. K.** Semantics of Words with a Prefixoid *polu-* (*half-*) in Russian (historical and
lexicological aspect) _____ 91
- Razumov R. V.** Onymic Situation in the Pre-Revolutionary Systems of Urbanonyms
of the Yaroslavl Region Provincial Towns _____ 97
- Li Chenchen** On Possible Approaches to Translating Russian Interjections into Chinese _____ 104

Romance languages

Boichuk E. I., Johnson M. A. Rhythmic Structure Specifics of Spanish Prosaic Texts _____	112
Makarova A. I. Functioning of a Subjunctive Mood in Noun Clauses in the French and Spanish Languages _____	122
Tsybova I. A. Language Features of Colour Rendering in by A. Camus's Novel «The Stranger» _____	129
Skuratov I. V. Concepts «Silence» and «Dumbness» in Vercors' Short Story «The Silence of the Sea» (Vercors «Le Silence de La Mer») _____	133
Language theory	
Borisova E. G. Transformation of the Valuable and Semantic Code in Modern Youth Language _____	138
Klubkova T. V. «Ethnographic Atlas» by A. Balbi (1826): from History of Language Collecting _____	143
Isaeva M. G., Moiseenko A. V. Pragmatical Functions of Code Switches in Mass Media Texts: an Ecolinguistic Approach _____	150
Kondina A. S., Pastukhova E. V. Manifestation of Emotional Intelligence as an Essential Feature of the Secondary Linguistic Personality Narrative _____	156
Lukin O. V. Theodor Heinsius: from the XVIII century Linguistics and Linguodidactics to a New Linguistic Paradigm _____	166
Makarova E. N. Reflection of the Communicative Goal in Language Structure _____	171

CULTURAL SCIENCE

Novikov M. V., Perfilova T. B. Archaic and Ancient People's World of Things according to F. I. Buslaev _____	178
Rozina O. V. F. Ya. Gardner and His Descendants' Porcelain Factory: Historical and Culturological Research _____	188
Saraeva E. L. Noble Children's Communicative Practice in the first half of the XIX century in Russia: Channels of National Culture Broadcast _____	197
Khrenov N. A. I. Stalin's «Creative Answer» to History Challenge in the Context of the Byzantine Tradition _____	204
Yurieva T. V. Icon-painter Pimen Sofronov: Period of Creativity in Prichudie _____	215
Information About The Authors _____	222

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Русская литература

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10379

УДК 82

Г. Ю. Филипповский <https://orcid.org/0000-0002-6765-8451>

Л. И. Зими́на <https://orcid.org/0000-0002-1137-3967>

Метафорическое пространство концепта *железная дорога* в текстах русских и европейских романтиков XIX в.

Статья посвящена формированию концепта *железная дорога* в литературной традиции романтиков XIX века. На русской почве это прежде всего тексты П. А. Вяземского, Е. А. Баратынского и Ф. Н. Глинки – теоретиков русского романтизма, ранних русских поэтов-романтиков. Тема *железной дороги*, начатая в России «Попутной песней» (1840) Н. В. Кукольника (музыка Ф. Н. Глинки), подхвачена названными поэтами-романтиками, а затем известной малой поэмой Н. А. Некрасова «Железная дорога» (1864), где мотив рабочих-строителей железной дороги перекликается с подобными же образами в сонетах английского поэта-романтика У. Вордсворта (1844).

В масштабах европейского романтизма первым по времени обратился к теме *железной дороги* француз А. фон Шамиссо в своем немецкоязычном тексте «Das Dampfroß» (1830). Особенностью творчества всех названных поэтов, а также немецких романтиков Г. Гейне, Н. Ленау, Детлева фон Лилиенкрона является углубленная философско-поэтическая экстраполяция пространственного и временного планов на текстовые структуры концепта *железная дорога*, что приводит к их интенсивной и обширной метафоризации. Особое место в ряду текстов поэтов романтиков XIX века, помимо «К Весне» Н. Ленау (1838), занимает стихотворение поэта-декабриста, героя 1812 года Ф. Н. Глинки «Две дороги» (1836), где романтический контекст *железной дороги* сопряжен и с темой начал и истоков, и, что главное, с размышлениями о будущем развитии человечества и его прогресса в технической сфере и сфере коммуникации.

Ключевые слова: концепт *железная дорога*, тексты русских и европейских романтиков, пространственные и временные планы, метафоризация структурных компонентов концепта *железная дорога*, тексты П. Вяземского, Ф. Глинки, А. фон Шамиссо, Николауса Ленау, Генриха Гейне, Детлева фон Лилиенкрона; монография И. Мапа «Eisenbahnen in der deutschen Dichtung: Der Wandel eines literarischen Motivs im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert».

LITERARY CRITICISM

Russian literature

G. Yu. Filippovsky, L. I. Zimina

Metaphorical Space of the Concept *Railroad* in Texts of Russian and European Romantics of the XIX century

The paper discusses the formation of the poetic concept «railway» in the texts of the XIX century literary romantic tradition. On the Russian background it occurs in the texts by P. A. Vjazemsky, E. A. Baratynsky, F. N. Glinka who were both romantic thinkers, philosophers, literary critics and early Russian romantic poets. A railway theme, started in Russia by the «Song of the Road» (1840) by N. V. Kukolnik (music of M. N. Glinka), was further developed by some above mentioned romantic Russian poets and later by famous Nekrasov's «A Railway» (1864), where episodes of railway labourers closely correlated with the same of W. Wordsworth (1844), one of the first English romantic poets.

In the European romantic tradition the first poet who started «railway poetry» was French-born A. von Chamisso in his poem «Das Dampfroß» (1830) written in the German language. Specific character of the all above mentioned romantic authors, Russian and European, including German romantics H. Heine, N. Lenau, Detlev von Liliencron, lies in stressing the philosophic aspects of time and space within the «railway poetry» concept, tending to its metaphorization. The main place in the sequence of «railway» romantic texts belongs to N. Lenau's «To spring» (1838) and also the poem by Russian Decembrist and hero of 1812 F. N. Glinka

«Two roads» (1836), where the romantic «railway» context related with the topic of world origins and reflections about the future development of the mankind and its progress in both technical and communication spheres.

Keywords: «railway» poetic concept, the texts of Russian and European romantic poets, aspects of time and space, metaphorization of structural components within the «railway» poetic concept, texts by P. Vjazemsky, F. Glinka, A. von Chamisso, N. Lenau, H. Heine, Detlev von Liliencron; monograph «Eisenbahnen in der deutschen Dichtung: Der Wandel eines literarischen Motivs im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert» by German scientist Johannes Mahr.

В качестве ядра концепта *железной дороги* выступает целый комплекс понятий и словоформ: локомотив, поезд, рельсы, пути (путь), станция. Причем и здесь есть варианты, зависящие от эпохи развития *железной дороги*: паровоз (в самом начале – «пароход»), затем тепловоз, электровоз; состав; линия – полотно; вокзал («воксал» в первой половине XIX в.). Данная статья обращается к материалу русской и европейской поэзии XIX в., эпохе возникновения и первоначального развития *железной дороги* (англ. *railway*, франц. *chemin de fer*, нем. *Eisenbahn*), когда она, будучи еще экзотикой, была во многом достоянием романтического сознания.

Железная дорога как тема русской и английской поэзии XIX в. недавно уже освещалась в статье Г. Ю. Филипповского «Мотив *железной дороги* в русской и английской поэзии XIX в.» [14], настоящий материал является не только ее развитием и продолжением, но и углублением, с привлечением иных авторов, в том числе немецкой романтической традиции XIX в. Сейчас на первом плане заслуженно оказывается имя, поэтическое и интеллектуальное наследие П. А. Вяземского (1792-1878). И не только потому, что образ *железной дороги*, *паровой машины* неоднократно встречается в его поэтических текстах. Но в силу сугубой концептуальности, принципиального и символического значения этого образа-символа- концепта в контексте романтического мышления и мироощущения, достаточно ранних философско-поэтических воззрений П. А. Вяземского. Старший современник и друг А. С. Пушкина, он оставил не только обширное поэтическое [4], но и литературно-критическое [5] наследие, где в полной мере отразились черты его романтико-философского мировоззрения, приверженность которому он сохранил в течение всей своей долгой жизни. А впервые П. А. Вяземский изложил свои воззрения в статье 1822 года «О „Кавказском пленнике“, повести сочинения А. С. Пушкина» [5]. По сути, статья содержала одно из первых на русской почве концептуальное обоснование нового в Европе литературного направления романтизма. П. А. Вяземский – русский европеец (его матерью была ирландка), как затем и А. С. Пушкин, следовал позициям Н. М. Карамзина (европоцентрична по своей ментальности тогда была большая часть русского дворянства). Причем древние корни этих родов новым романтическим пристрастиям ничуть не мешали (род князей Вяземских восходил к Рюриковичам, род Пушкиных также был достаточно старинным, чем А. С. Пушкин, как известно, весьма гордился). Как раз наоборот, корни европейского романтизма и у англичан (Вордсворт- Кольридж

ок. 1800), у французов (госпожа де Сталь ок. 1800-1810), у немцев (Гете, Бюргер к. XVIII в.) во многом преемственные от очерка Ж.-Ж. Руссо 1750 г. [19, с. 457-458], где идеалом провозглашен мотив неисторченных начал, истоков культуры человечества, на которые губительно влияли все последующие усилия, наслоения цивилизации. Что касается концептуальной природы романтизма, в том числе литературного – и европейского, и русского, – то это прежде всего принципиальные *антинормативность* и *психологизм* [13, с. 126].

Как пишет П. А. Вяземский в своей статье 1824 г. «Разговор между издателем и классиком с Выборгской стороны или с Васильевского острова» (издана как предисловие к поэме А. С. Пушкина «Бахчисарайский фонтан», а фактически явилась подлинным литературным манифестом русского романтизма): (народность проявляется) «не только в правилах, а в чувствах» в произведениях литературы, «отмеченных оригинальностью и отражавшие эпоху, в которую они были написаны» [13, с. 126]. В частности, в образах-концептах *железной дороги* – поездов, паровозов, *паровых машин* П. А. Вяземскому как раз видится прежде всего правильная, механическая поступь цивилизации, «наезжающей» на первообразную, «первобытную» чистоту, простоту, незамутненность. Вместе с ними подвергается разрушению изначальная свобода, целостность, которая, по мнению П. А. Вяземского, лежит в основе личностного критерия как человека, так и мира в целом. Позднее, в стихотворном сборнике 1862 г. «В дороге и дома» он полемически пишет об этом: «Свобода – превращеньем роли – на их условном языке Есть отречение личной воли, *Чтоб быть винтом в паровике ...*» [13, с. 128]. Данное высказывание, как часто у П. А. Вяземского, при всей своей принципиальной теоретичности (романтическое представление свободы личности вне любой механистичности и заорганизованности), имеет полемический характер, направленный против деятелей и либерального, и революционно-демократического характера. С точки зрения поэтического, личностного абсолюта, как его видит П. А. Вяземский, в русле мировоззрения романтиков, романтического движения начала XIX в. отрицательный подтекст фразы «*чтоб быть винтом в паровике*», – выступает не чем иным, как ядром концепта *железной дороги* – паровоз – паровая машина – поезд, в понимании истинных поэтов-романтиков. Таким поэтом, безусловно, был П. А. Вяземский, а отрицательный контекст (и подтекст) восприятия им данного образа-концепта (и

самого явления) является более чем естественным и предсказуемым.

Поэтический текст П. А. Вяземского «Проезд через Францию в 1851 г.» открывается фразой «Когда железные дороги Избороздили целый мир ...» [3, с. 150]. Она, безусловно, знакова и концептуальна на контрасте со вторым двустишием «... И колымажные берлоги – Дела давно минувших дней». Цитата из пушкинской поэмы «Руслан и Людмила» отнюдь не случайна, – за ней закреплён позитивный контекст, а вместе с ней он распространён на ироничную строку «...И колымажные берлоги ...». Эта ирония, по мысли автора, призвана обозначить контрастную (альтернативную) ситуацию авторских смыслов, согласно которой первые две строки видятся уже отнюдь не в позитиве. Будучи скрытым вначале, этот потенциально ироничный, даже отрицательный концептуальный смысл первых двух строк с ключевым образом-концептом *железная дорога* начинает раскрываться активно с конца 4-й строфы: «Достиг местечка Парижа» [3, с. 150]. Здесь отрицательно-иронично не только французское ударение на последний слог «Парижа», но вдобавок и весьма нелестное и ироничное по отношению к большому городу западно-русское название для малого городка «местечко». Весь последующий текстовый эпизод насквозь отрицательно-насмешливо-ироничен. Русский ездовик во Франции вызывает как минимум подозрение и неприятие как пришелец из мира «дожелезной езды» [3, с. 151].

Здесь уже мир *железной дороги*, но этот мир не только чужд, но тягостен для русского ездовика (он же герой-повествователь). Текст не случайно заканчивается чисто русской максимой: «И смех, и горе!» [3, с. 152]. Причина – все та же «новизна»: «Что шаг, то новая помеха», – именно из-за этой «новизны» «я жертва всех дорожных бед». В финале ходячий эпитет «Прекрасной Франции (La Belle France)», но опять же в негативном смысле: «Да и теперь, как вспомню я О вашей «Франции прекрасной», коробит и тошнит меня» [3, с. 152]. Произведение насквозь иронично, пронизано отрицательными смысловыми подтекстами, и опорными текстовыми моментами этой иронии выступает и заглавие, и особенно первое двустишие с железными дорогами, которые избороздили целый свет. Судя по тексту, автор использует приём скрытого оксюморона, когда идиома «железная дорога» прочитывается как простое сочетание слова «железный» и слова «дорога», где первое выступает не просто в значении «твёрдая, крепкая», но и в переносном – «жесткая, неудобная, некомфортная». Отсутствие дежурной похвалы в последней строфе по адресу (всегда и безусловно) «La Belle France», скорее издевка в её адрес, почти автоматически ложится на подобную же автоматическую метафору и в отношении безусловно прекрасной своей новизной и цивилизованностью «железной дороги». Здесь весь П. А. Вяземский с его в данном случае блестящим примером романтической

иронии (об этом пишет затем А. Блок в статье «Ирония») [2, с. 109].

Складывается ощущение, что к понятию «железная дорога» как оксюморону П. А. Вяземский-романтик мог прийти не вдруг, а через отрицательную коннотацию другого концепта – «железный век» в стихотворении 1829 г. «Три века поэтов». Традиция отрицательных смыслов здесь отталкивается от первого – золотого века, которого «нет в помине», который «идет за баснословный ныне» [3, с. 100]. Затем уже в серебряном веке, как пишет П. А. Вяземский, поэт «стал данник общежитию», что на шкале ценностей романтической эпохи равносильно деградации. К тому же здесь он не вполне романтик (как синоним высшего поэтического дара): «Не вышнему, земному вял наитью И начал петь, мешая с правдой ложь». В итоге – иронично – «Уж сын небес – гостинный человек». Что касается третьего, железного века поэтов, то здесь картина и вовсе неприглядна – «Все суетней, все ниже, Все от себя подале, к людям ближе, Поэт совсем был поглощён толпой И неба знак смыт светскою волной». В железный век поэт не только «Лишился он последней благодати», но «Не отделен поэт на пестрых сходках От торгашей игрушек, леденцов ..., От газров, фигляров, крикунов...». По мысли автора, «железный век» поэтов – пора их развенчания, а слово «железный» выступает синонимом не столько чего-то жесткого, но – антиромантического, предательского по отношению к истинной природе поэта, его высшему призванию (как его видели романтики).

Строки П. А. Вяземского 1829 г. о «серебряном» веке в преддверии «железного века» близко перекликаются с поэзией позднего Е. А. Баратынского («Сумерки» 1842) [1]: «Век шествует путем своим железным; В сердцах корысть, и общая мечта Час от часу насущным и полезным Отчетливей, бесстыдней занята. Исчезнули при свете просвещения Поэзии ребяческие сны, И не о ней хлопочут поколенья, Промышленным заботам преданы ...». Здесь концепт «железный век» Вяземского трансформируется в иной – «железный путь», по сути, коррелятивный с обсуждаемым в статье концептом и метафорой «железная дорога». При том, что суть рассуждений поэтов-романтиков, и Вяземского, и Баратынского, остается близкой контексту рассуждений, например, классика английского романтизма У. Вордсворта. Когда он в своих стихах на открытие железной дороги в Озерном крае Кендал-Виндермер (1844) пишет: «Сейчас, к вашему стыду, власть, жажда денег правит Британией... Слышишь свисток, вот несется длинный поезд... И ты вздрогнешь, взвесив и невзгоды, и обещанные обретения. Горы, доли и воды, я зываю к вам разделить чувство справедливого негодования...» («...Now, for your shame, a Power, the Thirst of Gold, That rules o'er Britain... Hear YE that Whistle? As her long-linked Train Swept onwards, did the vision cross your view? Yes, ye were startled... Mountains, and Vales, and

Floods, I call on you To share the passion of a just disdain») [18, с. 282-283].

П. Вяземский-поэт остается верен себе как романтик и в 65 лет, когда в 1858 году он заканчивает свое стихотворение «Дорогою» мотивом передвижения, путешествия, но уже «без колес и без паров и весел». Как видим, и здесь, как в молодые годы, образ-концепт *паровой машины паровоза, поезда* наталкивается на отрицательную коннотацию. Но не только. Концовка этого произведения, следом за путешествием «без колес и без паров ...», приводит автора к мысли о совсем другой дороге: «Виднеется вблизи другая мне дорога, Которую меня отправят на погост ...» [3, с. 184]. Здесь, как и у Вордсворта в его английских сонетах 1844-1845 гг., на открытие железной дороги Кендал-Виндермер, и у Некрасова в его известной русской малой поэме 1864 года «Железная дорога» (на тему строительства, но уже русской и самой известной в России железной дороги Санкт-Петербург – Москва – «Николаевской» в 1851 г.) важной частью текста становятся потусторонние видения строителей дороги. В стихотворении Вяземского 1858 года по сути дублируется та же тема романтической поэзии, только почиет от трудов поэт – автор текста, а не строители железной дороги (и в английском тексте Вордсворта 1844 г., и в русском Некрасова 1864 г. видения, как отмечалось, почивших от трудов строителей дороги). Однако в ключе романтического представления текстов картины соотносительны и по связи упокоения тружеников (и строителей железной дороги, и поэта-труженика), и по мотивам посмертного странствия-пути (хотя по погосту аббатства призраки-строители в молитве Вордсворта, бегут по сторонам идущего поезда и поют мертвецы – строители дороги в поэме Некрасова, и «виднеется вблизи... другая дорога... на погост» поэту-романтику Вяземскому).

Немецкой поэзии эпохи раннего романтизма также не чужда тема *железной дороги* (А. фон Шамиссо, Ю. Кернер, Н. Ленау, Г. Гейне), хотя, в отличие от названных выше английских и русских произведений У. Вордсворта и Н. Некрасова, мотив строителей железной дороги в ней чаще всего отсутствует. Зато она существенно богаче в плане поэтических и философско-художественных размышлений о путях возможных влияний на судьбы мира и человека (человечества), и этим самым во многом сближается с выше приведенными поэтическими текстами и рассуждениями П. А. Вяземского на данную тему. Как правило, у немецких поэтов-романтиков речь идет о том, как «дикий свист паровой машины гонит ясность и мечту» (Ю. Кернер), а радугу, дождь в сиянии солнца заменяет «пятно масла из бочки», когда не только с неба, но и с земного шара, «поэзия, скорбя, тихо уходит» (Ю. Кернер) [17, с. 67-68].

Немецкой специфике освещения темы *железной дороги* посвящена монографическая работа Иоганна Мара «Железная дорога в немецкой поэзии» (Johannes Mahr: *Eisenbahnen in der deutschen Dichtung: Der Wan-*

del eines literarischen Motivs im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. Fink, München, 1982) [17], где на страницах 60-62 обсуждается стихотворение великого немецкого поэта-романтика Николауса Ленау (1802-1850) «К Весне» («An den Frühling») 1838 г. [17, с. 60] Образ весны – излюбленный для немцев, особенно романтиков, – поэтический, динамичный и противоречивый, популярный в немецком фольклоре и средневековом миннезанге (например, в текстах известного немецкого поэта XIII в. Вальтера фон дер Фогельвейде). Обращение к Весне в стихотворении Н. Ленау близко по жанру к лирическому посланию как своеобразному пророческому вопрошанию о грядущих судьбах мира в свете того вызова, который бросает железная дорога природе и человеку: «Дорогая Весна, скажи мне, Ведь ты пророчица, ... ведет ли этот путь К благоденствию и благу?». Вызов этот столь же многообещающ, сколь и агрессивен, прокладывает себе дорогу, ломая и круша все на своем пути: « Сквозь всю зеленую рощу В стремительной гонке прогрызается железная дорога Твой незванный гость. / Деревья падают влево и вправо Тут, где она прорывается вперед, Твою цветущую природу Она, грубая, не щадит». Ввиду особой значимости текста этого произведения в контексте данной статьи приведем его полностью на языке оригинала (и в подстрочном переводе):

Nikolaus Lenau An den Frühling (1838)

«Lieber Frühling, sage mir, Denn du bist Prophet, Ob man auf dem Wege hier Einst zum Heile geht? Mitten durch den grünen Hain, Ungestümer Hast, Frisst die Eisenbahn herein, Dir ein schlimmer Gast. Bäume fallen links und rechts, Wo sie vorwärts bricht, Deines blühenden Geschlechts Schont die raue nicht. Auch die Eiche wird gefällt, Die den frommen Schild Ihrem Feind entgegenhält, Das Marienbild. Küsse deinen letzten Kuss, Frühling, süß und warm! Eiche und Maria muss Fort aus deinem Arm! Pfeilgeschwindigkeit und schnurgerad, Nimmt der Wagen bald Blüt und Andacht unters Rad, Sausend durch den Wald. Lieber Lenz, ich frage dich, Holt, wie er vertraut, Hier der Mensch die Freiheit sich, Die ersehnte Braut? Lohnt ein schöner Freudenkranz Deine Opfer einst, Wenn du mit dem Sonnenglanz Über Freie scheinst? Oder ist dies Wort ein Wahn, Und erjagen wir Nur auf unsrer Sturmesbahn Gold und Sinnengier? Zieht der alte Fesselschmied Jetzt von Land zu Land, Hämmernd, schweißend Glied an Glied Unser Eisenband? Braust dem Zug dein Segen zu, Wenns vorüberschnaubt? Oder, Frühling, schüttelst du Traurig einst dein Haupt? Doch du lächelst freudenvoll Auf das Werk des Beils, Dass ich lieber glauben soll An die Bahn des Heils. Amselruf und Finkenschlag Jubeln drein so laut, Dass ich lieber hoffen mag Die ersehnte Braut» [17, с. 60].

Дорогая Весна, скажи мне, Ведь ты пророк, Ведет ли этот путь К благоденствию и благу? Сквозь зеленую рощу, В стремительной гонке Прогрызается железная дорога, Твой незванный гость. Деревья падают влево и вправо, Тут, где она прорывается вперед, Твою цветущую природу она, грубая, не щадит. Дуб также срублен, Который хранил благочестивый щит, который

противостоял врагу, вместе с образом Марии. Пошли последний поцелуй, Весна, сладкий и теплый! Дуб и Мария должны Исходить из твоей руки! Со скоростью стрелы и прямолинейно Эта машина помчится по цветам и благоговению, Давя колесами и грохоча по лесу. Дорогая Весна, я спрашиваю тебя, Обретет ли свою свободу человек, Если он уповает На столь желанную невесту? Стоит ли красивый венок радости Твоей жертвы, Ведь ты сияешь солнечным светом Над свободным простором? Или все это заблуждение, И мы гонимся На этой буреподобной дороге Только за золотом и низменными страстями? Может, это старый кузнец, кующий оковы, Между странами ныне, Стуча молотом, сваривает их части В одну железную ленту? Благословляешь ли ты этот поезд, Который проносится мимо? Или, Весна, ты качаешь Печально головой? Но ты улыбаешься, глядя На (эту) работу железного колуна (топора), Так что мне лучше верить В путь благоденствия и блага. Призыв черного дрозда и пение зяблика Звучат так громко, Что я хочу надеяться На желанную невесту.

Пространство образа-концепта *железная дорога* у Н. Ленау столь же масштабно и многопланово, как и в произведениях П. А. Вяземского, причем оба особенно акцентируют мотив «железный». Вопросы, которые задает поэт Весне, сродни вопросу У. Вордсворта в его текстах, посвященных строительству железной дороги в Озерном крае Кендал-Виндермер (1844): окупят ли издержки, в том числе моральные, введение железных дорог, некие возможные приобретения у Н. Ленау: «Ведет ли путь (как составная часть концепта *железная дорога* – авторы) к благоденствию и благу? При том, что «цветущую природу она, грубая, не щадит», и ценности благочестия повержены («Дуб также срублен, который хранил благочестивый щит...»), что защищали от Зла. Кроме того, поставлен важный вопрос: сохранит ли человек свою природную свободу, будучи привязан к «железным» ценностям прогресса («Дорогая Весна, я спрашиваю тебя, Сохранит ли свою свободу человек, Если он уповает На столь желанную невесту?») *«Желанная невеста»* – явная метафора, соотношенная все с тем же обсуждаемым Н. Ленау концептом *железная дорога*, как нечто не просто новое, но и как бы привлекательное и благоприобретенное. Природные ценности самой Весны оказываются принесены в жертву «железному» прогрессу, который опять же в широком пространстве концепта *железная дорога*, в последней строфе Н. Ленау соотношен с образом «железного колуна» («Стоит ли красивый венок радости Твоей жертвы, Ведь ты сияешь солнечным светом Над свободным простором? ... Но ты улыбаешься, глядя на эту работу железного колуна»). И, конечно, появляется множество не только вопросов, но и сомнений (как и У. Вордсворта) – не является ли данная новация уступкой низменным страстям человека (человечества): «Или все это заблуждение? И мы гонимся На этой буреподобной дороге Только за золотом и низменными страстями». И, хотя Весна в сомнении, реагирует на вопрошание

Поэта («Благословляешь ли ты этот поезд, который проносится мимо? Или, Весна, ты качаешь головой?»).

И все же, вопреки сомнениям Весны, Поэт в последних строфах текста произведения хочет верить, что путь железной дороги, несмотря на опасную и страшную работу «железного колуна», это все же путь блага, а неизменная улыбка Весны и пение птиц пророчат *желанную невесту*. Иными словами, в поэтике образа-концепта *железная дорога* (*железная дорога – вагон – «железный колуна» – желанная невеста*) Н. Ленау идет одним путем с П. А. Вяземским – путем метафорического преобразования опорного концепта. Таким образом, в произведении Н. Ленау образ-концепт *железная дорога* столь же многопланов и, самое главное, столь же противоречив внутренне, как и ключевой образ-концепт «Весна». О внутренней сложности и противоречивости образа-концепта *Весна* (и жизнеутверждающего, продуктивного и разрушительного, деструктивного) одному из авторов настоящего текста уже приходилось писать в статье «Мотивы ... весенне-летней обрядовой поэзии в творчестве Ф. Прешерна и А. С. Пушкина» 2001 г. [15]. И еще одна грань образа-концепта *железная дорога* в стихотворении Н. Ленау связана со строфой «Может, это старый кузнец, кующий оковы, Между странами ныне, Стуча молотом, сваривает их части В одну железную ленту?» Здесь Н. Ленау, опять же противоречиво, соединяет мотив оков как аналог несвободы с общей идеей прогресса как коммуникации, в том числе развития связей между людьми, народами (здесь – странами). Феномен *железной дороги* является идеальным выражением или воплощением каждой из названных глобальных категорий земного бытия. С одной стороны, функция железного молота (у Н. Ленау – «железного колуна») как ликвидаторов свободы, с другой стороны, – грань все того же образа-концепта *железная дорога* – «... сваривая части их В одну железную ленту», – образ-символ коммуникации, действительно, пророчески реализованный впоследствии в бескрайней железнодорожной сети, опоясавшей всю землю.

И все же пора ответить на вопрос: когда, где появилось первое поэтическое произведение на тему железной дороги? Ответ существует – это немецкое стихотворение Адальберта фон Шамиссо (1781-1838) «Паровой конь» (A. von Chamisso «Das Dampfloß», 1830) [16, с. 5; 17, с. 49]. Как и обсуждавшееся выше стихотворение Н. Ленау 1838 г., «Паровой конь» Шамиссо (1830) представляет структуру вопрошания-пророчества, касавшегося новинки технического прогресса – железной дороги, причем «паровой конь» – очевидное представление (парового) локомотива как важного составляющего сложного концепта *железная дорога*. Интересно, что дублируется также образ кузнеца: «Кузнец, поживее! Подкуй мне коня, Чтоб ночь не застигла в дороге меня!» Знаменательно, но первое в Европе поэтическое произведение в русле концепта *железная дорога* (локомотив – «паровой конь») с акцентом на преодоление рубежей времени и

пространства создал человек, по происхождению и первому имени француз из Франции, который затем переехал в германскую Лотарингию, и всему миру известен как немецкий писатель и поэт Адальберт фон Шамиссо. Коммуникативная суть концепта *железная дорога* оказалась вполне созвучна тому самому «пересечению рубежей», которые не только легли в основу текстовой образности стихотворения «Паровой конь», но и созвучно самой жизни и судьбе автора текста. Больше того, тексты Шамиссо относят к сфере литературной фантастики, что совпало с литературной ментальностью многих выдающихся европейских ранних романтиков (как, например, Э. Т. А. Гофман [19, с. 247]).

В 1843 года об этих гранях феномена *железная дорога* писал в своем цикле «Лютеция» Генрих Гейне (57 очерк, датируемый 5 мая 1843 года):

«... мыслителем овладевает злоеший ужас, испытываемый всегда, когда совершается самое невероятное, самое неслыханное, а последствий нельзя ни предвидеть, ни рассчитать. Железные дороги – тоже такое провиденциальное событие, ... оно дает человечеству новое устройство, оно меняет окраску и формы жизни; начинается новый период всемирной истории ... Какие перемены должны теперь наступить в наших воззрениях и наших представлениях! Поколебались даже основные понятия о времени и пространстве. Железные дороги убивают пространство, и теперь нам остается только время» [6, с. 218-219].

Однако после 1848 года в немецком литературном философско-интеллектуальном и художественном сознании происходит переворот, обычно именуемый термином «бидермайер» [12]. Он означает закат европейского романтизма, точнее его трансформацию на почве вполне бытовых идеалов общества. Таковы некоторые произведения Г. Гейне, таково стихотворение позднего немецкого поэта-романтика Детлева фон Лилиенкрона (1844-1909) «Der Blitzzug» («Поезд-экспресс») [7; 16, с. 94-95].

В основе новой пост-романтической художественной идеологии – умеренной, ограниченной, благодушной – боязнь всяких изменений и потрясений, в то время, как высокая философская содержательность раннего романтизма, его универсализм, духовный порыв к бесконечному, недостижимому остаются в прошлом [см. В. Раздольская «Европейское искусство XIX века» с. 324-325]. Новое, достаточно спокойное отношение к концепту *железная дорога* пояснял, к примеру, Г. Гейне в стихотворении-притче «Лошадь и осел» («Pferd und Esel») 1857 г. [16, с. 42-46]. Это произведение представляет также особый интерес для эпохи позднего романтизма (постромантизма), наряду с произведением русского поэта Н. Некрасова «Железная дорога», где бытовая концовка, сцена по окончании работ, также снижена до уровня обыденного сознания, как и исповедь Осла в стихотворении Г. Гейне, которое мы приводим в переводе Л. Пеньковского):

Генрих Гейне Лошадь и осел (Перевод

Л. Пеньковского)

По рельсам, как молния, поезд летел, Пыхтя и лязгая грозно. Как черный вымпел, над мачтой-трубой Реял дым паровозный. Состав пробегал мимо фермы одной, Где белый и длинношей Мерин глазел, а рядом стоял Осел, уплетая репей. Долго поезду вслед глядел Застывшим взглядом мерин; Вздыхая и весь дрожа, он сказал: «Я так потрясен, я растерян! И если бы по природе своей Я мерином белым не был, От этого ужаса я бы теперь Весь поседел, о небо! Жестокий удар судьбы грозит Всей конской породе, бесспорно, Хоть сам я белый, но будущность мне Представляется очень черной. Нас, лошадей, вконец убьет Конкуренция этой машины; Начнет человек для езды прибегать К услугам железной скотины. А стоит людям обойтись Без нашей конской тяги – Прощай, овес наш, сено, прощай, – Пропали мы, бедняги! Ведь сердцем человек – кремь: Он даром и макухи Не даст. Он выгонит нас вон, – Подохнем мы с голодухи. Ни красть не умеем, ни брать взаймы, Как люди, и не скоро Научимся лстить, как они и как псы. Нам путь один – к живодеру!» Так плакался конь и горько вздыхал, Он был настроен мрачно. А невозмутимый осел между тем Жевал репейник смачно. Беспечно морду свою облизнув, Сказал он: «Послушай-ка, мерин: О том, что будет, – ломать сейчас Я голову не намерен. Для вас, для гордых коней, паровоз Проблема существования; А нам, смиренным ослам, впадать В отчаянье – нет основания. У белых, у пегих, гнедых, вороных, У всех вас – конец печальный; А нас, ослов, трубою своей Не вытеснит пар нахальный. Каких бы хитрых еще машин Ни выдумал ум человека, – Найдется место нам, ослам, Всегда, до окончания века. Нет, бог не оставит своих ослов, Что, в полном сознание долга, Как предки их честные, будут плестись На мельницу еще долго. Хлопочет мельник, в мешки мука Струится под грохот гулкий; Ташу ее к пекарю, пекарь печет, – Человек ест хлеб и булки. Сей жизненный круговорот искони Предначертала природа. И вечна, как и природа сама, Ослиная наша порода». Мораль Век рыцарства давно прошел: Конь голодает. Но осел, Убогая тварь, он будет беспечно Овсом и сеном питаться вечно [7, с. 377-379].

Таким образом, концепт *железная дорога* нашел отражение в обширном количестве поэтически интерпретированных словоформ и словосочетаний из репертуара стихотворных текстов как ранних, так и поздних европейских романтиков (немецких, английских, русских), начиная с 20-30-х гг. XIX века. Характерна эволюция поэтического контекста этих произведений от преобладания романтически-идеальных, возвышенных и универсализованных смыслов и представлений (наряду со страхами и сомнениями в возможных благах, которые несет это новое чудо прогресса и цивилизации) к более приземленному и утилитарному восприятию всего комплекса цивилизованных удобств и комфорта преимуществ грядущего века всеобщих коммуникаций, что более всего выразилось на немецкой почве в

общекультурном и художественном движении XIX–XX вв., известном под названием «бидермайер».

При всем богатстве темы железная дорога в немецкой поэзии XIX в. завершить статью имеет смысл возвращением к поздней русской романтической традиции, когда в 60-х гг. XIX в. появляется стихотворение выдающегося поэта, героя 1812 г. и декабриста Ф. Глинки (1786–1880) «Две дороги. Куплеты, сложенные от скуки в дороге».

Две дороги (Куплеты, сложенные от скуки в дороге)

Тоскуя – полосой длинной, В туманной утренней росе, Вверяет эху сон пустынный Осиротелое шоссе... А там вдали мелькает струнка, Из-за лесов струится дым: То горделивая чугушка С своим пожаром подвижным. Шоссе поет про рок свой слезный: «Что ж это сделал человек?! Он весь поехал по железной, А мне грозит железный век!.. Давно ль красавицей дорогой Считалась общей я молвой? – И вот теперь сижу убогой И обездоленной вдовой. Где-где по мне проходит пеший; А там и свищет и рычит Заклепанный в засаде леший И без коней – обоз бежит...» Но рок дойдет и до чугушки: Смелчак взовьется выше гор И на две брошенные струнки С презреньем бросит гордый взор. И станет человек воздушный (Плывя в воздушной полосе) Смеяться и чугушке душевной И каменистому шоссе. Так помирись же, дороги, – Одна судьба обеих ждет. А люди? – люди станут боги, Или их громом пришибет [8, с. 85–86].

Развивая богатое наследие «дорожной» поэзии А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, Н. А. Некрасова, Н. П. Огарева, И. С. Аксакова, замечательное произведение Ф. Н. Глинки, вместе с тем, подобно немецким романтикам, представляет своего рода поэтическую квинтэссенцию пространственных и временных, а также метафорических составляющих концепта *железная дорога*, где вектор ориентирован из прошлого в будущее. Причем, как всегда у романтиков, земная и небесная образная составляющая у Ф. Н. Глинки не только соотносятся, но отдают предпочтение небесной (воздушной), с характерными для романтиков пророческими мотивами.

Библиографический список

1. Баратынский, Е. А. Полное собрание стихотворений [Текст] / Е. А. Баратынский. – Л. : Советский писатель, 1989. – 464 с.
2. Блок, А. А. Собрание сочинений [Текст] : Т. 7 / А. А. Блок. – Берлин : «Алконост», 1923. – С. 107–113.
3. Вяземский, П. А. Любить. Молиться. Петь [Текст] / П. А. Вяземский. – М. : Комсомольская правда – НексМедиа, 2013. – 239 с.
4. Вяземский, П. А. Стихотворения [Текст] / П. А. Вяземский. – Л. : Советский писатель, 1986. – 464 с.
5. Вяземский, П. А. Эстетика и литературная критика [Текст] / П. А. Вяземский. – М. : Искусство, 1984. – 462 с.
6. Гейне, Г. Лютеция [Текст] // Собрание сочинений в 10 томах. Т. 8. – М. : «Государственное издательство художественной литературы», 1958. – 394 с.

7. Гейне, Г. Избранные сочинения [Текст] / Г. Гейне. – М. : Художественная литература, 1989. – 704 с.

8. Зверев, В. П. Русские поэты первой половины XIX века [Текст] / В. П. Зверев. – М. : Русский мир, 2002. – С. 85–86.

9. Кибальник, С. А. Баратынский Е. А. [Текст] // Русские писатели XI – начала XX века. Биобиблиографический словарь / под ред. Н. Н. Скатова. – М. : Просвещение, 1995. – С. 95–98.

10. Назарьян, Р. Г. Глинка Ф. Н. [Текст] // Русские писатели XI – начала XX века. Биобиблиографический словарь / под ред. Н. Н. Скатова. – М. : Просвещение, 1995. – С. 142–144.

11. Немировский, И. В. Вяземский П. А. [Текст] // Русские писатели XI – начала XX века. Биобиблиографический словарь / под ред. Н. Н. Скатова. – М. : Просвещение, 1995. – С. 123–129.

12. Раздольская, В. И. Европейское искусство XIX века: классицизм, романтизм [Текст] / В. И. Раздольская. – СПб. : Азбука-классика, 2009. – С. 324–325.

13. Русские писатели XI – начала XX века. Биобиблиографический словарь [Текст] / под ред. Н. Н. Скатова. – М. : Просвещение, 1995. – 575 с.

14. Филипповский, Г. Ю. Мотив железной дороги в английской и русской поэзии XIX в. [Текст] // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 8–13.

15. Филипповский, Г. Ю. Мотивы славянской весенне-летней обрядовой поэзии в творчестве Ф. Прешерна и А. С. Пушкина [Текст] // Ф. Прешерн – А. С. Пушкин (к 200-летию их рождения). – Ljubljana : Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2001. – С. 113–128.

16. Die Eisenbahn in Gedicht und Prosa. Interpretationen von Karl-Ludwig Barkhausen. – URL: http://www.academia.edu/10225861/Die_Eisenbahn_im_Gedicht. – (Дата обращения: 05.03.2019).

17. Johannes Mahr. Eisenbahnen in der deutschen Dichtung: Der Wandel eines literarischen Motivs im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. – Fink, München, 1982. – URL: https://digi20.digitale-sammlung-en.de/de/fs1/object/display/bsb00040758_00009.html. – (Дата обращения: 01.02.2019).

18. The works of William Wordsworth. – Ware, Herts., Wordsworth Editions Ltd. 1994. – p. 282–283.

19. The Reader's companion to world literature. L. H. Hornstein (ed.) 2-nd ed. – N. Y., 1973.

Reference List

1. Baratynskij, E. A. Polnoe sobranie stihotvorenij = Complete set of poems [Текст] / E. A. Baratynskij. – L. : Sovetskij pisatel', 1989. – 464 s.
2. Blok, A. A. Sobraenie sochinenij = Somplete works [Текст] : Т. 7 / A. A. Blok. – Berlin : «Alkonost», 1923. – S. 107–113.

3. Vjazemskij, P. A. Ljubit'. Molit'sja. Pet' = To love. To pray. To sing [Tekst] / P. A. Vjazemskij. – M. : Kom-somol'skaja pravda – NeksMedia, 2013. – 239 s.
4. Vjazemskij, P. A. Stihotvorenija = Poems [Tekst] / P. A. Vjazemskij. – L. : Sovetskij pisatel', 1986. – 464 s.
5. Vjazemskij, P. A. Jestetika i literaturnaja kritika = Esthetics and literary criticism [Tekst] / P. A. Vjazemskij. – M. : Iskustvo, 1984. – 462 s.
6. Gejne, G. Ljutecija = Lutetia [Tekst] // Sobranie so-chinenij v 10 tomah. T. 8. – M. : «Gosudarstvennoe iz-datel'stvo hudozhestvennoj literatury», 1958. – 394 s.
7. Gejne, G. Izbrannye sochinenija = Selected compo-sitions [Tekst] / G. Gejne. – M. : Hudozhestvennaja litera-tura, 1989. – 704 s.
8. Zverev, V. P. Russkie poety pervoj poloviny XIX ve-ka = Russian poets of the first half of the XIX century [Tekst] / V. P. Zverev. – M. : Russkij mir#, 2002. – S. 85-86.
9. Kibal'nik, S. A. Baratynskij E. A. = Baratynsky E. A. [Tekst] // Russkie pisateli XI – nachala XX veka. Biobibliograficheskij slovar' / pod red. N. N. Skatova. – M. : Prosveshhenie, 1995. – S. 95-98.
10. Nazar'jan, R. G. Glinka F. N. = Glinka F. N. [Tekst] // Russkie pisateli XI – nachala XX veka. Biobibliograficheskij slovar' / pod red. N. N. Skatova. – M. : Prosveshhenie, 1995. – S. 142-144.
11. Nemirovskij, I. V. Vjazemskij P. A. = Vyazemsky P. A. [Tekst] // Russkie pisateli XI – nachala XX veka. Biobibliograficheskij slovar' / pod red. N. N. Skatova. – M. : Prosveshhenie, 1995. – S. 123-129.
12. Razdol'skaja, V. I. Evropejskoe iskusstvo XIX veka: klassicizm, romantizm = European art of the XIX century: classicism, romanticism [Tekst] / V. I. Razdol'skaja. – SPb. : Azbuka-klassika, 2009. – S. 324-325.
13. Russkie pisateli XI – nachala XX veka. Biobibli-ograficheskij slovar' = The Russian writers of the XI – the beginning of the XX century. Biobibliographic dictionary [Tekst] / pod red. N. N. Skatova. – M. : Prosveshhenie, 1995. – 575 s.
14. Filippovskij, G. Ju. Motiv zheleznoj dorogi v an-glijskoj i russkoj poezii XIX v. = Motive of the railroad in the English and Russian poetry of the XIX century. [Tekst] // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 3. – S. 8-13.
15. Filippovskij, G. Ju. Motivy slavjanskoj vesennee-letnej obrjadovoj poezii v tvorčestve F. Preshera i A. S. Pushkina = Motives of Slavic spring-year ceremoni-al poetry in F. Presher and A. S. Pushkin's creativity [Tekst] // F. Presher – A. S. Pushkin (k 200-letiju ih rozhdenija). – Ljubljana : Znanstveni inštitut Filozofske fakultete, 2001. – S. 113-128.
16. Die Eisenbahn in Gedicht und Prosa. Interpreta-tionen von Karl-Ludwig Barkhausen. – URL: http://www.academia.edu/10225861/Die_Eisenbahn_im_Gedicht. – (Data obrashhenija: 05.03.2019).
17. Johannes Mahr. Eisenbahnen in der deutschen Dichtung: Der Wandel eines literarischen Motivs im 19. und beginnenden 20. Jahrhundert. – Fink, München, 1982. – URL: https://digi20.digitale-sammlung-en.de/de/fs1/object/display/bsb00040758_00009.html. – (Data obrashhenija: 01.02.2019).
18. The works of William Wordsworth. – Ware, Herts., Wordsworth Editions Ltd. 1994. – r. 282-283.
19. The Reader's companion to world literature. L. H. Hornstein (ed.) 2-nd ed. – N. Y., 1973.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

М. Д. Кузьмина <https://orcid.org/0000-0002-1293-800X>

Интенция исповеди в переписке Н. В. Станкевича

Актуальность статьи определяется, с одной стороны, возрастающим интересом современных литературоведов к эпистолярному жанру и, в частности, к эпистолярию Н. В. Станкевича и его современников, с другой – недостаточной изученностью этой темы. В работе впервые исследуется интенция исповеди в переписке главы известного кружка 1830-х гг. Н. В. Станкевича. Его общение, в том числе эпистолярное, с родными и друзьями носило доверительный характер. Доброжелательный, участливый, внимательный к каждому человеку, Станкевич располагал к себе, вызывал на откровенность. Друзья направляли ему очень личные письма, исповедовались, как духовному отцу. Особенно показательны в этом отношении послания Т. Н. Грановского, адресованные Станкевичу. Станкевич проповедовал, давал советы, но вместе с тем и «взаимно исповедовался», чем еще более располагал к себе. Между ним и его ближайшим другом Я. М. Неверовым сложились отношения по модели «духовный сын и духовный отец». Эпистолярное общение носило, с одной стороны, очень камерный характер, не допуская третьих лиц (исповедальные письма Грановского адресовались только Станкевичу, а исповедальные письма Станкевича – только Неверову), с другой – как это ни парадоксально, напротив, тяготело к расширению круга участников переписки. Получая послания Грановского или М. А. Бакунина, Станкевич излагает их содержание Неверову и советуется с ним, прежде чем ответить, что редуцировало особость положения главы кружка и делало более равноправным его диалог с другими участниками переписки. Целый ряд писем – правда, не столь пронзительно личных – Грановский адресовал одновременно Станкевичу и Неверову или Неверову и В. В. Григорьеву, иногда в письме к одному делал приписку к другому. Практиковал это, хотя и реже, и Станкевич. В дружеском кружке сложилась традиция показывать письма третьим лицам. Однако адресанты круг этих третьих лиц, допущенных к исповедальному общению, все же ограничивали. Таким образом, раскрываясь разными гранями, эпистолярное исповедальное общение давало участникам переписки разные возможности. Интенция исповеди представлена в эпистолярии Станкевича двугранно. Это, во-первых, исповедь в широком смысле, актуальном в первой половине XIX столетия и предполагавшем свободное душеизлияние, во-вторых, исповедь-покаяние.

Ключевые слова: Н. В. Станкевич; переписка; эпистолярный; исповедь; Т. Н. Грановский; Я. М. Неверов; русская литература.

M. D. Kuzmina

Intension of Confession in N. V. Stankievich's Correspondence

The relevance of the article is determined, on the one hand, by the increasing interest of modern literary critics in the epistolary genre and, in particular, to epistolary of N. V. Stankievich and his contemporaries, on the other – insufficient study of this subject. In the work the intension of confession in correspondence of the head of the known circle of the 1830-s N. V. Stankievich is investigated for the first time. His communication, including the epistolary, with relatives and friends was of confidential nature. Being benevolent, sympathetic, attentive to every person, Stankievich won someone's favor, drew out frankness. Friends sent him very personal letters, confessed as a spiritual father. In this aspect T. N. Granovsky's messages addressed to Stankievich are especially indicative. Stankievich preached, gave advice, but at the same time «mutually confessed», and thus he won more favor. Between him and his closest friend Ya. M. Neverov, relations were formed on the model of «a spiritual son and a spiritual father». Epistolary communication was, on the one hand, of very chamber character, without allowing the third parties (confessionary letters of Granovsky were directed only to Stankievich, and confessionary letters of Stankievich were only to Neverov), on the other – though it seems paradoxical, on the contrary, were drawn towards expansion of the circle of participants in correspondence. Receiving Granovsky or M. A. Bakunin's messages, Stankievich presents their contents to Neverov and consults on it before answering what reduced peculiarity of the position of the circle head and made more equal his dialogue with other participants of correspondence. A number of letters – though they are not so personal – Granovsky addressed to Stankievich and Neverov or Neverov and V. V. Grigoriev at the same time, sometimes in the letter to one he did an addition to the other. Stankievich practiced it also, though it was more rare. In a friendly circle there was a tradition to show letters to the third parties. However senders nevertheless limited a circle of these third parties allowed to confessionary communication. Thus, revealing different sides, epistolary confessionary communication gave to participants of correspondence different opportunities. The intension of confession in Stankievich's epistolary is presented as multifaceted. It is, firstly, confession in a broad sense, relevant in the first half of the XIX century and assuming free sole opening, secondly, it was confession penance.

Keywords: N. V. Stankevich; correspondence; epistolary; confession; T. N. Granovsky; Ya. M. Neverov; Russian literature.

В последние годы появляется все больше XIX в., в том числе – писем, принадлежащих литературоведческих работ, посвященных эпистолярию современникам Н. В. Станкевича и лично ему. Но в

изучении писем Станкевича большее внимание уделялось чертам проповеди, тогда как интенция исповеди, думается, была для него более значимой. Установка на исповедальность, ярко выраженная в русской литературе и эпистолярной второй половины XVIII – начала XIX в. в связи с расцветом сентиментализма, затем романтизма, не была нова. Она утвердилась как лейтмотивная в древнерусскую эпоху, когда искусство носило клерикальный характер. В тот период интенция проповеди сосуществует с интенцией исповеди, диапазон которой варьируется от исповедания себя православным христианином до проистекающего отсюда введения в тексты покаянных монологов-исповедей (например, покаянный монолог проигравшего половцам князя Игоря в Ипатьевской летописи или целый ряд покаянных писем, адресованных как духовным отцам, так и братьям, даже врагам – с целью испросить прощение) и покаянных самохарактеристик типа «я грешный, недостойный». Исповедь была неотъемлемой частью проповеди, поскольку на конкретных, живых примерах раскрывала основы христианской жизни – веру, покаяние, смирение.

Русская литература рубежа XIX–XX столетий, несмотря на свой светский характер, в значительной степени наследует древнерусской традиции. Так, обычная для средневековых житий формула-антитеза «я, грешный, недостойный берусь описывать жизнь святого человека» (ср.: «...я <...> грешный Нестор <...> молил Бога, чтобы сподобил меня описать по порядку всю жизнь богоносного отца нашего Феодосия» [12, с. 353], «...умер такой святой старец, чудесный и предобрый, <...> и никто не дерзнул написать о нем <...> я, окаянный и дерзкий, дерзнул сделать это» [11, с. 255], «грубый и неразумный <...>, недостойный» [11, с. 259] и т. п.) актуализируется в письмах сентименталиста М. Н. Муравьева к отцу и сестре, например: «Я не могу изобразить чувствий, объемлющих меня вместе и попеременно меня поражающих: знание моего недостойства, ваши драгоценные мне попечения, желание исполнить их хоть несколько, испытания самого себя, всегда почти оскорбляющие, составляют состояние души моей» [18, с. 330]. Из-под пера Д. И. Фонвизина появляется «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях», пронизанное покаянным духом. Но подобные примеры, в целом, сравнительно редки. Происходят принципиальные изменения. Исповедальность начинает пониматься расширительно: она теперь не обязательно предполагает самоосуждение. Напротив, часто сводится к отнюдь не покаянной рефлексии и свободному излиянию души, в том числе раскрытию возвышающих ее чувств.

Древнерусские книжники, в большинстве своем монахи, вероятно, увидели бы в этом гордыню или тщеславие и пустословие.

Так по-светски широко понимаемая исповедальность охотно осваивалась дружеским письмом начала XIX в. В пушкинскую эпоху она была потеснена арзамасской «буффонадой», запретившей «интимность» в этом, «казалось бы, самом интимном роде словесности» и провозгласившей «застенчивость чувства» [7, с. 187], как писала Л. Я. Гинзбург. «Идеалисты тридцатых годов» (П. В. Анненков), и в числе их члены дружеского кружка Н. В. Станкевича, обращаются к обеим традициям – исповедальной и «буффонадно-галиматейной». Вторая особенно привлекает их начиная с 1837 г., когда Станкевич и Я. М. Неверов прибыли в Берлин (для обучения в университете) к уже находившемуся там Т. Н. Грановскому. С этого момента в жизни «соединенных друзей», как они себя называли, наступила эпоха, исполненная радости, молодого буйства и задора, что определило характер их переписки. Большую часть «галиматейных» посланий, подчас коллективных («соборных» [9, с. 87], по их шутливому определению), друзья направляли товарищу Грановскому по Петербургскому университету В. В. Григорьеву, по воспоминаниям которого, такой стиль общения сложился у них с Грановским еще в студенческие годы, в противовес господствовавшему в среде их сверстников серьезному тону педантов. Этот стиль становится чем-то вроде тайнописи дружеского круга, связывая его участников, свидетельствуя о свободе общения, обусловленной их короткостью между собой и безупречным взаимопониманием. В годы заграничной жизни Станкевич пишет в таком духе и своим университетским товарищам. В частности, в 1839 г. А. П. Ефремову: «...с тобою, скот, увидимся...» [20, с. 433], «видишь ли, уродина!..» [20, с. 434], «прощай же пока, шут...» [20, с. 435]. Он не стесняется в выражениях, применяемых не только к адресату, но и к себе: «Не ругайся надо мною, когда увидишь меня: рожа сухощава и морщиновата хуже прежнего» [20, с. 434]. «Буффонадный» стиль общения давал умирающему от чахотки Станкевичу возможность лишний раз не тревожить, а напротив, подбадривать переживавших за него друзей. При всем том и до, и во время пребывания в Западной Европе для него был все же значительно более характерен противоположный – исповедальный тон переписки.

Общение по душам было принято в кружке Станкевича и инициировано, прежде всего, именно им. Друзья ценили его за чуткость, внимательное отношение к каждому человеку, тянулись к нему и доверчиво

открывались. Грановский слал ему отнюдь не «буффонадные», а такие личные письма, каких не адресовал, пожалуй, больше никому. «Буду отвечать тебе на твою исповедь» [20, с. 448], – писал ему Станкевич. Очевидно, не без влияния последнего в эпистолярии Грановского появляется и на всю жизнь упрочивается слово «душа», становясь одним из самых частотных. Оно лейтмотивно, в первую очередь, в эпистолярии самого Станкевича. Глава кружка побуждал друзей к обсуждению именно тех тем, в которых «идеалисты тридцатых годов» испытывали острую потребность. Эти темы, связанные с внутренним созерцанием, жизнью души, – ключевые для Станкевича. За их пределы он, как известно, не вышел, в чем его впоследствии, уже посмертно, неоднократно упрекали, оспаривая право ничего не совершившей личности на биографию и место в истории [см.: 15, с. 242-255; 16, с. 188-190]. Станкевич сделал характерные признания: «...прекрасное моей жизни не от мира сего. Излить свои чувства некому...» [20, с. 224], «Чувство любит исповедаться и хочет, чтоб его поняли, оно хочет сочетания, оно живет сознанием, – если не взаимности, то взаимности возможной!» [20, с. 281]. Эти установки разделяли с главой кружка его корреспонденты. Молодые романтики, сосредоточенные, прежде всего, на своей внутренней жизни, представляющейся им неизмеримо глубокой и богатой, стремятся излить всю полноту души в родственную душу, в душу друга. «Тогда царил, – замечал М. О. Гершензон о кружковом общении 1830-х гг., – культ дружбы, который теперь показался бы сентиментальным и смешным; кто еще пишет теперь своему другу такие пространные и такие интимные письма, какие писали друзьям Станкевич, Белинский, Огарев? <...> люди <...> по-женски страстно любили друг друга, поверяли друг другу интимнейшие тайны, взаимно исповедовались и глубоко, искренно верили один в другого» [5, с. 211-214].

Переписка Станкевича исповедальна в широком, актуальном в ту эпоху значении слова. Друзья доверчиво открывались ему не только потому, что он с любовью относился к каждому человеку, принимая искреннее участие в его проблемах, но и потому, что, во-первых, деятельно помогал, а во-вторых, отвечал откровенностью на откровенность, не боясь обнажать свою душу. «Буду отвечать тебе на твою исповедь и на твои сомнения точно так же, как я отвечаю себе на свои, – писал Станкевич Грановскому. – Ты недоволен собою? Поблагодари за это Бога. <...>. Я тебе говорю прямо и откровенно, тем более, что я сам в одном с тобою положении, но только немного спокойнее насчет своих потребностей, потому что имею об них довольно ясное понятие. Чтob нам лучше понимать друг друга, я расскажу тебе в немногих словах историю моей

душевной жизни...» [20, с. 448-449]. Тем самым, принимая чужую исповедь и давая советы, глава кружка не превозносил себя и не уничижал собеседника, поскольку «взаимно исповедовался». Это были не только взаимные, но и подчас открытые исповеди, связующие участников дружеского круга не в меньшей степени, чем тайнопись «буффонадно-галиматейного» эпистолярия. Получая доверительные послания Грановского или М. А. Бакунина, Станкевич излагает их содержание Неверову и делится с ним своими соображениями, которые собирается представить в ответном письме, – очевидно, чтобы и получше уяснить их самому, и проверить, что также несколько редуцировало особость положения главы кружка и делало более равноправным, гармоничным его диалог с другими участниками переписки. Целый ряд писем – правда, не столь пронзительно личных – Грановский адресовал одновременно Станкевичу и Неверову или Неверову и Григорьеву, иногда в письме к одному делал приписку к другому. Практиковал это, хотя и реже, и Станкевич. В дружеском кружке сложилась традиция показывать письма третьим лицам. Однако сами адресанты диапазон этих третьих лиц, допущенных к исповедальному общению, ограничивают. Грановский писал из Берлина Неверову, находившемуся в Петербурге: «...не показывай писем моих никому, кроме Василия Васильевича (Григорьева. – М. К.) <...>. Официальную часть моих писем, т. е. известия о том, что делается в здешнем ученом мире, ты можешь сообщать кому угодно; но прочее пишется для тебя <...> не имею охоты быть всеобщим корреспондентом. <...>. Теперь я пишу без всякого приготовления все, что мне приходит в голову и в душу; тогда я должен буду обдумывать каждую фразу» [8, с. 274]. Станкевич обращается с подобной просьбой к В. И. Красову: «...не читай писем моих всякому встречному или читай, пропуская что нужно; Белинскому, Ефремову я открыт, но Ключникову, хотя он добр, честен и умен, я не хотел бы обнаружить все, что у меня на сердце» [20, с. 401]. И. П. Ключников, по характеристике П. В. Анненкова, «...был Мефистофелем <...> кружка – весьма зло и едко посмеиваясь над идеальным стремлением своих приятелей», которые, становясь «жертвами его насмешливого расположения», прощали ему эти выходки, «...любили его и за веселость, какую распространял он вокруг себя, и за то, что в его причудливых выходках видели не сухость сердца, а только живость ума, замечательного во многих других отношениях...» [1, с. 132]. Однако «довериться ему полностью, до глубины души было небезопасно», справедливо отмечает Ю. В. Манн: по натуре ироничный, Ключников «...проявлял иногда ту

неосторожность или даже неделикатность, которая невольно оставляет царапины на сердце друга» [17, с. 45].

Очертив круг участников исповедального общения, молодые романтики все же откровенны друг с другом не в равной степени. Так, Грановский наиболее личные письма адресует Станкевичу (хотя самые личные из них, к сожалению, не опубликованы и, по-видимому, утрачены; об их содержании можно судить по ответным письмам), а Станкевич – Неверову, своему давнему, еще московскому другу, с которым активно переписывался начиная с 1833 г. и который в 1836 г. познакомил его с Грановским. Обещая последнему ответить на его исповедь советом и своей исповедью, глава кружка сделал характерную оговорку: «...расскажу тебе в немногих словах историю моей душевной жизни, исключив из нее все, что относится к домашнему быту моей души – это дело постороннее» [20, с. 449]. Очевидно, Станкевич не хочет ни излишне отвлекаться на разговор о себе от тех ключевых для данного эпистолярного общения вопросов, которые волнуют Грановского, ни излишне глубоко ему исповедоваться. Интенция писем к Неверову противоположна в этом отношении. Ему, наоборот, Станкевич стремится насколько возможно полно открыть душу. Письма к Неверову пестрят признаниями: «Тебе скучно слушать мои жалобы, но нет нужды: на этот раз ты позволишь мне быть эгоистом, – из любви ко мне. Если бы ты знал, как отрадно вылить их в грудь человека, который способен понимать чувства всякого рода!» [20, с. 215], «На той неделе вполне разоблачу тебе чувства мои...» [20, с. 217], «Бог весть, как я пишу к тебе! напишешь, положишь, забудешь, не отыщешь, вновь напишешь! Но не мешает: тем подробнее, тем лучше видишь ты состояние души моей!» [20, с. 227], «Я приеду и положу в грудь твою все мои мечты, надежды и все мое горе» [20, с. 345], «Мне надобно сказать тебе многое, что у меня на душе, но чего пока еще не должна терпеть бумага» [20, с. 374] и т. п. Как следует из этих признаний, письма Станкевича даже и к Неверову не исчерпывающе исповедальны, и, однако, письма к Неверову исповедальны в наибольшей степени.

Станкевич подчеркивает особое положение Неверова: «Душа моя тебе открыта <...>; душа должна иметь свой алтарь; один первосвященник изредка может входить туда. Прощай же, мой Аарон – в очках!» [20, с. 323]. Обращаясь к ветхозаветным образам, он говорит о своей душе как о Святой Святых, главном месте иудейской Скинии, затем Иерусалимского храма, куда раз в год мог входить только первосвященник, первым из которых, причем избранным Самим Богом, был старший брат Моисея Аарон. Станкевич

сакрализует положение Неверова, ставит его над собой, себя же – в зависимость от него: «Ты, ты мой друг – поэзия души моей! Ты способен пересоздать меня, ты можешь поддержать во мне все святое! <...> я готов был пасть, если бы тебя не было: ты для меня выше, вернее совести моей!» [20, с. 251], «Ты для меня необходимое, просветляющее существо. Помни, ты – моя совесть, моя поэзия» [20, с. 252]. Автор этих строк воспринимает Неверова как часть самого себя, своей души, что неудивительно в свете его интенции предельно полно открыть другу душу и в свете обычного для романтика стремления к духовному взаимопониманию, единению с родственной душой. Вместе с тем он воспринимает Неверова и как отдельную от себя идеализированную личность – друга, достигшего, в отличие от него, совершенства и оказывающего на него благотворное и даже животворное влияние. Ключевыми характеристиками этой личности становятся «поэзия» и «совесть», раскрывающие одновременно духовную высоту Неверова и отстояние от нее Станкевича. Под пером последнего очевидным образом, хотя и по-своему, актуализируется характерная для древнерусских житий формула «я, грешный, недостойный, берусь говорить о святом подвижнике». Неверов возводится в положение богоносного мужа, ведь в духовной традиции совесть понимается как голос Божий в человеке.

Не только Станкевич, но и другие «идеалисты тридцатых годов» мыслили в вертикальной системе координат: «верх» – «низ», «рай» – «ад», – скромно оценивая свое положение и возвышая адресата – друга или возлюбленную; стремились очиститься и одухотвориться, душой слившись с ними. Возлюбленную идеализировал, например, А. И. Герцен. В письмах к Н. А. Захарьиной он представляет себя падшим, умершим, погибшим существом, преступником, демоном, «мраком» [4, с. 113] – ее же именует «утренней звездой» [там же], «чистым ангелом» [4, с. 69], «небесной девой» [4, с. 160], «спасительницей» [4, с. 167], уподобляя ее Пресвятой Богородице; наконец, называет ее даже «Христом» [4, с. 268], воскрешающим его. Наташа, в свою очередь, боготворит Герцена: «О, Александр, ты мой создатель, ты мой отец!» [13, с. 85], «...ты мой ангел, ты мой спаситель, ты отец мой, ибо ты дал мне жизнь, а до тех пор, пока ты не обращался на меня, я была мертвая, неодоушевленная» [13, с. 128], «...буду приготовляться предстать перед тобою, как перед Самим Богом. Ты помогай мне. <...> я не совершенна, и ты знаешь это, и потому мне необходимы твои заповеди. <...> Ты врач моей души...» [13, с. 132] и т. п. Л. Я. Гинзбург справедливо нашла «иносказания и аналогии», позволяемые себе обоими влюбленными,

«кошунственными», «с точки зрения официальной религии» [6, с. 17].

В отличие от Герцена и Захарьиной, Станкевич в этом отношении чувствовал меру и, хотя и приблизился к черте дозволенного, написав Неверову: «Ты способен пересоздать меня...», – все же не переступил ее. Принимая себя и возвышая друга, он неизменно ставит над ним, как и над собой, Христа, поминание Которого, отнюдь не всуе, лейтмотивно для его эпистолярия: «...ты моя совесть, моя поэзия. <...> Призываю на тебя благословение Христово» [20, с. 253], «Христос с тобою, друг мой!» [20, с. 284], «Прощай же, мой Аарон – в очках! Христос с тобою и со мною» [20, с. 323] и мн. др. Станкевича нельзя упрекнуть в том, в чем прот. Г. В. Флоровский в свое время справедливо упрекнул Герцена, – в попытке выстроить духовную жизнь без Бога. Определив «религиозный опыт» [21, с. 400] молодого писателя термином «романтическая религиозность» и пояснив, что «религиозность заступала место религии», мыслитель отмечал: «Это была религия в пределах одного только мира, – откровения Божественного, а не Бога. Все божественно в мире, но за пределами мира нет ничего» [21, с. 401]. Вероятно, сказалось то, что «религиозный опыт» Герцена был весьма небольшим: его становление как христианина только начиналось в 1830-е гг. (и даже во второй их половине: в конце марта 1838 г. он восторженно сообщает Захарьиной о своей первой исповеди и Причастии), когда переживал расцвет его романтический идеализм, искажавший слабые ростки духовной жизни. Напротив, Станкевич к 1830-м гг. был уже достаточно утверджен в вере. Об этом единодушно свидетельствуют исследователи. В частности, П. В. Анненков отмечает у него с детских лет «...признаки глубокой религиозности, запавшей в душу его и уже никогда не покидавшей ее...» [1, с. 33]. «Религиозное чувство неискоренимо жило в душе Станкевича» [5, с. 181], – вторит Анненкову Гершензон. О «неискоренимости» этого чувства свидетельствовал и сам автор переписки. Пылко и с присущей ему искренностью юноша рассеял сомнения своего отца, беспокоившегося, что пребывание на Западе пошатнет его православную веру и любовь к отечеству. Станкевич сказал раз навсегда: «Моя религия <...> тверда, потому что я получил ее не от девки Параньки, потому что не боялся об ней думать и не боялся знать, что было говорено против нее: она во мне чиста, чужда суеверия и непоколебима. В наше время всякий человек с порядочным образованием и с душою признает ее за основание жизни. Любовь к отечеству также тверда во мне...» [20, с. 41] (кстати, характерно, что, постаравшись убедить отца в любви к отечеству, Станкевич подытожил: «Вот Вам моя искренняя

исповедь...» [20, с. 41] – действительно, его письма к родным тоже в значительной степени исповедальны). Наконец, сама переписка лучше всего подтверждает «непоколебимость» его веры.

Тем примечательнее сближение Станкевича с Герценом еще в одном отношении: возвышая своих адресатов, Неверова и Захарьину соответственно, и изливая им души, оба адресанта исповедуются не только в широком, актуальном в первой половине XIX в. смысле, но и в узком – каются в неблагоприятных поступках. С одной стороны, это, конечно, напрямую следовало из желания полностью открыться и из идеализации – меньшей в первом случае и большей во втором – собеседников. Станкевич не случайно назвал Неверова своей «поэзией» и «совестью». На фоне света, явленного для него в образе друга, а для Герцена в образе возлюбленной, оба лучше видели собственные темные пятна, которые и отдавали на суд собеседникам, ожидая от этого очищения души. С другой же стороны, христианину, каковым Герцен был в меньшей, а Станкевич в большей степени, хорошо известно, что исповедь мирянину не имеет смысла, правом принимать ее обладает только священнослужитель. Правда, прежде чем к ней приступить, надлежит испросить прощения у того, кого обидел.

Станкевич в покаянном дискурсе, казалось бы, в большей степени нарушает христианскую традицию, чем Герцен. Последний, вполне в духе древнерусских книжников, во-первых, исповедует свою общую греховность, во-вторых – просит у Захарьиной прощения за то, в чем виноват перед ней. Не успев стать мужем своей возлюбленной, он изменил ей, в чем и кается: «Вот пятно, о котором я писал к тебе <...>. Вот тебе моя исповедь! Она мрачна, ужасна. <...>. О Наташа, будь ангелом благодати, прости твоему избранному, твоему Александру. Никогда подобный поступок не навернется на сердце мое» [4, с. 84]. В отличие от Герцена, Станкевич кается своему корреспонденту отнюдь не в том, чем его обидел. Напротив, он стремится к полному исповеданию грехов Неверову, в частности – накануне церковного Таинства, причем воспринимает это не как подготовку, а как некое полноценное действо. Станкевич противопоставляет исповедь другу – Покаянию в храме, говоря, что, с одной стороны, оно слишком высоко для него («...завтра я должен приступить к Таинству, которого не в состоянии обнять теперь...» [20, с. 283]), с другой же – он, романтик, не хочет «уравняться» с толпой, которой оно тоже доступно («...должен уравниваться с презренными тварями, которые *отбывают* (здесь и далее курсив авторов цитируемых сочинений. – М. К.) говенье по долгу службы!» [20, с. 283]): «Друг мой, с тобою был бы я

достойнее Божественной пищи! Пусть перед исповедью обрядно душа моя облегчится другой исповедью: в грудь твою полагаю я тягость души моей! [20, с. 283].

Станкевич исповедуется другу, задавая себе двуплановые вопросы, как и советуют опытные духовники: «...в чем уклонился я от долга? что сделал дурного? и – что сделал я хорошего в положительном смысле?...» [20, с. 283]. Основные условия исповеди: покаяние, честность, бескомпромиссность к себе – Станкевичем соблюдены. Он бесстрашно углубляется в рефлексии, предъявляя к себе высокие требования: «Я не могу сказать, чтоб я действовал против долга, но, кажется, слишком давал волю эгоизму, и от этого постоянно неспособен к высоте души <...>. Неискренность – вот что еще мучило меня; das Schein [нем. видимость, кажимость] у меня часто противоположно dem Seyn [нем. сущность] (особенно в обществе) <...>. Кроме того, я скрываю, например, от отца моего, совершенно со мною откровенного, такие вещи, такие из моих слабостей, которые могли бы представиться ему в большем виде и огорчить его. Есть ли это тяжелый грех? Даже если я скрываю их из эгоизма, не желая, чтобы он <...> имел обо мне худое мнение? Потом: что же я сделал хорошего? Надобно или делать добро, или готовить себя к деланию добра, совершенствовать себя в нравственном отношении и <...> в умственном отношении. Какое добро я мог сделать на моем месте? Увидеть, взискать в кругу молодых людей человека со способностями, привязать его к себе чистотою души, указать ему истинный путь, дать ему понятие о чести, о религии, о науках – я ничего подобного не делал. Совершенствовать душу? но моя упала! – ум? но я для своего ничего не сделал!» [20, с. 283-284]. Прекрасная душа Станкевича раскрывается в этих строках. Более тяжких грехов он у себя не нашел, да и на представленное самоосуждение друзья единодушно возразили бы, приведя многочисленные контраргументы. Другие письма Станкевича к Неверову также изобилуют пассажами покаянного исповедания: «...признаюсь, я эгоист...» [20, с. 221], «...всему причиною моя ветреность, мой эгоизм, моя неделикатность!» [20, с. 316], «...совестно и страшно подумать, как я мало сделал!» [20, с. 332], «...я слаб!» [20, с. 336] и т. п. Многие из подобных признаний связаны с любовными драмами Станкевича, в которых он проявлял нерешительность при избытке рефлексии.

Каясь другу в преддверии церковного Таинства, Станкевич нарушает тайну исповеди, которую, как известно, должны хранить обе стороны – как священнослужитель, так и исповедник. Примечательно, что в текстах XIX в., принадлежащих

людям глубокой духовной жизни, и в первую очередь монашествующим, покаянный дискурс вводится иначе, осмотрительнее. Так, например, икон-святогорец Парфений (Агеев) в предлагаемом широкой читательской аудитории (и высоко ею оцененном, в том числе в литературном отношении) «Сказании о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой земле» (впервые издано в середине XIX в.) исповедует, подобно древнерусским книжникам, свою общую греховность: «...я сам грешнее всех человек» [14, с. 24], «Ох, увы мне, паче всех окаянейшему!» [14, с. 409] и т. п. Публично же кается лишь в одном грехе – в том, что был старообрядцем: «Аз окаянный находился в расколе более тридцати лет <...> и несмы достоин нарешися сын Святыя Христовы Восточныя Церкви; зане и аз окаянный иногда, по неведению моему, гоних Церковь Божию» [14, с. 21], – причем нарочито переходит на наиболее органичный для религиозного дискурса церковнославянский язык. Очевидно, инок Парфений принял решение во всеуслышание исповедать этот грех, прежде всего, потому, что о нем известно многим, – а через публичное покаяние он надеется и других отпавших, по личному примеру, призвать в лоно Церкви. Обо всех же прочих своих грехах автор книги умалчивает, констатируя только факт Покаяния: «После утрени я исповедался, и открыл своему духовному врачу и пастырю все мои язвы и болезни, яже от юности моя, и все мои деяния и начинания, и все мои желания и помышления. Он же ко всем моим язвам и болезням приложил пластырь, и уврачевал, и всем меня успокоил...» [14, с. 352-353], «...каждый месяц по седмице постились и ходили все к духовнику Арсению; у него исповедовались...» [14, с. 361], «и мы, неделю попостившись, пришли к нему в пустыню, и он нас исповедал...» [14, с. 366]. Подобным образом духовная дочь св. прав. Иоанна Кронштадтского Е. В. Духонина, впоследствии насельница монастыря, фиксирует факт той или иной своей исповеди, умалчивая о ее содержании. Причем более чем примечательно, что она это делает в дневниковых записях, жанре, казалось бы, допускающем большую откровенность [10]. Что же касается эпистолярия, то своим духовникам христиане в XIX в., как и в древнерусскую эпоху, направляли покаянные письма. Эти письма не предназначались для публикации.

Переосмысляя эту традицию в контексте светского эпистолярного общения, Станкевич смиренно отводит Неверову роль духовного отца, себе – роль духовного чада. Думается, подобного смирения не было у Герцена, боготворившего Захарьину (и в определенном смысле исповедовавшегося ей напрямую, без посредника, что не требовало склонять голову перед

человеком-грешником под стать самому себе), боготворившего во многом и себя самого как избранного Провидением для особой, великой миссии в жизни, в истории (в «Былом и думах» он вспоминает о случае 1830-х гг., когда чуть на утонул в реке во время бури, и приводит очень характерные размышления: «...мысль, что это нелепо, чтоб я мог погибнуть, *ничего не сделав*, это юношеское «*Quid timeas? Caesarem vehis!*» [лат. Чего ты боишься? Ты везешь Цезаря!] взяло верх, и я спокойно ждал конца, уверенный, что не погибну между Услоном и Казанью» [3, с. 224]). Насколько эта обычная для романтика самоидентификация ослаблена у Станкевича, настолько сильна у Герцена. В отличие от первого, второй, очевидно, не замечал многих своих проступков, не считал нужным, соответственно, и каяться в них. Он вызывал к себе, благодаря силе характера, уму, образованности, кругозору, – прежде всего, уважение друзей, в то время как Станкевич – вызывал любовь.

Смирненно поставив себя в положение духовного чада Неверова, Станкевич был возведен другими друзьями в статус духовного отца и не менее смиренно принял их решение. Будто чувствуя свое несоответствие этой роли, он позволяет себе подчас полушутливо-полупатетически играть ее. В ответ на «буффонадно-галиматейное» письмо Грановского и Неверова глава кружка пишет: «Отцы мои! Не скупитесь, пришлите мне программу лекций» [20, с. 386]. Обращается к Неверову: «Аминь, мой Януарий» [20, с. 389]; к Грановскому: «Чадю Тимофее!» [20, с. 456]. Пользуясь правом духовного отца, проповедует. Интенция проповеди и исповеди нераздельна в его эпистолярной, как и в памятниках древнерусской литературы. Оба жанра актуализируют под пером главы кружка свои исконные сверхсмыслы, в частности, благодаря тому, что оказываются включены в органичный для себя контекст духовных исканий личности. В письмах Станкевича явлено, прежде всего, исповедание себя христианином. Говоря наиболее часто о душе и о Христе, он то и дело заводит речь также о молитве («...вся тоска пропала, и первое движение – молитва» [20, с. 297]), о грехе (например, о вступлении в брак не по любви, а по материальному расчету: «...в минуты греха ты забываешь, что у груди твоей лежит проданное тело» [20, с. 386]), о соблюдении постов («Вчера заговелся у Бееровых» [20, с. 313]), чтении Библии («...буду читать Илиаду и Библию» [21, с. 360]), текст которой постоянно преломляется в его эпистолярных высказываниях: «...законы <...> Творца непреложны, земля и небо идут мимо, слова же Его не идут мимо...» [20, с. 137], «...прекрасное моей жизни не от мира сего» [20, с. 224]. «...отряси прах их с ног твоих <...>, –

обращается Станкевич к Неверову. – <...> да будет воля Его! <...>. Я говорю: „Господи! Будь в сердце моем и дай мне совершить подвиг на земле“; и если слезящий взор обратится к Нему с другою, невольною молитвою, я говорю, – „но да будет, не якоже аз хочу, но якоже ты хочешь“». Когда же вся тяжесть пожертвований без вознаграждения представляется мне, я прибавлю: „Господи! если возможно, да мимо идет чаша сия!“» [20, с. 328-329]. Особенно же много Станкевич говорит о любви, вслед за Христом называя ее основой жизни.

Эта устойчивая апелляция к евангельскому тексту, очевидным для друзей образом определявшему фундамент личности и жизни главы кружка, сакрализовала его слово, придавая ему авторитетность, как сакрализовала и саму его личность. Если далекие от Станкевича люди после его смерти ставили под сомнение право человека, ничего не совершившего, на биографию и бессмертие, то люди ему близкие, бывшие его «подопечные» «идеалисты тридцатых годов», задумали издание его биографии, назвав это «святым делом», «общим памятником» [2, с. 96]. Один из них, предположительно Грановский [19, с. 180], отмечал, актуализируя духовный план содержания и, с одной стороны, почти цитируя ушедшего наставника (строки, в которых Станкевич излагал свое понимание смысла и цели жизни), с другой – оспаривая его покаянное самоосуждение (говорившее, что он этой цели не достиг): «Он призвал к себе нескольких человек, пересоздал их по образу и подобию своему, дал им свои идеи, сколько они по силам своим могли принять, и потом пустил их в жизнь – да действуют во имя его, да осуществляют его великие мысли. Вот в чем заключается земная деятельность Станкевича». И прибавлял: «Будет время, когда Станкевичу воздвигнется другой памятник – из наших дел, нашей жизни, проникнутой памятью его слов и помыслов. Все мы обязаны ему полнотой нашей душевной жизни, я более всех. Если мне суждено совершить что-нибудь, то будет делом Станкевича, который вызвал меня из ничтожества. Впрочем, не со мной одним он это сделал. Кто знал близко Станкевича, для того он не умер» [2, с. 95-96]. Известно, что Неверов носил письма умершего друга на груди, как ладанку.

Очевидно, Станкевич дал своему дружескому кругу именно то, чего прежде всего и искали «идеалисты тридцатых годов», причем дал как в теории (сформулировал словом), так и на практике (продемонстрировал своей личностью и жизнью), – некий синтез земного и небесного, философско-поэтического и духовного, синтез, выстраивавшийся им на духовной основе и потому незыблем. Это было исповедание Христа и вечных ценностей на языке, понятном светскому человеку 1830-х гг. Оно

осуществлялось посредством не только и не столько проповеди, сколько исповеди. Первая вряд ли была бы действительна без последней. Это была своего рода проповедь через исповедь. Последняя понималась одновременно в широком, актуальном в первой половине XIX в. смысле, предполагавшем полное излияние души, и в узком, предполагавшем сугубо покаянную рефлексию. Интенция исповеди, ключевая в переписке Станкевича, как очевидно, рождалась из потребности в душевно-духовном общении. С одной стороны, в доверительной дружеской коммуникации, с другой – в духовном наставничестве. Если первую потребность светская переписка удовлетворить могла, то вторую – нет. Похоже, с течением времени это поняли сами участники эпистолярного общения. Взрослея, вступая в новую пору жизни, они испытывали все меньшую склонность к душевным излияниям. Интенция исповеди постепенно ослабевает в переписке Станкевича. Она теряет актуальность также и для Герцена, Грановского и других их современников, вступавших в неромантический период. Со смертью Станкевича в 1840 г. завершилась эпоха идеализма и исповедального эпистолярного общения 1830-х гг.

Библиографический список

1. Анненков, П. В. Николай Владимирович Станкевич: переписка его и биография, написанная П. В. Анненковым [Текст] / П. В. Анненков. – Воронеж : Кварта, 2013. – 368 с.
2. Архангельский, К. П. По поводу первой биографии Н. В. Станкевича [Текст] / К. П. Архангельский // Труды Воронежского государственного университета. Педагогический факультет. Т. 3. – Воронеж, 1926. – С. 95-110.
3. Герцен, А. И. Былое и думы [Текст] / А. И. Герцен // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 8. – М. : Изд-во АН СССР, 1956. – 584 с.
4. Герцен, А. И. Письма 1832-1838 годов [Текст] / А. И. Герцен // Герцен А. И. Собр. соч.: В 30 т. Т. 21. – М. : Изд-во АН СССР, 1961. – 639 с.
5. Гершензон, М. О. История молодой России [Текст] / М. О. Гершензон. – М., 1908. – 317 с.
6. Гинзбург, Л. Я. Автобиографическое в творчестве Герцена [Текст] / Л. Я. Гинзбург // Литературное наследство. Т. 99. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей. Кн. 1. – М. : Наука, 1997. – С. 7-54.
7. Гинзбург, Л. Я. «Застенчивость чувства». По поводу писем людей пушкинского круга [Текст] / Л. Я. Гинзбург // Красная книга культуры. – М. : Искусство, 1987. – С. 183-188.
8. Грановский, Т. Н. Письма [Текст] / Т. Н. Грановский // Грановский Т. Н. Публичные чтения. Статьи. Письма. – М. : РОССПЭН, 2010. – С. 272-431.
9. Грановский, Т. Н. Письма к В. В. Григорьеву [Текст] / Т. Н. Грановский // Щукинский сборник. – Вып. 10. – М., 1912. – С. 81-108.
10. Духонина, Е. В. Как поставил меня на путь спасения отец Иоанн Кронштадтский (Дневник духовной дочери) [Текст] / Е. В. Духонина // Рядом с Батюшкой: Воспоминания духовных чад о святом праведном отце Иоанне Кронштадтском. – М. : Отчий дом, 2012. – С. 255-450.
11. Житие Сергия Радонежского [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси: В 20 т. Т. 6. – СПб. : Наука, 1999. – С. 254-411.
12. Житие Феодосия Печерского [Текст] // Библиотека литературы Древней Руси; В 20 т. Т. 1. – СПб. : Наука, 1997. – С. 352-433.
13. Захарьина, Н. А. Письма [Текст] / Н. А. Захарьина // Сочинения А. И. Герцена и переписка с Н. А. Захарьиной: В 7 т. Т. 7. – СПб., 1905. – 649 с.
14. Инок Парфений (Агеев). Сказание о странствии и путешествии по России, Молдавии, Турции и Святой Земле : В 2 т. Т. 1 [Текст] / инок Парфений (Агеев). – М.: Новоспасский монастырь, 2008. – 424 с.
15. Калугин, Д. Я. Проза жизни: русские биографии в XVIII–XIX вв. [Текст] / Д. Я. Калугин. – СПб. : Изд-во Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2015. – 260 с.
16. Калугин, Д. Я. Русские биографические нарративы XIX века: от биографии частного лица к истории общества [Текст] / Д. Я. Калугин // История и повествование: Сб. ст. / под ред. Г. В. Обатнина и П. Песонена. – М. : Новое литературное обозрение, 2006. – С. 178-190.
17. Манн, Ю. В. В кружке Станкевича [Текст] / Ю. В. Манн. – М. : Детская литература, 1983. – 319 с.
18. Муравьев, М. Н. Письма [Текст] / Публ. Л. И. Кулаковой и В. А. Западова / М. Н. Муравьев // Письма русских писателей XVIII века. – Л. : Наука, 1980. – С. 259-377.
19. Свалов, А. Н. Вокруг Николая Станкевича: те-заурусная сфера [Текст] / А. Н. Свалов // Знание. Понимание. Умение. – 2016. – № 1. – С. 178-191.
20. Станкевич, Н. В. Переписка [Текст] / Н. В. Станкевич / ред. и изд. А. Станкевича. – М., 1914. – 787 с.
21. Флоровский, Г. В., прот. Искания молодого Герцена [Текст] // Флоровский Г. В., прот. Из прошлого русской мысли. / Г. В. Флоровский, прот. – М. : Аграф, 1998. – С. 358-411.

Reference List

1. Annenkov, P. V. Nikolaj Vladimirovich Stankevich: perepiska ego i biografija, napisannaja P. V. Annenkovym = Nikolay Vladimirovich Stankievich: his correspondence and the biography written by P. V. Annenkov [Tekst] / P. V. Annenkov. – Voronezh : Kvarata, 2013. – 368 s.

2. Arhangel'skij, K. P. Po povodu pervoj biografii N. V. Stankevicha = Concerning the first biography of N. V. Stankievich [Tekst] / K. P. Arhangel'skij // Trudy Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Pedagogicheskij fakul'tet. T. 3. – Voronezh, 1926. – S. 95-110.
3. Gercen, A. I. Byloe i dumy = My Past and Thoughts [Tekst] / A. I. Gercen // Gercen A. I. Sobr. soch.: V 30 t. T. 8. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1956. – 584 s.
4. Gercen, A. I. Pis'ma 1832-1838 godov = Letters of 1832-1838 [Tekst] / A. I. Gercen // Gercen A. I. Sobr. soch.: V 30 t. T. 21. – M.: Izd-vo AN SSSR, 1961. – 639 s.
5. Gershenzon, M. O. Istorija molodoj Rossii = History of young Russia [Tekst] / M. O. Gershenzon. – M., 1908. – 317 s.
6. Ginzburg, L. Ja. Avtobiograficheskoe v tvorchestve Gercena = Autobiographical in Herzen's creativity [Tekst] / L. Ja. Ginzburg // Literaturnoe nasledstvo. T. 99. Gercen i Ogarev v krugu rodnyh i družej. Kn. 1. – M.: Nauka, 1997. – S. 7-54.
7. Ginzburg, L. Ja. «Zastenchivost' chuvstva». Po povodu pisem ljudej pushkinskogo kruga = «Shyness of feeling». Concerning letters of people of Pushkin's circle [Tekst] / L. Ja. Ginzburg // Krasnaja kniga kul'tury. – M.: Iskustvo, 1987. – S. 183-188.
8. Granovskij, T. N. Pis'ma = Letters [Tekst] / T. N. Granovskij // Granovskij T. N. Publichnye chtenija. Stat'i. Pis'ma. – M.: ROSSPJeN, 2010. – S. 272-431.
9. Granovskij, T. N. Pis'ma k V. V. Grigor'evu = Letters to V. V. Grigoriev [Tekst] / T. N. Granovskij // Shhukinskij sbornik. – Vyp. 10. – M., 1912. – S. 81-108.
10. Duhonina, E. V. Kak postavil menja na put' spasenija otec Ioann Kronshtadtskij (Dnevnik duhovnoj docheri) = How the father John of Kronstadt put me on the way of rescue (The diary of the spiritual daughter) [Tekst] / E. V. Duhonina // Rjedom s Batjushkoj: Vospominanija duhovnyh chad o svjatome pravednom otce Ioanne Kronshtadtskom. – M.: Otchij dom, 2012. – S. 255-450.
11. Zhitie Sergija Radonezhskogo = Sergey of Radonezh's life [Tekst] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi: V 20 t. T. 6. – SPb.: Nauka, 1999. – S. 254-411.
12. Zhitie Feodosija Pecherskogo = Theodosius Peshchersky's life [Tekst] // Biblioteka literatury Drevnej Rusi: V 20 t. T. 1. – SPb.: Nauka, 1997. – S. 352-433.
13. Zahar'ina, N. A. Pis'ma = Letters [Tekst] / N. A. Zahar'ina // Sochinenija A. I. Gercena i perepiska s N. A. Zahar'inoj: V 7 t. T. 7. – SPb., 1905. – 649 s.
14. Inok Parfenij (Ageev). Skazanie o stranstvii i puteshestvii po Rossii, Moldavii, Turcii i Svjatoj Zemle: V 2 t. T. 1 = The legend on wandering and travel across Russia, Moldova, Turkey and the Holy Land: In 2 v. V. 1 [Tekst] / inok Parfenij (Ageev). – M.: Novospasskij monastyr', 2008. – 424 s.
15. Kalugin, D. Ja. Proza zhizni: russkie biografii v XVIII–XIX vv. = Humdrum of life: the Russian biographies in the XVIII–XIX centuries. [Tekst] / D. Ja. Kalugin. – SPb.: Izd-vo Evropejskogo un-ta v Sankt-Peterburge, 2015. – 260 s.
16. Kalugin, D. Ja. Russkie biograficheskie narrativy XIX veka: ot biografii chastnogo lica k istorii obshhestva = Russian biographic narratives of the XIX century: from the biography of the individual to history of society [Tekst] / D. Ja. Kalugin // Istorija i povestvovanie: Sb. st. / pod red. G. V. Obatnina i P. Pesonena. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. – S. 178-190.
17. Mann, Ju. V. V. kruzhe Stankevicha = In Stankievich's circle [Tekst] / Ju. V. Mann. – M.: Detskaja literatura, 1983. – 319 s.
18. Murav'ev, M. N. Pis'ma = Letters [Tekst] / Publ. L. I. Kulakovej i V. A. Zapadova / M. N. Murav'ev // Pis'ma russkih pisatelej XVIII veka. – L.: Nauka, 1980. – S. 259-377.
19. Svalov, A. N. Vokrug Nikolaja Stankevicha: tezaurusnaja sfera = Around Nikolay Stankievich: thesaurus sphere [Tekst] / A. N. Svalov // Znanie. Ponimanie. Umenie. – 2016. – № 1. – S. 178-191.
20. Stankevich, N. V. Perepiska = Correspondence [Tekst] / N. V. Stankevich / red. i izd. A. Stankevicha. – M., 1914. – 787 s.
21. Florovskij, G. V., prot. Iskanija mladogo Gercena = Young Herzen's searches [Tekst] // Florovskij G. V., prot. Iz proshlogo russkoj mysli. / G. V. Florovskij, prot. – M.: Agraf, 1998. – S. 358-411.

Дата поступления статьи в редакцию: 14.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

В. И. Мокляк <https://orcid.org/0000-0002-2377-8646>**Циклизация в творчестве русских романтиков**

Статья посвящена вопросам циклизации в творчестве русских романтиков. В работе отмечается, что в циклической художественной форме важна не только подчиненность части целому, но и своеобразное перетекание части в целое, также подчеркивается не последняя роль сцепления и монтажа частей. Русская романтическая повесть первой половины девятнадцатого столетия представляет собой часть общеевропейской литературной эпохи романтизма, которая зарождалась еще в предромантическом восемнадцатом веке (Людвиг Тик, Новалис, Э. Т. А. Гофман). В нашей работе отдельный акцент поставлен, помимо феномена циклизации, на аспекты пограничностей в русской литературе на материале творчества Н. В. Гоголя и О. М. Сомова. Отмечено, что именно эти мотивы привели к дальнейшему развитию некоторых элементов как романтической прозы, так и всей русской литературы. В статье рассмотрены основные предпосылки и факторы зарождения и развития циклизации в русской литературе. Кроме этого, отмечены также взгляды ведущих исследователей феномена циклизации. Статья рассматривает важность роли образа автора и рассказчика в жанре романтической повести и цикла романтических повестей. На примере образа Рудого Панько из «Вечеров на хуторе близ Диканьки» Н. В. Гоголя и Порфирия Байского из «Малороссийских былей и небылиц» делается вывод о важности образа нарратора как циклообразующего фактора. Также анализируется взаимосвязь образов нарраторов Рудого Панько и Порфирия Байского и отмечается, что если первыми из фантастических своих повестей, как и «Гайдамаком», Порфирий Байский подготовил выступление Рудого Панька, то в позднейших он испытал воздействие могучей индивидуальности своего современника.

Ключевые слова: цикл, циклизация, романтизм, нарратор, нарратология, рассказчик, поэтика иномирного, пограничность, циклообразование.

V. I. Moklyak

Cyclization in Russian Romantics' Creativity

The article is devoted to issues of cyclization in Russian romantics' creativity. In the work it is noted that in the cyclic art form here is important not only subordination of a part to the whole, but also peculiar overflowing of a part into the whole, here is also emphasized not the last role of coupling and montage of parts. The Russian romantic story of the first half of the nineteenth century represents a part of the all-European literary era of romanticism which arose in the preromantic eighteenth century (Ludwig Tieck, Novalis, E. T. W. Hoffmann). In our work the special accent is put, besides a cyclization phenomenon, on aspects of frontier in the Russian literature on material of N. V. Gogol and O. M. Somov's creativity. It is noted that these motives led to further development of some elements of both romantic prose, and all Russian literature. In the article the main prerequisites and factors of origin and development of cyclization in the Russian literature are considered. Besides, also views of the leading researchers on the cyclization phenomenon are noted. The article considers importance of the role of the image of the author and story-teller in the romantic story genre and a cycle of romantic stories. On the example of Rudy Panko's image from «Evenings on the Farm near Dykanka» by N. V. Gogol and Porfiry Baisky from «Little Russian True Stories and Tales» the conclusion is drawn about importance of the narrator's image as a cyclogenesis factor. Also the interrelation of images of narrator Rudy Panko and narrator Porfiry Baisky is analyzed, and it is noted that in the first fantastic stories, as well as «Haidamak», Porfiry Baisky prepared Rudy Pank's performance, and in the latest he was affected by the contemporary's mighty identity.

Keywords: cycle, cyclization, romanticism, narrator, narratology, story-teller, other-worldly poetics, frontier, cyclogenesis.

Изучая предмет циклизации, в первую очередь мы обратились к работам таких ученых, как Л. Е. Ляпина [9], М. Н. Дарвин, [4], И. В. Фоменко [14], Н. Д. Тамарченко [13] и других.

Для общего определения понятия стоит обратиться к литературной энциклопедии терминов и понятий, которая предлагает такое определение циклизации: *Циклизация* (греч. *kuklos* – круг, колесо) – объединение нескольких самостоятельных произведений в особое целостное единство.

Стоит заметить, что циклы можно обнаружить в литературе во всех эпохах ее развития (в античности –

ярким примером служат киклические поэмы, в эпоху Возрождения – нельзя не вспомнить «Кентерберийские рассказы», 1380-е, Дж. Чосера [17], «Декамерон», 1350-53, Дж. Боккаччо; в период романтизма – «Еврейские мелодии» (1815) Дж. Байрона [16], «Римские элегии» И. В. Гете [18]).

Первые русские циклические образования – фольклорные циклы (былины), народные предания, предполагающие поэтику тайны, мистериальное начало, что, в свою очередь влияет на их циклизацию. С этой точки зрения цикл необходимо понимать как феномен текста в его динамическом развитии. Одной

из характерных характеристик цикла является преодоление разрывов между «частями», то есть новеллами.

В европейской теории искусства «цикл» как поэтологическое понятие впервые возникает на рубеже XVIII–XIX вв., в период становления романтизма. Один из теоретиков немецкого романтизма, А. В. Шлегель [19], писал, что в циклической форме могут выступать такие явления, которые только благодаря предшествующему или последующему становятся полнозначными.

В. В. Виноградов [1] видел смысл литературной циклизации в том, что она позволяла выбирать такой достаточно объективный с точки зрения исследователя критерий классификации литературных произведений, с помощью которого можно построить «действительно научную историю мировой литературы».

Целостность различных циклических форм, несводимых только к форме собственно лирического цикла, на наш взгляд, можно представить себе как целостность разных видов контекстов (от лат. contextus – букв. соединенных текстов).

Для точности нашей работы необходимо также отметить, что целостность цикла находится в прямой зависимости от степени структурной автономности составляющих его элементов, а его единство следует рассматривать как единство противоположностей, характеризующееся действием как центростремительных, так и центробежных сил. Поэтому известная «извлекаемость» отдельного произведения из контекста цикла не менее важный его признак, чем целостность или неделимость.

Феномен циклизации по своей природе парадоксален: в основе его лежит удвоение реальности, своего рода отлет от реальности (в особенности это характерно для творчества романтиков, где явление циклизации получило широкое применение) при сохранении текстового единства, целостности, синтетичности. Отсюда и тяга романтиков и романтических циклов прозы (или поэзии) к средневековой тематике и специфике. Как пишет И. П. Еремин о двух основных способах изображения жизни: первый с деловым, «практическим» назначением, второй отражал не действительность, а порожденные ею идеалы [6, с. 253]. Еремин считал, что и то и другое – две стороны одного и того же творческого метода, единого по своей эстетической природе. Прозаические циклы, особенно у романтиков, на деле не вполне проза, они своеобразной «рифмовкой» (то есть дублированием, повторением частей) сближаются с поэзией. И Еремин и Лихачев [12, с. 9–21] писали, что «проза» проникала в «поэзию»,

а «поэзия» – в прозу, что разделяющий их рубеж без труда преодолевался.

По словам М. Дарвина, «Художественная циклизация оказывается, как бы «встроенной» в лирику» [5]. С одной стороны, циклическая форма позволяет сохранить свойственную лирике дискретность, некую «точечность» состояний лирического субъекта, с другой – она позволяет обобщать лирическое изображение, «укрупняя» лирического героя до масштабов лирического характера.

И, как бы то ни было, прозаический цикл сохраняет многие признаки лирического цикла. К активным циклообразующим факторам в прозаическом цикле относятся единство проблематики, общность сюжетных конфликтов и коллизий, образно-стилистическое решение, единый образ автора.

Жанровыми признаками цикла являются общая атмосфера произведения, сквозной образ читателя, сквозные мотивы и образы, вариативное развитие тем, особая пространственно-временная организация, обрамляющие новеллы и очерки, лейтмотивность повествования и другие. «Для прозаического цикла характерно не только аналитическое начало, но и объемное восприятие действительности во всей ее пестроте и сложности причинно-следственных связей, проникновения в глубинные процессы общественной и духовной жизни человека, постижение не только лежащих на поверхности классовых конфликтов, но и различных более частных явлений.

М. М. Гин отмечает, что важным признаком цикла является обзорность композиции. А «обзорным принципом композиции мы называем такое построение литературного произведения, при котором организующим центром является не единый фабульный стержень, а единство идейно-тематического задания, проблематика, угол зрения, под которым и в соответствии с которым отбирается материал» [2, с. 77]. При бесфабульном типе связи материала возрастает композиционная роль образа автора.

Так, например, В. Ф. Одоевский в своих повестях использует фантастические мотивы, зачастую играя парадоксальными представлениями о мире и обществе. Элементы фантастики используются в «Пестрых сказках» более чем в каких-либо других романтических циклах этого периода.

Основная идея «Пестрых сказок» – показать главный порок современного общества, его безжизненность, «мертвость». Гомозейку-Одоевского часто обвиняли в близости к прозе Э. Т. А. Гофмана: образы красивых девушек, превращенных заезжим иностранцем в красивую, но бездушную куклу: «Окаянный басурманин схватил ее пухленькие щечки,

маленькие ножки, ручки и ну перочинным ножом соскребать с них свежий славянский румянец и тщательно собирать его в баночку с надписью *gouge vegetal*; и красавица сделалась беленькая-беленькая, как копчик; насмешливый злодей не удовольствовался этим: маленькой губкой он стер с нее белизну и выжал в стекляночку с надписью: *lait de concombre*; и красавица сделалась желтая, коричневая; потом к наливной шейке он приставил пневматическую машину, повернул – и шейка опустилась и повисла на косточках; потом маленькими щипчиками разинул ей ротик, схватил язычок и повернул его так, чтобы он не мог порядочно выговорить ни одного русского слова; наконец затянул ее в узкий корсет, накинул на нее какую-то уродливую дымку и выставил красавицу на мороз к окошку» («Сказка о том, как опасно девушкам ходить толпою по Невскому проспекту»); Приличный с первого взгляда человек оказывается куклой – болваном («Деревянный гость, или Сказка об очнувшейся кукле и господине Кивакеле»); чиновники, засидевшиеся за игрой в карты, сами превращаются в карты и оказываются вовлечены в бесовскую игру нечистой силы. Люди в повестях Гомозейки – Одоевского становятся равны вещам: куклам, игральным картам; люди ни что иное, как продукт химических реакций, создаваемых нечистой силой.

Но на самом деле творчество Одоевского – это не подражание Гофману, как утверждал Н. А. Полевой. Повести Одоевского – самостоятельный уникальный романтический текст с установкой на фантастичность, со сходными, отчасти, с гофмановскими мотивами трансформации. Но в то же время используются все те же характерные мотивы тайны, пограничья, перехода, потусторонности и посюсторонности. Используются характерные для романтической поэтики образы нечистой, потусторонней силы. Для художественного метода Одоевского характерен синтез идей немецкого романтизма и приема аллегории XVIII века.

Как и в повестях Н. В. Гоголя, у Одоевского черты похожи на людей, а люди на чертей. Бесчеловечное стремление к обогащению, эгоцентризм обывателей, самодовольство и самолюбование – все это автор «Пестрых сказок» воспринимает как «дар» нечистой силы. Зачастую Одоевский использует в своих повестях колоритные образы алхимиков, астрологов, средневековых искателей правды – все эти образы, овеванные мистическим иррационализмом, как и впоследствии в «Русских ночах» – гениальные сумасшедшие, являют собой реализацию мотива пограничья, перехода, тайны, свойственного для циклов повестей русских романтиков XIX века.

В классической теории повествования ведущая роль отводится термину «нарратор» (фр. *narrateur* –

рассказчик) – в литературе реальное или вымышленное лицо, от имени которого ведется повествование в художественном произведении. Иногда нарратор бывает и в драматическом произведении, хотя обычно повествователь не выступает в пьесе как действующее лицо (нередко – в прологе, эпилоге); на него возлагается задача информирования других действующих лиц или публики, непосредственно повествуя о событиях или комментируя их. Но особенно характерна позиция нарратора для жанра романтической повести, точнее цикла романтических новелл, что характерно было и для русских романтиков. Например, Н. В. Гоголя, В. Ф. Одоевского, О. М. Сомова.

Рассмотрим текстовую функцию нарратора на примере нарратора цикла повестей Н. В. Гоголя:

У Гоголя основной рассказчик находится на первом плане в «Предисловии» к первой и второй части цикла «Вечера на хуторе близ Диканьки». Само «Предисловие» как бы связано с «издателем» и выполняет функцию своеобразной композиционной рамки произведения. Текст построен в форме сказа, имитирующего живую разговорную речь. Непринужденная и доверительная беседа Пасичника (Рудый Панько) с аудиторией читателей, к которой он обращается «запросто, как будто какому-нибудь свату своему, или куму», его просторечие как бы подчеркивают достоверность самобытного уклада Диканьки, в который органично вписываются полные фантастики предпраздничные вечера у Рудого Панька. (стоит упомянуть, что Рудый Панько – не единственный голос в «Вечерах на хуторе близ Диканьки»).

Данные подробности призваны указать на реальность происходящего так же, как и подробная характеристика всей обстановки – Диканьки, хутора, пасичникова куреня с указанием дороги к нему.

В «Предисловии» предварительно очерчен и сообщен читателям основной круг мотивов, ориентированных на легенду, предание, сказку, быль. В восклицании Пасичника: «Боже ты мой! Чего только ни расскажут! Откуда старины ни выкопают! Каких страхов ни нанесут!» – подчеркнут общий характер «историй», диковинных и страшных, относящихся к старине. В этом смысле «Предисловие» является своего рода экспозицией цикла.

Гоголь создает особый образ «издателя» сборника, хutorского Пасичника Рудого Панька. Но это не условное лицо, как традиционно применяется; он не просто замещает автора, но говорит за него. Сказ Пасичника выявляет резкое своеобразие его образа. Оно обусловлено тем, что Пасичник принадлежит

другому, чем писатель, миру. И этот мир является антитезой Диканьки.

Авторитетом искусного рассказчика пользуется дьяк Фома Григорьевич. На него Пасичник ссылается, как на лицо почитаемое и известное не только в Диканьке: «Вот, например, знаете ли вы дьяка Диканьской церкви, Фому Григорьевича? Эх, голова! Что за истории умел он отпускать!» Неопровержимыми доказательствами его отличия от других образов, является то, что Фома Григорьевич не так, как прочие «мужики хуторянские» и даже «люди его звания», чистил сапоги «лучшим смальцем», утирал нос «опрятно сложенным белым платком, вышитым по всем краям красными нитками», и «складывал его снова, по обыкновению, в двенадцатую долю». И это подробности в глазах Пасичника имеют не малую значительность: если Фома Григорьевич серьезен, аккуратен и точен в таких мелочах, то тем более он серьезен, правдив и точен в своих рассказах.

Как видим уже из «Предисловий», разграничение в первой части книги не условно: возвеличивание одного и развенчание другого соответствует нарративной задаче автора – противопоставлению двух миров и соответствующих им типов сознания, каждый из которых воссоздается в цикле и соотносится либо с литературной, либо с народно-поэтической традицией. Стоит отметить, что к 30-м годам интерес к народному материалу и тематике усиливается, так как в них находят живой образ народного мышления, в них видят непосредственно эстетический идеал в противопоставлении окружающей городской действительности, в данном случае, Петербурга.

В своей важной теоретической работе «Событие и событийность» [11] Вольф Шмид и Владимир Маркович представляют отличное от традиционной теории повествования новое видение теории нарративности: в центре его понятия события и событийности.

В этой современной теории повествования на первом месте специфика структуры изображаемого – это структура темпоральная, предполагающая изменение исходных состояний, которые получают статус события. При этом авторы опираются на работы Ю. М. Лотмана, где событие определено двояко:

- 1) как пересечение запрещенной границы;
- 2) как значимое нарушение нормы.

Эти два названных критерия как нельзя лучше соотносятся с механизмом и повествовательным материалом романтических циклов Гоголя и Сомова, наполненных народной фантастикой, чудесами, народной выдумкой и фольклорными мотивами, которые широко представлены в цикле Гоголя: колдунья, водящая дела с чертом, русалки –

утопленницы, оборотни и так далее. Таким образом, текстовые механизмы Сомова реализуются в факторах, отмеченных в работах Ю. М. Лотмана, В. М. Марковича и В. Шмида: «пересечения запрещающей границы» и «значимого нарушения нормы», как важнейших категориях повествовательной прозы [11, с. 7].

Также в творчестве О. М. Сомова народные предания, обычно демонологические – о русалках и колдунах, о ведьмах и упырях, – писатель использует в своих «небылицах». Как правило, они основаны на подлинном этнографическом и фольклорном материале, снабжены особыми примечаниями и пояснениями.

Даже такие повести, как «Русалка» и «Киевские ведьмы», где фантастические события развертываются на фоне исторической жизни, а в «Киевских ведьмах» они совершаются не только в определенном месте – «Киеве златоглавом», но и приурочены к конкретному моменту национально – освободительной борьбы XVII в. Сомов опирался на рукописную «Историю Руссов», в соответствии с которой и описаны конкретные исторические события и рассказаны как бы с позиций народного сознания.

Заметим, что Пушкину, который в балладе «Гусар» по-своему рассказал о ночном путешествии героя на шабаш киевских ведьм, достаточно было вложить сказ в уста побывавшего на Лысой горе очевидца – москаля, чтобы под напором ухарства и непобедимого здравого смысла русского служивого драматическое и поэтическое предание зазвучало «небылицей».

Однако молодому Гоголю в «Вечерах на хуторе близ Диканьки» ближе был сомовский подход к украинской демонологии. Созвучие цели, к которой стремился Сомов и которой дано было достигнуть автору «Вечеров на хуторе близ Диканьки», сделало то, что если первыми из фантастических своих повестей, как и «Гайдамаком», Порфирий Байский подготовил выступление Рудого Панька, то в позднейших он испытал воздействие могучей индивидуальности своего современника.

Библиографический список

1. Виноградов, В. В. Гоголь и натуральная школа [Текст] / В. В. Виноградов. – Л., 1925. – 76 с.
2. Гин, М. М. О своеобразии русского реализма Некрасова [Текст] / М. М. Гин. – Петрозаводск, 1966. – 268 с.
3. Гоголь, Н. В. Полное собрание сочинений и писем: в 23 томах. Т. 1 / [Текст] / Н. В. Гоголь. – М., 2003. – 918 с.
4. Дарвин, М. Н. Изучение лирического цикла сегодня [Текст] / М. Н. Дарвин. – Кемерово, 1986. – С. 220-230.

5. Дарвин, М. Н. К проблеме цикла в типологическом изучении лирики [Текст] / М. Н. Дарвин // Типологический анализ литературного произведения: сб. научн. тр. – Кемерово, 1982. – С. 30-35.

6. Еремин, И. П. Литература древней Руси. (Этюды и характеристики) [Текст] / И. П. Еремин. – М. – Л., 1966. – 266 с.

7. Лихачев, Д. С. К изучению художественных методов русской литературы XI–XVII вв. [Текст] // ТОДРЛ. – Т. XX. – М. – Л., 1964. – 452 с.

8. Лихачев, Д. С. Поэтика повторяемости в «Слове о полку Игореве» [Текст] // Русская литература. – 1983. – № 4. – С. 9-21.

9. Ляпина, Л. Е. Жанровая специфика литературного цикла как проблема исторической поэтики [Текст] / Л. Е. Ляпина // Проблемы исторической поэтики. – Петрозаводск, 1990. – С. 23-30.

10. Николюкин, А. Н. Литературная энциклопедия терминов и понятий [Текст] / А. Н. Николюкин. – М., 2001. – 1600 с.

11. Событие и событийность: сборник статей [Текст] / под ред. Владимира Марковича и Вольфа Шмида. – М.: Издательство Кулагиной-Intrada, 2010. – 296 с.

12. Сомов, О. М. Малороссийские были и небылицы [Текст] / О. М. Сомов. – М.: Советская Россия, 1984. – 368 с.

13. Тмарченко, Н. Д. Повесть как литературный жанр [Текст] / Н. Д. Тмарченко // Поэтика русской литературы. – М., 2006.

14. Фоменко, И. В. Лирический цикл: становление жанра, поэтика [Текст] / И. В. Фоменко. – ТГУ, 1992. – 124 с.

15. Филипповский, Г. Ю. О природе двуплановости текста «Слова о полку Игореве» [Текст] // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – М., 2009. – С. 72-76.

16. Byron G. G. Poetical works. – Oxford: Oxford University Press, 1970. – P. 226.

17. Chaucer G. The Canterbury tales. – New York, 1947. – P. 352.

18. Goethe J. W. *Poetische Werke* («Lucrări poetice»). – 4 vol. – Editura Phaidon, Essen, 1999.

19. Schlegel Fr. Über Goethes Meister // Fr. Schlegel – Mino. Bd. 2. – S. 173.

Reference List

1. Vinogradov, V. V. Gogol' i natural'naja shkola = Gogol and natural school [Tekst] / V. V. Vinogradov. – L., 1925. – 76 s.

2. Gin, M. M. O svoeobrazii russkogo realizma Nekrasova = About originality of Nekrasov's Russian realism [Tekst] / M. M. Gin. – Petrozavodsk, 1966. – 268 s.

3. Gogol', N. V. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 23 tomah. T. 1 = Complete works and letters: in 23 volumes. T. 1 [Tekst] / N. V. Gogol'. – M., 2003. – 918 s.

4. Darvin, M. N. Izuchenie liricheskogo cikla segodnja = Studying of a lyrical cycle today [Tekst] / M. N. Darvin. – Кемерово, 1986. – С. 220-230.

5. Darvin, M. N. K probleme cikla v tipologicheskom izuchenii liriki = To a cycle problem in typological studying of lyrics [Tekst] / M. N. Darvin // Tipologicheskij analiz literaturnogo proizvedenija: sb. nauchn. tr. – Кемерово, 1982. – С. 30-35.

6. Eremin, I. P. Literatura drevnej Rusi. (Jetjudy i harakteristiki) = Literature of ancient Russia. (Etudes and characteristics) [Tekst] / I. P. Eremin. – М. – Л., 1966. – 266 s.

7. Lihachjov, D. S. K izucheniju hudozhestvennyh metodov russkoj literatury XI–XVII vv. = To the study of art methods of the XI–XVII centuries Russian literature [Tekst] // TODRL. – Т. HH. – М. – Л., 1964. – 452 s.

8. Lihachjov, D. S. Pojetika povtorjaemosti v «Slove o polku Igoreve» = Repeatability poetics in «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Russkaja literatura. – 1983. – № 4. – С. 9-21.

9. Ljapina, L. E. Zhanrovaja specifika literaturnogo cikla kak problema istoricheskoj pojetiki = Genre specifics of a literary cycle as a historical poetics problem [Tekst] / L. E. Ljapina // Problemy istoricheskoj pojetiki. – Petrozavodsk, 1990. – С. 23-30.

10. Nikoljukin, A. N. Literaturnaja jenciklopedija terminov i ponjatij = Literary encyclopedia of terms and concepts [Tekst] / A. N. Nikoljukin. – М., 2001. – 1600 s.

11. Sobytie i sobytijnost': sbornik statej = Event and eventivity: collection of articles [Tekst] / pod red. Vladimira Markovicha i Vol'fa Shmida. – М.: Izdatel'stvo Kulaginoj-Intrada, 2010. – 296 s.

12. Somov, O. M. Malorossijskie byli i nebylicy = Little Russian true stories and false stories [Tekst] / O. M. Somov. – М.: Sovetskaja Rossija, 1984. – 368 s.

13. Tamarchenko, N. D. Povesť kak literaturnyj zhanr = Story as a literary genre [Tekst] / N. D. Tamarchenko // Pojetika russkoj literatury. – М., 2006.

14. Fomenko, I. V. Liricheskij cikl: stanovlenie zhanra, pojetika = Lyrical cycle: formation of a genre, poetics [Tekst] / I. V. Fomenko. – ТГУ, 1992. – 124 s.

15. Filippovskij, G. Ju. O prirode dvuplanovosti teksta «Slova o polku Igoreve» = About the nature of dual-progress character of the text «Tale of Igor's Campaign» [Tekst] // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. – М., 2009. – С. 72-76.

16. Byron G. G. Poetical works. – Oxford: Oxford University Press, 1970. – P. 226.

17. Chaucer G. The Canterbury tales. – New York, 1947. – P. 352.

18. Goethe J. W. *Poetische Werke* («Lucrări poetice»). – 4 vol. – Editura Phaidon, Essen, 1999.

19. Schlegel Fr. Über Goethes Meister // Fr. Schlegel – Mino. Bd. 2. – S. 173.

Дата поступления статьи в редакцию: 23.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

И. Ю. Лученецкая-Бурдина <https://orcid.org/0000-0001-9308-7798>

Жанровые трансформации в творчестве Л. Н. Толстого 1870-1900-х годов

В статье исследуются жанровые трансформации прозы Л. Н. Толстого 1870-1900-х годов. Категория жанра рассматривается как «мировоззренческое явление», обусловленное контекстом эпохи. Показано, что трансформация жанровой системы Толстого на фоне историко-литературных процессов 1870-1900-х годов стала следствием общих закономерностей развития «форм времени», обусловленных двумя разнонаправленными тенденциями: интеграции и дифференциации жанров. В то же время «идеи времени» своеобразно преломились в сознании писателя и его художественной практике. Доказывается, что отказ Толстого от романного жанра не означал «кризиса таланта» писателя, но был следствием разработки собственной теории искусства и изменившихся коммуникативных установок, связанных с ориентацией на просвещение массового читателя. В творчестве Толстого рассматриваемого периода происходит синтез различных жанровых форм: исповеди и проповеди (автобиографический трактат «Исповедь»); притчи и фольклорных стилизаций (цикл народных рассказов), публицистических трактатов, стилистически близких к исповеди, и проповеди; художественных произведений в «прежней манере» (повести 1880-1890-х годов). «Совершенная правда» Толстого-проповедника в публицистических произведениях дополнялась изложением позитивной программы в народных рассказах и соответствовала концепции Толстого возрождения искусства в народности. «Смешанный» жанр повестей объединил элементы романного творчества, публицистических высказываний и правды народных рассказов. Освоенные в этот период жанры были подготовкой Толстого к написанию итогового романа XIX века – «Воскресение», жанр которого писатель определил как «совокупное – многим – письмо». Исследование жанровых трансформаций в произведениях Толстого позднего периода позволяет системно рассмотреть творчество писателя и подтверждает положение о единстве его художественного мира, ориентированного на разрешение этических проблем.

Ключевые слова: жанр, концепция творчества, мир должный, мирозерцание, народные рассказы, повести, публицистика, Л. Н. Толстой, трансформация.

I. Yu. Luchenetskaya-Burdina

Genre Transformations in L. N. Tolstoy's 1870-1900-s Creativity

In the article genre transformations of L. N. Tolstoy's prose of the 1870-1900-s are investigated. The category of the genre is considered as a «world outlook phenomenon» caused by the era context. It is shown that transformation of Tolstoy's genre system on the background of historical and literary processes of the 1870-1900-s turned out to be a consequence of general regularities of development of «time forms» caused by two multidirectional trends: integration and differentiation of genres. At the same time «the ideas of time» refracted in consciousness of the writer and his art practice in a special way. It is proved that Tolstoy's refusal from the novelistic genre did not mean the writer's «crisis of talent», but was a consequence of development of his own theory of art and changed communicative ideas connected with orientation to education of the mass reader. In Tolstoy's creativity of the considered period there is a synthesis of various genre forms: confession and sermon (an autobiographical treatise «Confession»); parable and folklore stylizations (a cycle of national stories), publicistic treatises, stylistically close to confession, and sermon; works of art in «a former manner» (short novels of the 1880-1890-s). «The perfect truth» of Tolstoy-preacher in publicistic works was complemented with statement of the positive program in national stories and corresponded to Tolstoy's concept of revival of art in nationality. The «mixed» genre of stories united elements of novelistic creativity, publicistic statements and the truth of national stories. The main genres in this period were Tolstoy training for writing of the final novel of the XIX century – «Revival» its genre the writer defined as «letter – cumulated – by many things». The research of genre transformations in works by Tolstoy of the late period allows us to consider the writer's works systemically and it confirms the provision on unity of his art world focused on solution of ethical problems.

Keywords: genre, concept of creativity, world which should be, world view, national stories, stories, journalism, L. N. Tolstoy, transformation.

В год окончания работы над романом «Анна Каренина» (1877) Л. Н. Толстой пророчески предсказал: «Мы находимся на краю большого переворота» [4]. Предчувствие катастрофы нарушало гармонию мира, уничтожало эпическую соразмерность и классическую архитектуру романного повествования, и Толстому-художнику, мыслителю

необходимо было понять и объяснить смысл происходящих перемен. «Время это, 1881 год, – писал он позднее, – было для меня самым горячим временем внутренней перестройки всего моего мирозерцания...» [12, Т. 30, с. 3]. «Перестройка мирозерцания» в первую очередь отразилась на жанровой организации произведений этого периода,

обусловила изменение художественных принципов Толстого, «новую манеру» его письма.

Одна из задач, стоящих перед современным литературоведением, состоит в создании единой концепции творчества Толстого. Рассмотрение особенностей жанровых трансформаций в творчестве писателя последней трети XIX века позволит приблизиться к ее решению.

Отказ Толстого от романной формы повествования нередко объясняют «кризисом таланта» художника, его обращением к религиозно-этическим вопросам, сосредоточенностью на моралистической доктрине. Подобные заявления едва ли справедливы. 1870-1900-е годы – сложный, во многом противоречивый и потому не допускающий однозначного определения этап развития писателя, который «отличался исключительной интенсивностью художественных поисков» [3], заключавшийся, в первую очередь, в смене жанровой парадигмы. В литературной жизни России последняя треть XIX века – переломный этап, когда классический реализм приобретал новые формы и происходило переосмысление прежних жанровых ориентиров. В творческой практике Толстого – это путь между двумя романами: от романа о современности «Анна Каренина» (1877) к роману «Воскресение» (1899).

Изменившееся состояние мира требовало новых форм его осмысления. Это объективное требование было обращено в первую очередь к жанровой организации произведений, поскольку именно жанр призван представить некую единую «формулу мира». Диалектика их взаимоотношений такова, что «жанр уясняет действительность, действительность проясняет жанр» [6]. «Уяснить» динамическую современность в традиционных формах романа, в формах большого эпического повествования было невозможно. Обоснование новых принципов письма содержится в письмах Толстого к Н. Н. Страхову, где он излагает свое видение литературного процесса: «Заметили ли вы в наше время в мире русской поэзии связь между двумя явлениями, находящимися между собой в обратном отношении: – упадок поэтического творчества всякого рода – музыки, живописи, поэзии, и стремление к изучению русской народной поэзии всякого рода – музыки, живописи <и украшения> и поэзии. Мне кажется, что это даже не упадок, а смерть с залогом возрождения в народности» [12, Т. 61, с. 274]. Развивая заявленную тему, в следующем письме к Страхову писатель мотивирует свою художественную переориентацию необходимостью прибегнуть к поиску «другого языка и приемов» [12, Т. 61, с. 277]. В этом же письме содержится обоснование тех жанрово-стилевых изменений в творчестве писателя, которые обнаружатся

в его произведениях 1880-х годов: «Я изменил приемы своего писания и язык, но, повторяю, не потому, что рассудил, что так надобно» [12, Т. 61, с. 278]. В народном творчестве Толстой нашел этические и поэтические [«люблю определенное, ясное и красивое и умеренное и все это нахожу в народной поэзии и языке и жизни» [12, Т. 61, с. 278] ценности и признал их идеалом художественного совершенства, к которому надо стремиться. «Кавказский пленник» (1872) уже написан совершенно новым, особым языком. Этот рассказ отличается предельная простота изложения: «Это образец тех приемов и языка, к[оторым] я пишу и буду писать для больших» [12, Т. 61, с. 278] – подводит итог своим размышлениям Толстой и определяет направление будущей жанрово-стилевой трансформации. Сознание исчерпанности традиционных поэтических приемов «дурацкой литературы» прогнозировало движение писателя в сторону аскетической сдержанности народных рассказов и отточенности языка народной речи.

Рубеж 1870-1880-х годов стал по определению писателя его «духовным рождением». Это был период созидания «новой» христианской веры и «преображения» художника в пророка, когда Толстой пытался создать «свое православие» и улучшить христианство, переведя его в область практической этики. Об этом «преображении» он поведал миру в «Исповеди», которую писал в 1878-1879 годах.

Перед Толстым стояло две основные задачи: учить и спасаться. «Учить» означало проповедовать миру «новое знание», «спасаться» – жить по Божьи, как живут странники и юродивые. Мировоззренческая позиция Толстого обусловила систему поэтических ценностей и взгляды писателя на задачи искусства. «Перестройка миросозерцания» писателя, происшедшая в 1880-х годах, поставила перед ним как актуальную проблему вопрос об отношении к собственному художественному творчеству. В эти годы Толстой вслед за реформированием религии выдвигает перед искусством требования искренности и правдивости, ставя во главу угла этическую позицию. Писатель сознает неизбежность отказа от традиционной романной формы, объясняя жанровую переориентацию тем, что «форма романа прошла» [12, Т. 52, с. 239].

На смену художественному вымыслу приходит философское осмысление мира, а «совершенная правда» реальной жизни и ее аналитическая оценка становятся предметом внимания писателя в публицистических работах. В то же время возрастает интерес Толстого к жанрам, выработанным «в исторической дали человечества», поскольку притчи, сказки, легенды отражают мировоззрение народа и его

идеальные представления о жизни. Характер изменения прозы писателя оказался во многом предопределен сменой адресата, той новой читательской аудиторией, на которую он переориентировался. Об этом свидетельствуют его письма от апреля 1887 года: «Как бы хотелось перевести все на русский язык, чтобы Тит понял, – писал он жене. – И как тогда все сокращается и уясняется» [12, Т. 84, с. 25].

Жанровые трансформации в художественной системе Толстого осуществлялись в двух направлениях. Проповедь миру и людям сопрягалась с изложением истин и моральных аксиом, известных человечеству, в народных рассказах. Задачам «исповедания веры» отвечали жанры социально-политической аллегории, сказки, легенды, притчи. Жанры очерковой публицистики были призваны исследовать действительность во всеоружии факта и документа. Эта задача разрешалась Толстым в автобиографическом трактате «Исповедь» (1879-1880, 1882), социологическом трактате «Так что же нам делать?» (1882-1886), философском трактате «О жизни» (1886-1887).

Наряду с отмеченной тенденцией к перевоплощению в народного сказителя в Толстом по-прежнему было велико желание учить человечество. Иллюзия обладания истиной, знание открывшегося смысла жизни вознесли его на иные позиции по отношению ко всему миру, с которым писатель заговорил напрямую. Он осознал себя пророком. В трактатах «Так что же нам делать?», «В чем моя вера?», «Не могу молчать!» писатель обратился к людям от собственного имени.

Особое место в творчестве Толстого этого периода заняла «Исповедь». По сути в «Исповеди» изложена программа всего последующего творчества писателя, содержится обоснование смены стилевых и жанровых направлений.

«Исповедь» – книга о духовной смерти человека и нравственном воскресении его души; о противопоставлении «мира сего» – «царству небесному»; о поиске смысла жизни мирской и стремлении «спасти душу» покаянием перед миром. Путь души от трагедии исключительности к всеобщему братству – от покаяния перед миром к поучению мира, от исповеди к проповеди определяет жанрово-стилевое своеобразие книги.

При рассмотрении формы «Исповеди» Е. В. Николаева отметила ее «внутреннее родство» с традициями древнерусской литературы, в частности, с поэтикой притчи: «...Изложение содержания каждого из этапов своих духовных поисков и размышлений Толстой завершает ярким художественным образом»

[9]. Выводя проблематику повествования на общечеловеческий уровень постижения смысла жизни, Толстой ориентировался на предание, поскольку его художественное видение всегда было символично.

В «Исповеди» был провозглашен идеал, который впоследствии конкретизировался в трактате «Так что же нам делать?». Автобиографическая документальность «Исповеди» и объективная документальность трактата «Так что же нам делать?» дополняли друг друга. В трактате «Так что же нам делать?» Толстой разрешал проблемы социального мироустройства, вписывая их в моралистическую картину мира. Исправление общественного зла мыслилось возможным в результате нравственных усилий человека. Однако оставалось зло онтологическое, без победы над которым человеческая жизнь утрачивала всякий смысл. Разрешению этих вопросов посвящен трактат «О жизни», в котором Толстой излагает философские основы своего мирозерцания.

Этот трактат Толстой облекает в форму проповеди, но традиционную форму церковного красноречия он использует для выражения принципиально нового содержания. В трактате «О жизни» содержится опровержение общепризнанных представлений о жизни и смерти человека. Если процесс поиска истины, внутренняя работа души, описаны в «Исповеди», то в трактате «О жизни» звучит настойчивая упорная аргументация открытых «новых знаний». Это обуславливает двойственную природу жанра произведения: проповедь сопрягается с научным исследованием, слово о высшем знании – с попыткой аргументировать это знание, доказать недоказуемое.

В эти годы Толстой жизненный факт предпочитает вымыслу. Он опирается в творчестве на реальный и вполне конкретный материал. Анализ публицистики Толстого позволяет говорить о создании им особой формы художественно-философского повествования, объединяющего нравственно-философские рассуждения с элементами художественной прозы.

Действенное слово проповедника-публициста логично дополняется в творческой практике Толстого циклом народных рассказов, которые воспринимались им как важнейшее дело жизни. В народных рассказах он реставрирует жанры народной литературы – сказки, легенды, сказания, в которых содержится реализация толстовской теории искусства в практике художественного творчества.

Условные жанры притчи, легенды, сказания не только понятны всем, но и «выпелись» из сердца народа. Они концентрировали его философию жизни, его идеалы и нравственные понятия, выработанные вековой народной мудростью. Малый жанр, таким

образом, оказался логически неизбежен для Толстого-романиста. Это был закономерный шаг писателя, теоретически провозгласившего «возрождение» литературы в народности и практически воплотившего его в произведениях 1870-1890-х годов.

При определении жанра этих произведений литературоведы указывают на их близость к притче. Так, Е. Н. Купреянова, опираясь в определении их жанра на программное высказывание Толстого в предисловии к сборнику «Цветник» о том, что надо описывать не то, что было, а показывать то, «что должно быть» [12, Т. 26, с. 308], и относила их к жанру притчи [5]. Е. В. Николаева, рассматривая эти произведения, делает вывод о том, что писатель создал «оригинальный, особый жанр народного рассказа, жанрообразующие признаки которого сложились под воздействием различных факторов, но, в первую очередь, под влиянием поэтики древней литературы и фольклора» [8].

Авторское стилистически нейтральное определение «народные рассказы» маскирует не что иное как поучительные истории в духе евангельских притч или фольклорных сказаний. Наряду с освоением композиционных схем и сюжетных ходов, заимствованных в фольклорной традиции, Толстой активно использовал в народных рассказах принципы организации материала, присущие церковно-славянской литературе. По мнению С. С. Аверинцева «поздний Толстой» предпринял «попытку подчинить прозу законам притчи» [1]. Т. Л. Мотылева также считает, что Толстой был «едва ли не первый, кто внес в высокую литературу нашего века поэтику притчи». Его «незатейливые обращения к самой „простой“ публике – рассказы-легенды заключали в себе эмбрионы художественных открытий» [7], оказавшихся плодотворными для писателей XX века.

Высоко оценивая творчество Толстого, профессор Принстонского университета (США) Р. Ф. Густафсон рассказ «Хозяин и работник» (1895), жанрово сопоставимый с народными рассказами, отмечал его как «великолепный образец творчества Толстого», «притчу о пути к любви» [2, с. 203], «метафору религиозных исканий Л. Н. Толстого» [2, с. 208].

Социальный идеал мира должного, изложенный Толстым в публицистике, был художественно прокомментирован в народных рассказах, искусственность художественной формы которых писатель почувствовал уже во второй половине 1880-х годов. Перед Толстым встала задача «свести своды» реального и идеального, художественного и публицистического, но уже не на уровне жанровой системы, а в пределах отдельного произведения. Идеальную точку зрения необходимо было совместить с правдивым изображением мира, показать жизненность проповедуемого идеала. Эта проблема была решена в «художественной работе» – повестях, написанных в 1880-1890-х годах. Повести «Смерть

Ивана Ильича» (1881-1882, 1884-1886), «Крейцера соната» (1887-1889), «Дьявол» (1889-1890) и «Отец Сергей» (1890-1891, 1895, 1898) заняли важное место в жанровой системе писателя. Толстой подчеркивал необходимость сопряжения этих произведений со всем своим творчеством, а по авторскому определению, написаны они в «прежней манере». Определяя его характер, он говорил в 1891 году: «Первые, прежние мои романы б[ы]ли бессознательное творчество. С Анны Кар[ениной], кажется больше 10 лет, я расчленил, разделял, анализировал; теперь я знаю, что что и могу все смешать опять и работать в этом смешанном» [12, Т. 52, с. 6]. Возвращение к «старой манере» повествования было существенно для Толстого-художника. Он стремится «заострить», «прямо сказать» то, о чем живописал в романах. Общий и крупный план романного повествования сменяется преимущественно крупным планом повестей. Романное содержание сосредоточено в повестях, где представлено «описание целой человеческой жизни» [12, Т. 30, с. 18]. Авторская установка «охватить все», обо всем «сказать прямо» повлекла за собой особый способ организации материала. Р. Роллан отмечал, что в этот период «творческая мысль Толстого находилась под сильнейшим воздействием законов театра». «Смерть Ивана Ильича» и «Крейцера соната», по его определению, «внутренние драмы», «драмы души» [10]. Это во многом обусловило их текстуальную сжатость и особую драматургическую напряженность, что нашло отражение в жанрово-стилевом рисунке произведений.

Провозглашенный в народных рассказах идеал присутствует в повестях как важная этическая координата. Идеологическая программа народных рассказов воплощается в повестях на качественно ином материале – из «господской жизни», но стиливой ресурс народных рассказов сохраняется в них в виде отдельного высказывания или реплики эпизодического персонажа.

Авторские сентенции, как правило, завершающие повести, подводят итог, а сам моралистически-учительный тон повестей восходит к проповеди идеала мира, провозглашенному в народных рассказах. Стилистически повести близки нравоучительной риторике народных рассказов и тяготеют к афористичности.

Постигнутый Толстым смысл жизни, понимание и признание им народной мудрости дали ему право учить: он мыслитель и судия, обладающий знанием истины. Это обусловило появление в рассматриваемых произведениях публицистических интонаций. В их художественную структуру вписана религиозно-нравственная проповедь мира должного. Публицистические интонации отчетливо звучат в «Крейцеровой сонате». Однако подобная стиливая двусоставность повестей не нарушает их художественного единства.

Безроманное творчество 80-90-х годов – не свидетельство кризиса Толстого-художника, а сложный и трагический поиск «сопряжения» пути. Заканчивая работу над романом «Анна Каренина», Толстой говорил: «Чтоб произведение было хорошо, надо любить в нем главную, основную мысль. Так в „Анне Карениной“ я люблю мысль семейную, в „Войне и мире“ люблю мысль народную, вследствие войны 12-го года; а теперь мне так ясно, что в новом произведении я буду любить мысль русского народа в смысле силы завладевающей» [11]. Возможность подобного «сопряжения»-воскресения личности, обращенной к народным христианским основам, будет представлена Толстым в романе «Воскресение» (1899). Характерно, что его жанр сам автор определил как «совокупное – многим – письмо» [12, Т. 71, с. 515].

Художественный синтез, к которому приблизился Толстой в своем творчестве 1880-1890-х годов, прогнозировал появление качественно новой стилиевой системы, явленной в прозе Чехова, и предопределял характер развития литературы XX века.

Судьба определила Толстого на роль посредника между различными эпохами. Он жил в двух эпохах: предельно созная одну, предчувствовал другую. Его творчество завершало «золотой век» классической русской прозы и объективно готовило переход к созданию литературы XX века.

Библиографический список

1. Аверинцев, С. С. Притча [Текст] / С. С. Аверинцев // Литературный энциклопедический словарь. – М., 1987. – С. 305.
2. Густафсон, Р. Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого [Текст] / Р. Ф. Густавсон. – СПб., 2003.
3. Каминский, В. И. Пути развития реализма в русской литературе конца XIX века [Текст] / В. И. Каминский. – Л. : Наука, 1979. – С. 15.
4. Кулешов, В. И. Эпюды о русских писателях [Текст] / В. И. Кулешов. – М. : изд-во МГУ, 1982. – С. 219.
5. Купреянова, Е. Н. Эстетика Л. Н. Толстого [Текст] / Е. Н. Купреянова. – М.; Л. : Наука, 1966. – С. 214.
6. Медведев, П. Н. Формальный метод в литературоведении. Критическое введение в социологическую поэтику [Текст] / П. Н. Медведев. – Л. : Прибой, 1929. – С. 185.
7. Мотылева, Т. Л. Роман – свободная форма [Текст] / Т. Л. Мотылева. – М., 1982. – С. 175–176.
8. Николаева, Е. В. Древнерусские литературные традиции в становлении жанра народных рассказов Л. Н. Толстого [Текст] / Е. В. Николаева // Литература древней Руси. – М., 1981. – С. 129, 130.
9. Николаева, Е. В. О некоторых источниках «Исповеди» Льва Толстого (К вопросу об использовании в произведении традиций древнерусской литературы) [Текст] / Е. В. Николаева // Литература Древней Руси. Вып. 4. – М., 1983. – С. 130.
10. Роллан, Р. Собрание сочинений : В 14-ти тт. Т. 2 [Текст] / Р. Роллан. – М., 1954. – С. 312.
11. Толстая, С. А. Дневники. В 2-х тт., Т. 1 1862-1900 [Текст] / С. А. Толстая. – М., 1978. – С. 502.
12. Толстой, Л. Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. (Юбилейное издание) [Текст] / Л. Н. Толстой. – М. : Гослитиздат, 1928-1958.

Reference List

1. Averincev, S. S. Pritcha = Parable [Tekst] / C. S. Averincev // Literaturnyj jenciklopedicheskij slovar'. – M., 1987. – S. 305.
2. Gustafson, R. F. Obitalatel' i chuzhak. Teologija i hudozhestvennoe tvorchestvo L'va Tolstogo = Inhabitant and stranger. Theology and art creativity of Leo Tolstoy [Tekst] / R. F. Gustavson. – SPb., 2003.
3. Kaminskij, V. I. Puti razvitija realizma v russkoj literature konca XIX veka = Ways of realism development in the Russian literature of the end of the XIX century [Tekst] / V. I. Kaminskij. – L. : Nauka, 1979. – S. 15.
4. Kuleshov, V. I. Jetjudy o russkih pisateljah = Etudes about the Russian writers [Tekst] / V. I. Kuleshov. – M. : izd-vo MGU, 1982. – S. 219.
5. Kuprejanova, E. N. Jestetika L. N. Tolstogo = L. N. Tolstoy's esthetics [Tekst] / E. N. Kuprejanova. – M.; L. : Nauka, 1966. – S. 214.
6. Medvedev, P. N. Formal'nyj metod v literaturovedenii. Kriticheskoe vvedenie v sociologicheskiju pojetiku = Formal method in literary criticism. Critical introduction to sociological poetics [Tekst] / P. N. Medvedev. – L. : Priboj, 1929. – S. 185.
7. Motyleva, T. L. Roman – svobodnaja forma = The novel is a free form [Tekst] / T. L. Motyleva. – M., 1982. – S. 175–176.
8. Nikolaeva, E. V. Drevnerusskie literaturnye tradicii v stanovlenii zhanra narodnyh rasskazov L. N. Tolstogo = Old Russian literary traditions in formation of a genre of L. N. Tolstoy's national stories [Tekst] / E. V. Nikolaeva // Literatura drevnej Rusi. – M., 1981. – S. 129, 130.
9. Nikolaeva, E. V. O nekotoryh istochnikah «Ispovedi» L'va Tolstogo (K voprosu ob ispol'zovanii v proizvedenii tradicij drevnerusskoj literatury) = About some sources of «Confession» of Leo Tolstoy (To a question of use of Old Russian literature traditions in the work) [Tekst] / E. V. Nikolaeva // Literatura Drevnej Rusi. Vyp. 4. – M., 1983. – S. 130.
10. Rollan, R. Sbranie sochinenij : V 14-ti tt. T. 2 = Collected works: In 14 volumes. V. 2 [Tekst] / R. Rollan. – M., 1954. – S. 312.
11. Tolstaja, S. A. Dnevnik. V 2-h tt., T. 1 1862-1900 = Diaries. In 2 volumes, V. 1 1862-1900 [Tekst] / S. A. Tolstaja. – M., 1978. – S. 502.
12. Tolstoj, L. N. Poln. sobr. soch.: V 90 t. (Jubilejnoe izdanie) = Complete works: In 90 v. (Anniversary edition) [Tekst] / L. N. Tolstoj. – M. : Goslitizdat, 1928-1958.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Н. Г. Коптелова <https://orcid.org/0000-0001-7145-223X>**Стихотворение А. Блока «Шаги Командора»: театральность поэтики**

В статье на материале стихотворения «Шаги Командора» рассматривается один из вариантов воплощения поэтики театральности, весьма характерной для лирики А. Блока. Доказывается, что художественная специфика этого произведения определяется особой театрално-драматургической призмой преломления вечного образа Дон-Жуана. Выраженные в стихотворении мысли и чувства как бы заключены в театральную оболочку: в сознании лирического героя происходит своеобразное проигрывание эпилога трагедии. У читателя возникает иллюзия созерцания некоего спектакля с построением мизансцен, с элементами декораций, с воссозданием авторских ремарок и реплик театральных персонажей. Один из импульсов, питающих театральность поэтики «Шагов Командора», идет от юношеских впечатлений Блока, участвовавшего в любительской постановке «Каменного гостя» Пушкина.

Блоковская интерпретация образа Дон-Жуана отчетливо полемична по отношению к пушкинской трактовке этого персонажа, а также к общесимволистской легенде о Дон-Жуане – поклоннике красоты и искателе мистических глубин. Она мотивирована стремлением поэта лишить героя романтического ореола. В прочтении Блока Дон-Жуан – «изменник», к которому приходит заслуженное возмездие.

По линии театральности поэтики стихотворение Блока «Шаги Командора» соотносится в статье с «Чужой поэмой» М. Кузмина. Показывается, что Кузмин вносит в театральность мотивов и образов своего произведения субъективные коннотации, навеянные операми Моцарта «Дон-Жуан» и «Свадьба Фигаро». В отличие от блоковского стихотворения мотив «проигрыша» Дон-Жуана звучит в «Чужой поэме» на фоне мажорной тональности лирического повествования. За этой перекодировкой театральности стоят и черты авторской индивидуальности Кузмина, и принципы его эстетики, во многом полярной философии творчества Блока.

Ключевые слова: А. Блок, поэтика театральности, лирика, Дон-Жуан, «Каменный гость» А. С. Пушкина, «язык» драмы и театра, интерпретация, спектакль, символисты, М. Кузмин.

N. G. Koptelova

A. Blok's Poem «Knight Commander's Steps»: Poetics Theatricality

The poetics of theatricality is very characteristic of A. Blok's lyrics. One of the options of its embodiment in the poem «Knight Commander's Steps» is considered in the article. It is proved that the artistic specificity of this work is determined by a special theatrical-dramatic prism of interpretation of the eternal image of Don-Juan. The thoughts and feelings expressed in the poem are, as it was, enclosed in a theatrical envelope: a kind of replay of the epilogue of the tragedy takes place in the mind of the lyrical hero. The reader has an illusion of contemplation of a certain performance with creation of stage settings, with elements of scenery, with reconstruction of the author's notes and remarks of theatrical characters. One of the impulses that feed the theatricality of the poetics of «Knight Commander's Steps» comes from Blok's youthful impressions, who took part in the amateur production of Pushkin's «The Stone Guest».

Blok's interpretation of the image of Don-Juan is clearly polemical in relation to Pushkin's interpretation of this character and also – to an all-symbolist legend of Don-Juan – the admirer of beauty and the seeker of mystical depths. It is motivated with the aspiration of the poet to deprive the hero of his romantic aura. In Blok's reading Don-Juan is the «traitor» to whom deserved punishment comes.

It is admitted in the article that in the theatricality of poetics area Alexander Blok's poem «Knight Commander's Steps» correlates with «Another Person's Poem» by M. Kuzmin. It is shown that Kuzmin brings in some subjective connotations to the theatricality of the motives and images of his work, these were inspired by Mozart's operas «Don-Juan» and «Figaro's Marriage». In contrast to Blok's poem the motive of «loss» of Don-Juan sounds against the background of the major key in the lyrical narration of «Another Person's Poem». Behind this transcoding of theatricality there are both the features of Kuzmin's author's personality traits and the principles of his aesthetics, in many respects polar to the philosophy of Blok's creativity.

Keywords: Alexander Blok, the poetics of theatricality, lyrics, Don-Juan, *The Stone Guest* by Alexander Pushkin, the «language» of drama and theater, interpretation, performance, symbolists, M. Kuzmin.

В конце XIX – начале XX века многие ведущие тенденции в развитии русской художественной культуры определялись процессом взаимодействия искусств. Младосимволисты, представляя одно из самых сильных и влиятельных направлений эпохи, по-

своему чутко реагировали на художественные устремления современности, обусловленные интегративными тяготениями. Взаимодействие искусств не только осуществлялось в их творческой практике, но также стало предметом эстетической

рефлексии. Высшей формой взаимодействия младосимволисты считали синтез искусств, который они рассматривали как основу теургии. В их восприятии синтез искусств был органично связан с воплощением идеала соборности, с решением жизнетворческих задач.

Одним из результатов взаимодействия искусств, особенно ярко запечатлевшихся в эпоху Серебряного века, стала театральность (литературы, живописи, музыки). Театральность оказывается и доминантой стиля одного из лидеров младосимволизма, А. Блока. По словам Т. М. Родиной, «в творчестве Блока эта потребность (потребность пересечения лирики и театра. – Н. К.) полнее всего проявляется в русском искусстве, а возможно, – и в европейском вообще» [22, с. 94]. Именно Блок закрепляет феномен театральности поэзии в художественном сознании XX века. «После Блока театральность, в утверждении которой Блок – одна из центральных фигур, пошла с ускорением», – справедливо отмечает Ст. Лесневский [14, с. 228].

Театрально-драматургическое начало, реализовавшееся в лирике Блока, заметили еще его современники-символисты. Например, В. Брюсов на полях подаренной ему Блоком книги «Нечаянная радость» сделал помету: «Больше драматург, чем лирик» [20, с. 671]. Наблюдения за функционированием в лирике Блока элементов театрально-драматургической поэтики были важны для Брюсова как подтверждение его вывода о том, что художественная эволюция автора «Нечаянной радости» проходит по линии возрастающей объективации и драматизации лирического переживания. В своей рецензии на этот блоковский сборник Брюсов подчеркивал: «Его (Блока. – Н. К.) маленькие диалоги и его песни, сложенные от чужого лица, вызывают к жизни вереницы душ, которые уже кажутся нам близкими, знакомыми и дорогими» [7, Т. 6, с. 329]. Другой соратник Блока по символизму А. Белый, рецензируя лирические драмы поэта, в сущности, верно выявлял диалектику соотношения «театрально-драматургического» и «лирического» компонентов в блоковской творческой системе, указывал как на драматургичность лирики, так и на лиричность драм: «Лирика Блока, разорванная в клочки драма, не перешла в драму...» [4, с. 66].

О ярком и многообразном выражении театральности в лирике Блока писали впоследствии многие критики и литературоведы XX века (Ю. И. Айхенвальд, Б. М. Эйхенбаум, М. А. Рыбникова, Н. Д. Волков, Ю. Н. Тынянов, А. Е. Горелов, М. Ф. Пьяных, З. Г. Минц, А. В. Федоров, Е. М. Таборисская, И. Б. Роднянская, Д. Е. Максимов и др.). Концепция театральности лирики Блока наиболее

доказательно и полно была развернута в монографиях П. П. Громова [10] и Т. М. Родиной [22], до сих пор не утративших своего научного значения и наметивших перспективы исследования этой черты блоковской поэтики для современных литературоведов. Тем не менее, проблема связей блоковской поэзии с театром и драматургией столь сложна и многоаспектна, что говорить о ее исчерпывающем решении просто не приходится. Театральность выступает в пределах творческой системы Блока как многосоставная движущаяся категория: театр в качестве многогранного субъекта может вмешиваться в поэзию – объект, также отличающийся многослойностью, – различными своими сторонами.

Генезис поэтики театральности, характерной для художественного мышления Блока, оказывается весьма разветвленным. Театральность восходит к страстному увлечению поэта театром, не покидающему его в течение всей жизни. Это увлечение рождает у Блока желание использовать в лирике театральные образы, мотивы, сюжеты, а также соответственно и некоторые другие элементы театрально-драматургической поэтики. Стремление освоить театральные способы постижения мира и человека подкрепляется тем, что подчас Блок осмысляет действительность как «театр». В его стихах фиксируется философское восприятие жизни не только как «высокой трагедии», но и как чудовищного маскарада, балагана. Далее: стремление к театру, как высшему виду искусства (статья «О театре» (1908)) встречает противодействие господствующего в творческом сознании Блока лирического способа познания мира. Это приводит к тому, что художественные потоки лирики и театра в его поэтической лаборатории оказываются в состоянии «единства и борьбы» противоположностей. В итоге в поэзию внедряются некоторые театрально-драматургические начала. Отдельные черты, специфичные для художественного мышления драматургов, актеров и режиссеров и органичные для Блока, проявляются на почве лирики.

Задача всестороннего изучения широкого круга контактов и «интерференций» лирики Блока с искусством театра настоятельно требует проведения многоплановых интермедийных исследований, методология которых особенно активно развивается в отечественной гуманитарной науке в последние десятилетия [19; 11]. В числе наиболее актуальных исследовательских задач – выявление разнообразных путей и форм освоения Блоком-лириком творческого опыта и «языка» драмы и театра. Предложенная статья – определенный шаг именно в этом направлении. В ней мы рассмотрим один из вариантов воплощения поэтики театральности в стихотворении

«Шаги Командора» (1910-1912), принадлежащем к числу самых известных блоковских произведений.

Как известно, колоритная фигура Дон-Жуана привлекала творческое внимание многих художников слова [18; 26]. В конце XIX – начале XX века в символистской среде наблюдается желание найти в образе Дон-Жуана новые смысловые грани, раскрыть его по шкале новой художественной аксиологии. Причем можно говорить о различных направлениях интерпретации этого образа некоторыми авторами символистской ориентации. Так, например, возникает легенда об «эстетическом» Дон-Жуане, жаждущем постижения новой и новой красоты. Внося свой вклад в культивирование и развитие этой легенды, К. Бальмонт пишет в статье «Тип Дон-Жуана в мировой литературе»: «Есть романтический, общепонятный Дон-Жуан, который умер, и есть тайный символический лик Дон-Жуана, который никогда не умрет. Дон-Жуан разнообразен, он неисчерпаем, как наша душа, он проходит весь свой мир, от полюса до полюса и, дойдя до предельной черты этих полюсов, тоскует и смотрит дальше» [2, с. 270]. Новое слово о Дон-Жуане Бальмонт стремится сказать в таком своем произведении, как «Дон-Жуан. Отрывки из ненаписанной поэмы» (1898).

На ту же высоту – «эстетического» человека – возносит Дон-Жуана В. Брюсов (в стихотворении «Дон-Жуан» (1900), вошедшем в раздел «Любимцы веков» в сборнике «Tertia vigilia»):

Да, я – моряк! Искатель островов,
Скиталец дерзкий в неоглядном море,
Я жажду новых стран, иных цветов,
Наречий странных, чуждых плоскогорий.

И женщины идут на страстный зов,
Покорные, с одной мольбой во взоре!
Спадает с душ мучительный покров
Все отдают они – восторг и горе [7, Т. 1, с. 158].

У Брюсова Дон-Жуан демонически находит для себя сладострастие в непрерывном поиске «безвестной тайны» в душах женщин, которыми он владеет. Поэт эстетизирует даже вампиризм героя, поскольку он вызван жаждой открытия «новых миров».

С. Рафалович дает свою версию образа в драматической трилогии в стихах «Отвергнутый Дон-Жуан» (1907), но при этом остается в рамках общесимволистского интерпретационного подхода. У него, как пишет З. Венгерова, Дон-Жуан тоже является «носителем мистической свободы», так как воспринимает любовь как «символ вечности» [8, с. 14-15]. В итоге в истолковании Рафаловича образ Дон-Жуана предстает также романтизированным.

Примечательно, что Блок дает резко отрицательный отзыв о пьесе Рафаловича в статье «О драме» (1907), отмечая ее низкий художественный уровень [5, Т. 7, с. 92-93]. В то же время в стихотворении «Шаги Командора» он парадоксально перекликается с драматической трилогией Рафаловича в идее Дон-Жуана, ниспровергнутого с пьедестала.

Поэтическими этюдами к «Шагам Командора» являются стихотворения «С мирным счастьем покончены счеты...» и «Седые сумерки легли...», написанные 11 февраля 1910 года. Они еще не обнаруживают связи с театральным сюжетом, но готовят тему измены и ожидающегося возмездия («...Ты изменил давно, // Бесповоротно») и очерчивают плоскость современности («Как пропел мне сиреной влюбленной // Тот сквозь ночь пролетевший мотор...»), «Автомобиль пропел вдали // В рожок победный») [5, Т. 3, с. 15].

В свое время О. Мандельштам, подчеркивая архетипическую, мифологическую, основу этого стихотворения писал: «Стихи Блока дают последнее убежище младшему в европейской семье сказанию – мифу. Но вершина исторической поэтики Блока, торжество европейского мифа, который движется в традиционных формах и не боится анахронизма современности, – это „Шаги Командора“». Здесь пласты времени легли друг на друга в заново вспаханном поэтическом сознании, и зерна старого сюжета дали обильные всходы...» [15, с. 28-29]. Признавая правоту Мандельштама, в то же время необходимо указать, что Блок не просто обращается к мифу как таковому, но отталкивается именно от театральных интерпретаций вечного сюжета. Отсюда – присутствие особого «театрального» слоя в сложной, многозначной лирической структуре.

Несомненно, один из импульсов, питающих театральность поэтики «Шагов Командора», идет от юношеских впечатлений Блока. По воспоминаниям его тетки М. А. Бекетовой, в 1898 году он участвовал в постановке «Каменного гостя» А. С. Пушкина, осуществленной в любительском театре в Боблове [3, с. 64]. Эти давние переживания и воспоминания поэта отчасти и формируют особую театральную призму, преломляющую в «Шагах Командора» лирические переживания. Справедливо отмечает Е. М. Табориская: «Донна Анна и Командор осуществляются, обретают жизнь, войдя в сознание Дон-Жуана. Они существуют в стихотворении не столько как некая внеположенная ему реальность, сколько как персонажи драмы, разыгрываемой внутри „я“ лирического героя. Наедине с собою герой проигрывает эпилог трагедии, основное действие которой – в прошлом» [23, с. 91-92].

«Тяжкий плотный занавес у входа, // За ночным окном – туман» – описание декоративных аксессуаров призвано придать происходящему театральную зрелищность. «Что теперь твоя постылая свобода, // Страх познавший Дон-Жуан?» [5, Т. 3, с. 50] – эти слова автора обращены отнюдь не к вдохновенному и внутренне свободному Дон-Жуану, упивающемуся своей жаждой красоты. Рефлексия поэта-символиста, воплощенная в стихотворении «Шаги Командора», как точно указывает З. Г. Минц, текстуально соотносится с четвертой сценой драмы Пушкина «Каменный гость» [16, с. 222], в которой Дон-Жуан дерзко бросает вызов Командору, олицетворяющему возмездие, пришедшее из иного мира. В их словесном поединке в драме Пушкина последнее слово все-таки остается за Дон-Жуаном, оказавшимся верным своей безоглядной смелости:

С т а т у я

Дрожишь ты, Дон-Гуан?

Д о н - Г у а н

Я? Нет. Я звал тебя и рад, что вижу [21, с. 171].

Блоковская интерпретация образа Дон-Жуана отчетливо полемична по отношению к пушкинской трактовке этого персонажа. Она мотивирована стремлением лишить героя романтического ореола, упростить и «выпрямить» его личные характеристики, подвести его поступки к жесткой нравственной оценке и даже беспощадному суду.

Затем хронотоп стихотворения Блока трансформируется: «театральное» пространство, обозначенное своеобразными «ремарками», расширяется до инобытия:

Холодно и пусто в пышной спальне,

Слуги спят и ночь глуха.

Из страны блаженной, незнакомой, дальней

Слышно пенье петуха» [5, Т. 3, с. 50].

Петух символически возвещает о наступающем утре. Согласно многим мифологическим традициям, петух предупреждает о явлении солнца, света, возрождения [25, с. 310]. Семантическая структура образа петуха в данном случае включает мистический элемент. Блоковское истолкование этого архетипа коррелирует отчасти с новозаветным [25, с. 310], отчасти с общесимволистским контекстом [17, с. 73-74]. Но все дело в том, что для Дон-Жуана утро уже не наступит: «Что изменнику блаженства звуки? // Миги жизни сочтены» [5, Т. 3, с. 51].

«Лирический» Дон-Жуан не беззаботен, как «театральный», не думающий о возмездии, – он мучим укорами совести. Мотив «зеркала», звучащий в стихотворении, является своеобразным итогом драматизации и театрализации лирических переживаний, становится знаком «двойничества». В «зеркала» Дон-Жуан видит «жестokie черты» карающего и беспощадного лика своей души –

Командора. Он терзается мыслью о том, что погубил Анну; его голос, обращенный к Анне, переполнен страданием: «Анна, Анна, сладко ль спать в могиле? // Сладко видеть неземные сны?» [5, Т. 3, с. 51]. Заслуживает доверия вывод Ю. В. Бабичевой о том, что в блоковском преломлении вечного сюжета художественно воплотилась философия символизма: Дон-Жуан и донна Анна находятся «на пороге тайны», «на рубеже двух миров» [1].

Но, уже предчувствуя возмездие и смерть, «лирический» Дон-Жуан все-таки поступает так, как положено по версии театрального сюжета, – он бросает вызов Командору: «Жизнь пуста, безумна и бездонна! // Выходи на битву, старый рок!» [5, Т. 3, с. 51]. И далее ясно обозначается плоскость современности, диссонансом вторгающаяся в театрально-лирическую структуру живыми реалиями, но в то же время показывающая: миф обращен к настоящему:

И в ответ – победно и влюбленно –

В снежной мгле поет рождок...

Пролетает, брызнув в ночь огнями,

Черный, тихий, как сова, мотор,

Тихими, тяжелыми шагами

В дом вступает Командор... [5, Т. 3, с. 51].

В воспоминаниях В. А. Зоргенфрея, которому и было посвящено стихотворение, переданы замечания Блока, касающиеся истории создания «Шагов Командора». В них описаны реальные впечатления поэта, ставшие толчком для написания этого произведения [12, с. 24].

Командор олицетворяет наступившее возмездие: «Бой часов: „Ты звал меня на ужин. // Я пришел. А ты готов?..“»... [5, Т. 3, с. 51]. Справедливо подчеркивает Е. Б. Тагер: «Знаменателен этот вопрос: „А ты готов?“ Его нет ни у Пушкина, ни у Мольера» [24, с. 90]. В отличие от «театрального» Дон-Жуана, у Дон-Жуана «лирического» не хватает дерзости ответить Командору: он «познал страх» еще перед его приходом.

Мотив «тишины» объединяет две строфы, которые образуют композиционную спираль. В этих строфах – бестолковое движение предсмертных мыслей и впечатлений Дон-Жуана, назойливое повторение одних и тех же образов:

На вопрос жестокий нет ответа,

Нет ответа – тишина

В пышной спальне страшно в час рассвета,

Слуги спят, и ночь бледна.

В час рассвета холодно и странно.

В час рассвета – ночь мутна.

Дева Света! Где ты, донна Анна?

Анна! Анна! – Тишина ... [5, Т. 3, с. 51].

Последний крик Дон-Жуана обращен к Анне. Тот факт, что «донна Анна» оказывается «Девой Света», обнажает черту, на которой смыкаются «театральный» и «лирический» слои поэтики «Шагов Командора». Тут

же вступает в действие «закон контекста» [9, с. 274] – становится яснее смысл стихотворения. Выходит, «театральная» оболочка поэтического сюжета была необходима Блоку для того, чтобы выразить основную мысль стихотворения в неожиданной, яркой, автопародийной форме. Поэт жестко предъявляет счет своему лирическому герою (в театральной маске Дон-Жуана), исповедально обнажающему его собственные переживания. Те самым Блок упрекает самого себя за «измену» «Деве света» («донне Анне»), которая есть одно из воплощений Вечной женственности.

Стихотворение «Шаги Командора» подпитывается блоковской рефлексией, ностальгией поэта по ушедшим высокими мистическим переживаниям юности. В нем продолжена блоковская традиция лирического освоения именно театрального воплощения сюжета, в центре которого – миф о Дон-Жуане. Поэтика произведения определяется особой, театрально-драматургической призмой преломления вечного образа. Выраженные в стихотворении мысли и чувства как бы заключены в театральную оболочку: в сознании лирического героя происходит своеобразное проигрывание эпилога трагедии. Отсюда – возникновение у читателя иллюзии созерцания некоего спектакля с построением мизансцен, с элементами декораций, с воссозданием авторских ремарок и реплик театральных персонажей. Причем, отталкиваясь от известных театральных версий, Блок в стихотворении «Шаги Командора» дает совершенно новые ходы архетипическому сюжету. Образ Дон-Жуана он интерпретирует вопреки традиционным подходам символистов, намеренно снижая его, но, несмотря на это, толкуя в трагическом ключе. Таким образом, блоковское переосмысление вечного образа в определенной мере взламывает общесимволистскую и даже общемодернистскую традицию, развенчивает легенду о Дон-Жуане – поклоннике красоты и искателе мистических глубин. В прочтении Блока дон-Жуан – «изменник», к которому приходит заслуженное возмездие.

По линии театральности поэтики стихотворение Блока «Шаги Командора» можно соотнести с «Чужой поэмой» (1916) М. Кузмина, где предложена изящная, шутивная театрально-игровая вариация на тему Дон-Жуана. Театральность поэтики «Чужой поэмы» Кузмина так же, как и у Блока, многопланова и является одной из доминант его индивидуального стиля. Во-первых, она связана, с авторской попыткой театрально вжиться в «чужую» роль: Кузмин создает образ лирического героя, психологически и биографически близкого известному художнику С. Ю. Судейкину, влюбленному в актрису Камерного театра В. А. Шиллинг (Стравинскую) [6, с. 77]. Этот

герой в исповедальном монологе выражает свои чувства и переживания, признаваясь в любви своему адресату. Во-вторых, театральность в «Чужой поэме» проявляется в том, что ее лирический сюжет основан на парадоксальном столкновении персонажей из разных драматических произведений. Образно-ассоциативный ряд, выстроенный Кузминым, отсылает к операм Моцарта «Дон-Жуан» и «Свадьба Фигаро», а также к комедии Бомарше «Женитьба Фигаро». Возникает своеобразная «театральная путаница»: Дон-Жуана вытесняет энергичный и неунывающий Фигаро, маску которого и надевает лирический субъект, встречающийся, однако, не с Сузанной, а с донной Анной: «Я – Фигаро, а вы... вы – донна Анна. // Нет, дон-Жуана нет, и не придет Сузанна!» [13, с. 47]. Кузмин-поэт, подобно режиссеру, ставит своеобразный спектакль-коллаж, организует театральное действо, смешивая образы из разных драматических творений.

Причудливое сплетение театральных образов у Кузмина, тем не менее, мотивировано реальностью: В. А. Шиллинг, ставшая прототипом героини, и в самом деле участвовала в спектакле «Свадьба Фигаро» по пьесе Бомарше, поставленном в Камерном театре А. Я. Таировым и оформленном Судейкиным [6, с. 77]. В. А. Шиллинг танцевала испанский танец в костюме, придуманном для нее влюбленным художником. В свою очередь, тот же Судейкин по-своему «театрализовал» свои отношения с возлюбленной, в реальной жизни называя ее «донной Анной». Вместе с тем к «вечному» образу Дон-Жуана он относился резко отрицательно, поэтому вне сцены предпочитал «играть роль» блистательного Фигаро [6, с. 77].

Итак, образ Дон-Жуана в «Чужой поэме» Кузмина есть результат лирической рефлексии, питающейся впечатлениями, почерпнутыми именно из одноименной оперы Моцарта. В спектакле по комедии Бомарше «Женитьба Фигаро», поставленном Таировым, также звучала музыка из оперы Моцарта «Свадьба Фигаро». Отсюда – строки Кузмина: «О, сердце, может лучше не мечтать бы! // Испания и Моцарт – „Фигаро“!» [13, с. 47]. Отголосок «веселой драмы» (определение самим композитором жанровой специфики оперы «Дон-Жуан») Моцарта выразился и в доброй, насмешливой интонации «Чужой поэмы», и в легком комизме упомянутого образа Дон-Жуана. С одной стороны, в интерпретации Кузмина Дон-Жуан, как у Блока и Рафаловича, оказывается «проигравшим»: отвергнутым, забытым донной Анной и даже отсутствующим, замененным ликующим Фигаро: «Заплаканна, прекрасна и желанна, // Я думал сквозь трепещущий туман, // Что встретится со мною донна Анна, // Которой уж не снится дон-Жуан» [13, с. 47]. С другой стороны, Кузмин вносит в театральность

мотивов и образов своего произведения субъективные коннотации, навеянные операми Моцарта: в отличие от блоковского стихотворения «Шаги Командора», мотив «проигрыша» Дон-Жуана звучит в «Чужой поэме» на фоне мажорной тональности лирического повествования. В понимании Кузмина Дон-Жуан становится частью жизнеутверждающей, артистической, театрально-игровой стихии. За этой перекодировкой театральности стоят и черты поэтической индивидуальности Кузмина, и принципы его эстетики, во многом полярной философии творчества Блока. Для автора же «Шагов Командора» Дон-Жуан – трагический герой, достигнутый заслуженным возмездием за предательство светлого мистического идеала юности. Он выражает одну из ипостасей, театральных «ролей» лирического «я» поэта.

Библиографический список

1. Бабичева, Ю. В. Семейный альбом дон Жуана Тенорьо де Маранья [Электронный ресурс] / Ю. В. Бабичева. – URL: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/6_02.htm
2. Бальмонт, К. Д. Тип Дон-Жуана в мировой литературе [Текст] / К. Д. Бальмонт // Мир искусства. – 1903. – № 5-6. – С. 269-292.
3. Бекетова, М. А. Александр Блок и его мать [Текст] / М. А. Бекетова. – Л.; М.: Изд-во «Петроград», 1925. – 183 с.
4. Белый, А. Обломки миров [Текст] / А. Белый // Весы. – 1908. – № 5. – С. 65-68.
5. Блок, А. А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. Т. 1-8 [Текст] / А. А. Блок. – М.: Наука, 1997-2010.
6. Богомолов, Н. Михаил Кузмин: искусство, жизнь, эпоха [Текст] / Н. Богомолов, Малмстад Дж. Э. – СПб.: Вита Нова, 2007. – 560 с.
7. Брюсов, В. Я. Собрание сочинений: в 7 т. [Текст] / В. Я. Брюсов. – М.: Художественная литература, 1973-1975.
8. Венгерова, З. Предисловие [Текст] / З. Венгерова // Рафалович С. Отвергнутый Дон-Жуан: Драматическая трилогия в стихах. – СПб.: Шиповник, 1907. – С. 5-23.
9. Гинзбург, Л. Я. О лирике [Текст] / Л. Я. Гинзбург. – Л.: Советский писатель, 1974. – 412 с.
10. Громов, П. П. А. Блок. Его предшественники и современники [Текст] / П. П. Громов. – Л.: Советский писатель, 1986. – 600 с.
11. Грякалова, Н. Ю. Опера Р. Леонкавалло «Паяцы» в художественном сознании Блока [Текст] / Н. Ю. Грякалова, Чжи Ен Ан // Александр Блок. Исследования и материалы / отв. ред. Н. Ю. Грякалова. – СПб.: Издательство «Пушкинский Дом», 2016. – Т. 5. – С. 7-24.
12. Зоргенфрей, В. А. Александр Александрович Блок [Текст] / В. А. Зоргенфрей // Александр Блок в воспоминаниях современников: в 2 т. – М.: Художественная литература, 1980. – Т. 2. – С. 7-46.
13. Кузмин, М. Эхо. Стихи [Текст] / М. Кузмин. – Пг.: Картонный домик, 1921. – 66 с.
14. Лесневский, Ст. Театральность поэзии [Текст] / Ст. Лесневский // Современная драматургия. – 1983. – № 4. – С. 227-229.
15. Мандельштам, О. А. Блок [Текст] / О. Мандельштам // Россия. – 1922. – № 1 (август). – С. 28-29.
16. Минц, З. Г. Блок и Пушкин [Текст] / З. Г. Минц // Минц З. Г. Александр Блок и русские писатели. – СПб.: «Искусство – СПб», 2000. – С. 145-260.
17. Минц, З. Г. Лирика Александра Блока: спецкурс [Текст] / З. Г. Минц. – Тарту: Изд-во Тартуского университета, 1969. – Вып. 2. – 177 с.
18. Погребная, Я. В. Типология интерпретаций образа Дон Жуана [Текст] / Я. В. Погребная // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 9 (63). – Ч. 1 – С. 41-45.
19. Полякова, Е. А. Театральность в литературе [Текст] / Е. А. Полякова // Новый филологический вестник. – 2008. – № 2 (7). – С. 37-38.
20. Пуришева, В. Библиотека В. Брюсова [Текст] / В. Пуришева // Литературное наследство. – М.: Журнално-газетное объединение. – Т. 27-28. – С. 661-674.
21. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 7. [Текст] / А. С. Пушкин. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. – 395 с.
22. Родина, Т. М. Александр Блок и русский театр начала XX века [Текст] / Т. М. Родина. – М.: Наука, 1972. – 312 с.
23. Таборисская, Е. М. А. Блок. «Шаги Командора» (опыт монографического прочтения) [Текст] / Е. М. Таборисская // Лирическая и эпическая поэзия XIX века: сборник научных трудов. – Л.: ЛГПИ, 1976. – С. 84-100.
24. Тагер, Е. Б. Мотивы «возмездия» и «страшного мира» в лирике Блока [Текст] / Е. Б. Тагер // Александр Блок. Новые материалы и исследования: Литературное наследство. – М.: Наука, 1980. – Т. 92. – Кн. 1. – С. 85-97.
25. Топоров, В. Н. Петух [Текст] / В. Н. Топоров // Мифы народов мира: энциклопедия: в 2 т. / гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 2. – 720 с.
26. Weinstein Leo. The Metamorphoses of Don Juan / Leo Weinstein. – Stanford: Stanford University Press, 1959. – 223 p.

Reference List

1. Babicheva, Ju. V. Semejnyj al'bom dona Zhuana Tenor'io de Maran'ja = Family album of Don Zhuana Tenor'io de Marania [Jelektronnyj resurs] / Ju. V. Babicheva. – URL: http://www.booksite.ru/fulltext/suda/kov/6_02.htm

2. Bal'mont, K. D. Tip Don-Zhuana v mirovoj literature = Don Juan's type in the world literature [Tekst] / K. D. Bal'mont // Mir iskusstva. – 1903. – № 5-6. – S. 269-292.
3. Beketova, M. A. Aleksandr Blok i ego mat' = Aleksandr Blok and his mother [Tekst] / M. A. Beketova. – L.: M.: Izd-vo «Petrograd», 1925. – 183 s.
4. Belyj, A. Oblomki mirov = Fragments of the worlds [Tekst] / A. Belyj // Vesny. – 1908. – № 5. – S. 65-68.
5. Blok, A. A. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 20 t. T. 1-8 = Complete works and letters: in 20 t. V. 1-8 [Tekst] / A. A. Blok. – M.: Nauka, 1997-2010.
6. Bogomolov, N. Mihail Kuzmin: iskusstvo, zhizn', jepoha = Mikhail Kuzmin: art, life, era [Tekst] / N. Bogomolov, Malmstad Dzh. Je. – SPb.: Vita Nova, 2007. – 560 s.
7. Brjusov, V. Ja. Sobranie sochinenij: v 7 t. = Collected works: in 7 v. [Tekst] / V. Ja. Brjusov. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1973-1975.
8. Vengerova, Z. Predislovie = Foreword [Tekst] / Z. Vengerova // Rafalovich S. Otvergnutyj Don-Zhuan: Dramaticheskaja trilogija v stihah. – SPb.: Shipovnik, 1907. – S. 5-23.
9. Ginzburg, L. Ja. O lirike = About lyrics [Tekst] / L. Ja. Ginzburg. – L.: Sovetskij pisatel', 1974. – 412 s.
10. Gromov, P. P. A. Blok. Ego predshestvenniki i sovremenniki = A. Blok. His predecessors and contemporaries [Tekst] / P. P. Gromov. – L.: Sovetskij pisatel', 1986. – 600 s.
11. Grjakalova, N. Ju. Opera R. Leoncavallo «Pajacy» v hudozhestvennom soznanii Bloka = The opera by R. Leoncavallo «Clowns» in Blok's art consciousness [Tekst] / N. Ju. Grjakalova, Chzhi En An // Aleksandr Blok. Issledovanija i materialy / otv. red. N. Ju. Grjakalova. – SPb.: Izdatel'stvo «Pushkinskij Dom», 2016. – T. 5. – S. 7-24.
12. Zorgenfrej, V. A. Aleksandr Aleksandrovich Blok = Aleksandr Aleksandrovich Blok [Tekst] / V. A. Zorgenfrej // Aleksandr Blok v vospominanijah sovremennikov: v 2 t. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1980. – T. 2. – S. 7-46.
13. Kuzmin, M. Jeho. Stihi = Echo. Verses [Tekst] / M. Kuzmin. – Pg.: Kartonnij domik, 1921. – 66 s.
14. Lesnevskij, St. Teatral'nost' poezii = Theatricality of poetry [Tekst] / St. Lesnevskij // Sovremennaja dramaturgija. – 1983. – № 4. – S. 227-229.
15. Mandel'shtam, O. A. Blok = A. Blok [Tekst] / O. Mandel'shtam // Rossija. – 1922. – № 1 (avgust). – S. 28-29.
16. Minc, Z. G. Blok i Pushkin = Blok and Pushkin [Tekst] / Z. G. Minc // Minc Z. G. Aleksandr Blok i russkie pisateli. – SPb.: «Iskusstvo – SPb», 2000. – S. 145-260.
17. Minc, Z. G. Lirika Aleksandra Bloka: spekurs = Lyric of poet Aleksandr Blok: special course [Tekst] / Z. G. Minc. – Tartu: Izd-vo Tartuskogo universiteta, 1969. – Vyp. 2. – 177 s.
18. Pogrebnaja, Ja. V. Tipologija interpretacij obraza Don Zhuana = Typology of interpretations of the image of Don Juan [Tekst] / Ja. V. Pogrebnaja // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2016. – № 9 (63). – Ch. 1 – S. 41-45.
19. Poljakova, E. A. Teatral'nost' v literature = Theatricality in literature [Tekst] / E. A. Poljakova // Novyj filologicheskij vestnik. – 2008. – № 2 (7). – S. 37-38.
20. Purisheva, V. Biblioteka V. Brjusova = V. Bryusov's library [Tekst] / V. Purisheva // Literaturnoe nasledstvo. – M.: Zhurnal'no-gazetnoe ob#edinenie. – T. 27-28. – S. 661-674.
21. Pushkin, A. S. Poln. sobr. soch.: v 16 t. T. 7 = Complete collection composition: in 16 v. V. 7 [Tekst] / A. S. Pushkin. – M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. – 395 s.
22. Rodina, T. M. Aleksandr Blok i russkij teatr nachala HH veka = Aleksandr Blok and Russian theater of the beginning of the XX century [Tekst] / T. M. Rodina. – M.: Nauka, 1972. – 312 s.
23. Taborisskaja, E. M. A. Blok. «Shagi Komandora» (opyt monograficheskogo prochtenija) = A. Blok. «Commodore's steps» (experience of monographic reading) [Tekst] / E. M. Taborisskaja // Liricheskaja i jepicheskaja poezija HH veka: sbornik nauchnyh trudov. – L.: LGPI, 1976. – S. 84-100.
24. Tager, E. B. Motivy «vozmezdija» i «strashnogo mira» v lirike Bloka = Motives of «punishment» and «the terrible world» in Blok's lyrics [Tekst] / E. B. Tager // Aleksandr Blok. Novye materialy i issledovanija: Literaturnoe nasledstvo. – M.: Nauka, 1980. – T. 92. – Kn. 1. – S. 85-97.
25. Toporov, V. N. Petuh = A cock [Tekst] / V. N. Toporov // Mify narodov mira: jenciklopedija: v 2 t. / gl. red. S. A. Tokarev. – M.: Sovetskaja jenciklopedija, 1980. – T. 2. – 720 s.
26. Weinstein Leo. The Metamorphoses of Don Juan / Leo Weinstein. – Stanford: Stanford University Press, 1959. – 223 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Е. М. Болдырева <https://orcid.org/0000-0003-0933-0068>**Топология памяти в автобиографическом тексте: роман И. Бунина «Жизнь Арсеньева» в контексте западноевропейского модернизма (В. Беньямин «Берлинская хроника»)***Статья подготовлена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета Китайской Народной Республики при Министерстве образования КНР*

В статье рассматривается пространственная модель памяти в автобиографических произведениях И. Бунина и В. Беньямина в аспекте традиции мнемонических блужданий героя в пространстве города, который становится мемориальным палимпсестом; актуализируется важная для понимания топологии модернистской автобиографии метафора «искусство блуждания», предложенная немецким писателем и философом Вальтером Беньямином в «Берлинской хронике». Автор рассматривает «мнемонические блуждания» автобиографических героев И. Бунина и В. Беньямина, при которых память как невещественный феномен подвергается специализации, а реальное пространство города «мемориализируется», воплощая в себе собирательную природу памяти. Лирико-мнемоническое событие скитаний героя порождает интенсивную мемориальную интенцию, когда герой перемещается не столько в реальном пространстве, сколько в пространстве смысла и памяти, «картографирует» собственное бытие, выстраивая различные мемориальные диаграммы как демонстрацию отношений между героем и пространством в результате воспоминания, «карту памяти», ее пространственную модель, образованную перемещением автобиографического субъекта в определенном замкнутом топосе и воспроизводящую авторскую концепцию памяти и архитектонику автобиографического дискурса. Анализируется специфика мемориальных пространственных моделей И. Бунина и В. Беньямина: отказ от магистральных прямых путей и ориентация на «боковые ходы», места, посещаемые героем как важнейшие мемориальные топосы. В статье делается вывод, что мемориальные диаграммы образуют особое пространство памяти, когда герой погружается не только в свою, но и чужую память, когда, двигаясь в лабиринте улиц, он «обменивается с пространством» опытом, знаниями и воспоминаниями, «читает» следы прошлого, вписанные в «книгу города», и одновременно «телесно вычерченная» диаграмма материализует важнейшие для Бунина и Беньямина принципы «воли и законов Мнемозины».

Ключевые слова: И. Бунин, В. Беньямин, автобиография, автобиографический субъект, топология памяти, мемориальные диаграммы, автобиографический дискурс, мемориальный палимпсест, ландшафты памяти.

Е. М. Boldyreva

Memory Topology in the Autobiographical Text: the Novel by I. Bunin «Arsenyev's Life» in the Context of the Western European Modernism (W. Benjamin «The Berlin Chronicle»)

In the article is considered the space memory model in I. Bunin and W. Benjamin's autobiographical works in aspect of tradition of mnemonic wanderings of the hero in space of the city who becomes a memorial palimpsest; the metaphor is updated, which is important for understanding of the modernist autobiography topology, «wandering art» offered by the German writer and the philosopher Walter Benjamin in «The Berlin chronicle», the author considers «mnemonic wanderings» of I. Bunin and W. Benjamin's autobiographical heroes when memory as an immaterial phenomenon is exposed to specialization, and the real space of the city is «memorialized» personifying the collective nature of memory. The lyric and mnemonic event of the hero's wanderings generates intensive memorial intension when the hero moves not so much in real space but in space of sense and memory, he «maps» his own life, making different memorial charts as demonstration of the relations between the hero and space as a result of reminiscence, «memory map», its space model formed by movement of the autobiographical subject in a certain closed topos and the author's reproducing concept of memory and very tectonics of the autobiographical discourse. The specifics of I. Bunin and W. Benjamin's memorial space models is analyzed: refuse from trunk direct paths and orientation to «the side courses», the places visited by the hero as the major memorial toposes. In the article the conclusion is drawn that memorial charts form a special memory space when the hero plunges not only into his but also somebody's memory when, moving in a labyrinth of streets, he «exchanges with space» experience, knowledge and memoirs, «reads» the past traces entered in «the book of the city» and at the same time the «corporally drawn» chart materializes the major for Bunin and Benjamin principles of «will and Mnemozina's laws».

Keyword: I. Bunin, W. Benjamin, autobiography, autobiographical subject, memory topology, memorial charts, autobiographical discourse, memorial palimpsest, memory landscapes.

В 1932 году немецкий писатель и философ Вальтер Беньямин начал работать над своей знаменитой «Берлинской хроникой», где наряду с

многочисленными попытками теоретизировать процесс воспоминания появляется очень важная для понимания топологии европейской модернистской автобиографии

метафора «искусство блуждания» [7]. «Берлинская хроника» представляет собой своего рода эксперимент, в котором личные воспоминания повествователя концентрируются в четко очерченном топосе города: «Этому искусству блуждания меня научил Париж» [1, с. 168]. В «Берлинской хронике» В. Беньямин рассуждает о способах представления воспоминаний, и излагает свою теорию памяти [15, с. 655; 14, с. 44]. Литературовед и исследователь культуры Николас Петес отмечал, что память не столько отражает автобиографический опыт, сколько является структурным и структурирующим элементом текста памяти [13, с. 73]. Беньямин рассматривал современную память, или память о модерне, а не аисторическую концепцию памяти [12, с. 67], которая основана на диалектике воспоминания и забвения, невозвратной утраты и спасения прошлого [11, с. 114-116]. Особое значение для Беньямина имеет пространственная модель памяти. По определению историка Карла Шлегеля, Беньямин – «мыслитель пространственного воображения», глубоко зависимый от места; «Берлинское детство» – «шедевр топографической герменевтики» [8, с. 55]. Придавая памяти пространственную форму, Беньямин превращает индивидуальные воспоминания в коллективный опыт мест, мгновений и ситуаций [17, с. 194].

Мнемонические блуждания по городу как устойчивая традиция русской эмигрантской автобиографии занимают значительное место и в романе И. Бунина «Жизнь Арсеньева», над которым автор работал с 1927 по 1939 год: «Потом я, по своему обыкновению, пошел бродить по улицам» [2, с. 495]. Это сопоставление Бунина и Беньямина далеко не случайно, несмотря на отсутствие «прямого контакта»: известно, что В. Беньямин в 1933 году покинул Германию и уехал в Париж, и в «парижский период» проявился его интерес не только к французской литературе (эссе о Прусте), но и к произведениям русских писателей (статьи о И. Бунине, М. Алданове и др.). Блуждания героев «Жизни Арсеньева» и «Берлинской хроники» неизменно связаны с темой памяти, город становится важнейшим мемориальным топосом, виртуальной картой памяти, а передвижения, точнее, блуждания героя – траекториями воспоминания.

Заметим, что представление о памяти как особом «месте», пространстве, даже архитектурном сооружении с множеством комнат возникло в недрах античной риторики. Возможно это связано с «родовой травмой» появления классической мнемоники на свет, когда после обвала потолка на пиру, погубившего всех его участников, чудесно уцелевший поэт Симонид Кеосский, запомнивший место каждого за столом, смог

правильно идентифицировать останки (на это предание ссылается Фрэнсис Йейтс в книге «Искусство памяти» [3, с. 13]). Поэтому метафора «пространство памяти» оказывается не просто тропической формулой, но и определяет память как особое место реального / ментального пребывания героя. Взаимоотношения автобиографического субъекта с городом как пространством памяти определяются двумя процессами: с одной стороны, память как невещественный феномен подвергается специализации, с другой – реальное пространство города «мемориализируется», воплощая в себе некую собирательную природу памяти. Между городом и героем возникает неразрывная связь, это превращение внутреннего во внешнее, а внешнего во внутреннее как обмен между человеком и местом был назван немецким психологом Хайнцем Вернером «физиогномическим восприятием». По мнению Вернера, взаимодействие между субъектом и объектом всегда динамичны, причем динамичен не только движущийся субъект, но и само пространство, пронизанное особой «мелодикой», «силовыми линиями» памяти: «Подобная динамизация вещей, основанная на том, что объекты в основном понимаются через моторное и аффективное поведение субъекта, может привести к определенному типу восприятия. Вещи, воспринимаемые таким образом, могут казаться «одушевленными» и даже, будучи в действительности лишены жизни, выражать некую внутреннюю форму жизни» [19, с. 69]. Блуждания бунинского Арсеньева или беньяминовского героя по улицам города превращают место в пространство (различение места как синхронной кристаллической структуры и пространства как локуса пересечения маршрутов, как «практикуемого места» было предложено Мишелем де Серто [9, с. 208-209]). М. Мерло-Понти в «Феноменологии восприятия» различал «геометрическое пространство» и «антропологическое пространство» [4, с. 324-344], и именно таким антропологическим мемориальным пространством становится город. Витте соотносил описание панорамы со структурой автобиографии – Беньямин, обычно сдержанный в проявлении сентиментальных чувств, поддается «ностальгии» и пытается донести до читателя видение безвозвратно утраченного прошлого [20, с. 141-143]. Заметим, что аналогичным образом лирико-мнемоническое событие блужданий появляется на страницах «Жизни Арсеньева» тогда, когда в жизни Арсеньева происходят (или вот-вот будут происходить) какие-то важные события: первое подробное описание мнемонических блужданий дано в тяжелый для героя период адаптации к гимназической жизни, второе – после ареста брата

Геorgia, Арсеньев бродит по улицам Орла буквально за несколько минут до знакомства с Ликой и в период мучительных творческих поисков собственного художественного предназначения. Эти блуждания обнажают все мучительные комплексы героя и помещают его в мнемонически продуктивную ситуацию: именно во время городских «скитаний» Арсеньев как никогда остро осознает свою отъединенность от мира, «грусть своей отчужденности от всех, кто идет, едет по улице» «одинокого, грустного гимназиста, еще не принимающего в ней (жизни) никакого участия» [2, с. 322]. Одиночество как оптимальное состояние для воспоминания / запоминания ощутимо и в «Берлинской хронике», когда автобиографический повествователь Беньямина упорно стремится отстать во время прогулки от матери «ровно на полшага» [1, с. 166] и с какой-то замороженностью ощущает себя в одиночестве брошенным «на откуп природной стихии» [1, с. 168] во время городского наводнения: «Одиночество представлялось мне единственно достойным человека состоянием» [1, с. 171]. Атмосфера же этих блужданий всегда призрачна и погружена в «дымку памяти», «туман воспоминаний», который материализуется в тускло мерцающем свете газовых фонарей или «тонет в пыли и слепящем блеске солнца» [2, с. 322]. Не случайно именно в связи с этими «скитаниями» (реальными или виртуальными) всегда возникает интенсивная мемориальная интенция: «это, среди моих городских впечатлений, одно из самых памятных» [2, с. 323], «мне навсегда запомнилось» – рефрен в сознании блуждающего героя. Арсеньев перемещается не столько в реальном пространстве, сколько в пространстве смысла и памяти, определяя в индифферентном мире собственные координаты, он «картографирует» собственное бытие, выстраивая различные мемориальные диаграммы. Это понятие определяет особый модус памяти, которая начинает проявлять себя не физически, не телесно, не семиотически, а диаграмматически. Ж. Делез и Ф. Гваттари, в трудах которых разрабатывалось понятие диаграммы, замечают, что «письмо теперь функционирует на том же уровне, что и реальность, а реальность материально пишет. Диаграммы сохраняют наиболее детерриторализованное содержание и наиболее детерриторализованное выражение для того, чтобы соединить их» [10, с. 141]. Мемориальная диаграмма – это демонстрация отношений между героем и пространством в результате воспоминания, это «карта памяти», ее пространственная модель, образованная перемещением автобиографического субъекта в определенном замкнутом топосе и воспроизводящая авторскую концепцию памяти. В

блужданиях Арсеньева, как постоянно утверждает повествователь, очень высок элемент случайности: «случайно зашел» повторяется в разных ситуациях, но поскольку случайность есть осознанная закономерность, в этих, на первый взгляд, бессмысленных блужданиях («мои тупые, бесцельные блуждания по этим улицам» [2, с. 530]) есть определенный смысл. График этих блужданий являет собой мемориальную модель бунинского текста, воспроизводя важнейшие «силовые линии» памяти и принципы *arg. memorativa*. О подобном картографировании говорит и В. Беньямин: «Уже давно, годами, я развлекаюсь тем, что пытаюсь разметить сферу моей жизни – *Bios* – графически, на карте» [1, с. 166]. Прежде всего, блуждания Арсеньева всегда начинаются с главной улицы города: «прямой, как стрела» Долгой улицы Ельца, голой и пустой орловской Болховской или главной улице Витебска с медленно двигающейся по тротуару густой толпой праздных гуляк. Здесь мы неизбежно сталкиваемся с противопоставлением карты и маршрута как нецеленаправленной децентрированной структуры и магистральной линии смысла – пути. У Арсеньева нет четкого направления движения, нет маршрута как цели, он неосознанно-стихийно перемещается по линиям «карты». «Интегральный вектор» главной улицы практически сразу же отбрасывается героем, и он неизменно сворачивает в «боковые ветки», в переулки и периферийные улочки, ведущие к окраине города. Мемориальная модель Бунина и Беньямина не приемлет магистральных прямых путей и явных, бьющих в глаза закономерностей – она ориентирована на «боковые ходы», на мелочи и, на первый взгляд, незначимые нюансы. «Если б нужно было одним словом выразить, чем настоящие наблюдения обязаны Парижу, я бы сказал «оглядкой» [1, с. 167]. Переводчик «Берлинской хроники» Е. Павлов отмечает, что, строго говоря, слово *Vorbehalt* вообще непереводимо: «оно означает «сохранение» и «оговорку» и вместе с тем, благодаря наличию *halt*, содержит семантический след «остановки», «задержки». Это не только состояние предосторожности против натиска воспоминаний, но и ритмическая схема реконструкции прошлого» [5, с. 91]. Как отмечал германист Герхард Рихтер, Беньямин с помощью метода, уже использованного в «Улице с односторонним движением», создал загадочный автопортрет, который порывает с конвенциональными нарративными принципами жанра исповеди – линейность, хронология, гипотаксис – в пользу калейдоскопа, фрагментации, паратаксиса [16, с. 166]. Именно окольные ходы, боковые пути, порой значительно удлиняющие путь к желанному смыслу, оказываются наиболее продуктивными, поскольку

более важный отпечаток в памяти оставляет не быстро обретенная истина, а сам долгий процесс ее бесконечного поиска, не случайно Беньямин замечает, что для того, чтобы заплутаться в городе, как плутают в лесу, нужна особая подготовка, особый склад личности блуждающего. Места, в которых всякий раз «случайно» оказываются герои – важнейшие мемориальные топосы автобиографического текста: церковь (монастырь, костел) как материальный эквивалент «энергии прапамяти» и вокзал (ср. «я особенно доверялся вокзалам» [1, с. 171]) как генератор мемориальной диаграммы – сетки разбегающихся во все стороны России поездов, подобно «саду расходящихся тропок». В замкнутом пространстве города, как и в пространстве настоящего сознания, невозможно вырваться вовне телесно, но всегда наступает тот момент, когда герой достигает некоей границы, за которой различает бесконечную перспективу. Именно в этих крайних точках городского лабиринта реальное движение переходит в ментальное, происходит прорыв ограниченного настоящего, и воображение продолжает физическую траекторию движения тела: на обрыве у окраине Полтавы, «глядя от собора в долину», он «мысленно ехал в Кременчуг, в Николаев» [2, с. 513], у мужского монастыря на окраине Ельца он вспоминает «то болезненно-восторженное время», когда постился и томится «мыслью о его старине» [2, с. 325]; за окраинным притоком он видит «очень старинные места»: скалистые обрывы «тысячи лет текущей по ним» реки, «в которой погиб когда-то молодой татарский князь» [2, с. 325], на обрыве за собором он думает, что «все проходит и повторяется, что, верно, и триста лет тому назад были тут все такие же черные тесовые крыши» и что «даже при печенеггах все так же шла она (река. – Е. Б.)». Город оказывается своего рода мемориальным палимпсестом, концентрирующим в себе как личные воспоминания героя, так и память о прошлом страны: стоя над обрывом, Арсеньев, что «и триста лет тому назад были тут все такие же черные тесовые крыши» [2, с. 347], и одновременно вспоминает «заветную ель перед окнами зала и пустой, по-осеннему печальный сад» [2, с. 347] в Батурии. Напротив, когда он не ощущает подобной многослойности времен, он испытывает глубокое разочарование, как, например, в Севастополе: «Но где же было то, за чем как будто и ехал я? Не оказалось в Севастополе ни разбитых пушками домов, ни тишины, ни запустения – ничего от дней отца и Николая Сергеевича, с их денщиками, погребцами и казенными квартирами. Город уже давным-давно жил без них, вновь отстроенный, белый, нарядный и жаркий» [2, с. 428]. И опять же – только на границе, на зеленой морской водой, возможно почувствовать «грусть и

прелесть прошлого, давнего, теперь уже мирного, вечного и даже как будто чего-то моего собственного, тоже всеми давно забытого» [2, с. 428].

Граница, помимо водных линий, всегда обязательно маркирована воротами – калиткой монастыря [2, с. 347] или «запыленными триумфальными воротами» [2, с. 443], за которыми начинается темнота и герой мысленно видит «какой-то уездный городишко, неведомый, несуществующий, только вообразившийся мне, но так, точно вся моя жизнь прошла в нем» [2, с. 484] или раскрывающимися, когда герой оказывается рядом. Для Беньямина таким «порогом», на котором «время дрейфует» [18, с. 51] становятся Лихтенштейнские ворота, разделяющие два пространства западных парков. Их особый темпоральный статус заключается в том, что в этом топосе время как бы останавливается (у Бунина – прорывается в вечность) и закрытые ворота еще сильнее заставляют героя ощутить заброшенность и опустошенность мира: «Жизнь в них будто замирала в том месте, где они соприкасались» [1, с. 181]. Всякий раз крайние точки мемориальной диаграммы воспроизводят материальную модель бунинской памяти: подобную конвергенцию всех вещных эквивалентов памяти мы находим, например, в костеле в Витебске: туманный полумрак и «полукруг огоньков», в котором теряются верхушки каменных колонн, задумчивое пение органа, постепенно нарастающее и пытающееся вырваться «из-под чего-то глушившего его», ряд микросюжетов приближения – удаления («то поднималось, то падало бормотание»), преломляющая призма памяти («большое многоцветное окно») и, наконец, желанный прорыв органной мелодии и звонкий разлив «небесных песнопений» [2, с. 500]. Такой же прорыв ощущает и повествователь «Берлинской хроники», когда оказывается в «конечном пункте» многих своих перемещений – Анхальтском или Штеттинском вокзале – и поражен «открывающимся воображению за его стенами бескрайним горизонтом» [1, с. 168].

Блуждания неизменно сопровождаются многочисленными переходами между улицами и переулками, и важную роль в этих мемориальных переходах играет мост, скрепляющий пространственные – в реальном городе – и временные – в сознании героя – линии: «перешел старый деревянный мост» [2, с. 443], «Под этот гудящий звон, – он гудел даже во мне и во всем, – я перешел еще один мост, поднялся на гору к присутственным местам, к домам николаевских и александровских времен» [2, с. 434]. Блуждающий герой оказывается неотделим от пространства, телесно уподобляется месту, чувствуя в себе и «дрожание и

гудение» моста, и неизменный звуковой аккомпанемент городских блужданий – звон церковных колоколов. Такие же мемориальные переходы представлены у Беньямина в виде Геркулесова моста, ведущего в Тингарден или Лихтенштейнского моста, одного из входов в зоосад: «Существование таких мест не подлежит сомнению: раз есть растения, о которых дикари думают, что они позволяют им видеть будущее, то есть и места, обладающие такой силой – ими могут быть пустынные променады, кроны деревьев – особенно городских, что стоят над стенами, – железнодорожные переезды, а превыше всего, пороги, таинственно возвышающиеся меж городскими районами» [1, с. 181].

Цель этих бесцельных блужданий не заявлена прямо, но неоднократно обнажается: «мне хочется понять и выразить что-то происходящее во мне. Я мысленно вижу, осматриваю город» [2, с. 325]. Силы, управляющие мемориальными блужданиями, – стремление приобщиться к прошлому, древнему прабытию, поиски смысла собственного существования и собственной личностной целостности и желание обрести и органически почувствовать чистую музыку бытия. Арсеньев страстно стремится в Витебск, Полоцк и Смоленск прежде всего потому, что ему «очень нравятся слова» [2, с. 498], его «сводит с ума» «Слово о полку Игореве», заставляя «пленного древностью» героя посетить берега Донца, Курск, у которого когда-то стояли «оседланы борзый комони» князя Всеволода, и Путивль, где «тогда..., на ранней степной заре, на земляной стене, убитой колосьями, слышен был «Ярославнин глас» [2, с. 433]. Если беньяминовский повествователь ощущает свою связь с городом преимущественно на визуальном уровне (он не в силах оторваться от собственной коллекции почтовых открыток, «поскольку тоска по месту определяет его для нас не меньше его внешнего облика» [1, с. 194], вглядываясь в синие купола Мадонна-ди-Каприо или соотнося с реальным коррелятом изображение Галльских ворот на синем фоне), а прустовский герой зачарован именами городов и пытается наложить на ментальное представление реальный объект, то бунинский Арсеньев прежде всего остро ощущает ритмико-акустическую мемориальную силу «зова города»: именно звучание названий древних городов и «Ярославнин глас» оказываются катализатором блужданий по ландшафтам памяти.

Однако бунинское и беньяминовское картографирование при множестве точек схождения все же различны. Блуждания бунинского героя представляют собой не столько сознательно-рациональный, сколько неосознанно-стихийный процесс, это «блуждания лунатика», он идет «завороженный» и «очарованный». Подобный же

призрачно-мимолетный характер приобретают порой и его городские впечатления, все встречающееся на его пути единично и случайно, мимо него бесшумно пролетают беззаботные извозчики, мелькают люди и дома, он пытается удержать эти мимолетные впечатления («порыв не дать ему, этому впечатлению, пропасть даром, исчезнуть бесследно..., тотчас же захватить его в свою собственность и что-то извлечь из него» [2, с. 481]), но все остается в его сознании «странным подобием мелькнувшего», в этом призрачном царстве люди, имена, места возникают из темноты, проходят перед героем в тусклом свете газовых фонарей и снова исчезают. Беньямин тоже говорит о «смутном ощущении» берлинских встреч с людьми и явлениями, которых атмосфера города «наделяет лишь кратким, призрачным бытием»: «И смутное ощущение этих моментов и этих мест наделяет воспоминания о детстве... чем-то, что делает их неуловимыми и в то же время притягательно-мучительными, как полузабытые сны» [1, с. 184-185]. И все же, несмотря на то, что потенциальные мемориальные объекты Беньямина «подобно привидениям, возникают в окнах, чтобы снова исчезнуть» [1, с. 184], он пытается «расставить» людей и явления «по местам», закрепляя за каждым его «мнемоническую нишу», размещая, например, в «Римском кафе» предметы мебели и заполняя его клерками и биржевыми маклерами, или расчерчивая город как «театр покупок», связывая при помощи денег отца витрины, приказчиков, зеркала и взгляды матери. Даже себя беньяминовский повествователь размещает в пространстве города: «Однако в Берлине есть район, связанный с этим субъектом теснее, чем любой иной, им в себе сознательно прожитый... Район, о котором я здесь говорю, это Тиргартен» [1, с. 174]. Бунинский Арсеньев лишен подобного «топологического двойника», он не находит – да и не ищет – точки абсолютного совпадения, подобно «Paris vécue» Леона Доде или беньяминовского «прожитого Берлина», он устанавливает множество своих топологических проекций, его l'espace vécu – и Елец, и Орел, и Полтава, и Витебск, причем каждый из них оставляет в памяти героя несколько слепков в зависимости от его душевного состояния в данный момент: Елец утомленного школьными буднями гимназиста не совпадает с тем же Ельцом во время приезда родителей или после ареста Георгия, Полтава с Ликой и без нее – это два абсолютно разных мемориальных слепка в сознании Арсеньева. Эти блуждания в поисках смысла всегда представляют собой некие «срезы» реальности, мемориальные плоскости, проходящие через разные точки пространства и закрепляющие в памяти героя разнообразные конфигурации («И изнутри ее (среды. –

Е. Б.) он делает еще один срез сквозь череду жизненных опытов. Он обнаруживает их новое, странное сочленение» [1, с. 170]). Каждый раз во время своих городских скитаний Арсеньев откладывает в своем сознании новый ландшафт памяти в зависимости от той интенции, которая в данный момент является для него определяющей. У Бенямина связь между героем и пространством намного теснее, чем у Бунина. Если Арсеньев в силу мемориальной интенсивности сознания может сам конституировать пространство, размыкая в определенных локусах его границы, то беняминовский повествователь сам зависит от пространства и не переступает «порога того дома из-за страха перед встречей с этим самым лестничным интерьером, сохранившем в своем уединении способность меня снова узнать» [1, с. 183-184]. Арсеньев опознает и выстраивает место, беняминовский повествователь сам оказывается выстраиваемым этим местом, которое порой лучше знает героя, чем он сам: «Это старинная церковь, и про нее можно сказать то же, что и про большинство старинных зданий: хоть они и не выросли вместе с нами, они тем не менее много знают о нашем детстве, и за это мы их любим» [1, с. 183], он срастается с пространством, замечая, что его первые театральные впечатления окружены в тумане детства громадными ореолами, как фонари в тумане – гигантскими кольцами.

Таким образом, мемориальные диаграммы образуют особое пространство памяти, когда герой погружается не только в свою, но и чужую память, когда, двигаясь в лабиринте улиц, он «обменивается с пространством» опытом, знаниями и воспоминаниями, «читает», пусть даже бессознательно, следы прошлого, вписанные в «книгу города», и одновременно «телесно вычерченная» диаграмма материализует важнейшие для Бунина и Бенямина принципы «воли и законов Мнемозины».

Библиографический список

1. Бенямин, В. Берлинская хроника [Текст] / В. Бенямин // Павлов Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Бенямина и Осипа Мандельштама. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 224 с.
2. Бунин, И. А. «Жизнь Арсеньева» [Текст] / И. А. Бунин // Собрание сочинений. В 4 т. Т. 3. – М.: Правда, 1988. – 541 с.
3. Йейтс, Ф. Искусство памяти [Текст] / Ф. Йейтс. – СПб.: Фонд поддержки науки и образования «Университетская Книга», 1997. – 480 с.
4. Мерло-Понти, М. Феноменология восприятия [Текст] / М. Мерло-Понти. – СПб.: Ювента, Наука, 1999. – 605 с.
5. Павлов, Е. Шок памяти. Автобиографическая поэтика Вальтера Бенямина и Осипа Мандельштама [Текст] / Е. Павлов. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 224 с.
6. Ямпольский, М. Демон и Лабиринт (Диаграммы, деформации, мимесис) [Текст] / М. Ямпольский. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 335 с.
7. Bachelard, G. La terre et les reveries du repos. – Paris, Corti, 1965. – 337 p.
8. Bothe, Alina. Raum, Stadt und Gedächtnis bei Walter Benjamin – die Berliner Kindheit um neunzehnhundert // Gedächtnisräume: Geschichtsbilder und Erinnerungskulturen in Norddeutschland / Janina Fuge, Rainer Hering, Harald Schmid (Hg.). – Würzburg: V&R unipress, 2014. – P. 55-70.
9. De Certeau M. L'invention du quotidien. Arts de faire. – Paris, Gallimard, 1980. – 330 p.
10. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Minneapolis – London: University of Minnesota Press, 1987. – 560 p.
11. Gagnebin, Jeanne-Marie. Histoire et narration chez Walter Benjamin. – P.: L'Harmattan, 1994. – 330 p.
12. Gilloch, Graeme. Myth and Metropolis: Walter Benjamin and the City. – Cambridge: Polity Press, 1997. – 240 p.
13. Haustein, Katja. Regarding Lost Time: Photography, Identity, and Affect in Proust, Benjamin, and Barthes. – Oxford: Legenda, 2012 – 206 p.
14. Herwig, Henriette. Zeitspuren in erinnerten Kindheitsorten: Walter Benjamins Berliner Kindheit um neunzehnhundert // Benjamin und das Exil / Bernd Witte (Hg.). – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006. – P. 44-73.
15. Lemke, Anja. Berliner Kindheit um neunzehnhundert // Benjamin-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung / B. Lindner (Hg.). – Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2011. – P. 653-662.
16. Richter, Gerhard. Walter Benjamin and the Corpus of Autobiography. – Detroit: Wayne State University Press, 2000. – 309 p.
17. Salzani, Carlo. Experience and Play: Walter Benjamin and the Prelapsarian Child // Walter Benjamin and the Architecture of Modernity / Andrew Benjamin, Charles Rice (eds.). – Melbourne: re.press, 2009. – P. 175-200.
18. Stüssi, Anna. Erinnerung an die Zukunft. Walter Benjamins «Berliner Kindheit um Neunzehnhundert». – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. – 282 p.
19. Werner H. Comparative Psychology of Mental Development. – New York: Percheron Press, 2004. – 510 p.
20. Witte, Bernd. Walter Benjamin: An Intellectual Biography. – Detroit: Wayne State University Press, 1997. – 226 p.

Reference List

1. Ben'jamin, V. Berlinskaja hronika = Berlin chronicle [Tekst] / V. Ben'jamin // Pavlov E. Shok pamjati. Avtobiograficheskaja poetika Val'tera Ben'amina i Osipa

Mandel'shtam. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. – 224 s.

2. Bunin, I. A. «Zhizn' Arsen'eva» = «Arseniev's life» [Tekst] / I. A. Bunin // *Sobranie sochinenij*. V 4 t. T. 3. – M.: Pravda, 1988. – 541 s.

3. Jeits, F. Iskustvo pamjati = Memory art [Tekst] / F. Jeits. – SPb.: Fond podderzhki nauki i obrazovaniya «Universitetskaja kniga», 1997. – 480 s.

4. Merlo-Ponti, M. Fenomenologija vosprijatija = Perception phenomenology [Tekst] / M. Merlo-Ponti. – SPb.: Juventa, Nauka, 1999. – 605 s.

5. Pavlov, E. Shok pamjati. Avtobiograficheskaja pojetika Val'tera Ben'jamina i Osipa Mandel'shtama = Memory shock. Walter Benjamin and Osip Mandelstam's autobiographical poetics [Tekst] / E. Pavlov. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2005. – 224 s.

6. Jampol'skij, M. Demon i Labirint (Diagrammy, deformacii, mimesis) = Demon and Labyrinth (Charts, deformations, mimesis) [Tekst] / M. Jampol'skij. – M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. – 335 s.

7. Bachelard, G. La terre et les reveries du repos. – Paris, Corti, 1965. – 337 p.

8. Bothe, Alina. Raum, Stadt und Gedächtnis bei Walter Benjamin – die Berliner Kindheit um neunzehnhundert // *Gedächtnisräume: Geschichtsbilder und Erinnerungskulturen in Norddeutschland* / Janina Fuge, Rainer Hering, Harald Schmid (Hg.). – Würzburg: V&R unipress, 2014. – P. 55-70.

9. De Certeau M. L'invention du quotidien. Arts de faire. – Paris, Gallimard, 1980. – 330 p.

10. Deleuze G., Guattari F. A Thousand Plateaus. Minneapolis – London: University of Minnesota Press, 1987. – 560 p.

11. Gagnebin, Jeanne-Marie. Histoire et narration chez Walter Benjamin. – P.: L'Harmattan, 1994. – 330 p.

12. Gilloch, Graeme. Myth and Metropolis: Walter Benjamin and the City. – Cambridge: Polity Press, 1997. – 240 p.

13. Haustein, Katja. Regarding Lost Time: Photography, Identity, and Affect in Proust, Benjamin, and Barthes. – Oxford: Legenda, 2012. – 206 p.

14. Herwig, Henriette. Zeitspuren in erinnerten Kindheitsorten: Walter Benjamins Berliner Kindheit um neunzehnhundert // *Benjamin und das Exil* / Bernd Witte (Hg.). – Würzburg: Königshausen & Neumann, 2006. – P. 44-73.

15. Lemke, Anja. Berliner Kindheit um neunzehnhundert // *Benjamin-Handbuch. Leben – Werk – Wirkung* / B. Lindner (Hg.). – Stuttgart; Weimar: Verlag J. B. Metzler, 2011. – P. 653-662.

16. Richter, Gerhard. Walter Benjamin and the Corpus of Autobiography. – Detroit: Wayne State University Press, 2000. – 309 p.

17. Salzani, Carlo. Experience and Play: Walter Benjamin and the Prelapsarian Child // *Walter Benjamin and the Architecture of Modernity* / Andrew Benjamin, Charles Rice (eds.). – Melbourne: re.press, 2009. – P. 175-200.

18. Stüssi, Anna. Erinnerung an die Zukunft. Walter Benjamins «Berliner Kindheit um Neunzehnhundert». – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1977. – 282 p.

19. Werner H. Comparative Psychology of Mental Development. – New York: Percheron Press, 2004. – 510 p.

20. Witte, Bernd. Walter Benjamin: An Intellectual Biography. – Detroit: Wayne State University Press, 1997. – 226 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

В. В. Частных <https://orcid.org/0000-0003-2935-0779>**Жанровая форма «биографии писателя» в прозе А. Н. Варламова:
журнальная и книжная редакции книги «Пришвин»**

В статье рассматриваются особенности книжной и журнальной редакций биографического исследования А. Н. Варламова «Пришвин», ставшего первым подробным жизнеописанием известного русского писателя. В исследовании М. М. Пришвин показан как классик русской литературы, сыгравший огромную роль в сохранении ее традиций в сложный исторический период смены этических и эстетических принципов и канонов. Биография М. М. Пришвина стала первой в ряду писательских портретов, созданных писателем и филологом А. Н. Варламовым в серии ЖЗЛ. Интересно наблюдать, как в книге о Пришвине формируется и развивается творческий метод Алексея Варламова – метод объективного повествования, изображения героя, когда позиция самого автора жизнеописания максимально скрыта, его оценки не эксплицитны, а портрет создается при помощи разнообразных документальных источников: дневников, мемуаров, документов и т. д. Объективность повествования о М. М. Пришвине достигается тем, что оно базируется на документальных свидетельствах: мемуарах современников и, прежде всего, на дневниковых записях, которые писатель вел всю свою жизнь, начиная с 1905 года, и которые Алексей Варламов назвал «великим Дневником». Герой повествования изображен на фоне эпохи глазами любивших и ненавидевших его людей, что позволяет читателю лучше понять его творчество и мотивы, заставлявшие совершать те или иные поступки. В пришвинской биографии Варламов определяет круг вопросов, которые последовательно будет ставить и в других книгах о писателях: писатель и власть, писатель и свобода творчества. Сопоставление двух редакций биографии Пришвина представляет интерес именно с точки зрения изучения творческого метода Алексея Варламова. По сравнению с более ранней, журнальной, редакцией исследования А. Н. Варламов внес в книжный вариант довольно значительные изменения, которые далеко не всегда можно объяснить лишь необходимым для журнального формата сокращением текста.

Ключевые слова: биография писателя, творческий метод, объективное повествование, пришвиноведение, структура, композиция, житетворчество, А. Н. Варламов, дневник писателя.

V. V. Chastnykh

**The Genre Form of «the Writer's Biography» in Alexei Varlamov's Prose:
Magazine and Book Versions of the Book «Prishvin»**

The article focuses on the peculiarities of two versions (magazine and book ones) of the biographic research «Prishvin» by Alexei Varlamov, which became the first detailed life description of the well-known Russian writer. In the research, M. M. Prishvin is shown as a classic of the Russian Literature who played an enormous role in preserving its traditions in the most difficult historical period when the ethic and aesthetic principles and canons had been changed. M. M. Prishvin's biography was the first in the row of writers portraits created by Alexei Varlamov, the writer and philologist, in the ZHZL series. It is interesting to observe how the method of unprejudiced narration and main character description – the creative method of Alexei Varlamov was shaping and developing in the Prishvin's biography. This is the method when the biography author's point of view is absolutely hidden and his attitude is not explicit, in this case, the main character's portrait is created by various documentaries: diaries, memoir, documents, etc. The effect of unprejudiced narration is reached due to using the documentaries: memoirs of the writer's contemporaries and first of all the diaries which the writer used to keep for his whole life starting from 1905 and which was called «the great diary» by Alexei Varlamov. The hero of the book is shown on the epoch background as he was seen by people who liked or disliked him and this helps the reader to understand better his creativity and the motives which made him make certain steps in his life. In Prishvin's biography Varlamov defines a circle of questions which he'll keep to in his other books about writers: writer and authorities; writer and the freedom of creative work. The comparison of two versions of the Prishvin's biography (the magazine and the book ones) is interesting exactly from the point of view of investigation of the creative method of Alexei Varlamov. Compared to the earlier (magazine) version Alexei Varlamov changed the final (the book) version significantly. These changes can't be explained by the magazine format demands only.

Keywords: a writer's biography, creativity method, unprejudiced narration, Prishvin studies, structure, composition, life creativity, Alexei Varlamov, writer's diary.

В аннотации к первому изданию «Пришвина» А. Н. Варламова и к переизданиям неизменно указывается, что перед нами «первая подробная биография Пришвина» [3, с. 3]. О Пришвине, по

словам автора книги, «писали... многие замечательные русские и советские поэты и прозаики», его «...высоко ценили критики, литературоведы и литературные начальники» [2, с. 5]. Однако до биографического

исследования, созданного самим А. Н. Варламовым, пришивиноведение – за исключением, пожалуй, книги В. Я. Курбатова «Пришвин» – исчерпывалось разрозненными краткими биографическими данными об участнике Императорского географического общества в монархической России, советском орденосе и знатоке сектантства. Более того, все это время в сознании многих читателей М. М. Пришвин оставался автором, описывающим природу, и даже детским писателем.

В книге А. Н. Варламова Пришвин показан как классик русской литературы, сыгравший огромную роль в сохранении ее традиций и бережном перенесении их на новую, казалось бы, вовсе чуждую классической литературе почву. Эту связь с классической русской литературой сам писатель сознавал и постоянно подчеркивал: *«Розанов – послесловие русской литературы, я – бесплатное приложение. И все...»* [11, с. 196], или: *«Старый писатель, как превосходный старый трамвай, но гордиться тут нечем советскому человеку – сделан при царском правительстве»* [10, с. 309].

Биография М. М. Пришвина стала первой в ряду писательских портретов, созданных А. Н. Варламовым в серии ЖЗЛ. Интересно наблюдать, как в ней закладываются основы творческого метода автора, который он развил и усовершенствовал при написании следующих книг – метода объективного изображения, повествования, построенного на глубоком знании и широком использовании различного рода источников – от устных бесед, легенд и анекдотов до дневниковых записей и официальных документов. Читателю не навязывается какая-то определенная позиция, точка зрения, а предлагается делать выводы самому, читая и анализируя приведенные источники, за которые Варламов как бы прячется, только иногда появляясь для короткого комментария или оценки. Именно в книге о Пришвине Алексей Варламов формулирует свое авторское кредо: *«Автор данной книги, при наличии собственных убеждений и симпатий, проницательному читателю очевидных, пытается остаться объективным, ничего не затенять и не выпячивать, Пришвина не идеализировать и почему зря не хулить <...>»* [3, с. 209]. Объективность повествования о М. М. Пришвине достигается тем, что оно базируется на документальных свидетельствах: мемуарах современников и, прежде всего, на дневниковых записях, которые писатель вел всю свою жизнь, начиная с 1905 года, и которые Алексей Варламов назвал «великим Дневником». На активное использование дневников Пришвина Варламовым обращали внимание многие исследователи, в

частности, О. Н. Денисова в своей работе «Метафизика любви в дневниках М. М. Пришвина» [6].

С точки зрения изучения творческого метода А. Н. Варламова представляет интерес история создания этой книги, явившейся в значительной степени квинтэссенцией всего написанного А. Н. Варламовым о М. М. Пришвине. Ее текстуальной основой, помимо прочих работ, стало опубликованное в 1 и 2 номерах журнала «Октябрь» за 2002 г. «Биографическое повествование» «Пришвин, или Гений жизни» [4].

Журнал «Октябрь» был первым изданием, которое в 1989 году, в период начала «гласности» и отмены цензуры, стало публиковать неизданные ранее дневники М. М. Пришвина. В связи с этим понятен интерес редколлегии, предложившей Алексею Варламову опубликовать на страницах журнала биографию Пришвина. Во многом расхождения более раннего, журнального, варианта и более позднего, книжного, объясняются техническими причинами и требованиями журнального формата. В то же время характер сокращений и структурно-композиционные изменения, сделанные в журнальном тексте «Пришвин, или Гений жизни», позволяют рассматривать его в качестве черновой (и неполной) версии канонической редакции произведения, выпущенного «Молодой гвардией», при анализе которой вырисовывается ход работы над окончательным и известным широкому читателю вариантом.

В первую очередь обращает на себя внимание разница названий текстов. Журнальный, двойной, заголовок несет в себе два условных аспекта темы: во-первых, номинация основного героя, во-вторых, раскрывающая или уточняющая его характеристика, возникшая, видимо, как смысловая аналогия, с часто упоминаемым М. М. Пришвиным в дневниках охраняющего его гения рода и связанная с основным для него понятием житетворчества, когда собственная жизнь воспринимается как произведение искусства. Таким образом, благодаря двухчастной структуре заглавия в читательское восприятие включается метатекстовая составляющая *«поведенческой стратегии»* [12, с. 5] М. М. Пришвина, введенная им в собственные литературные произведения. С другой стороны, в каноническом варианте название редуцируется до обозначения фамилии героя из-за композиционных и сюжетных модификаций текста, который, наоборот, укрупняется и содержательно видоизменяется так, что «Гений жизни» становится заголовком его первой части. В журнальном варианте А. Н. Варламов, принимая во внимание формат издания и специфику восприятия журнального текста читателем, стремится как можно быстрее и отчетливее

обозначить главные особенности творческого портрета М. М. Пришвина. Например, в самом начале открывающей повествование главы «Вступление к теме», Алексей Варламов приводит высказывание К. Г. Паустовского, которое передает самую суть творчества М. М. Пришвина: *«Если бы природа могла чувствовать благодарность к человеку за то, что он проник в ее тайную жизнь и воспел ее красоту, то прежде всего эта благодарность выпала бы на долю писателя Михаила Михайловича Пришвина»* [4]. В книге, в отсутствие необходимости быстрого знакомства читателя с главными принципами пришивинского творчества, замечательная цитата из К. Г. Паустовского исчезает, уступая место более важному для Алексея Варламова описанию основных героев книги. Характеристика героя биографического повествования как гения жизни, вынесенная в заголовок всего произведения в журнальном варианте и оставленная в качестве названия первой главы канонической, книжной версии является важной для А. Н. Варламова, так как житнетворчество составляло суть писательского кредо Пришвина с момента знакомства его с декадентами и осознания писательства как главного дела жизни: *«...одну чрезвычайно важную идею от символистов... Пришвин ухватил и воплотил гениально. Это была идея житнетворчества, отношения к человеческой жизни как к произведению искусства – именно ее писатель и выстроил, переосмыслил, преобразил на свой лад»* [2, с. 158].

Житнетворческие интенции в истории русской литературы, по мысли исследователя Е. А. Худенко, получают свою экспликацию в эпоху романтизма (в случае, к примеру, К. Батюшкова, В. Жуковского) и символизма (А. Белый, А. Блок), наиболее явно проявляясь у О. Мандельштама, М. Зощенко и М. Пришвина. А. Н. Варламов, в книге которого реконструируются *«текстовые и внетекстовые составляющие пришивинского творческого поведения»*, подчеркивает: *«Михаил Михайлович относился к своей жизни как к объекту творчества. Он творил ее (недаром житнетворчество было одним из ключевых для него понятий) <...>»* [3, с. 76]. Пришвин, с самого начала осознавая себя писателем, долгое время считался этнографом в кругу коллег по писательскому цеху. Даже близкий друг и, можно сказать, наставник А. М. Ремизов некоторое время не относился к Пришвину как к писателю. Сблизившись с декадентами в поисках «искусства слова», Пришвин сразу понял, что сам декадентом не станет, а будет искать свой творческий путь, независимый от тех тем, которые принесли ему известность – сектантство, этнография: *«По-мужички верить нельзя... По Мережковскому тоже нельзя... По-своему?.. Но я не*

религиозный человек, Мне хочется самому жить, творить не Бога, а свою собственную, несладкую жизнь... Это моя первая святая обязанность» [2, с. 158].

Названия частей журнальной и книжной редакций «Пришвина» так же отличаются друг от друга. Заголовок первой части книжного варианта, повторим, звучит как «Гений жизни», журнального – «Испорченный пан». Журнальный вариант названия апеллирует к конкретному литературно-биографическому аспекту пришивинского житнетворчества, запечатленному в Дневнике писателя, на что обращает внимание А. Н. Варламов: *«Второй день Пасхи. Читаю Бунина – малокровный дворянский сын, а про себя думаю: я потомок радостного лавочника (испорченный пан)»* [4]. Важно подчеркнуть, что, с точки зрения А. Н. Варламова, здесь имеется в виду «пан» не как титул, но как обозначение древнегреческого бога пастушества и скотоводства: *«<...> Неслучайно одна из первых критических статей, которая была посвящена творчеству Пришвина, называлась «Великий Пан» [статья В. Р. Иванова-Разумника – В. Ч.]. <...> это определение себя через гамсуновского героя, оно в пришивинской судьбе, в культуре Серебряного века чрезвычайно важно»* [5]. Кнут Гамсун вообще играл важную роль в житнетворческой концепции Пришвина, определяя его отношение к себе как главному герою главного произведения длиной в жизнь, о чем А. Н. Варламов говорил во время выступления на радио «Эхо Москвы» [5]. Однако ценность такого внешнего самоопределения М. М. Пришвина заключается не только и не столько в живой увлеченности российских авторов начала XX в. (в том числе и центрального персонажа варламовской биографии) творчеством выдающегося норвежского писателя, а больше в так называемой «тематической привязке» его произведений к миру природы, при том, что он *«вовсе не «этнограф», вовсе не объективный наблюдатель, вовсе не «эпик» наоборот, он интимнейший лирик, он субъективнейший из поэтов – и притом поэт космического чувства, поэт вселенского чувства, призванный бард светлого бога, Великого Пана»* [7].

Одновременно с такой трактовкой, полагаем, целесообразно рассматривать и «статусное» значение лексемы «пан» в приведенном контексте (тем более, что в Дневнике М. М. Пришвин пишет «пан» со строчной буквы, что может указывать как на нарицательность имени, так и на иной смысл слова). Здесь следует обратить внимание на проходящее через всю книгу сопоставление двух таких непохожих земляков – писателей – И. А. Бунина и

М. М. Пришвина. Этот композиционный прием помогает автору пришивинской биографии лучше и объемнее обозначить позиции писателя по целому ряду исторических, политических и творческих вопросов. Так, А. Н. Варламов, цитируя в первой части дневниковые записи своего героя, имеет в виду подобное бунинскому известное «неверие» М. М. Пришвина в то, что поэтические эксперименты авторов Серебряного века базируются на прочном историческом и теоретическом фундаменте, подчеркивая большую последовательность в этом отношении позиции И. А. Бунина. Причина определенной пришивинской нечеткости в отрицании эстетических поисков начала XX в., по мысли А. Н. Варламова, кроется в купеческом происхождении М. М. Пришвина, в отличие от бунинского дворянского. Здесь же уточняется: *«отказаться разом от своих друзей Пришвин не мог, никого в союзники, как Бунин – Алексея Константиновича Толстого, брат не собирался, а искал непроторенный путь»* [4]. А. Н. Варламов усматривает в наличии многочисленных схожих мест в дневниках Пришвина и Бунина за 1917 г., в частности в отношении к народу и революции, предпосылки последующей эмиграции одного и принятия нового советского уклада другого. В отличие от И. А. Бунина М. М. Пришвин пытался найти в тех обстоятельствах положительный ответ на вопрос о значении истории, и если автор «Окаянных дней» утверждал: *«Когда совсем падеешь духом от полной безнадежности, ловишь себя на сокровенной мечте, что все-таки настанет же когда-нибудь день отмщения и общего, всечеловеческого проклятия теперешним дням»* [1, с. 123], – то М. М. Пришвин, осведомленный о его тезисах, в нелегкий для России период вступал с ним в спор: *«Личная задача: освободиться от злости на сегодняшний день и сохранить силу внутреннего сопротивления и воздействия»* [9, с. 156]. В итоге М. М. Пришвин, не покинув Отечество, остался т. н. «испорченным паном» и по роду, и по внутреннему мироощущению, в то время как И. А. Бунин, условно говоря, сохранил свой дворянский титул до конца, уехав из страны.

Биографические параллели их дневников обнаруживает исследователь Л. Н. Юрченко: *«Общность переживаний, трагизм революционных лет, „окаянство действительности” привели Пришвина и Бунина к очень схожим мыслям и оценкам, к совпадениям на мотивном уровне: мотив смерти, мотив пира во время чумы, библейские мотивы, мотив сна, мотив нарушенного времени, мотив зоологизации человека, превращения его в обезьяну»* [13, с. 88]. В приведенной цитате содержится, на наш взгляд, посыл,

примиряющий пришивинскую и бунинскую точки зрения на важный этап русской истории XX в.

Заметим здесь же, что количество частей в журнальном и книжном вариантах «Пришвина» отличается. Биография значительно увеличивается в объеме за счет включения в книгу третьей части, обозначенной парафразом известного труда Фридриха Ницше «По эту сторону добра и зла» (у Ницше – «По ту сторону...»), довершающей картину жизни и творчества писателя (в журнале все заканчивается 1930-ми – началом 1940-х гг., знаменующими его взаимоотношения с критиком В. Р. Ивановым-Разумником). Число глав первой части в обеих редакциях также разное: десять и семь, соответственно. В основном, заглавия их совпадают, кроме второй главы, в журнале именуемой «Розанов» («Отрочество» – в книге). Прежде всего, изменение названия очевидно вызвано необходимостью усиления обобщающего компонента: несмотря на то, что значительная часть главы посвящена В. В. Розанову и в центре ее – взаимоотношения с ним юного М. М. Пришвина и других, автор приходит к выводу о его некорректности (в том числе и по той причине, что заглавие «Розанов» не в полной мере отражает суть этого раздела, отсылая читателя исключительно к фигуре знаменитого русского религиозного философа).

Три главы, которых нет в журнале, и которые присутствуют в книге называются «Юность», «Первая любовь», «Конец света», из чего сразу можно сделать предварительный вывод о перенесении нарративного акцента в окончательной редакции в более интимную плоскость жизнетворчества М. М. Пришвина. Это обусловлено, опять-таки стремлением А. Н. Варламова к повествовательной всеохватности в репрезентации персонажа, попытке всестороннего осмысления его жизнетворчества.

В книжном варианте А. Н. Варламов разделяет журнальную главу «Розанов» на две: «Отрочество» и «Юность», меняя их структуру и композицию, выбрасывая отдельные цитируемые фрагменты Дневника М. М. Пришвина (а также мемуаров лиц его окружения) и добавляя другие. В журнальной главе во множестве представлены разного рода объемные цитируемые отрывки тех или иных источников, тогда как в книжных главах они отсутствуют, либо значительно купируются, и наоборот. Так, к примеру, писатель все же приводит в итоговой версии небольшой пришивинский пассаж (в первой редакции его нет) из истории знакомства с В. В. Розановым, снижающий образ учителя елецкой гимназии и знаменитого русского писателя.х: *«<...> Этот рыжий человек с красным лицом, с гнилыми черными зубами сидит на кафедре и, ровно дрожа ногой, колышет*

подмостки и саму кафедру. <...>» [3, с. 20]. В этом проявляется особенность художественного метода А. Н. Варламова, верящего только фактам и старающегося погрузить читателя в атмосферу реально произошедших событий. Стоит заметить, что случай с так называемым «Мишиным бегством» [3, с. 26] – первой частью «пришвинско-розановской гимназической истории с заступничеством учителя за ученика, подстрекательством к бегству и пророчеством о его необыкновенном будущем» [3, с. 26], – в журнале сразу сопровождается цитированием докладной записки В. В. Розанова руководству гимназии, в которой он обрисовывает возникшую конфликтную ситуацию с учащимся Пришвиным, предвещающую знаменитый в пришивиноведении эпизод с исключением будущего автора «Кашеевой цепи» из елецкой гимназии. В книге же эти отрывки значительно отстоят друг от друга в текстуальном пространстве, поскольку А. Н. Варламов в подробностях уточняет причины, по которым дневниковый рассказ об азиатском побеге можно смело считать мистификацией М. М. Пришвина. Причем, если в журнале эти причины лишь слабо очерчены (указано только, что «спасти» от отчисления в год побега (1885 г.) В. В. Розанов никого не мог, так как поступил на службу в елецкую гимназию только в 1887 г.), то в окончательной редакции писатель скрупулезно исследует весь временной промежуток, касающийся истории побега, характеризуя работы ученых и литераторов, не обративших внимание на данный факт временного несоответствия. Однако необходимо заметить, что в обеих редакциях первой части повествование выстроено не столько хронологически, сколько тематически: детально исследуется одна из проблем, к примеру, «Пришвин и Розанов», «Пришвин и религиозно-философское общество», и пр. (такая архитектура характерна для всего текста: в других частях также можно выделить отдельные предметные области, типа «Пришвин и его женщины», «Пришвин и сектанты» и т. п.). В ряде случаев при раскрытии таких тем главный герой и в журнальной, и в книжной версиях в некотором роде «выпадает» из нарратива, и отдельные важные факты его биографии пропускаются или вскользь упоминаются. Так в более ранней главе «Красное колесо», которая в книжном варианте разделяется на две (добавляется «Пришвин в 1918 году», где и описывается следующий эквивалентный журнальному эпизод) А. Н. Варламов отмечает, что в самом начале 1918 г. М. М. Пришвин был вторично в своей жизни ненадолго арестован «как редактор литературного отдела газеты партии правых эсеров «Воля народа»» [3, с. 164]. Достаточно подробно останавливаясь на

некоторых моментах тюремного заключения, автор опускает подробности, связанные с обвинением, допросами, причинами освобождения. Бегло коснувшись факта обучения на агрономическом отделении Лейпцигского университета, А. Н. Варламов лишь эпизодически вставляет в текст замечания о довольно длительной работе М. М. Пришвина агрономом [3, сс. 63, 90, 187, 207, 221, 223], а затем сотрудником лаборатории в Петровской сельскохозяйственной академии в Москве [3, с. 90], хотя эти биографические данные, по всей вероятности, могли бы явиться объяснением его хорошего практического знания ведения сельского хозяйства, знакомства с особенностями сельского быта, наличия определенного исследовательского навыка. К тому же, названные аспекты не могли не оказать влияния на дальнейшую литературную деятельность М. М. Пришвина.

Известно о встречах и долгих беседах М. М. Пришвина с М. И. Калининским (о чем есть воспоминания второго [8]); в книге указывается на это, но мимоходом: «[в журнале добавлено: нечастое – В. Ч.] дружеское, но большей частью бесполезное общение [в журнале добавлено: и обращение за советами – В. Ч.] со всеююзным старостой Михаилом Ивановичем Калининским в 40-е годы» [3, с. 293]. То, что впоследствии «убрано» в книжном варианте (из квадратных скобок в примерах), свидетельствует о пересмотре автором значимости и важности определенных фактов биографии писателя.

А. Н. Варламов, являясь не только писателем, но и филологом – исследователем, чья докторская диссертация была посвящена именно жителю Пришвина, много места в повествовании уделяет разбору литературных произведений своего героя, зачастую в ущерб изложению некоторых биографических событий. А. Н. Варламов как исследователь интересуется в первую очередь жителю Пришвина, т. е. во многом отражение его «поведенческой стратегии» [12, с. 5] в произведениях. Как биограф, он находится в прямой зависимости от факта, о чем не раз говорил сам и неоднократно подчеркивалось в настоящей работе. В то же время, основываясь на дневниковых записях М. М. Пришвина, автор книги в одной из глав делает существенное уточнение: «Пришвинский Дневник вообще так устроен, что при желании из него можно надергать, искусственно подобрать каких угодно цитат и представить Пришвина великим борцом с системой, конформистом, писателем-христианином, пантеистом, язычником или даже богоборцем, последовательным реалистом или модернистом, а то и постмодернистом, патриотом, русофобом. Много

тут зависит от выбора позиции читателя и исследователя, и поэтому воистину у каждого из нас – свой Пришвин» [3, с. 208-209]. В журнале после этого фрагмента следуют две противоречивые цитаты М. М. Пришвина о русском народе, и их анализ. В книге же перед цитатами имеется недостающее звено, абстрагирующее А. Н. Варламова от предыдущего высказывания о том, что «у каждого из нас – свой Пришвин» [3, с. 209]: *«Автор данной книги, при наличии собственных убеждений и симпатий, проницательному читателю очевидных, пытается остаться объективным, ничего не затенять и не выпячивать, Пришвина не идеализировать и почему зря не хулить <...>»* [3, с. 209]. Тем самым еще раз подчеркивается стремление автора к беспристрастности суждений и попытка максимального приближения к реально происходившему, на основании реальных источников, пусть и противоречивых.

Вторая часть канонического варианта носит то же название, что и журнального – «Чан», – которое можно интерпретировать с различных позиций, прежде всего, сквозь призму часто появляющегося в дневниках М. М. Пришвина образа «кипящего чана» как образа истории. Этот образ в повествовании приобретает поистине универсальный смысл: становится *«революционным чаном»* [3, с. 166], *«крестьянским чаном»* [3, с. 174], *«сектантским чаном»* [3, с. 322]. Так, к примеру, в первой главе второй части – «Красное колесо» (название взято из почитаемого А. Н. Варламовым А. И. Солженицына, в чьем одноименном романе-эпопее развивается тематика Первой мировой войны, Февральской и Октябрьской революций 1917 г.) – осмысливается житетворческая стратегия М. М. Пришвина на фоне ключевых и поворотных для России XX века исторических событий. В начале данной главы во второй редакции А. Н. Варламов вводит несколько важных новых абзацев, где речь идет о существенном противоречии в понимании и восприятии М. М. Пришвиным революции. В качестве антитезы позиции Пришвина Варламов пишет об отношении к революции А. А. Блока. Автор книги как бы подготавливает читателя к дальнейшему повествованию о Пришвине – противнике революции, а потому антагонисте Блока; затем «частично» принявшем революцию, но с Блоком все же не нашедшего взаимопонимания: *«Он не мог, как Блок, стоически относиться к тому, что у него сожгли библиотеку, и оправдывать народное злодеяние тем, что на милых барскому сердцу усадьбах порол и насиловали»* [3, с. 152]. Журнальная версия варламовского «Красного колеса» подобного вступления не содержит, в главе поднимается проблема

взаимоотношений М. М. Пришвина и «коллег по литературному цеху», в том числе и А. А. Блока, ставится акцент на том, что до 1917 г. *«Блока Пришвин не просто уважал, но в отличие от всех без исключения декадентов отзывался о нем почти неизменно высоко»* [4]. Далее рассматриваются различные аспекты начавшегося после революции т. н. «конфликтного» периода в жизни двух художников. Анализируемая глава в книге не эквивалентна по объему той же главе в журнальной редакции и композиционно разделяется на две более усовершенствованные и завершенные в концептуальном и проблемном плане: собственно, «Красное колесо» и «Пришвин в 1918 году». Именно в последней, с достаточно прозрачной аллюзией заглавия на известный кинофильм М. И. Ромма («Ленин в 1918 году», Мосфильм, 1939 г.), присутствует обращенный к А. А. Блоку отрывок из статьи М. М. Пришвина с образом *«кипящего чана»* революции, *«на самый край»* которого *«приглашает ... интеллигентов»* адресат [3 с. 165-166].

Финал журнального варианта главы «Красное колесо», вторая половина которой стала основой для книжной главы «Пришвин в 1918 году», представляется несколько свернутым, хотя и подытоживающим все сказанное о революции и М. М. Пришвине в ней, взиравшему *«с холодной головой <...> на кипение стомиллионного крестьянского чана»* [4]. В книге же читателю предлагаются несколько страниц с объективным анализом пришвинского восприятия революционных событий, подкрепленный цитатами Дневника М. М. Пришвина и другими материалами.

Сделаем несколько выводов относительно структурной и повествовательной специфики двух редакций первой книги А. Н. Варламова, написанной им для серии «ЖЗЛ».

С точки зрения так называемого технического инструментария «книжный» «Пришвин» А. Н. Варламова по сравнению с «журнальным» аутентичен и завершен, книга обеспечена полновесным научным «арсеналом»: в конце представлена краткая библиография, имеется Указатель имен и Указатель произведений М. М. Пришвина, цитируемые фрагменты текста снабжены точными ссылками, сведенными в тридцатистраничные Примечания. Очевидно и естественно также, что текст второй редакции подвергался своего рода корректорской и технической правке, в частности, ликвидирована встречающаяся в журнальной версии стилистическая и синтаксическая избыточность (к примеру, убраны лишние вводные слова в ряде предложений (особенно это может быть заметно при сравнении приводимого

выше фрагмента о способах создания «многоликости» М. М. Пришвина ввиду разноплановости его дневниковых заметок, заменены некоторые просторечные и «ернические» выражения и обозначения имен собственных (типа, «Михайла Иванович Калинин» и т. п.). Таким образом: «Пришвинские Дневники вообще так устроены, что при желании из них можно надергать, искусственно подобрать каких угодно цитат и представить Пришвина по вкусу великим борцом с системой, а можно – напротив – конформистом; можно создавать образ писателя-христианина, а можно – пантеиста, язычника или даже богоборца, последовательного реалиста или модерниста, а то и постмодерниста (последняя идея нынче очень модна), патриота или русофоба – многое тут зависит от выбора позиции читателя и исследователя, и поэтому воистину у каждого из нас – свой Пришвин» [3] [курсивом нами выделены замененные или удаленные избыточные фразы (ср., с окончательным вариантом выше) – В. Ч.].

А. Н. Варламов в книжной версии «Пришвина» отказывается от журнального названия в связи с увеличением объема основного текста и усилением его синтезирующего компонента: универсализация названия первой части – «Гений жизни» – очевидно предпочтительнее журнального – «Испорченный пан», коррелирующего в данном случае лишь с одной указанной стороной биографии героя и не обладающего достаточной степенью обобщения.

Масштабность повествования второй редакции значительно усиливается и формально, и содержательно: увеличивается объем, оптимизируются структура (происходит разделение крупных глав на более мелкие и тематически завершенные; добавляются новые главы в связи с появлением третьей части), и композиция материала (меняется порядок следования некоторых глав; внутри глав возникают текстуальные перестановки), унифицируется стиль и синтаксис. Кроме того, при сохранении магистральной точки зрения на описываемые события, отношение к некоторым фактам корректируется.

Библиографический список

1. Бунин, И. А. Окаянные дни [Текст] / И. А. Бунин. – М. : Советский писатель, 1990. – 128 с.
2. Варламов, А. Михаил Пришвин: биография [Текст] / А. Варламов. – М. : Эксмо, 2010 – 672 с.
3. Варламов, А. Н. Пришвин [Текст] / А. Н. Варламов. – М. : Молодая гвардия, 2008. – 548 с.
4. Варламов, А. Н. Пришвин, или Гений жизни. Биографическое повествование [Электронный ресурс] / А. Н. Варламов // Октябрь, 2002, № 1-2. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/1/var.html> (Дата обращения: 05.06.2017).
5. Гамсун и Пришвин [Электронный ресурс] // Не-прошедшее время, Эхо Москвы, 09.08.2009. – URL: <http://echo.msk.ru/programs/time/609682-echo/?=top>.
6. Денисова, О. Н. Метафизика любви в дневниках М. М. Пришвина [Текст] / О. Н. Денисова // Вестник Ленинградского педагогического университета им. А. С. Пушкина. – СПб, 2014. – Т. 1. Филология. – № 2. – С. 60-66.
7. Иванов-Разумник, Р. В. Великий Пан [Электронный ресурс] / Р. В. Иванов-Разумник. – URL: http://az.lib.ru/i/iwanowrazumnik_r_w/text_0340.shtml (Дата обращения: 12.06.2017).
8. Калинин, М. И. Избранные произведения [Текст] / М. И. Калинин. – М. : Политиздат, 1975. – 448 с.
9. Пришвин, М. М. Дневник. Т. 2. 1918-1919 гг. [Текст] / М. М. Пришвин. – М. : Московский рабочий, 1994. – 383 с.
10. Пришвин, М. М. Дневник. Т. 4. 1923-1925 [Текст] / М. М. Пришвин. – М. : Русская книга, 1999. – 416 с.
11. Пришвин о Розанове // Контекст – 1990. – М., 1990. – С. 196.
12. Худенко, Е. А. Жизнетворчество как метатекст: Мандельштам – Зощенко – Пришвин (30-40-е гг.) [Текст] / Е. А. Худенко. – Барнаул : Изд-во Алтайской государственной педагогической академии, 2011. – 165 с.
13. Юрченко, Л. Н. Дневник как жанровая форма у И. А. Бунина и М. М. Пришвина [Текст] / Л. Н. Юрченко // Михаил Пришвин: диалоги с эпохой. – Елец : Елецкий гос. ун-т, 2008. – С. 80-88.

Reference List

1. Bunin, I. A. Okajannye dni = Cursed Days [Tekst] / I. A. Bunin. – M. : Sovetskij pisatel', 1990. – 128 s.
2. Varlamov, A. Mihail Prishvin: biografija = Mikhail Prishvin: biography [Tekst] / A. Varlamov. – M. : Jeksmo, 2010 – 672 s.
3. Varlamov, A. N. Prishvin = Prishvin [Tekst] / A. N. Varlamov. – M. : Molodaja gvardija, 2008. – 548 s.
4. Varlamov, A. N. Prishvin, ili Genij zhizni. Biograficheskoe povestvovanie = Prishvin, or Genius of life. Biographic narration [Jelektronnyj resurs] / A. N. Varlamov // Oktjabr', 2002, № 1-2. – URL: <http://magazines.russ.ru/october/2002/1/var.html> (Data obrashhenija: 05.06.2017).
5. Gamsun i Prishvin = Gamsun and Prishvin [Jelektronnyj resurs] // Neprosheeshee vremja, Jeho Moskvyy, 09.08.2009. – URL: <http://echo.msk.ru/programs/time/609682-echo/?=top>.
6. Denisova, O. N. Metafizika ljubvi v dnevnikaх M. M. Prishvina = Love metaphysics in M. M. Prishvin's diaries [Tekst] / O. N. Denisova // Vestnik Leningradskogo pedagogicheskogo universiteta im. A. S. Pushkina. – SPb, 2014. – T. 1. Filologija. – № 2. – S. 60-66.
7. Ivanov-Razumnik, R. V. Velikij Pan = Great Pan [Jelektronnyj resurs] / R. V. Ivanov-Razumnik. – URL:

http://az.lib.ru/i/iwanowrazumnik_r_w/text_0340.shtml
(Data obrashhenija: 12.06.2017).

8. Kalinin, M. I. Izbrannye proizvedenija = Selected works [Tekst] / M. I. Kalinin. – M. : Politizdat, 1975. – 448 s.

9. Prishvin, M. M. Dnevnik. T. 2. 1918-1919 gg. = Diary. V. 2. 1918-1919. [Tekst] / M. M. Prishvin. – M. : Moskovskij rabochij, 1994. – 383 s.

10. Prishvin, M. M. Dnevnik. T. 4. 1923-1925 = Diary. V. 4. 1923-1925 [Tekst] / M. M. Prishvin. – M. : Russkaja kniga, 1999. – 416 s.

11. Prishvin o Rozanove = Prishvin about Rozanov [Tekst] // Kontekst – 1990. – M., 1990. – S. 196.

12. Hudenko, E. A. Zhiznetvorchestvo kak metatekst: Mandel'shtam – Zoshhenko – Prishvin (30-40-e gg.) = Creative life as metatext: Mandelstam – Zoshchenko – Prishvin (the 30-40-s) [Tekst] / E. A. Hudenko. – Barnaul : Izd-vo Altajskoj gosudarstvennoj pedakademii, 2011. – 165 s.

13. Jurchenko, L. N. Dnevnik kak zhanrovaja forma u I. A. Bunina i M. M. Prishvina = The diary as a genre form of I. A. Bunin and M. M. Prishvin [Tekst] / L. N. Jurchenko // Mihail Prishvin: dialogi s jepohoj. – Elec : Eleckij gos. un-t, 2008. – S. 80-88.

Дата поступления статьи в редакцию: 25.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Журналистика

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10386
УДК 811.161.1

Н. И. Клущина <https://orcid.org/0000-0002-4666-5433>

Д. О. Байгожина <https://orcid.org/0000-0003-3329-4589>

С. Ш. Тахан <https://orcid.org/0000-0002-4940-1409>

Медиатизация: стилистический вектор

В статье раскрывается понятие медиатизации, которое в современной науке не имеет однозначного толкования. Под медиатизацией в политологии, культурологии и медиалогии понимают процессы расширения влияния медиа на различные сферы общественной жизни и, следовательно, тотальное воздействие на массовое сознание. Описывается трактовка данного термина в различных западных концепциях и дается авторское его определение с позиций новой отрасли стилистики – медиастилистики. Медиатизация авторами понимается не только как социальный процесс, связанный с экстралингвистическими особенностями медиакоммуникации, но и как стилистический вектор современного развития языка и культуры в медиа. Медиатизация понимается как создание в медиадискурсе особых зон пересечения медиа с социальными феноменами, что усложняет понимание медиадискурса, в котором предлагается различать, например, медиадискурс культуры, политический, юридический и другие субдискурсы, возникающие как результат медиатизации. На основе результатов проведенного ранее анализа русскоязычного дискурса казахстанских СМИ на тему культуры показывается стилистический процесс медиатизации культуры через прецедентные феномены, циркулирующие в пространстве медиа. Делается вывод о том, что медиатизация способствует формированию медиакультуры, которую авторы понимают как новый тип культуры, создаваемой медиа. Медиакультура интегрирует известные типы культуры, такие, как элитарная, традиционная и массовая, и создает новую систему ценностей. Предлагается под медиакультурой понимать не низкую культуру, которая негативно оценивается с точки зрения культуры элитарной, как ее суррогат. Авторы полагают, что медиакультура является необходимой для консолидации общества, она влияет на формирование общего фонда культуры и популяризирует достижения элитарной и традиционной культур.

Ключевые слова: стилистика, медиастилистика, медиатизация, медиадискурс, медиакультура, прецедентные феномены, коды культуры.

Journalism

N. I. Klushina, D. O. Baigozhina, S. Sh. Takhan

Mediatization: a Stylistic Vector

The article reveals the concept of mediatization, which does not have an unambiguous interpretation in modern science. Political science, cultural studies and media dialogues understand mediaization as processes of expanding the influence of media on various spheres of public life and, consequently, the total impact on the mass consciousness. The interpretation of this term is described in various Western concepts and the author's definition is given from the standpoint of a new branch of stylistics – mediastylistics. Mediatization is understood by the authors not only as a social process associated with the extralinguistic features of media communication, but also as a stylistic vector of the modern development of language and culture in the media. Mediatization is understood as a creation in media discourse of special zones of intersection of media with social phenomena, what complicates the understanding of the media discourse, where it is proposed to distinguish, for example, culture media discourse, political, legal and other sub-discourses arising as a result of mediatization. Based on the results of the earlier analysis of the Russian-language discourse of Kazakhstan mass-media on the topic of culture, a stylistic process of mediatization culture is shown through precedent phenomena circulating in the media space. It is concluded that mediatization contributes to the formation of media culture, which the authors understand as a new type of culture created by media. Mediaculture integrates known types of culture, such as elite, traditional and mass, and creates a new value system.

It is offered to understand mediaculture not as subzero culture that is negatively estimated from the point of view of culture elite, as its substitute. Authors suppose that mediaculture is necessary for consolidation of society, it influences formation of general fund of culture and popularizes achievements of elite and traditional cultures.

Keywords: stylistics, media-stylistics, mediatization, media discourse, media culture, precedent phenomena, culture codes.

К вопросу о термине

Понятие *медиатизации*, как в свое время понятие *дискурс*, пытаются определить во всех областях современного гуманитарного знания – философии, социологии, медиалогии и т. д. В научно-исследовательском поле сосуществует множество концепций медиатизации, и процесс дефинирования данного термина еще весьма далек от завершения.

В российской медиалогии делаются многочисленные попытки систематизировать понимание данного термина разными научными школами и направлениями с тем, чтобы выработать единый подход к его определению и толкованию [6, 14 и др.]. Но в конечном итоге российские исследователи дают описание-перечисление разнообразных концепций западных коллег и констатируют неупорядоченность и многозначность взглядов на понимание медиатизации.

Это не случайно, поскольку наиболее значимые исследования медиатизации и сама постановка проблемы восходят к западной научной традиции изучения общества, культуры и информационных процессов. Медиа в данных исследованиях предстают не только как посредник между обществом, его культурой и социально значимой информацией, но и как структурный элемент самого общества и культуры [5, 10, 11, 12 и др.]. Таким образом трактуемая медиатизация приводит к новому пониманию роли медиа в обществе и в культуре.

Современные концепции медиатизации объясняют, как посредством медиа вовлекаются в общественную жизнь различные институциональные сферы (политика, спорт, бизнес, культура, религия и др.), как они освещаются средствами массовой информации и – в конце концов – воздействуют на общественное сознание и нашу реальность. Например, политические новости не просто репрезентируют события из сферы политики, но и сами по себе оказывают влияние на политические взгляды людей, а новости культуры выполняют просветительскую функцию и сохраняют в социуме культурные коды.

Медиатизация всех сторон общественной жизни, наступившая с развитием цифровых технологий, свидетельствует о том, что медиа перестали быть просто посредником в распространении информации (в концепциях Г. Макклюзна, Н. Лумана и др.). Концепция медиатизации помогает выявить тотальное влияние медиа на индивидуум и социум и обратное влияние человека на медиа и медиасреду. Результатом данного взаимодействия становится формирование и развитие нового, медиатизированного бытия человека. Социум приспосабливается к законам медиа, но и сами медиа преобразуются под воздействием общественных

законов.

Таким образом, медиатизация, как она понимается ведущими западными учеными, связана с изменением понимания роли медиа в структуре общественной жизни. Это не означает, что традиционные вопросы, связанные с использованием медиа в качестве «передатчика» (медиума), уже не актуальны. Но это означает, что понимание важности средств массовой информации в современной культуре и обществе больше не может опираться на те объяснительные модели, которые предполагают, что средства массовой информации отделены от культуры и общества и что они обеспечивают только процесс посредничества («месседж», по Г. Макклюзну). Средства массовой информации – это не просто технологии, которые организации или отдельные лица могут использовать или не использовать по своему усмотрению. Наличие средств массовой информации стало структурным условием для социальных и культурных практик, как в культурной сфере, так и в обществе в целом. Средства массовой информации являются одновременно частью самой социальной и культурной сферы. Поэтому в современной западной медиалогии медиатизацию рассматривают как макросоциальный процесс (наравне с глобализацией), поскольку ее влияние отражается на развитии общества в целом. Медиатизация – это процесс, в котором социальные институты (не связанные со СМИ) должны адаптироваться к медийной логике, к медийным целям и ограничениям [10, 11 и др.].

Существующая множественность взглядов на медиатизацию не дают возможность ее однозначной дефиниции, поскольку это неизбежно приведет к редуccionизму в понимании самого процесса медиатизации. Такого рода термины (ср. с терминами *стиль*, *дискурс*, *концепт* и др.), на наш взгляд, унифицировать и единообразно толковать не нужно (и даже вредно), чтобы не упрощать сложные феномены, которые они номинируют. Значение подобных терминов у каждого серьезного ученого, их использующего, в каждой небанальной концепции профилируется по-разному, с учетом той области знаний, в изучении которой он применяется. Именно поэтому в рамках медиастилистики медиатизация получает свой стилистический вектор исследования.

Стилистическая концепция медиатизации

Проблема медиатизации различных сфер общественной жизни (политики, культуры, экономики, науки и др.), которая по-новому формулирует вопросы, касающиеся взаимовлияния средств массовой информации, культуры и общества, в исследованиях по функциональной стилистике не затрагивалась. В рамках функциональной стилистики обсуждались

вопросы вовлечения в публицистический стиль различных элементов других стилей как особенность данного незамкнутого стиля на фоне закрытых стилей русского языка (например, официально-делового). Впервые стилистическая роль медиатизации и сама медиатизация как стилистический феномен была освещена в монографическом исследовании «Медиастилистика» [7], которое является первой попыткой конституирования новой лингвистической области, возникшей как результат медийного поворота в лингвистике. «Медиатизация – это придание публичности различным сторонам социальной деятельности и вовлечение их в сферу общественных дискуссий, что может повлечь за собой широкий резонанс и, в конечном итоге, важнейшие изменения в общественной жизни и в общественном сознании. Медиатизация общественной жизни – важнейшая социальная функция современных СМИ. Вовлекая в свое пространство другие дискурсы и преобразуя их соотносительно собственным законам, медиадискурс тем самым способен описать все многообразие мира, сделать знание не столько «общеизвестным», как это считают некоторые исследователи медиадискурса, сколько *общим*, консолидирующим национальные социумы и макклэновскую «глобальную деревню». Медиатизация обладает и стилистической значимостью. Зоны пересечения медиадискурса с другими институциональными дискурсами создают уникальную стилистическую ситуацию: в пространстве медиадискурса сосуществуют контексты из различных сфер деятельности. Но все эти контексты не просто сосуществуют как фрагменты внешнего мира – в едином пространстве медиадискурса фрагментарность внешней жизни преобразуется в целостный медиамир, в котором различные контексты призваны усиливать его достоверность, его реальность» [7].

В процессе медиатизации культуры в пространстве любого национального медиадискурса создается новый тип культуры – медиакультура. Феномен медиатизации необходим для раскрытия механизма формирования медиакультуры в СМИ и посредством СМИ. Медиатизация для решения научных задач медиастилистики используется в двух аспектах: стилистическом (как способ формирования медиакультуры в медиадискурсе с помощью включения в него текстов и вербальных символов разных типов культур) и в социальном (как особый процесс институализации медиа и превращения медиа из посредника, канала связи между социальными сферами в самостоятельный институт, выполняющий консолидирующую, адаптирующую и собственно формирующую функции для развития общества в цифровую эпоху).

Культура и медиакультура

Понимание *медиакультуры* в современной науке так же многозначно, как и понимание *медиатизации*. Проанализировав наиболее значимые западные и концепции П. Бурдье, Р. Барта, Ж. Бодрийяра, П. Вирильш, Ф. Джеймисова, российский ученый Н. Б. Кириллова приходит к выводу о том, что «сегодняшняя медиакультура – это интенсивность информационного потока (прежде всего, аудиовизуального: ТВ, кино, видео, компьютерная графика, мобильная связь, Интернет, мультимедиа и др.), это средства комплексного освоения человеком окружающего мира в его социальных, нравственных, психологических, художественных, интеллектуальных аспектах» [6]. Она резюмирует изученные подходы: «По их мнению, медиакультура – область культуры, связанная с трансляцией современными техническими способами записи и передачи изображения и звука (кино, телевидение, видео, системы мультимедиа) динамических образов, получивших широкое распространение», и дает собственное определение медиакультуры: «Медиакультура – это совокупность информационно-коммуникативных средств, выработанных человечеством в ходе культурно-исторического развития, способствующих формированию общественного сознания и социализации личности. Она включает в себя культуру передачи информации и культуру ее восприятия; может выступать и системой уровней развития личности, способной воспринимать, анализировать, оценивать тот или иной медиатекст, заниматься медиаторством, усваивать новые знания посредством медиа» [6].

Мы медиакультуру в рамках медиастилистики понимаем по-другому. Для нас медиакультура не является синонимом медиа или синонимом медийных технологий, знаний и умений. Мы полагаем, что медиакультура – это новая форма культуры, возникающая в процессе ее медиатизации в СМИ.

Доказательством нашего подхода является проведенное нами исследование заголовков русскоязычных казахстанских СМИ на тему культуры [1]. Заголовки и заголовочные комплексы в условиях цифровой коммуникации получили самостоятельную роль, превратившись в заголовки-анонсы, то есть свернутые тексты, которые формируют особый субдискурс, репрезентирующий весь современный медиадискурс. Субдискурс заголовков на тему культуры представляет собой особую матрицу культуры, легко усваиваемую массовым сознанием.

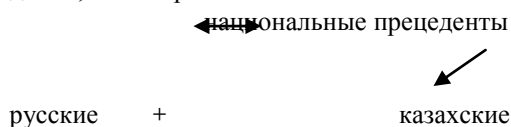
Мы выдвинули научную гипотезу о том, что важнейшими маркерами медиатизации культуры является прецедентность (в различных ее формах), с

помощью которой в медиа формируется «интертекст культуры» [13].

Мы выявили в современной медиакультуре казахстанских СМИ использование в заголовочных комплексах, являющихся доминантными позициями медиадискурса, прецедентов, репрезентирующих коды высокой классической культуры (универсальной классической культуры, национальной русской культуры, национальной казахской культуры), коды массовой культуры и коды культуры народной.

Прецедентные феномены дифференцируются на прецедентные онимы, прецедентные тексты, прецедентные ситуации/ события, прецедентные высказывания. Различаются универсальные и национальные прецедентные феномены [2, 4, 8, 9 и др.]. Мы исследовали прецеденты, которые универсальные прецеденты

представляют в медиадискурсе русскоязычных СМИ Казахстана феномены культуры, как глобальной, так и национальной. Спецификой казахстанского медиадискурса является тот факт, что в нем отражаются универсальные прецедентные феномены (относящиеся к мировой культуре), и национальные, которые, в связи с историческим семидесятилетним сосуществованием в границах единого государства СССР, репрезентируют апелляцию к двум национальным лингвокультурам – русской и казахской. Таким образом, первый вектор классификации и изучения прецедентных культурных феноменов связан с осью универсальности – национальной специфичности



Второй вектор изучения связан с различием в современной культуре элитарной культуры и массовой. Отсюда мы группируем отдельно прецедентные феномены, инкорпорирующие в медиадискурс элементы элитарной / классической культуры и элементы массовой / поп-культуры.

Мы проанализировали примеры прецедентных феноменов, циркулирующих в русскоязычном медиадискурсе Казахстана, объединив их по типам в соответствии с выдвинутой нами гипотезой:

– **универсальные прецедентные феномены**, к которым относим прецеденты классической мировой культуры, известные всему мировому сообществу, такие, как «*Казахский Моцарт*» (про молодого казахстанского музыканта Рахат-Би-Абдысагин, который покорила мир); «*Казахстанскую Мадонну оценят в Париже*» (о казахстанке Светлане Мелик-Нубаровой, которая получила приглашение участвовать в престижном Международном конкурсе фотографов в Париже. Ее оригинальные работы, воспевающие материнство, вызвали огромный интерес у европейских экспертов и критиков) и др.

Универсальные прецеденты, апеллирующие к высокой культуре, в русскоязычном медиадискурсе Казахстана используются в доминантных позициях дискурса (в заголовочных комплексах) и не только привлекают внимание адресата, но и формируют в общественном сознании устойчивые связи с мировой классикой (живопись, музыка, литература и т. п.), тем самым включая казахского читателя в мировой культурный процесс.

– **Национальные прецедентные феномены** (принадлежащие как к русской лингвокультуре, так и казахской)

Русские:

Средь шумного бала: первая скрипка – об особенностях работы в оркестре;

Он памятник себе воздвиг...; И смех, и слезы, и кино и др.

Казахские:

«Золотой человек» шагает по планете (Золотой человек – это Алтын адам, сакский воин. Воин, облаченный в золотой костюм с алыми вставками и высокий конусообразный шлем, стал государственным символом страны, саки жили в V-VI веке); *Культегин в столице* (Культегин – политический и военный деятель Второго тюркского каганата, соправитель Бильге-кагана, сын Кутлуг-Эльтериш-кагана, жил в конце VII – первой половине VIII в., история казахов) и др.

В казахстанском медиадискурсе тесно переплетаются элементы русской классической культуры и казахской. Русские прецедентные феномены в основном принадлежат классической литературе, являющейся обязательной для изучения в школах, этим можно объяснить частотность их включения в заголовки статей, к тому же они не требуют декодирования.

Феномены казахстанской национальной классической культуры также составляют ядро прецедентности в русскоязычном медиадискурсе страны и выполняют просветительские функции в национальной лингвокультуре.

– *Прецеденты массовой культуры*, которые апеллируют к онимам глобализированной поп-культуры:

Козы-Корпеш и Мэрилин Монро (Козы-Корпеш – казахская лиро-эпическая поэма XIII–XIV веков, записана в середине XIX века, Мэрилин Монро американская киноактриса, секс-символ 1950-х годов, певица и модель);

Малефисента великой степи (Малефисента – современный фильм, в главной роли Анджелины Джоли, великая степь – степь, где кочевали казахи) и др.

Подобные примеры демонстрируют инкорпорирование в медиадискурс Казахстана элементов глобальной поп-культуры и погружению их в национальный контекст.

Наше исследование показало, что в казахстанском субдискурсе культуры наиболее частотны прецеденты, обеспечивающие связь с общемировым культурным достоянием (*Вход к да Винчи свободный; Ромео и вендетта; От Шекспира до колдовства; Казахский Моцарт* и др.), с народной культурой (*Коркыт и мелодии Великой степи* и др.), а также с русской культурой (*Он памятник себе воздвиг...; Чеховские посиделки* и др.).

Общемировые и русские прецеденты высокой культуры, транслируемые через СМИ, выполняют важную просветительскую функцию в современном казахстанском обществе. Прецеденты национальной культуры сохраняют народную традицию и национальную специфику медиадискурса и картины мира в целом. Прецеденты массовой культуры выполняют функцию консолидации социума, включения его в глобальный контекст, но при этом теряется просветительская функция медиадискурса культуры.

Выводы

Мы выявили в современной медиакulturе (на примере исследования русскоязычных казахстанских СМИ) использование в доминантных позициях медиадискурса прецедентов и фразеологизмов, репрезентирующих коды высокой классической культуры (универсальной классической культуры, национальной русской культуры, национальной казахской культуры), а также коды массовой культуры. Наше исследование медиатизации культуры позволяет сделать выводы о том, что медиа не просто транслируют коды классической, народной или массовой культуры, но и создают особый тип культуры – медиакulturу, которая переплавляет в себе различные коды и символы в единый медийный вариант современной культуры. Это позволяет говорить о медиакulturе как сложном феномене,

кумулятирующем в себе различные типы культуры, что противоречит устоявшемуся пониманию медиакulturы как синонима массовой, низкой культуры. В нашей концепции медиакultura – это особый тип культуры, создаваемой в медиaprостранстве с помощью медиатизации. Таким образом, в современных медиа в результате медиатизации формируется особое коммуникативное пространство медиакulturы, с новой системой ценностей и сплетением кодов разных типов культур (традиционной, элитарной и массовой).

Медиатизация нами понимается не только как социальный процесс, связанный с экстралингвистическими особенностями медиакommunikации, когда практически все сферы социальной жизни представлены в том или ином виде в пространстве медиа через сайты, СМИ и соцсети, но и как стилистический вектор современного развития языка и культуры в медиа. Наше понимание позволяет показать полифункциональность процессов медиатизации, раскрыть ее лингвистический механизм, а также ввести концепцию медиатизации в категориальный аппарат формирующейся новой области стилистики – медиастилистику.

Библиографический список

1. Байгожина, Д. О., Клушина, Н. И., Тахан, С. Ш. Медиатизация культуры: казахстанский опыт [Текст] // Актуальные проблемы стилистики. – М. : Факультет журналистики МГУ, 2018. № 4. – С. 91-97.
2. Гудков, Д. Б. Теория и практика межкультурной коммуникации [Текст] / Д. Б. Гудков. – М. : Гнозис, 2003. – 288 с.
3. Иванова, М. В., Клушина, Н. И. Нормы в массмедиа: когнитивный аспект [Текст] // Вопросы когнитивной лингвистики. – Тамбов, 2018. – № 2. – С. 5-12.
4. Караулов, Ю. Н. Роль прецедентного текста в структуре и функционировании языковой личности [Текст] // Научные традиции и новые направления в преподавании русского языка и литературы: Доклады советской делегации на VI конгрессе МАПРЯЛ. – М., 1986. – С. 105-123.
5. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. [Текст] / М. Кастельс. – М. : ГУ ВШЭ, 2000. – 608 с.
6. Кириллова, Н. Б. Медиакultura: от модерна к постмодерну [Текст] / Н. Б. Кириллова. – М. : Акад. проект, 2006. – 448 с.
7. Клушина, Н. И. Медиастилистика [Текст] / Н. И. Клушина. – М. : Флинта, 2018. – 184 с.
8. Костомаров, В. Г., Бурвикова Н. В. [Текст] Как тексты становятся прецедентными // Русский язык за рубежом. – М., 1994. – № 1. – С. 73-76.
9. Красных, В. В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: курс лекций. [Текст] / В. В. Красных. – М. : ИТДГК «Гнозис», 2002. – 284 с.

10. Луман, Н. Реальность масс-медиа [Текст] / пер. с нем. А. Ю. Антоновского. / Н. Луман. – М. : Практис, 2005. – 256 с.

11. Макклуюэн, Г. М. Понимание медиа: внешние расширения человека. [Текст] / Г. М. Макклуюэн. – М. : Жуковский: Канон-пресс, 2003. – 464 с.

12. Матисон, Д. Медиа-дискурс. Анализ медиа-текстов. [Текст] / Д. Матисон. – Х. : Изд-во «Гуманитарный Центр», 2013. – 264 с.

13. Шевченко, Л. И. Символы современной культуры в интертексте славянских медиа [Текст] // Актуальные проблемы стилистики. – М., 2018. – № 4. – С. 77-84.

14. Шмелева, Т. В. Медиатизация как феномен современной культуры и объект исследования [Текст] // Вестник Новгородского государственного университета. – 2015. – № 90. – С. 145-148.

Reference List

1. Bajgozhina, D. O., Klushina, N. I., Tahan, S. Sh. Mediatizacija kul'tury: kazahstanskij opyt = Mediatization of culture: Kazakhstan experience [Tekst] // Aktual'nye problemy stilistiki. – M. : Fakul'tet zhurnalistiki MGU, 2018. №4. – S. 91-97.

2. Gudkov, D. B. Teorija i praktika mezhkul'turnoj kommunikacii = Theory and practice of cross-cultural communication [Tekst] / D. B. Gudkov. – M. : Gnozis, 2003. – 288 s.

3. Ivanova, M. V., Klushina, N. I. Normy v massmedia: kognitivnyj aspekt = Norms in mass media: cognitive aspect [Tekst] // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – Tambov, 2018. – № 2. – S. 5-12.

4. Karaulov, Ju. N. Rol' precedentnogo teksta v strukture i funkcionirovanii jazykovoj lichnosti = Role of the case text in structure and functioning of the language personality [Tekst] // Nauchnye tradicii i novye napravlenija v prepodavanii russkogo jazyka i literatury: Doklady sovetskoj delegacii na VI kongresse MAPRJaL. – M., 1986. – S. 105-123.

5. Kastel's, M. Informacionnaja jepoha: jekonomika, obshhestvo i kul'tura = Information era: economy, society

and culture [Tekst] / M. Kastel's. – M. : GU VShJe, 2000. – 608 s.

6. Kirillova, N. B. Mediakul'tura: ot moderna k postmodernu = Media culture: from a modernist style to postmodern [Tekst] / N. B. Kirillova. – M. : Akad. proekt, 2006. – 448 s.

7. Klushina, N. I. Mediastilistika = Media stylistics [Tekst] / N. I. Klushina. – M. : Flinta, 2018. – 184 s.

8. Kostomarov, V. G., Burvikova N. V. [Tekst] Kak teksty stanovjatsja precedentnymi = As texts become precedent-setting // Russkij jazyk za rubezhom. – M., 1994. – № 1. – S. 73-76.

9. Krasnyh, V. V. Jetnopsiholingvistika i lingvokul'turologija: kurs lekcij = Ethnopsycholinguistics and cultural linguistics: course of lectures [Tekst] / V. V. Krasnyh. – M. : ITDGG «Gnozis», 2002. – 284 s.

10. Luman, N. Real'nost' mass-media = Reality of mass media [Tekst] / per. s nem. A. Ju. Antonovskogo. / N. Luman. – M. : Praxis, 2005. – 256 s.

11. Makkljujen, G. M. Ponimanie media: vneshnie rasshirenija cheloveka = Understanding of media: the person's external expansions [Tekst] / G. M. Makkljujen. – M. : Zhukovskij: Kanon-press, 2003. – 464 s.

12. Matison, D. Media-diskurs. Analiz media-tekstov = Media discourse. Analysis of media texts [Tekst] / D. Matison. – H. : Izd-vo «Gumanitarnyj Centr», 2013. – 264 s.

13. Shevchenko, L. I. Simvoly modernoj kul'tury v intertekste slavjanskikh media = Symbols of modern culture in Slavic media intertext [Tekst] // Aktual'nye problemy stilistiki. – M., 2018. – №4. – S. 77-84.

14. Shmeleva, T. V. Mediatizacija kak fenomen sovremennoj kul'tury i ob#ekt issledovanija = Mediatization as phenomenon of modern culture and object of research [Tekst] // Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2015. – № 90. – S. 145-148.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Е. Н. Басовская <https://orcid.org/0000-0002-4866-5824>**Стилевое оформление праздничного медиатекста: история и современность**

Статья посвящена анализу стилистики предновогодних номеров советских и постсоветских изданий «Правда» (1978, 1984, 2018), «Новая газета» (2018), «Российская газета» (2018). Автор опирается на работы исследователей, интерпретирующих праздник не только как значимый информационный повод, но и как формируемое средствами массовой информации коммуникативное событие, обладающее идеологическим компонентом содержания. В статье рассматриваются композиция номера, названия рубрик и отдельных публикаций, лексические и синтаксические особенности текстов, характер иллюстративного материала. Высказывается мысль о повышении уровня стандартизации языка СМИ в периоды проведения праздников в связи с клишированностью самого праздничного дискурса. Обнаруживается стилистическое единство предпраздничных выпусков газеты «Правда» советского периода, в которых активно используются высокие стилистические средства и эксплуатируется характерная для политического дискурса оппозиция «свой-чужой». Выявляются также черты сходства в стилистовом оформлении сегодняшних оппозиционных изданий, формирующих идеологически нагруженные антиномии «праздник – отсутствие социальной справедливости», «праздник – отсутствие гражданских свобод». С опорой на эмпирический материал автор доказывает, что отражение праздника в журналистских текстах в значительной степени определяется особенностями исторического периода и редакционной политикой конкретного средства массовой информации. В советских газетах и современных медиа, имеющих ясную идеологическую ориентацию, как прогосударственную, так и оппозиционную, праздник используется как пропагандистский повод, а его интерпретация влечет за собой усиление идейного разобщения читательской аудитории. Представление праздника в первую очередь как общенационального радостного события, способно, напротив, содействовать социальной интеграции и консолидации.

Ключевые слова: праздник, стилистика, советский газетный текст, медиатекст, пропаганда.

Е. N. Basovskaya

Stylistic Decoration of the Festive Media Text: History and Modernity

The article is devoted to the analysis of the style of the New year issues of Soviet and post-Soviet editions «Pravda» (1978, 1984, 2018), «Novaya Gazeta» (2018), «Rossiyskaya Gazeta» (2018). The author relies on the works of researchers who interpret the holiday not only as a significant information occasion, but also as a communicative event formed by the media, which has an ideological component of the content. The article deals with the composition of the issue, the names of headings and certain publications, lexical and syntactic features of the texts, the type of the illustrative material. It is suggested that the level of standardization of the media language should increase during the holidays in connection with the clichés of the festive discourse. The stylistic unity of the pre-holiday editions of the newspaper «Pravda» in the Soviet period is revealed; the newspaper actively uses high stylistic means and the opposition «friend-or-foe», typical for political discourse. There are also similarities in the stylistic decoration of today's opposition publications, forming ideologically loaded antinomies «holiday – lack of social justice», «holiday – lack of civil liberties». Basing on empirical material, the author proves that the reflection of the holiday in journalistic texts is largely determined by the peculiarities of the historical period and the editorial policy of a particular medium. In Soviet newspapers and modern media, which have clear ideological orientation, both pro-state and opposition, the holiday is used as a propaganda occasion, and its interpretation entails the strengthening of ideological dissociation of the readership. The presentation of the holiday primarily as a national joyful event can, on the contrary, promote social integration and consolidation.

Keywords: holiday, style, Soviet newspaper text, media text, propaganda.

Государственный праздник представляет собой безусловный информационный повод, находит отражение в средствах массовой информации и, как отмечалось в научной литературе, в значительной степени их усилиями превращается в заметное коммуникативное событие [3, с. 84-92; 4, с. 57]. При этом мы солидаризируемся с Л. В. Селезневой, утверждающей, что «коммуникативное событие есть условие существования дискурса, а дискурс – реализация в речи коммуникативного события» [10, с. 50]. Речь в данной статье идет, следовательно, о

дискурсивной реализации в СМИ коммуникативного события праздника.

Сама природа праздника и его регулярная повторяемость неизбежно влекут за собой выработку ритуала празднования, в частности – стандартизированного речевого оформления. Каждый широко отмечаемый праздник сопровождается набором словесных формул поздравления / пожелания, а также временно актуализирует в речи названия тех или иных атрибутов (*елка* в Новый год, *цветы* 8 Марта, *парад* 9 Мая, *подарки* и так далее). Следует согласиться с

Н. В. Хохлиной, отмечающей, что «праздник как социально значимое событие содержит активную, системно разработанную речевую составляющую, в которой праздник как таковой в максимальной степени проявляет свои категориальные признаки» [13, с. 10].

Данная тенденция находится в полном соответствии с тяготением СМИ к использованию стандартных стиливых элементов [8, с. 61; 6, с. 16]. В периоды, когда отмечаются государственные праздники, стандартизованность языка медиа возрастает. Этим, на мой взгляд, обеспечивается сопоставимость стиливого оформления различных изданий, а также выпусков, относящихся к различным историческим периодам. Такими соображениями мотивировано данное исследование, проведенное на материале номеров советских и постсоветских газет, вышедших в конце декабря – в последние дни перед празднованием Нового года. Выбор этого праздника обусловлен тем, что он, не имея идеологической основы, отмечался в советское время и отмечается сегодня максимально широко и находит отражение в изданиях различной политической направленности.

Гипотеза проведенного исследования состояла в том, что издания разных исторических периодов и разных мировоззренческих установок вырабатывают специфический набор стиливых приемов, позволяющих трансформировать праздник в повод для манифестации определенной системы идей.

В процессе подготовки статьи были проанализированы следующие номера газет:

– «Правда» от 31 декабря 1978 и 1984 гг. – последние предновогодние номера главного печатного органа СССР, вышедший 40 лет назад, в период «застоя», а также непосредственно перед началом коренных социально-политических изменений в стране и воплощающие стилистику советского предпраздничного издания;

– «Российская газета» от 31 декабря 2018 г. – отражение стиливой культуры праздника, сформировавшейся в современном государственном средстве массовой информации;

– «Новая газета» от 26 декабря 2018 г. – последний предновогодний выпуск оппозиционного, либерально-прозападного издания;

– «Правда» от 28-31 декабря 2018 г. – предпраздничный номер оппозиционного, коммунистического СМИ.

Было проведено сопоставление композиции и лексико-грамматического наполнения предпраздничных номеров газет.

Как и следовало предполагать, предновогодние выпуски «Правды» 1978 и 1984 годов оформлены однотипно. На первой полосе размещается

редакционная колонка под названием *Провожая 1978-й* и *Провожая год 1984-й* соответственно. Итоги завершающегося года подводятся также в фотолетописи, причем на фотографиях читатель видит радостные лица советских людей, достойно встречающих следующий год. На первой полосе номера 1978 г. есть также выделенная крупным шрифтом рубрика *НА РУБЕЖЕ ДВУХ ЛЕТ*.

На второй и третьей полосах «Правды»-1978 есть колонки *Как прожит год* (подборка писем читателей) и *Канун нового года* (новостные заметки). Вторая страница газеты 1984 года не содержит специальных новогодних рубрик, однако праздничная тематика отражена в заметке *Главная елка Заполярья*. Тема дерева – символа Нового года – развивается на третьей полосе газеты, в научно-популярной статье *Теплое дерево – ель*.

Четвертая и пятая полосы «Правды» 1978 года посвящены международной проблематике. Здесь опубликован рисунок Х. Бидструпа: веселые персонифицированные цифры 1979 забрасывают снежками и прогоняют злых персонажей – Провокации, Антикоммунизм, Террор и Агрессию. Половину четвертой полосы занимают заметки международного *Вехи 1978-го*. В 1984 году события, происходящие за рубежом, представлены на пятой полосе, где есть новостная колонка *В канун 1985-го* и заметка о предпраздничной торговле в Афинах, помещенная под рубрикой *Новогодняя открытка*. На следующих полосах подводятся итоги – *Год 1984-й: Международная панорама* – и делаются прогнозы: *Пора оплачивать векселя. Вашингтон на пороге 1985 года*.

Последняя, шестая страница «Правды» 1978 содержит короткую заметку *Предновогодние свадьбы*. Канун праздника упоминается также в материале, посвященном традиционному выстрелу пушки в Петропавловской крепости в Ленинграде – *31-го, ровно в полдень...* Газетный номер 1984 года завершается восьмой полосой, на которой известные спортсмены отвечают на вопрос *Чем примечателен был для вас год уходящий и какую цель ставите вы в году наступающем?*

С точки зрения лексики и грамматики для предпраздничных номеров «Правды» советского периода характерно широкое использование средств высокого стиля: слов высокой стилистической окраски, позитивизмов, генерализаторов (данный комплекс лексических средств характеризуется П. Червиньски как «патетизмы официоза») [14, с. 64]; восклицательных конструкций, повторов: *Сдаст свои полномочия, уходит в историю третий год нашей десятой пятилетки – год созидания, новых успехов строителей коммунизма, новых свершений во славу*

родины Октября, во имя мира и счастья всех людей на планете... Радость и гордость рождают эти достижения в сердцах советских людей: все, что создано, выращено, построено, – сделано их руками! Все, чем богата страна, принадлежит людям труда, служит их интересам! (Правда. 31.12.1978. С. 1); Да, год 1984-й был для нас годом созидательного труда во имя счастья и могущества Родины, годом неустанной, целенаправленной борьбы ленинской партии, Советского народа за прочный мир, социальный прогресс, за светлое будущее всех людей планеты (Правда. 31.12.1984. С. 1) (стилистическая характеристика слов отражена, хотя и не вполне последовательно, в ряде толковых словарей, см., например: [2]).

Радостная патетика советского праздника поддерживалась ярким стилистическим контрастом: мир капитализма рисовался в том же номере газеты самыми темными красками, с использованием негативно оценочных слов и конструкций: *Иран: Ожесточенные столкновения; Без надежд, Без радости; Нагнетают психоз; Бесплодный диалог; Зловещий симптом; Провокации на границе* (Правда. 31.12.1978); *В погоне за призраком; Мрачный прогноз; Бессмысленная война; Убийство Ф. Камасмы; Глубокие разногласия; Политические уловки; Узники реакции; Урок агрессору* (Правда. 31.12.1984).

Таким образом, за шесть лет в предпраздничной стилистике главной советской газеты не произошло значительных изменений. Ее определяющей чертой оставался клишированный пафос, поддерживаемый эксплуатацией антиномии «свой/чужой», обладающей, как отмечают исследователи, большим эмоциональным потенциалом [15, с. 11] и традиционной для языка тоталитаризма [9, 36, 75]. В последние десятилетия советской власти главная газета страны ярко отражала явление, сформировавшееся в 1930-х годах и точно охарактеризованное И. И. Ханиповой как «политизация новогоднего сценария» [12, с. 225].

Сегодняшняя «Правда» не обладает статусом официальной государственной газеты – с 1997 года это орган КПРФ, одной из оппозиционных парламентских партий. При этом стилистика издания остается узнаваемой: редакция использует тот же шрифт заголовка, по-прежнему размещает на первой странице изображения орденов В. И. Ленина и Октябрьской революции и коммунистический лозунг *Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

Однако последний декабрьский номер «Правды» 2018 года лишь внешне напоминает предновогодние выпуски советских лет. Первое очевидное отличие современной газеты состоит в подчеркнутой, говоря условно, «дополненной» праздничности. Дело не

столько в цветовом оформлении, которое не использовалось в 1970-1980-х годах, сколько в относительно раскованной, свободной от казенного пафоса манере общения с читателем. В верхней части первой полосы газеты размещен набранный крупным шрифтом слоган *С Новым, 2019 годом!*

На месте прежней передовой статьи опубликовано подписанное председателем КПРФ В. А. Зюгановым поздравление *Дорогие товарищи, мои друзья!* Текст не лишен традиционных элементов советского высокого стиля (*Рожденные в великом Советском Союзе прекрасно помнят, с каким воодушевлением встречали мы каждый Новый год... Мы были твердо уверены: перемены свершаются только к лучшему*), но подчеркнуто очеловечен: в роли средств интимизации общения выступают такие разговорные слова, как *огоньки, снежинки, ребятки* [2]. Данное явление описано, в частности, А. Г. Жуковой применительно к персуазивному рекламному дискурсу. Есть, однако, основания распространить положение о том, что в убеждающей речи «активны ... явления разговорного стиля, обусловленные прагматически (создание эффекта непринужденного, неформального общения, интимизация, сокращение дистанции между адресантом и адресатом)» [5, с. 41], и на современный политический медиадискурс.

Обращает на себя внимание стилистическая пестрота первой полосы: рядом с новогодним поздравлением расположено начало проблемного критического материала *Нет – обнищанию народа!*, а статья *Подарков не будет* имеет иронический подзаголовок *Предпраздничные «сюрпризы»*.

Новогодняя тематика присутствует и на других страницах газеты: на второй опубликована подборка фотографий *Таким мир запомнил 2018 год*; на пятой, посвященной международной проблематике, – фоторепортаж *Минск предновогодний* и статья о положении на Украине *Дед Мороз и военное положение*. Появились в «Правде» новейшего времени и отсутствовавшие в советском издании юмористические элементы: на шестой полосе размещена большая статья с предпраздничными рекомендациями *Похрюкайте на счастье в Новый год*; на седьмой странице обзор телевизионной дискуссии о состоянии российских лесов опубликован под заголовком *В лесу родилась елочка...*

Несмотря на невозможную в советской «Правде» стилистическую полифонию, сегодняшняя коммунистическая газета сохраняет один из важнейших принципов издания – использование ключевого противопоставления добра и зла, «своих» и «чужих» и строгое распределение лексики по этим категориям. Подтверждается положение

Т. Л. Каминской о том, что оппозиция «свой – чужой» характерна не только для советского публицистического стиля, но и для современного медиадискурса [7, с. 49]. Разница лишь в том, что если в «Правде» 1970-1980-х годов воплощение добра были СССР и страны социализма, а зла – капиталистический Запад, то в газете 2018 года добро ассоциируется с советским прошлым, а зло – с сегодняшней российской властью, якобы ориентированной на сомнительные западные ценности. Советская «Правда» утверждала: настоящий праздник у нас, у них даже в Новый год – нищета, эксплуатация и милитаризм. Современная «Правда» говорит: настоящий праздник был в Советском Союзе, все мы мечтаем вернуться в этот светлый и радостный мир. В обоих случаях новогодняя тема дает повод для очередной пропагандистской кампании.

Как парадоксально, сказанное во многом применимо к изданию противоположной политической ориентации – либеральной «Новой газете». Ее последний номер в 2018 году вышел 26 декабря. За несколько дней до Нового года не было сочтено необходимым праздничное оформление обложки – на ней размещены фотографии читателей газеты, как знаменитых, так и не имеющих широкой известности, присланные в редакцию в знак преданности любимому изданию. Первый же материал номера – *Знаем наших!* – начинается со слов *Год прошел, а осадочек остался* и содержит критический анализ важнейших событий 2018 года. На третьей странице представлен обзор *282 мема уходящего года* с подзаголовком *За некоторые из них можно даже и присесть* (действительно некоторые шутки имеют остро политический характер).

На седьмой странице опубликованы обращения в редакцию – в том числе и поздравления – фигурантов громких уголовных дел. Одно из них – письмо Анны Павликовой – озаглавлено *Пусть новый год будет лучше*. На следующей полосе газеты своими раздумьями делится еще один неавный заключенный – Алексей Малобродский в статье *Не вся жизнь – тюрьма* с подзаголовком *Предновогоднее. О том, что мне кажется особенно важным*. На 14 и 15-й страницах газеты опубликованы итоговые *Цифры года* (информация преимущественно негативного характера); на 16 и 17-й уходящий год отражен в сатирических рисунках Петра Саруханова. Явления, ассоциативно связанные с Новым годом, упоминаются на 28, 29 и 30-й страницах газеты: это *святочная история Введение в Украину*, обзор *Кино на каникулы*, фотография и эссе Юрия Роса *Чувства, которые она вызывает* – о свинье, символе 2019 года по восточному календарю. Завершается выпуск сатирическим

стихотворением Дмитрия Быкова *Итоговое* – о неутешительных для России итогах уходящего года.

Но наиболее показательной представляется помещенная на 20 и 21-й страницах статья *Год овцы, свиньи и верблюда* – о враждебных акциях, направленных против журналистов «Новой газеты» (им подбрасывали то отрезанную голову барана, то живых овец в жилетах с надписью «Пресса») и о приюте для животных, организованном при Николо-Пешношском монастыре. Понятно, что последний материал, несмотря на псевдоновогоднее название, не имеет к празднику никакого отношения. Это весьма показательно для «Новой газеты», важнейший пафос последнего декабрьского номера которого сводим к формуле «При такой жизни праздник – не праздник».

Таким образом, как советская официальная, так и постсоветская оппозиционная пресса осуществляет трансформацию, которую Л. В. Ухова характеризует как превращение «новости в информационный повод» [11, с. 94]. Мы же считаем более правильным говорить в данном случае не об информационном, а о пропагандистском поводе [1, с. 205-221].

Пропагандистское использование ситуации праздника характерно для многих, но не для всех современных печатных СМИ. Иной подход к коммуникативному событию демонстрирует «Российская газета», занимающая в сегодняшнем российском медиапространстве место главного официального издания. В 2018 году ее последний номер вышел 29 декабря. В верхней части первой полосы на фоне елочных игрушек написано *2018 Из года – в год 2019*. Вместо новогоднего поздравления напечатан материал, предваряющий публикацию закона «О связи» и проиллюстрированный изображением Деда Мороза, говорящего по мобильному телефону.

На второй полосе новогодняя тема отражена в материалах Каникулы без тревоги. Охранять порядок в праздничные дни будут 170 тысяч росгвардейцев. На третьей странице праздник упоминается в публикациях *Глядя в зеркало уходящего года*. Столичный грузоперевозчик «Шереметьево-Карго» демонстрирует стабильно высокие результаты в период пиковых нагрузок и С новым снегом. В новогоднюю ночь в столице будет погода со снегом и морозцем. На четвертой странице газеты спортивная тематика также переплетается с новогодней: информация о предстоящей в ночь на 1 января прямой трансляции матча Чемпионата мира среди молодежных команд озаглавлена *Шампанское на столе, шайба – в воротах*.

В целом в декабрьской «Российской газете» предстоящий праздник представлен прежде всего как культурное и бытовое событие, а также как стимул для подведения итогов (в первую очередь – экономических)

уходящего года. Издание не демонстрирует особой новогодней жизнерадостности, не прибегает к стилистике гордого рапорта или гневного обличения зла. Можно сказать, что «Российская газета» не продолжает традиции представления праздника, сформировавшейся в советской прессе, и не использует подготовку к Новому году как пропагандистский повод.

Проведенное исследование дает основания говорить о том, что гипотеза подтвердилась: характер представления праздника в средствах массовой информации в значительной степени определяется историческим периодом и редакционной политикой конкретного издания. Интересно, что сам праздник сопровождается большим числом семиотических универсалий: для Нового года это наряженная елка, образы Деда Мороза и Снегурочки, поздравительные открытки (сегодня они обрели электронную форму, но в целом сохранили функционал и внешний облик). Отражение же праздника в СМИ далеко от подобного универсализма. В зависимости от идеологической ориентации издания Новый год обретает официально-патетический, иронический или даже трагический облик.

В современных российских средствах массовой информации обнаруживаются две основные стратегии, касающиеся образа Нового года. Первая является продолжением советской традиции: праздник рассматривается в качестве повода для пропагандистской кампании (реальное наполнение ее может существенно различаться, что было установлено на примере «Правды» и «Новой газеты»). Эта линия поведения способствует консолидации вокруг СМИ «своей» аудитории, в определенной степени способствуя усилению социальной разобщенности.

В соответствии со второй стратегией праздник интерпретируется как не связанное с политикой радостное событие. Такая подача материала в перспективе содействует общественной интеграции и солидаризации. К такой стилистике тяготеет «Российская газета». Созданию праздничной атмосферы препятствует лишь то, что ее предпраздничные публикации выдержаны в том же объективном, безэмоциональном тоне, что и другие материалы официального издания.

Исследование, результаты которого нашли отражение в данной статье, представляет собой лишь первый шаг на пути системного стилистического анализа праздничных номеров различных советских и постсоветских газет и журналов, а также радио- и телевизионных программ. Вопрос о том, как соотносятся информационный повод и его отражение в СМИ, требует дальнейшего изучения.

Библиографический список

1. Басовская, Е. Н. «Чистота языка» как пропагандистский повод [Текст] / Е. Н. Басовская // Вестник РГГУ. Сер. Журналистика. Литературная критика. 2011. – Вып. 6. – С. 205-221.
2. Большой толковый словарь русского языка: [БТС: А-Я] / Рос. акад. наук, Ин-т лингвист. исслед.; [гл. ред. С. А. Кузнецов]. – СПб.: Норинт, 2004. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
3. Глевкая, Н. В. Праздник как коммуникативное событие (на примере празднования Нового года и Рождества) [Текст] / Н. В. Глевкая // Научные ведомости. Серия Гуманитарные науки. – 2015. – № 12 (209). – Вып. 26. – С. 84-92.
4. Глевкая, Н. В. Праздники Рождество и Новый год в средствах массовой информации: речевая разработка темы [Текст] / Н. В. Глевкая // Мир русского слова. – 2013. – № 3. – С. 52-57.
5. Жукова, А. Г. Стилистические характеристики «продающей» телеречи: устная и разговорность [Текст] / А. Г. Жукова // Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения. Материалы Международной научно-практической конференции «Славянская культура: истоки, традиции, взаимодействие. XIX Кирилло-Мефодиевские чтения» в рамках Международного Кирилло-Мефодиевского фестиваля славянских языков и культур / гл. ред. И. А. Лешутина. – М.: Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 36-41.
6. Казак, М. Ю. Язык газеты [Текст]: учебное пособие / М. Ю. Казак. – Белгород: ИД «Белгород», 2012. – 118 с.
7. Каминская, Т. Л. Структура категории «образ адресата массовой коммуникации» [Текст] / Т. Л. Каминская // Вестник Челябинского государственного университета. – 2008. – № 12. – С. 47-55.
8. Костомаров, В. Г. Русский язык на газетной полосе [Текст] / В. Г. Костомаров. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1971. – 267 с.
9. Романенко, А. П. Советская словесная культура: образ риторика [Текст] / А. П. Романенко; Саратов. гос. ун-т им. Н. Г. Чернышевского / под ред. О. Б. Сиротининой. – Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2000. – 210 с.
10. Селезнева, Л. В. Дискурс & коммуникативное событие [Текст] / Л. В. Селезнева // Lingua Mobilis. – 2014. – № 4 (50). – С. 49-53.
11. Ухова, Л. В. Журналистика в XXI веке: «информационный повод» к размышлению [Текст] / Л. В. Ухова // Crede Expreto: Транспорт, общество, образование, язык. – 2015. – № 4. – С. 89-95.
12. Ханипова, И. И. «Да здравствует Новый советский год» (Политизация новогодней елки в Советской России) [Текст] / И. И. Ханипова // Эхо веков: Научно-документальный журнал. – 2012. – №. 3-4 (68-69). – С. 224– 232.

13. Хохлина, Н. В. Речевая разработка социально значимого события в СМИ (праздники Новый год и Рождество в материалах светской и религиозной прессы) [Текст] / Н. В. Хохлина. – СПб. : С.-Петербург. гос. ун-т, 2016. – 26 с.

14. Червиньски, П. Патетизмы советского официоза как формы модулятивной семантики [Текст] / П. Червиньски // Лингвокультурология. – 2012. – Вып. 6. – С. 63-102.

15. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – Москва-Волгоград : Перемена, 2000. – 367 с.

Reference List

1. Basovskaja, E. N. «Chistota jazyka» kak propagandistskij povod = «Purity of language» as propaganda reason [Текст] / E. N. Basovskaja // Vestnik RGGU. Ser. Zhurnalistika. Literaturnaja kritika. – 2011. – Vyp. 6. – S. 205-221.

2. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo jazyka: [BTS: A-Ja] = Great explanatory dictionary of Russian: [BTS: A-Ya] [Jelektronnyj resurs] / Ros. akad. nauk, In-t lingvist. issled.; [gl. red. S. A. Kuznecov]. – SPb. : Norint, 2004. – URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>

3. Glevkaja, N. V. Prazdnik kak kommunikativnoe sobytie (na primere prazdnovanija Novogo goda i Rozhdestva) = Holiday as a communicative event (on the example of celebration of New year and Christmas) [Текст] / N. V. Glevkaja // Nauchnye vedomosti. Serija Gumanitarnye nauki. – 2015. – № 12 (209). – Vyp. 26. – S. 84-92.

4. Glevkaja, N. V. Prazdniki Rozhdestvo i Novyj god v sredstvax massovoj informacii: rechevaja razrabotka temy = The holidays Christmas and New Year in mass media: speech development of the subject [Текст] / N. V. Glevkaja // Mir russkogo slova. – 2013. – № 3. – S. 52-57.

5. Zhukova, A. G. Stilisticheskie harakteristiki «prodajushhej» telerechi: ustnost' i razgovornost' = Stylistic characteristics of the «selling» telespeech: oral and conversationality [Текст] / A. G. Zhukova // Slavjanskaja kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chtenija. Materialy Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii «Slavjanskaja kul'tura: istoki, tradicii, vzaimodejstvie. XIX Kirillo-Mefodievskie chtenija» v ramkah Mezhdunarodnogo Kirillo-Mefodievskogo festivalja slavjanskih jazykov i kul'tur / jtv. red. I. A. Leshutina. – M. : Gosudarstvennyj institut russkogo jazyka im. A. S. Pushkina, 2018. – S. 36-41.

6. Kazak, M. Ju. Jazyk gazety = Newspaper language [Текст] : uchebnoe posobie / M. Ju. Kazak. – Belgorod : ID «Belgorod», 2012. – 118 s.

7. Kaminskaja, T. L. Struktura kategorii «obraz adresata massovoj kommunikacii» = Structure of the category «image of the mass communication addressee» [Текст] / T. L. Kaminskaja // Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2008. – № 12. – S. 47-55.

8. Kostomarov, V. G. Russkij jazyk na gazetnoj polose = Russian on a newspaper page [Текст] / V. G. Kostomarov. – M. : Izd-vo Mosk. un-ta, 1971. – 267 s.

9. Romanenko, A. P. Sovetskaja slovesnaja kul'tura: obraz ritora = Soviet verbal culture: image of a rhetor [Текст] / A. P. Romanenko; Sarat. gos. un-t im. N. G. Chernyshevskogo / pod red. O. B. Sirotininoj. – Saratov : Izd-vo Sarat. un-ta, 2000. – 210 s.

10. Selezneva, L. V. Diskurs & kommunikativnoe sobytie = Discourse & communicative event [Текст] / L. V. Selezneva // Lingua Mobilis. – 2014. – № 4 (50). – S. 49-53.

11. Uhova, L. V. Zhurnalistika v XXI veke: «informacionnyj povod» k razmyshleniju = Journalism in the XXI century: «information reason» for reflection [Текст] / L. V. Uhova // Crede Expreto: Transport, obshchestvo, obrazovanie, jazyk. – 2015. – № 4. – S. 89-95.

12. Hanipova, I. I. «Da zdravstvuet Novyj sovetskij god» (Politizacija novogodnej jolki v Sovetskoj Rossii) = «Long live New Soviet year» (Politicization of a New Year tree in the Soviet Russia) [Текст] / I. I. Hanipova // Jeho vekov: Nauchno-dokumental'nyj zhurnal. – 2012. – № 3-4 (68-69). – S. 224–232.

13. Hohlina, N. V. Rechevaja razrabotka social'no znachimogo sobytija v SMI (prazdniki Novyj god i Rozhdestvo v materialah svetskoj i religioznoj pressy) = Speech development of a socially important event in media (holidays New year and Christmas in materials of the secular and religious press) [Текст] / N. V. Hohlina. – SPb. : S.-Peterb. gos. un-t, 2016. – 26 s.

14. Chervin'ski, P. Patetizmy sovetskogo oficioza kak formy moduljativnoj semantiki = Pathetisms of the Soviet semi-official organ as a form of modulative semantics [Текст] / P. Chervin'ski // Lingvokul'turologija. – 2012. – Vyp. 6. – S. 63-102.

15. Shejgal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse [Текст] / E. I. Shejgal. – Moskva-Volgograd : Peremena, 2000. – 367 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 17.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

В. Н. Степанов <https://orcid.org/0000-0001-81-98-2517>

Н. Н. Кустова <https://orcid.org/0000-0003-4542-2410>

Информационное пространство профетической коммуникации во Франции

В статье авторы рассматривают современное информационное пространство профетической коммуникации во Франции, основные понятия и параметры современного франкоязычного профетического дискурса, анализируют профетическую традицию как неотъемлемую часть культуры Франции. Масштабы популярности астрологической продукции в современном информационном пространстве Франции благодаря средствам массовой информации и массовой коммуникации растут. Средства массовой информации (печатные, телевизионные, радионные) составляют сегодня ядро медиасферы профетической коммуникации во Франции, на периферии – средства массовой коммуникации, или конвергентные медиа. В ходе исследования выявлено три основных типа текстов астрологических прогнозов: 1) общие предсказания; 2) гороскоп по знакам зодиака; 3) индивидуальный гороскоп. К собственно астрологическим услугам следует отнести следующие: 1) гороскопы (ежедневные, еженедельные, ежемесячные, годовые гороскопы; гороскопы по знакам зодиака; китайский (восточный) гороскоп; любовный гороскоп); 2) нумерологические расчеты (нумерология персональная на день, год и для пары, нумерологический профиль, нумерология для работы, расчет линии жизни, нумероскопия); 3) гадания (таро любви, таро работ, таро стройности, таро знаменитостей; гадание на кристальном шаре); 4) предсказания онлайн и консультации в прямом эфире; 5) обучение астрологии. К информационным форматам в сфере профетической коммуникации следует отнести следующие: 1) реклама астрологических услуг и баннерная реклама астрологов; 2) популярные статьи на темы, связанные с астрологией, в том числе критические и исследовательские; 3) тематические теле- и радиопрограммы; 4) специализированные теле- и радиоканалы; 5) тематические сайты и сообщества в социальных сетях; 6) мобильные приложения.

Ключевые слова: профетическая коммуникация, традиция, дискурс, текст, жанр, гороскоп, астрологический прогноз, предсказание.

V. N. Stepanov, N. N. Kustova

Information Space of Prophetic Communication in France

In the article authors consider modern information space of prophetic communication in France, the basic concepts and parameters of modern French-speaking prophetic discourse, analyze a prophetic tradition as an integral part of French culture. The scale of popularity of astrological products due to mass media and mass communication grow in modern information space of France. Mass media (printing, television, radio broadcast) are a center of the media sphere of prophetic communication in France, on the periphery today – mass media, or convergent media. The research has revealed three main types of texts of astrological forecasts: 1) general predictions; 2) horoscope on zodiac signs; 3) individual horoscope. It is necessary to determine the following astrological services: 1) horoscopes (daily, weekly, monthly, annual horoscopes; horoscopes on zodiac signs; Chinese (East) horoscope; love horoscope); 2) numerological calculations (numerology personal per day, year and for couple, a numerological profile, numerology for work, calculation of a lifeline, numeroscopy); 3) fortune-telling (Taro of love, Taro of works, Taro of symmetry, Taro of celebrities; guessing on a crystal sphere); 4) online predictions and live consultations; 5) astrology training. In the sphere of prophetic communication it is necessary to determine the following ones as information formats: 1) advertizing of astrological services and banner advertizing of astrologers; 2) popular articles on the subjects connected with astrology, including critical and investigative; 3) thematic TV and radio programs; 4) specialized TV and radio channels; 5) thematic websites and communities on social networks; 6) mobile applications.

Keywords: prophetic communication, tradition, discourse, text, genre, horoscope, astrological forecast, prediction.

Потребность «узнавания событий, недоступных непосредственному человеческому восприятию» [3, с. 15], скрытых причин происходящего и того, что будет происходить в будущем присуща человеку как существу духовному во все времена, независимо от того, как далеко шагнул прогресс. Исследователи называют эту традицию профетической и считают ее культурной универсалией, проявляющейся в разные

эпохи и в разных культурных ареалах. Профетическая традиция – явление, которое уходит своими корнями глубоко в древность и продолжает оказывать свое влияние в современном мире – на современную культуру, язык и информационное пространство.

Понятийный аппарат исследования профетический традиции включает в себя следующие понятия: *профетическая коммуникация, профетическая*

ситуация, профетический текст (профетизм), профетический код, профетический дискурс, профетический жанр [2; 4; 8; 9; 26] и професема как минимальной смыслоразличительной инвариантной единицы языка профетической коммуникации, служащей для отождествления (перцепции), различения (сигнификации) и разграничения (делимитации) профетических и непрофетических текстов [10, с. 9].

Исследователи делят профетический дискурс по способу коммуникации на медийный и немедийный типы [10, с. 8]. Профетическая коммуникация может быть опосредованной и транслироваться по каналам массовой коммуникации (традиционные СМИ, онлайн-версии СМИ, социальные сети и интернет-сайты) в первом случае или разворачиваться в форме различного рода собраний, заседаний и других форм межличностного и группового общения – во втором.

По содержанию профетический дискурс подразделяется на средовой (институциональный) и интенциональный типы. В состав профетического дискурса средового (институционального) типа входят различного рода профессиональные сообщества, общение внутри которых и между ними опосредуется или не опосредуется медийно. Именно медийный тип средового (институционального) профетического дискурса выбран в качестве объекта исследования в данной статье.

Как отмечают авторы, в медиасреде институционального дискурса циркулируют (и означиваются) профетические тексты, гетерогенные по своей семиотической природе, функционирующие в разных сферах социальной и массовой (в условиях современного медиaprостранства) коммуникации (жреческая, пророческая, астрологическая и пр.) [10].

В ряду адресантов профетической коммуникации исследователи называют оракулов, жрецов, астрологов, пророков, предсказателей, провидцев, старцев [9, с. 33], то есть обладающих сверхспособностями людей. Адресатами являются люди, желающие получить специальную информацию, которую они не могут получить самостоятельно. При этом, человек (адресат), как отмечают исследователи, пользуется свободой воли, а события будущего демонстрируют «многофакторную детерминированность». Состав и структура участников профетической коммуникации – адресантов и адресатов – сегодня, в условиях разветвленной и конвергентной информационной среды требует, на наш взгляд, уточнения.

В опубликованных наблюдениях над профетическими ситуациями четко прослеживается полевый принцип организации профетического дискурса, содержание текстов которого может

включать в ядре предсказание или пророчество, в центре – предписание в отношении поведения в будущем, на маргиналии – объяснение причин сложившейся ситуации [9, с. 38]. Профетические ситуации, представленные в астрологических прогнозах, как показывают исследования, касаются темпоральных линий настоящего и будущего. В астрологических прогнозах предлагаются предписания в отношении поведения адресата в настоящем или будущем и объяснения причины сложившейся профетической ситуации [9, с. 39].

Астрология, вероятнее всего, зародилась в Месопотамии. Именно здесь люди стали впервые наблюдать за звездным небом в надежде оградить себя от превратностей судьбы и вернуть утраченный рай. Первый астрологический текст, дошедший до наших времен, является клинописным и датируется XIX–XXVI веками до н. э., в нем содержатся правила о том, как делать предсказания, наблюдая за небесными и атмосферными явлениями.

Профетическая традиция как неотъемлемая часть культуры Франции сформировалась очень давно. На Запад астрология пришла как часть возрождающегося наследия античности, давшего начало первым университетам и повлекшего за собой новый синтез религии и философии. Отношения между христианством и астрологией были далеко не однозначными. Астрологию то запрещали и клеймили языческой ересью, то признавали важнейшим аспектом науки, которому обучали даже в теологической школе Парижа. Примерно с 1300 года астрология заняла центральную позицию в придворных кругах Европы, она стала не просто системой предсказаний, но во многом системой верований, играла роль науки, являющейся частью божественного плана Вселенной. Пророчества были очень распространены в Средние века. Из хроник периода «Столетней Войны», с 1337 по 1453 гг., видно, что обе противоборствующие стороны обращались к звездам, чтобы выяснить лучшее время для начала военных действий и изучали гороскопы главнокомандующих. У французского короля Карла Пятого в его обширной личной библиотеке, по разным сведениям, находилось более ста работ по астрологии и другим оккультным наукам. Именно он основал с благословения Папы в Парижском Университете астрологический колледж, оснащенный библиотекой и всеми необходимыми астрономическими инструментами. Сохранилась большая коллекция франкоязычных гороскопов, составленных в период с 1407 по 1437 гг., иллюстрирующих восхождение и падение отдельных влиятельных лиц и фамилий.

Имя Мишеля Нострадамуса (1503–1566, фр. Michel de Nostredame), известного астролога, алхимика, врача,

фармацевта и самого загадочного из предсказателей, будоражит воображение людей уже пять сотен лет. В 1550 году Нострадамус опубликовал альманах, содержащий двадцать четыре пророческих катрена (четверостишия). Популярность альманаха у публики была настолько велика, что Нострадамус был вынужден выпускать подобные альманахи каждый год. Главным его трудом является знаменитая пророческая книга – «Пророчества магистра Мишеля Нострадамуса», к работе над которой он приступил в 1554 г. Книга содержит около тысячи четверостиший (катренов), объединенных в главы (центурии) по 100 катренов каждая и два прозаических пророчества, написанных в виде письма сыну Сезару и послания королю Генриху II. Последняя, десятая часть «Центурий» увидела свет в 1558 году.

Начиная с Великой французской революции изучение гороскопов стало делом презренным, астрологов называли социальными паразитами. В 1661 г. создан один из последних фундаментальных трудов по астрологии – «Астрология Галлика» Жана-Баптиста Морина. Морин (1583-1659) занимал при французском дворе особое положение, он не был официальным придворным астрологом, но с ним советовались короли и клиенты благородного происхождения.

В середине XVIII века, когда астрология оказалась в научном забвении, Французская Королевская академия литературы назначила специальную премию за научную разработку на тему происхождения астрологии. В этот период общественное мнение разделилось: ученые отрицали научность астрологии, а среди населения она приобретала большую популярность. В Большой Энциклопедии Дидро и Д'Ламбера [15], изданной в 1751 г., астрология рассматривается как составная часть физики.

В XIX столетии происходит в известной мере «возрождение оккультизма». В XX веке известны случаи, когда президенты разных стран, как и их далекие предшественники, пользовались услугами астрологов. Например, Франсуа Миттеран, по некоторым сведениям, встречался с астрологом, президента интересовали предсказания относительно его соратников и противников, ее мнение о возможном развитии событий и сроки проведения политических акций. Население же активно пользуется гороскопами и разного рода астрологическими прогнозами, доказывая тем самым факт устойчивости пророческой традиции на протяжении всей истории человечества.

Итак, пророческая традиция во Франции, утвердившись в XIV веке, прошла этапы расцвета, критики, забвения и возрождения и продолжает свое

развитие в современном информационном мире. В качестве известных науке пророческих текстов выступали пророчества, астрологические прогнозы, индивидуальные гороскопы, серийные издания (альманахи), книги, научная и учебная литература.

В зависимости от целевой группы астрологические прогнозы в печатных СМИ и интернет-изданиях сегодня принято делить на тексты, описывающие либо а) общую астрологическую ситуацию на актуальный период времени, либо б) ситуацию для типичных представителей различных знаков зодиака, либо содержащие в) индивидуальные гороскопы. Астропрогнозы могут быть предназначены для а) широкой массовой аудитории или б) достаточно узкой группы людей, обладающих определенными познаниями в области астрологии и эзотерики.

Пророческие тексты в настоящее время представлены практически во всех печатных и электронных СМИ Франции и интернет-ресурсах.

Среди ежедневных газет национального и регионального значения наибольшие тиражи имеют «Фигаро», «Паризьен», «Ле Монд», «Франс-Суар» и «Либерасьон». Все они предлагают гороскопы и астрологические предсказания.

«Фигаро» (Le Figaro) [17], ежедневная газета, основанная в 1826 г., предлагает следующие связанные с астрологией рубрики: ежедневный гороскоп по знакам зодиака; китайский гороскоп на день, на неделю, на месяц, на год; восточный гороскоп на день, на неделю, на месяц, на год; восточный любовный гороскоп; нумерология; нумероскоп (нумерологический код судьбы); гороскоп от астролога Кристины Аас.

«Паризьен» (Le Parisien) [19], тоже ежедневная газета, основанная как «Le Parisien libéré» Эмилем Амори (Émilien Amaury) в 1944 году, получила свое современное название в 1986 г. В этой газете предлагается несколько рубрик на астрологическую тематику: ежедневный гороскоп по знакам зодиака; китайский гороскоп. На сайте газеты можно ознакомиться с астрологической продукцией более широкого спектра: ежедневный гороскоп по знакам зодиака, китайский гороскоп, нумерология, гадание на картах Таро, персональный гороскоп, предсказания онлайн; знаменитости по знакам зодиака и разного рода статьи на тему астрологии.

В «Ле Монд» (Le Monde) [18], ежедневной вечерней газете леволиберальных взглядов, основанной в 1944 г., предлагается астрологическая рубрика «Ваш гороскоп».

«Франс-суар» (France Soir) [16], ежедневная газета, основанная в 1944 году, с 2011 года не имеет бумажной версии. В рубрике «Повседневная жизнь» в этой газете

предлагается ежедневный гороскоп по знакам зодиака и представлена ссылка на персональный сайт астролога Клода Алексиса [13].

В «Либерасьон» (Libération) [20], самой молодой из трех крупнейших национальных французских газет, выпускающейся с 1973 года, астрологические материалы не найдены, но есть, например, статья на тему «Гороскоп – жвачка для народа» [24].

Популярные гляцевые журналы охотно публикуют гороскопы и предсказания. Например, «Paris Match» («Пари Матч») [23], еженедельный журнал, основанный в 1949 году, предлагает ежедневный и годовой гороскоп по знакам зодиака. Еженедельный женский журнал о моде, красоте, досуге и здоровье «Эль» (Elle) [14], издающийся с 1945 года, существующий в 43 версиях в 60 странах, владеющий 33 веб-сайтами, предлагает своим читательницам в рубрике «Astrologie» [12] ежедневный гороскоп по знакам зодиака на сегодня, на завтра, на неделю, на год; характер по знакам; расчет гороскопа по дате рождения; китайский гороскоп на день, на неделю, на год; знаки зодиака; гадание на таро (таро любви, таро работ, таро стройности, таро знаменитостей); гадание на кристальном шаре; нумерологию на год, для пары, нумерологический профиль, нумерологию для работы, расчет линии жизни. В рубрике «АСТРОДОСЬЕ» [11]: 10 звезд (знаменитостей) под знаком этого месяца; тенденции моды по знакам зодиака; все о различных видах таро.

В «Мари Клер» (Marie Claire) [21], ежемесячном женском журнале, впервые опубликованном во Франции в 1937 году, но издаваемом сегодня и в других странах, в рубрике «Астро» предлагаются гороскоп для успешных женщин, астрологический прогноз по знакам зодиака на месяц, нумерологический прогноз по персональному числу на год.

На французском телевидении представлено большое количество астрологических телепрограмм, а также каналов, полностью посвященных астрологии. На канале NRJ 12 с января 2008 г. по январь 2009 г. выходила программа «12 сердец», использовавшая формат «астросвидания» [22], когда шесть девушек и шесть юношей разных знаков зодиака выбирали свою «вторую половинку» с помощью астрологов. Полностью посвящены астрологии следующие телеканалы: Astrocenter TV 100 % astro, Voyance en direct sur vivolta, LCV la chaine voyance, Ma chaine voyance TV, ID Voyance Ile de France, Claude Alexis TV. В сетке вещания этих каналов всевозможные виды гороскопов, гаданий, предсказаний и консультации с астрологами в прямом эфире.

Полностью посвящены астрологии следующие радиопрограммы: Radio Voyance de Claude Alexis, RMC

la radio la voyance en direct, MFM Radio voyance, Radio Astro, France Bleu: voyance avec Sandrine Gaborit, voyance en direct sur RCM.

Для поиска тематических астрологических ресурсов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» была разработана система хэштегов для поисковых запросов. Поиск информации проводился в браузере «Google». На первом этапе был собран материал по хэштегам, имеющим отношение к астрологическим предсказаниям на французском языке, содержащим слова «Horoscope» (гороскоп), «Astro» (астро-). На втором этапе были проанализированы выборки по основным хэштегам и выявлены те, объем которых превышает миллион ссылок, а именно: #Horoscope #Astrologie #Prévisionsastrologiques #Ecolesastrologiques. На третьем этапе проводился целенаправленный поиск материала по каждому хэштегу в самых популярных в настоящее время социальных сетях во Франции. В результате выявлены и проанализированы следующие выборки по основным хэштегам, объем практически каждой выборки превышает один миллион ссылок:

- по хэштегу #Horoscope выдано 81 100 000 сайтов;
- по хэштегу #Astrologie выдано 20 200 000 сайтов;
- по хэштегу #Prévisionsastrologiques выдано 682 000 сайтов;
- по хэштегу #Ecolesastrologiques выдано 4 160 000 сайтов.

В сфере конвергентных медиа, или средств массовой коммуникации, самыми популярными социальными сетями и мессенджерами во Франции, по данным статистики, являются Facebook, им пользуются 62,9 % французов; Google+ (21,6 %), Copains d'avant (19,6 %), Twitter (18,3 %), LinkedIn (14,6 %). Социальная сеть Instagramme только набирает популярность.

Присутствие сообществ, тематически связанных с гороскопами и астропрогнозами, следующее:

- 1) в социальной сети Facebook по хэштегу #prévisionsastrologiques обнаружено 12 сообществ; по хэштегу #Horoscope и #Astrologie 13 результатов;
- 2) в социальной сети Copains d'avant («Одноклассники») по хэштегу #Horoscope получено 11 400 000 результатов, по хэштегу #Astrologie 927 результатов;
- 3) в социальной сети Twitter по хэштегу #Astrologie получено 8 результатов, по хэштегу #Horoscope – 32 500 000 результатов;
- 4) в социальной сети LinkedIn по хэштегу #Horoscope получено 18 800 000 результатов, по хэштегу #Astrologie – 13 500 000 результатов;

5) в социальной сети Instagramme обнаружено 40 публикаций и 77 групп и профилей с количеством публикаций от 7 до 49 тыс: по хэштегу #Astrologie найдено 49243 профилей, по хэштегу #astrologue – 27 профилей. Владельцами данных профилей являются как частные астрологи, так и астрологические сообщества и астрологические школы.

В мобильном приложении PlayMarket по хэштегу #Horoscope обнаружено 252 предложения, по хэштегу #Astrologie – 249.

Как мы видим, масштабы популярности астрологической продукции в современном информационном пространстве Франции благодаря средствам массовой информации и массовой коммуникации растут. Средства массовой информации (печатные, телевизионные, радиийные) составляют сегодня ядро медиасферы профетической коммуникации во Франции, на периферии – средства массовой коммуникации, или конвергентные медиа. В медиасфере циркулирует информация о различного рода услугах в сфере астрологии и форматах профетической коммуникации.

Входе исследования выявлено три основных типа текстов астрологических прогнозов:

- 1) общие предсказания;
- 2) гороскоп по знакам зодиака;
- 3) индивидуальный гороскоп.

К собственно астрологическим услугам следует отнести следующие:

1) гороскопы (ежедневные, еженедельные, ежемесячные, годовые гороскопы; гороскопы по знакам зодиака; китайский (восточный) гороскоп; любовный гороскоп);

2) нумерологические расчеты (нумерология персональная на день, год и для пары, нумерологический профиль, нумерология для работы, расчет линии жизни, нумероскопия);

3) гадания (таро любви, таро работ, таро стройности, таро знаменитостей; гадание на кристальном шаре);

4) предсказания онлайн и консультации в прямом эфире;

5) обучение астрологии.

К информационным форматам в сфере профетической коммуникации следует отнести следующие:

1) реклама астрологических услуг и баннерная реклама астрологов;

2) популярные статьи на темы, связанные с астрологией, в том числе критические и расследовательские;

3) тематические теле- и радиопрограммы;

4) специализированные теле- и радиоканалы;

5) тематические сайты и сообщества в социальных сетях;

6) мобильные приложения.

Библиографический список

1. Белоусов, Р. С. Все о Нострадамусе [Текст] / Р. С. Белоусов. – М. : «Издательство Астрель», «Олимп», «Издательство АСТ», 2000. – 400 с. – URL: <https://history.wikireading.ru/189877> (дата обращения 27.04.2019)

2. Берестнев, Г. И. Время и язык «иной действительности» в профетических текстах [Текст] / Г. И. Берестнев // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. – 2011. – № 8. – С. 45-50.

3. Берестнев, Г. И. Коммуникативные и семантические особенности профетических текстов [Текст] / Г. И. Берестнев, Я. А. Мальцева // Филологические науки. – 2010. – N 5/6. – С. 15-24.

4. Берестнев, Г. И. Трансцендентность языка профетических текстов [Текст] / Г. И. Берестнев, Я. А. Мальцева // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. – 2012. – № 8. – С. 25-31.

5. Борзова, И. А. О профетическом дискурсе массовой коммуникации (на материале англоязычных, русскоязычных, украиноязычных астрологических прогнозов) [Текст] / И. А. Борзова, В. Н. Степанов // Россия в период трансформации: кризисные коммуникации и антикризисное управление: материалы девятой международной научно-практической конференции молодых исследователей, студентов и аспирантов. – Ярославль: РИО Академии МУБиНТ, 2015. – С. 94-96.

6. Дубровская, О. Н. Краткая история астрологии [Текст] / О. Н. Дубровская. – М. : Рипол классик, 2002. – 496 с.

7. Иванец, О. Из истории астрологии [Электронный ресурс] / О. Иванец. – URL: <https://ivanets.com/articles/history.html> (дата обращения 27.04.2019).

8. Мальцева, Я. А. Референтные сдвиги в профетических текстах [Текст] // Филологические науки. – 2009. – № 5. – С. 66-75.

9. Степанов, В. Н. Жанровые признаки профетических текстов (на материале астрологических прогнозов на английском, русском и украинском языках) [Текст] / В. Н. Степанов // Иностранные языки в высшей школе. – № 2 (33). – Рязань, 2015. – С. 32-46.

10. Степанов, В. Н. Професема как инвариантная единица профетической коммуникации (на материале астрологических прогнозов на английском, русском и украинском языках) [Текст] // Иностранные языки в высшей школе. – 2017. – № 3 (42). – С. 7-13.

11. 10 stars nées sous le signe du Sagittaire. – URL: <http://www.elle.fr/Astrologie/Dossier-Astro/Stars-nees-sous-le-signe-du-sagittaire> (дата обращения 27.04.2019)

12. Astrologie. – URL: <http://www.elle.fr/Astrologie> (дата обращения 27.04.2019)
 13. Claude Alexis Voyance. – URL: <http://www.claudealexis-voyance.com/> (дата обращения 27.04.2019)
 14. Elle. – URL: <https://www.elle.com/> (дата обращения 27.04.2019)
 15. Encyclopédie, ou Dictionnaire Raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers. – URL: <http://portail.atilf.fr/encyclopedie/Formulaire-de-recherche.htm> (дата обращения 27.04.2019)
 16. France soir. – URL: <http://www.francesoir.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
 17. Le Figaro. – URL: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
 18. Le Mond. – URL: <https://www.lemonde.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
 19. Le Parisien. – URL: <http://www.leparisien.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
 20. Liberation. – URL: <https://www.liberation.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
 21. Marie Claire. – URL: <https://www.marieclaire.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
 22. NRJ dément le retour de «12 cœurs» sur la chaîne. – URL: <https://www.jeanmarcmorandini.com/article-24395-nrj-dement-le-retour-de-12-coeurs-sur-la-chaîne.html> (дата обращения 27.04.2019)
 23. Paris Match. – URL: <https://www.parismatch.com/> (дата обращения 27.04.2019)
 24. Peyret, Emmanuèle. L'horoscope, chewing-gum du peupl. – URL: https://www.liberation.fr/societe/2003/01/21/l-horoscope-chewing-gum-du-peuple_428416 (дата обращения 27.04.2019)
 25. Programme TV, news TV, séries et cinema. – URL: <https://www.programme-tv.net/programme/culture-infos/r10252-horoscope/8520525-horosc> (дата обращения 27.04.2019)
 26. Stepanov, V.; Borzova, I. Genre characteristics of prophetic texts as a means of ideological communication (based on astrological forecasts, in English, Russian and Ukrainian languages). In: *Linguaggio, ideologia e loro rappresentazioni* Università degli studi di Napoli «L'Orientale», Napoli, 2016. – Quaderni di AIQN (Annali del Dipartimento di Studi Letterari, Linguistici e Comparati – Sezione linguistica). – -N. S. IV, 2016. – P. 151-175.
- Reference List**
1. Belousov, R. S. Vse o Nostradamuse = Everything about Nostradamus [Tekst] / R. S. Belousov. – М. : «Izdatel'stvo Astrel'», «Olimp», «Izdatel'stvo ACT», 2000. – 400 s. – URL: <https://history.wikireading.ru/189877> (дата обращения 27.04.2019)
 2. Berestnev, G. I. Vremja i jazyk «inoj dejstvitel'nosti» v profeticheskikh tekstah = Time and language of "other reality" in the prophetic texts [Tekst] / G. I. Berestnev // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. – 2011. – №8. – S. 45-50.
 3. Berestnev, G. I. Kommunikativnye i semanticheskie osobennosti profeticheskikh tekstov = Communicative and semantic features of prophetic texts [Tekst] / G. I. Berestnev, Ja. A. Mal'ceva // Filologicheskie nauki. – 2010. – N 5/6. – S. 15-24.
 4. Berestnev, G. I. Transcendentnost' jazyka profeticheskikh tekstov Transcendence of language of prophetic texts [Tekst] / G. I. Berestnev, Ja. A. Mal'ceva // Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta imeni I. Kanta. – 2012. – №8. – S. 25-31.
 5. Borzova, I. A. O profeticheskom diskurse massovoj kommunikacii (na materiale anglojazychnyh, russkojazychnyh, ukrainojazychnyh astrologicheskikh prognozov) = About prophetic discourse of mass communication (on material of English-language, Russian-language, Ukrainian-language astrological forecasts) [Tekst] / I. A. Borzova, V. N. Stepanov // Rossiya v period transformacii: krizisnye kommunikacii i antikrizisnoe upravlenie : materialy devjatoj mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii molodyh issledovatelej, studentov i aspirantov. – Jaroslavl' : RIO Akademii MUBiNT, 2015. – S. 94-96.
 6. Dubrovskaja, O. N. Kratkaja istorija astrologii = Brief history of astrology [Tekst] / O. N. Dubrovskaja. – М. : Ripol klassik, 2002. – 496 s.
 7. Ivanec, O. Iz istorii astrologii = From astrology history [Elektronnyj resurs] / O. Ivanec. – URL: <https://ivanets.com/articles/history.html> (дата обращения 27.04.2019).
 8. Mal'ceva, Ja. A. Referentnye sdvigi v profeticheskikh tekstah = Reference shifts in the prophetic texts [Tekst] // Filologicheskie nauki. – 2009. – №5. – S. 66-75.
 9. Stepanov, V. N. Zhanrovyje priznaki profeticheskikh tekstov (na materiale astrologicheskikh prognozov na anglijskom, russkom i ukrainskom jazykah) = Genre signs of prophetic texts (on material of astrological forecasts in English, Russian and Ukrainian languages) [Tekst] / V. N. Stepanov // Inostrannye jazyki v vysshej shcole. – № 2 (33). – Rjazan', 2015. – S. 32-46.
 10. Stepanov, V. N. Profesema kak invariantnaja edinica profeticheskoj kommunikacii (na materiale astrologicheskikh prognozov na anglijskom, russkom i ukrainskom jazykah) = Profesema as an invariant unit of prophetic communication (on material of astrological forecasts in English, Russian and Ukrainian languages) [Tekst] // Inostrannye jazyki v vysshej shcole. – 2017. – № 3 (42). – S. 7-13.
 11. 10 stars nées sous le signe du Sagittaire. – URL: <http://www.elle.fr/Astrologie/Dossier-Astro/Stars-nees-sous-le-sign-du-sagittaire> (дата обращения 27.04.2019)
 12. Astrologie. – URL: <http://www.elle.fr/Astrologie> (дата обращения 27.04.2019)
 13. Claude Alexis Voyance. – URL: <http://www.claudealexis-voyance.com/> (дата обращения 27.04.2019)

14. Elle. – URL: <https://www.elle.com/> (дата обращения 27.04.2019)
15. Encyclopédie, ou Dictionnaire Raisonné des Sciences, des Arts et des Métiers. – URL: <http://portail.atilf.fr/encyclopedie/Formulaire-de-recherche.htm> (дата обращения 27.04.2019)
16. France soir. – URL: <http://www.francesoir.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
17. Le Figaro. – URL: <http://www.lefigaro.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
18. Le Mond. – URL: <https://www.lemonde.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
19. Le Parisien. – URL: <http://www.leparisien.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
20. Liberation. – URL: <https://www.liberation.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
21. Marie Claire. – URL: <https://www.marieclaire.fr/> (дата обращения 27.04.2019)
22. NRJ dément le retour de «12 coeurs» sur la chaîne. – URL: <https://www.jeanmarcmorandini.com/article-24395-nrj-dement-le-retour-de-12-coeurs-sur-la-chaine.html> (дата обращения 27.04.2019)
23. Paris Match. – URL: <https://www.parismatch.com/> (дата обращения 27.04.2019)
24. Peyret, Emmanuèle. L'horoscope, chewing-gum du peupl. – URL: https://www.liberation.fr/societe/2003/01/21/l-horoscope-chewing-gum-du-peuple_428416 (дата обращения 27.04.2019)
25. Programme TV, news TV, séries et cinema. – URL: <https://www.programme-tv.net/programme/culture-infos/r10252-horoscope/8520525-horosc> (дата обращения 27.04.2019)
26. Stepanov, V.; Borzova, I. Genre characteristics of prophetic texts as a means of ideological communication (based on astrological forecasts, in English, Russian and Ukrainian languages). In: *Linguaggio, ideologia e loro rappresentazioni* Università degli studi di Napoli «L'Orientale», Napoli, 2016. – *Quarderni di AIQN (Annali del Dipartimento di Studi Letterari, Linguistici e Comparati – Sezione linguistica)*. – N. S. IV, 2016. – P. 151-175.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Русский язык

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10389

УДК 821.161.1.09 «20»

М. А. Фокина <https://orcid.org/0000-0001-5914-2589>

Нарративные свойства языковых единиц в рассказе И. А. Бунина «Конец»

В статье представлен комплексный филологический анализ разноуровневых языковых единиц, определяющих своеобразие повествовательной структуры рассказа И. А. Бунина «Конец». Цель исследования заключается в выявлении нарративных свойств доминантных образных средств, которые обеспечивают структурно-семантическую целостность первоначального повествования. Изучение повествовательной структуры рассказа строится с учетом ее основных составляющих: типа повествования, субъекта речи, повествовательной точки зрения. Нарративный потенциал анализируемых языковых средств проявляется в их активном влиянии на композиционную и содержательную организацию повествования. Характеризуются лексико-фразеологические и синтаксические единицы, раскрывающие символический смысл названия произведения. Последовательно рассматриваются ключевые слова и выражения с пространственно-временной и процессуальной семантикой, которые объединяют отдельные композиционные части рассказа в общее повествовательное пространство, образуют художественный хронотоп и усиливают динамику действия. Диалогизация повествовательного монолога рассказчика осуществляется путем включения интертекстуальных элементов (цитации стихотворных строк) и с помощью приемов автокоммуникации: использованием самообращений героя, сопровождающихся его ремарками. Психологизм художественного нарратива создается обширными текстовыми повторами и градационными рядами, контекстуальной синонимией и оценочной лексикой, что формирует эмотивность текста, передающего драматизм изображаемых событий и внутреннюю тревогу, эмоциональное напряжение людей. В результате исследования повествовательной структуры рассказа И. А. Бунина «Конец» выявлена система взаимообусловленных образных средств и приемов речевой выразительности, которые обладают высоким нарративным потенциалом и обеспечивают структурно-смысловое единство художественного повествования.

Ключевые слова: художественный нарратив, диалогизация повествовательного монолога, нарративный потенциал, хронотоп, смысловая доминанта, автокоммуникативность, интертекстуальность.

LINGUISTICS

Russian language

M. A. Fokina

Narrative Properties of Language Means in I. A. Bunin's Story «The End»

The article is devoted to the comprehensive philological analysis of the language means of different status that individualise the narrative structure of Bunin's short story «The End». The aim of the study is to elicit the narrative qualities of the leading figures of speech which maintain the structural-semantic integrity of the first-person narrative. The study of the narrative structure is based on three main components: the type of narration, the subject of speech, the narrative point of view. The narrative potential of the language means under study manifest itself in their active influence on compositional and informative organisation of the narrative. The article examines the lexical-phraseological and syntactic units which unveil a high symbolic value of the title of the short story. The author pays special attention to the key words and expressions with spatiotemporal and processual semantics that serve to tie the plot of the story together into one narrative space and create a literary chronotope intensifying the dynamics of aesthetic impact. The dialogisation of the monologue of the narrator is achieved with the help of intertextual elements (the citation of poetic lines) and methods of autocommunication: the use of self-addresses of the character, accompanied by his remarks. The psychologism of the narrative is created by extensive textual repetitions and gradation, contextual synonymy and evaluative vocabulary that form the emotiveness of the text conveying the drama of the events depicted in the story and the internal anxiety as well as emotional tension of people. The study of the narrative structure of Bunin's short story has revealed the system of interdependent expressive means, which have high narrative capacities and preserve the structural-semantic integrity of the literary narrative.

Keywords: literary narrative, dialogisation of the narrative monologue, narrative potential, chronotope, dominating semantics, autocommunication, intertextuality.

Оригинальный художественный язык Ивана Алексеевича Бунина вызывает устойчивый исследовательский интерес, его произведения неоднократно становились объектом активного изучения в отечественной филологии. Общим проблемам поэтики бунинской прозы посвящено исследование Т. В. Марченко [16]. Н. А. Кожевникова и Н. А. Николина [13] характеризуют сквозные образы в прозе И. А. Бунина. В. А. Ефремов [8] выявляет ассоциативные связи ключевого слова «счастье» в лирическом цикле И. А. Бунина «Темные аллеи». Т. А. Павлюченкова [19] рассматривает функционально-семантическое взаимодействие фонетических и лексических средств языка в поэзии И. А. Бунина. Е. С. Антипина [1] исследует лексико-семантическое пространство бунинских дневников «Окаянные дни». О. А. Мещерякова [17] обращается к проблеме когнитивной поэтики писателя: исследовательница анализирует семантику перцепции в художественной картине мира И. А. Бунина, выявляет речевую систему авторских цвето- и цветообозначений, обосновывает своеобразие формирования их символического смысла. Ученые Елецкого государственного университета им. И. А. Бунина активно разрабатывают лексикографический аспект изучения языка писателя. Ими подготовлена серия уникальных словарей: «Фразеологический словарь языка И. А. Бунина» А. И. Васильева [6]; «Словарь языка поэзии И. А. Бунина» Г. С. Журавлевой, Р. И. Хашимовой [10]; «Словарь эпитетов И. А. Бунина» В. В. Краснянского [14]; «Словарь народного языка произведений И. А. Бунина» И. М. Курносковой [15].

Наше исследование рассказа И. А. Бунина «Конец» носит филологический характер, основывается на принципах дискурсивного изучения текста [11]; [28]; [29]; [31]. Цель комплексного анализа образных средств, определяющих своеобразие повествовательной структуры произведения, заключается в выявлении нарративных свойств языковых единиц рассказа.

Структура и семантика повествовательного дискурса разноаспектно рассматриваются в современных исследованиях отечественных и зарубежных филологов: Р. Барта [3], Ж. Женетта [9], Н. А. Кожевниковой [12], Н. А. Николиной [18], Е. В. Падучевой [20], Е. А. Поповой [21], Т. Б. Радбиля [22], В. В. Сысоевой [24], М. А. Фокиной [25]; [26], В. Шмида [30] и др. В этих работах характеризуется смысловая многомерность понятия *повествование (нарратив)*, которое трактуется учеными неоднозначно. Большинство исследователей обращает внимание на то,

что в повествовании осуществляется рассказ о событиях, которые развиваются в пространстве и времени. Своеобразие художественного повествования заключается в его двусобытийности: референтное и коммуникативное события определяют двойную структуру коммуникативной системы текста, организованного как событийная цепь эпизодов. Литературная коммуникация включает в себя авторскую (внешнюю) и нарраторскую (внутреннюю) коммуникации [21]. Повествовательная полифония отражает взаимодействие разных голосов в пределах речевой структуры произведения. В художественном повествовании осуществляется диалогизация авторского монолога, в котором представлена речь повествователя и персонажей. Изучение нарративной структуры художественного текста строится с учетом ее основных составляющих: типа повествования, субъекта речи, повествовательной точки зрения [18]. Нарративный потенциал языковых единиц проявляется в их влиянии на композиционную и содержательную организацию повествования [24].

Охарактеризуем систему языковых средств рассказа И. А. Бунина «Конец» (Париж, 1921), обеспечивающих структурно-смысловое развертывание художественного повествования, в котором отразились факты биографии писателя-эмигранта, покинувшего послереволюционную Россию. Анализируемое произведение состоит из четырех частей и представляет собой первоначальный нарратив, ему свойственны субъективация повествования, активная диалогизация монологической речи рассказчика и автокоммуникативность [2]; [7].

Рассказ повествует о последних боях за приморский город на завершающем этапе гражданской войны и о том, как отплывает последний пароход с эмигрирующими за границу россиянами, которые навсегда покидают свою Родину. Название рассказа семантически объемно эксплицируется в тексте и приобретает глубокий символический смысл. *Конец* в понимании Бунина – это окончание старой жизни, крах дореволюционной России; ощущение жизненной катастрофы, крушение прежних идеалов: ‘предел, граница, последняя точка’, ‘последний момент’ [23]. Заголовочная лексема *конец* занимает сильные позиции текста, создает лейтмотивность художественного повествования и актуализируется в финальных эпизодах рассказа:

«Вдруг я совсем очнулся, вдруг меня озарило: да, так вот оно что – я в Черном море, я на чужом пароходе, я зачем-то плыву в Константинополь, России – *конец*, да и всему, всей моей прежней жизни

тоже *конец*, даже если и случится чудо и мы не погибнем в этой злой и ледяной пучине! Только как же это я не понимал, не понял этого раньше?» [5, с. 23].

Высоким нарративным потенциалом обладают языковые средства с пространственно-временной и процессуальной семантикой, которые способствуют разворачиванию художественного повествования и создают социально-психологический хронотоп произведения. Семантическое единство пространства и времени составляет основу сюжета рассказа и реализуется системой ключевых образных средств, которые приобретают символический смысл и отражают фрагменты художественной картины мира писателя. М. М. Бахтин отмечал, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» [4, с. 234-235].

Рассказ открывается изображением портового города, в котором идут последние бои:

«На горе в городе был в этот промозглый зимний день тот роковой промежуток в борьбе, то безвластие, та зловещая безлюдность, когда отступают уже последние защитники и убегают последние из убегающих обывателей... Город пустел все страшнее, все безнадежнее для оставшихся в нем и мучающихся еще неполной разрешенностью своей судьбы. По окраинам, возле вокзала и на совершенно вымерших улицах возле почты и государственного банка, где на мостовых уже лежали убитые, то и дело поднимался треск, град винтовок или спешно, мелко строчил пулемет.

К вечеру из-за северной заставы началась орудийная пальба, бодро раздавался тяжкий, глухой стук, от которого вздрагивала земля, за ним великолепный, с победоносной мощью режущий воздух и звенящий звук снаряда и, наконец, громовой разрыв, оглушающий весь город. Потом внезапно пошла частая и беспорядочная оружейная стрельба на спусках в порт и в самом порту, все приближаясь к «Патрасу», под французским флагом стоявшему у набережной в Карантинной гавани...» [5, с. 16].

Здесь обширно представлена тематическая группа «Город», объединяющая лексику с пространственной семантикой: *окраины, вокзал, вымершие улицы, почта, государственный банк, мостовые, порт, набережная, гавань*. Осуществляется тесное смысловое взаимодействие языковых средств с пространственной и временной семантикой. К темпоральной лексике относятся: *зимний день, к вечеру, в пятом часу, еще – уже, то и дело, последний, наконец*. Динамика действия передается изменением видовых форм глаголов. Автор изображает события по принципу *было – стало*. Сначала преобладают глаголы прошедшего времени несовершенного вида: *город*

пустел; лежали убитые; поднимался треск; строчил пулемет; раздавался стук; вздрагивала земля. Затем развитие событий усиливают глаголы совершенного вида: *внезапно пошла стрельба; донесся рожок; страшное... совершилось*. Описание города наполнено также субстантивированными отглагольными формами, создающими динамические характеристики людей: *оставшиеся, мучающиеся, убитые*. Постепенно автор показывает сужение изображаемого пространства: *город – порт – парход*.

В завершающем абзаце первой части рассказа актуализируется «я» перволичного рассказчика, являющегося выразителем авторской позиции. Происходит взаимодействие внешнего (социального) и внутреннего (психологического) пространств. Рассказчик передает свои тревожные чувства, новые ощущения, хаотичные мысли и противоречивые оценки, что создает субъективную модальность повествования. Главный герой, находясь на отплывающем пароходе, наблюдает за «господином в бобровой шапке с прелестной синеглазой девочкой на руках», который едва успел последним вбежать на корабль:

«Я стоял на рубке над кают-компанией и с бессмысленной пристальностью следил за ним. Потом так же тупо стал смотреть на туманившийся на горе город, на гавань. Темнело, орудийная... стрельба смолкла, и в этой тишине и уже спокойно надвигающихся сумерках чувствовалось, что дело уже сделано, что город сдался... В городе не было ни одного огня, порт был пуст, «Патрас» уходил последним. За рейдом терялась в сумрачной зимней мгле пустыня степных берегов... Мы уже двигались, все плыло подо мною, набережная косяком отходила прочь, туманно-темная городская гора валилась назад... Потом шумно за клубилась вода из-под кормы, мы круто обогнули мол с мертвым, темным маяком, выровнялись и пошли полным ходом... Прощай, Россия, бодро сказал я себе, сбегаю по трапам» [5, с. 17].

Драматизм происходящего и душевное смятение рассказчика передаются языковыми средствами с цвето-световой семантикой, преобладают темные и расплывчатые оттенки: *туманившийся город; темнело; надвигающиеся сумерки; не было ни одного огня; сумрачная мгла; туманно-темная гора, мертвый, темный маяк*. Здесь создаются лексические и деривационные повторы, усиливающие внутреннюю тревогу героя: *туманившийся – темнело – туманно-темная – сумерки – сумрачная – темный*. Прослеживается динамика эмоционального состояния рассказчика: *с бессмысленной пристальностью следил – тупо стал смотреть – бодро сказал*.

Завершающая ремарка *бодро* сказал я себе сопровождает реплику *Прощай, Россия*. Испытывая явную эмоциональную подавленность, герой старается выглядеть оптимистичным, подбадривая и утешая себя тем, что у него начинается новая жизнь.

Во второй части рассказа представлено описание беженцев. Автор характеризует людей, разместившихся на пароходе:

«Пароход, конечно, уже окрестили новым ковчегом, – человеческое остроумие не богато. И точно, кого только не было на нем! Были крупнейшие мошенники, обремененные наживой, покинувшие город спокойно, в твердой уверенности, что им будет неплохо всюду. Были люди порядочные, но тоже пока еще спокойные, бежавшие впервые и еще не вполне сознавшие всю важность того, что случилось. Были даже такие, что бежали совсем неожиданно для себя, что просто заразились общим бегством и сорвались с места в самую последнюю минуту, без вещей, без денег, без теплой одежды, даже без смены белья... Но преобладали все же настоящие беженцы, бегущие уже давно, из города в город, и, наконец, добежавшие до последней русской черты» [5, с. 18].

Обобщенная характеристика людей, отплывших на пароходе «Патрас», содержит нарицательные оценочные именованья в форме множественного числа: *мошенники, порядочные люди, настоящие беженцы*. Писатель показывает пестроту беженцев, неоднородность их социального положения, взглядов и настроений, разное отношение к происходящим событиям. В тексте рассказа нет ни одного антропонима, именующего кого-либо из персонажей. Встречаются только их собирательные характеристики: *сброд, табор, толпа*. В контексте используется фразеонабор: библеизм *Ноев ковчег* ирон. 'переполненное обитателями помещение' [27, Т. 1, с. 306] и фразеологические единицы с общим компонентом *в последнюю минуту, до последней русской черты*. Здесь осуществляется расширение компонентного состава устойчивого оборота путем добавления прилагательного *русский*, что создает в контексте дополнительные смыслы: усиливает трагизм гибели прежней, дореволюционной России (*до последней черты* 'до конца, до крайней степени чего-либо'). В тексте рассказа происходит смысловая актуализация определения *последний*, с помощью которого создаются многократные лексические повторы, объединяющие две первые части рассказа в единое структурно-смысловое целое, в общую повествовательную ткань произведения: *последние защитники; последние из убегающих обывателей* (часть 1); *последние остатки человеческого благополучия; последний чемодан; последняя черта;*

последняя погибель (часть 2). Ключевой эпитет *последний* 'единственный оставшийся; окончательный, заключительный, решающий' [23, Т. 3, с. 316] является одной из смысловых доминант рассказа, ведущим средством экспликации концептуального содержания произведения. Наблюдаем также текстовые повторы однокоренных слов *страшный* – *страх* – *страшно* и синонимов *страшно* – *жутко, страх* – *ужас*, которые пронизывают весь рассказ, формируют эмоциональную тональность текста, создавая драматизм повествования: *город пустел все страшнее; стало жутко; страшный морской путь; полный ужас и отчаяние; страшная водная беспредельность волн* и др.

В третьей части рассказа социальная катастрофа усугубляется природной стихией, автор описывает сильный морской шторм, который приходится тяжело переживать измученным и ослабевшим пассажирам парохода:

«Вдруг ветер налетел и засвистал бешено, волна ударила так тяжело и... так страшно заглянула своей мутной слюдой, своей громадой в окна, что многие вскрикнули и повалились друг на друга, думая, что мы уже гибнем... Потом все опять пришло в порядок... и вдруг опять ударило, и опять дико засвистало и глубоко окунуло, опустило в расступившуюся водяную пропасть...

...Большинство стонало, томилось, – с надрывом, с молящими криками извергало из себя всю душу... Уже нельзя было ни ходить, ни стоять, убежать надо было опрометью, сидеть – упираясь спиной в кресло, в стену, ногами в стол, в чемоданы. Все так же казалось, что размахивающийся и вправо, и влево, и вверх, и вниз пароход идет с бешеной поспешностью, внутри его грохотало уже неистово, и перерывы, отдыхи в этом грохоте казались мгновениями счастья... А наверху был суций ад... Я одолел лестницу и пробовал одолеть дверь наружу, выглянуть – ледяной ветер перехватывал дыхание, резал глаза, слепил снегом, с звериной яростью валил назад... Обмерзлые, побелевшие мачты и снасти ревели и свистали с остервенелой тоской и удалью, студенистые холмы волн перекачивались через палубу и опять, опять росли из-за борта и страшно светились взмыленной пеной в черноте ночи и моря...» [5, с. 21-22].

Кульминационный эпизод повествования передает ужас и отчаяние людей, бессильных перед разбушевавшейся стихией. Смысловыми доминантами текстового фрагмента являются оценочные метафоры с пространственной семантикой: *водяная пропасть; суций ад*. Их семантизация осуществляется в контекстном окружении. Автор активно использует глаголы, глагольные формы и наречия. Интенсивность и масштаб морского шторма, его сила и неожиданность

изображены путем выразительного употребления повторяющихся наречий *вдруг, опять*, словосочетаний наречие + глагол и многочисленных градационных рядов: *Вдруг ветер налетел и засвистал бешено, волна ударила так тяжело и... так страшно заглянула; и вдруг опять ударило, и опять дико засвистало и глубоко окунуло; холмы волн перекатывались... и опять, опять росли из-за борта и страшно светились*. Писатель создает отглагольные эпитеты: *с бешеной поспешностью; с остервенелой тоской и удалью; взмыленной пеной*. Психоземotionalное и физическое состояние пассажиров передается использованием глагольной градации – однородных сказуемых: *многие вскрикнули и повалились друг на друга, думая, что мы уже гибнем; большинство стонало, томилось, – с надрывом, с молящими криками извергало из себя всю душу*.

В заключительной, четвертой части рассказа усиливается субъективизация повествования. К средствам диалогизации монологической речи рассказчика относятся интертекстуальные вкрапления и автокоммуникация. Физически измученный, ослабленный, душевно вымотанный и подавленный, герой цитирует поэтические строки и размышляет сам с собой, стараясь успокоиться и собраться с мыслями:

«В полусне, в забытии я что-то думал, что-то вспоминал... Пришло в голову и стало повторяться, баюкать:

Гром и шум, корабль качает,

Море Черное шумит...

– Как дальше? – в полусне спрашивал я себя. – Ах да!

От зари роскошный холод

Проникает в сад...

Как все это далеко и ненужно теперь! Так только, грустно немного, жаль себя и еще чего-то, а за всем тем – бог с ним! И опять повторялись стихи и опять путались, опять клонило в сон, в дурман, и опять все лезло куда-то вверх, скрипело, боролось...» [5, с. 23].

Внутренние размышления рассказчика выражаются глаголами и фразеологизмом, относящимися к речемыслительной деятельности человека: *думал, вспоминал, пришло в голову, спрашивал*. Герой по памяти цитирует фрагмент стихотворения Якова Полонского «Качка в бурю». Интертекстуальное вкрапление лирических строчек в эпическое повествование субъективирует рассказ о завершающих событиях, передает глубоко личные переживания, пронизанные не только ощущением неизбежной трагедии, но и зыбкой надеждой на чудесное спасение, новым и неожиданным ощущением стремительных жизненных перемен и невозможности возврата к прошлому. Авторская ремарка *в полусне спрашивал я*

себя образует смысловое взаимодействие с предыдущей ремаркой *бодро сказал я себе* из первой части рассказа, объединяет начало и финал произведения в единую повествовательную ткань, усиливает автокоммуникативность перволичного нарратива.

Таким образом, в рассказе И. А. Бунина «Конец» активно функционирует система разноуровневых языковых средств, обладающих высоким нарративным потенциалом, что проявляется в их способности передавать динамику событий, создавать обширные пространственно-временные характеристики текста, субъективизировать перволичное повествование, диалогизировать монологическое слово рассказчика, формировать текстовую модальность, актуализировать семантику доминантных образов. Выраженные нарративные свойства имеют лексика и фразеология с процессуальной, темпоральной и пространственной семантикой, а также сквозные лексические и деривационные повторы, ключевые эпитеты и метафоры, градационные ряды, риторические вопросы и восклицания, интертекстуальные вкрапления, яркие оценочные характеристики людей и событий. Текстовое взаимодействие образных средств и речевых приемов выразительности обеспечивает структурно-смысловую целостность художественного нарратива.

Библиографический список

1. Антипина, Е. С. Лексические и стилистические средства оценки русского национального характера в «Окаянных днях» И. А. Бунина [Текст] // Вестник ЦМО МГУ. – Филология. Культурология. Педагогика. Методика. – 2011. – № 3. – Часть 2. – С. 326-328.
2. Атарова, К. Н., Лескис, Г. А. Семантика и структура повествования от первого лица в художественной прозе [Текст] // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. – 1976. – Т. 35. – № 4. – С. 343-357.
3. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика: Поэтика [Текст] / пер. с фр., сост., общ. ред. и вступ. ст. П. С. Косикова. – М.: Прогресс: Универс, 1994. – 616 с.
4. Бахтин, М. М. Формы времени и хронотопа в романе [Текст] // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. – М.: Художественная литература, 1975. – С. 227-244.
5. Бунин, И. А. Конец [Текст] // Бунин И. А. Собрание сочинений в четырех томах. – Том 3. – М.: Правда, 1988. – С. 16-23.
6. Васильев, А. И. Фразеологический словарь языка И. А. Бунина [Текст] / А. И. Васильев. – Елец, 2011.
7. Геймбук, Е. Ю. «Преодоление чуждости чужого...»: функции интертекстуальных элементов в перволичном повествовании (на материале романа В. Каверина «Два капитана») [Текст] // Русский язык в школе. – 2017. – № 4. – С. 45-50.

8. Ефремов, В. А. Ассоциативные связи ключевого слова «счастье» в лирическом цикле И. А. Бунина «Темные аллеи» [Текст] // Семантика языковых единиц: Доклады VI международной научной конференции. – Том 2. – М.: СпортАкадемПресс, 1998. – С. 263-266.
9. Женетт, Ж. Повествовательный дискурс [Текст] // Женетт Ж. Фигуры. – В 2-х тт. – Том 2. – М.: Издательство им. Сабашниковых, 1998. – С. 60-280.
10. Журавлева, Г. С., Хашимов, Р. И. Словарь языка поэзии И. А. Бунина [Текст] / Г. С. Журавлева, Р. И. Хашимов. – Елец: Елецкий госуниверситет им. И. А. Бунина, 2010.
11. Киклевич, А. К. Теория дискурса и стилистика [Текст] // Филологические науки. – 2018. – № 4. – С. 3-10.
12. Кожевникова, Н. А. О соотношении типов повествования в художественных текстах [Текст] // Вопросы языкознания. – 1985. – № 4. – С. 104-114.
13. Кожевникова, Н. А., Николина, Н. А. Сквозные образы в прозе И. А. Бунина [Текст] // Кожевникова Н. А. Избранные работы по языку художественной литературы / сост. Е. В. Красильникова, Е. Ю. Кукушкина, З. Ю. Петрова; под общ. ред. З. Ю. Петровой. – М.: Знак, 2009. – С. 695-700.
14. Краснянский, В. В. Словарь эпитетов И. А. Бунина [Текст] / В. В. Краснянский. – Елец, 2006.
15. Курносорова, И. М. Словарь народного языка произведений И. А. Бунина [Текст] / И. М. Курносорова. – Елец, 2006. – 219 с.
16. Марченко, Т. В. Поэтика совершенства: О прозе И. А. Бунина [Текст] / Т. В. Марченко. – М.: Дом русского зарубежья им. А. Солженицына, 2015. – 208 с.
17. Мещерякова, О. А. Индивидуально-авторская концептосфера И. А. Бунина в ее репрезентации средствами свето- и цветообозначений [Текст]: научная монография / О. А. Мещерякова. – Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2007. – 210 с.
18. Николина, Н. А. Филологический анализ текста [Текст] / Н. А. Николина. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 256 с.
19. Павлюченкова, Т. А. Фонетические и лексические средства языка поэзии И. А. Бунина и их функционально-семантическое взаимодействие [Текст] / Т. А. Павлюченкова. – М., 2011. – 747 с.
20. Падучева, Е. В. Семантика нарратива [Текст] // Падучева Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке). – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – С. 195-418.
21. Попова, Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива [Текст] / Е. А. Попова. – Липецк, 2001. – 268 с.
22. Радбиль, Т. Б. Лингвопоэтика и нарратология [Текст] // Радбиль Т. Б. Язык и мир: Парадоксы взаимоотношения. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2017. – С. 423-559.
23. Словарь русского языка: в 4-х тт. [Текст] / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 3-е изд. – М.: Русский язык, 1985-1988.
24. Сысоева, В. В. Эволюция повествовательной формы произведений И. С. Тургенева [Текст] // И. С. Тургенев и Ф. М. Тютчев в контексте мировой культуры: материалы международной научной конференции. – Орел: ОГУ, 2003. – С. 82-86.
25. Фокина, М. А. Филологический анализ текста [Текст]: учебное пособие / М. А. Фокина. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. – 140 с.
26. Фокина, М. А. Фразеология в русской повествовательной прозе XIX–XX веков [Текст]: научная монография / М. А. Фокина. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2007. – 378 с.
27. Фразеологический словарь русского литературного языка: в 2 тт. [Текст] / сост. А. И. Федоров. – М.: Цитадель, 1997.
28. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста: Поликодовость, интертекстуальность, интердискурсивность [Текст] / В. Е. Чернявская. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 248 с.
29. Чернявская, В. Е. Текст в медиальном пространстве [Текст] / В. Е. Чернявская. – 2-е изд. – М.: URSS, Книжный дом «Либроком», 2016. – 232 с.
30. Шмид, В. Нарратология [Текст] / В. Шмид. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
31. Kiklewicz A. Kategoryzacja dyskursu // Kiklewicz A. Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne. – Olsztyn, 2015. – S. 15-42.

Reference List

1. Antipina, E. S. Leksicheskie i stilisticheskie sredstva ocenki russkogo nacional'nogo haraktera v «Okajannyh dnjah» I. A. Bunina = Lexical and stylistic means for assessing the Russian national character in I. A. Bunin's «Cursed Days» [Текст] // Vestnik CMO MGU. – Filologija. Kul'turologija. Pedagogika. Metodika. – 2011. – № 3. – Chast' 2. – S. 326-328.
2. Atarova, K. N., Lesskis, G. A. Semantika i struktura povestvovanija ot pervogo lica v hudozhestvennoj proze = Semantics and structure of the first person narration in art prose [Текст] // Izvestija AN SSSR. Serija literatury i jazyka. – 1976. – T. 35. – № 4. – S. 343-357.
3. Bart, R. Izbrannye raboty: Semiotika: Pojetika = Selected works: Semiotics: Poetics [Текст] / per. s fr., sost., obshh. red. i vstup. st. P. S. Kosikova. – М.: Progress: Univers, 1994. – 616 s.
4. Bahtin, M. M. Formy vremeni i hronotopa v romane = Forms of time and chronotope in the novel [Текст] // Bahtin M. M. Voprosy literatury i jestetiki. – М.: Hudozhestvennaja literatura, 1975. – S. 227-244.
5. Bunin, I. A. Konec = The End [Текст] // Bunin I. A. Sobranie sochinenij v chetyreh tomah. – Tom 3. – М.: Pravda, 1988. – S. 16-23.
6. Vasil'ev, A. I. Frazеологический словарь языка И. А. Бунина = Phraseological dictionary of I. A. Bunin's language [Текст] / A. I. Vasil'ev. – Elec, 2011.

7. Gejmbuh, E. Ju. «Preodolenie chuzhdosti chuzhogo...»: funkcii intertekstual'nyh jelementov v pervolichnom povestvovanii (na materiale romana V.Kaverina «Dva kapitana») = «Overcoming extrenity of the stranger ...»: functions of intertextual elements in the first-person narration (on material of V. Kaverin's novel «Two Captains») [Tekst] // Russkij jazyk v shkole. – 2017. – № 4. – S. 45-50.
8. Efremov, V. A. Associativnye svjazi ključevogo slova «schast'e» v liricheskom cikle I. A. Bunina «Tjomyne allei» = Associative communications of a keyword «happiness» in I. A. Bunin's lyrical cycle «Dark avenues» [Tekst] // Semantika jazykovykh edinic: Doklady VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Tom 2. – M. : SportAkademPress, 1998. – S. 263-266.
9. Zhenett, Zh. Povestvovatel'nyj diskurs = Narrative discourse [Tekst] // Zhenett Zh. Figury. – V 2-h tt. – Tom 2. – M. : Izdatel'stvo im. Sabashnikovykh, 1998. – S. 60-280.
10. Zhuravljova, G. S., Hashimov, R. I. Slovar' jazyka poezii I. A. Bunina = Dictionary of I. A. Bunin's poetic language [Tekst] / G. S. Zhuravleva, R. I. Hashimov. – Elec : Eleckij gosuniversitet im. I. A. Bunina, 2010.
11. Kiklevich, A. K. Teorija diskursa i stilistika = Theory of discourse and stylistics [Tekst] // Filologičeskie nauki. – 2018. – № 4. – S. 3-10.
12. Kozhevnikova, N. A. O sootnoshenii tipov povestvovaniya v hudozhestvennykh tekstakh = About a ratio of narration types in art texts [Tekst] // Voprosy jazykoznaniya. – 1985. – № 4. – S. 104-114.
13. Kozhevnikova, N. A., Nikolina, N. A. Skvoznye obrazy v proze I. A. Bunina = Through images in I. A. Bunin's prose [Tekst] // Kozhevnikova N. A. Izbrannye raboty po jazyku hudozhestvennoj literatury / sost. E. V. Krasil'nikova, E. Ju. Kukushkina, Z. Ju. Petrova; pod obshh. red. Z. Ju. Petrovoj. – M. : Znak, 2009. – S. 695-700.
14. Krasnjanskij, V. V. Slovar' jepitetov I. A. Bunina = Dictionary of I. A. Bunin's epithets [Tekst] / V. V. Krasnjanskij. – Elec, 2006.
15. Kurnosova, I. M. Slovar' narodnogo jazyka proizvedenij I. A. Bunina = Dictionary of national language in I. A. Bunin's works [Tekst] / I. M. Kurnosova. – Elec, 2006. – 219 s.
16. Marchenko, T. V. Pojetika sovershenstva: O proze I. A. Bunina = Perfection poetics: About I. A. Bunin's prose [Tekst] / T. V. Marchenko. – M. : Dom russkogo zarubezh'ja im. A. Solzhenicyna, 2015. – 208 s.
17. Meshherjakova, O. A. Individual'no-avtorskaja konceptosfera I. A. Bunina v ejo reprezentacii sredstvami sveto- i cvetooboznachenij = I. A. Bunin's individual and author sphere of concepts in its representation by means of light- and color naming [Tekst] : nauchnaja monografija / O. A. Meshherjakova. – Elec : EGU im. I. A. Bunina, 2007. – 210 s.
18. Nikolina, N. A. Filologičeskij analiz teksta = Philological analysis of the text [Tekst] / N. A. Nikolina. – M. : Izdatel'skij centr «Akademija», 2003. – 256 s.
19. Pavljuchenkova, T. A. Foneticheskie i leksicheskie sredstva jazyka poezii I. A. Bunina i ih funkcional'no-semanticкое взаимодействие = Phonetic and lexical means of I. A. Bunin's poetic language and their functional and semantic interaction [Tekst] / T. A. Pavljuchenkova. – M., 2011. – 747 s.
20. Paducheva, E. V. Semantika narrativa = Semantics of narrative [Tekst] // Paducheva E. V. Semanticheskie issledovanija (Semantika vremeni i vida v russkom jazyke). – M. : Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996. – S. 195-418.
21. Popova, E. A. Kommunikativnye aspekty literaturnogo narrativa = Communicative aspects of literary narrative [Tekst] / E. A. Popova. – Lipeck, 2001. – 268 s.
22. Radbil', T. B. Lingvopojetika i narratologija = Linguopoetics and narratology [Tekst] // Radbil' T. B. Jazyk i mir: Paradoksy vzaimootrazhenija. – M. : Izdatel'skij Dom JaSK, 2017. – S. 423-559.
23. Slovar' russkogo jazyka: v 4-h tt. = Dictionary of Russian: in 4 vol. [Tekst] / AN SSSR, In-t rus. jaz.; pod red. A. P. Evgen'evoj. – 3-e izd. – M. : Russkij jazyk, 1985-1988.
24. Sysoeva, V. V. Jevoľucija povestvovatel'noj formy proizvedenij I. S. Turgeneva = Evolution of a narrative form in I. S. Turgenev's works [Tekst] // I. S. Turgenev i F. M. Tjutčev v kontekste mirovoj kul'tury: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – Orjol : OGU, 2003. – S. 82-86.
25. Fokina, M. A. Filologičeskij analiz teksta = Philological analysis of the text [Tekst] : uchebnoe posobie / M. A. Fokina. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2013. – 140 s.
26. Fokina, M. A. Frazеologija v russkoj povestvovatel'noj proze XIX–XX vekov Phraseology in the Russian narrative prose of the XIX – XX centuries [Tekst] : nauchnaja monografija / M. A. Fokina. – Kostroma : KGU im. N. A. Nekrasova, 2007. – 378 s.
27. Frazеologičeskij slovar' russkogo literaturnogo jazyka: v 2 tt. = Phraseological dictionary of the Russian literary language: in 2 vol. [Tekst] / sost. A. I. Fjodorov. – M. : Citadel', 1997.
28. Chernjavskaја, V. E. Lingvistika teksta: Polikodovost', intertekstual'nost', interdiskursivnost' = Text linguistics: Polycodity, intertextuality, interdiscursivity [Tekst] / V. E. Chernjavskaја. – M. : Knizhnyj dom «Librokom», 2009. – 248 s.
29. Chernjavskaја, V. E. Tekst v medial'nom prostranstve = The text in medial space [Tekst] / V. E. Chernjavskaја. – 2-e izd. – M. : URSS, Knizhnyj dom «Librokom», 2016. – 232 s.
30. Shmid, V. Narratologija = Narratology [Tekst] / V. Shmid. – M. : Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2003. – 312 s.
31. Kikiewicz A. Kategorizacja dyskursu // Kikiewicz A. Dyskurs: aspekty lingwistyczne, semiotyczne i komunikacyjne. – Olsztyn, 2015. – S. 15-42.

Дата поступления статьи в редакцию: 18.03.2019
Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

И. А. Суханова <https://orcid.org/0000-0003-4000-0112>

**Варьирование мотивов повести Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели»
в романе Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго»**

Настоящая статья является четвертой – заключительной – в цикле статей, посвященных интертекстуальным связям романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». В предыдущих статьях речь шла, главным образом, о проявлении и трансформациях мотивов, связанных с архетипическим сюжетом о змее и змеборце. Но в тексте романа обнаруживаются и не связанные с этим сюжетом интертексты, такого рода переключки и рассматриваются в настоящей статье. Отсылки к повести Достоевского в романе Пастернака многочисленны; то, что они присутствуют в комплексе, убеждает в неслучайности совпадений мотивов и отдельных языковых единиц. Мотивы старшего текста варьируются в младшем, мотив может дробиться, проявляться в связи с несколькими персонажами, контаминироваться с другим мотивом, «перевертываться». В качестве подтверждения наличия отсылки, то есть сигнала, может выступать отдельное включенное в младший текст слово из старшего текста. Наиболее показательным примером варьирования мотивов является своеобразный «синтез» из элементов текста-источника образа Маркела. Этот персонаж «Доктора Живаго» «наследует» мотивы, связанные с такими персонажами «Села Степанчикова», как Ежевикин и Фома Опискин, в меньшей степени – с Бахчевым и эпизодическим персонажем Васильевым, при этом мало походит на каждого из них в отдельности. Философ Веденяпин неожиданно проецируется на «ничему не учившегося» Ростанева – в мотиве отношений дяди и племянника, но еще более неожиданно – на Фому Опискина (вместе с такими персонажами, как Комаровский, Ливерий Микулицын, Гинц). Юрий Живаго, проецируемый вначале на племянника Ростанева, в дальнейшем проецируется на самого Ростанева, однако в эпизоде спора с Ливерием начинает говорить конструкциями, свойственными Фоме Опискину, на которого проецируется Ливерий. Заметим, что отсылки к «Селу Степанчикову» ни в коей мере не противоречат отсылкам к другим произведениям русской и мировой художественной литературы.

Ключевые слова. Б. Л. Пастернак, роман «Доктор Живаго», Ф. М. Достоевский, повесть «Село Степанчиково и его обитатели», интертекст, интратекст, варьирование мотивов, старший текст, младший текст.

I. A. Sukhanova

**Variations of Motifs of F. M. Dostoevski's Story «The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants»
in B. L. Pasternak's Novel «Doctor Zhivago»**

The article is the fourth – concluding one – in the cycle of articles devoted to the intertextual links of Boris Pasternak's novel «Doctor Zhivago» with F. M. Dostoevski's story «The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants» («Село Степанчиково и его обитатели»). The previous three articles concerned firstly the revealing and transformation of the motifs connected with the archetypical plot of the Dragon and the Dragon-fighter. But the novel contains intertexts which are not connected with the archetypical plot, the present article concerns such of them. The roll calls with Dostoevski's story in Pasternak's novel are numerous, the fact that they are present in complex confirms that the similarities of the motifs and the linguistic units are not accidental. Motifs of the elder text are modified in the younger one, a motif can be subdivided, can appear in connection with different characters, can be combined with one another, «turn itself over». A lexical unit of the elder text included in the younger text can be a signal confirming the existence of the reference. The most significant example of motif variations is the peculiar «synthesis» of the character of Markel combined of the pretext elements. Markel «inherits» the motifs connected with such characters of «The Village of Stepanchikovo» as Yezhevikin and Foma Opiskin, later – of Bakhcheyev and episodic character Vasilyev, nevertheless has little in common with each of them. Vedenyapin, a philosopher, in his relations with his nephew is unexpectedly projected on non-educated Rostanov, but in one episode even more unexpectedly – on Foma Opiskin (together with Komarovski, Liveri Mikulitsin, Hinz). Yuri Zhivago firstly is projected on Rostanov's nephew, than on Rostanov himself, but in the episode of argument with Liveri begins to use constructions common for Foma Opiskin – a «prototype» of Liveri, and so on. We must mention that the projecting on «The Village of Stepanchikovo» does not contradict the projecting on other works of Russian and World artistic literature.

Keywords: B. L. Pasternak, the novel «Doctor Zhivago», F. M. Dostoevski, the story «The Village of Stepanchikovo and Its Inhabitants» («Село Степанчиково и его обитатели»), intertext, intratext, motif variations, the elder text, the younger text.

Исследователи неоднократно обращали внимание на интертекстуальные связи романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с произведениями Ф. М. Достоевского (см., например, [2, 3, 9, 11, 14] и др.). Настоящая статья завершает цикл работ, начатый в

№ 3 [12] и посвященный текстовым переключкам романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели». В предыдущих статьях речь шла, в основном, о наличии в обоих произведениях проекции

на архетипический сюжет о змееборце и змее и сходстве его трансформаций в двух непохожих текстах. (О значении этого архетипического сюжета в «Докторе Живаго» см., например, [1, 4, 5, 15] и др.)

Добавим еще некоторые наблюдения, подтверждающие наличие связи между этими произведениями. Начнем с тех моментов, которые имеют косвенное отношение к трансформациям архетипического сюжета, общим для двух произведений, затем перейдем к другим переключкам, не имеющим отношения к сюжету о змееборце.

Отдельные детали эпизода изгнания Фомы Опискина из дома полковника Ростанева отзываются не только в прозаических главах «Доктора Живаго», но и в стихотворении «Сказка». Так, в строчке *В обмороке конный* [8, с. 595; здесь и далее выделено нами – И. С.], возможно, отзывается момент, когда полковнику «сделалось дурно» после того, как Фома застал его с Настей в саду: «*Когда мы вошли в комнату, с ним сделалось дурно; он был бледен, как мертвый. Я немедленно sprysнул его водою. «Вероятно, случилось что-нибудь очень ужасное, думал я, – когда с таким человеком делается обморок»*» [6, с. 138]. Практически теми же словами изображено состояние Насти после «благословения» Фомой: «*Настя побледнела, как мертвая ...*» [6, с. 184]. С этим моментом возможна ассоциация в строчке *Дева в столбняке* [8, с. 595], слово же *столбняк* встречается в тексте Достоевского по отношению к другим персонажам. Так, после изгнания Фомы имеет место «... *столбняк* девицы Перепелицыной перед неожиданным поступком до сих пор всегда покорного дяди ...» [6, с. 171]; после же возвращения Фомы и благословения им влюбленных этим словом характеризуется реакция всех присутствующих: «*Развязка была так неожиданна, что на всех нашел какой-то столбняк*» [6, с. 183].

Обратим внимание и на то, что герой стихотворения носит обобщенное наименование *конный*; герой Достоевского служил в гусарах; догонять Фому он бросается верхом. Разумеется, *конный* в стихотворении (отметим и тот интратекст, когда в одном из эпизодов доктор едет верхом) оказывается таковым не из-за отсылки к Достоевскому, здесь мы имеем дело с **гомогенотекстами**, если этот термин употребить не только по отношению к текстам одного автора (см. [10, с. 15]), но и к любым двум текстам, восходящим к одному источнику. Тем не менее, и это совпадение поддерживает комплексный характер отсылки.

Обнаруживаются в повести Достоевского и «в избытке **счастья**/Слезы в три ручья» [8, с. 595]. Плачут осчастливленные: «... в глазах его стояли **слезы** восторга. <...> // – Друг мой! – сказал он [Ростанев], – я до сих пор как будто не верю моему

счастью... Настя тоже. Мы только дивимся и прославляем Всевышнего. Сейчас она плакала» [6, с. 195]. Фома упрекает полковника: «...почему не бросился он тогда в мои объятия, не заплакал на груди моей **слезами** беспредельного **счастья** ...» [6, с. 182]. Слезы вообще часто фигурируют в повести: «Отдыхает и плачет» [6, с. 158], – сообщает Мизинчиков Сергею о возвращенной в дом после неудачного увоза Татьяне Ивановне; постоянно плачет Фалалей; генеральша Крахоткина периодически «заливалась безмолвными таинственными **слезами** по крайней мере на целый час» [6, с. 13] и т. д., однако это уже не связано с трансформациями архетипического сюжета.

В свете рассмотренных ранее ([12] и др.) безусловных переключек текстов вокруг сюжета о змееборце стоит обратить внимание и на другие совпадения.

Так, отдельные мотивы, связанные с разными персонажами «Села Степанчикова», отзываются в «Докторе Живаго» в образе Маркела. Своеобразный «синтез» Маркела – пожалуй, наиболее показательный случай с точки зрения структурных особенностей интертекста в романе Пастернака.

В эпизоде со сборкой гардероба и травмой Анны Ивановны (ч. 3, гл. 1) Маркел разглагольствует: «Вот вы, верно, думаете, будто на первый взгляд я действительно дворник, а ежели правильно рассудить, то природная наша статья **столярная, столярничали** мы. Вы не поверите, что этой мебели, этих шкапов-буфетов через наши руки прошло» [8, с. 73]. Однако из столяров Маркел попал в дворники: «А всему причина – **питейная статья, крепкие напитки**» [8, с. 73]. Соседство «столярного дела» и «питейной статьи» как причины того, что карьера столяра не задалась, напоминает некоего Васильева – эпизодический персонаж из 2-ой главы «Села Степанчикова», столяра, который в пьяном виде прячется у кузнецов и оказывается запертым в сломанной карете: «...с улицы сегодня на заре притащили; моли Бога – спрятали <...> // <...> **пьющий человек**, как есть <...> // – А ведь **столяр** такой, что и в Москве поискать!» [6, с. 28]. Сравним: «А ты скажи, когда он трезв бывает?» [8, с. 190] – Тоня о Маркеле. Ранее, в работе [12] мы соотносили словосочетание «пьющий человек» со сказанным Комаровским о Живаго-старшем: «Алкоголик» [8, с. 20] (в этом случае есть соответствие и в плане эпизодов – мотив «неожиданной задержки в пути») – отсылка оказывается неоднозначной и, видимо, это принципиально.

Возможно, в образе Маркела отзывается и другой момент из этого же эпизода, связанный, однако, с совсем другим персонажем. В насмешках Маркела над

доктором-неудачником проскакивает оборот из реплики господина Бахчеева в первом разговоре с Сергеем – «ученым», к которому Бахчеев проявляет то неприязнь, то расположение. «*То-то, с особенным удовольствием! Знаю я твое удовольствие...*» [6, с. 35]. Сравним: «*Знаем мы твои обеды. Сел бы да покушал горячего. Что брезгуешь*» [8, с. 534]. В этом контексте как переключку можно расценить и следующие два фрагмента: «*А кто вас тянул к дядюшке? Сидели бы там, где-нибудь у себя, коли было где сесть! Нет, батюшка, тут, я вам скажу, ученостью мало возьмете...*» (Бахчеев) [6, с. 32]; сравним: «*Не надо было в Сибирь драть, дом в опасный час бросать. Сами виноваты*» [8, с. 535]; «*Учился, учился, а какой толк?*» (Маркел) [8, с. 535]. Из другого эпизода повести Достоевского: «*Небось сам-то не выйдешь на улицу. Ну-тка, поди, покупайся для плезуру*» [6, с. 175]; сравним: «*Только на пол не лей, ворона. Видишь, порог заплескал. Наледенеет, не ты ломом скалывать придешь*» [8, с. 534-535]. У Маркела все звучит гораздо грубее – Бахчеев все-таки разговаривает с равным, а Маркел упивается своим превосходством, и в этом он больше напоминает Фому Опискина. Слово *ворона* оказывается из лексикона Фомы («*Эй ты, ворона, пошел сюда!*» [6, с. 91]), а вся ситуация напоминает сцену из повести Достоевского: Фома «экзаменует» камердинера Гаврилу (именно его он обзывает *вороной*) при собравшемся в доме Ростанева обществе, а Маркел потешается над доктором при своем многочисленном семействе, сидящем за обедом. («*Да плотней дверь закрывай, раззява...*» [8, с. 535]; «*Эх ты, как и серчать на тебя, курицыно отродье*» [8, с. 535].) В обоих произведениях в указанных эпизодах присутствующие с готовностью смеются. «*За столом захохотали*» [8, с. 534], «*Опять за столом захохотали*» [8, с. 535]; «*... или предугадывалось всеми желание Фомы, чтоб все засмеялись, но только все так и покатились со смеху*» [6, с. 91].

Однако и Маркел, и его жена явно поощряют симпатию своей дочери к доктору, здесь они напоминают еще одного персонажа «Села Степанчикова» – Ежевикина, отца Насти. «*Правда, ему [Ежевикину] ужасно хотелось тогда выдать Настеньку замуж*» [6, с. 204] – то есть замуж за полковника. Сравним, когда Марина становится «*третьей не зарегистрированной в загсе женою Юрия Андреевича*», «*[о]тец и мать Щаповы не без гордости стали звать дочку докторшей*» [8, с. 536]. Сравним и такой момент: жена Маркела демонстративно уговаривает дочь (при всей семье и при докторе): «*Ты их не бойся, доченька. Видишь, другим не в пример, какие они великательные. Мухи не обидают*» [8, с. 535] –

Агафья Тихоновна, в отличие от мужа, даже в третьем лице говорит о докторе во множественном числе, намекая, однако, при этом все на те же безволие и никчемность. Форма эта напоминает реплику Ежевикина о полковнике: «*– Именно с добрым характером-с! именно добренькие-с!*» [6, с. 173; выделено Ф. М. Достоевским]. Маркел в бытность дворником, как и нищий помещик Ежевикин, был склонен к ерничеству и выражению подобострастия. Так, о жене доктора он высказывался исключительно во множественном числе и только по имени-отчеству: «*Антонина Александровна серчают, слышал вот*» [8, с. 189]; «*Не дадут, смотри, мне Антонина Александровна слово сказать, видишь, машут ручкой*» [8, с. 190]. Став же *всесильным*, он говорит о ней так: «*Что на Тоньку смотреть. Тоньки ровно как бы нету*» [8, с. 536]. Впрочем, к Юрию Андреевичу он и раньше обращался на *ты*, но эта фамильярность была особого рода проявлением подобострастия: «*Юрий Андреевич, свет ты наш, не забыл нас, молитвенников, припожаловал на родимое запечье!*» [8, с. 189]. И далее, по выражению Тони, дурацким тоном: «*А нового – покамест ты там богатырствовал, и мы, видишь, не зевали. Такой кабак и бедлант развели, что чертям, брат, тошно, не разбери-бери – что! Улицы не метены, дома-крыши не чинены, в животах, что в пост, чистота, без анекций и контрибуций*» [8, с. 189]. С Ежевикиным здесь – общий мотив ерничества перед более успешными людьми, однако «механизм» такого поведения двух персонажей разный. Ежевикин разыгрывает шута и унижается почти демонстративно, театрально, тут же и поясняя мотивы своего поведения: «*Коли я шут, так и другой кто-нибудь тут! А вы меня уважайте: я еще не такой подлец, как вы думаете. Оно, впрочем, пожалуй, и шут. Я – раб, моя жена – рабыня, к тому же, польсти, польсти! Вот оно что: все-таки что-нибудь выиграешь, хоть ребятишкам на молочишко*» [6, с. 63]. Для Маркела же, видимо, естественно унижаться и разыгрывать шута перед вышестоящими (доктор в эпизоде возвращения замечает в ответ на возмущение Тони балаганом Маркела: «*По-моему, он просто пьян, вот и паясничает, больше ничего. /– А ты скажи, когда он трезв бывает?*» [8, с. 190; здесь и далее выделено нами – И. С.]); при перемене же положения – куражиться над ними. В этом он проявляет сходство не столько с Ежевикиным, сколько с Фомой Опискиным – бывшим шутком при генерале Крахоткине, после смерти которого по воле случая подчинившим своему влиянию его вдову и ее близких и тиранящим их. (Отметим: в повести Достоевского эпизод, когда Сергей – рассказчик – впервые сталкивается с Фомой, кончается предположением Сергея, что Фома *пьян*).

Можно отметить еще один чисто формальный момент сходства Маркела и Ежевика. На похоронах Живаго все плачут. К Марине *«присаживался отец, тихо всхлипывавший и оглушительно сморкавшийся Маркел. Сюда подходили к ней плакавшие мать и сестры»* [8, с. 553]. В конце повести Достоевского тоже все плачут, в том числе и отец Насти, – но в противоположных обстоятельствах: Фома ко всеобщему удовлетворению благословил брак Настеньки и полковника. *«Саша бросилась обнимать и целовать Настеньку, Прасковья Ильинична обливалась слезами. <...> Старикашка Ежевикин расчувствовался и плакал в углу, обтирая глаза своим клетчатый, вчерашним платком»* [6, с. 185]. Здесь, возможно, стоит учесть то, что в повести Достоевского далее, где речь идет о свадьбе Насти и Ростанева, из-за капризов и обид Фомы *«[д]ядя был в отчаянии; Настенька плакала; с генеральшей, по обыкновению, сделались судороги... Свадебный пир походил на похороны»* [6, с. 200]. Ежевикин здесь не упоминается, но особенность интертекста в романе Пастернака допускает контаминацию эпизодов текста-источника.

В контексте этих переключек, может быть, к их числу стоит отнести и тот момент, когда Маркел после революции «не жаловался, что бывшие домовладельцы Громеко пьют его кровь, но задним числом упрекал их в том, все прошедшие годы они держали его в темноте неведения, намеренно скрывая от него происхождение мира от обезьяны» [8, с. 240]. Это, возможно, аллюзия на «просветительские» беседы Фомы Фомича с крестьянами на естественнонаучные темы (*«...коснувшись слегка электричества и разделения труда, в чем, разумеется, не понимал ни строчки, растолковав своим слушателям, каким образом земля ходит около солнца...»* [6, с. 20]). Фома сам достаточно невежествен, но печется о «развитии простонародных душ». Собственно, Маркел и есть такая душа, подобно другим персонажам «Доктора Живаго» – таким, как Вася Брыкин или Памфил Палых, – или персонажам «Села Степанчикова», развиваемым Фомой – Фалалею, Видоплясову или упомянутым крестьянам.

Пара *Юрий Живаго и Марина, дочь Маркела*, может в какой-то мере соответствовать паре *полковник и Настя*, с точки зрения разницы в возрасте и образовании (последнее – в перевернутом виде: Настя получила хорошее образование на средства «ничего не знавшего» и «ничему не учившегося полковника», а телеграфистке Марине, хотя она *«по-иностранному понимает»* [8, с. 535], конечно же, далеко до врача, философа и поэта Живаго). Марина, видимо, моложе доктора более чем на десять лет. В гл. 1 части 3 ей шесть лет, эпизод точно не датирован, но можно предположить, что Юра в это время уже студент, так

как в следующей главе речь идет о близком окончании им университета. Разница же в возрасте у Ростанева и Насти, его воспитанницы, видимо, около 20 лет: *«А он мне все равно, что отец, – слышите, даже больше, чем мой родной отец!»* [6, с. 98]; *«Как, скажи, я женюсь на ней, когда я смотрю на нее как на дочь, а не иначе?»* [6, с. 134]; *«Я старик перед нею ...»* [6, с. 140]; *«...ибо она еще дитя перед вами»* [6, с. 181].

Однако в «Докторе Живаго» более заметное место занимает другая неравная пара – Лара и Комаровский: «Девочке льстило, что **годящийся ей в отцы** красивый, седеющий мужчина, которому аплодируют в собраниях и о котором пишут в газетах, тратит деньги и время на нее, зовет божеством, возит в театры и на концерты и, что называется, «умственно развивает» ее» [8, с. 55]; в каком-то смысле Комаровский берет на себя здесь роль Фомы-«просветителя». Если сплетни о Насте и полковнике носят клеветнический характер («Утверждали даже, что она с ним в непозволительной связи» [6, с. 116], говорит о них Мизинчиков; **«Ведь они говорили, что она со мной гнусные связи имеет!»** – возмущается Ростанев [6, с. 139]), то в случае Лары и Комаровского «гнусная связь» действительно имеет место.

О Насте пускают уже совершенно нелепый слух: *«...ведь они, подлецы, говорили, что она с Видоплясовым имеет!»* [6, с. 139], – ужасается Егор Ильич. Цель Фомы, Крахоткиной и Перепелицыной, распускающих эти слухи, в том, что они *«ищут предлога, чтобы бесчестье на нее всклепать и за это выгнать ее...»* [6, с. 139]. Подобным же образом односельчане Васи Брыкина выживают из Веретенников Пелагею Тягунову: *«Сжили ее из Веретенников, не дали покоя наговорами.// Мужик Харлам Гнилой был в деревне. Подбивался к Поле. <...> Худое про нас, про меня и Полю, сказывал. Ну, она и уехала. Совсем извел»* [8, с. 527], – рассказывает Вася доктору. (Заметим, что здесь также имеется несоответствие в возрасте, но в перевернутом виде: 16-17-летний Вася моложе взрослой женщины, к которой действительно равнодушен.)

Таким образом, в младшем тексте наблюдается варьирование мотивов старшего, сюжетные ходы никогда не повторяются в точности, а отдельные языковые единицы – тождественные или близкие по смыслу – подтверждают интертекстуальную связь.

Еще момент сходства. Когда-то Ростанев взял к себе осиротевшего племянника. Десятилетний Юра после смерти матери также оказывается на попечении дяди – философа Веденяпина (см. [12]). Ростанев, видимо, брат матери Сергея, носящего другую фамилию, которая не сообщается: *«Сергей Александрович такой-то»* [6, с. 30]. Веденяпин – брат матери Юры («Это

был брат покойной и дядя плакавшего мальчика...» [8, с. 8]). Мотив встречи взрослого племянника с дядей повторяется в обоих произведениях. *«Много лет спустя я ненадолго свиделся с дядей уже в Петербурге, где я кончал тогда курс моего учения на его счет. В этот раз я привязался к нему со всем жаром юности: что-то благородное, кроткое, правдивое, веселое и наивное до последних пределов поразило меня в его характере и влекло к нему всякого»* [6, с. 23]. Отправившись по письму дяди в Степанчиково, Сергей жаждет наговориться с ним. *«Мне очень хотелось явиться втихомолку, разузнать, выпросить и прежде всего наговориться с дядей»* [6, с. 39]. У дяди подобное же стремление: *«- Друг мой, я и сам-то рвался к тебе. Вот только кончу с Видоплясовым, и тогда наговоримся досыта. Много надо тебе рассказать»* [6, с. 125]; *«Наконец-то наговорюсь с тобой досыта»* [6, с. 130].

В романе Пастернака Юрий Живаго, возвратившись с войны, с радостью узнает, что Веденяпин в Москве: *«Вы его видали? Где он? Нельзя ли его раздобыть немедленно, сию минуту?»* [8, с. 191]. *«Он вернулся в день приезда племянника и был в городе. Юрий Андреевич видел его уже два или три раза и успел наговориться с ним, наохаться, наахаться и наохотаться»* [8, с. 199]. *«Это было поразительное, незабываемое, знаменательное свидание! Кумир его детства, властитель его юношеских дум, живой во плоти опять стоял перед ним»* [8, с. 199]. Дядя и племянник бросаются друг другу на шею, плачут, разговаривают как «два творческих характера, связанные семейным родством» [8, с. 200]. То есть вроде бы, как и во времена детства Юры, «совершенно поняли друг друга» [6, с. 23] (если пользоваться словами Достоевского о Сергее и Ростаневе).

«Потом доктор несколько раз видел Николая Николаевича в обществе, и среди людей он был другим, неузнаваемым» [8, с. 200]. «Ему льстила роль политического краснбая и общественного очарователя» [8, с. 201]. То есть неожиданно Веденяпин проявляет свойство Фомы Опискина! Это, видимо, разочаровывает доктора. После ухода гостей он признается Тоне: *«Из всех людей на свете я люблю только тебя и папу»* [8, с. 206] (Живаго имеет в виду отца Тони, Александра Александровича).

Таким образом, если вначале Веденяпин проецируется на Ростанева, а Юра – на Сергея в детстве, в дальнейшем же на Ростанева проецируется взрослый Юрий Андреевич, а Веденяпин «нелогично» обнаруживает сходство с Фомой. Однако есть и такой момент, когда слова самого доктора выглядят перифразом одного из любимых оборотов в речах Фомы Опискина, это реакция доктора на

разглагольствования Ливерия – болтуна, «змея», держащего доктора в плену: *«... мне не до вас и наплевать на вас, я не люблю вас и ну вас всех к черту»* [8, с. 380]. Сравним: *«Я не хочу Фалалея, я ненавижу Фалалея, я плюю на Фалалея...»* [6, с. 189], или *«...дай мне эти миллионы, чтоб я притоптал их моими ногами, дай, чтоб я разорвал их, оплевал их, разбросал их, осквернил их, обесчестил их!..»* [6, с. 103]. То есть конструкция с повтором, свойственная в старшем тексте речи болтуна Фомы, использована тем, кто противостоит болтуну Ливерию. (На наш взгляд, «наследниками» Фомы Опискина в романе Пастернака являются все, кому свойствен «дух трескущей фразы» [8, с. 320] – Комаровский, комиссар Гинц, «партизанский начальник» Ливерий, Влас Пахомович Галузин с его полуграмотной речью перед новобранцами.)

Мотивы перераспределяются, варьируются; возможны своего рода «переброска» деталей и «перевертывание» ситуаций. Так, Фома претендует на ученость и литературный талант, но *«[в]последствии, когда он отошел в лучшую жизнь, мы разбирали оставшиеся после него рукописи; все они оказались необыкновенною дрянью»* [6, с. 160]. Таких претензий нет, например, у Комаровского, однако Юрий Живаго – именно поэт и философ, и от него остаются сочинения, которые читают и перечитывают его друзья через много лет после его смерти. Общим в этих ситуациях оказывается мотив посмертной переоценки созданного, хотя и с противоположным результатом.

В первой статье цикла [12] мы рассматривали «преемственность» Васи Брыкина по отношению к Фалалею, однако характеристика Антипова в детстве: *«Папа Антипов был так еще младенчески прост...»* [8, с. 58] – также перекликается с характеристикой Фалалея: *«...он был до того наивен, до того правдив и простодушен...»* [6, с. 74]. Взрослый Антипов предстает, в таком случае, «развившимся» Фалалеем.

Среди общих мотивов можно отметить мотивы судьбоносной грозы, которая случается перед чьим-либо отъездом, и возвращения из-за нее. *«Гроза надвигается. Надо собираться»* [8, с. 13], – говорит Веденяпин, намереваясь уехать из Дуплянки. Но эта гроза, видимо, «не состоялась». Вспомним также подробное описание грозы в Мелюзееве, которая разразилась накануне отъезда доктора (ч. 5, гл. 9) – мы рассматривали этот эпизод через призму «Степи» А. П. Чехова и «Преступления и наказания» Ф. М. Достоевского (главы о самоубийстве Свидригайлова) [13]. *«- ... Что это? гроза никак собирается. Смотрите, на небе-то! / – Кажется, гроза,- отвечал я, взглянув на чернеющую на краю неба тучу»* [6, с. 158] – разговор Мизинчикова и Сергея

перед решительной сценой. (Обратим внимание на глагол *собираться* – он повторяется в младшем тексте совсем в другом значении, чисто формально, но также в связи с предстоящей грозой). «В эту минуту слышались отдаленные раскаты грома: начиналась гроза» [6, с. 167] – это происходит в момент, когда Фома якобы собрался уезжать. Именно под предлогом грозы Фому возвращают в дом Ростанева; в романе же Пастернака доктор и мадемуазель Флери во время грозы в Мелюзее ожидают возвращения Лары.

В отношениях Лары и ее брата можно заметить некоторые переключки с рассказом Мизинчикова о своем прошлом: «Видите ли: я теперь в долгах и без копейки. У меня есть, кроме того, сестра, девица лет девятнадцати, сирота круглая, живет в людях и без всяких, знаете, средств. В этом виноват отчасти и я. Получили мы в наследство сорок душ. Нужно же, чтоб меня именно в это время произвели в корнеты. Ну, сначала, разумеется, заложил, а потом прокутил и остальным образом. <...> Пришел я сюда почти без сапог, пришел, а не приехал. Сестра дала мне свои последние три целковых, когда я отправился из Москвы» [6, с. 117-118]. (Вспомним и то обстоятельство, что доктор приходит в Москву с Урала пешком).

То есть имеется ситуация, когда легкомыслие брата ставит сестру в тяжелое материальное положение. Сравним: Родя – юнкер перед выпуском – «проиграл до копейки» [8, с. 83] общественные деньги, около семисот рублей. Лара, живущая у Кологривовых в качестве воспитательницы, занимает для него деньги у хозяев. «Ей хотелось бежать куда глаза глядят <...> но по понятиям Лары для этого надо было вернуть Кологривовым деньги, а взять их в данное время ей было неоткуда. Она чувствовала себя заложницей по вине этой глупой Родькиной растраты...» [8, с. 86]. Мы сравнивали этот момент в «Докторе Живаго» с эпизодом из «Преступления и наказания», где Дуня берет вперед жалование у Свидригайловых, чтобы послать деньги брату, и также не может из-за этого уйти от хозяев [13], но там отсутствует мотив легкомыслия. Тем не менее, здесь тот случай, когда отсылки к разным произведениям накладываются друг на друга. Данный случай интересен и тем, что два претекста – произведения Достоевского – содержат автоинтертекст.

Можно отметить и случаи абсолютно формальных переключек. Например: «– **Смертью уморите** вы маменьку-с, – кричала она [Перепелицына] дяде, – **смертью уморят-с!**» [6, с. 173]. Ср.: «**Я его смертию изведу, нечистую силу**» [8, с. 29], – говорит Оля Демина Ларе о собаке Комаровского. Видимо, к подобным формальным переключкам следует отнести и

рассмотренное выше сходство реплик Живаго и Фомы Опискина.

К формальным же переключкам нужно отнести и совпадение некоторых имен собственных. Так, Ежевикин носит имя *Евграф*, причем в одном из эпизодов Ростанев обращается к нему *брат Евграф*: «– Ну что, **брат Евграф** Ларионыч, что там, у вас, нового? – спросил дядя и крепко ударил его по плечу...» [6, с. 64]; «Зарапоровался ты, **брат Евграф**, – поддакнул дядя...» [6, с. 65]. Сравним: «И сваливается, как с облаков, **брат Евграф**» [8, с. 323]; «Может быть <...> роль этой благодетельной и скрытой пружины играет в моей жизни мой **брат Евграф**?» [8, с. 323]. Фамильное обращение приобретает в младшем тексте прямой смысл.

Наложение претекстов, о котором говорилось выше, проявляется и в использовании имен, несущих разные ассоциации. (На интертекстуальность имен в «Докторе Живаго» исследователи всегда обращали внимание. См., например, [7].) Отметим имя *Агафья*, которое в повести Достоевского носит генеральша Крахоткина – оно упоминается только один раз: «– Ах!.. – вскрикнула генеральша и покатила в изнеможении на диван. – Голубчик мой, **Агафья** Тимофеевна, ангел мой! – кричала Анфиса Петровна, – возмите мой флакон!» [6, с. 71]. В «Докторе Живаго» есть два персонажа с таким именем: жена Памфила Палых и жена Маркела. «Солдатка Кубариха заговаривала больную корову Палихи, Памфиловой жены **Агафьи** Фотиевны...» [8, с. 407]; «Перед печью, засучив рукава до локтя, стояла Маркелова жена **Агафья** Тихоновна...» [8, с. 534]. Во втором случае главная ассоциация – с «Женитьбой» Н. В. Гоголя, однако, в свете большого количества отсылок к «Селу Степанчикову», не будем игнорировать и Крахоткину.

Хрестоматийную ассоциацию в первую очередь с романом М. Горького «Мать» несут имя и отчество Тягуновой – *Пелагея Ниловна*. «– Как это не знали? Пелагею **Ниловну**! С нами ехала. Тягунова» [8, с. 527]. Естественно, то же отчество и у ее сестры Ольги Галузиной. «Мамочка Ольга **Ниловна**, дайте я растегну» [8, с. 353]. В повести же Достоевского отчество *Ниловна* имеет девица Перепелицына: «Это все проделки Анны **Ниловны**, вот этой Перепелицыной...» [6, с. 116].

Отметим и имя *Аграфена*. В повести Достоевского происходит такой диалог Сергея с лакеем Видоплясовым: «Так этот галстук аделаидина цвета? – спросил я, строго посмотрев на молодого лакея. – Аделаидина-с, – отвечал он с невозмутимой деликатностью. – А **аграфенина** цвета нет? – Нет-с. Такого и быть не может-с. – Это почему? – Неприличное имя **Аграфена-с**. – Как неприличное?

почему? – Известно-с; Аделаида, по крайней мере, иностранное имя, облагороженное-с; а **Аграфеной** могут называть всякую последнюю бабу-с» [6, с. 51]. Имя Аграфена носят в «Докторе Живаго» два эпизодических персонажа: горничная у Громеко («На пороге зала стояла **Аграфена** Егоровна, старая седая горничная семьи Громеко» [8, с. 65]) и старшая из сестер Тунцевых, мать Ливерия («**Аграфена** Севериновна, вообще болезненная, не вынесла удара...» [8, с. 295]; заметим, что в той же главе имя матери Ливерия употребляется и в варианте Агриппина). То есть роль отсылок подчас чисто формальная, структурная: элементы претекста выполняют функцию строительного материала.

Стрельников, «ложный змеборец», носит имя *Павел*, как и Обноскин в повести Достоевского – также «ложный змеборец». Разумеется, это имя настолько распространено, что отсылка остается под сомнением, но так, видимо, и должно быть (отметим, однако, революционера *Павла* Власова, героя романа М. Горького «Мать» и красноармейца *Павла* Корчагина, героя романа Н. Островского «Как закалялась сталь»; оба произведения были в советскую эпоху тем, что принято называть **сильными** текстами). Еще более распространено имя *Саша*, *Сашенька* – сына Живаго и Тони зовут так же, как и дочь Ростанева. Имя в обоих произведениях употребляется и в других – несовпадающих – вариантах, тем более, что в одном случае оно принадлежит мальчику (*Шура*, *Шурочка*, *Александр*), в другом – девочке-подростку (*Сашурка*, *Александра Егоровна*).

Как наложение претекстов друг на друга, так и неоднозначность конкретных отсылок (отсутствие единственного и однозначного адреса их), видимо, принципиальны для «Доктора Живаго». Каждая цитата (в широком смысле) оказывается **полигенетической**. Так в романе воплощается идея «связности человеческих существований, уверенность в их переходе одного в другое» [8, с. 18], «необъятно тождествен[ой] жизни[i]», которая «ежесекундно обновляется в неисчислимых сочетаниях и превращениях» [8, с. 77].

Библиографический список

1. Баевский, В. С. Темы и вариации. Об историко-культурном контексте поэзии Б. Пастернака [Текст] / В. С. Баевский // Вопросы литературы. – 1987. – № 10. – С. 30-59.
2. Баранович-Поливанова, А. А. «Мирами правит жалость...»: К нескольким параллелям в романах «Доктор Живаго» и «Идиот» [Текст] / А. А. Баранович-Поливанова // Пастернаковский сборник: статьи и публикации. – М.: РГГУ, 2011. – С. 245-272.

3. Буров, С. Г. «Вечный муж» Ф. М. Достоевского в «Докторе Живаго» Б. Л. Пастернака [Текст] / С. Г. Буров // Синергетика образования: Межвуз. сб. – М., Ростов-н/Д., 2008. – С. 337-344.

4. Власов, А. С. «Стихотворения Юрия Живаго». Значение поэтического цикла в общем контексте романа Б. Л. Пастернака [Текст] / А. С. Власов // Литература в школе. – 2001. – № 8. – С. 2-8.

5. Горелик, Л. Л. «Миф о творчестве» в прозе и стихах Бориса Пастернака [Текст] / Л. Л. Горелик. – М.: РГГУ, 2011. – 370 с.

6. Достоевский, Ф. М. Село Степанчиково и его обитатели [Текст] / Ф. М. Достоевский. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. – 635 с.

7. Кондаков, И. В. Роман «Доктор Живаго» в свете традиций русской культуры [Текст] / И. В. Кондаков // Известия АН СССР. Сер. литер. и языка. – 1990. – № 6. – С. 527-540.

8. Пастернак, Б. Л. Доктор Живаго [Текст]: роман / Б. Л. Пастернак. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 702 с.

9. Седакова, О. «Неудавшаяся Епифания»: два христианских романа – «Идиот» и «Доктор Живаго» [Текст] / О. Седакова // Континент. – 2002. – № 2. – С. 376-384.

10. Смирнов, И. П. Порождение интертекста (элементы интертекстуального анализа с примерами из творчества Б. Л. Пастернака) [Текст] / И. П. Смирнов. – СПб., 1995. – 191 с.

11. Смирнов, И. П. Роман тайн «Доктор Живаго» [Текст] / И. П. Смирнов. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 205 с.

12. Суханова, И. А. Своеобразие текстовых переключек романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» с повестью Ф. М. Достоевского «Село Степанчиково и его обитатели» [Текст] / И. А. Суханова // Верхневолжский филологический вестник. – 2018. – № 3. – С. 107-113.

13. Суханова, И. А. Структура текста романа Б. Л. Пастернака «Доктор Живаго» [Текст]: монография / И. А. Суханова. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2005. – 147 с.

14. Фатеева, Н. А. Контрапункт интертекстуальности, или Интертекст в мире текстов [Текст] / Н. А. Фатеева. – М.: Агар, 2000. – 280 с.

15. Bodin P.-A. Nine Poems from Doktor Živago. A Study of Christian Motifs in Boris Pasternak's Poetry [Текст] / P.-A. Bodin. – Stockholm, 1976. – 155 p.

Reference List

1. Baevskij, V. S. Temy i variacii. Ob istoriko-kul'turnom kontekste poezii B. Pasternaka = Subjects and variations. About historical and cultural context of B. Pasternak's poetry [Tekst] / V. S. Baevskij // Voprosy literatury. – 1987. – № 10. – S. 30-59.
2. Baranovich-Polivanova, A. A. «Mirami pravit zhalost'...»: K neskol'kim paraleljam v romanah «Doktor Zhivago» i «Idiot» = «The pity rules the worlds ...»: To several parallels in novels «Doctor Zhivago» and «Idiot» [Tekst] /

A. A. Baranovich-Polivanova // Pasternakovskij sbornik: stat'i i publikacii. – M. : RGGU, 2011. – S. 245-272.

3. Burov, S. G. «Vechnyj muzh» F. M. Dostoevskogo v «Doktore Zhivago» B. L. Pasternaka = F. M. Dostoevsky's «The eternal husband» in B. L. Pasternak's «Doctor Zhivago» [Tekst] / S. G. Burov // Sinergetika obrazovaniya: Mezhevuz. sb. – M., Rostov-n/D., 2008. – S. 337-344.

4. Vlasov, A. S. «Stihotvoreniya Jurija Zhivago». Znachenie pojeticheskogo cikla v obshhem kontekste romana B. L. Pasternaka = «Poems by Yuri Zhivago». Value of a poetic cycle in the general context of B. L. Pasternak's novel [Tekst] / A. S. Vlasov // Literatura v shkole. – 2001. – № 8. – S. 2-8.

5. Gorelik, L. L. «Mif o tvorchestve» v proze i stihah Borisa Pasternaka = «The myth about creativity» in prose and verses by Boris Pasternak [Tekst] / L. L. Gorelik. – M. : RGGU, 2011. – 370 s.

6. Dostoevskij, F. M. Selo Stepanchikovo i ego obitateli = Village of Stepanchikovo and its inhabitants [Tekst] / F. M. Dostoevskij. – M. : OOO «Izdatel'stvo AST», 2004. – 635 s.

7. Kondakov, I. V. Roman «Doktor Zhivago» v svete tradicij russkoj kul'tury = The novel «Doctor Zhivago» in the light of the Russian culture traditions [Tekst] / I. V. Kondakov // Izvestiya AN SSSR. Ser. liter. i jazyka. – 1990. – № 6. – S. 527-540.

8. Pasternak, B. L. Doktor Zhivago = Doctor Zhivago [Tekst] : roman / B. L. Pasternak. – M. : OOO «Izdatel'stvo AST», 2003. – 702 s.

9. Sedakova, O. «Neudavshajasja Epifaniya»: dva hristianskih romana – «Idiot» i «Doktor Zhivago» = «Unfortunate Epiphania»: two Christian novels – «Idiot» and

«Doctor Zhivago» [Tekst] / O. Sedakova // Kontinent. – 2002. – № 2. – S. 376-384.

10. Smirnov, I. P. Porozhdenie interteksta (jelementy intertekstual'nogo analiza s primerami iz tvorchestva B. L. Pasternaka) = Generation of the intertext (elements of the intertextual analysis with examples from B. L. Pasternak's creativity) [Tekst] / I. P. Smirnov. – SPb., 1995. – 191 s.

11. Smirnov, I. P. Roman tajn «Doktor Zhivago» = Novel of secrets «Doctor Zhivago» [Tekst] / I. P. Smirnov. – M. : Novoe literaturnoe obozrenie, 1996. – 205 s.

12. Suhanova, I. A. Svoeobrazie tekstovyh pereklichkek romana B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago» s povest'ju F. M. Dostoevskogo «Selo Stepanchikovo i ego obitateli» = Originality of text musters in B. L. Pasternak's novel «Doctor Zhivago» with the story by F. M. Dostoevsky «The village of Stepanchikovo and its inhabitants» [Tekst] / I. A. Suhanova // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2018. – № 3. – S. 107-113.

13. Suhanova, I. A. Struktura teksta romana B. L. Pasternaka «Doktor Zhivago» = Structure of the text of B. L. Pasternak's novel «Doctor Zhivago» [Tekst] : monografija / I. A. Suhanova. – Jaroslavl' : Izd-vo JaGPU, 2005. – 147 s.

14. Fateeva, N. A. Kontrapunkt intertekstual'nosti, ili Intertekst v mire tekstov = Intertextuality counterpoint, or Intertext in the world of texts [Tekst] / N. A. Fateeva. – M. : Agar, 2000. – 280 s.

15. Bodin P.-A. Nine Poems from Doktor Zhivago. A Study of Christian Motifs in Boris Pasternak's Poetry [Tekst] / P.-A. Bodin. – Stockholm, 1976. – 155 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Ж. К. Гапонова <https://orcid.org/0000-0001-9248-226X>**Семантика слов с префиксоидом *полу-* в русском языке (историко-лексикологический аспект)**

Статья базируется на том положении, что вопросы, касающиеся лингвистической семантики, считаются приоритетными в лингвистике, поскольку значение слова является средством постижения и понимания культуры. Префиксоид *полу-* обладает достаточно большим деривационным и семантическим потенциалом в русском языке на разных этапах его развития, поэтому требует рассмотрения с учетом синхронического и диахронического аспектов анализа языковых единиц. Основываясь на материале различных исторических и современных словарей, автор исследует семантику, сохранность, словообразовательную активность лексем с префиксоидом *полу-* в древнерусском и русском языках. Историко-лексикологический анализ слов с элементом *полу-*, предпринятый в данной статье, показал сохранение степени активности данного элемента в русском языке. На всех этапах развития языка количественно преобладали существительные и прилагательные с префиксоидом *полу-*, однако в современном русском языке возросло (на 16 %) количество глаголов по сравнению с древнерусским периодом развития языка. Активность префиксоида *полу-* подтверждается современными разговорно-жаргонными образованиями, а также большим количеством лексических единиц с элементом *полу-* в русских говорах. Анализируемый префиксоид можно охарактеризовать как регулярный и продуктивный в русском языке, при этом слова, образованные с его помощью, довольно часто становятся участниками деривационных отношений. Рассмотрение лексики на разных временных срезах развития языка показало, что жизнеспособность префиксоида *полу-* не утрачивалась: появлялись новые единицы, фиксирующие в слове реалии того или иного временного периода. Примеры употребления рассматриваемых лексем приводятся из национального корпуса русского языка.

Ключевые слова: префиксоид *полу-*, семантика, история языка, сложное слово, деривация.

Zh. K. Gaponova

Semantics of Words with a Prefixoid *polu-* (half-) in Russian (historical and lexicological aspect)

The article is based on the statement that the questions concerning linguistic semantics are considered as top-priority ones in linguistics as the word meaning is a means for comprehending and understanding of culture. The prefixoid *polu-* (half-) has rather high derivational and semantic potential in Russian at different stages of its development therefore it is necessary to consider it taking into account synchronic and diachronic aspects of the analysis of language units. Based on material of various historical and modern dictionaries, the author investigates semantics, safety, word-formation activity of lexemes with a prefixoid *polu-* in the Old Russian and Russian languages. The historical and lexicological analysis of words with the element *polu-* undertaken in this article, showed preservation of the degree of this element activity in Russian. At all stages of development of language nouns and adjectives with a prefixoid *polu-* quantitatively prevailed – however in modern Russian the quantity of verbs in comparison with the Old Russian period of language development increased (by 16 %). The activity of a prefixoid *polu-* is confirmed by modern colloquial and slangy formations and also a large number of lexical units with the element *polu-* in the Russian dialects. The analyzed prefixoid can be characterized as regular and productive in Russian, at the same time the words formed with its help quite often become participants of the derivational relations. Consideration of the lexicon in different temporary cuts of language development showed that the viability of the prefixoid *polu-* was not lost: new units appeared fixing in the word of reality of this or that temporary period. Examples of the use of the considered lexemes are given from the Russian National Corpus.

Keywords: the prefixoid *polu-*, semantics, language history, a compound word, derivation.

Вопросы, касающиеся лингвистической семантики, всегда вызывали интерес со стороны филологов, считались и продолжают считаться приоритетными в лингвистике. «Изменения смысловой структуры слова, вызванные языковыми и внеязыковыми факторами развития языка» [7, с. 4] требуют рассмотрения лексической семантики на временной оси русского языка, то есть с учетом синхронического и диахронического аспектов анализа языковых единиц. Так, например, Г. В. Судаков предлагает несколько критериев сравнительного изучения лексических групп

и отдельных лексем для определения характера и направления лексико-семантических и стилистических изменений [20, с. 68].

Современными словарями русского языка фиксируется более 200 лексических единиц с начальным компонентом *полу-*. Большое количество производных с указанным элементом свидетельствует о необходимости его рассмотрения в «человеческом измерении», как факт социального предпочтения для познания и коммуникации» [21, с. 7]. Возникает

закономерный вопрос: всегда ли префиксоид *полу-* был активен в русском языке?

Среди лингвистов нет единого мнения по поводу вопроса о трактовке начального элемента *полу-* в словах: встречаются такие варианты, как *препозитивная морфема, префиксоид, полупрефикс, словоэлемент, субпрефикс* и др. В данной статье мы будем пользоваться термином *префиксоид*, поскольку считаем, что элемент *полу-* можно классифицировать как регулярный продуктивный словообразовательный элемент, образующий новые слова, значение которых трансформируется под его воздействием. Кроме того, в отличие от любой приставки носители русского языка воспринимают этот элемент как обладающий определенным самостоятельным значением, не утратившим в большинстве случаев связи с лексемой *половина*.

Префиксоид *полу-*, по мнению некоторых лингвистов, рассматривается как вариант морфемы *пол-* (*пол-/полу-* относят к одной морфеме, в частности В. Черепанов, А. Теленкова). Н. Пирого считает, что тождественность *пол-/полу-* может быть подвергнута сомнению [14, с. 180]. Автор обосновывает свое мнение тем, что слова с компонентом *полу-* обладают полной парадигмой падежных и числовых форм, то есть изменяются как обычные префиксальные слова (или сложения с первым несамостоятельным компонентом). «Часть *полу-* ведет себя действительно как префикс(оид), не меняя морфологических свойств базовой основы. Присоединяется ко всем полнозначным частям речи» [14, с. 180].

В данной статье мы остановимся на семантике компонента *полу-* в русском языке, а также на степени активности анализируемого префиксоида в разные исторические периоды развития языка.

Отдельно следует отметить, что компонент *полу-* достаточно продуктивен не только в литературном языке, но и в русских, в том числе ярославских, говорах, что, безусловно, свидетельствует о его древнейшем характере.

Современные словари русского языка фиксируют, как правило, три значения, которые вносит в сложные слова первая часть *полу-*: 1) ‘половина того, что обозначено второй частью, в половинном размере’; 2) ‘наполовину, пополам с чем-либо другим’; 3) ‘не совсем, не до конца, почти’ [1, с. 531-573]. Однако обращение к словарям, фиксирующим лексику Древней Руси, показывает явную асимметрию в количестве значений у префиксоида *полу-* в XI–XVII вв.: 1) ‘точная или приближительная половина чего-либо, преимущественно единиц измерения, единиц обложения, денежных единиц’; 2) ‘середина чего-либо, имеющая определенную временную или

пространственную протяженность’; 3) ‘незначительность размеров чего-либо, сокращенность, усредненность чего-либо’; 4) ‘неполнота образования целого, неполнота цикличности, незавершенность перехода в другое состояние’; 5) ‘подобие при более низком качестве, меньших размерах, сниженной интенсивности проявления каких-либо свойств, качеств, более простом устройстве чего-либо’; 6) ‘лицо, занимающее второе место после главного в таблице о рангах, в сословной иерархии, наделенное в соответствии с этим определенными полномочиями и правами’ [17, с. 259]. Согласно данным словарей наблюдается большая детализация и конкретизация значений префиксоида *полу-* в древнерусском языке вплоть до языка Петровской эпохи.

Проанализируем, какие из компонентов значения словообразовательного элемента *полу-* были утрачены или подверглись трансформации.

Лексемы, представленные в Словаре русского языка XI–XVII в., можно разделить на 6 групп, в зависимости от выделенных семантических компонентов:

1) *полуаршинный, полубочек, полуведерник, полувирье, полуворота, полувытное, полугривенный, полуденежный, полужобение, полукадие, полукбелие, полулавка, полумерье, полунива, полуполтинник, полупудный, полупудовый, полусаженный, полуспудие;*

2) *полугодие, полуденье, полужорный, полуночь, полусорочины;*

3) *полубеременная (бочка), полуимя, полукафтан, полумантия, полупика, полусловица, полутелогрейка, полушуба;*

4) *полугнिति, полумесяц, полумертвый, полусмерть;*

5) *полуалександрия, полуанглинский, полуатлас, полуатласье, полубадана, полубайдана, полубаданье, полубарбарель, полубрак, полубрюкиш, полубусье, полувешнячье, полуглас, полуголени, полужатинный, полужвательный, полукамка, полужкармазин, полужкисея, полужкрупитчатый, полужключье, полужковерье, полужкодолье, полужлец, полужмиска, полужмиткальный, полужприбойный, полужполный, полужрыбник, полужсайка, полужсиний, полужсенчатый, полужсловица, полужстопье, полужустав, полужчистый, полужучастковый, полужчеканный, полужшарлат, полужшелковица;*

6) *полужбоярин, полужголова, полуждвоеженец, полужмастер, полужполковник и другие.*

Некоторые из слов с префиксоидом *полу-* стали производящими, например: *полудвор* → *полудворник*, *полумера* → *полумерник*, *полушуба* → *полушубок*, *полуатлас* → *полуатласье*, *полубархат* → *полубархатный*, *полукарета* → *полукаретка*, *полужбоярин* → *полужбояринов*, *полужполковник* → *полужполковничий* и т. п. Деривация отмечается среди

именных частей речи. При этом наблюдается преобладание суффиксальной аффиксации, довольно традиционной для русского языка с точки зрения словообразовательных моделей.

Среди более 250 слов, к которым в указанный период присоединяется префиксоид *полу-*, отмечаются прежде всего существительные (около 68 %), прилагательные (около 30 %), глаголы (2 %). Самый распространенный семантический компонент префиксоида *полу-* – сема ‘половина единицы измерения’. Данные наименования отражают специфику древнерусской картины мира того периода, когда еще не были приняты международные единицы измерения. Семантические компоненты ‘указание на более низкое качество’, ‘указание на меньший размер’ свидетельствуют о важности признаков характеристик в отражении явлений действительности.

Среди древнерусских лексем преобладали названия единиц меры (*полубочка, полумех, полуосмина, полушестина* и др.), одежды (*полукафтан, полутелогрейка, полушуба* и др.), материалов/ткани (*полуаксамит, полубайка, полушарлат* и др.), оружия (*полупика, полупистоль*). В Петровскую эпоху отмечаются названия транспорта, в том числе судов (*полукаторгина, полукаторжье, полубарка, полукорабелье, полукарета*). Кроме того, слова с префиксоидом *полу-* обозначали различные предметы быта, имеющие небольшой размер (*полуключье, полуковерье, полумиска*). Единичны собирательные существительные (*полуказачье, полужвательство*).

Некоторые слова древнерусского языка интересны с точки зрения лексической семантики, например, прилагательное *полутроебрачный*, употребляющееся в значении существительного – ‘о мужчине, вступающем во второй брак с вдовой’ – сочетает в своей морфемной структуре 2 компонента с числовым значением (*полу-, трое*): «*И того прошло 183-го году Коломны и Коломенского уезду отроков и новоявленных... и двоебрачных, и полутроебрачных, и троебрачных...*» (орфография упрощена) [17, с. 274].

В современном русском языке представлено более 200 наименований с первой частью *полу-*, о значении которой упоминалось выше. Некоторые из них бытуют еще с древнерусского периода, поскольку, как мы выяснили, модель образования слов с помощью префиксоида *полу-* была довольно продуктивной. Они сохраняют первоначальную семантику половины чего-либо, преимущественно единиц измерения (*полуведерный, полуаршинный*), но в большинстве своем язык не утратил лексемы, обозначающие середину чего-либо, имеющую определенную временную или пространственную протяженность: *полугодие* (производные: *полугодичный, полугодовой*,

полугодовой), *полугодок, полуденный, полуночный, полувековой* и др. Однако русский язык обновил большинство сложных лексем с первой частью *полу-*. Неактуальными стали многочисленные наименования единиц меры, некоторые названия одежды, материалов, наименования лиц, наделенных определенными полномочиями и правами. Так, на смену большинству наименований одежды и обуви (за исключением, пожалуй, слова *полушубок*) с элементом *полу-* пришли другие, отражающие моду и вкус эпохи: *полупальто, полушалок, полуперчатки, полусапожки, полуботинки*; ср. в XVIII–XIX вв. – *полуфрак, полуфрачок*. Появились слова, называющие различные признаковые характеристики людей, предметов, явлений из разных сфер жизни человека: *полубольной, полуголодный, полуголый, полудетский, полуглухой, полудеревенский, полугородской, полудрагоценный, полувоздушный* и другие. Многие из лексем с префиксоидом *полу-* появлялись вслед за реалиями той или иной эпохи. Например, в середине 60-х годов XX века в связи с развитием науки, промышленности, культуры входят в активное употребление такие слова, как *полугусеничный, полуглиссер, полупромышленный, полусинтетический, полуфиналист* [12, с. 358-359]. При этом существительное *полуфиналист* сначала употреблялось только по отношению к участникам спортивных соревнований, вышедших в полуфинал. В течение XX века мы наблюдаем процесс расширения семантики указанного слова: теперь *полуфиналистом* называют участника любого конкурса, состязания, соревнования, который прошел в полуфинал: «*Несколько минут назад закончился очередной выпуск шоу «Голос». Наставники и зрители выбрали полуфиналистов этого сезона*» (Passion.ru); «*Если участник из числа приглашенных в финал, не выполнит задание «Сердце лидера», его ждет дисквалификация. Тогда в финал будет приглашен полуфиналист, который выполнил это условие Конкурса, из листа ожидания*» (newsfast.ru); «*Затем у полуфиналистов будет возможность доработать свои проекты с учетом новых знаний и выслать заявку на второй этап конкурса*» (yaroslav1.bezformata.com).

Наряду со словами с префиксоидом *полу-*, называющими конкретные реалии повседневной жизни человека (*полукеды, полукомбинезон, полулюкс, полуплатформа* и т. п.), в 70-ые годы XX века стали активно употребляться существительные, характеризующие низкий/недостаточный уровень культуры, литературы, науки, например: *полузнание, полукультура, полулитература, полуобразованность* [13, с. 534-535]. Примеры употребления рассматриваемых дериватов приводятся из национального корпуса русского языка: «*Полузнание,*

по большей части, хуже невежества. Недоучки и полужайки – самые вредные люди» (Б. Г. Островский. Адмирал Макаров. 1949-1955); «Применительно к России в ходу было также выражение „полукultura“ (Halbkultur), в которое могло вкладываться различное понимание — от признания движения России в сторону культуры до утверждения ее неполноценности по сравнению с настоящей, «полной» культурой» (Александр Медяков. «Ру Ку», или образ русских на немецких открытках Первой мировой // «Родина», 2011); «Во-вторых, довольно решительно высказалась о псевдо- и полулитературе» (Литературная газета. 1976. № 5); «Так вот, твоя **полуобразованность** толкает тебя в ерничество, в подзуживание, в недовольство действительным и разумным» (Владимир Корнилов. Демобилизация. 1969-1971) [8]. Вместе с существительными в язык приходят и прилагательные (например: *полудокументальный, полудетективный, полунинтуитивный*), указывающие на признаки новых явлений.

Отдельно следует отметить, что в современном русском языке возросло количество глаголов с префиксоидом *полу-*: в древнерусском языке было не больше 2 %, в настоящее время – 18 % (с учетом видовых коррелятов) от общего количество проанализированных нами слов (*полудрема́ть, полузаду́шить, полужакрыва́ть, полужаноси́ть, полужасыпа́ть, полужатопи́ть, полужатону́ть, полужележа́ть, полужобгора́ть, полужобвали́ться, полужобня́ться, полужослепля́ть, полужоторва́ть, полужа́збить* и др.). Соответственно, от глаголов с префиксоидом *полу-* в языке стали употребляться причастия: *полужаду́шенный, полужанесе́нный, полужобгореви́ший, полужослепи́ший, полужазвали́вшийся* и др.

Активность префиксоида *полу-* подтверждается и современными разговорно-жаргонными образованиями: *полудух, полумух, полуось, полупокер, полупчелка, полупарие*. В большинстве из них сохраняются значения префиксоида ‘середина’ (*полудух* – ‘солдат, прослуживший более одного года службы, но не переведенный в другую воинскую касту за подлый характер’: «Некоторые остаются полудухами. Это те, кто слишком прогибались»), ‘подобие’ (*полуось, полумух, полупчелка* – ‘операционная система OS/2’: «Полумух стал часто глючить»), ‘половина’ (*полупарие* – ‘половина академической пары в вузе’) [2, с. 417; 10, с. 635].

Несмотря на однообразие выделения и описания семантических компонентов префиксоида *полу-* в большинстве современных словарей могут наблюдаться сомнения относительно четкого распределения некоторых лексем в соответствии с тем

или иным компонентом значения. Так, например, в «Толковом словаре русского языка с включением сведений о происхождении слов» под редакцией Н. Ю. Шведовой выделяется четвертый семантический компонент префиксоида *полу-* – ‘с признаками двух разных свойств или пород’ (*полукочевник, полусобака-полуволок, полуноша-полутропик, полушерстяной*) [22, с. 690-692].

Таким образом, даже беглое рассмотрение лексики на разных временных срезах истории языка показывает, что жизнеспособность префиксоида *полу-* не утрачивалась: появлялись новые единицы, фиксирующие в слове реалии того или иного временного периода. Следовательно, префиксоид *полу-* можно охарактеризовать как регулярный и продуктивный в русском языке. Кроме того, слова, образованные с помощью префиксоида *полу-*, довольно часто становятся участниками деривационных отношений: 1) от существительных с элементом *полу-* образуются прилагательные (*полуавтоматический, полубредовой, полувальный, полуподвальный, полуостровной, полукустарниковый, полувековой, полудремотный, полупроводниковый, полупустынный, полуротный, полусонный, полусферический, полужинальный* и др.); 2) единичны случаи образования существительных с префиксоидом *полу-* от существительных (*полузащитник, полукустарничек (спец.), полунинтеллигентность*); 3) от прилагательных с элементом *полу-* образуются существительные (*полудикарь, полужабытье, полукочевник, полутемнота* и др.). При этом не всегда прилагательное с префиксоидом *полу-* в русском языке соотносится с аналогичным существительным (ср. *государство – государственный, полугосударство – полугосударственный*), например: *безработный – безработица*, но для *полубезработный* наблюдается лексическая «лакуна»; *воздух – воздушный*, но соотносимое с прилагательным *полувоздушный* существительное отсутствует.

Рассматривая динамику развития слов с префиксоидом *полу-*, мы можем говорить об утрате отдельных лексем и появлении в языке новых слов, при этом по сравнению с языком периода XI–XVII в. стало нецелесообразно включать в словари современного русского языка такие компоненты значения, как ‘небольшой размер’ (язык сохранил лишь единичные лексемы *полубарка, полубаркас*), ‘лицо, занимающее второе место после главного в таблице о рангах, в сословной иерархии, наделенное в соответствии с этим определенными полномочиями и правами’ (в современном русском языке не сохранилось слов с наличием в значении указанной семы). Русские говоры сохраняют многие значения префиксоида *полу-*,

которые были известны в древнерусском языке, чему будут посвящены другие наши публикации.

Библиографический список

1. Большой академический словарь русского языка [Текст] : в 30 т. Том 18 (Подлещ – Порой) / РАН ИЛИ. – М.; СПб. : Наука, 2011. – С. 531-573.
2. Грачев, М. А. Словарь современного молодежного жаргона [Текст] / М. А. Грачев. – М. : Эксмо, 2006. – С. 417.
3. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка: Толково-словообразовательный. В 2-х т. [Текст] / Т. Ф. Ефремова. – М., 2000.
4. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства [Текст] // Русский язык конца XX столетия. – М., 2000.
5. Зенкин, С. Культурология префиксов [Текст] // Новое литературное обозрение. – 1995. – № 16. – С. 47-53.
6. Кобозева, И. М. Лингвистическая семантика [Текст] / И. М. Кобозева. – М., 2004. – 352 с.
7. Маркова, Е. М. Семантическая эволюция праславянской лексики (на материале имен существительных) [Текст] : монография / Е. М. Маркова. – М. : МГОУ, 2014. – 312 с.
8. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.
9. Неганова, Г. Д. Ландшафтная лексика в пространстве культурного ландшафта: сложные слова с начальным компонентом пол-/полу- [Текст] // Вестник костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2015. – Т. 21. – № 6. – С. 104-106.
10. Никитина, Т. Г. Молодежный сленг: толковый словарь [Текст] / Т. Г. Никитина. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Астрель, 2009. – С. 635.
11. Николина, Н. А. Лексикализация морфем в современном русском языке [Текст] // Актуальные проблемы современной русистики: Тезисы докладов III региональной научно-практической конференции. – Киров, 1996.
12. Новые слова и значения : Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов [Текст] / под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. – М., 1973. – С. 359-360.
13. Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов [Текст] / под ред. Н. З. Котеловой. – М., 1984. – С. 532-536.
14. Пирого, Н. Г. Семантические, словообразовательные и орфографические особенности слов с пол-, полу- [Текст] // Вісник дніпропетровського університету імені альфреда нобеля. Серія «Філологічні науки». – 2013. – № 1 (5). – С. 177-183.
15. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) [Текст]. Т. 7: (поклепанъ – прашоуръ) / гл. ред. В. Б. Крысько. – М. : Рус. яз, 2004. – С. 93-107.
16. Словарь русского языка [Текст] : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. – Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Рус. яз., 1981-1984.
17. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 16. [Текст]. – М. : Наука, 1990. – С. 259-279.
18. Словарь современного русского литературного языка [Текст] : В 17 т. – Т. X. – М.-Л., 1961.
19. Срезневский, И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам [Текст] : в 3 т. / И. И. Срезневский. – СПб. : Тип. Император. Акад. наук, 1912.
20. Судаков, Г. В. История лексических групп в славянских языках: перспективы сравнительно-сопоставительных исследований [Текст] // Верхневолжский филологический вестник. – 2019. – № 1 (16). – С. 67-71.
21. Сулименко, Н. Е. Современный русский язык. Слово в курсе лексикологии [Текст] / Н. Е. Сулименко. – М. : Наука : Флинта, 2006. – С. 7.
22. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов [Текст] / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2011.

Reference List

1. Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka = Great Academy dictionary of Russian [Tekst] : v 30 t. Tom 18 (Podleshh – Poroj) / RAN ILI. – M.; SPb. : Nauka, 2011. – S. 531-573.
2. Grachev, M. A. Slovar' sovremennogo molodezhnogo zhargona = Dictionary of modern youth slang [Tekst] / M. A. Grachev. – M. : Jeksmo, 2006. – S. 417.
3. Efremova, T. F. Novyj slovar' russkogo jazyka: Tolkovno-slovoobrazovatel'nyj. V 2-h t. = New dictionary of Russian: Sensible and word-formation. In 2 v. [Tekst] / T. F. Efremova. – M., 2000.
4. Zemskaja, E. A. Aktivnye processy sovremennogo slovoпроизводства = Active processes of modern word fotation [Tekst] // Russkij jazyk konca XX stoletija. – M., 2000.
5. Zenkin, S. Kul'turologija prefiksov = Culturology of prefixes [Tekst] // Novoe literaturnoe obozrenie. – 1995. – № 16. – S. 47-53.
6. Kobozeva, I. M. Lingvisticheskaja semantika = Linguistic semantics [Tekst] / I. M. Kobozeva. – M., 2004. – 352 s.
7. Markova, E. M. Semanticheskaja jevoljucija praslavjanskij leksiki (na materiale imen sushhestvitel'nyh) = Semantic evolution of Common Slavic lexicon (on material of nouns) [Tekst] : monografija / E. M. Markova. – M. : MGOU, 2014. – 312 s.
8. Nacional'nyj korpus russkogo jazyka = Russian National Corpus [Jelektronnyj resurs]. – URL: <http://www.ruscorpora.ru/search-main.html>.
9. Neganova, G. D. Landshaftnaja leksika v prostanstve kul'turnogo landshafta: slozhnye slova s nachal'nym komponentom pol-/polu- = Landscape lexicon in space of cultural landscape: compound words with an initial component pol- / polu- (half-) [Tekst] // Vestnik

kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. – 2015. – Т. 21. – № 6. – С. 104-106.

10. Nikitina, T. G. Molodezhnyj sleng: tolkovyj slovar' = Youth slang: explanatory dictionary [Tekst] / T. G. Nikitina. – 2-e izd., ispr. i dop. – М.: Astrel', 2009. – С. 635.

11. Nikolina, N. A. Leksikalizacija morfem v sovremennom russkom jazyke = Lexicalization of morphemes in modern Russian [Tekst] // Aktual'nye problemy sovremennoj rusistiki: Tezisy dokladov III regional'noj nauchno-prakticheskoy konferencii. – Kirov, 1996.

12. Novye slova i znachenija: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 60-h godov = New words and values: The dictionary reference on materials of the press and literature of the 60-s [Tekst] / pod red. N. Z. Kotelovoj i Ju. S. Sorokina. – М., 1973. – С. 359-360.

13. Novye slova i znachenija: Slovar'-spravochnik po materialam pressy i literatury 70-h godov = New words and meanings: The dictionary reference on materials of the press and literature of the 70-s [Tekst] / pod red. N. Z. Kotelovoj. – М., 1984. – С. 532-536.

14. Piroga, N. G. Semanticheskie, slovoobrazovatel'nye i orfograficheskie osobennosti slov s pol-, polu- = Semantic, word-formation and spelling features of words with pol-, polu- (half-) [Tekst] // Visnik dnipropeetrovs'kogo universitetu imeni al'freda nobelja. Serija «Filologichni nauki». – 2013. – № 1 (5). – С. 177-183.

15. Slovar' drevnerusskogo jazyka (XI–XIV vv.) = Dictionary of Old Russian language (the XI–XIV centuries) [Tekst]. Т. 7: (poklepan# – prashhour#) / gl. red. V. B. Krys'ko. – М.: Rus. jaz, 2004. – С. 93-107.

16. Slovar' russkogo jazyka = Dictionary of Russian [Tekst] : v 4 t. / pod red. A. P. Evgen'evoj. – Izd. 2-e, ispr. i dop. – М.: Rus. jaz., 1981-1984.

17. Slovar' russkogo jazyka XI–XVII vv. = Dictionary of Russian of the XI–XVII centuries. Vyp. 16. [Tekst]. – М.: Nauka, 1990. – С. 259-279.

18. Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo jazyka = Dictionary of the modern Russian literary language [Tekst] : V 17 t. – Т. X. – М.-Л., 1961.

19. Sreznevskij, I. I. Materialy dlja slovarja drevnerusskogo jazyka po pis'mennym pamjatnikam = Materials for the dictionary of Old Russian language on written monuments [Tekst] : v 3 t. / I. I. Sreznevskij. – SPb.: Tip. Imperator. Akad. nauk, 1912.

20. Sudakov, G. V. Istorija leksicheskikh grupp v slavjanskix jazykah: perspektivy sravnitel'no-sopostavitel'nyh issledovanij = History of lexical groups in Slavic languages: prospects of relative and comparative researches [Tekst] // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2019. – № 1 (16). – С. 67-71.

21. Sulimenko, N. E. Sovremennij russkij jazyk. Slovo v kurse leksikologii = Modern Russian. The word in course of lexicology [Tekst] / N. E. Sulimenko. – М.: Nauka : Flinta, 2006. – С. 7.

22. Tolkovyj slovar' russkogo jazyka s vključeniem svedenij o proishozhdenii slov = The explanatory dictionary of Russian with inclusion of data on origin of words [Tekst] / otv. red. N. Ju. Shvedova. – М.: Azbukovnik, 2011.

Дата поступления статьи в редакцию: 21.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Р. В. Разумов <https://orcid.org/0000-0001-9878-2271>

Онимическая ситуация в дореволюционных системах урбанонимов провинциальных городов Ярославской области

Статья выполнена в рамках социоономастики – нового гибридного направления, формирующегося на стыке ономастики и социолингвистики. Статья посвящена рассмотрению термина *онимическая ситуация*, прослеживается его история в отечественной и зарубежной ономастике. Автор отмечает, что до настоящего времени не было предложено развернутого определения термина. Под онимической ситуацией предложено понимать совокупность онимов и вариантов онимов, обслуживающих отдельный социум или несколько социумов в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенного территориально-административного образования. Автор предлагает методику исследования онимических ситуаций в городской среде: изучение состава онимов, обслуживающих город, соотношения процессов искусственной / естественной номинации, принципов номинации объектов. На основе предложенной методики проведено описание особенностей онимических ситуаций в городах Ярославской области двух исторических эпох: конца XVIII – начала XIX в. в. и начала XX века. Автор отмечает, что в первый период в рассматриваемых городах преобладали названия, возникшие в результате процессов естественной номинации объектов. В начале XX века в урбанонимии появились первые случаи искусственной номинации объектов, которые привели к созданию первых меморативов, увековечивавших память об известных людях. Особенно много подобных примеров отмечено в Рыбинске. Первоначально дескриптивные названия являлись ориентирами, помогавшими горожанам в перемещениях в пространстве. К началу XX века подобные урбанонимы постепенно утрачивают свои идентификационные возможности: определить по ним точное местоположение объекта становится сложно. Это свидетельствует о превращении названий в городские знаки, лишенные какой-либо внутренней формы. Автор статьи отмечает, что выявленные особенности предопределили дальнейшее развитие систем городских названий в XX веке.

Ключевые слова: ономастика; социолингвистика; социоономастика; городской ономастикон, онимическая ситуация, урбаноним.

R. V. Razumov

Onymic Situation in the Pre-Revolutionary Systems of Urbanonyms of the Yaroslavl Region Provincial Towns

The article is executed within socioonomastics – a new hybrid direction which is formed at the interface of onomastics and sociolinguistics. The article is devoted to consideration of the term *an onymic situation*, its history is traced in domestic and foreign onomastics. The author notes that so far the developed definition of the term has not offered. It is offered to understand an onymic situation as a set of onyms and options of the onyms serving a certain society or several societies in their territorial and social relationship and functional interaction in borders of a certain territorial and administrative formation. The author offers a technique to research onymic situations in the urban environment: studying of the onym structure serving the city, the ratio of processes of the artificial / natural nomination, the principles of the object nomination. On the basis of the offered technique the description of features of the onymic situations is carried out in the towns of the Yaroslavl region of two historical eras: the end of the XVIII – the beginning of the XIX century and the beginning of the XX century. The author notes that during the first period in the considered towns the names prevailed which resulted from processes of the natural nomination of objects. At the beginning of the XX century in urbanonymy there were first cases of the artificial nomination of objects which led to creation of the first memoratives immortalizing the memory of the famous people. Especially a lot of such examples are noted in Rybinsk. Originally descriptive names were reference points helping citizens with movements in space. By the beginning of the XX century similar urbanonyms gradually lose identification opportunities: it becomes difficult to determine exact location of an object with their help. It demonstrates transformation of names into the town signs deprived of any internal form. The author of the article notes that the revealed features predetermined further development of systems of town names in the XX century.

Keywords: onomastics; sociolinguistics; socioonomastics; town onomasticon, onymic situation, urbanonym.

1. Введение

В настоящее время в российской ономастике увеличивается количество интегративных исследований, совмещающих собственно ономастические подходы к анализу собственных имен

с достижениями других наук: психологии, культурологии, когнитивистики и т. д. Одним из новых междисциплинарных научных направлений является *социоономастика*, позволяющая совместить

теоретические установки ономастики и социолингвистики.

Социоономастика как самостоятельное направление исследований начала формироваться в зарубежной ономастике, где она получила широкое распространение. Показательно включение в учебник «The Oxford Handbook of Names and Naming» [25] отдельной части, посвященной рассмотрению различных социоономастических проблем. В подробной рецензии на это издание С. О. Горяев и Д. В. Спиридонов [6] указывают: «автор (Терхи Айниала – Р. В.) справедливо отмечает, что <...> в большей степени изученной оказывается сельская топонимия, тогда как и городская топонимия, и антропонимия все еще нуждаются в комплексном рассмотрении, а в одном из наиболее перспективных направлений исследования – анализе коммерческих имен – сделаны только первые шаги» [6, с. 209]. Заметим, что в российской ономастике мы наблюдаем иную картину: наиболее изученной в социолингвистическом аспекте оказывается антропонимия, а вопросы сельской и городской топонимии находились на периферии исследовательского интереса ономатологов. Весьма показательно, что на первой Всероссийской научной конференции «Ономастика и общество: язык и культура» [12], проведенной в 2010 г. в Тамбове, антропонимам было посвящено 16 докладов, а остальным типам онимов – всего 3 сообщения. Мы считаем, что исследование влияния общества на системы собственных имен может быть прослежено и на других типах собственных имен. На наш взгляд, широкие возможности для подобных исследований предоставляет анализ городских онимов, поскольку именно в них наиболее ярко отражаются любые политические, экономические и культурные изменения. Это осознают и многие российские ономатологи, обращающиеся в своих работах к изучению особенностей городских онимических систем [5], специфики неофициальной номинации объектов [8] и неофициальных катаяконимов [1], вопросов онимической политики в городской среде [3; 4], языковой моды [2], функционирования онимов в макро- и микросоциуме [9] и т. д.

2. Понятие онимической ситуации

Термин *языковая ситуация* является одним из ключевых в социолингвистике. Его подробная история в отечественной и, отчасти, зарубежной социолингвистике рассмотрена в статье Е. В. Леоновой [10]. В «Словаре социолингвистических терминов» дается следующее определение термина: «Совокупность форм существования одного языка или совокупность языков в их территориально-социальном

взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенных географических регионов или административно-политических образований» [15, с. 266]. Одной из разновидностей языковой ситуации является *онимическая ситуация*.

Термин *онимическая ситуация* не является новым в ономастике. Например, Милан Майтан употреблял его в своей статье, датированной 1979 г. [21]. Мы можем встретить его и в российской ономастике в статьях Н. Ф. Мокшина [11], В. И. Супруна [18], у авторов коллективной монографии «Теория и методика ономастических исследований» [19] и в работах других ученых. Следует, однако, отметить, что во всех перечисленных работах он представлен в ином варианте – *ономастическая ситуация*, что не совсем терминологически верно. Согласно «Словарю русской ономастической терминологии» Н. В. Подольской [14], прилагательное *ономастический* является производным от слова *ономастика* (ср.: *ономастический* – ‘прил. к ономастика’ [14, с. 98]), *ономастика* – ‘раздел языкознания, изучающий любые собственные имена» [14, с. 96]), то есть *ономастическая ситуация* – это ситуация в ономастике как науке. В данном случае следует использовать прилагательное *онимический* – ‘прил. к оним, онимия» [14, с. 92] (ср. оним – ‘слово, сочетание или предложение, которое служит для выделения именуемого им объекта среди других объектов; его индивидуализации и идентификации» [14, с. 91]).

Несмотря на то, что термин *онимическая (ономастическая) ситуация* употребляется уже достаточно давно, до настоящего времени не было предложено его точной дефиниции. Краткое определение этого термина было дано Миланом Майтаном: «все собственные имена и варианты собственных имен, при помощи которых называли и называют денотат в разных обстоятельствах» [21, с. 43]. Считаем необходимым уточнить указанную дефиницию и предложить собственный вариант, основанный на приведенном выше толковании термина *языковая ситуация*: совокупность онимов и вариантов онимов, обслуживающих отдельный социум или несколько социумов в их территориально-социальном взаимоотношении и функциональном взаимодействии в границах определенного территориально-административного образования.

Как и языковая ситуация, онимическая ситуация обладает следующим набором дифференциальных признаков:

– ее составляющими являются любые типы и варианты имен собственных, функционирующих в пределах определенной территории;

– ее компоненты должны изучаться в тесной взаимосвязи друг с другом, в своей совокупности;

– причины ее изменения могут быть обусловлены как экстраонимическими причинами (сменой власти, принятием новых законов), так и иными причинами, связанными с естественными изменениями онимических единиц.

3. Онимическая ситуация в дореволюционной урбанонимии

3.1. Методика исследования

В настоящее время не выработано единой методики анализа онимических ситуаций. Исследователи используют различные алгоритмы описания систем имен собственных, выявляя отдельные особенности антропонимии или топонимии. Мы считаем, что при анализе онимических ситуаций в русской урбанонимии исследователь должен выявить:

1. типы имен собственных, функционирующих в рассматриваемом онимическом пространстве;
2. особенности процесса номинации объектов (естественная / искусственная номинация);
3. принципы номинации объекта.

При анализе онимических ситуаций мы опираемся на письменные источники.

Сведения об урбанонимах конца XVIII – начала XIX в. в. извлечены нами из «Топографического описания Ярославской губернии» (далее – Топографическое описание), составленного в 1803 г. по указу императора Александра I на основе программы Санкт-Петербургского Вольного экономического общества [20]. Оно содержит подробное описание 10 городов Ярославской губернии: Ярославля (далее – Яр), Данилова (Дан), Любима (Люб), Мологи (Мол), Мышкина (Мыш), Пошехонья (Пош), Романова (Ром), Ростова (Рост), Рыбинска (Ры), Углича (Угл), то есть в данный документ включены сведения не только о старых городах (Ярославле, Ростове, Угличе), но и о населенных пунктах, получивших этот статус в результате реформ Екатерины II (Данилове, Мологе, Рыбинске и др.). Топографическое описание содержит сведения об устройстве городского пространства, в нем впервые подробно перечисляются названия улиц населенных пунктов.

Информацию об урбанонимии начала XX в. мы извлекли из книги «Планы и краткие очерки городов Ярославской губернии» [13]. В этом издании помещены карты 11 городов: Данилова, Любима, Мологи, Мышкина, Петровска (далее – Петр), Пошехонья, Романово-Борисоглебска (Р-Б), Ростова, Рыбинска, Углича и Ярославля.

Помимо указанных источников, мы использовали данные о дореволюционных названиях Рыбинска и

Ярославля, собранные во время написания кандидатской диссертации.

3.2. Онимическая ситуация в конце XVIII – начале XIX в.

Конец XVIII – начало XIX в. – важный этап в истории городов России: в этот период были утверждены первые регулярные планы городов, вводившие четкую линейную организацию пространства в виде широких прямых улиц, площадей, кварталов правильной формы. Все это привело к формированию топонимической системы регулярного города.

Топографическое описание фиксирует начальный этап формирования систем урбанонимов населенных пунктов Ярославской области. Об этом свидетельствуют содержащиеся в тексте указания на безымянность некоторых улиц: «[Ярославль] *Улиц, положенных по подтвержденному плану*, – 86 <...>, а последняя [последние – Р. В.] 48 – без звания» [20, с. 60-61]; «[Молога] *Улиц положено по подтвержденному плану* – 24, именно: 1) Мологская, 2) Озерная, 3) Ярославская, 4) Мещанская, 5) Рыбинская и 19 – *безымянных...*» [20, с. 149].

Основными урбанонимическими объектами в этот период были *улицы*, а все прочие линейные объекты рассматривались как их разновидности. На это указывают следующие фрагменты описания городов: «[Рыбинск] *Улиц, положенных по подтвержденному плану*, – *пятнадцать*; из них три *набережные*» [20, с. 121], «[Ярославль] *Улиц, положенных по подтвержденному плану*, – 86, а именно: *первые четыре – две Волгские и две Которостные набережные*» [20, с. 60]. Необходимо отметить, что в ряде других источников по Рыбинску и Ярославлю нам встречались и такие урбанонимические термины, как *пролом, спуск, переулок* и др. Вероятно, и они не воспринимались в качестве самостоятельных терминов и рассматривались в качестве одной из разновидностей *улиц*.

Большое количество безымянных линейных объектов в Ярославской области указывает на то, что урбанонимы в этот период возникали в результате процесса естественной номинации: название не создавалось органами власти, а возникало в повседневной речевой практике горожан. Об этом свидетельствует и одновременное существование у некоторых городских улиц Ярославля параллельных названий: «существование двойной топонимии зафиксировано документами конца XVIII – начале XX вв. и планами 1846, 1811 гг. На план 1911 г. нанесли по центру города названия как новые, так и старые: Вологодская, она же Стрелецкая (на конец XVIII в.

Солдатская); Семеновская, она же Срубная и Нетеча; Б. Рыбинская, она же Богословская...» [7, с. 77]. На естественный характер номинации городских объектов указывают и принципы номинации рассматриваемого периода, о которых пойдет речь далее. Исключение составляет система урбанонимов Ярославля, в которой, возможно, существовала практика искусственной номинации объектов: после присвоения населенному пункту статуса губернского города в нем появились гононимы, мотивированные наименованиями уездных городов вновь образованной Ярославской губернии: *Малая и Большая Даниловские улицы, Любимская улица, Мологская улица, Мышкинская улица, Пошехонская улица, Ростовская улица, Большая и Малая Романовские улицы, Большая и Малая Рыбинские улицы, Большая и Малая Угличские улицы.*

В конце XVIII – начале XIX в. все системы урбанонимов состояли исключительно из различных типов дескриптивных названий, описывавших особенности объекта, то есть городской оним выступал в качестве основного средства ориентации жителя в пространстве.

Самыми заметными внутригородскими объектами были церкви, часовни и монастыри, названия которых служили основой для урбанонимов (подробнее об этом см.: [23; 24]). Это был наиболее распространенный принцип номинации объекта: с его помощью было создано 43,9 % онимов. Отэклизионимные наименования особенно часто встречались в старых русских городах (Ростове, Угличе, Ярославле), в то время как во всех остальных населенных пунктах они были представлены не так широко. Так, если в Угличе нами отмечен 21 подобный топоним, в Ярославле и Ростове – по 15 топонимов, то в Романове – 5 топонимов, в Данилове, Любиме и Рыбинске – по 3 топонима, в Мышкине – 1 топоним. Круг святых и праздников, которым посвящались храмы, был примерно одинаковым на территории губернии, поэтому в различных городах часто появлялись одинаковые названия: *Введенская улица* (Люб, Угл) / *Малая и Большая Введенские улицы* (Рост), *Воскресенская улица* (Дан, Угл, Яр), *Всесвятская улица* (Рост, Яр) / *Большая и Малая Всесвятские улицы* (Угл), *Казанская улица* (Ром, Ры, Яр), *Никольская улица* (Рост, Угл, Яр) / *Большая Никольская улица* (Рост), *Спаская улица* (Рост, Угл, Яр), *Троицкая улица* (Дан, Люб, Угл) / *Малая Троицкая улица* (Угл) и др.

Другим важным ориентиром были реки, поэтому во многих городах возникли отгидронимические названия: *Волгская / Волжская набережная* (Ром, Ры, Угл, Яр), *Которостная набережная* ← река Которосль (Яр), *Согожская улица* ← река Согожа (Пош), *Согская улица* ← река Сога (Пош), *Черемужская набережная*

← река Черемха (Ры). К этому типу примыкает и урбаноним *Озерная улица* (Мол).

Еще одним ориентиром служил сам человек и особенности его хозяйственной деятельности. На наличие каких-либо производств или торговых мест указывали названия *Бумажная улица* (Угл), *Железная улица* (Яр), *Конюшенная улица* (Ры), *Кузнечная улица* (Угл) / *Кузнецкая улица* (Ры), *Постоялая улица* (Ры). Иногда ориентирами становились сами жители улицы: название могло указывать на сословную принадлежность, профессию (*Дворянская улица*, Яр; *Мещанская улица*, Мол; *Солдатская улица*, Пош) или на самого известного жителя (*Сажинская улица*, Люб; *Селиванова улица*, Угл; *Демидовский переулок*, Яр; *Журавлева улица*, Яр; *Мякушин переулок*, Яр и др.). Очень небольшое количество подобных названий обусловлено поздним возникновением данного принципа номинации объектов. Как отмечает Т. П. Соколова, «только к концу XVII в. появляются в Москве именованья улиц по владельцу земли, дома (такой принцип номинации станет продуктивным позже, в XVIII в.)» [16, с. 253]. Очевидно, что в провинциальных городах подобные урбанонимы стали возникать еще позже, когда формировалась регулярная планировка населенного пункта.

Все вышеперечисленные принципы номинации отражали особенности самого города. Но среди дескриптивных названий встречались и урбанонимы, указывающие на направление движения к другому населенному пункту (33,5 %). Большинство онимов отсылали к дорогам в направлении ближайших городов и сел Ярославской губернии (*Васильевская улица*, Ры; *Любимская улица*, Дан; *Мологская улица*, Пош, Ры; *Мышкинская улица*, Ры; *Петровская улица*, Рост; *Пошехонская улица*, Дан; *Романовская улица*, Дан; *Ростовская улица*, Угл; *Рыбинская улица*, Мол, Мыш, Пош; *Угличская улица*, Люб, Мыш, Ры, Рост; *Холоповская улица*, Ры; *Ярославская улица*, Дан, Мол, Мыш, Пош, Ром, Рост, Угл), лишь немногие ориентировали на крупные губернские центры страны. Заметим также, что в городах Ярославской губернии, расположенных в ее северной части, встречались названия, образованные от ойконимов северной части России (*Вологодская улица*, Люб, Яр; *Большая и Малая Костромские улицы*, Люб; *Санкт-Петербургская улица*, Дан, Угл); а в расположенных в ее южной части – от ойконимов центральной части страны (*Московская улица*, Рост, Угл; *Большая и Малая Московские улицы*, Яр). Подобные названия позволяют проследить, между какими населенными пунктами были тесные экономические и административные связи.

3.3. Онимическая ситуация в начале XX в.

В течение XIX века произошла переоценка принципов номинации внутригородских объектов, изменились подходы к созданию названий.

В системах урбанонимов по-прежнему использовалось ограниченное количество урбанонимических терминов. Как и в предыдущий период, основным оставался термин *улица* (*Казанская улица*, *Малая Костромская улица* и т. п.). Термин *переулок* представлен лишь в системах урбанонимов Мологи, Рыбинска и Ярославля, *площадь* – в Данилове, Пошехонье, Рыбинске, Угличе и Ярославле, *набережная* – в Мологе, Рыбинске, Угличе и Ярославле. Все остальные типы объектов (проулки, тракты и т. д.) были единичными. Как видим, состав урбанонимических терминов был наиболее сильно развит в Мологе, Рыбинске и Ярославле.

Главным отличием онимической ситуации начала XX века от предыдущей эпохи стало наличие названий, возникших в результате процесса искусственной номинации объектов. В Рыбинском филиале Государственного архива Ярославской области хранится «Список улиц и переулков города Рыбинска, получивших новые наименования», датированный 1914 годом [17]. В нем, например, указано, что по постановлению Городской думы от 27 Января 1899 г. *Конюшенная улица* получила название *Пушкинская улица*, по постановлению Городской думы от 19 Мая 1903 г. *Игуменская улица* стала именоваться *Карякинская улица* и т. д. Всего в этом списке упомянуто 19 различных объектов.

Появление искусственной номинации в урбанонимии привело к созданию первых меморативов – названий, увековечивающих память о каком-либо лице. Данный тип онимов не получил активного развития, с его помощью было создано всего 3 % топонимов. Наиболее широко данный принцип номинации был представлен в Рыбинске, в котором до революции появились урбанонимы *Гоголевская улица*, *Елизаветинская улица*, *Журавлевский переулок*, *Карякинская улица*, *Пушкинская улица* и *Фроловская улица*. Единичные случаи создания подобных названий отмечены и в других населенных пунктах губернии: в Ярославле (*Екатеринская улица*), Любиме (*Павловская улица*), Петровске (*Екатеринославская улица*).

Произошло переосмысление и принципов создания дескриптивных названий. При создании подобных урбанонимов жители стали ориентироваться на внутригородские особенности объектов. Это проявилось в росте количества названий, отражающих собственные особенности объекта (8,7 %), его расположение в пространстве (10,3 %), а также хозяйственную

деятельность человека (16,6 %). Например, среди урбанонимов, отражающих деятельность человека, появились наименования, указывающие на расположение торговых объектов (*Соленый переулок*, Мол; *Торговая площадь*, Пош; *Сенная улица*, Угл и др.); объектов материального производства (*Заводской переулок*, Мол; *Кузнецкий переулок*, Мол), транспортных объектов (*Конная площадь*, Дан, Пош; *Конюшенная улица*, Угл); городских служб и объектов (*Инвалидная улица*, Ры; *Штабская улица*, Мыш). Начинают появляться названия, фиксирующие место улицы в городском пространстве (*Верхняя улица*, Р-Б, *Загородная улица*, Мыш; *Загородный переулок*, Мол; *Средняя улица*, Р-Б и др.).

Анализ дескриптивных названий начала XX века свидетельствует о постепенной утрате ими своих идентификационных возможностей. Подобные урбанонимы по-прежнему могли успешно локализовать объект, однако определить по ним его точное местоположение в городском пространстве человеку, плохо с ним знакомому, практически невозможно. Например, названия *Городская улица* (Рост) и *Средняя улица* (Р-Б) могли быть присвоены любой улице в населенном пункте. Все это свидетельствует о том, что урбанонимы перестают восприниматься как своеобразный указатель на городской объект, приобретают характер чистых городских знаков, для которых не важна внутренняя форма.

4. Заключение

Исследование и изучение природы онимических ситуаций – актуальная задача, стоящая перед российскими ономастологами. Как показывают приведенные наши примеры, анализ особенностей создания названий различных периодов позволяет судить об изменениях, произошедших в понимании урбанонима, тех требований, которые к нему предъявлялись обществом. Все это предопределило дальнейшее развитие систем городских названий в XX веке.

Социономастические исследования – актуальное направление прикладных исследований. Для их проведения необходим сбор большого фактического материала, привлечение как данных официальных источников, так и материалов полевых практик, опросов горожан, интернет-источников.

Библиографический список

1. Ахметова, М. В. «Маргинальные» катойконимы: от окказионального к систематическому [Текст] / М. В. Ахметова // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 1. – С. 110-131.

2. Врублевская, О. В. Языковая мода в русской ономастике [Текст] / О. В. Врублевская. – Волгоград : Издательство ВГСПУ «Перемена», 2017. – 329 с.
3. Голомидова, М. В. Современная урбанонимическая номинация: стратегические подходы и практические решения [Текст] / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2017. – Т. 14. – № 3. – С. 185-200.
4. Голомидова, М. В. Топонимическая политика в сфере номинации внутригородских объектов: теоретические и прикладные проблемы [Текст] / М. В. Голомидова // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – № 3. – С. 36-61.
5. Городской ономастикон [Текст]: материалы Междунар. науч.-теор. онлайн-семинара молодых исследователей / отв. ред. проф. И. В. Крюкова. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2015. – 100 с.
6. Горяев, С. О. Итоги и перспективы ономастической науки: взгляд из Оксфорда. Рец. на кн.: The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. – xxiii + 771 p. [Текст] / С. О. Горяев, Д. В. Спиридонов // Вопросы ономастики. – 2016. – Т. 13. – № 2. – С. 190-218.
7. Землянская, Н. С. Топонимия регулярного города Ярославля [Текст] / Н. С. Землянская // Культурный ландшафт и архитектурная среда городов Верхневолжья: материалы научной конференции. – Ярославль, 2004. – С. 74-81.
8. Клименко, Е. Н. Неофициальные урбанонимы Екатеринбурга в социолингвистическом аспекте [Текст] / Е. Н. Клименко, М. Э. Рут // Вопросы ономастики. – 2018. – Т. 15. – № 2. – С. 210-222.
9. Крюкова, И. В. Имена собственные в макро- и микросоциуме [Текст] / И. В. Крюкова, О. В. Врублевская, О. В. Кирпичева. – Волгоград : Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2016. – 168 с.
10. Леонова, Е. В. История формирования понятия «языковая ситуация» в отечественной лингвистике XX века [Текст] / Е. В. Леонова // Вестник МГОУ. – Серия «Лингвистика». – 2011. – № 1. – С. 23-29.
11. Мокшин, Н. Ф. Современная ономастическая ситуация в Мордовии [Текст] / Н. Ф. Мокшин // Этнографическое обозрение. – 1999. – № 6. – С. 52-56.
12. Ономастика и общество: Язык и культура [Текст]: мат-лы Первой Всерос. науч. конф. (14-15 окт. 2010 г.) / отв. ред. А. С. Щербак. – Тамбов : Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. – 222 с.
13. Планы и краткие очерки городов Ярославской губернии [Текст]. – Ярославль, 1909.
14. Подольская, Н. В. Словарь русской ономастической терминологии [Текст] / Н. В. Подольская. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва : Наука, 1988. – 192 с.
15. Словарь социолингвистических терминов [Текст] / отв. ред. д-р филол. наук В. Ю. Михальченко. – М., 2006. – 312 с.
16. Соколова, Т. П. Типология раннегородских названий (на материале урбанонимов древнего Новгорода и старой Москвы) [Текст] / Т. П. Соколова // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8-12 сентября 2009 г. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2009. – С. 251-253.
17. Список улиц и переулков города Рыбинска, получивших новые наименования [Текст] // Рыбинский филиал Государственного архива Ярославской области. Фонд № 9. Опись № 1. Дело № 2862. Лист 6.
18. Супрун, В. И. Мгновенная ономастическая ситуация [Текст] / В. И. Супрун // Ономастика Поволжья: материалы X междунар. конф. Уфа, 12-14 сентября 2006 г. – С. 92-95.
19. Теория и методика ономастических исследований [Текст] / отв. ред. А. П. Непокупный. – М. : Наука, 1986. – 256 с.
20. Ярославская губерния в начале XIX века: материалы историко-статистических описаний [Текст] / ред.-сост. Я. Е. Смирнов. – Ярославль, 2008. – 304 с.
21. Majtán, Milan. Toponymum a onymická situácia // JAZYKOVEDNÝ ČASOPIS. – Vol. 30. – 1979. – № 1. – P. 40-43.
22. 'Names and Their Environment': Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences (Glasgow, 25-29 August 2014). Volume 4: Theory and Methodology. Socio-onomastics / Edited by Carole Hough, Daria Izdebska. – Glasgow : University of Glasgow, 2016.
23. Razumov, R. Goryaev, S. Church names in the urban toponymy (On Russian materials) // Acta onomastica. – Ročník LX. – 2019. – № 1. – P. 94-111.
24. Razumov R. Goryaev S. Restoration of Urbanonyms with Sacred Allusions in the System of Urban Object Names in the Russian Language of the End of the Twentieth and the beginning of the Twenty-First Century // Onomastics between Sacred and Profane / Edited by Oliviu Felecan. – Wilmington : Vernon Press, 2019. – P. 197-212.
25. The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. – Oxford : Oxford Univ. Press, 2016. – 771 p.

Reference List

1. Ahmetova, M. V. «Marginal'nye» katojkonimy: ot okkazional'nogo k sistematiceskomu = «Marginal» katojconyms: from occasional to systematic [Tekst] / M. V. Ahmetova // Voprosy onomastiki. – 2017. – Т. 14. – №1. – S. 110-131.
2. Vrublevskaja, O. V. Jazykovaja moda v russkoj onomastike = Language fashion in the Russian onomastics [Tekst] / O. V. Vrublevskaja. – Volgograd : Izdatel'stvo VGSPU «Peremena», 2017. – 329 s.
3. Golomidova, M. V. Sovremennaja urbanonimicheskaja nominacija: strategicheskie podhody i prakticheskie reshenija = Modern urbanonymic nomination: strategic approaches and practical solutions [Tekst] / M. V. Golomidova // Voprosy onomastiki. – 2017. – Т. 14. – № 3. – S. 185-200.
4. Golomidova, M. V. Toponimicheskaja politika v sfere nominacii vnutrigorodskih ob'ektov: teoreticheskie i prikladnye problemy = Toponymic policy in the field of

the nomination of intracity objects: theoretical and applied problems [Tekst] / M. V. Golomidova // Voprosy onomastiki. – 2018. T. 15. – № 3. – S. 36-61.

5. Gorodskoj onomastikon = City onomasticon [Tekst]: materialy Mezhdunar. nauch.-teor. onlajn-seminara molodyh issledovatelej / otv. red. prof. I. V. Krjukova. – Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2015. – 100 s.

6. Gorjaev, S. O. Itogi i perspektivy onomasticheskoy nauki: vzgljad iz Oksforda. Results and prospects of onomastic: a look from Oxford = Rec. na kn.: The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. – XXIII + 771 p. [Tekst] / S. O. Gorjaev, D. V. Spiridonov // Voprosy onomastiki. – 2016. – T. 13. – №2. – S. 190-218.

7. Zemljanskaja, N. S. Toponimija reguljarnogo goroda Jaroslavlja = Toponymy of the regular city of Yaroslavl [Tekst] / N. S. Zemljanskaja // Kul'turnyj landshtaf i arhitekturnaja sreda gorodov Verhnevolzh'ja: materialy nauchnoj konferencii. – Jaroslavl', 2004. – S. 74-81.

8. Klimentko, E. N. Neoficial'nye urbanonimy Ekaterinburga v sociolingvisticheskom aspekte = Informal urbanonymy of Yekaterinburg in sociolinguistic aspect [Tekst] / E. N. Klimentko, M. Je. Rut // Voprosy onomastiki. – 2018. – T. 15. – № 2. – S. 210-222.

9. Krjukova, I. V. Imena sobstvennye v makro- i mikrosociume = Proper names in macro- and micro-society [Tekst] / I. V. Krjukova, O. V. Vrublevskaja, O. V. Kirpicheva. – Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2016. – 168 s.

10. Leonova, E. V. Istorija formirovaniya ponjatija «jazykovaja situacija» v otechestvennoj lingvistike HH veka = History of formation of the concept «language situation» of XX century domestic linguistics [Tekst] / E. V. Leonova // Vestnik MGOU. – Serija «Lingvistika». – 2011. – № 1. – S. 23-29.

11. Mokshin, N. F. Sovremennaja onomasticheskaja situacija v Mordovii = Modern onomastic situation in Mordovia [Tekst] / N. F. Mokshin // Jetnograficheskoe obozrenie. – 1999. – № 6. – S. 52-56.

12. Onomastika i obshhestvo: Jazyk i kul'tura = Onomastics and society: Language and culture [Tekst]: materialy Pervoj Vseros. nauch. konf. (14-15 okt. 2010 g.) / otv. red. A. S. Shherbak. – Tambov: Izdatel'skij dom TGU im. G. R. Derzhavina, 2010. – 222 s.

13. Plany i kratkie ocherki gorodov Jaroslavskoj gubernii = Plans and brief essays of the cities of the Yaroslavl province [Tekst]. – Jaroslavl', 1909.

14. Podol'skaja, N. V. Slovar' russkoj onomasticheskoy terminologii = Dictionary of the Russian onomastic terminology [Tekst] / N. V. Podol'skaja. – 2-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Nauka, 1988. – 192 s.

15. Slovar' sociolingvisticheskikh terminov = Dictionary sociolinguistic terms [Tekst] / otv. red. d-r filol. nauk V. Ju. Mihal'chenko. – M., 2006. – 312 s.

16. Sokolova, T. P. Tipologija rannegorodskih nazvanij (na materiale urbanonimov drevnego Novgoroda i staroj Moskvy) = Typology of early city names (on material of urbanonyms of ancient Novgorod and old Moscow) [Tekst] / T. P. Sokolova // Jetnolingvistika. Onomastika. Jetimologija: materialy mezhdunar. nauch. konf.. Ekaterinburg, 8-12 sentjabrja 2009 g. – Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta, 2009. – S. 251-253.

17. Spisok ulic i pereulkov goroda Rybinska, poluchivshih novye naimenovaniya = The list of the streets and lanes of the city of Rybinsk which received new names [Tekst] // Rybinskij filial Gosudarstvennogo arhiva Jaroslavskoj oblasti. Fond №9. Opis' №1. Delo №2862. List 6.

18. Suprun, V. I. Mgnovennaja onomasticheskaja situacija = Instant onomastic situation [Tekst] / V. I. Suprun // Onomastika Povolzh'ja: materialy X mezhdunar. konf. Ufa, 12-14 sentjabrja 2006 g. – S. 92-95.

19. Teorija i metodika onomasticheskikh issledovanij = Theory and technique of onomastic researches [Tekst] / otv. red. A. P. Nepokupnyj. – M.: Nauka, 1986. – 256 s.

20. Jaroslavskaja gubernija v nachale XIX veka: materialy istoriko-statisticheskikh opisanij = The Yaroslavl province at the beginning of the XIX century: materials of historical and statistical descriptions [Tekst] / red.-sost. Ja. E. Smirnov. – Jaroslavl', 2008. – 304 s.

21. Majtán, Milan. Toponymum a onymická situácia // JAZYKOVÉDNÝ ČASOPIS. – Vol. 30. – 1979. – № 1. – P. 40-43.

22. 'Names and Their Environment': Proceedings of the 25th International Congress of Onomastic Sciences (Glasgow, 25-29 August 2014). Volume 4: Theory and Methodology. Socio-onomastics / Edited by Carole Hough, Daria Izdebska. – Glasgow: University of Glasgow, 2016.

23. Razumov, R. Goryaev, S. Church names in the urban toponymy (On Russian materials) // Acta onomastica. – Ročník LX. – 2019. – № 1. – P. 94-111.

24. Razumov R. Goryaev S. Restoration of Urbanonyms with Sacred Allusions in the System of Urban Object Names in the Russian Language of the End of the Twentieth and the beginning of the Twenty-First Century // Onomastics between Sacred and Profane / Edited by Oliviu Felecan. – Wilmington: Vernon Press, 2019. – P. 197-212.

25. The Oxford Handbook of Names and Naming / ed. by C. Hough, D. Izdebska. – Oxford: Oxford Univ. Press, 2016. – 771 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Ли Чэньчэнь <https://orcid.org/0000-0002-0816-5606>

К вопросу о стратегиях интерпретации русских междометий китайскими профессиональными русистами

Статья посвящена рассмотрению общей проблемы опознания русских междометий профессиональной группой китайцев – русистами. Объектом нашего исследования являются русские междометия и способы их интерпретации китайскими русистами. Междометие, будучи специфической языковой единицей, всегда невольно используется и интуитивно осознается носителями данного языка. При этом проблемой, связанной с распознаванием междометий иностранцами, пока никто не занимался. Это определяет актуальность нашего исследования. Цель данной работы заключается в выявлении того, способны ли китайские русисты распознавать русские междометия. На первом этапе нашего исследования анализ интерпретаций китайскими русистами происходит в «инструментальных» целях, а на втором – анализ собственно рецепции, т. е. как междометия воспринимаются. В качестве материала для исследования была выбрана пьеса Н. В. Гоголя «Ревизор», а также пьесы А. П. Чехова «Три сестры» и «Вишневый сад» на русском языке и методом сплошной выборки отобраны примеры употребления междометий в диалогической речи. На втором этапе были выявлены стратегии интерпретации русских междометий китайскими русистами. Материалом исследования послужили данные параллельного русско-китайского корпуса, письменные тексты, зафиксировавшие передачу русских междометий средствами китайского языка. Использовались также данные толковых и двуязычных словарей.

Проведенный анализ позволил определить способы восприятия русских междометий носителями китайского языка, а также наиболее часто используемые приемы и средства адекватной передачи русских междометий на письме; проанализировать разные категории русских междометий на фонетическом и семантическом уровнях; рассмотреть проблему рецепции русских междометий носителями китайского языка на основании анализа возможных подходов к интерпретации этих единиц. В результате проведенного исследования было выявлено то, что профессиональные китайские русисты способны распознавать большинство русских междометий; также были установлены некоторые критерии, по которым можно определить, могут ли они распознать конкретные междометия.

Ключевые слова: русские междометия, китайские междометия, опознание междометий, фонетический уровень, семантический уровень, контекст, эмоция, лингвоспецифичность.

Li Chenchen

On Possible Approaches to Translating Russian Interjections into Chinese

The article is devoted to the problem of the possible approaches to translating Russian interjections into Chinese. The object of our study is Russian and Chinese interjections. Interjection, as specific language units, occupies a special position in the system of parts of speech, so it is very difficult to find their direct equivalents in the other language. The purpose of this paper is to collect, analyze and summarize the most commonly used methods of translating Russian interjections into Chinese. The research material is the plays «The Inspector General» (N. V. Gogol), «The Three Sisters» and «The Cherry Orchard» (A. P. Chekhov), and their Chinese translations. The article presents frequently used ways of translating interjections from Russian into Chinese. It addresses such a question that whether Chinese students who learn Russian can use these methods to translate Russian interjections correctly. The article has conducted a phonetic and semantic analysis of different groups of Russian interjections in terms of translation. Finally, the possible approaches to translation of interjections from Russian into Chinese at the present moment are summarized: 1. to take as a basis the phonetic form and emotionality when searching for interjection-equivalent in the target language; 2. to rely on the context and intuition of the translator when searching for adequate forms to convey the expressed meaning in the target language; 3. to take as a basis the transcription of a purely emotive component in translation.

Keywords: Russian interjections, Chinese interjections, translation, phonetic level, semantic level, context, emotion, linguistic specificity.

Междометия играют важную роль в нашей жизни, они часто употребляются как в устной речи, так и на письме. Несмотря на очевидную частоту употребления междометий в устной речи, эта категория еще недостаточно изучена: в русской лингвистике уже осуществлена попытка многоаспектного изучения междометий, но на эту категорию слов, по сравнению с другими частями речи, еще не направлено должное

внимание, и лингвисты во многом расходятся во мнениях относительно данных единиц. При этом возникают вопросы: Уделено ли достаточное внимание изучению междометий иностранцами, изучающими русский язык? Как эти иностранцы распознают междометия в чужой речи?

Все эти актуальные вопросы будут обсуждены в нашей работе с позиции носителей китайского языка.

Мы строим проекцию на русский язык как бы изнутри китайской аудитории, которая поделена на три группы: а) группу профессиональных китайских русистов (исследователей, преподавателей русского языка как иностранного, переводчиков) с их стратегиями опознания междометий, б) группу китайских студентов, изучающих русский язык, у которых в процессе обучения русскому языку происходит рефлексия в отношении собственного языка, в) группу китайцев, владеющих русским языком, который, однако, непосредственно не связан с их профессией (дипломаты, политики, бизнесмены). В настоящей статье будет рассмотрена проблема восприятия русских междометий группой профессиональных русистов.

Незнание междометий может привести к полному непониманию эмоционального состояния собеседника, нарушению стиля высказываний, именно поэтому правильная интерпретация междометий является важным условием успешной коммуникации. В. Г. Костомаров полагает, что «Междометия принадлежат к тем специфическим языковым явлениям, которые, не имея часто прямых эквивалентов в другом языке, заставляют искать особые приемы и средства для их адекватной передачи» [6, с. 75]. Итак, междометия при отсутствии прямых эквивалентов на другом языке не столько переводятся, сколько толкуются средствами другого языка. Таким образом, стратегии передачи русских междометий средствами китайского языка рассматриваются нами как инструмент, который позволяет определить, как профессиональные китайские русисты реагируют на эти особые неоднозначные единицы.

В предыдущей работе мы уже анализировали пьесу Н. В. Гоголя «Ревизор», пьесы А. П. Чехова «Три сестры» и «Вишневый сад» на русском и китайском языках, и выделили 5 способов передачи русских междометий [7, с. 300-302]. Нами снова были прочитаны эти три пьесы на обоих языках и выделен новый шестой способ. Выбор данных пьес обуславливается следующими факторами: во-первых, междометия встречаются прежде всего в диалогической речи, поэтому пьеса – это лучший материал для анализа; во-вторых, эти три пьесы содержат большое количество междометий всех категорий, достаточных для проведения настоящего исследования; в-третьих, произведения этих двух писателей занимают важное место в истории русского литературного языка. Здесь нужно отметить, что по «виноградовской» версии в русском языке междометия по своим семантическим функциям делятся на 3 основных разряда: эмоциональные, побудительные и этикетные междометия, но в китайском языке выделяются лишь эмоциональные и побудительные

междометия, этикетные речевые формулы, такие как 您好(здравствуйте), 谢谢(спасибо), 对不起(прости), не квалифицируются как междометия, поэтому в данной статье интерпретация русских этикетных междометий не была затронута.

Итак, выделяются следующие 6 способов передачи значения русских междометий китайскими русистами-переводчиками:

1. Использование эквивалентного русскому междометия (при его наличии в языке):

(1) Ирина. ... о, как это ужасно! В жаркую погоду так иногда хочется пить, как мне захотелось работать [13].

伊莉娜

...

啊, 那样的生活多么可怕! 如同在炎热的天气有的时候人想喝水一样, 我呢, 想工作 [20].

Китайское междометие 啊 'а' служит для выражения чувства страха, которое здесь выражает русское междометие о.

(2) Вершинин (Маше и Ирине). Честь имею представиться: Вершинин. Очень, очень рад, что, наконец, я у вас. Какие вы стали! Ай! Ай! [13].

韦尔希宁 (对玛霞和伊莉娜) 让我荣幸地自我介绍吧

韦尔希宁。我终于到你们这儿来了, 非常非常高兴。你们都变样了! 哎呀! 哎呀! [20].

Русское междометие ай и китайское 哎呀 'ай-я' выражают радость говорящего.

2. Использование при интерпретации русского междометия слова, относящегося к другой части речи:

(3) Тузенбах. Браво, браво! (Смеется.) Господа, начинайте, я сажусь играть! Смешной этот Солёный... [13].

土甸巴赫: 好哇, 好哇! (笑) 诸位, 开始吧, 我坐下来弹琴! 这个索列内依真可笑..... [20].

Русское Браво, браво! интерпретируется с помощью наречия 好哇, которое имеет значение «замечательно», «прекрасно».

(4) Любовь Андреевна. Господи, господи, будь милостив, прости мне грехи мои! Не наказывай меня больше! [12].

柳芭芙

.....

上帝, 上帝, 你仁慈一点吧, 原谅我这些罪孽! 别再惩罚我!..... [21].

Русское *Господи, господи* передается с помощью существительного *上帝* со значением «господь, бог».

3. Использование при интерпретации русского междометия словосочетания или предложения:

(5) Анна Андреевна (увидев Хлестакова на коленях). Ах, какой пассаж!

Анна-Андреевна: *哎呀, 真是怪事!*

Хлестаков (вставая) А, *черт возьми!* [3].

Хлестаков (вставая) А, *черт возьми!* [3].

По контексту русское междометие *черт возьми* выражает сильную досаду, неудовольствие. Китайское словосочетание *真该死* служит для выражения той же самой эмоции. *真* (наречие) значит «поистине, действительно», *该死* (словосочетание) значит «прах тебя возьми».

В китайской лингвистике некоторые ученые включают в состав междометий знаменательные слова, которые выражают эмоцию, реакцию на действительность и др., по их мнению, *该死* – это вторичное междометие; другие лингвисты не считают междометиями знаменательные слова, несущие функцию междометия [14, с. 151-152]. Итак, является ли словосочетание, такое как *该死*, в китайском языке междометием – спорный вопрос.

(6) Ольга. Это слухи только.

Ольга: *这只是传说罢了。*

Ирина. Останемся мы тогда одни... Оля!

Ирина: *到那时候我们就孤零零了.....奥丽雅!*

Ольга. *Ну* [13]?

Ольга: *怎么办呢* [20]?

Здесь русское междометие *Ну* получает толкование. Предложение *怎么办呢* обозначает «что делать».

4. Пропуск русского междометия в китайском тексте:

(7) Вершинин. ... Мои волосы седеют, я почти старик уже, но знаю мало, *ах*, как мало! [13].

Вершинин:

Мои волосы поседели, я почти стал стариком, но знаю мало, *ах*, как мало! [13].

(8) Лопухин Вишневый сад теперь мой! Мой! (Хочет.) *Боже мой, господи, вишневый сад мой!* Скажите мне, что я пьян, не в своем уме, что все это мне представляется... (Топчет ногами.) [12].

罗伯兴

.....

樱桃园现在属于我了! 我的樱桃园! (大笑) 我的上帝,

樱桃园是我的了! 请告诉我, 我是个醉汉, 我神经不正常, 所有这一切仅仅是我的幻想... (跺脚)[21].

В приведенных примерах русское междометие *ах* и два связанных сочинительной связью междометия *Боже мой, господи* не получают интерпретации в китайском тексте. Имеет место смысловой пропуск, который понижает уровень эмоционального переживания героев пьес А. П. Чехова.

5. Использование китайского междометия при интерпретации русского слова, относящегося к другой части речи.

(9) Трофимов. Да, восходит луна. (Пауза.) *Вот оно счастье, вот оно идет, подходит все ближе и ближе, я уже слышу его шаги. И если мы не увидим, не узнаем его, то что за беда? Его увидят другие!* [12].

特罗菲莫夫

是的, 月亮升起来了。(停顿) 嘿, 幸福来了, 它在走过来, 走得越来越近, 我

已经能够听到它的脚步声。而如果我们看不见它, 抓不住它, 那又有什么关系? 别人能看见到它的! [21].

Русская указательная частица *вот* интерпретируется в китайском тексте с помощью междометия *嘿* 'нао', которое служит для того, чтобы собеседник обратил внимание на что-нибудь.

(10) Маша (взглянув на часы). Скоро дадут. Меня выдали замуж, когда мне было восемнадцать лет, и я своего мужа боялась, потому что он был учителем, а я тогда едва кончила курс. Он казался мне тогда ужасно ученым, умным и важным. А теперь уж не то, к сожалению.

Маша. *Так... да* [13].

玛霞: (看一下表) 很快就要送茶来了。我是在十八岁那年出嫁的, 我怕我的丈夫, 因为他是教员, 而那时候我刚毕业。当时我觉得他非常有学问, 聪明, 了不起。可惜现在不是这样了。

韦尔希宁: *恩.....我明白* [20].

Русская частица *так* передается с помощью китайского междометия *恩* 'энь', которое служит для выражения согласия в процессе восприятия речи собеседника.

Здесь следует отметить определенную маргинальность таких частей речи как междометия и частицы. В качестве средства интерпретации русских частиц могут выступать китайские междометия.

6. Транслитерирование:

11) Чебутыкин. *Эва! У меня уж прошло. Два года, как запоя не было. (Нетерпеливо.) Э, матушка, да не все ли равно [13]!*

– 切布狄金

哎哇! 这是过去的事了。有两年没有发过酒病了 [20]。

Собственно лингвокультурная специфика русских междометий особенно наглядно проявляется в ситуации, когда междометие с помощью транслитерирования используется как знак другой культуры. Русское междометие *Эва!* отсутствует в китайском языке. На письме оно может передаваться с помощью *哎哇* ‘ай-ва’, созданного для передачи междометия *эва*.

Вышеперечисленные способы интерпретации русских междометий используются чаще всего, поэтому они, безусловно, являются наиболее эффективными, по крайней мере, при передаче значения русских междометий на китайский язык. Однако, в аспекте рецепции русских междометий названные 4-й и 5-й способы можно также рассматривать в качестве аргумента того, что профессиональные русисты не опознают некоторые междометия.

Сначала рассмотрим способ «Пропуск русского междометия в китайском тексте». Здесь мы имеем в виду, что в китайском тексте отсутствует не только междометие, но и семантический аналог, которым является либо слово, относящееся к другой части речи, либо словосочетание, либо предложение, то есть не сохраняется никакое значение, выраженное междометием в русском тексте. Такое явление объясняется тем, что даже профессиональные русисты не очень серьезно относятся к этой категории слов. Они, наверное, считают, что междометие просто междометие, его пропуск ничему не мешает. Но междометия играют неотъемлемую роль в репликах персонажей, их потеря приводит к ослаблению точности и экспрессивности художественного описания: читателям трудно получить картинку смены эмоционального состояния персонажа. Ср.:

1. Почтмейстер (продолжая читать). *Хм... хм... хм... хм...* «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (Оставляя читать.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился [3].

邮政局长 (接着念信)

“像头驴的市长。那个邮政局长嘛，也还算是个好人....
.. (停止) 瞧瞧，他也说了我许多难听的话 [19]。

2. Почтмейстер (продолжая читать). «сивый мерин. Почтмейстер тоже добрый человек...» (Оставляя читать.) Ну, тут обо мне тоже он неприлично выразился.

Хм употребляется при нерешимости сказать что-л. Это отражает, что почтмейстер с колебанием читал письмо и боялся, что городничий будет сердиться.

Применение способа «Использование китайского междометия при интерпретации русского слова, относящегося к другой части речи» может приводить к усилению экспрессивности художественного описания или даже дополнительной эмоциональности в китайских текстах в отличие от русских. Однако здесь ситуация более сложная. Можно предположить, что граница между отдельными частицами и междометиями не столь очевидна для носителя другого языка.

Отсюда возникает вопрос: Можно ли сделать вывод, что профессиональные русисты могут распознать междометия, при передаче которых используются остальные четыре способа. Ответ на этот вопрос будет предложен в конце статьи. В дальнейшем мы будем изучать, как определить, могут ли какие-нибудь междометия быть опознаны, на основании анализа возможных подходов к интерпретации русских междометий китайскими русистами.

Мы условно разделили междометия русского языка на универсальные и специфические. К универсальным мы отнесли такие междометия, которые передают универсальный и общепонятный без специальных объяснений вокальный жест, имеют междометия-эквиваленты в разных языках и не обладают национальной специфичностью. Как указывает И. А. Шаронов: «Если же при сопоставлении междометий в разных языках сместить акцент на их внешнее сходство и не упускать из виду их звукоподражательный характер, то сквозь различия, связанные с письменными традициями, во многих случаях нетрудно бывает заметить общепонятные произвольные выкрики, вокальные жесты, передающие эмоциональные состояния человека независимо от языка, на котором человек привык разговаривать» [16, с. 88]. На наш взгляд, в русском языке можно выделить такие “универсальные” междометия, как *а, о, ай, ой, гм* и др. Нельзя говорить об универсальности языковых явлений при сопоставлении двух языков, поэтому мы закавычили *универсальные*. Здесь мы говорим о междометиях, которые общие для русского и китайского языка. При

передаче междометий данного типа акцент чаще всего делается на их фонетической форме и эмоциональности с целью найти китайские соответствия, что отражается в вышеприведенных примерах (1) и (2). Однако в процессе поиска междометия-эквивалента немало русистов попало в ловушку: близкие по звучанию междометия в русском и китайском языках могут различаться по значению. Следующий характерный пример заимствуем из китайского перевода пьесы Л. Н. Толстого «Власть тьмы»:

Никита (нагибается, берет топор). Что ж, матушка, аль и вправду женить меня? Я рассчитываю, что совсем напрасно. Опять-таки и мне бы неохота.

Никита (腰拿起斧头) 娘呀, 您真要给我娶媳妇吗

?我觉得这简直是白费。我还是不愿意。

Матрена. И-и! Касатик, зачем женить? Живешь да живешь. Это старик все. Поди, родной, мы и без тебя все дела рассудим [11].

马特廖娜

噢

‘и’, 噢, 心肝, 为什么要给你娶媳妇? 你爱怎么过就怎么过好了。这都是老头子的主意。亲爱的, 去吧!

没有你我们也能把事儿商量妥 [22].

Китайский пример:

噢 ‘и’? 原来是你啊, 怪不得看起来面熟呢。

‘Ага, так это ты! То-то я смотрю – лицо знакомое’ (перевод авт. – Ли).

Данные два междометия одинаковы по звучанию, но имеют разные значения: русское междометие *и* означает возражение на слова собеседника, а китайское междометие *噢* выражает удивление.

Возникновение ошибок данного типа показывает, что профессиональные китайские русисты (в данном случае – переводчики) не опознали соответствующие междометия: хотя они уже выделили междометия в оригинале, но неправильно их восприняли. Это тоже связано с недооценкой междометных единиц: профессиональные китайские русисты постоянно идут на поводу внешнего сходства междометий, то есть сходства по звучанию, в результате чего они относятся с пренебрежением к их значению.

К специфическим мы отнесли междометия, которые либо не имеют прямых эквивалентов в других языках, либо обладают национальной спецификой. При передаче таких междометий, обычно опираются на контекст, от которого зависит интерпретация междометий и который помогает определить как

эмотивную, так и лингвокультурную составляющие междометий.

Как правило, для адекватной передачи используются слова других частей речи, словосочетания или предложения. Это отражается в примерах (3), (4), (5), (6). Что касается передачи междометий, обладающих национальной спецификой, то сначала следует решить, нужно ли сохранить эту национальную специфику, если мы имеем дело с переводом? Обычно при переводе лингвоспецифичных слов, мы сохраняем культурные компоненты слов. При этом, когда речь идет о лингвоспецифичных единицах [5] или об описании культурного компонента [2], то, как правило, в качестве примеров используются полноточные слова. Переводческие стратегии также часто иллюстрируются при помощи лексем, относящихся к самостоятельным частям речи, а также при помощи словосочетаний, фразеологизмов и т. д. Например, нельзя переводить *печь* китайским словом *炉子* ‘сооружение для отопления помещения,

приготовления пищи’, *сарафан* – *长衫* ‘домашняя или рабочая одежда, запахивающаяся или застегивающаяся сверху донизу’. Вопрос о культурной специфике междометий лингвистами недостаточно отрефлексирован, несмотря на то, что в работах по переводу эта проблема не раз обсуждалась.

Междометия этого типа характеризуются яркой национальной спецификой, их употребление тесно связано с национально-культурными традициями и историей народа, что необходимо учитывать при их интерпретации особенно, если речь идет о письменных текстах. Хорошей стратегией является копирование фонетической формы с целью передать национальный колорит.

- Ура! Ура! Ура! – дружно грянуло молодое поколение, потрясая бокалами [9].

“乌拉

‘у-

ла’! 乌拉! 乌拉!”年青一代挥舞着酒杯齐声欢呼

(пример взят из двуязычного словаря RUSKITA)

Иногда для передачи русских специфических междометий используются китайские междометия. Например,

Эхма, Терентий Хрисанфович, умный ты человек... а вот губит тебя водочка! [4].

唉 ‘ай’, 捷连季.赫里桑福维奇, 你是个聪明的人...

就是让酒给坑了! (пример взят из двуязычного словаря RUSKITA)

Китайское междометие *唉* выражает сожаление. Здесь используют междометие вместо транслитерирования чисто эмотивного компонента для более адекватной передачи значения единицы *эхма*.

Итак, можно считать, что специфические русские междометия, которые в китайских текстах заменяются либо транслитерированной формой, либо китайским междометием, правильно опознаны.

Кроме универсальных и специфических междометий, следует уделить внимание еще двум особым группам междометий – это собственные междометия и заимствованные.

Собственные междометия являются окказиональными, то есть, случайными, единичными, употребляющимися лишь авторами в отдельных случаях. Например: – *Ваня бессильно смежил ресницы и уже на десерт добавил: – Тока... смотри... чтоб Гайдаренко не пошил... а то втащит тебе и мне... по самое некуда, а-ах-ах-хах*, – зевнул Ваня, поудобнее устроивая смуглую щеку на подушке [10].

– *Ну вот... так вот... Хм... что-то не складывается у нас, Маша. Москва... да-а!* – *Что случилось, Саша?* – *Приказали передать дела... Гнидюку... Пф-ф-ф.* – *Он с шумом выдохнул. – Временно отстранен. – Напиши заявление, Саша... какое хочешь... по состоянию здоровья... какое хочешь* [8].

Собственные междометия не соответствуют общепринятому написанию и носят индивидуальный характер, обусловленный специфическим контекстом. Например, люди вне контекста могут опознать стандартное *фу* как междометие, а собственные варианты *ффф* и *фррр* опознать вне конкретного контекста затруднительно или невозможно. И. А. Шаронов утверждает, что стандартные междометия соседствуют в текстах с окказиональными авторскими формами, редакторы в издательствах обычно не предъявляют претензий к авторам текста по поводу написания междометия: считается, что автору «виднее» [15, с. 102]. Итак, собственные междометия не должны проходить через «фонологическое сито», нужно просто их транслитерировать в ситуации передачи их средствами другого языка. Ср.:

Нет, теперь виноватых будут искать. Эх-хе-хе! ... Проводник встал и ушел [18].

“不, 现在开始要找犯了错的人了。唉咳咳 ‘ай-хай-хай’ !” *列车员起身离开了。* (пример взят из двужычного словаря RUSKITA)

Так, если встречаются с транслитерированной формой, использованной для передачи русского собственного междометия, то можно считать, что это междометие было распознано профессиональными русистами.

В русском языке выделяется особая группа междометий – заимствованные междометия: *вай, вах, ай-вай-вай* (из Центральной Азии и Кавказа), *ой-ля-ля* (из французской культуры), *оу, вау, унс* (из англосаксонской культуры) и др. Очевидно, что заимствованные междометия имеют характер экзотизмов. Эти экзотические междометия способны указывать на этнокультурную принадлежность чужеземца или на пребывание русского человека вне своего языкового и культурного ареала. В художественных текстах они используются, в частности, для создания речевого портрета, который представляет стереотип человека другой культуры (О роли стереотипа в формировании речевого портрета см., например [1]).

Фиксированность фонемного состава таких вокализаций делает возможным их интонационное варьирование, и вследствие этого они начинают выражать эмоциональные состояния, не связанные в культуре-источнике с этими междометиями. Например, в Британии еще в 50-х годах прошлого столетия междометие *wow* передавал стон от физической боли, позже в США это междометие стало популярно и начало произноситься с интонацией радостного удивления. В России заимствованное междометие *вау* передает теперь заинтересованность чем-либо необычным или сильное впечатление от значимости чего-либо: (а) *Вау, какие вы слова знаете! Филолог что ли?* (б) *Вау, вот это клуб!* [17, с. 269]. Междометия данной группы используются преимущественно в молодежной среде.

Итак, можно считать, что важной особенностью заимствованных междометий является их национально-специфический фонемный состав. При этом в процессе интерпретации необходимо учитывать фонетическую форму междометий и использовать транслитерацию.

Итак, мы считаем, что междометия типа *вау, оу* были опознаны в случае, если в китайских текстах используются 哇哦 ‘ва-о’, 呕 ‘оу’ и другие транслитерированные формы.

Обобщая вышесказанное, мы установили следующие критерии, по которым можно определить, могут ли профессиональные русисты распознать конкретные междометия:

1. Применение приведенного ниже подхода к передаче русских междометий значит, что эти междометия могут распознаться.

Подход «Брать за основу фонетическую форму и эмоциональность русского междометия при поиске междометия-эквивалента». В этом случае междометие передается с помощью междометия, в результате чего получает более или менее аналогичное звучание и прагматическую окраску в значении.

Однако и здесь есть исключение: профессиональный русист использует междометие-эквивалент, близкое по звучанию к русскому междометию, но отличающееся от него по семантике. Это означает, что данное русское междометие не было опознано.

2. Применение приведенного ниже подхода к передаче русских междометий не значит, что эти междометия могут быть опознаны. Необходимо учитывать конкретные использованные способы. Использование перечисленных способов а) и б) значит, что русские междометия не были опознаны, а применение способа в) – опознаны.

Подход «Брать за основу контекстуальную обусловленность, интуицию профессионального русиста и поиск адекватных форм для передачи выраженного значения в китайском тексте». При таком подходе выделяются три способа передачи русского междометия: а) междометие опускается; б) междометие добавляется; в) используется семантический аналог,

являющийся словом, относящимся к другой части речи, словосочетанием или предложением.

3. Применение приведенного ниже подхода к передаче русских междометий значит, что профессиональные русисты могут распознать эти междометия.

Подход «Брать за основу транслитерирование чисто эмотивного компонента». Такой подход применяется в следующих случаях: а) если в китайском языке есть эквивалент междометия, но профессиональному русисту важно передать национальную специфику; б) если междометие является собственным, и профессиональному русисту важно передать индивидуальный звуковой облик междометий; в) если междометие отличается своим национально-специфичным фонемным составом, который характеризует речь представителя русской культуры, и профессиональному русисту важно сохранить такое звуковое подобие.

Итак, анализ пьес Н. В. Гоголя и А. П. Чехова показал, что китайские русисты могут распознавать большинство русских междометий. Причина отдельных «нераспознаваний» заключается в том, что китайские русисты не очень серьезно относятся к этой категории, в результате чего при интерпретации русского текста они могут опускать междометия, добавлять их в китайский текст по собственному усмотрению, либо использовать сходные по звучанию единицы без определения их значений.

Библиографический список

1. Брагина, Н. Г. Мифология стереотипа и обыденное знание [Текст] / Н. Г. Брагина // Стереотипы в языке, коммуникации и культуре: сб. статей / сост. и отв. ред. Л. Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2009. – С. 348-356.
2. Брагина, Н. Г. Социокультурные конструкты в языке [Текст]: монография / Н. Г. Брагина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта, 2013. – 386 с.
3. Гоголь, Н. В. Ревизор [Электронный ресурс] / Н. В. Гоголь. – URL: http://bookscafe.net/read/gogol_nikolay-revizor-82462.html#p1 (время обращения: 30.03.2018)
4. Горький, М. Мещане [Электронный ресурс] / М. Горький. – URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0170.shtml (время обращения: 30.03.2018)
5. Зализняк, А. А., Левонтина, И. Б., Шмелев, А. Д. Константы и переменные русской языковой картины мира [Текст] / А. А. Зализняк, И. Б. Левонтина, А. Д. Шмелев. – М.: Языки славянских культур, 2012. – 696 с.
6. Костомаров, В. Г. Междометия в английском языке [Текст] / В. Г. Костомаров // Принципы научного анализа языка. – М.: Астрель, 1959. – С. 74-98.
7. Ли Чэньчэнь К вопросу о переводе междометий с русского языка на китайский язык [Текст] / Ли Чэньчэнь // I Международная научно-практическая конференция «Пересекая границы: межкультурная коммуникация в глобальном контексте»: сборник материала / отв. ред. Н. Г. Брагина, А. Г. Жукова. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2018. – С. 300-302.
8. Ремизов, В. Воля вольная [Электронный ресурс] / В. Ремизов. – URL: <https://mybook.ru/author/vikt-or-remizov/volya-volnaya/read/> (время обращения: 04.04.2018)
9. Салтыков-Щедрин, М. Е. Помпадур и помпадурши [Электронный ресурс] / М. Е. Салтыков-Щедрин. – URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0020.shtml (время обращения: 03.04.2018)
10. Терехов, А. Мемуары срочной службы [Электронный ресурс] / А. Терехов. – URL: <https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/397233-2-aleksandr-terehov-krysoboy-memuary-srochnoy-sluzhby.html#book> (время обращения: 04.04.2018)
11. Толстой, Л. Н. Власть тьмы [Электронный ресурс] / Л. Н. Толстой. – URL: https://rvb.ru/tolstoy/01text/vol_11/01text/0269.htm (время обращения: 30.04.2018)
12. Чехов, А. П. Вишневый сад [Электронный ресурс] / А. П. Чехов. – URL: <http://librebook.me/vishnevyyi-sa-d/vol1/1> (время обращения: 27.03.2018)
13. Чехов, А. П. Три сестры [Электронный ресурс] / А. П. Чехов. – URL: <http://lib.ru/LITRA/CHENOW/sestry.txt> (время обращения: 24.03.2018)
14. Чжао Юньпин Сопоставительная грамматика русского и китайского языков [Текст] / Чжао Юньпин. – М.: Издательская группа ПРОГРЕСС, 2003. – 456 с.
15. Шаронов, И. А. Междометия в речи, тексте и словари [Текст] / И. А. Шаронов. – М.: РГГУ, 2008. – 102 с.
16. Шаронов, И. А. К вопросу о лингвоспецифичности эмоциональных междометий [Текст] / И. А. Шаронов // Русский язык за рубежом. – М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2009. – № 4. – С. 87-91.
17. Шаронов, И. А. Функционирование жаргонных междометий в языке современной молодежи [Текст] / И. А. Шаронов // Изменения в языке и коммуникации: XXI век. Институт лингвистики; составитель и ответственный редактор М. А. Кронгауз. – М.: РГГУ, 2006. – С. 259-272.
18. Шукшин, В. М. Печки-лавочки [Электронный ресурс] / В. М. Шукшин. – URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=45263&pg=1> (время обращения: 04.04.2018)
19. 果戈里 钦差大臣. 顾金才译. 北京:中国戏剧出版社, 2002. 102页.
20. 契诃夫 三姐妹. 童道明译. – URL: <http://www.doc88.com/p-993992631387.html> (время обращения: 24.03.2018)
21. 契诃夫 樱桃园. 童道明译. – URL: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/5724682.html> (время обращения: 27.03.2018)

22. 托尔斯泰 黑暗的势力. 芳信译. – URL: <https://max.book118.com/html/2019/0314/6231033214002014.shtml> (время обращения: 21.03.2018)

Reference List

1. Bragina, N. G. Mifologija stereotipa i obydennoe znanie = Mythology of stereotype and ordinary knowledge [Tekst] / N. G. Bragina // Stereotipy v jazyke, komunikacii i kul'ture: sb. statej / sost. i otv. red. L. L. Fedorova. – M.: RGGU, 2009. – S. 348-356.

2. Bragina, N. G. Sociokul'turnye konstrukty v jazyke = Sociocultural constructs in language [Tekst]: monografija / N. G. Bragina. – 2-e izd., ispr. i dop. – M.: Flinta, 2013. – 386 s.

3. Gogol', N. V. Revizor = The Inspector General [Elektronnyj resurs] / N. V. Gogol'. – URL: http://bookscafe.net/read/gogol_nikolay-revizor-82462.html#p1 (vremja obrashhenija: 30.03.2018)

4. Gor'kij, M. Meshhane = The Philistines [Elektronnyj resurs] / M. Gor'kij. – URL: http://az.lib.ru/g/gorxkij_m/text_0170.shtml (vremja obrashhenija: 30.03.2018)

5. Zaliznjak, A. A., Levontina, I. B., Shmelev, A. D. Konstanty i peremennye russkoj jazykovoj kartiny mira = Constants and variables of the Russian linguistic picture of the world [Tekst] / A. A. Zaliznjak, I. B. Levontina, A. D. Shmelev. – M.: Jazyki slavjanskih kul'tur, 2012. – 696 c.

6. Kostomarov, V. G. Mezhdometija v anglijskom jazyke = Interjections in English [Tekst] / V. G. Kostomarov // Principy nauchnogo analiza jazyka. – M.: Astrel', 1959. – S. 74-98.

7. Li Chjen'chjen' K voprosu o perevode mezhdometij s russkogo jazyka na kitajskij jazyk = To a question of translation of interjections from Russian into Chinese [Tekst] / Li Chjen'chjen' // I Mezhdunarodnaja nauchno-praktičeskaja konferencija «Peresekaja granicy: mezhkul'turnaja komunikacija v global'nom kontekste»: sbornik materialov / otv. red. N. G. Bragina, A. G. Zhukova. – M.: Gos. IRJa im. A. S. Pushkina, 2018. – S. 300-302.

8. Remizov, V. Volja vol'naja = Free will [Elektronnyj resurs] / V. Remizov. – URL: <https://mybook.ru/author/vikt-or-remizov/volja-volnaya/read/> (vremja obrashhenija: 04.04.2018)

9. Saltykov-Shhedrin, M. E. Pompadury i pompadurshi = Pompadours and pompadouresses [Elektronnyj resurs] / M. E. Saltykov-Shhedrin. – URL: http://az.lib.ru/s/saltykow_m_e/text_0020.shtml (vremja obrashhenija: 03.04.2018)

10. Terehov, A. Memuary srochnoj sluzhby = Memoirs of military conscription [Elektronnyj resurs] / A. Terehov. – URL: [https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/397233-2-aleksandr-terehov-krysoboy-](https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/397233-2-aleksandr-terehov-krysoboy-memuary-srochnoj-sluzhby.html#book)

[memuary-srochnoj-sluzhby.html#book](https://libking.ru/books/prose-/prose-contemporary/397233-2-aleksandr-terehov-krysoboy-memuary-srochnoj-sluzhby.html#book) (vremja obrashhenija: 04.04.2018)

11. Tolstoj, L. N. Vlast' t'my = Power of darkness [Elektronnyj resurs] / L. N. Tolstoj. – URL: https://rvb.ru/tolstoj/01text/vol_11/01text/0269.htm (vremja obrashhenija: 30.04.2018)

12. Chehov, A. P. Vishnevyy sad = The Cherry Orchard [Elektronnyj resurs] / A. P. Chehov. – URL: <http://librebook.me/vishnevyyi-sad/vol1/1> (vremja obrashhenija: 27.03.2018)

13. Chehov, A. P. Tri sestry = Three sisters [Elektronnyj resurs] / A. P. Chehov. – URL: <http://lib.ru/LITRA/CHEHOW/sestry.txt> (vremja obrashhenija: 24.03.2018)

14. Chzhao Jun'pin Sopostavitel'naja grammatika russkogo i kitajskogo jazykov = Comparative grammar of the Russian and Chinese languages [Tekst] / Chzhao Jun'pin. – M.: Izdatel'skaja gruppa PROGRESS, 2003. – 456 s.

15. Sharonov, I. A. Mezhdometija v rechi, tekste i slovari = Interjections in speech, the text and dictionaries [Tekst] / I. A. Sharonov. – M.: RGGU, 2008. – 102 s.

16. Sharonov, I. A. K voprosu o lingvospecificnosti jemocional'nyh mezhdometij = To a question of linguistic specificity of emotional interjections [Tekst] / I. A. Sharonov // Russkij jazyk za rubezhom. – M.: Gos. IRJa im. A. S. Pushkina, 2009. – № 4. – S. 87-91.

17. Sharonov, I. A. Funkcionirovanie zhargonnyh mezhdometij v jazyke sovremennoj molodezhi = Functioning of slangy interjections in language of modern youth [Tekst] / I. A. Sharonov // Izmenenija v jazyke i komunikacii: XXI vek. Institut lingvistiki; sostavitel' i otvetstvennyj redaktor M. A. Krongauz. – M.: RGGU, 2006. – S. 259-272.

18. Shukshin, V. M.. Pechki-lavochki = Happy Go Lucky [Elektronnyj resurs] / V. M. Shukshin. – URL: <http://readli.net/chitat-online/?b=45263&pg=1> (vremja obrashhenija: 04.04.2018)

19. 果戈里 钦差大臣. 顾金才译. 北京:中国戏剧出版社, 2002. 102页.

20. 契诃夫 三姐妹. 童道明译. – URL: <http://www.doc88.com/p-993992631387.html> (время обращения: 24.03.2018)

21. 契诃夫 樱桃园. 童道明译. – URL: <http://ishare.iask.sina.com.cn/f/5724682.html> (время обращения: 27.03.2018)

22. 托尔斯泰 黑暗的势力. 芳信译. – URL: <https://max.book118.com/html/2019/0314/6231033214002014.shtml> (время обращения: 21.03.2018)

Дата поступления статьи в редакцию: 14.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Романские языки

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10394

УДК 821.134.2

Е. И. Бойчук <https://orcid.org/0000-0001-6600-2971>

М. А. Джонсон <https://orcid.org/0000-0003-0378-996X>

Специфика ритмической структуры испанских прозаических текстов

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-07-00243

В статье рассматриваются основные теории испанских лингвистов относительно проблем ритмики текста, средств ее выражения на материале испанской художественной литературы. Проблема ритма текста на данном уровне является актуальной в связи с тем, что зарубежные филологи и лингвисты недостаточно полно освещают процесс ритмообразования, уделяя внимание лишь поверхностным аспектам данного процесса, а именно эмоциональной составляющей ритма, фонетическим аспектам его проявлений, тогда как ритм как явление комплексное, проявляется в том числе на лексико-грамматическом и структурно-композиционном уровнях его организации. Ритм имеет свою семантику, которая проявляется благодаря системе его компонентов, а именно средствам ритмизации. Основной целью данного исследования явился поиск первичных характеристик ритма испанского прозаического текста, выявление особенностей ритма романа Г. Гарсии Маркеса «Палая листва». Безусловно, на материале одного произведения нельзя сделать выводы относительно системы ритма испанской прозы, поэтому данное исследование послужит началом продолжительной работы, ориентированной на выявление специфики процесса ритмизации испанской прозы на всех уровнях проявления ритма. Результатом настоящего исследования явилось определение общих черт, присущих ритму испанского языка, основанных на его синтаксической структуре, а также частных особенностей, связанных с ритмикой исследуемого романа.

Ключевые слова: ритм, проза, Палая листва, Г. Гарсия Маркес, анафора, полиптотон, симплока, эпаналепсис, деривация, однородные члены предложения, антонимы.

Romance languages

E. I. Boichuk, M. A. Johnson

Rhythmic Structure Specifics of Spanish Prosaic Texts

The article discusses the main theories of Spanish linguists regarding the problems of the rhythm of the text, the means of its expression on the material of Spanish prose. The problem of text rhythm at this level is relevant due to the fact that foreign philologists and linguists do not fully cover the process of rhythm formation, paying attention only to superficial questions of the manifestation of this process, namely the emotional component of rhythm, the phonetic aspects of its manifestations, while rhythm as a complex phenomenon, manifested in the lexical, grammatical, structural and compositional levels of its organization. Rhythm has its own semantics, which is manifested due to the system of its components, namely the means of rhythmization. The main purpose of this study was to search for the primary characteristics of the rhythm of the Spanish prose text, identifying the features of the rhythm of the novel by G. G. Marquez «Leaf Storm». Of course, it is impossible to draw conclusions about the rhythm system of Spanish prose on the material of a single work, therefore this study will be the beginning of long work aimed at revealing the specifics of the rhythmization process of Spanish prose at all levels of rhythm manifestation. The result of this study was the definition of common features inherent in the rhythm of the Spanish language, based on its syntactic structure, as well as particular features associated with the rhythm of the novel under study.

Keywords: rhythm, prose, Leaf storm, Falling Leaves, G. Garcia Marquez, anaphora, polyptoton, symploce, epanalepsis, derivation, homogeneous parts of the sentence, antonymy.

Вопросами реализации ритма на материале художественной прозы занимались очень многие отечественные и зарубежные лингвисты и филологи. Однако большинство исследований проводилось на материале английского, русского и французского языков. Фундаментальными в этой области в отечественной филологии считаются работы

Б. В. Томашевского, М. М. Гиршмана, А. Белого, О. М. Брика, В. М. Жирмунского, Н. М. Фортунатова. Среди зарубежных исследователей в этой области следует отметить А. Мешонника, Ш. Балли, Э. Бенвениста, Э. Борда, М. Будро, А. Лефевра, Г. Рихтера, Н. Р. Темпеста.

За последние 3 года интенсивность исследований в области ритма текста значительно увеличилась. Работы как отечественных, так и зарубежных лингвистов обращены в основном в сторону прагмалингвистики, психолингвистики и литературоведения: Г. Г. Багаутдинова, И. С. Радугин, 2016 [2]; Т. И. Шевченко, Т. В. Сокорева, 2016 [19]; Г. А. Головченко, 2016 [5]; Г. И. Сташко, 2016 [15]; Д. Г. Трофименко, 2016 [17]; Г. Н. Иванова-Лукьянова, 2016 [10]; Н. М. Щедрина, 2016 [20]; А. С. Виноградов, 2017 [4]; С. П. Дудина, 2017 [9]; А. Л. Доброхотов, 2017 [8]; О. В. Губарева, 2017 [6]; Т. В. Колчева, 2017 [11]; И. А. Пильщиков, 2017 [13]; Е. В. Соколова, 2017; С. Е. Ляпин, М. С. Флоринская, 2017 [14]; Т. В. Гусейнова, 2018 [7] и др.

Интерес к проблемам ритма проявляют многие зарубежные исследователи: Ж. Дессон (2002) [26], Э. Борда (2003) [21], Ф. Жуссе (2003) [34], Б. Корнюль (2003) [25], М. А. Ди Кристо (2003) [27], Ш. Жерар (2006) [30], Ж.-П. Гу (2009) [34], С. Фрейермут (2009) [29], П. Мишон (2010) [37], П. Соване (2011) [41], Ж. Ларю-Тондэр (2011) [35], Л. То (2017) [43]; К. Чирбрант (2017) [24] и др.

В работах перечисленных лингвистов ставятся основные проблемы, связанные с ритмом, а именно: проблема понятия ритма прозы и ритма поэзии, проблема минимальной ритмической единицы и последующих единиц, проблема выделения средств, при помощи которых создается ритм, участие и статус ритма в комплексном анализе художественного текста.

В статье рассматриваются многочисленные вопросы, связанные с проявлением ритма прозы, специфика которого заключается не только в особенностях восприятия в зависимости от средств реализации, но и в зависимости от языка произведения.

По вопросам понимания ритма, его специфики для разных типов текста, средств и единиц его реализации написано множество трудов как отечественными, так и зарубежными лингвистами. Однако в этом множестве в романистике остается не освещенным взгляд испанских лингвистов и филологов, чьи работы в основном ориентированы на исследование специфики ритма художественных текстов на основе постоянного сопоставления ритма поэзии и ритма прозы. При этом в большинстве работ акцент сделан на смысловом восприятии повторяющейся лексики. Так, например, работа Викторино Поло Гарсии «Поэзия и ритм в прозе Камило Хосе Селы» указывает на то, что испанские лингвисты под ритмом прозы подразумевают ее *близость к поэзии*: само слово есть поэзия, и поэтический стиль прозаических произведений заключается в самих словах этих произведений [39].

По мнению Мартина Хайдиггера, важными словами в произведении являются те слова, которые употребляются чаще остальных. Таким образом, одинаковые лексемы своим *периодичным повторением* формируют стиль художественного произведения, делают его особенным и наполняют текст смыслом [38]. Хосе Ортега-и-Гассет, рассуждая о философских текстах, отмечал, что проза – это «зрелая» поэзия (*la prosa sería la madurez de la poesía*, проза – это зрелость поэзии) [39].

По мнению Аурелио Рибальта, между стихотворениями в прозе и поэтической прозой не существует точных границ. Он считал, что ритм украшает литературные произведения, проявляясь на структурно-композиционном уровне (*повтор сюжетных линий в тексте*) и на фонетическом уровне (*повтор звуковых единиц*) [40].

Испанский поэт и филолог Дамасо Алонсо сформулировал четкое различие между ритмом прозы и ритмом поэзии: в его понимании, ритм прозы состоит из «шагов», которые выстраивают синтаксическую *структуру* произведения. Задачей же свободного поэтического ритма является придание *формы* рассуждениям, заложенным в стихотворении [30].

Филолог Самуэль Гили Гайя считал, что в основу современного ритма не заложены ни слоги, ни слова, ни фонетические группы (*grupos fónicas*), ни фразы. Для Гили Гайя, свободное стихотворение и проза это не одно и то же. Более того, он считает, что поэты намеренно создают стихотворный ритм, руководствуясь поэтическими инстинктами. Каждое стихотворение, в отличие, например, от статьи, состоит из *единств мелодии, чувств и мышления*. Синтаксические паузы, будь то короткие или длинные, обособляют эти единства [33].

Домингес Капаррос, признавая существование четкой границы между прозой и стихотворением, считал, что ритм – это отличительная, черта поэтического языка в стихотворениях. В связи с этим сегментация текста стихотворения отличается от сегментации текста прозы: если структуру стихотворения можно назвать ритмически организованной, то структуру прозы можно считать логико-синтаксической. По его мнению, проза ритмом *не обладает*. Он называет ритм прозы регрессивным, а ритм стиха прогрессивным, поскольку ритм прозы основывается на восприятии читателем случайного, неожиданного, нерегулярного повторения. Прогрессивный ритм стихотворения – это ритм, ощущая который мы ожидаем, что некоторые его единицы будут повторяться [28].

Карлос Боусоньо в своей работе «*Teoría de la expresión poética*» писал о том, что синтаксис и

фонетический ритм передают чувства героев лирического произведения, создают образы его героев, что является проявлением ритма на структурно-композиционном уровне [22].

Перечисленные выше работы предлагают общую оценку ритма, его понимание и сопоставление с ритмом поэтического текста. Однако немаловажным является вопрос проявления ритма, его средств, единиц его реализации. Изучая политический роман Алехо Карпентьера «Превратности метода», Хулио Калвиньо Иглесиас выделил следующие ритмические средства: *анаподотон, градацию эпитетов, использование амплификаций, полиптотон, анафорический повтор, употребление однородных членов* [23].

Сальвадор Олива усматривал наибольшую значимость в расстановке фонетических ударений, которые тесным образом связаны с грамматической структурой, а, следовательно, и с ритмом текста. Говоря о фонетическом ритме, он выделил принцип ритмического чередования (*el principio de alternancia rítmica*). По его мнению, фонетическая синтагма состоит из лексического ядра (*el núcleo lexical*) (существительное, прилагательное, глагол, местоимение) и его интонационной синтагмы (*el sintagma de entonación*). В прозе Луиса Матео Диеса, ученый отметил различные ритмические характеристики: *слововые, семантические и синтаксические повторы* [38].

Якобо Ямас Мартинес в своей работе «Una aproximación al ritmo lingüístico, el tono y la puntuación en las novelas de Rafael Chirbes» исследовал языковой ритм (*el ritmo lingüístico*), тонические и пунктуационные особенности произведений Рафаэля Чирбеса. Сам писатель называл свои прозаические новеллы короткими поэмами, в которых все главы похожи на строфы, а все фразы поэтичны. Он был уверен, что динамику прозы создает ее синтаксический и музыкальный ритм, а язык писателя становится менее важным, так как он является лишь «коробкой, которая хранит слова, коробкой, с которой нужно поиграть, чтобы получить хорошее произведение». Он отмечал, что его новеллы имеют «свой ритм и напряжение» (*«su ritmo, su tensión»*) [36].

К языковому ритму он отнес *синтаксические* (*анафора, параллелизм, асиндетон*) и *семантические повторы*, которые были выявлены на материале новелл Чирбеса. В качестве примера употребления ритмических характеристик в произведении «La buena letra» Якобо Ямас Мартинес приводит эпизод, в котором Анна пишет письмо своему сыну, в котором старается донести свои воспоминания о минувшей войне. Чтобы точнее передать чувства женщины, автор использует синтаксические средства (полиптотон – «ti»

«te», «fusilados» «fusilamientos», параллелизм и бессоюзие – «me ha llenado de sufrimiento y me ha quitado de vivir», «en el manantial», «en el huerto», «desde Gandía, desde Cullera, desde Tabernes»):

Se trata, en su mayoría, de nombres que a ti nada te dicen y que solo de vez en cuando has tenido ocasión de escuchar. Fueron mi vida. Gente a la que quise. Cada una de sus ausencias me ha llenado de sufrimiento y me ha quitado las ganas de vivir. Rumores de fusilamientos que sólo a veces se confirmaban, pero que siempre hacían daño. Aparecieron cadáveres en el manantial, en el huerto de naranjos que tenía una balsa en la que tú siempre querías bañarte cuando eras pequeño y donde una vez casi te ahogas; en la playa, en los arrozales. Aprendimos la suciedad del miedo. Los fusilados no siempre eran de aquí, de Bovra. Había mujeres que venían en busca de cadáveres desde Gandía, desde Cullera, desde Tabernes. La certeza de la muerte las curaba del miedo (R. Chirbes «La Buena letra», p. 19, p. 27)

Во внутреннем монологе Педро в конце романа «Los viejos amigos» автор отмечает *анафору* («nubes», «niebla»), *полиптотон* («nuevo» «nuevas», «follar» «follado» «follo», «ofrecía» «ofrecido»), *параллелизм* («no levanta las nubes, no las esparce, ni las difumina», где «las» выступает в качестве прямого дополнения) и *хиазм* («follo por dinero [...] por dinero follo»):

<...> salgo de nuevo a la noche fría de Madrid, y ahí, otra vez, hálito, niebla, follar no levanta las nubes, no las esparce, ni las difumina, follar no aclara nada, si acaso, oscurece, enturbia, añade nuevas nubes, nuevos lienzos de niebla. Sales recién follado y ya estás otra vez rodando: te das pena: no me quiere nadie, follo por dinero, pagando, por dinero follo; Amalia, y tú, ¿por qué no me has querido esta noche? Si te ofrecía tu parcela de paraíso. Te la he ofrecido. (R. Chirbes «Los viejos amigos», p. 212)

Изучая эмотивный аспект произведений Чирбеса, Якобо Ямас отмечает, что ритмическая структура литературных произведений вызывает глубокие чувства и сопереживание по отношению к героям. Такое стремление воздействовать на читателя в тексте скрывается за описанием чувств, эмоций, характеров персонажей.

Для Чирбеса было важно обеспечить свои новеллы правильным ритмом, средства которого, сливаясь воедино, воздействуют на читателя, создают настроение произведения или его фрагмента. Якобо Ямас ассоциирует настроение произведений Чирбеса с характером и состоянием души персонажей. Например, марроканский город Фес в произведении «Mimoun» по разному воспринимается профессором и его сожителем Франсиско.

Профессору, человеку всегда обеспокоенному своими проблемами, город казался «печальным»,

«однотонным», «грязным» и «противным». Это отражено в повторах слов с негативной коннотацией (существительных и прилагательных):

*La lluvia desplegaba toda la **tristeza** de Marruecos, sacaba **las tripas enfermas** del país y las tendía sobre las hortalizas **embarradas** de los mercados, los caminos **intransitables** y los cafés, que apestaban a **lana mojada y suciedad**. Después, de repente, la lluvia se convirtió en nieve y pareció que nos justificaba a todos. Un silencio apacible se extendió por los jardines **abandonados**. Fue como si después de una **larga enfermedad**, hubiese al fin venido a visitarnos una vieja amiga.* (R. Chirbes «Mimoun», p. 53)

Франсиско город казался «красивым» и «светлым». Но так же, как и в словах профессора, в его видении города проскальзывают «грусть» и «печаль». Из этих двух описаний складывается ритм жизни города:

*Fez era la ciudad **más hermosa del mundo**, aunque yo no sabía explicar por qué. Como si un mar de **tristeza** hubiera inundado aquel **laberinto luminoso**, y los objetos y las gentes hubiesen quedado sumergidos en él, y fueran, poco a poco, derritiéndose y dejando **lamentables** restos de color.* (R. Chirbes «Mimoun», p. 10).

Синтаксис и пунктуация, по мнению исследователя, заслуживают отдельного внимания, так как динамичный ритм прозы создается именно с ее помощью. В своих новеллах «Mimoun», «La lucha final», «La buena letra», «Los disparos del cazador», «La larga marcha» Чирбес пунктуационно выделяет логико-семантические части, в то время как в «La caída de Madrid», «Los viejos amigos», «Crematorio» и «En la orilla» при помощи пунктуации выделяются просодические элементы, с целью выражения мыслей героев. Например, в «La buena letra» пунктуация в письме Анны сыну говорит о том, что женщина старалась сдерживать свои эмоции, чтобы передать достоверные воспоминания о пережитой войне. Расстановка запятых в тексте выражает достоверность событий:

Pero la noche antes se fueron tu padre y él con los amigos, se emborrachó, y, de vuelta a casa, se cayó y se torció un tobillo. (R. Chirbes «La Buena letra», p. 17).

Таким образом, согласно исследованиям испанских лингвистов, ритмическая специфика языковой структуры и пунктуационные особенности прозаического текста находятся в тесной взаимосвязи и вместе образуют единый ритм прозаического текста, который является выразителем содержательного аспекта произведения, его основной идеи, а также эмоций и переживаний персонажей.

Повтор, являясь основой ритма, можно наблюдать на фонетическом, лексическом, грамматическом и структурно-композиционном уровнях. На

фонетическом уровне ритм проявляется в повторе просодических компонентов, делающих устную речь выразительнее, на лексическом – в периодическом употреблении одинаковых лексических компонентов, на грамматическом – в частом использовании словообразовательных средств, стилистических фигур, синтаксических конструкций, на структурно-композиционном – в повторе образов, сюжетных линий.

Рассмотрим с этих позиций ритм произведения Габриэля Гарсии Маркеса «Палая листва» («La Hojagasca»).

Одним из наиболее часто употребляемых средств ритмизации на лексическом уровне в романе является употребление **однородных членов предложения** (38 %).

На морфологическом уровне ритмизации наиболее распространенной является **деривация** (12 %) – употребление однокоренных слов: например, глагол *sonríe* и существительное *sonrisa* имеют общий корень /sonr-/; прилагательное *tranquilo* и существительное *tranquilidad* – /tranquil-/; глагол *esfuerce* и существительное *esfuerzos* – /esfuer-/.

К другим распространенным средствам ритмизации на лексико-грамматическом уровне относятся **эпанафисис** (12 %) – повторение после промежуточных слов; **анафора** (9,6 %) (лексическая (глагольная) и синтаксическая); **полиптотон** (7 %) – повторение глаголов в различных грамматических формах вне зависимости от позиции в предложении; **симплога** (4,48 %); **градация** (4,48 %) в большей степени нисходящая; и **употребление антонимов** (4,48 %).

Наиболее распространенным ритмическим средством не только в испанском языке, но и в любом другом, является употребление однородных членов, которые сопровождаются интонацией перечисления при нумерации нескольких синтаксических элементов, соединенных сочинительной связью:

*Mamá **me condujo** de la mano por la habitación oscura y **me sentó** a su lado, en un rincón.* (p. 9);

*Los hombres **salieron** y **retornaron** a la habitación con un martillo y una caja de clavos.* (p. 18);

*Me **aprieto** el estómago y trato de golpear el piso con los pies (otro recurso extremo), pero sólo **encuentro** el vacío, abajo; <...>* (p. 20);

*Varias veces me **ha mirado** y yo sé que me **ha visto** extraña, desconocida <...>* (p. 15).

С точки зрения частотности проявлений в тексте данное средство создания ритма является наиболее продуктивным. Можно сказать, что именно употребление однородных конструкций создает **матрицу ритма**, на фоне которой наблюдается проявление других ритмических средств. Кроме того,

ритмический эффект от употребления однородных членов еще более усиливается такими средствами, как равенство и последовательность слогов, интонация перечисления, в отдельных случаях градация (восходящая или нисходящая).

Следующим наиболее распространенным средством ритмизации для испанского текста является **деривация**:

<...> *me mira y sonríe con una sonrisa forzada, sin nada por dentro*; <...> (p. 12) – улыбаться – улыбка.

Los hombres salieron y retornaron a la habitación con un martillo y una caja de clavos. Pero no han clavado el ataúd (p. 18). – гвозди – приколотить.

Desde entonces, por mucho que me esfuerce por no mirarlo, siento como si alguien me sujetara la cara hacia ese lado. Y aunque haga esfuerzos por mirar hacia otros lugares de la habitación <...> (p. 10). – пытаться – усилие.

Повтор однокоренных слов подчеркивает некоторую навязчивую мысль, доводит до читателя эмоции, ощущения персонажей, чувства, беспокоящие их в определенный момент. При помощи данного ритмического средства осуществляется смысловое акцентирование, ориентированное на предмет, признак или действие.

Эпаналепсис – одно из наиболее распространенных средств ритмизации на лексико-грамматическом уровне; оно способствует формированию восприятия читателем основной идеи фрагмента текста, основной мысли, которую стремится передать автор. Так, повторение слова *tranquilidad* и его однокоренного прилагательного *tranquilo* (спокойный) в следующем фрагменте напротив, свидетельствует о беспокойстве внука по поводу эмоционального состояния деда, которое не является случайным. Это особое, не свойственное ему спокойствие:

Mi abuelo parece tranquilo, pero su tranquilidad es imperfecta y desesperada. No es la tranquilidad del cadáver en el ataúd, sino la del hombre impaciente que se esfuerza por no parecerlo. Es una tranquilidad inconforme y ansiosa la de mi abuelo que da vueltas en la habitación, cojeando, removiendo los objetos amontonados. (p. 18) – Дедушка спокоен, но не как покойник в гробу, а как живой человек, с трудом сдерживающий нетерпение. Обычного его внешнего безразличия явно не хватает. Он кружит по комнате, хромя, и без нужды перекалывает с места на место разбросанные вещи. (Г. Гарсиа Маркес «Палая листва» в переводе Маркова С. А., p. 21)

Описывая состояние дедушки-полковника, одного из уважаемых людей деревни Макондо и единственного из всех жителей равнодушного к умершему человеку, мальчик несколько раз повторяет

слово «*tranquilidad*» и его однокоренное слово «*tranquilo*» (деривация), подчеркивая притворную умиротворенность дедушки, которую он создает для своей дочери. Но состояние человека «с трудом сдерживающего нетерпение», нервно расхаживающего по комнате и складывающего вещи покойника в гроб, было невозможно скрыть. Такое нервное состояние полковник испытывает из-за осуждения, которому неизбежно подвергнутся он и его дочь, из-за позора, ставшего результатом проявленного милосердия к умершему доктору и проведения похорон человека, которого ненавидели все вокруг, и чей трупный запах на протяжении многих лет вся деревня мечтала услышать прямо из его дома.

Еще один пример употребления эпаналепсиса со сложной структурой подчеркивает некоторую навязчивую мысль, стремление запомнить момент, не упускать ни одной детали: *Son las dos y media, pienso, Las dos y media del 12 de septiembre de 1928*; <...> (p. 26) – Половина третьего, – думаю я. – Два часа тридцать минут 12 сентября 1928 года. (Г. Гарсиа Маркес «Палая листва» в переводе Маркова С. А., p. 34)

В конце первой главы полковник, услышав гудок поезда, который отбросил его в воспоминания далекого 1903 года, несколько раз повторяет «*Son las dos y media*», вспоминая тем самым время, когда молодой доктор впервые оказался у них в гостях. Это ключевой, судьбоносный момент в его жизни, который многое изменил в ее плавном течении.

В связи со спецификой синтаксической структуры испанского языка необходимо уточнить особенности употребления следующих по распространенности в данном произведении средств, в частности **анафоры** и **полиптотона**. В рамках анафорического повтора для ритмики текста важно различать лексическую и синтаксическую анафоры. Лингвисты выделяют несколько типов **лексической анафоры**: местоименная, именная, глагольная, наречная анафоры в зависимости от части речи, которой выражена данная фигура. Для испанского языка наиболее частотной является глагольная анафора:

<...> *deseo salir de aquí; deseo respirar el aire abrasado de la calle, y acudo a mi recurso extremo* (p. 19). Это также объясняется синтаксической структурой испанского предложения, а именно начальной позицией глагола-сказуемого, содержащего в своей грамматической форме указание на лицо и число.

Кроме того, выделяют постоянную и непостоянную анафоры в зависимости от степени изменений при повторе (постоянная анафора допускает лишь изменение детерминатива (артикля, местоимения), непостоянная допускает изменение лексемы). Последний тип имеет важное значение для семантики

текста, однако данный тип повтора отражает некоторый глубинный смысл, который может быть отражен при анализе семантики ритма.

Частое употребление лексической анафоры объясняется экспрессивным синтаксисом испанского языка, основной единицей которого является эмфаза, представляющая собой «перераспределение акцентов» [1]. Порядок слов также имеет важное значение при расстановке логического ударения в предложении. В отличие, например, от русского языка, в котором синтаксической нормой является прямой порядок слов (подлежащее – сказуемое – дополнение) в испанском языке он не является единственной нормой. Использование в начале частей высказывания одной и той же грамматической формы глагола, представляет собой специфику испанского языка и в связи с этим формирует особую ритмическую характеристику, которую при повторении одних и тех же лексем можно представить в форме анафоры. Эта грамматическая повторяемость акцентирует внимание читателя на действии, на происходящих событиях. В том числе благодаря данной грамматической структуре можно сделать вывод о том, что испанский язык по своей природе ритмичен и экспрессивен.

Синтаксическая анафора выражается в употреблении одинаковых синтаксических конструкций и широко используется при построении крупных ритмических структур: *Veo que tienen la cabeza acerada y un pañuelo amarrado en la mandíbula. Veo que tienen la boca un poco abierta y que se ven, detrás de los labios morados, los dientes manchados e irregulares. Veo que tienen la lengua mordida a un lado... Veo que tienen los ojos abiertos, mucho más que los de un hombre; ansiosos y desorbitados, y que la piel parece ser de tierra apretada y húmeda. Creí que un muerto parecía una persona quieta y dormida y ahora veo que es todo lo contrario. Veo que parece una persona despierta y rabiosa después de una pelea.* (p. 8);

Y cuando miré hacia la cama, ya no lo vi como antes. Ya no lo vi acostado sino muerto. (p. 10).

Следует разграничивать лексическую, глагольную анафору и полиптотон, выражающийся в употреблении одного и того же глагола в различных грамматических формах. При этом не обязательна начальная позиция элементов в предложении: *Lo miro a los ojos y siento que le he mirado con la firmeza necesaria para hacerle entender <...>* (p. 21).

В следующем примере **анафорический повтор** форм глагола *poder podíamos* дважды повторяется в начале предложений:

Podríamos salir ahora. Podríamos decir a papá que no nos sentimos bien en un cuarto en el que se han acumulado, durante diecisiete años, los residuos de un hombre desvinculado de todo lo que pueda ser considerado como afecto o agradecimiento. (p. 12) – Еще не поздно встать и уйти. Сказать отцу, что нам стало плохо в комнате, за семнадцать лет пропитавшейся человеком, ни к кому не испытывавшему ни малейшей

сердечности или признательности. (Г. Гарсиа Маркес «Палая листва» в переводе Маркова С. А., p. 14)

Повтор лексемы *podríamos* во внутреннем монологе дочери полковника Исабель, сидящей в доме покойного доктора и ожидавшей начала похорон, говорит нам о душевных метаниях между тем, чтобы схватить ребенка и убежать из этой «мертвецкой атмосферы» и остаться поддержать отца, чтобы всем вместе пронести «сие тяжкое бремя позора».

Синтаксическая анафора в следующем примере проявляется в форме периодического повторения предложения «*Tiene que acompañarme*», выступает как навязчивая мысль, как судьбоносное решение, которое преследуют героя: «*Tal vez por eso he traído al niño. Cuando papá me dijo, hace un momento: «Tiene que acompañarme». <...> Cuando me dijo: «Tiene que acompañarme», no me dio tiempo a pensar en el alcance de sus palabras; <...> «Pero mi castigo estaba escrito desde antes de mi nacimiento y había permanecido oculto, reprimido, hasta este mortal año bisiestro en que fuera a cumplir treinta de mi nacimiento y mi padre me dijera: «Tiene que acompañarme.»* (p. 13).

Употребление **полиптотона** в исследуемом тексте проявляется в различных формах, в частности в формах инфинитива, Pretérito imperfecto de subjuntivo, Pretérito simple, Pretérito perfecto и др.:

Si no hubiera sucedido lo que sucedió y que nunca se pudo esclarecer <...> (p. 15);

Lo miro a los ojos y siento que le he mirado con la firmeza necesaria para hacerle entender <...> (p. 21);

Ahora el pueblo siente llegar la hora de negarle la piedad que él negó al pueblo hace diez años <...> (p. 23).

Повторение глаголов в разных временных формах устанавливает определенные временные связи между событиями и действиями персонажей, способствует более глубокому пониманию восприятия персонажами или автором описываемой действительности.

В приведенном ниже примере мы видим, что в конце абзаца дублируется мысль персонажа о своих ощущениях (как будто сегодня воскресенье), высказанная в начале изложения мысли. Данный повтор рассматривается нами в качестве **симптоки**:

Es miércoles, pero siento como si fuera domingo porque no he ido a la escuela y me han puesto este vestido de pana verde que me aprieta en alguna parte. De la mano de mamá, siguiendo a mi abuelo que tantea con el bastón a cada paso para no tropezar con las cosas (no ve bien en la penumbra, y cojea) he pasado frente al espejo de la sala y me he visto de cuerpo entero, vestido de verde y con este blanco lazo almidonado que me aprieta a un lado del cuello. Me he visto en la redonda luna manchada y he pensado: Ése soy yo, como si hoy fuera domingo. (p. 7-8) – Сегодня среда, но мне кажется, что воскресенье, потому что в школу я не пошел и одет в зеленый вельветовый костюм, который кое-где мне жмет. Держу маму за руку, вслед за дедушкой, шарящим перед собой тростью, прежде чем сделать шаг, чтобы на что-нибудь не наткнуться (он плохо видит в полутьме и хромает), я

прошел мимо зеркала в гостиной и увидел себя в полный рост – в зеленом, с белым накрахмаленным бантом, врезавшимся мне в шею. «Выгляжу так, будто сегодня воскресенье», – подумал, увидев себя в мутном продолговатом зеркале (Г. Гарсиа Маркес «Палайства» в переводе С. А. Маркова, р. 6).

В своем внутреннем диалоге мальчик несколько раз повторяет «*como si fuera domingo*» из-за непонимания происходящего, ведь в тот момент все с ним происходило впервые: первый раз он увидел мертвеца, и первый раз он надел воскресный костюм в среду.

Употребление **градации** и **антонимов** является в меньшей степени распространенным в данном произведении, однако отмечаются некоторые особенности данных ритмических средств, в частности преобладание нисходящей градации:

<...> *se me vuelve agresivo, desafiante* (p. 20);

El aire es estancado, concreto; <...> (p. 1);

Для антонимов характерно употребление в рамках одной ритмической группы, при этом большинство единиц имеет временное значение:

Tarde o temprano *almorzaremos con este olor* (p. 17);

Porque eso decían todos, desde la primera casa hasta la última (p. 17).

Таким образом, на основе проведенного исследования можно сделать выводы, как общего, так и частного характера относительно ритмики прозаического текста. Во-первых, ритмические средства отражают особенности синтаксической структуры испанского предложения, а именно характеризуются высокой частотой употребления глагольных анафорических повторов. Эта особенность значительно сокращает возможность употребления местоименных анафорических повторов, где личное местоимение выполняет функцию подлежащего. Во-вторых, в связи с упомянутой выше особенностью построения испанского предложения встает необходимость разграничивать лексическую анафору, выраженную глаголом в начальной позиции в предложении, и полиптотон, который характеризуется употреблением различных глагольных форм одного и того же глагола в различных позициях, в том числе в начальной. В-третьих, спецификой романа «Палайства» Г. Гарсии Маркеса с точки зрения его ритмической организации по сравнению с исследованиями, проведенными на материале французской художественной литературы [3], является частое употребление таких средств, как деривация и полиптотон, лексическая анафора с повторяющимся компонентом, выраженным глаголом, синтаксическая анафора, градация и антонимы. Во французских художественных текстах данные средства находились на последних позициях по частоте употребления. В-четвертых, проведенное исследование ставит вопрос о специфике проявлений описанных в статье средств в рамках других произведений, других испанских авторов. Являются ли выделенные средства особенностью испанской прозы вообще или только

отдельно взятого произведения? Ответ на данный вопрос может дать только дальнейшее исследование ритмики испанских прозаических текстов.

Библиографический список

1. Арутюнова, Н. Д. Синтаксическая эмфаза в испанском языке в сравнении с другими романскими языками [Текст] / Н. Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1996. – С. 2-23.
2. Багаутдинова, Г. Г. Ритм художественной прозы в романе И. А. Гончарова «Обыкновенная история» [Текст] / Г. Г. Багаутдинова, И. С. Радьгин // Вестник марийского государственного университета. – 2016. – Т. 10. – № 1 (21). – С. 87-90.
3. Бойчук, Е. И. Реализация лексико-стилистических средств создания ритма во французской прозе XIX в. (на материале романов О. де Бальзака, Стендаля, Г. Флобера, Г. де Мопассана) [Текст] / Е. И. Бойчук // European Social Science Journal (Европейский журнал социальных наук). – 2013. – № 8 (35) Том 2. – С. 175-181.
4. Виноградов, А. С. Ритм в эстетической концепции Б. Пастернака [Текст] / А. С. Виноградов // Вестник тверского государственного университета. – Серия: филология. – 2017. – № 1. – С. 239-243.
5. Головченко, Г. А. Ритм и интонация в характеристике образа героини в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза» [Текст] / Г. А. Головченко // Язык. Слово. Культура. – 2016. – Т. 6. – № 6. – С. 29-60.
6. Губарева, О. В. Ритм и метафора в искусстве иконы [Текст] / О. В. Губарева // Слово.ру: балтийский акцент. – 2017. – Т. 8. – № 1. – С. 24-34.
7. Гусейнова, Т. В. Ритм как атрибут художественного стиля писателя [Текст] / Т. В. Гусейнова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2018. – № 1-1 (79). – С. 15-17.
8. Доброхотов, А. Л. Цвет и ритм революции: интуиции Андрея Белого [Текст] / А. Л. Доброхотов // В сборнике: Арабески Андрея Белого: жизненный путь. Духовные искания. Поэтика. Международная научная конференция, посвященная 135-летию со дня рождения Андрея Белого. – 2017. – С. 445-450.
9. Дудина, С. П. Речевой ритм и особенности его восприятия [Текст] / С. П. Дудина // Архивариус. – 2017. – Т. 2. – № 4 (19). – С. 22-25.
10. Иванова-Лукьянова, Г. Н. Ритм прозы в реальности и восприятии [Текст] / Г. Н. Иванова-Лукьянова // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2016. – Т. 7. – № 7. – С. 365-382.
11. Колчева, Т. В. Создание прекрасного посредством ритма: ритм как конструкт художественного мира [Текст] / Т. В. Колчева // Вестник нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2017. – № 1. – С. 210-214.
12. Остапова, Е. В. Язык и ритм произведения О. И. Уляшева «Пан Туй» («Путь пана») [Текст] / Е. В. Остапова, Е. В. Вагнер // В сборнике: двадцать третья годовичная сессия ученого совета сыктывкарского государственного университета имени Питирима

Сорокина (Февральские чтения) сборник материалов. – 2016. – С. 800-805.

13. Пильщиков, И. А. Понятия «стих», «метр» и «ритм» в русской стиховедческой традиции [Текст] / И. А. Пильщиков // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2017. – Т. 11. – С. 12-31.

14. Ляпин, С. Е. Русский четырехстопный хорей: ритм – язык – проблема типологии [Текст] / С. Е. Ляпин, М. С. Флоринская (Ляпина) // Труды института русского языка им. В. В. Виноградова. – 2017. – Т. 11. – С. 63-76.

15. Сташко, Г. И. Рифма и ритм в создании женских образов (на материале американского песенного фольклора) [Текст] / Г. И. Сташко // Philology. – 2016. – № 3 (3). – С. 98-102.

16. Степанян, А. Х. Ритм как объект педагогического анализа [Текст] / А. Х. Степанян // Иностранные языки в школе. – 2016. – № 4. – С. 18-21.

17. Трофименко, Д. Г. Звукомелодические особенности текста: ритм [Текст] / Д. Г. Трофименко // В сборнике: человек, общество и государство в современном мире сборник научных трудов международной научно-практической конференции: в 2 томах. – 2016. – С. 271-274.

18. Хужахметов, А. О. Ритм и мотив в башкирской прозе [Текст] / А. О. Хужахметов // В сборнике: материалы всероссийской научно-методической конференции, посвященной 90-летию со дня рождения обладателя медали им. К. Д. Ушинского, кандидата педагогических наук, заслуженного учителя школы басср А. А. Галлямова. – 2017. – С. 419-422.

19. Шевченко, Т. И. Английский ритм как выделенность ударных слогов (корпусный анализ влияния возраста и гендера) [Текст] / Т. И. Шевченко, Т. В. Сокорева // Теоретическая и прикладная лингвистика. – 2016. – Т. 2. – № 1. – С. 109-120.

20. Щедрина, Н. М. Ритм как художественный прием в романе А. И. Солженицына «Красное колесо» [Текст] / Н. М. Щедрина // Русская речь. – 2016. – № 6. – С. 39-45.

21. Bordas, É. Le rythme de la prose / É. Bordas // Semen, Rythme de la prose, 2003. – № 16. – URL: <http://semen.revues.org/document2664.html>.

22. Bousoño, C. Teoría de la expresión poética / C. Bousoño. – GREDOS, 1952. – 350 p.

23. Calviño Iglesias, J. El ritmo de la prosa en «El Recurso del Método» de Alejo Carpentier / J. Calviño Iglesias. – AEPE. – núms. 36-37. – 91-110 p.

24. Cheerbrant X. Le rythme de la prose de Phérécide de Syros / X. Cheerbrant // Mnemosine, 2018. Vol. 71, issue 3. – URL: https://brill.com/abstract/journals/mnem/71/3/article-p367_1.xml

25. Cornulier, B. de Problèmes d'analyse rythmique du non-métrique / B. Cornulier // Semen, Rythme de la prose, 2003, 2007. № 16. – URL : <http://semen.revues.org/document2736.html>.

26. Dessons, G. Traité du rythme. Des vers et des proses / G. Dessons, H. Meschonnic. – P. : Dunod, 1998. – 143 p.

27. Di Cristo, A. De la métrique et du rythme de la parole ordinaire : l'exemple du français / A. di Cristo // Semen, Rythme de la prose, 2003. – № 16. – URL: <http://semen.revues.org/2944>

28. Dominguez Caparros J. Elementos de metrica española / J. Dominguez Caparros. – Tirant lo blanch, 2005. – 158 p.

29. Freyermuth, S. Poétique de la prose ou prose poétique ? Le rythme contre le prosaïsme / S. Freyermuth // Questions de style. – 2009. – № 6. – URL:

<http://www.unicaen.fr/puc/revues/thl/questionsdestyle/print.php?dossier=dossier6&file=03freyermuth.xml>.

30. García-Page Sánchez, M. / M. García-Page Sánchez // Dialnet, Notas a «La lengua poética de Góngora», de Dámaso Alonso, 1994. Vol. 17. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=58815>.

31. Gérard, Ch. Sémantique et linéarité du texte. La place du rythme en sémantique des textes / Ch. Gérard. – Toulouse: Université de Toulouse Le Mirail, 2006. – Vol. XI. – № 1. – URL: http://www.revue-texto.net/inédits/gerard/gerard_linearite.html.

32. Gérin, L. Analyser un poème en prose / L. Gérin // Correspondance. – Montréal : Collège Jean-de-Brébeuf, 2003. – Vol. 9. – № 2. – URL: <http://www.ccdmd.qc.ca/correspo/Corr9-2/Poeme.html>.

33. Gili Gaya, S. Estudios sobre el ritmo / S. Gili Gaya – Istmo, 1993. – 151 p.

34. Goux, J.-P. De l'allure / J.-P. Goux // Semen, № 16, Rythme de la prose, 2009. – URL: <http://semen.revues.org/document2664.html>. Jousset, P. La prose sous la prose / P. Jousset // Semen № 16, 2003. – URL: <http://semen.revues.org/document2695.html>.

35. Larue-Tondeur, J. Le rythme à l'articulation de la psychanalyse et de la linguistique / J. Larue-Tondeur // Rhuthmos, 2011. – URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article429>.

36. Llamas Martínez, J. Una aproximación al ritmo lingüístico, el tono y la puntuación en las novelas de Rafael Chirbes / J. Llamas Martínez. – Universidad de Neucha-tel. – p. 2-24.

37. Michon, P. Idiorrythmie ou eurythmie ? Réponse à Yves Citton / P. Michon // Rhuthmos, 2010. – URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article94>

38. Oliva, S. La métrica i el ritme de la prosa / S. Oliva. – Col. Ensayos, 1992. – núm. 13. – p. 538-540.

39. Polo Garcia, V. Poesía y ritmo en la prosa de Camilo José Cela / V. Polo Garcia. – Universidad de Murcia. – 35 p.

40. Ribalta Copete, A. Diccionario biográfico de Galicia 3 / A. Ribalta Copete. Ir Indo Edicións. – 2010-2011. – p. 166.

41. Sauvanet, P. Le rythme: premier bilan d'une recherche / P. Sauvanet // Le Rythme, Actes des 2es Rencontres Interartistiques de l'Observatoire Musical Fran-

çais. – P. : Université Paris-Sorbonne Paris-IV, 2006. – URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article447>

42. Suárez Cabello, J. La prosa versificada de Tomas Morales / J. Suárez Cabello. – Boltein Millares Carlo, núm. 27. – 2008. – p. 401-413.

43. Thos L. Les enjeux du rythme et de la musicalité dans la traduction : l'exemple de «Rayuela» de Julio Cortázar / L. Thos. – 2017. – URL: https://archive-ouverte.unige.ch/unige:105796?all_subtypes=1

Reference List

1. Arutjunova, N. D. Sintaksicheskaja jemfaza v ispanskom jazyke v sravnenii s drugimimi romanskimi jazykami = Syntactic emphasis in Spanish in comparison with other Romance languages [Tekst] / N. D. Arutjunova. – M. : Nauka, 1996. – S. 2-23.

2. Bagautdinova, G. G. Ritm hudozhestvennoj prozy v romane I. A. Goncharova «Obyknoennaja istorija» = Rhythm of art prose in I. A. Goncharov's novel «A Common Story» [Tekst] / G. G. Bagautdinova, I. S. Radygin // Vestnik marijskogo gosudarstvennogo universiteta. – 2016. – T. 10. – № 1 (21). – S. 87-90.

3. Bojchuk, E. I. Realizacija leksiko-stilisticheskikh sredstv sozdaniya ritma vo francuzskoj proze XIX v. (na materiale romanov O. de Bal'zaka, Stendalja, G. Flobera, G. de Mopassana) = Realization of lexico-stylistic means for rhythm in the French prose of the XIX century (on material of novels of O. de Balzac, Stendhal, G. Flaubert, G. de Maupassant) [Tekst] / E. I. Bojchuk // European Social Science Journal (Evropejskij zhurnal social'nyh nauk). – 2013. – № 8 (35) Tom 2. – S. 175-181.

4. Vinogradov, A. S. Ritm v jesteticheskoj koncepcii B. Pasternaka = Rhythm in the esthetic concept of B. Pasternak [Tekst] / A. S. Vinogradov // Vestnik tverskogo gosudarstvennogo universiteta. – Serija: filologija. – 2017. – № 1. – S. 239-243.

5. Golovchenko, G. A. Ritm i intonacija v karakteristike obraza geroini v povesti N. M. Karamzina «Bednaja Liza» = Rhythm and intonation in characteristic of the heroine image in N. M. Karamzin's story «Poor Lisa» [Tekst] / G. A. Golovchenko // Jazyk. Slovesnost'. Kul'tura. – 2016. – T. 6. – № 6. – S. 29-60.

6. Gubareva, O. V. Ritm i metafora v iskusstve ikony = Rhythm and metaphor in art of the icon [Tekst] / O. V. Gubareva // Slovo.ru: baltijskij akcent. – 2017. – T. 8. – № 1. – S. 24-34.

7. Gusejnova, T. V. Ritm kak atribut hudozhestvennogo stilja pisatelja = Rhythm as attribute of the writer's art style [Tekst] / T. V. Gusejnova // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. – 2018. – № 1-1 (79). – S. 15-17.

8. Dobrohotov, A. L. Cvet i ritm revoljucii: intuiicii Andreja Belogo = Color and rhythm of revolution: Andrey Bely's intuitions [Tekst] / A. L. Dobrohotov // V sbornike: Arabeski Andreja Belogo: zhiznennyj put'. Duhovnye iskanija. Pojetika. Mezhdunarodnaja nauchnaja konferencija, posvjashhennaja 135-letiju so dnja rozhdenija Andreja Belogo. – 2017. – S. 445-450.

9. Dudina, S. P. Rechevoj ritm i osobennosti ego vosprijatija = Speech rhythm and features of its perception [Tekst] / S. P. Dudina // Arhivarius. – 2017. – T. 2. – № 4 (19). – S. 22-25.

10. Ivanova-Luk'janova, G. N. Ritm prozy v real'nosti i vosprijatii = Prose rhythm in reality and perception [Tekst] / G. N. Ivanova-Luk'janova // Trudy instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. – 2016. – T. 7. – № 7. – S. 365-382.

11. Kolcheva, T. V. Sozdanie prekrasnogo posredstvom ritma: ritm kak konstrukt hudozhestvennogo mira = Creation of fine by means of rhythm: rhythm as a construct of the art world [Tekst] / T. V. Kolcheva // Vestnik nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. – 2017. – № 1. – S. 210-214.

12. Ostapova, E. V. Jazyk i ritm proizvedenija O. I. Uljasheva «Pan Tui» («Put' pana») = Language and rhythm of O. I. Ulyashev's work «Pan Tui» («Way of the sir») [Tekst] / E. V. Ostapova, E. V. Vagner // V sbornike: dvadcat' tret'ja godichnaja sessija uchenogo soveta syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Pitirima Sorokina (Fevral'skie chtenija) sbornik materialov. – 2016. – S. 800-805.

13. Pil'shhikov, I. A. Ponjatija «stih», «metr» i «ritm» v russkoj stihovedcheskoj tradicii = Concepts «verse», «meter» and «rhythm» in the Russian poetic tradition [Tekst] / I. A. Pil'shhikov // Trudy instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. – 2017. – T. 11. – S. 12-31.

14. Ljapin, S. E. Russkij chetyrjohstopnyj horej: ritm – jazyk – problema tipologii = Russian tetrameter trochee: rhythm – language – typology problem [Tekst] / S. E. Ljapin, M. S. Florinskaja (Ljapina) // Trudy instituta russkogo jazyka im. V. V. Vinogradova. – 2017. – T. 11. – S. 63-76.

15. Stashko, G. I. Rifma i ritm v sozdanii zhenskikh obrazov (na materiale amerikanskogo pesennogo fol'klora) = Rhyme and rhythm in creation of female images (on material of the American song folklore) [Tekst] / G. I. Stashko // Philology. – 2016. – № 3 (3). – S. 98-102.

16. Stepanjan, A. H. Ritm kak ob'ekt pedagogicheskogo analiza = Rhythm as subject of the pedagogical analysis [Tekst] / A. H. Stepanjan // Inostrannye jazyki v shkole. – 2016. – № 4. – S. 18-21.

17. Trofimenko, D. G. Zvukomelodicheskie osobennosti teksta: ritm = Sound melodic features of the text: rhythm [Tekst] / D. G. Trofimenko // V sbornike: chelovek, obshhestvo i gosudarstvo v sovremennom mire sbornik nauchnyh trudov mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii: v 2 tomah. – 2016. – S. 271-274.

18. Huzhahmetov, A. O. Ritm i motiv v bashkirskoj proze = Rhythm and motive in the Bashkir prose [Tekst] / A. O. Huzhahmetov // V sbornike: materialy vserossijskoj nauchno-metodicheskoy konferencii, posvjashhennoj 90-letiju so dnja rozhdenija obladataelja medalii im. K. D. Ushinskogo, kandidata pedagogicheskikh nauk, zaslužennogo uchitelja shkoly bassr A. A. Galljamova. – 2017. – S. 419-422.

19. Shevchenko, T. I. Anglijskij ritm kak vydelenost' udarnyh slogov (korpusnyj analiz vlijaniya vozrasta i gendera) = English rhythm as prominence of stressed syllables (case analysis of age and gender influence) [Tekst] / T. I. Shevchenko, T. V. Sokoreva // Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. – 2016. – T. 2. – № 1. – S. 109-120.
20. Shhedrina, N. M. Ritm kak hudozhestvennyj priem v romane A. I. Solzhenicyna «Krasnoe koleso» = Rhythm as an artistic means in A. I. Solzhenitsyn's novel «A Red Wheel» [Tekst] / N. M. Shhedrina // Russkaja rech'. – 2016. – № 6. – S. 39-45.
21. Bordas, É. Le rythme de la prose / É. Bordas // Semen, Rythme de la prose, 2003. – № 16. – URL: <http://semen.revues.org/document2664.html>.
22. Bousoño, C. Teoría de la expresión poética / C. Bousoño. – GREDOS, 1952. – 350 p.
23. Calviño Iglesias, J. El ritmo de la prosa en «El Recurso del Método» de Alejo Carpentier / J. Calviño Iglesias. – AEPE. – núms. 36-37. – 91-110 p.
24. Cheerbrant X. Le rythme de la prose de Phérécide de Syros / X. Cheerbrant // Mnemosine, 2018. Vol. 71, issue 3. – URL: https://brill.com/abstract/journals/mnem/71/3/article-p367_1.xml
25. Cornulier, B. de Problèmes d'analyse rythmique du non-métrique / B. Cornulier // Semen, Rythme de la prose, 2003, 2007. № 16. – URL : <http://semen.revues.org/document2736.html>.
26. Dessons, G. Traité du rythme. Des vers et des proses / G. Dessons, H. Meschonnic. – P. : Dunod, 1998. – 143 p.
27. Di Cristo, A. De la métrique et du rythme de la parole ordinaire : l'exemple du français / A. di Cristo // Semen, Rythme de la prose, 2003. – № 16. – URL: <http://semen.revues.org/2944>
28. Dominguez Caparros J. Elementos de metrica española / J. Dominguez Caparros. – Tirant lo blanch, 2005. – 158 p.
29. Freyermuth, S. Poétique de la prose ou prose poétique ? Le rythme contre le prosaïsme / S. Freyermuth // Questions de style. – 2009. – № 6. – URL: <http://www.unicaen.fr/puc/revues/thl/questionsdestyle/print.php?dossier=dossier6&file=03freyermuth.xml>.
30. García-Page Sánchez, M. / M. García-Page Sánchez // Dialnet, Notas a «La lengua poética de Góngora», de Dámaso Alonso, 1994. Vol. 17. – URL: <https://dialnet.unirioja.es/servlet/articulo?codigo=58815>.
31. Gérard, Ch. Sémantique et linéarité du texte. La place du rythme en sémantique des textes / Ch. Gérard. – Toulouse: Université de Toulouse Le Mirail, 2006. – Vol. XI, № 1. – URL: http://www.revue-texto.net/inedits/gerard/gerard_linearite.html.
32. Gérin, L. Analyser un poème en prose / L. Gérin // Correspondance. – Montréal : Collège Jean-de-Brébeuf, 2003. – Vol. 9. – № 2. – URL: <http://www.ccdmd.qc.ca/correspo/Corr9-2/Poeme.html>.
33. Gili Gaya, S. Estudios sobre el ritmo / S. Gili Gaya – Istmo, 1993. – 151 p.
34. Goux, J.-P. De l'allure / J.-P. Goux // Semen, № 16, Rythme de la prose, 2009. – URL: <http://semen.revues.org/document2664.html>. Jousset, P. La prose sous la prose / P. Jousset // Semen № 16, 2003. – URL: <http://semen.revues.org/document2695.html>.
35. Larue-Tondeur, J. Le rythme à l'articulation de la psychanalyse et de la linguistique / J. Larue-Tondeur // Rhuthmos, 2011. – URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article429>.
36. Llamas Martínez, J. Una aproximación al ritmo lingüístico, el tono y la puntuación en las novelas de Rafael Chirbes / J. Llamas Martínez. – Universidad de Neuchâtel. – p. 2-24.
37. Michon, P. Idiorrythmie ou eurythmie ? Réponse à Yves Ciotton / P. Michon // Rhuthmos, 2010. – URL : <http://rhuthmos.eu/spip.php?article94>
38. Oliva, S. La métrica i el ritme de la prosa / S. Oliva. – Col. Ensayos, 1992. – núm.13. – p. 538-540.
39. Polo Garcia, V. Poesía y ritmo en la prosa de Camilo José Cela / V. Polo Garcia. – Universidad de Murcia. – 35 p.
40. Ribalta Copete, A. Diccionario biográfico de Galicia 3 / A. Ribalta Copete. Ir Indo Edicións. – 2010-2011. – p. 166.
41. Sauvanet, P. Le rythme: premier bilan d'une recherche / P. Sauvanet // Le Rythme, Actes des 2es Rencontres Interartistiques de l'Observatoire Musical Français. – P. :Université Paris-Sorbonne Paris-IV, 2006. – URL: <http://rhuthmos.eu/spip.php?article447>
42. Suárez Cabello, J. La prosa versificada de Tomas Morales / J. Suárez Cabello. – Bolteín Millares Carlo, núm. 27. – 2008. – p. 401-413.
43. Thos L. Les enjeux du rythme et de la musicalité dans la traduction : l'exemple de «Rayuela» de Julio Cortázar / L. Thos. – 2017. – URL: https://archive-ouverte.unige.ch/unige:105796?all_subtypes=1

Дата поступления статьи в редакцию: 13.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

А. И. Макарова <https://orcid.org/0000-0002-7560-4349>

Функционирование сослагательного наклонения в придаточных дополнительных во французском и испанском языках

В статье рассматривается употребление сослагательного наклонения в придаточных дополнительных на материале романов на французском языке и их переводов на испанский язык. Актуальность и новизна работы основывается на выборе произведений для анализа – это романы современного французского писателя Марка Леви. Цель работы – определить особенности употребления сослагательного наклонения в двух близкородственных языках. Цель определяет ряд задач: постановка основных теоретических проблем, связанных с употреблением сослагательного наклонения в придаточных дополнительных предложениях, определение одинаковых случаев в употреблении сослагательного наклонения, определение различий, определение факторов, влияющих на выбор наклонения в придаточных дополнительных предложениях. Цели и задачи определили методы исследования: метод сплошной выборки и сопоставительный анализ. Анализ теоретической литературы показал, что исследование проблематики сослагательного наклонения в придаточных дополнительных предложениях наиболее продуктивно будет проходить в рамках комплексного анализа (то есть с учетом синтаксических, морфологических и семантических факторов). Исследование определило, что при выборе наклонения в придаточном дополнительном предложении влияние в большей степени оказывает не столько семантика глагола, сколько семантика всего предложения. Вопрос и отрицание оказывают влияние на выбор наклонения, но при этом следует учитывать и морфологические факторы (форма глагола в главном предложении) и отношение говорящего (действующего лица) к информации в придаточном предложении. Относительно анализа употребления наклонения в двух близкородственных языках наряду с большим количеством совпадений существуют некоторые различия, связанные как с семантическими особенностями глаголов, так и синтаксическими особенностями построения предложения в испанском языке.

Ключевые слова: глагол, категории глагола, сослагательное наклонение, изъявительное наклонение, придаточные дополнительные, сравнительный анализ, вопрос, отрицание.

A. I. Makarova

Functioning of a Subjunctive Mood in Noun Clauses in the French and Spanish Languages

The article researches the use of the subjunctive mood in object subordinate clauses by the material of novels in French and their translations into Spanish. The relevance and novelty of the work base on the choice of novels for analysis – they are by the modern French writer Marc Levy. The aim of the research is to determine the features of the use of the subjunctive mood in two closely related languages. The aim defines a number of objectives: statement of the main theoretical problems connected with the use of the subjunctive mood in object subordinate clauses, definition of identical cases in the use of the subjunctive mood, definition of differences, and determination of the factors influencing the choice of mood in additional subordinate clauses. The aim and objectives define research methods: continuous sampling and comparative analysis. The analysis of theoretical literature has shown that the study of the subjunctive mood in the object subordinate clauses will be the most productive one in the framework of a comprehensive analysis (taking into account syntactic, morphological and semantic factors). The study showed that the choice of the mood in the subordinate clause is influenced not so much by the semantics of the verb as by the semantics of the whole sentence. The question and negation influence the choice of the mood so do morphological factors (the form of the verb in the main sentence) and the attitude of the speaker (the actor) to the information in the subordinate clause. With regard to the analysis of the use of mood in two closely related languages, along with a large number of coincidences, there are some differences associated with both semantic features of verbs and syntactic features of sentence construction in the Spanish language.

Keywords: verb, verbal categories, subjunctive mood, indicative mood, noun clauses, comparative analysis, question, negation.

Изучение категории наклонения в глагольной системе вызывает огромный ряд теоретических вопросов и споров как во французском, так и в испанском языке. Рассматривая сослагательное наклонение в рамках сложноподчиненных предложений с придаточным дополнительным, возникает ряд проблем, связанных с влиянием отрицания, вопроса, порядка слов в главном предложении, с семантикой глагола в главном

предложении и семантикой всего предложения [3, с. 118]. Сравнительный анализ употребления сослагательного наклонения в сложноподчиненных предложениях с придаточным дополнительным на примере французских романов и их перевода на испанский язык, на наш взгляд, помогает определить некоторые закономерности в употреблении сужбонктива и сужбунктиво.

В данной статье проводится сравнительный анализ конструкций во французском языке и их перевод на испанский язык. Анализ помогает рассмотреть как особенности употребления сослагательного наклонения в придаточных дополнительных в двух романских языках, так и наглядно увидеть способы передачи семантического составляющего сослагательного наклонения в испанском языке.

Актуальность данной статьи заключается в выборе произведений для исследования. Анализ осуществляется на примере романов Марка Леви и их переводов на испанский язык. В настоящее время Марк Леви является одним из самых популярных франкоязычных писателей. Восемнадцать романов Марка Леви были переведены на сорок девять языков, а общий тираж составляет более сорока двух миллионов экземпляров.

Нами было выбрано пять романов: «Те слова, что мы не сказали друг другу», «Где ты?», «Семь дней творения», «Между небом и землей», «Первый день», «Первая ночь». Методом сплошной выборки был собран исследовательский материал на французском языке и определен перевод данных конструкций на испанский язык.

Анализируя отобранный материал, для начала следует затронуть проблему выбора наклонения, связанную с семантикой глагола в главном предложении. Как во французской, так и в испанской грамматике существует несколько точек зрения на проблему влияния глагола в главном предложении на наклонение в придаточном. Согласно мнению ряда исследователей, семантика глагола не влияет на выбор наклонения. Конструкции, в которых при одном и том же глаголе в главном предложении, в одинаковых синтаксических условиях (а именно, в обоих случаях предложение является утвердительным или наоборот отрицательным) употребляется как изъявительное, так и сослагательное наклонение, сторонники данной точки зрения считают противоречивыми. В одном из случаев, где наклонение употреблено вопреки общепринятым грамматическим нормам, конструкция, по мнению исследователей, является аграмматичной [24, с. 115].

Согласно другой точке зрения, употребление сослагательного и изъявительного наклонения в придаточном дополнительном напрямую зависит от семантики глагола в главном предложении [4, с. 28; 7, с. 43-57; 11, с. 254-255; 22, с. 54-59; 25, с. 101-104]. Исследователь Игорь Дреер считает, что следует принимать во внимание контекст, в котором употреблено это предложение [9, с. 75].

Дамурет и Пишон, исследуя особенности употребления сослагательного наклонения, учитывают

два критерия. Первый – семантика глагола в главном предложении. Второй – отношение говорящего («locuteur») и главного действующего лица («protagoniste») к информации в придаточном предложении [8, с. 473].

В данной статье мы придерживаемся третьей точки зрения, согласно которой, учитывать нужно как семантику глагола, так и особенности конструкции в целом.

Еще одной важной проблемой является влияние отрицания на выбор наклонения в придаточном дополнительном. Согласно одной точки зрения как формальное отрицание (при помощи отрицательных частиц), так и «скрытое» семантическое отрицание (наречия и словосочетания с отрицательной семантикой) не оказывают прямого влияния на выбор наклонения. Исследователи полагают, что отрицание и сослагательное наклонение – это два явления, которые порождают друг друга. Те случаи, когда с отрицанием в главном предложении употреблено изъявительное наклонение, исследователи, придерживающиеся данной точки зрения, считают нетипичными для языка и противоречащими основам грамматики [24, с. 115-117].

Другая точка зрения основывается на семантике предложений и допускает употребление как изъявительного, так и сослагательного наклонения. Выбор наклонения будет зависеть от отношения говорящего или действующего лица к информации придаточного [6, с. 40-165; 23, с. 1886-1894].

Относительно влияния вопроса на выбор наклонения в придаточных дополнительных существует также две точки зрения. Одна из них основывается на теории генеративной грамматики, согласно которой вопрос порождает сослагательное наклонение и два грамматических явления напрямую связаны с друг с другом, а случаи употребления изъявительного наклонения противоречат грамматическим основам. Согласно другой точке зрения не вопрос влияет на выбор того или иного наклонения. Выбор наклонения в вопросительных предложениях зависит как от семантики глаголов в главном предложении, так и от отношения говорящего или действующего лица к информации в придаточном предложении. [2, с. 303-304; 4, с. 37].

Основываясь на анализе теоретических трудов, рассмотрим ряд примеров из материала, отобранного для исследования.

При исследовании было отмечено, что большинство конструкций имеет одинаковую структуру, то есть, как во французском оригинале, так и в испанском переводе представлено сложноподчиненное предложение с придаточным дополнительным. При этом выбор наклонения совпадает в обоих языках.

Такие случаи отмечены с глаголами и конструкциями, выражающими уверенность:

Je vous assure que ce n'était pas si stupide au moins comme ça, mon père aurait assisté à mon mariage! [21]

Le aseguro que no es tan mala idea, ¡así, al menos mi padre habría asistido a mi boda! [14]

В обоих языках употреблено изъявительное наклонение.

Следует отметить, что встретились случаи несовпадения наклонения в отрицательных предложениях с конструкциями, выражающими уверенность:

Je n'étais pas certaine qu'elle survivrait au trajet mais là-haut il ne lui restait que quelques jours à vivre. [18]

Yo no estaba segura de que la niña lograra sobrevivir al viaje, pero allá arriba sólo le quedaban unos pocos días de vida. [13]

Во французском языке глагол в придаточном предложении употреблен в Conditionnel Présent, тогда как в испанском языке глагол употреблен в форме сослагательного наклонения.

Анализ романов показал, что сложноподчиненными предложениями с придаточным дополнительным также возможен перевод простых предложений с Conditionnel Présent и Passé. Например:

– C'est un 36, Stanley, je ne rentrerais jamais dedans! [21]

– ¡Es una talla 36, Stanley, ¿cómo quieres que me quepa?! [14]

– Pas faux, si j'avais eu un chien, il aurait certainement mordu mon père, dit Julia en riant. [21]

– En eso tienes razón, si hubiera tenido un perro, seguro que habría mordido a mi padre -dijo Julia riendo. [14]

В данном случае можно предположить, что существует семантическое сходство двух грамматических форм: сослагательное наклонение и форма Conditionnel в данном случае выражают сомнение, неуверенность, отсюда возникает некоторая взаимозаменяемость.

Случаи совпадения в употреблении наклонения отмечены с глаголами ментальной деятельности:

– Je crois que je n'en serais pas capable non plus, mademoiselle, répondit le secrétaire... [21]

– Creo que yo tampoco sería capaz, señorita -respondió el secretario... [14]

Je crois que vous ne vous rendez pas compte, reprit-elle, touchez mon bras ! [12]

– Creo que no se da usted cuenta – dijo ella -. ¡Tóqueme un brazo! [17]

Si tu m'avais vu en équilibre dans cette position peu élégante, je devine que tu te serais moquée de moi. [15]

Si me hubieras visto en equilibrio en esa postura tan poco elegante imagino que te habrías burlado de mí. [16]

Philip reprit la main de Susan dans la sienne, mais il lui sembla qu'elle était déjà ailleurs. [18]

Philip tomó la mano de Susan, pero le pareció que ella ya estaba en otra parte. [13]

В обоих языках употреблено изъявительное наклонение.

В отрицательных предложениях с подобными глаголами встречается сослагательное наклонение:

Je ne pense pas qu'il ait décidé de mourir hier soir à Paris dans le seul but de compromettre ton mariage... [21]

¡No creo que decidiera morir anoche en París sin más fin que el de comprometer tu boda! [14]

Интересным в данном случае является употребление наклонения с глаголом ментальной деятельности croire в вопросительных предложениях. Во французском языке вопрос употребления наклонения в придаточном дополнительном с глаголом croire в главном предложении был подробно исследован Бойсоном. Исследователь полагал, что в вопросительных предложениях с инверсией подлежащего субжонктив встречается чаще, чем с вопросом, образованным при помощи «est-ce que» и практически никогда не встречается в вопросах, построенных интонационно.

Анализ предложений показал, что в конструкциях с инверсией подлежащего во французском языке встречается как субжонктив, так и индикатив. При этом в испанском языке такие конструкции всегда переводятся с употреблением изъявительного наклонения. Например:

– Croyez-vous que votre accident soit resté sans conséquence ? [15]

– ¿Acaso cree que su accidente no tuvo consecuencias? [16]

– Crois-tu qu'elle comblera le vide que tu vas laisser? [12]

– ¿Crees que llenará el vacío que vas a dejar? [17]

В конструкциях с «est-ce que» в придаточных предложениях чаще встречается изъявительное наклонение, которое сохраняется при переводе на испанский язык. Например:

Est-ce que tu crois qu'on peut avoir un vendeur dans ce magasin, c'est quand même incroyable. [21]

¿Tú crees que conseguiremos que algún vendedor se digne atendernos? [14]

В вопросительных предложениях, образованных «интонационно», во французском языке сохраняется изъявительное наклонение, как и утверждал в своем исследовании Бойсен. В испанском языке при этом глагол употребляется также в изъявительном наклонении. Например:

Tu crois que je peux avoir une glace? [18]

– ¿Crees que aún tengo tiempo para comerme un helado? [13]

– Tu crois qu'il y a encore du gaz? demanda Paul. [12]

– ¿Crees que todavía quedará gas? [17]

Таким образом, на основании проведенного анализа можно сделать вывод, что глагол *croire* во французском языке и его аналог в испанском языке *creer* не всегда одинаково требуют употребления сослагательного наклонения в вопросительных предложениях. В тех конструкциях на французском языке, где подлежащее выражено личным местоимением, при переводе подлежащее «опускается», что является нормой для испанского языка, таким образом инверсия становится невозможной, а значит вопрос образуется при помощи интонации, что приводит к употреблению изъявительного наклонения. Семантика сослагательного наклонения при этом выражается дополнительной лексической единицей (например, словом «*caso*»).

Также есть ряд особенностей в употреблении наклонения с глаголом *comprendre* и его испанским аналогом *entender*.

В утвердительных конструкциях с глаголом *comprendre* во французском языке употребляется изъявительное наклонение и при переводе на испанский язык употребление изъявительного наклонения сохраняется. Например:

– Ma chérie, il devrait comprendre qu'il est assez difficile d'enterrer son père et de se marier dans le même après-midi... [21]

– Cariño, no debería costarle comprender que es bastante difícil enterrar a un padre y casarse, todo en la misma tarde... [14]

A voir leur mine, et le nombre de gobelets de café écrasés au fond de la corbeille à papier, Julia comprit qu'ils avaient passé la nuit ici. [21]

Por la cara que tenían, y visto el número de vasitos de café amontonados en la papelera, Julia comprendió que habían pasado la noche allí. [14]

Elle caresse ma joue, me fait comprendre que le pire est passé. [15]

Me acaricia la mejilla, me da a entender que ya ha pasado lo peor. [16]

Если глагол *comprendre* употреблен в *Conditionnel*, то его аналог также употребляется в форме *Potencial*, в придаточных предложениях употребляется сослагательное наклонение. Например:

Karl comprendrait certainement qu'elle la lui renvoie, la pièce bien que somptueuse n'avait plus grand intérêt à ses yeux ! [21]

Karl comprendería sin duda que se lo devolviera, ¡el traje, aunque suntuoso, ya no tenía ningún interés para ella! [14]

В отрицательных предложениях с глаголами *comprendre* и *entender* при этом употребляется сослагательное наклонение. Например:

Je ne comprends pas qu'on ne les ait pas encore détruits. [15]

No comprendo que aún no los hayan destruido. [16]

И если отрицание влияет на выбор наклонения в придаточном дополнительном, то в вопросительных предложениях сохраняется употребление изъявительного наклонения как во французском, так и в испанском языке:

– Quand comprendrez-vous que vous nous mettez tous en danger, et vous le premier ? [15]

– ¿Cuándo entenderá usted que nos pone en peligro a todos, y a usted el primero? [16]

Интересным, на наш взгляд, является следующий пример:

Vous comprendrez que nos disciples ne voient pas d'un très bon œil votre retour parmi nous. [15]

Entenderá usted ahora que nuestros discípulos no vean su regreso con muy buenos ojos. [16]

Как видно из примеров, предложения не содержат отрицания в главном предложении, но при этом в придаточном предложении употреблено сослагательное наклонение. Существует несколько предположений относительно употребления наклонения в данном случае:

Употребление формы будущего времени глагола в главном предложении дает дополнительную семантику неуверенности в свершении действия в придаточном предложении;

На выбор наклонения в придаточном предложении влияет отрицание в придаточном предложении. В данном случае речь идет о теории переноса отрицания, широко представленной в рамках генеративной грамматики испанского языка такими исследователями как Риверо, Болингер, Лакоф [5, с. 130-149; 10, с. 149-157; 24, с. 115-130].

Также случаи синтаксического и грамматического сходства представлены с глаголами, выражающими желание. Например:

... je veux que ta peau soit le gardien de leur souvenir pour plus de temps encore. [18]

Quiero que tu piel sea el guardián de su recuerdo por más tiempo aún. [13]

J'aimerais que tu sois là. [18]

Me gustaría que estuvieses aquí. [13]

Veux-tu que je te dise ce que Je pense? [19]

¿Quieres que te diga lo que pienso? [20]

– Je ne souhaitais pas que nous ayons à expliquer les circonstances de nos premières rencontres, pour protéger Mathilde, ajouta Zofia. [19]

No quería que tuviéramos que decir en qué circunstancias nos conocimos -contestó Zofia-. [20]

И во французском языке, и в испанском языке употребляется сослагательное наклонение.

Конструкции с глаголом falloir, как показал анализ текстов, также имеет ряд особенностей при переводе на испанский язык. Так ряд сложноподчиненных предложений с глаголом falloir переводятся при помощи конструкции «necesitar + инфинитив», например:

– De toute façon, c'est vous qui ne cessez de me dire qu'il faut que j'aie quelqu'un dans ma vie. [19]

– De todas formas, es usted la que no para de decirme que necesito tener a alguien en mi vida. [20]

Также возможен перевод при помощи конструкции «deber + инфинитив», например:

– Il faut vraiment qu'on y aille, j'embarque, tu préfères rester là? [18]

– Ahora debo irme, ya embarco. ¿Prefieres quedarte aquí? [13]

Таким образом, при переводе исчезает придаточное дополнительное предложение, а вместе с этим и необходимость употребления сослагательного наклонения, присущего в данных случаях французскому языку.

Ряд переводов предложений с придаточным дополнительным осуществлен при помощи конструкции «tener que + инфинитив». Например:

– Il faut que je monte me changer, mais je passerai vous voir en partant, Reine, c'est promis. [19]

– Tengo que subir a cambiarme, Reina, pero pasaré a verla antes de marcharme, lo prometo. [20]

Alors fermez les yeux, il faut que je me concentre, et taisez-vous deux minutes. [12]

Pues cierre los ojos y cálese dos minutos, tengo que concentrarme. [15]

Причиной вариантов перевода конструкции «Il faut que» является семантическая универсальность французской конструкции и при этом разная семантическая степень «обязательности» в конструкциях на испанском языке [1, с. 127].

На основе проведенного анализа можно сделать ряд выводов.

Во-первых, при переводе на испанский язык в большинстве случаев сохраняется употребление наклонения. Связано это, на наш взгляд, не столько с грамматическим сходством употребления сослагательного наклонения в рамках двух близкородственных языков, сколько со стремлением

переводчика максимально приблизиться к оригиналу как семантически, так и грамматически.

Во-вторых, употребление сослагательного языка не всегда совпадает во французском и испанском языках. Связаны эти различия с синтаксическими особенностями испанского языка, такими как отсутствие подлежащего, выраженного личным местоимением и, как следствие, невозможность создания инверсии. Также причиной различия может быть невозможность создания аналога сложноподчиненному предложению с придаточным дополнительным в испанском языке. Примером этому служит конструкция с глаголом falloir во французском языке и ее перевод при помощи конструкций типа «tenir que + инфинитив».

В-третьих, проведенный анализ показал, что сослагательное наклонение и вопрос и отрицание не являются друг от друга зависящими явлениями. С одной стороны, что вопрос, что отрицание в ряде случаев требуют употребления сослагательного наклонения в придаточном предложении, но с другой стороны существуют случаи, где решающим фактором при выборе наклонения является семантика предложения: отношение говорящего к информации в придаточном предложении, достоверность и реальность информации. Также анализ материала показал, что на выбор наклонения может влиять и форма глагола в главном предложении.

Таким образом, проблеме употребления наклонения в придаточном дополнительном предложении следует рассматривать комплексно: нужно учитывать как семантику глагола, так и семантику предложения в целом. Не следует исключать влияние отрицания и вопроса, но при этом следует учитывать морфологические особенности глагола в главном предложении.

Полученные результаты, на наш взгляд, требуют дополнительного исследования конструкций на базе оригинальной литературы на испанском языке для дальнейшего изучения в рамках сравнительно-сопоставительного анализа двух близкородственных языков. Однако ряд выводов, а также анализ литературного материала могут быть использованы в рамках изучения особенностей письменного перевода, а также послужить основой для исследований (стилистических и грамматических) современной французской литературы.

Библиографический список

1. Андреева, А. И. Способы выражения безличности в испанском языке [Текст] / А. И. Андреева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2015. – № 4 (45) – С. 126-128.

2. Васильева, Н. М., Пицкова, Л. П. Французский язык. Теоретическая грамматика, морфология, синтаксис [Текст] : учебник для вузов / Н. М. Васильева, Л. П. Пицкова. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Издательство Юрайт, 2018. – 473 с.
3. Макарова, А. И. Сравнительный анализ употребления сослагательного наклонения в придаточных дополнительных во французском и испанском языках [Текст] / А. И. Макарова // Эволюция романских языков: от языка народности к языку нации: материалы международной научной конференции. – М. : МГОУ. – 2018. – С. 118-122.
4. Ahern, A. El subjuntivo: contextos y efectos / Aoife Ahern. – Madrid: Arco Libros, S. L., 2008. – 95 p.
5. Bolinger, D. Postposed Main Phrases / D. Bolinger // Canadian journal of Romance Linguistics. – 1968. – No. 10. – P. 125-197.
6. Boysen, G. Subjonctif et hiérarchie. Etude sur l'emploi du subjonctif dans les propositions complétives objet de verbe en français contemporain / G. Boysen. – Odense : Odense University Press, 1971. – 190 p.
7. Cornulier, B. Sur une règle de déplacement de la négation / B. Cornulier // Le Français Moderne. – 1973. – No. 41. – P. 43-57.
8. Damourette, J., Pichon, E. Des mots à la pensée : essai de grammaire de la langue française. 5 tomes. Tome 5. Verbes (fin), auxiliaires, temps, modes, voix / J. Damourette, E. Pichon E. – Paris: Ed. d'Artrey, 1987. – 866 p.
9. Dreer, I. Expressing the Same by the Different: The subjunctive vs the indicative in French / Igor Dreer – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2007. – 272 p.
10. Lakoff, R. A syntactic argumentation for neg transportation / R. Lakoff // Papers from the ntn Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. – 1969. – No. 5. – P. 149-157.
11. Le Goffic, P. Grammaire de la phrase française / Pierre Le Goffic – Paris : HACHETTE LIVRE, 2008. – 591 p.
12. Levy, M. Et si c'était vrai... – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Et_si_setait_vrai.html (Дата обращения: 23.12.2018)
13. Levy, M. La Mirada De Una Mujer. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/La_Mirada_De_Una_Mujer.html (Дата обращения: 23.12.2018)
14. Levy, M. Las cosas que no nos dijimos. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Las_cosas_que_no_nos_dijimos.html (Дата обращения: 23.12.2018)
15. Levy, M. La Première nuit. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/La_Premire_nuit.html (Дата обращения: 23.12.2018)
16. Levy, M. La primera noche. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/La_primera_noche.html (Дата обращения: 23.12.2018)
17. Levy, M. Ojalá Fuera Cierto. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Ojal_Fuera_Cierto.html (Дата обращения: 23.12.2018)
18. Levy, M. Où es-tu? – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/ou_estu.html (Дата обращения: 23.12.2018)
19. Levy, M. Sept jours pour une éternité... – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Sept_jours_pour_une_ternit.html (Дата обращения: 23.12.2018)
20. Levy, M. Siete Días Para Una Eternidad. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Siete_Das_Para_Una_Eternidad.html (Дата обращения: 23.12.2018)
21. Levy, M. Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Toutes_ces_choses_quon_ne_sest_pas_dites.html (Дата обращения: 23.12.2018)
22. Manteca Alonso-Cortés, A. Gramática del subjuntivo / Ángel Manteca Alonso-Cortés – Madrid: Ediciones Cátedra, S. A., 1981. – 158 p.
23. Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua Española. 2 tomes. T. 1 Morfología / Real Academia Española. – Madrid: Espasa Libros, S. L.U., 2009. – 3885 p.
24. Rivero, M. L. La Negación en español / M. L. Rivero // Los fundamentos de la gramática transformacional. Mexico: Siglo Veintiuno, 1971. – 223 p.
25. Sastre Ruano, M. Á. El subjuntivo en español / Ruano M. Angeles Sastre. – Salamanca: Colegio de España, 2004. – 407 p.

Reference List

1. Andreeva, A. I. Spособы vyrazhenija bezlichnosti v ispanskом jazyke = Ways for expressing impersonality in Spanish [Tekst] / A. I. Andreeva // Voprosy kognitivnoj lingvistiki. – 2015. – № 4 (45) – S. 126-128.
2. Vasil'eva, N. M., Pickova, L. P. Francuzskij jazyk. Teoreticheskaja grammatika, morfologija, sintaksis = French. Theoretical grammar, morphology, syntax [Tekst] : uchebnik dlja vuzov / N. M. Vasil'eva, L. P. Pickova. – 3-e izd., pererab. i dop. – M. : Izdatel'stvo Jurajt, 2018. – 473 s.
3. Makarova, A. I. Sravnitel'nyj analiz upotreblenija soslagatel'nogo naklonenija v pridatochnyh dopolnitel'nyh vo francuzskom i ispanskом jazykah = The comparative analysis of the use of a subjunctive mood in subordinate clauses in French and Spanish languages [Tekst] / A. I. Makarova // Jevoljucija romanskih jazykov: ot jazyka narodnosti k jazyku nacii: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – M. : MGOU. – 2018. – S. 118-122.
4. Ahern, A. El subjuntivo: contextos y efectos / Aoife Ahern. – Madrid: Arco Libros, S. L., 2008. – 95 p.
5. Bolinger, D. Postposed Main Phrases / D. Bolinger // Canadian journal of Romance Linguistics. – 1968. – No. 10. – P. 125-197.
6. Boysen, G. Subjonctif et hiérarchie. Etude sur l'emploi du subjonctif dans les propositions complétives objet de verbe en français contemporain / G. Boysen. – Odense : Odense University Press, 1971. – 190 p.
7. Cornulier, B. Sur une règle de déplacement de la négation / B. Cornulier // Le Français Moderne. – 1973. – No. 41. – P. 43-57.

8. Damourette, J., Pichon, E. Des mots à la pensée : essai de grammaire de la langue française. 5 tomes. Tome 5. Verbes (fin), auxiliaires, temps, modes, voix / J. Damourette, E. Pichon E. – Paris : Ed. d'Arthey, 1987. – 866 p.
9. Dreer, I. Expressing the Same by the Different: The subjunctive vs the indicative in French [Текст] / Igor Dreer – Amsterdam / Philadelphia : John Benjamins Publishing, 2007. – 272 p.
10. Lakoff, R. A syntactic argumentation for neg transportation / R. Lakoff // Papers from the ntn Regional Meeting. Chicago Linguistic Society. – 1969. – No. 5. – P. 149-157.
11. Le Goffic, P. Grammaire de la phrase française / Pierre Le Goffic – Paris : HACHETTE LIVRE, 2008. – 591 p.
12. Levy, M. Et si c'était vrai.... – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Et_si_setait_vrai.html (Дата обращения: 23.12.2018)
13. Levy, M. La Mirada De Una Mujer. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/La_Mirada_De_Una_Mujer.html (Дата обращения: 23.12.2018)
14. Levy, M. Las cosas que no nos dijimos. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Las_cosas_que_no_nos_dijimos.html (Дата обращения: 23.12.2018)
15. Levy, M. La Première nuit. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/La_Premire_nuit.html (Дата обращения: 23.12.2018)
16. Levy, M. La primera noche. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/La_primera_noche.html (Дата обращения: 23.12.2018)
17. Levy, M. Ojalá Fuera Cierto. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Ojal_Fuera_Cierto.html (Дата обращения: 23.12.2018)
18. Levy, M. Où es-tu? – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/ou_estu.html (Дата обращения: 23.12.2018)
19. Levy, M. Sept jours pour une éternité... – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Sept_jours_pour_un_ternit.html (Дата обращения: 23.12.2018)
20. Levy, M. Siete Días Para Una Eternidad. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Siete_Das_Para_Una_Eternidad.html (Дата обращения: 23.12.2018)
21. Levy, M. Toutes ces choses qu'on ne s'est pas dites. – URL: https://royallib.com/book/Levy_Marc/Toutes_ces_choses_quon_ne_sest_pas_dites.html (Дата обращения: 23.12.2018)
22. Manteca Alonso-Cortés, A. Gramática del subjuntivo / Ángel Manteca Alonso-Cortés – Madrid: Ediciones Cátedra, S. A., 1981. – 158 p.
23. Real Academia Española. Nueva gramática de la lengua Española. 2 tomes. T. 1 Morfología / Real Academia Española. – Madrid: Espasa Libros, S. L.U., 2009. – 3885 p.
24. Rivero, M. L. La Negación en español / M. L. Rivero // Los fundamentos de la gramática transformacional. Mexico: Siglo Veintiuno, 1971. – 223 p.
25. Sastre Ruano, M. Á. El subjuntivo en español / Ruano M. Angeles Sastre. – Salamanca: Colegio de España, 2004. – 407 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

И. А. Цыбова <https://orcid.org/0000-0003-1640-8054>**Языковые особенности цветопередачи в романе А. Камю «Посторонний»**

Целью статьи является сопоставление прилагательных, обозначающих цвет, в романе А. Камю «L'Étranger» с его русским переводом («Посторонний»). Задачи, которые поставлены в статье, решаются с современных антропоцентрических позиций; отображение цвета представлено в наивной картине мира. Следует согласиться с А. Вежицкой, считающей, что цветовые концепты связаны с определенными универсальными элементами человеческого опыта: день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля. В статье принимаются положения Берлина и Кея об 11 базовых категориях цвета (*white, black, red, green, yellow, blue, brown, pink, purple, orange, grey*), которые для русского языка определяются Р. М. Фрумкиной в количестве 12: *черный, белый, серый, красный, синий, голубой, оранжевый, желтый, зеленый, фиолетовый, розовый, коричневый*. Роман Камю разделяется на 2 противопоставленные части: первая – главный герой Мерсо на свободе, живущий жизнью обычного служащего, а вторая – Мерсо в тюрьме в ожидании смертной казни за убийство. В первой части цветовая палитра разнообразна. Во второй части романа, где главный герой описывает свое пребывание в тюрьме, цветовая гамма становится беднее, преобладают темные тона. Сопоставительный анализ обозначения категории цвета во французском и русском литературном тексте показывает его относительную адекватность. В романе А. Камю «La Peste» («Чума») прилагательные цвета встречаются значительно реже. Относительную бедность цветовой палитры в «La Peste» и во второй части «L'Étranger» можно объяснить тем, что описываются такие драматические ситуации, как пребывание главного героя в тюрьме (L'Étranger) и эпидемия чумы (La Peste). У художников слова (особенно, у поэтов) восприятие цвета может быть весьма индивидуальным (например, у А. Рембо). Не все авторы «расцветчивают» свои произведения (Р. Кено, А. де Сент-Экзюпери, Ф. Саган, Ф. Бергедер и др.)

Ключевые слова: сопоставление прилагательных цвета, Камю L'Étranger, перевод, базовые категории цвета, адекватность обозначения цвета.

I. A. Tsybova

Language Features of Colour Rendering in by A. Camus's Novel «The Stranger»

The aim of this article is to compare adjectives of colour in the novel by A. Camus *L'Étranger* (*The Stranger*) with its translation in Russian. The problems put in the article are solved from contemporary anthropocentric positions. The reflection of colour is represented in naïve view of world. We agree with Anna Wierzbicka that concepts of colour are connected with some universal elements of human experience: day and night, sun, fire, vegetation, sky and earth. We accept 11 basic color terms of Berlin and Kay (*white, black, red, green, yellow, blue, brown, pink, purple, orange, grey*), while in Russian there are, according to R. M. Frumkina, 12: *черный/ black, белый/white, серый/grey, красный/red, синий/darkblue, голубой/light blue, оранжевый/orange, желтый/yellow, зеленый/green, фиолетовый/violet, розовый/pink, коричневый/brown*. The novel by A. Camus is divided into 2 opposite parts: the first part where its main character Meurseault is at liberty living like a common clerk and the second part where Meurseault is in prison facing his capital punishment. In the first part the palette of colours is various. In the second part of the novel where the hero describes his stay in prison a number of colours decreases and dark tones predominate. A comparative analysis of denomination of the colour category in French and Russian literary texts shows their relative adequacy. In the novel «La Peste» (*The Plague*) adjectives of colour are more rare. Relative poverty of the palette of colours in «La Peste» and in the second part of «L'Étranger» can be explained by the fact of description of so dramatic situations as stay of the hero in prison (L'Étranger) and epidemic of plague (La Peste). The perception of colour by writers (in particular by poets) is individual (A. Rimbaud). There are authors who do not like to use different colours in their books (for example: R. Queneau, A. de Saint-Exupéry, F. Sagan, F. Beigbeder and others).

Keywords: confrontive analysis, adjectives of colour, Camus, L'Étranger, translation, basic colour terms, adequacy of denomination of colour.

«Огромная специальная литература посвящена и в психологии и в лингвистике категоризации цвета, привлекающая к себе внимание ученых благодаря объективной возможности соотнести цветовые обозначения со спектром цвета, который, как известно, сам организован как некий диффузный континуум, границы в котором можно установить лишь условно»

[8, с. 44]. Действительно, отображению категории цвета в языке посвящено большое количество работ. Речь пойдет не о свойствах цветового спектра с позиции физики, то есть не о научной, а о наивной картине мира. Психолингвистический взгляд на восприятие цвета человеком весьма широко представлен в

публикациях многих отечественных и зарубежных авторов [16; 15; 2; 1; 3; 4; 5; 6 и др.].

В данной статье принимаются положения Берлина и Кея о базовых категориях цвета, которые определяются ими в количестве 11: *white, black, red, green, yellow, blue, brown, pink, purple, orange, grey* [16, с. 2]. В русском языке их 12: *черный, белый, серый, красный, синий, голубой, оранжевый, желтый, зеленый, фиолетовый, розовый, коричневый* [15, с. 117]. Известно, что английскому *blue*, немецкому *blau*, французскому *bleu* соответствуют в русском 2 базовых обозначения: *синий* и *голубой*; тогда как в польском имеются 3 слова: *granatowy* (темно-синий), *niebieski* (голубой, светло-синий), *błękitny* (голубой, лазурный). А в одном из кельтских языков – валлийском (на нем говорят в Уэльсе) *синий* и *зеленый* не различаются, объединяясь под наименованием *glas* [18, с. 100]. Различия в базовых наименованиях цвета и особенно в наименованиях его оттенков в разных языках подробно исследованы [16; 1; 3; 4; 10; 13; 14].

В настоящее время современный антропоцентрический подход, свойственный когнитивной лингвистике, вызвал прилив новых исследований по проблемам цветообозначения [5; 6; 9; 11].

Прилагательные со значением цвета во французском языке исследовались неоднократно [12; 1].

Следует согласиться с А. Вежицкой, считающей, что «цветовые концепты связаны с определенными «универсальными элементами человеческого опыта» < >: день и ночь, солнце, огонь, растительность, небо и земля» [2, с. 283].

У художников слова (особенно, у поэтов) восприятие цвета может быть весьма индивидуальным. В качестве примера такого восприятия можно привести известное стихотворение А. Рембо (Artur Rimbaud) «Voyelles (Гласные)»:

A noir, E blanc, I rouge, U vert, O bleu : voyelles,
Je dirai quelque jour vos naissances latentes : A, noir
corset velu des mouches éclatantes
Qui bombinent autour des puanteurs cruelles,
Golfe d'ombre; E, candeur des vapeurs et des tentes,
Lances des glaciers fiers, rois blancs, bc frissons
d'ombelles;
I, pourpres, sang craché, rire des lèvres belles
Dans la colère ou les ivresses pénitentes;
U, cycles, vibrations divins des mers virides,
Paix des pâtes semés d'animaux, paix des rides
Que l'alchimie imprime aux grands fronts studieux;
O, suprême Clairon plein des strideurs étranges,
Silences traversés des Mondes et des Anges:
—O l'Oméga, rayon violet de Ses Yeux ! [19, с. 71].

В прозаических произведениях наблюдается более объективное восприятие цвета. В статье сопоставляются прилагательные, обозначающие цвет, в романе А. Камю (Albert Camus) «L'Étranger» с его русским переводом («Посторонний») [7; 17].

Роман Камю разделяется на 2 противопоставленные части: первая – главный герой Мерсо (Meursault) на свободе, живущий жизнью обычного служащего, а вторая – Мерсо в тюрьме в ожидании смертной казни за убийство.

В первой части цветовая палитра разнообразна. Наряду с темными тонами (*il y avait quatre hommes noirs*: я увидел *четырёх человек в черном*; *vêtements sombres*: в *темном* костюме), соответствующими обстановке похорон матери Мерсо, в окружении и восприятии героя присутствуют и другие цвета. Например: *le ciel < > était bleu et doré*: *небо, синее и золотое*; *cette terre rousse et verte*: *земля – где зеленая, где рыжая*; *entre le ciel bleu et blanc*: *между белесой, выгоревшей синевой* неба; *robe de soie marron*: в *коричневом* шелку; *cravate rouge*: *красные* галстуки; *le ciel est devenu rougeâtre*: *небо < > стало краснеть*; *le ciel était vert*: *небо стало зеленое*; *un ange en stuc blanc et rose*: *бело-розовый* гипсовый ангел; *une enveloppe jaune*: *желтый* конверт; *un petit porte-plume de bois rouge*: *красная* деревянная ручка; *un encrier carré d'encre violette*: *квадратная чернильница с лиловыми чернилами*; *pierres jaunâtres*: *желтоватые* камни; *le bleu dur du ciel*: на фоне неба, уже наливавшегося *густой синевой*; *le sable surchauffé me semblait rouge*: *раскаленный песок мне < > казался багровым*; *c'était le même éclatement rouge*: *все так же слепил багровый песок*.

Во второй части романа, где главный герой описывает свое пребывание в тюрьме, цветовая гамма становится беднее, преобладают темные тона, а красный цвет, являясь цветом мантии прокурора и одного из судей, приобретает зловещий оттенок: *habillée de noir*: в *черном*; *ma cellule était < > plus sombre*: в камере моей было < > *темнее*; *jauni*: *пожелтевший*; *énormes lunettes cerclées de noir*: *огромные очки в черной оправе*; *vêtu de rouge*: (одетый в) *красную* мантию; *trois juges, deux en noir, le troisième en rouge*: *трое судей – двое в черных мантиях, третий – в красной*; *habillé en flanelle grise avec une cravate bleue*: в *сером* фланелевом костюме с *голубым* галстуком; *dans l'éclairage sombre*: *при том зловещем свете*; *tout devenait comme une eau incolore*: *все словно затопило мутной водой*; *à la veste grise*: в *сером* пиджаке; *il (le ciel) devenait vert*: *небо стало зеленое*; *que la lumière naisse sur la vitre du ciel*: *пока в небе, как в окне, загорит свет*; *le ciel se colorait*: *небо наливалось краской*; *je devinais l'approche du soir*

d'été à une certaine blondeur du ciel: по тому, как бледнело летнее небо, угадывал приближение вечера; la couleur du soleil: краски солнца.

Сопоставительный анализ отображения цвета во французском тексте и его переводе на русский язык показывает, что в обоих языках оно адекватно.

Интересно отметить, что в другом известном романе А. Камю «La Peste» («Чума») прилагательные цвета встречаются значительно реже: *tramways d'un jaune sale, craie rouge, craie bleue, les murs bleus, ocre et violets, la couleur marron clair des yeux de Mme Rieux, dans le noir, un café peint en vert, de grosse toile jaune, des tables de tôle verte, vêtus < > d'un pantalon bleu et d'un tricot marine, les corps couleur de fer, sur l'eau bleue, un infirmier < > masqué de blanc, la lumière passait du rose au jaune, une argile grise, le ciel bleu du matin se couvrait d'une taie blanchâtre, cette ouate qui l'étouffait < > était rouge, la lumière froide et dorée du ciel, la ville < > quittait ces lieux clos, sombres, sur le pavé sombre, son visage, blêmi par les fatigues, obscurité, un ciel clair, l'ombre commençait à s'approcher, une flaque sombre, un noir rougeoiement.*

Заключение

1. Сопоставительный анализ обозначения категории цвета во французском и русском литературном тексте показывает его относительную адекватность.

2. По-видимому, относительную бедность цветовой палитры в «La Peste» и во второй части «L'Étranger» можно объяснить тем, что описываются такие драматические ситуации, как пребывание главного героя в тюрьме (L'Étranger) и эпидемия чумы (La Peste).

3. Далеко не все авторы «расцвечивают» свои произведения. Это относится к таким писателям как Р. Кено, А. де Сент-Экзюпери, Ф. Саган, Ф. Бегбедер. Но этот вопрос требует дальнейших конкретных исследований.

Библиографический список

1. Василевич, А. П. Наименования цвета в индоевропейских языках. Системный и исторический анализ [Текст] / отв. ред. А. П. Василевич. – Изд. 3-е испр. – М.: ЛЕНАНД, 2016 – 320 с.
2. Вежицкая, А. Язык. Культура. Познание [Текст] / А. Вежицкая. – М.: Русские словари, 1996. – 416 с.
3. Гатаулина, Л. Р. К функционированию названий цвета в составе фразеологизмов [Текст] // Лингвометодические проблемы обучения иностранным языкам в вузе (Материалы научно-методической конференции). – Уфа, 2001. – С. 40-45.
4. Гатаулина, Л. Р. К вопросу об отражении в языке эволюции архетипического, мифологического и символического значений цвета. Источники символизации цвета (на материале русского, английского и немецкого языков) [Текст] // Коммуникативно-

функциональное описание языка. – Уфа, 2004. – С. 99-100.

5. Зольникова, Ю. В. Устойчивые сочетания слов с цветокомпонентом *blau* в идиоматической картине мира немецкого языка [Текст] // Когнитивные исследования языка. Вып. XXVI. Когнитивные технологии в теоретической и прикладной лингвистике: материалы международной научной конференции 22-24 сентября 2016 г. – Москва-Тамбов-Тюмень, 2016. – С. 214-216.

6. Зольникова, Ю. В. Цветономинии как фрагмент концептуальной картины мира русского и немецкого языков [Текст] // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований: материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике 30 сентября – 2 октября 2015 г. – Москва – Тамбов – Санкт-Петербург, 2015. – С. 838-840.

7. Камю, А. Избранное: Сборник. Пер. с франц. [Текст] / составл. и предисл. С. Великовского. – М.: Радуга, 1988. – 464 с.

8. Кубрякова, Е. С. Категоризация [Текст] // Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г., Лузина Л. Г. Краткий словарь когнитивных терминов / под общей редакцией Е. С. Кубряковой. – М., 1996. – С. 42-45.

9. Кудрявцева, Н. Б. Категория цвета в номинациях фитонимов современного немецкого языка [Текст] // Когнитивные исследования языка. Вып. XXII. Язык и сознание в междисциплинарной парадигме исследований. Материалы международного конгресса по когнитивной лингвистике 30 сентября – 2 октября 2015 г. – Москва – Тамбов – Санкт-Петербург, 2015. – С. 645-647

10. Кульпина, В. Г. Лингвистика цвета. Термины цвета в польском и русском языках [Текст] / В. Г. Кульпина. – М.: Московский лицей, 2001. – 470 с.

11. Мичугина, С. В. Когнитивное варьирование при формировании категории цвета и ее прототипов [Текст] // Когнитивные исследования языка. Вып. XIX. Когнитивное варьирование в языковой интерпретации мира: сб. научных трудов. – Москва – Тамбов, 2014. – С. 294-302.

12. Михайлова, Е. А. Адвербиальные прилагательные цвета в современном французском языке [Текст] // Вопросы лексикологии, словообразования и стилистики романо-германских языков. Научные труды. – Т. 147. – Куйбышев, 1974.

13. Носовец, С. Г. Цветовая картина мира как когнитивный и коммуникативный феномен [Текст] // Международный конгресс по когнитивной лингвистике: Сб. мат-лов / отв. ред. Н. Н. Болдырев. 8-10 октября 2008 г. – Тамбов, 2008. – С. 575-577.

14. Серов, Л. В. Хроматизм мифа [Текст] / Л. В. Серов. – Л.: Васильевский остров, 1990. – 350 с.

15. Фрумкина, Р. М. Цвет, смысл, сходство. Аспекты психолингвистического анализа [Текст] / Р. М. Фрумкина. – М.: Наука, 1984. – 175 с.

16. Berlin B. and Kay P. Basic color terms, their universality and evolution. University of California Press Berkeley. 1969. – 178 p.
17. Camus, Albert L'Étranger. La Peste. Moscou: Éditions du Progrès, 1969. – 335 p.
18. Peterfalvi J.-M. Introduction à la psycholinguistique. – P. : PUF, 1970. – 160 p.
19. Rimbaud, Artur Poésies Une saison en enfer. Illuminations et autres textes, présenté par Paul Claudel. – Paris : Éditions Gallimard et Librairie Générale Française. Livre de poche, 1969. – 253 p.

Reference List

1. Vasilevich, A. P. Naimenovanija cveta v indoevropskikh jazykah. Sistemnyj i istoričeskij analiz = Names of color in Indo-European languages. System and historical analysis [Tekst] / otv. red. A. P. Vasilevich. – Izd. 3-e ispr. – M. : LENAND, 2016 – 320 s.
2. Vezhbickaja, A. Jazyk. Kul'tura. Poznanie = Language. Culture. Knowledge [Tekst] / A. Vezhbickaja. – M. : Russkie slovari, 1996. – 416 s.
3. Gataullina, L. R. K funkcionirovaniju nazvanij cveta v sostave frazeologizmov = To functioning of color names as a part of phraseological units [Tekst] // Lingvometodicheskie problemy obučenija inostrannym jazykam v vuze (Materialy nauchno-metodičeskoj konferencii). – Ufa, 2001. – S. 40-45.
4. Gataullina, L. R. K voprosu ob otrazhenii v jazyke jevoljucii arhetipičeskogo, mifologičeskogo i simvoličeskogo znachenij cveta. Istochniki simvolizacii cveta (na materiale russkogo, anglijskogo i nemeckogo jazykov) = To a question of reflection in evolution language of the archetypic, mythological and symbolical meaning of color. Sources of symbolization of color (on material of Russian, English and German languages) [Tekst] // Kommunikativno-funkcional'noe opisanie jazyka. – Ufa, 2004. – S. 99-100.
5. Zol'nikova, Ju. V. Ustojčivye sochetanija slov s cvetokomponentom blau v idiomaticheskoj kartine mira nemeckogo jazyka = Fixed combinations of words with color component blau in the German idiomatic picture of the world [Tekst] // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XXVI. Kognitivnye tehnologii v teoreticheskoj i prikladnoj lingvistike: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii 22-24 sentjabrja 2016 g. – Moskva-Tambov-Tjumen', 2016. – S. 214-216.
6. Zol'nikova, Ju. V. Cvetonominacii kak fragment konceptual'noj kartiny mira russkogo i nemeckogo jazykov = Color naming as a fragment of a conceptual picture of the world of the Russian and German languages [Tekst] // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XXII. Jazyk i soznanie v mezhdisciplinarnoj paradigme issledovanij: materialy mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike 30 sentjabrja – 2 oktjabrja 2015 g. – Moskva – Tambov – Sankt-Peterburg, 2015. – S. 838-840.
7. Kamju, A. Izbrannoe: Sbornik. Per. s franc. = Selected: Collection. Translated from French. [Tekst] / sostavl. i predisl. S. Velikovskogo. – M. : Raduga, 1988. – 464 s.
8. Kubrjakova, E. S. Kategorizacija = Categorization [Tekst] // Kubrjakova E. S., Dem'jankov V. Z., Pankrac Ju. G., Luzina L. G. Kratkij slovar' kognitivnyh terminov / pod obshhej redakciej E. S. Kubrjakovoj. – M., 1996. – S. 42-45.
9. Kudrjavceva, N. B. Kategorija cveta v nominacijah fitonimov sovremennogo nemeckogo jazyka = Category of color in nominations of modern German phytonyms [Tekst] // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XXII. Jazyk i soznanie v mezhdisciplinarnoj paradigme issledovanij. Materialy mezhdunarodnogo kongressa po kognitivnoj lingvistike 30 sentjabrja – 2 oktjabrja 2015 g. – Moskva – Tambov – Sankt-Peterburg, 2015. – S. 645-647.
10. Kul'pina, V. G. Lingvistika cveta. Terminy cveta v pol'skom i russkom jazykah = Linguistics of color. Terms of color in the Polish and Russian languages [Tekst] / V. G. Kul'pina. – M. : Moskovskij licej, 2001. – 470 s.
11. Michugina, S. V. Kognitivnoe var'irovanie pri formirovanii kategorii cveta i ee prototipov = Cognitive variation when forming category of color and its prototypes [Tekst] // Kognitivnye issledovanija jazyka. Vyp. XIX. Kognitivnoe var'irovanie v jazykovoj interpretacii mira: sb. nauchnyh trudov. – Moskva – Tambov, 2014. – S. 294-302.
12. Mihajlova, E. A. Adverbial'nye prilagatel'nye cveta v sovremennom francuzskom jazyke = Adverbial adjectives of color in modern French [Tekst] // Voprosy leksikologii, slovoobrazovanija i stilistiki romano-germanskih jazykov. Nauchnye trudy. – T. 147. – Kujbyshev, 1974.
13. Nosovec, S. G. Cvetovaja kartina mira kak kognitivnyj i kommunikativnyj fenomen = Color picture of the world as a cognitive and communicative phenomenon [Tekst] // Mezhdunarodnyj kongress po kognitivnoj lingvistike: Sb. mat-lov / otv. red. N. N. Boldyrev. 8-10 oktjabrja 2008 g. – Tambov, 2008. – S. 575-577.
14. Serov, L. V. Hromatizm mifa = Chromatism of the myth [Tekst] / L. V. Serov. – L. : Vasil'evskij ostrov, 1990. – 350 c.
15. Frumkina, R. M. Cvet, smysl, shodstvo. Aspekty psiholingvističeskogo analiza = Color, sense, similarity. Aspects of the psycholinguistic analysis [Tekst] / R. M. Frumkina. – M. : Nauka, 1984. – 175 s.
16. Berlin B. and Kay P. Basic color terms, their universality and evolution. University of California Press Berkeley. 1969. – 178 p.
17. Camus, Albert L'Étranger. La Peste. Moscou: Éditions du Progrès, 1969. – 335 p.
18. Peterfalvi J.-M. Introduction à la psycholinguistique. – P. : PUF, 1970. – 160 p.
19. Rimbaud, Artur Poésies Une saison en enfer. Illuminations et autres textes, présenté par Paul Claudel. – Paris : Éditions Gallimard et Librairie Générale Française. Livre de poche, 1969. – 253 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 04.04.2019
Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

И. В. Скуратов <https://orcid.org/0000-0003-0578-4855>

Концепты «тишина» и «молчание» в новелле Веркора «Молчание моря» (Vercors «Le Silence De La Mer»)

Основной целью статьи является определение специфики проявления концепта «тишина»: le silence – тишина, которая свойственна природе, которая является воплощением спокойствия и порядка и «молчание» le mutisme – немота, тишина напряженная, неспособность говорить, афония, патология. И тишина, и немота в своем единении выступают в роли выражения протеста против насилия, против фашизма. Первое воплощено в произведении в состоянии спокойствия звука, безмолвия, а второе в воздержании от речи, высказываний, использования голоса. В настоящей статье также предпринята попытка выявить особенности интерпретации новеллы Веркора «Молчание моря», через язык киноизображения. Содержание данной новеллы заключено в персонажах, в их поступках, в композиции. Строгость новеллистического повествования определяет стилистическую систему новеллы. В данном типе текста изображение эпизода осуществляется в исключительно сжатой форме, по нарастающей линии. Новелла является принципиально письменным типом текста. Она представляет собой самостоятельный тип текста, характеризующийся принадлежностью к функциональному стилю языка художественной литературы и жанру эпохи. Результаты проведенного анализа показывают, что тематико-композиционная структура и языковое оформление новеллы соответствуют канонам, выработанным длительной литературной традицией. Концепты «тишина» и «молчание», рассматриваемые через призму сюжетно-образной системы произведения, приводят к более глубокому пониманию идеи новеллы. Лексико-семантические особенности структур, включающих данные концепты, высокая частота их употребления, указывают на то, что mutisme как немота, как неспособность говорить, порождает silence, тишину, которая сопровождает персонажей, которая настолько объемна, вездесуща и глубока, что как море, погружает персонажей в мир безмолвия.

Ключевые слова: концепт, текст, интерпретация, содержание, художественный образ, структура, композиция, функциональный стиль, киноизображение.

I. V. Skuratov

Concepts «Silence» and «Dumbness» in Vercors' Short Story «The Silence of the Sea» (Vercors «Le Silence de La Mer»)

The article deals with the manifestation of the concepts of silence and dumbness in Vercors' novel «The Silence of the Sea». The main purpose of the article is to determine the specificity of the manifestation of the concept of «silence»: the silence which is characteristic of nature, the embodiment of peace and order and dumbness – tense silence, inability to speak, aphonia, pathology. Both silence and dumbness in their unity act as an expression of protest against violence, against fascism. The first is embodied in the work in a state of tranquility of sound, silence, and the second in refraining from speech, statements, use of voice. This article dwells on the peculiarities of literary text interpretation with the help of cinematographic means. The study is based on the short story «The Silence of the Sea» by Vercors in which the main idea is expressed by way of the characters portrayal, description of their actions and the composition of the story itself. The limits of the short story narration define its style. The episode presentation is given in an extremely condensed manner and is distinguished by gradation. A short story is a written text in its core. It is an independent type of text which belongs to the belle-lettres style and the genre of the epoch. The results of the undertaken study prove that the topical and compositional structure as well as the language means of the short story correspond to the conventions of the continuous literary tradition. The concepts of «silence» and «dumbness», viewed through the prism of the plot-figurative system of the work, lead to deeper understanding of the idea of the novel. The lexico-semantic features of the structures, including these concepts, the high frequency of their use, indicate that mutisme like dumbness, as inability to speak, creates silence, the silence that accompanies the characters, which is so voluminous, omnipresent and deep that it drowns the sea characters in the world of silence.

Keywords: text, interpretation, contents, literary image, structure, composition, functional style, cinematographic image.

Лексема «молчание» во французском языке имеет два варианта выражения в зависимости от коммуникативной цели: silence и mutisme. Первое в словаре Le Nouveau Petit Robert определяется как «fait de ne pas parler et absence de bruit» (молчание, отсутствие шума), а второе как «refus de parler déterminé par des facteurs affectifs, des troubles mentaux

(névrose, psychose); attitude, état d'une personne qui refuse de parler qui a l'habitude de garder le silence ou qui est réduite au silence» (отказ говорить, обусловленный эмоциональными факторами, психическими расстройствами (невроз, психоз); отношение, состояние человека, который отказывается говорить, который привык молчать) [10, p. 2372].

Исторически *молчание* является семантически более узким по сравнению с единицей *тишина*. *Тишина* – отсутствие звуков вообще, *молчание* – отсутствие речи. *Тишина* – состояние и человека, и природы, и окружающего мира. *Молчание* изначально характеризует человека. Религиозно-духовная практика, отражающаяся в парадигме *молчание* – *безмолвие* – *тишина*, повлияла на современное функционирование этого слова, сделало его более сложным, обусловило употребление лексемы *безмолвие* в значении ‘полное молчание’, ‘полная тишина’, *тишь*, *затишье* – ‘спокойствие в мире природы’, *тихость* – ‘кротость, покой в душе’ [4].

Анализ интерпретации понятия *le silence* (тишина, молчание) в новелле Веркора «Молчание моря» осуществляется впервые, хотя оба состояния, являясь пограничными, являются основными персонажами произведения.

Говоря о специфике интерпретации художественного текста или понятий, заключенных в нем, следует опираться на мысли образно и точно сформулированные Ю. М. Лотманом: «Создавая и воспринимая произведения искусства, человек передает, получает и хранит особую художественную информацию, которая неотделима от структурных особенностей художественных текстов в такой же мере, в какой мысль неотделима от материальной структуры мозга» [4, с. 11].

Иными словами, задача интерпретации художественного текста заключается в том, чтобы объяснить структуру произведения, показать, какие компоненты содержания вытекают из этой структуры, как они соотносятся между собой, а это, прежде всего, персонажи, их поведение, развязка действия в целом, композиция, детали, словесный стиль.

Как подчеркивает К. А. Долинин, «художественный текст образует систему, где функция каждого элемента, его значимость, определяется всеми остальными» [3, с. 93].

Элементы текста, понятия, заключенные в нем, связаны между собой взаимными сопоставлениями и противопоставлениями, которые придают им дополнительные значения.

Художественный образ, являющийся основополагающим в литературе, характеризуется многозначностью и неисчерпаемостью, которая основывается в том числе на богатстве языка автора, его способности через концепты, понятия передать нечто высшее, сформировать некий образ, способный передать читателю идею текста.

В настоящей статье предпринята попытка выявления лексем, передающих концепт тишины и молчания, а также изучения языка киноизображения,

которое позволило бы извлечь из анализируемого текста максимум информации, как можно полнее постичь не только то содержание, которое заложено в нем автором (адресантом), но и то, которое потенциально содержится в нем помимо воли самого автора.

Рассматривая новеллу французского писателя Веркора, хотелось бы подчеркнуть, что любое художественное произведение можно охарактеризовать как результат осуществления последовательного выбора героя как психологического или социального типа, который изображается художником для решения общей морально-философской или социальной проблемы.

В литературных произведениях разных эпох и народов, несмотря на все различия, обнаруживается нечто общее, точнее, определенный инвариант. Инвариант – это отражение наиболее общих, всегда неизменно сохраняемых свойств класса предметов. Он учитывает минимум необходимых систематизирующих признаков [7, с. 36].

Персонажи литературного произведения всегда или почти всегда соответствуют какому-то *времени* или *пространству* – географическому, культурному, социальному. Они, по определению, противопоставлены автору. Следуя терминологии М. М. Бахтина, в стиле любого текста выделяются два пласта: *авторское слово* и *чужое слово*. Авторское слово, в общем, тяготеет к повествовательной норме данной эпохи, данного жанра, данного литературного направления, тогда как чужое слово более или менее существенно отклоняется от него [1, с. 127-128].

Новелла «Молчание моря» явилась первым подпольным произведением Веркора (его настоящее имя Жан Брюллер) в начале 1942 года.

Автор выбрал псевдоним, поскольку это часто делали подпольщики и борцы Сопротивления в целях конспирации. Веркор – небольшая область в предгорьях французских Альп.

«Молчание моря» стала классической новеллой, затрагивающей центральные темы жизни и войны.

В ней всего три действующих лица. Среди них, немец Вернер фон Эбреннак, выступающий в роли завоевателя. Он хочет, чтобы Франция добровольно сдалась фашистской Германии.

Образы французов – владельца дома, где живет немецкий офицер, и его племянницы – воплощают идею сопротивления.

Заметим, что французская литература часто характеризовалась созданием книг, в которых условная ситуация, условный сюжет и условные герои служили своеобразной формой для воплощения идей, а конфликт между героями – борьбой этих идей.

Главный герой, гитлеровец, развивает свою идею, состоящую в том, что Германия оккупировала Францию надолго, если не навсегда. Франция либо погибнет, либо очеловечит Германию своим гуманизмом, своей культурой. Эта идея сталкивается со стеной молчания, за которым скрывается кипение мыслей и чувств, «молчание моря», где под гладью вод идет ожесточенная борьба [2, с. 188].

Вернер фон Эбреннак все время обращается к французам, которые твердо хранят молчание.

Все это приводит к доказательству того, что французы, несмотря на их личные симпатии, не имеют ничего общего с оккупантами.

Молчание явилось красноречивым тому доводом. Новелла «Молчание моря» сумела разрешить сомнения тех, кто находился в растерянности, колебался, смирялся. Это своего рода смертный приговор коллаборационизму. Тем самым мы сталкиваемся с дилеммой: сотрудничать или примириться, найти общий путь или общий язык.

Писатель заключает: если нет общего пути, есть только борьба. Эта борьба выражается в молчании и это та посильная лепта, которую персонажи произведения могут внести в борьбу с врагом.

Название новеллы «Молчание моря» имеет символическое значение. Оно наводит на мысль, что молчание (*le silence* и *le mutisme*), установившееся среди французов в начале оккупации, не является знаком смирения. Под маской неподвижности скрывается интенсивная жизнь, наполненная противоречивыми идеями и чувствами.

Кроме того, мы предприняли попытку воссоздать вокруг текста атмосферу, придающую оригинальность произведению и в то же время приблизить ее к читателю (зрителю), тем самым получить истинное удовольствие от первого прочтения (просмотра), подчеркивая в тексте его богатство, полноту, оживленность и современность. Как справедливо заметил Ролан Барт, «*Le plaisir du texte, c'est ce moment où mon corps va suivre ses propres idées – car mon corps n'a pas les mêmes idées que moi*» [8, р. 30]. «Удовольствие от текста – это тот момент, когда мое тело начинает следовать своим собственным мыслям; ведь у моего тела отнюдь не те же самые мысли, что и у меня».

Композиционно новеллу можно разделить на шесть частей. Как известно, речь – любая речь – способна отразить непрерывное течение действий в виде последовательных высказываний, описывающих отдельные точки или отрезки развертывающейся ситуации и оставляющих в тени промежутки между ними.

Как указывает В. Б. Шкловский, «Непрерывное передается прерывно, искусство представляет собою как бы пунктир, изображающую линию» [8, с. 81]

В этом плане литературное повествование уподобляется киноизображению. На черно-белой пленке первой версии новеллы, снятой в 1949 году, фиксируется ряд последовательных состояний движущегося объекта, отделенных друг от друга интервалами, сменяя статические изображения в силу особенностей зрительного восприятия, которые создают иллюзию непрерывного движения. Например:

1. *Le silence comme résistance* / Молчание как выражение сопротивления /

А) *Un vieil homme et sa nièce opposent leur mutisme à la présence chez eux d'un officier allemand* / Пожилой человек и его племянница отвечают молчанием на присутствие немецкого офицера /

Б) *Ce fut ma nièce qui alla ouvrir quand on frappa. Elle venait de me servir mon café, comme chaque soir (le café me fait dormir). J'étais assis au fond de la pièce, relativement dans l'ombre. Nous entendîmes marcher, le bruit des talons sur le carreau. Ma nièce me regarda et posa sa tasse. Je gardai la mienne dans mes mains. Je vis l'immense silhouette, la casquette plate, l'imperméable jeté sur les épaules comme une cape. Ma nièce avait ouvert la porte et restait silencieuse* / Племянница собралась открыть дверь, когда раздался стук. Она приносила мне кофе, как и каждый вечер, от которого мне хотелось спать. Я сидел в глубине комнаты, относительно затемненной. Мы услышали шаги, напоминавшие шум каблучков по плиточному полу. Племянница посмотрела на меня и поставила чашку с кофе. Свою я держал в руке. Увидел огромный силуэт с плоской фуражкой и наброшенным на плечи плащом-накидкой. Племянница открыла дверь и осталась хранить молчание. [5, с. 231-236]

2. *La clandestinité* / Подполье /

«*Comme si cet officier n'existait pas. Comme s'il était muet et transparent. Tu verras, mon petit : personne ne peut soutenir longtemps d'être ignoré à ce point.* » / Как если бы этот офицер не существовал. Как если бы он был нем и чист душой. Ты увидишь, дитя мое, никто не может долго пребывать в неизвестности.

3. *Le désespoir est mort* / Отчаяние – смерть /

«*Il y a trente mois je désirais la mort. Nous étions quelques-uns à la désirer. Nous ne parvenions à voir devant nous rien qu'un abîme fétide. Comment y vivre ? Pourquoi attendre une asphyxie immonde? Ah ! trouver un rocher désert, une île abandonnée, loin de la mêlée répugnante des hommes... Comme cela semble étrange aujourd'hui, – où nous avons tant de motifs d'espérer. Mais l'espoir, le désespoir, ne sont pas choses raisonnables. Le désespoir s'était emparé de nous, du chef à l'orteil. Et, il faut bien l'avouer, ce que nous avons vu, ce que nous voyions*

encore ne nous aidait guère à la secouer ». Тридцать месяцев спустя я желал смерти. Нас было несколько человек, желавших умереть. Мы ничего не могли увидеть кроме вонючей пропасти. Как с этим жить? Зачем ожидать этот отвратительный угар? А может найти пустынную скалу или покинутый остров, подальше от омерзительной драки людей... Но, надежда, отчаяние не есть что-то разумное. Как это кажется чуждым сегодня, там, где у нас столько доводов на надежду. Отчаяние захватило нас, с головы до ног. И надо признаться, все, что мы ранее увидели, что мы еще видели, почти не помогало нам преодолеть встряску.

4. L'officier allemand arrive au logement qu'il va habiter. «Je me nomme Werner von Ebrennac» / Немецкий офицер приезжает на квартиру, в которой собирается жить. Меня зовут Вернер фон Эбреннак/

« L'officier à la porte, dit : « S'il vous plaît. » Sa tête fit un petit salut. Il sembla mesurer le **silence**. Puis il entra. La cape glissa sur son avant-bras, il salua militairement et se découvrit. Il se tourna vers ma nièce, sourit discrètement en inclinant très légèrement le buste. Puis il me fit face et m'adressa une révérence plus grave. Il dit : « Je me nomme Werner von Ebrennac. » J'eus le temps de penser, très vite : « Le nom n'est pas allemand. Descendant d'émigré protestant ? » Il ajouta : « Je suis désolé. » Le dernier mot, prononcé en traînant, tomba dans le **silence**. / Офицер в дверях сказал:

– Простите.

Он слегка поклонился. Казалось, он пытался вникнуть в тайный смысл нашего молчания. Потом он вошел.

Плащ соскользнул ему на руки, он козырнул по-военному и снял фуражку. Он повернулся к моей племяннице и снова, слегка поклонившись, чуть заметно улыбнулся. Затем с более низким поклоном обратился ко мне. Он сказал:

– Меня зовут Вернер фон Эбреннак. У меня мелькнуло в голове: «Имя звучит не по-немецки. Потомок эмигранта-протестанта?» Он добавил протяжным голосом. – Я очень сожалею. Слова эти потонули в молчании.

5. Le mutisme des habitants est leur combat / Молчание обитателей как средство борьбы/

Pendant longtemps – plus d'un mois –, la même scène se répéta chaque jour. L'officier s'attendait toujours un peu au seuil de la petite porte. Il regardait autour de lui. Un très léger sourire traduisait le plaisir qu'il semblait prendre à cet examen – le même examen chaque jour et le même plaisir. Ses yeux s'attardaient sur le profil incliné de ma nièce, immanquablement sévère et insensible, et quand enfin il

détournait son regard, j'étais sûr d'y pouvoir lire une sorte d'approbation souriante.

Puis il disait en s'inclinant : « Je vous souhaite une bonne nuit », et il sortait. / Довольно долгое время – больше месяца – эта сцена повторялась ежедневно. Он всегда немного задерживался на пороге маленькой двери и окидывал взглядом комнату. Легкая улыбка говорила об удовольствии, которое, казалось, доставлял ему этот осмотр, – так каждый день. Его взгляд останавливался на склоненном профиле моей племянницы, неизменно строгой и бесстрастной, и когда он, наконец, отводил глаза, я всегда ловил в них сочувственное одобрение. Откланиваясь, он говорил: «Желаю вам спокойной ночи.»

6. Le moment douloureux du départ / Мучительный момент отъезда

« Demain, je suis autorisé à me mettre en route... Pour l'enfer. » Завтра я могу двигаться в путь. В ад.

Je ne sais si Werner von Ebrennac le vit. Ses pupilles, celles de la jeune fille, amarrées comme, dans le courant, la barque à l'anneau de la rive, semblaient l'être par un fil si tendu, si raide, qu'on n'eût pas osé passer un doigt entre leurs yeux. Ebrennac, d'une main, avait saisi le bouton de la porte. De l'autre, il tenait le chambranle. Sans bouger son regard d'une ligne, il tira lentement la porte à lui. Il dit – sa voix était étrangement dénuée d'expression : « Je vous souhaite une bonne nuit. » / Я не знаю, увидел ли это Вернер фон Эбреннак. Его зрачки, казалось, соединились со зрачками девушки – как лодка, привязанная к берегу и увлекаемая течением, – такой натянутой, напряженной нитью, что нельзя было решиться провести пальцем перед их глазами. Эбреннак одной рукой схватился за ручку двери. Другой он держался за косяк. Не отрывая взгляда, он медленно тянул к себе дверь. Он сказал – и голос его был до странности лишен выражения:

– Желаю вам спокойной ночи.

Практически в каждой выделенной части встречается рассматриваемое в статье понятие le silence (тишина, молчание). Отсутствие звука как протест против насилия, против несвободы, против того, что является неестественным, грубым и жестоким. В произведении встречаются различные формы лексемы silence: silencieux, silencieusement. При этом они характеризуют не только действия старика-француза и его племянницы, но и Вернера фон Эбреннака. Тишины и молчания в новелле так много, что это тихое, спокойное море бытия, которое глушит все внешние проявления чувств, кажется, бушует внутри, остается беспокойным в душах персонажей.

Как видим, в приведенных отрывках, Веркор отказывается от пропагандистской литературы, тем самым не принимая коллаборационизм.

В новелле он затронул две мысленные структуры, связанные с душевным состоянием и укоренившиеся в эту эпоху. Одна из них все представляет в черном и белом цветах, а другая, напротив, выражает идеи людей, которые считают, что после борьбы противники должны примириться.

В произведении Веркора сила размышления зачастую драматична, а иногда странна. Но, несмотря на это, она скрывается за ясностью слов и мудростью тона.

Библиографический список

1. Бахтин, М. М. Вопросы литературы и эстетики [Текст] / М. М. Бахтин. – М. : Худож. лит., 1975. – С. 127-128.
2. Болдырева, М. М., Волнина, И. А. Стилистический анализ художественного текста: на фр. яз [Текст] : учеб. пособие для студентов пед. ин-тов по спец. № 2103 «Иностр. яз.» / М. М. Болдырева, И. А. Волнина. – 2-е изд. дораб. – М. : Просвещение, 1988. – 192 с.
3. Долинин, К. А. Интерпретация текста: Французский язык [Текст] : учебное пособие / К. А. Долинин. – М. : КомКнига, 2010. – С. 93.
4. Копылова, Т. Р. Молчание: от концепта к русскому коммуникативному поведению (особенности формирования) [Текст] // Вестник Удмуртского университета: История и филология. – Т. 25. – Вып. 2. – 2015. – С. 27-32.
5. Лотман, Ю. М. Структура художественного текста [Текст] / Ю. М. Лотман. – М. : Искусство, 1970. – С. 11.
6. Скуратов, И. В. La résistance par le silence (d'après le récit de Vercors «Le silence de la mer») [Текст] // Риторика – Лингвистика. – Выпуск 10: сборник статей. – Смоленск : Издательство СмолГУ, 2013. – С. 231-236.
7. Чернявская, В. Е. Лингвистика текста. Лингвистика дискурса [Текст] / В. Е. Чернявская. – М. : ЛЕНАНД, 2014. – С. 36.
8. Шкловский, В. Б. Тетива. О несходстве сходного [Текст] / В. Б. Шкловский. – М. : Сов. писатель, 1970. – С. 81.
9. Barthes R. Le plaisir du texte. – P., Editions du Seuil, 1973. – P. 30.
10. Le Nouveau Petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, 2007. – 2837 p.

Reference List

1. Bahtin, M. M. Voprosy literatury i jestetiki = Questions of literature and esthetics [Tekst] / M. M. Bahtin. – M. : Hudozh. lit., 1975. – S. 127-128.
2. Boldyreva, M. M., Volnina, I. A. Stilisticheskij analiz hudozhestvennogo teksta: na fr. jaz. = Stylistic analysis of the art text: in French [Tekst] : ucheb. posobie dlja studentov ped. in-tov po spec. №2103 «Inostr. jaz.» / M. M. Boldyreva, I. A. Volnina. – 2-e izd. dorab. – M. : Prosveshhenie, 1988. – 192 s.
3. Dolinin, K. A. Interpretacija teksta: Francuzskij jazyk = Interpretation of the text: French [Tekst] : uchebnoe posobie / K. A. Dolinin. – M. : KomKniga, 2010. – S. 93.
4. Kopylova, T. R. Molchanie: ot koncepta k russkomu kommunikativnomu povedeniju (osobennosti formirovanija) = Silence: from a concept to the Russian communicative behavior (feature of formation) [Tekst] // Vestnik Udmurtskogo universiteta: Istorija i filologija. – T. 25. – Vyp. 2. – 2015. – S. 27-32.
5. Lotman, Ju. M. Struktura hudozhestvennogo teksta = Structure of the art text [Tekst] / Ju. M. Lotman. – M. : Iskusstvo, 1970. – S. 11.
6. Skuratov, I. V. La résistance par le silence (d'après le récit de Vercors «Le silence de la mer») [Tekst] // Ritorika – Lingvistika. – Vypusk 10: sbornik statej. – Smolensk : Izdatel'stvo SmolGU, 2013. – S. 231-236.
7. Chernjavskaia, V. E. Lingvistika teksta. Lingvistika diskursa = Text linguistics. Discourse linguistics [Tekst] / V. E. Chernjavskaia. – M. : LENAND, 2014. – S. 36.
8. Shklovskij, V. B. Tetiva. O neshodstve shodnogo = Bowstring. About dissimilarity of similar [Tekst] / V. B. Shklovskij. – M. : Sov. pisatel', 1970. – S. 81.
9. Barthes R. Le plaisir du texte. – P., Editions du Seuil, 1973. – P. 30.
10. Le Nouveau Petit Robert Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, 2007. – 2837 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 02.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Теория языка

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10398

УДК 81.12

Е. Г. Борисова <https://orcid.org/0000-0003-3878-5344>

Трансформация ценностно-смыслового кода в языке современной молодежи

Исследование проведено при поддержке РФФИ, грант No 18-013-01156 «Трансформация ценностно-смыслового кода культурных представлений о России и других странах под воздействием глобальной информационной среды у современной молодежи (в аспекте национальной безопасности)»

В статье рассматриваются средства, позволяющие оценить состояние общественного сознания на основании сведений, предоставляемых языком различных социально-демографических групп. В частности, показывается, как это может быть применено для обнаружения представлений о России у современной молодежи. Ставится задача выявить отражение общественно значимых представлений в языковых единицах. В качестве средства выявления этих представлений указывается целый ряд признаков. В частности, отмечается возможность обращения к теории концептов. Показываются способы установления манифестативной лексики, то есть слов, характерных для употребления только в определенных политических условиях. Особое внимание в данной статье уделяется одному из возможных способов выявления настроений в обществе через обращение к оценочному потенциалу общественно-политической и абстрактной лексики. При этом устанавливается связь лексики, отражающей общественные отношения, с определенными социально-демографическими группами. Используется разработанная автором методика выявления оценочного потенциала слова и словосочетания. Приводятся данные опросов, проводившихся в России с конца прошлого века по настоящее время. Отмечается связь оценочных характеристик слов в зависимости от политических установок человека, его возраста, образования, имущественного положения. Рассматриваются особенности варьирования оценочного потенциала лексики в зависимости от времени проведения опросов. Отмечаются изменения в оценочном потенциале лексики в течение двадцати лет. Делаются выводы о возможных причинах трансформации этих представлений.

Ключевые слова: ценность, оценочный потенциал, концепт, общественное сознание, языковое сознание, манифестативная лексика, ассоциативный эксперимент, молодежная страта.

Language theory

E. G. Borisova

Transformation of the Valuable and Semantic Code in Modern Youth Language

In the article the means are considered allowing to estimate a condition of public consciousness on the basis of the information provided by language of various social and demographic groups. In particular, it is shown how it can be applied for revealing modern youth's ideas about Russia. The task is to reveal reflection of socially significant representations in language units. A number of signs is specified as means to identify these representations. In particular, the possibility of the appealing to the theory of concepts is noted. Here are shown ways for defining manifestative lexicon, i.e. the words which are typically used only in certain political conditions. Special attention in this article is paid to one of possible ways for identification of moods in society through the appeal to the estimated potential of social and political and abstract lexicon. At the same time connection of lexicon reflecting the public relations is established with certain social and demographic groups. The technique is used for identifying estimated potential of a word and a phrase developed by the author. Here are provided data of surveys conducted in Russia since the end of the last century till present. Here is noted connection of estimated characteristics of words depending on policies of the person, his age, education, a property status. Are considered features of estimated potential variation of lexicon depending on time of holding polls. The changes in the estimated potential of lexicon within twenty years are presented. Conclusions about the possible reasons of transformation of these representations are drawn.

Keywords: value, estimated potential, concept, public consciousness, language consciousness, manifestative lexicon, associative experiment, youth stratum.

1. Общественное сознание с позиции лингвиста

Связь языка и сознания оказывается многообразной и разноплановой. Причем это относится не только к сознанию индивида, но и к общественному сознанию в

целом. Под общественным сознанием мы понимаем совокупность представлений о мире, разделяемых большинством представителей большой социальной группы: представителей этнической группы, граждан

страны, жителей региона [12]. Политическая активность населения во многом основана на имеющихся представлениях, которые в свою очередь меняются в результате воздействия массовых коммуникаций на общественное сознание. А из этого автоматически следует необходимость оценки текущего состояния общественного сознания и его изменений.

С другой стороны, необходимо иметь в виду и тот факт, что формирование сознания – это основная задача воспитания молодежи. Поскольку сознательные воспитательные усилия – это только один из факторов, влияющих на представления молодого человека, следует разработать методики, которые, выявляя особенности общественного сознания, определяли бы эффективность воспитательных действий.

Таким образом, перед языковедами стоит задача определения взаимосвязи языка индивида и его сознания, причем в операциональном плане: выявленные особенности языка должны использоваться для определения характеристик общественного сознания той или иной группы и для отслеживания происходящих в нем изменений.

2. Язык как средство отражения реальности

С конца прошлого века использование языковых особенностей различных политических текстов: речей, статей, документов – стало распространенной практикой [15, 17, 14]. Можно назвать следующие языковые особенности, которые в той или иной степени отражают состояние сознания индивида, в том числе и общественно-значимую картину мира.

2.1. В первую очередь, это употребление **манифестативной** лексики. Под манифестативной мы имеем в виду слова, используемые определенной общественно-политической силой [14]. Как показали позднейшие исследования [4], в современной отечественной политической традиции имеется четыре основных направления: провластное, либеральное, «левое», консервативно-патриотическое. Для каждого направления можно выделить список слов и словосочетаний (30-50 единиц), которые могут употребляться только сторонниками данного политического направления. Так, только сторонники левых взглядов могут употреблять («всерьез», то есть без иронии и кавычек) такие слова и выражения, как *трудящиеся, диктатура пролетариата, классовая солидарность, эксплуатация (человека человеком), эксплуататоры, классовая борьба, капитализм, капиталист, люди доброй воли* и ряд других [4]. По этим словам можно определить идеологические предпочтения автора.

Большинство людей, особенно молодежи, не готово связывать себя с определенными партиями,

политическими деятелями и т. п. Однако взгляд на мир, на его общественное устройство, отражаемый в использовании манифестативной лексики, все равно присущ текстам на общественно-политическую тему. Так, использование выражения *диктатура пролетариата* говорит о том, что автор согласен с представлениями о таком общественно-политическом устройстве.

Таким образом, выявление манифестативной лексики в текстах массовой коммуникации позволяет определить, ценности какой общественной силы продвигаются в том или ином тексте. Параллельно имеет смысл выявлять и другие признаки общественно-политической силы: оценочную окраску (см. далее), имена положительных и отрицательных героев истории и литературы [4]. Отражение манифестативной лексики в общении может быть выявлено путем контент-анализа. Проведенные пилотные исследования блогосферы показывают, что используются слова, популярные у либеральных деятелей: *нерукопожатный, мем, права и свободы*, а слова из лексикона других сил употребляются иронически:

(1) *Без «духовных скреп» же не обходится, кажется, ни один спор о России. По неизбежность упоминания скрепы вплотную приближаются к Гитлеру в небезызвестном «законе Годвина».* <http://bestlj.ru/121951-Dukhovnye-skrepy.html>.

2.2. Отражение ключевых представлений человека в языке изучается с использованием понятия «концепт» и «концептосфера». (Ю. С. Степанов и у многочисленных последователей: Анна А. Зализняк, И. Левонтина, О. Джигоева, С. Слышкин и др.). Понятие в отечественной лингвистике было введено под влиянием школ философии языка и логического анализа языка.

Суть понятия «концепт» заключается в его связи с культурой, то есть социальной деятельностью человека. «Концепт это как бы ступок культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. Интересующее нас общественное сознание можно рассматривать как совокупность нескольких концептов, ключевых для восприятия мира в ходе общения. Ключевые концепты описываются в словаре «Константы» [11].

Среди средств определения содержания концепта можно назвать его сочетаемость, в том числе несвободную. Выбор средств выражения лексических функций осуществляется носителями языка неосознанно, но при этом они зависят от того, как соответствующие понятия организованы в сознании говорящих. Так исследование несвободной сочетаемости слова «перестройка» в 1989 году (то есть

в разгар данных событий) показало, что в сознании граждан перестройка – это не революция, как утверждала тогдашняя пропаганда, а реформы.[1]. Использование различных вариантов сочетаемости – от коллокаций до паремий – вообще играет важную роль в различных концептологических исследованиях:

«Тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово закон, и есть концепт «закон». В отличие от понятий в собственном смысле термина (таких, скажем, как «постановление», «юридический акт», «текст закона» и т. п.), концепты не только мыслятся, они переживаются» [11].

Если рассматривать концепты как единство понятия и связанных с ним переживаний, то сюда же следует включить и бытующие у каждого народа стереотипы представлений о других народах [8].

Обращение к концептам позволяет дать полную и разностороннюю картину общественного сознания в определенной его части. Однако задача выявления концептов и его свойств оказывается сложной сама по себе и не всегда может помочь в решении проблемы описания общественного сознания.

2.3. Очень важную роль в представлениях человека играет его **оценка** того или иного события или факта [6]. Это отражается в позитивном или, напротив, негативном, восприятии того или иного явления и, соответственно, слова, это явление называющего [7].

Важнейшим инструментарием выявления особенностей отражения лексики в сознании человека является ассоциативный эксперимент [16], который может проводиться в разной форме и использоваться и для определения восприятия различных политических явлений [5, 10].

Для выявления восприятия общественно-политической лексики представителями разных социальных групп нами в течение двадцати лет проводились опросы различных групп населения, основная часть которых заключалась в оценке слов общественно-политической лексики:

(2) *Оцените слова по пятибалльной шкале (5 – очень хорошее слово, 4 – мне нравится, 3 – ничего, так себе, 2 – плохое слово, 1 – гадость):*

Одновременно задавались вопросы об общественно-политических предпочтениях и социально-демографических характеристиках опрашиваемых: уровень благосостояния, место жительства, возраст, образование.

В течение всего периода состав слов несколько менялся, однако основной костяк – 20 единиц – оставался прежним. Это позволило отследить динамику отношений к словам – и чаще всего, к стоявшим за ними понятиям – в течение

постсоветского периода. Конечно, нельзя исключать, что на оценку слова влияла его многозначность (как для слова *богатый*). Однако чаще всего оценка была связана с восприятием именно явления, хотя, возможно, и под влиянием определенных источников, например, СМИ.

3. Изменения в массовом сознании по данным лингвистических обследований

Изменения в общественном сознании, в том числе и относительно ценностных представлений граждан, в наши дни выявляются в ходе социометрических исследований. Чаще всего они организуются в виде закрытого анкетирования, когда испытуемого просят выбрать из предложенного списка те ценности, которые для него важны.

Однако в таких случаях не исключены решения под влиянием последних установок, навязываемых СМИ. В этом смысле обращение к данным языка и речевой деятельности позволяют взглянуть на восприятие ценностей с другой стороны.

Как мы показали выше, способами оценки ценностных представлений может быть контент-анализ, выявляющий лексику той или иной политической группы (манифестативную), анализ концептов общественной сферы, а также ассоциативно-оценочный эксперимент. Исследования по ряду направлений еще находятся в процессе разработки и проведения. Однако уже сейчас можно сделать кое-какие выводы об имеющихся тенденциях в изменении общественного сознания населения, и молодежи в частности.

В настоящее время понятие патриотизма (слова *патриот, отечественный*) являются достаточно значимой ценностью, в том числе и для молодежи. В этом отличие от аналогичных исследований, проводившихся в 90е годы, когда слово патриот гораздо чаще воспринималось отрицательно (правда, и тогда было немало людей, ставивших этому слову высокие оценки, то есть был больше разброс). Однако следует отметить, что среди молодежи, особенно либеральных убеждений, слово *отечественный* получает худшую оценку, чем в среднем по всему массиву опрашиваемых.

В целом в общественном сознании жителей России изменилась оценка слова *свобода*, традиционно получавшая высшие баллы на всех предшествующих опросах. На аналогичные процессы указывается в [5].

Полученные нами данные позволяют говорить о том, что предложенная нами оценочная методика может использоваться и при определении более конкретных понятий, задаваемых словосочетаниями. В частности, в результате опросов получены некоторые (пока предварительные) сведения о восприятии

российских реалий жителями разных регионов Евразии. Поскольку параллельно в опросник включались и вопросы о контактах со СМИ, в том числе и российскими, можно было создать некоторое впечатление о связи СМИ, в первую очередь телевидения, с представлениями молодежи.

Выводы

Таким образом, мы видим, что имеется достаточно много средств, которые позволяют выявить состояние общественного сознания. Некоторые из них уже использовались для этой цели, в частности, для определения уровня агрессивности в общественном сознании населения. Мы в нашей работе рассмотрели некоторые языковые явления, которые так или иначе связаны с ценностными представлениями отдельных групп общества. Большая их часть вполне может быть исследована с помощью существующих методик. Частично мы дополнили этот инструментарий. Проведение опросов, в которых психолингвистический эксперимент коррелировался с политическими и социальными вопросами, позволяет утверждать, что с учетом небольшой коррекции (традиция, многозначность слова и т. п.) предложенные методики дают возможность делать достаточно надежные выводы об особенностях общественного сознания и его трансформации.

Библиографический список

1. Борисова, Е. Г. Устойчивая сочетаемость как показатель языкового сознания [Текст] // Тезисы докладов и сообщений. Международный симпозиум МАПРЯЛ по лингвострановедению. – Т. 2. – Одесса, 1989.
2. Борисова, Е. Г., Некрасова, К. И. Любите ли вы демократию? Оценочный потенциал общественной лексики [Текст] // Современная политическая коммуникация: м-лы Междунар. Науч. конф (Екатеринбург 21-24 сент. 2009 г. / гл. ред. А. П. Чудинов. – Екатеринбург, 2009. – С. 23-24.
3. Борисова, Е. Г. «Эгоист ужасный/ прекрасный» (о вариативности оценки в лексических коннотациях) [Текст] // Вариативность в языке и коммуникации: сб. статей / сост и отв. ред Л. Л. Федорова. – М.: РГГУ, 2012. – С. 140-146.
4. Борисова, Е. Г., Дондо, С. А. Политический дискурс и его составные части [Текст] // Человек и его дискурс – 4: коллективная монография / отв. ред. М. Р. Желтухина; ВГСПУ; ИЯ РАН. – М.: ИЯ РАН; ООО «ИЦ «Азбуковник», 2015.
5. Бубнова, И. А., Казаченко, О. В. Культурные константы русского образа мира на современном этапе развития общества [Текст] // Вопросы психолингвистики. – № 2 (36). – 2018. – С. 28-42.
6. Вольф, Е. М. Функциональная семантика оценки [Текст] / Е. М. Вольф. – М.: Наука, 1985.
7. Лукашевич, Е. В. Психологический эксперимент как способ диагностики эмоциональной напряженности [Текст] // Языковое сознание: теоретические и прикладные аспекты: сб. ст. – М.: Барнаул, 2004. – С. 129-137.
8. Кобозева, И. М. Немец, англичанин, француз и русский: выявление стереотипов национальных характеров через анализ коннотаций этнонимов [Текст] // Вестник МГУ. – Филология. – 1995. – №. 3.
9. Паршин, П. Б. Исследовательские практики, предмет и методы политической лингвистики [Текст] // Scripta Linguisticae applicatae / Проблемы прикладной лингвистики. – 2001. – М.: Азбуковник, 2001.
10. Пищальникова, В. А. Ассоциативный эксперимент как метод диагностирования динамических процессов в лексической семантике [Текст] // Методология современных семантических исследований в развитии и перспективе / кол. мон. под ред О. А. Сулеймановой. – М.: Флинта. – С. 253-270.
11. Степанов, Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: 3-е изд. [Текст] / Ю. С. Степанов. – М.: Академический проект, 2004. – С. 42-67.
12. Тугаринов, В. П. Избранные философские труды [Текст] / В. П. Тугаринов. – Л.: ЛГУ, 1988. – С. 224.
13. Шейгал, Е. И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е. И. Шейгал. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.
14. Borisova E. 2013 Linguopolitology: understanding in political communications – Understanding by Communication/eds. Elena Borisova and Olga Souleimanova Cambridge Scholars Publishers – Newcastle. 2013 – pp.168-176
15. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. – London & New York: Routledge, 2004.
16. Clark Herbert H. 1971. Word associations and linguistic theory. In Lyons John (ed.). New Horizons in Linguistics. ... Universals in linguistic theory. – New York, NY: Holt, Rinehart and Winston. – p. 1-90.
17. Fairclough N. Language and Power. – Longman, 1989 – 260 p.

Reference List

1. Borisova, E. G. Ustojchivaja sochetaemost' kak pokazatel' jazykovogo soznaniya = Fixed compatibility as indicator of language consciousness [Tekst] // Tezisy dokladov i soobshhenij. Mezhdunarodnyj simpozium MAPRJAL po lingvostranovedeniju. – T. 2. – Odessa, 1989.
2. Borisova, E. G., Nekrasova, K. I. Ljubite li vy demokratiju? Ocenochnyj potencial obshhestvennoj leksiki = Do you love democracy? Estimated potential of public lexicon [Tekst] // Sovremennaja politicheskaja komunikacija: m-ly Mezhdunar. Nauch. konf (Ekaterinburg 21-24 sent. 2009 g. / gl. red. A. P. Chudinov. – Ekaterinburg, 2009. – S. 23-24.

3. Borisova, E. G. «Jegoist uzhasnyj/ prekrasnyj» (o variativnosti ocenki v leksicheskikh konnotacijah = «The awful / beautiful egoist» (about assessment variability in lexical connotations [Tekst] // Variativnost' v jazyke i kommunikacii: sb. statej / sost i otv. red L. L. Fedorova. – M. : RGGU, 2012. – S. 140-146.
4. Borisova, E. G., Dondo, S. A. Politicheskij diskurs i ego sostavnye chasti = Political discourse and its components [Tekst] // Chelovek i ego diskurs – 4: kollektivnaja monografija / otv. red. M. R. Zheltuhina; VGSPU; IJa RAN. – M.: IJa RAN; OOO «IC «Azbukovnik», 2015.
5. Bubnova, I. A., Kazachenko, O. V. Kul'turnye konstanty russkogo obraza mira na sovremennom jetape razvitiya obshhestva = Cultural constants of the Russian image of the world at the present stage of society's development [Tekst] // Voprosy psiholingvistiki. – № 2 (36). – 2018. – S. 28-42.
6. Vol'f, E. M. Funkcional'naja semantika ocenki = Functional semantics of assessment [Tekst] / E. M. Vol'f. – M. : Nauka, 1985.
7. Lukashevich, E. V. Psihologicheskij jeksperiment kak sposob diagnostiki jemocional'noj naprjazhennosti = Psychological experiment as way of emotional tension diagnostics [Tekst] // Jazykovoe soznanie: teoreticheskie i prikladnye aspekty: sb. st. – M. : Barnaul, 2004. – S. 129-137.
8. Kobozeva, I. M. Nemec, anglichanin, francuz i russkij: vyjavlenie stereotipov nacional'nyh harakterov cherez analiz konnotacij jetnonimov = German, Englishman, Frenchman and Russian: identification of stereotypes of national characters through the analysis of ethnonyms connotations [Tekst] // Vestnik MGU. – Filologija. – 1995. – №. 3.
9. Parshin, P. B. Issledovatel'skie praktiki, predmet i metody politicheskoi lingvistiki = Research practices, subject and methods of political linguistics [Tekst] // Scripta Linguisticae applicatae / Problemy prikladnoj lingvistiki. – 2001. – M. : Azbukovnik, 2001.
10. Pishchal'nikova, V. A. Associativnyj jeksperiment kak metod diagnostirovanija dinamicheskikh processov v leksicheskoi semantike = Associative experiment as a method of diagnosing of dynamic processes in lexical semantics [Tekst] // Metodologija sovremennykh semanticheskikh issledovanij v razvitii i perspektive / kol. mon. pod red O. A. Sulejmanovoj. – M. : Flinta. – S. 253-270.
11. Stepanov, Ju. S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury: 3-e izd. = Constants: Dictionary of the Russian culture: the 3rd edition. [Tekst] / Ju. S. Stepanov. – M. : Akademicheskij proekt, 2004. – S. 42-67.
12. Tugarinov, V. P. Izbrannye filosofskie trudy = Selected philosophical works [Tekst] / V. P. Tugarinov. – L. : LGU, 1988. – C. 224.
13. Shejgal, E. I. Semiotika politicheskogo diskursa = Semiotics of political discourse [Tekst] / E. I. Shejgal. – M. : ITDGK «Gnozis», 2004.
14. Borisova E. 2013 Linguopolitology: understanding in political communications – Understanding by Communication/eds. Elena Borisova and Olga Souleimanova Cambridge Scholars Publishers – Newcastle. 2013 – pp.168-176
15. Chilton P. Analysing Political Discourse: Theory and Practice. – London & New York: Routledge, 2004.
16. Clark Herbert H. 1971. Word associations and linguistic theory. In Lyons John (ed.). New Horizons in Linguistics. ... Universals in linguistic theory. – New York, NY: Holt, Rinehart and Winston. – p. 1-90.
17. Fairclough N. Language and Power. – Longman, 1989 – 260 p.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Т. В. Клубкова <https://orcid.org/0000-0003-4141-1650>

«Этнографический Атлас» А. Бальби (1826): из истории языкового коллекционирования

Рассматривается история создания «Этнографического Атласа языков и народов мира» (Париж, 1826). «Атлас» – итог совместной деятельности филологов, ориенталистов, географов, путешественников, натуралистов, историков, художников, собирателей-любителей почти всей Европы. Среди участников как знаменитости (Ал. Гумбольдт, Ж. Шампольон, А. Галлатин, натуралист А. Демулен), так и менее известные личности (аббат Ж. Дюбуа, португальский философ С. Пинейру-Феррейра, художник-путешественник И. Ругендас, библиофил А. Линденберг) и многие другие.

«Атлас» завершает эпоху языкового коллекционирования. «Сравнительные словари» П. С. Палласа, «Каталог языков» Л. Эрваса-и-Пандуро, «Митридат» И. К. Аделунга и И. С. Фатера – в этот ряд входит и «Атлас».

Географ, статистик, историк А. Бальби был автором и организатором «Этнографического Атласа» в сложный период новой классификации наук.

Небольшой по объему «Атлас» (41 таблица) имеет обширное теоретическое «Введение» – экскурс в историю языкового коллекционирования; автор осуждает ложные теории, настаивает на полезности сравнительного изучения языков для истории, биологии.

Во «Введении» обсуждается возможность применения системы К. Линнея для систематизации языкового материала, обсуждаются терминология новых наук – этнографии и лингвистики, критерии сравнения.

Таблицы «Атласа» построены по географическому принципу, языки группируются по семьям, опыт предшественников учитывается, но не копируется.

Раздел «Развитие цивилизации и литературы в Российской империи» связан с российскими литературными спорами.

А. Бальби удалось заметить проблемы: отсутствие границ между языками, между языком, диалектом, жаргоном, смешанные языки, смена языка завоеванным народом, путаница в топонимах и этнонимах, отсутствие единой номенклатуры языков, отсутствие единой транскрипции; эти задачи решались в течение всего XIX в. «Атлас» является показателем состояния языкознания первой четверти XIX в.

Ключевые слова: Бальби, Мальте-Брюн, Линней, классификация наук, смешанные языки, статистика, этнография

T. V. Klubkova

«Ethnographic Atlas» by A. Balbi (1826): from History of Language Collecting

The article discusses the history of the «Atlas ethnographique du globe...» (Paris, 1826). The «Atlas» is the result of the collaborative activities of philologists, orientalists, geographers, travellers, naturalists, historians, artists, collectors almost all over Europe. Among the participants, such very well-known personalities as Al. von Humboldt, A. Desmoulins, and less well-known ones (abbé J.-A. Dubois, a philosopher S. Pinheiro-Ferreira, an artist I. M. Rugendas, a bibliophile A. Lindenberg), and many others.

The Atlas completes the era of language collecting. The dictionaries by Pallas, those by L. Hervás y Panduro, the «Mithridates» are a series including the «Atlas ethnographique...».

A geographer, statistician, historian A. Balbi was the author and the organizer of the «Atlas» in the difficult period of the new classification of sciences.

A non-extensive «Atlas», containing 41 tables, has a substantial theoretical introduction, a retrospective journey into the history of language collecting; the author condemns false theories and insists on the use of the comparative study of languages for history and biology.

The «Introduction» discusses the possibility of using the Linnaeus system for systematizing language data, as well as discussing the terminology of the new sciences, ethnography and linguistics, and the criteria for their comparison.

The «Atlas» tables are constructed on a geographical basis, the languages are family grouped; and the preceding achievements are taken care of without copying.

The Chapter on «Coup-d'œil sur la littérature russe» is connected to Russian literary disputes.

A. Balbi was able to identify the problems: the lack of boundaries between languages, as well as between language, dialect, jargon and mixed languages; the substitution of one's native language by the conqueror language; the lack of a unified nomenclature of languages and the lack of a unified transcription. All these problems were being solved during the XIXth century. The «Atlas» is an indicator of the state of linguistics in the first quarter of the XIXth century.

Keywords: Balbi, Malte-Brun, Linnaeus, classification of Sciences, mixed language, Statistics, Ethnography, classification of languages.

Имя географа и статистика Адриано Бальби, народов мира...» [10, 11] в настоящее время почти составителя «Этнографического Атласа языков и позабыто, но современники ставили это имя в один ряд

с такими именами как П. С. Паллас, Ю. Клапрот, Л. Эрвас-и-Пандуро, Й. К. Аделунг, Й. С. Фатер именно за «Этнографический Атлас». Известный ориенталист Й. Хаммер утверждал, что А. Бальби удалось «стройно расположить великолепную пирамиду из двух тысяч языков, создать *monumentum aere perennius*» [19, с. 3]. Рецензия появилась в том же журнале, где был опубликован немецкий перевод труда Р. Раска о древнесеверном языке.

На классификацию А. Бальби опирается А. Жарри де Манси в «История древних и новых литератур, наук и изящных искусств» [4, с. 4], взгляды Бальби-географа берет за основу А. Чертков в «Политической географии» [8], постепенно появляются сдержанные оценки [7, с. 88] и имя Бальби исчезает из научного обихода.

Сейчас имя Адриано Бальби встречается в работах об истории становления этнографии, этнологии, этнолингвистики. Обсуждая этот период – время новой классификации наук, Ю. Штагль отмечает, что именно А. Бальби первым во Франции употребил термин *Ethnographie*, возникший в Германии в конце XVIII в. [25, с. 241], роль Бальби в распространении термина отмечает Х. Вермелен [27, с. 340-354], А. Збиговска-Мигон назвала Бальби «пионером библиографии» [28], Б. Коломб упоминает имя Бальби в курсе лекций по истории языкознания [18]; перевод раздела «О языках страны кавказской» [1] представлен на востоковедческих сайтах; есть итальянский перевод отрывка Таблицы XXXVIII, посвященного итальянскому языку [14].

Венецианец А. Бальби (1782-1848), географ, статистик и историк, вынужден был оставить Италию, жил в Португалии (1820-1822) и во Франции (1822-1832) [7, с. 88, 11, с. 29]. После публикации «*Essai statistique sur le royaume de Portugal et d'Algarve*» (Париж, 1822) известный географ К. Мальте-Брюн привлек Бальби к работе над «Универсальной Географией» [22].

Идея «Этнографического Атласа» возникла у Бальби еще в Италии [11, с. 29]. Это закономерно: составитель «Атласа языков» – географ, а сведения о языках (особенно далеких, экзотических) черпали из записок путешественников, из материалов экспедиций. «Универсальная География» К. Мальте-Брюна [22] была одним из источников «Митридата».

«Этнографический Атлас» А. Бальби – международный коллективный труд. Бальби называет 78 имен, 57 имен активных участников отмечены звездочкой [10, с. cxii–cxvi]. Среди участников как знаменитости (Ал. Гумбольдт, Ж. Шампольон, А. Галлатин, натуралист А. Демулен), так и менее известные личности (аббат Ж. Дюбуа, португальский

философ С. Пинейру-Феррейра, художник-путешественник И. Ругендас, португальский библиофил А. Линденберг) и др. В примечании к Генеральной Таблице «Карта мира» (*Mappemonde*) названы имена составителей некоторых таблиц [13, I]. Это Жозеф Агуб (Joseph Agoub, 1795-1832) – арабист, переводчик, поэт; Эжен Бюрнуф (Eugène Burnouf, 1801-1852) – ориенталист, ученик Ж.-П. Абеля-Ремюза; Антуан-Леонар Шези (Antoine-Léonard Chézy, 1773-1832) – ориенталист, первым перевел санскритскую классику; Жак-Жозеф Шампольон-Фижака (Jacques-Joseph Champollion-Figeac, 1778-1867) – археолог; Жан-Франсуа Шампольон (Jean-François Champollion, Champollion le Jeune; 1790-1832) – востоковед, египтолог; Георг Бернгард Деппинг (Georg Bernhardt Depping, 1784-1853) – франц.-нем. историограф; Луи де Фрейсине (Louis Claude de Saulces de Freycinet, 1779-1841) – мореплаватель; Карл Бенедикт Хазе (Karl Benedikt Hase; fr. Charles Benoît Hase, 1780-1864) – грецист, палеограф; Карл Генрих Гермес (Karl Heinrich Hermes) – журналист, издатель журнал «*Britannia oder Neue englische Miscellen*» в 1825-1827 гг., кельтолог; Эдме-Франсуа Жомар (Edmé François Jomard, 1777-1862) – географ, египтолог, участник египетского похода Наполеона, редактировал «Описания Египта»; Пьер Амедей Эмилиан Проб Жобер (Pierre Amédée Emilien Probe Jaubert, 1779-1847) – ориенталист, переводчик, путешественник. Использовались материалы Ю. Клапрота [21].

В «Атласе» цитируются современники: И. Ф. Блуменбах, К. Мальте-Брюн, Р. Раск, Ж.-П. Абель-Ремюза, И. С. Фатер, упоминаются А. Шлегель, использована «Немецкая грамматика» Я. Гримма [11, Т. XXXVIII]. Бальби оперативно использует новые тексты, материал которых ранее не входил в коллекции. Так, например, книга капитана Ю. Лисянского (J. Lisiansky. *Voyage round the world in the Ship Neva*. London, 1814) отсутствует в «Митридате» и в библиографии И. С. Фатера [26].

О выходе «Атласа» сообщалось в журналах «*Bulletin général et universel des annonces et des nouvelles scientifiques*», «*Nouvelles Annales des voyages*», «*Revue britannique*» и др. [11, с. 29]. Отклики появились в Германии [19, 20], Франции [9], Италии [23]. Одни рецензенты ограничивались описанием структуры «Атласа», признавая, что об экзотических языках трудно судить неспециалисту [20, с. 1698], а ориенталист Й. Хаммер высказал соображения о терминологии, предложил варианты, комментировал отдельные примеры [19]. «Атлас» Бальби – примета времени, проявление интереса читателей и ученого

сообщества к истории и географии [20, с. 1698], свидетельство продолжающейся систематизации.

«Этнографический Атлас» А. Бальби имеет следующий состав: книга «Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues. Partie Historique et Litteraire. T. 1-2. Discours préliminaire et Introduction» [10] и собственно «Этнографический Атлас» [11], свод Таблиц (41 таблица). Сочинение посвящено l'Empereur Alexandre (русскому императору Александру I). Российский материал представлен и в отдельной Таблице «L'Empire Russe» [12], нем. пер. «Das Russische Reich» 1830 [13], положительный отзыв о ней см. [9].

В «Предварительных замечаниях» (Discours préliminaire) Бальби делает экскурс в историю коллекционирования и с удовлетворением отмечает, что ученый мир уже не ограничивается изучением древних языков, но начал сравнительное изучение языков. Автор рассуждает о пользе сравнительного изучения языков, призывает отказаться от «химер вынужденной этимологии, чтобы посвятить свои занятия поиску более или менее очевидных аналогий в словах и грамматике...» [10, с. xv]; называет предшественников: Палласа (но не Янковича де Мириево), И. К. Аделунга, И. С. Фатера, Л. Эрваса [10, с. xv], ссылаясь на Г. В. Лейбница, указывает, что именно сравнение языков даст сведения об истории народов. По мнению А. Бальби, только язык дает достоверные сведения о народе (*Nation*), так как исторические, политические, географические ситуации могут меняться, а язык остается; лингвистика – единственная наука, которая предоставляет элементы, имеющие постоянный характер, отличающие одну нацию от другой; сравнение языков поможет проникнуть в бесписьменную историю народов [10, с. xvi–xx].

Оглядываясь в прошлое, Бальби видит предвзятые теории («еврейская гипотеза», кельтизм, происхождение китайцев из Египта). Обсуждая этнонимы, Бальби приводит примеры неверных: монголы, тунгусы и тюрки для европейцев *татары*; в Азии все европейцы – *франки*; приводит примеры недоразумений и путаницы в названиях индейских племен из «Relation historique du Voyage aux Régions Équinoxiales» А. Гумбольдта. «От скольких подобных ошибок мы могли бы избавить учебники истории и географии, если бы все авторы знали или хотели правильно применять лингвистику в своих исследованиях!» [10, с. xliii].

Бальби доказывает полезность сравнения языков: натуралист А. Демулен сделал выводы о распространении крупных млекопитающих, сравнивая названия в разных европейских языках, а Дж. Кроуфорд,

сравнивая языки, проследил миграции населения островов Индийского архипелага [10, с. lxx–lxi].

Географ Бальби рассматривает путаницу в именах, приводя примеры имен собственных, записанных разными исследователями: англ. Mysore – фр. Maissour [10, с. xci]; Батый – Bathi, Batou, Batut, Bati, Basthi; Чингисхан – Gengiscan, Genghiscan, Zingiscan, Djenguyz-Khan, Tchinggis-Khan, Tchinghiz-Khan [10, xcvi]. (Рецензент И. Хаммер, комментируя эти примеры, отметил, что высшей властью являются словари: «Solche höchste Spruchbehörden letzter Instanz find für das Arabische der Kamus, für das Persische das Siebenmeer» [19, с. 7]).

Бальби формулирует причины путаницы: записывающий не знает языка, на котором пытается писать; не умеет записать сложные, непривычные звуки; несовместимость записываемых слов с европейскими; несовершенные средства транскрипции [10, с. ci–cvii].

Теоретические проблемы обсуждаются в первых главах «Введения» (Introduction), это своеобразный коллаж: около половины главы занимают письмо К. Мальте-Брюна автору, отрывки из Ж. Абель-Ремюза и С. Пинеиро-Ферейра. Затем следует описание и комментарий к Таблицам «Атласа» в пяти главах.

Перед составителями стояла задача выбора метода систематизации материала. «В начале XIX в. систематика представляла собой отрасль биологии, занятую классификацией живых существ, относящихся к царству растений или к царству животных... Основы биологической систематики были заложены в труде К. Линнея «Система природы» (1735), Линней разработал иерархию живых существ из четырех уровней: классы, отряды, роды и виды (лат. *classes, ordines, genera, species*). Ниже уровня видов могли быть свои подразделения, которые уже после Линнея были названы разновидностями (*varietates*)» [5, с. 106].

Сам Бальби был сторонником применения системы К. Линнея для классификации языков, деления на *царства, семьи, отряды, роды, виды*. К. Мальте-Брюн возражал против прямолинейного переноса «Линнеевского метода», сомневался в возможности такого четкого деления, реалистично оценивая ситуацию, когда многие языки в дальних местах (Америка, Тибет, Кавказ) описаны недостоверно или совсем не описаны [10, с. 3]. «Дух науки требует природных видов и семей. Виды в ботанике, зоологии, когда-то фиксированные, продолжают на протяжении веков оставаться неизменными в природе; языки демонстрируют одновременно явления **и большой устойчивости и вечной вариации**, в зависимости от их характера, и в соответствии с **гением народов, которые говорят и пишут их**» [10, с. 4]. Также он

предостерегает об опасности «скатиться к абсурду рудбекианизма» (О. Рудбек в трехтомной «Атлантиде» 1675-1698 г. доказывал, что праязыком был шведский) [10, с. 6]. Вместо терминов Линнея Мальте-Брюн предлагает использовать термины «семья» (*famille*), «языки-матери» (*langues-mères*), «языки-сестры» (*langues-sœurs*). Мальте-Брюн считает, что «стремление создавать систематические роды вредит основательному изучению видов» [10, с. 7], и надеется, что изучение фракийского класса Р. Раска позволит определить место славянских языков, албанского и литовского языков. Поиск праязыка он считает «химерой, сохранившейся на руинах Вавилонской башни» [10, с. 9].

Общие вопросы изменения языков затрагивает философ С. Пинеиру-Феррейра: «...при любом состоянии цивилизации у народов обязательно будет язык, приспособленный к их потребностям»; описывая изменения в языках переселенцев, оторвавшихся от метрополии, он отмечает незаметную для отдельного человека скорость изменений [10, с. 13].

Решая, использовать для сравнения языков лексику или грамматику, Бальби выбирает лексику [10, с. 15], притом что был знаком с «Немецкой грамматикой» Я. Гримма, с работами Р. Раска и А. Шлегеля. Может показаться, что автор просто консервативен, неспособен оторваться от предшествующей традиции. Однако дело скорее в том, что Бальби (и его коллеги по «Атласу») рассматривали материал незнакомых и часто бесписьменных языков. По мнению Бальби, важнейшая задача – собирание и сравнение корней, слова важнее грамматики [10, с. 28]. Эту позицию отстаивает и Ю. Клапрот: «... корни и слова – это материал языков, который получает форму грамматики; они всегда остаются такими, какие они есть, как алмаз, который остается алмазом, огранить ли его в блестящий бриллиант или оставить простым алмазом» [10, с. 29].

Бальби делает попытку использовать схему Линнея, отказывается признавать термин *семья* для индогерманских языков, полагая, что существуют следующие семьи: *la famille sanskrite*, *la famille greco-latine*, *la famille germanique*, *la famille slave*, etc. Термин «царство» *règne* объединяет группу близких семейств. Таким образом, имеется *règne indo-germanique*. Статус *règne* для языков Нового света при современном состоянии описания американских языков устанавливать не стоит, так как многие языки *incertae sedis* (биологический термин *incertae sedis* указывает на то, что положение таксона в системе неясно), в американских языках слишком много сложных грамматических форм, множество *аффиксов* и *суффиксов* [10, с. 29-30]. Сходный подход к неописанным неизвестным языкам был у американцев,

например А. Галлатина, предоставившего материал для «Атласа», П. С. Дю Понсо и других ранних дескриптивистов. В. Белый называет эту деятельность классификационной лингвистикой: составление списков лексики для сравнения, количество единиц в списке, отбор единиц для сравнения и, главное, отказ от предвзятого грамматического подхода [3, с. 76-82].

Ориенталист Ж.-П. Абель-Ремюза предложил отбирать для сравнения те слова, которые употребляют дети «*les enfans inventeraient si on ne les leur apprendait pas: père, mère, homme, femme, tête, main, soleil, étoile, pierre, arbre, un, deux, dix, etc.* Si la liste de ces mots était recueillie par un esprit judicieux et sévère, on se rait peut-être surpris du petit nombre de ceux qui pourraient mériter d'y être admis» [10, с. 22]. Бальби обсуждает случаи, мешающие классификации, например смешанные и искусственные языки, то есть обращается к материалу, который в настоящее время рассматривается социолингвистикой; пример смешанного языка – «*ovrastchennoi*», «язык, который используют жители Могилевской губернии возле Мстислава и Пропойска. По свидетельству Кампенхаузена, этот язык представляет смесь русского, польского, немецкого, латинского и валашского языков»; В македоновлахской грамматике М. Бояджи (Wien, 1813) Бальби увидел смесь венгерского, болгарского, немецкого, польского и частично русского [10, с. 38]. (Номенклатура языков изменилась, М. Бара пишет об арумьнской грамматике М. Бояджи [15]). Бальби упоминает искусственный язык балайбелен, смешанные языки португальских колоний в Африке, мужские и женские языки у мандинго и карибов.

Бальби отмечает, что о количестве языков ранее говорили предвзято: «Большинство наших идей по этому вопросу основаны на мнениях тех авторов, которые утверждали, что устанавливают количество языков согласно некоторым текстам Библии» [10, с. 59]. (Связи количества языков с легендой о Вавилонской башне см. [17]).

Для новой науки, обсуждающей человека, ремесла, нравы, обычаи, языки Бальби настаивает на термине этнография *Ethnographie*, вспоминает и другие предложения: *glossographie* et *glossographe*, *idiomographie* (предложение К. Мальте-Брюна) [10, с. 61]. Вариант *ethnographie* поддержал Ал. Гумбольдт. Подробнее об этом сюжете см. [25, с. 235-241]. Геттингенский рецензент предложил *Sprachen-Geographie* [20, с. 1698]. Главу завершает тематическая библиография: I. Dictionnaires polyglottes, Glossaires, Recueils d'Alphabets et de Vocabulaires. II. Recueils de l'Oraison dominicale. III. Traductions de la Bible et du Nouveau Testament. IV. Principaux traités sur la Grammaire générale, servant d'introduction à l'étude de

toutes les langues. V. Principaux traités sur l'origine, la formation et la classification des langues [10, с. 64-68].

Глава «О графике» практически не отличается в идейном плане от любой книги по истории письма. Предметное письмо, однако, иллюстрируется не классическим примером из «Истории» Геродота о послании скифов персидскому царю Дарию, но сюжетами из жизни американских индейцев [10, с. 69-70].

В состав «Атласа» входит 41 таблица: Генеральная таблица «Карта мира», 35 таблиц по континентам, пять Многоязычных таблиц, Алфавитная таблица языков с указанием номеров.

Многоязычные таблицы устроены следующим образом: в первой вертикальной колонке находятся языки, сгруппированные по семьям, диалектам и говорам, часто с указанием конкретной местности проживания носителей, вторая колонка – орфография собирателя, далее – 26 колонок, в верхней горизонтальной колонке Список слов, в остальных горизонталях – перевод на соответствующий язык. Список: **Soleil; Lune; Jour; Terre; L'eau; Feu; Père; Mère; Oeil; Tête; Bouche; Mund; Langue; Dent; Main; Pied; un...dix** (Солнце; Луна; день; Земля; Вода; Огонь; отец; мать; глаз; голова; рот; язык; зуб; рука; нога, один...десять).

Немецкий язык представлен следующим образом: № 168 древневерхненемецкий, № 169 современный немецкий литературный, швейцарский (перечислены общины), баварский (Мюнхен, Тироль), франконский (Дармштадт) и Rothwelsch.

Наличие главы о России вызвано внелингвистическими факторами, по структуре она отличается от прочих. Эта глава весьма информативна для европейского читателя, заметно умение автора-статистика компактно и наглядно излагать сведения: на одном листе Таблицы «L'Empire Russe» помещается не только история от Рюрика до Александра, но и сведения о территории, населении, языках, национальном богатстве, искусствах и ремеслах, торговле, образовании, уровне смертности, сравнение Российской империи по этим пунктам с Персидским царством и Османской империей; в разделе «Этнография» находятся сведения о языках, которые распределены по классам, указано количество носителей, положительная оценка см. [9].

Отрицательное отношение связано с российскими литературными спорами [6]; даже само упоминание имени Бальби вызвало пренебрежительный отзыв Белинского [2, с. 236].

Отвлекаясь от этого литературного сюжета, следует отметить, что в тексте представлены статистические сведения о России: списки журналов литературных и научных, списки ученых обществ, в таблице Tableau

Bibliographique De L'empire Russe отражены публикации по разделам науки за 1822, 1823, 1824 гг. [8, с. 378], названы имена библиографов В. А. Плавильщикова и В. С. Сопова [10, с. 382]. Имеется раздел Voici les principales différences entre la langue russe et le dialecte de la Petite-Russie [10, с. 359-361].

Адриано Бальби удалось заметить проблемы, которые решили позже: границы между языками; между языком, диалектом, жаргоном; смешанные языки; смена языка завоеванным народом; путаница в топонимах и этнонимах; несовместимость записываемых слов с европейскими; отсутствие единой номенклатуры языков, несовершенные средства транскрипции.

Работа Бальби является показателем состояния языкознания первой четверти XIX в.

Библиографический список

1. Бальби, А. О языках страны Кавказской [Текст] // Вестник Европы. – 1828. – № 7. – С. 166-181. – № 8. – С. 241-260.
2. Белинский, В. Полн. собр. соч. : В 13 т. Т. 9 [Текст] / В. Белинский. – М., 1953. – 804 с.
3. Белый, В. 7 выдающихся лингвистов [Электронный ресурс] / В. Белый. – URL: https://www.academia.edu/22657549/7_выдающихся_лингвистов_7_Prominent_Linguists
4. Жарри де Манси, А. История древних и новых литератур, наук и изящных искусств: Всеобщее изображение Восточных языков и Литератур древних и новых. Ч. 2 [Текст] / А. Жарри де Манси. – М. : В типографии Лазаревых Института Восточных языков, 1832. – 160 с.
5. Кузнецов, С. Н. Расмус Раск и его лингвистическая парадигма [Электронный ресурс] / С. Н. Кузнецов // Современная наука. Серия Языкознание. – 2015. – № 3. – С. 95-114. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rasmus-rask-i-ego-lingvisticheskaya-paradigma>
6. Н. П. Замечания на статью «Coup-d'oeil sur l'histoire de la Langue Slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie» [Электронный ресурс] / [Н. П.] Н. П. Полевой // Московский телеграф. – 1827. – Ч. 17. – № 18. – С. 117, 118-119. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles-pri-zhizni/097.htm>
7. Старчевский, А. Справочный энциклопедический словарь. Т. 2., Б [Текст] / А. Старчевский. – СПб. : типография К. Крайя. – 1849. – 551 с.
8. Чертков, А. Политическая география Азии, Африки, Америки и Океании. Ч. 2 [Текст] / А. Чертков. – СПб. : В Гуттенберговой типографии, 1844. – 118 с.
9. A D V. Ex. de l' Balbi A. L' Empire Russe, comparé aux principaux états du monde. – Paris, 1827 // Bulletin universel des sciences et de l'industrie. – Т. 18. – p. 424-427.

10. Balbi, A. Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues. Partie Historique et Littéraire. T. 1-2. Discours préliminaire et Introduction. – Paris : Rey et Gravier, 1826. – cxliii, 415 p.

11. Balbi, A. Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues; précédé d'un discours sur l'utilité et l'importance de l'étude des langues, appliquée à plusieurs branches des connaissances humaines; d'un aperçu sur les moyens graphiques employés par les différens peuples de la terre; d'un coup d'oeil sur l'histoire de la langue slave, et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie, avec environ sept cents vocabulaires des principaux idiomes connus, et suivi du tableau physique, moral et politique des cinq parties du monde; dédié À S. M. l'empereur Alexandre. – Paris : Rey et Gravier, 1826. – 146 p.

12. Balbi, A. L' Empire Russe, comparé aux principaux états du monde. – Paris, 1827.

13. Balbi, A. Das Russische Reich, verglichen mit den vornehmsten Staaten der Erde. – Weimar, 1830.

14. Balbi, A. La II tavola dedicata all'Europa parla dell'italiano. – URL: <https://ru.scribd.com/document/383486926/Balbi-1/>.

15. Bara, M. Bojadschi, entre le vernaculaire et la fantaisie linguistique. Zeitschrift für Balkanologie. Bd. 51, Nr. 1 (2015). – URL <http://www.zeitschrift-fuer-balkanologie.de/index.php/zfb/article/view/359/>.

16. Biographie universelle et portative des contemporains... – Paris : Chez l'Éditeur, 1836. – T. 5. – 918 p.

17. Borst, A. Der Turmbau von Babel : Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker. – München: Dt. Taschenbuch Verl., 1995. – 435 S.

18. Colombat, B. Les premières descriptions des langues du monde. – URL: http://htl.linguist.univ-paris-diderot.fr/_media/bernard/langues_monde.pdf/.

19. Hammer, J. Rez. von A. Balbi. Atlas etnografique du globe, ou classification des peuples anciens et modernes, d'après langues. – Paris, 1826 // Wiener Jahrbücher der Literatur. – 1827. – Bd. 38, S. 1-19.

20. Hu. Rez. von A. Balbi. Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues... – Göttingische gelehrte Anzeigen. – 1830. – B. 3. – S. 1698-1700.

21. Klaproth, J. H. Asia polyglotta. – Paris: Schubart 1823. – XII, 416 S.

22. Malte-Brun, C. Précis de la géographie universelle. – 8 Vol. – Paris, 1810-1829.

23. Rossi, Fr. Rev. de A. Balbi. Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues... – Paris, 1826. Biblioteca italiana ossia giornale di letteratura scienze ed arti compilato da una società di letterati. – T. 98. – 1828. – p. 214-236.

24. sine nom. Ex. de A. Balbi. Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues... Nouvelles Annales Des Voyages, de la Géographie et de l'Histoire..., Vol. 32 de

la collection, 1826. – p. 209-223. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32826375m/date>

25. Stagl, J. A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550-1800. Studies in anthropology and history. Vol. 13. – Amsterdam : Taylor & Francis, 1995. – 344 p.

26. Vater, J. S. Litteratur der Grammatiken, Lexica und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde ... – Berlin : In der Nicolaischen Buchhandlung, 1815. – IV, 259 S.

27. Vermeulen, Han F. Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment / Critical Studies in the History of Anthropology Series / University of Nebraska Press, 2015. – 760 p.

28. Zbikowska-Migon, A. Karl Heinrich Frömmichen (1736-1783) and Adrian Balbi (1782-1848) – The Pioneers of Biblio- and Scientometrics. Scientometrics Vol. 52. – No. 2 (2001). – p. 225-233.

Reference List

1. Bal'bi, A. O jazykah strany Kavkazskoj = About languages of the Caucasian country [Tekst] // Vestnik Evropy. – 1828. – № 7. – S. 166-181; № 8. – S. 241-260.

2. Belinskij, V. Poln. sobr. soch. : V 13 t. T. 9 = Complete set of works: In 13 v. V. 9 [Tekst] / V. Belinskij. – M., 1953. – 804 s.

3 Belyj, V. 7 vydajushhihsja lingvistov = 7 outstanding linguists [Elektronnyj resurs] / V. Belyj. – URL: https://www.academia.edu/22657549/7_vydajushhihsja_lingvistov_7_Prominent_Linguists_

4 Zharri de Mansi, A. Istoriya drevnih i novyh literatur, nauk i izjashnyh iskustv: Vseobshhee izobrazhenie Vostochnyh jazykov i Literatur drevnih i novyh. Ch. 2 = History of ancient and new literatures, sciences and fine arts: General image of ancient and new Oriental languages and Literatures. Part 2 [Tekst] / A. Zharri de Mansi. – M. : V tipografii Lazarevyh Instituta Vostochnyh jazykov, 1832. – 160 s.

5. Kuznecov, S. N. Rasmus Rask i ego lingvisticheskaja paradigma = Rasmus Rask and his linguistic paradigm [Elektronnyj resurs] / S. N. Kuznecov // Sovremennaja nauka. Serija Jazykoznanie. – 2015. – № 3. – S. 95-114. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/rasmus-rask-i-ego-lingvisticheskaya-paradigma>

6. N. P. Zamechanija na stat'ju «Coup-d'oeil sur l'histoire de la Langue Slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie» = Remarks on the article «Coup-d'oeil sur l'histoire de la Langue Slave et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie» [Elektronnyj resurs] / [N. P.] N. P. Polevoj // Moskovskij telegraf. – 1827. – Ch. 17. – № 18. – S. 117, 118-119. – URL: <http://pushkin-lit.ru/pushkin/articles-pri-zhizni/097.htm>

7. Starchevskij, A. Spravochnyj jenciklopedicheskij slovar'. T. 2; B = Reference encyclopedic dictionary. V. 2: B [Tekst] / A. Starchevskij. – SPb. : tipografija K. Kraja. – 1849. – 551 s.

8. Chertkov, A. Politicheskaja geografija Azii, Afriki, Ameriki i Okeanii. Ch. 2 = Political geography of Asia, Africa, America and Oceania. Part 2 [Tekst] /

A. Chertkov. – SPb. : V Guttenbergovoj tipografii, 1844. – 118 s.

9. A D V. Ex. de l' Balbi A. L' Empire Russe, comparé aux principaux états du monde. – Paris, 1827 // Bulletin universel des sciences et de l'industrie. – T. 18. – p. 424-427.

10. Balbi, A. Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues. Partie Historique et Littéraire. T. 1-2. Discours préliminaire et Introduction. – Paris : Rey et Gravier, 1826. – cxliii, 415 p.

11. Balbi, A. Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues; précédé d'un discours sur l'utilité et l'importance de l'étude des langues, appliquée à plusieurs branches des connoissances humaines; d'un aperçu sur les moyens graphiques employés par les différens peuples de la terre; d'un coup d'oeil sur l'histoire de la langue slave, et sur la marche progressive de la civilisation et de la littérature en Russie, avec environ sept cents vocabulaires des principaux idiomes connus, et suivi du tableau physique, moral et politique des cinq parties du monde; dédié À. S. M. l'empereur Alexandre. – Paris : Rey et Gravier, 1826. – 146 p.

12. Balbi, A. L' Empire Russe, comparé aux principaux états du monde. – Paris, 1827.

13. Balbi, A. Das Russische Reich, verglichen mit den vornehmsten Staaten der Erde. – Weimar, 1830.

14. Balbi, A. La II tavola dedicata all'Europa parla dell'italiano. – URL: <https://ru.scribd.com/document/383486926/Balbi-1/>.

15. Bara, M. Bojadschi, entre le vernaculaire et la fantaisie linguistique. Zeitschrift für Balkanologie. Bd. 51, Nr. 1 (2015). – URL <http://www.zeitschrift-fuer-balkanologie.de/index.php/zfb/article/view/359/>.

16. Biographie universelle et portative des contemporains... – Paris : Chez l'Éditeur, 1836. – T. 5. – 918 p.

17. Borst, A. Der Turmbau von Babel : Geschichte der Meinungen über Ursprung und Vielfalt der Sprachen und Völker. – München: Dt. Taschenbuch Verl., 1995. – 435 S.

18. Colombat, B. Les premieres descriptions des langues du monde. – URL: http://htl.linguist.univ-paris-diderot.fr/_media/bernard/langues_monde.pdf/.

19. Hammer, J. Rez. von A. Balbi. Atlas etnografique du globe, ou classification des peuples anciens et modernes, d'après langues. – Paris, 1826 // Wiener Jahrbücher der Literatur. – 1827. – Bd. 38, S. 1-19.

20. Hu. Rez. von A. Balbi. Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues... – Göttingische gelehrte Anzeigen. – 1830. – B. 3. – S. 1698-1700.

21. Klaproth, J. H. Asia polyglotta. – Paris: Schubart 1823. – XII, 416 S.

22. Malte-Brun, C. Précis de la géographie universelle. – 8 Vol. – Paris, 1810-1829.

23. Rossi, Fr. Rev. de A. Balbi. Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues... – Paris, 1826. Biblioteca italiana ossia giornale di letteratura scienze ed arti compilato da una societa di letterati. – T. 98. – 1828. – p. 214-236.

24. sine nom. Ex. de A. Balbi. Atlas ethnographique du globe, ou classification des Peuples, anciens et modernes, d'après leurs langues... Nouvelles Annales Des Voyages, de la Géographie et de l'Histoire..., Vol. 32 de la collection, 1826. – p. 209-223. – URL: <https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/cb32826375m/date>

25. Stagl, J. A History of Curiosity: The Theory of Travel 1550-1800. Studies in anthropology and history. Vol. 13. – Amsterdam : Taylor & Francis, 1995. – 344 p.

26. Vater, J. S. Litteratur der Grammatiken, Lexica und Wörtersammlungen aller Sprachen der Erde ... – Berlin : In der Nicolaischen Buchhandlung, 1815. – IV, 259 S.

27. Vermeulen, Han F. Before Boas: The Genesis of Ethnography and Ethnology in the German Enlightenment / Critical Studies in the History of Anthropology Series / University of Nebraska Press, 2015. – 760 p.

28. Zbikowska-Migon, A. Karl Heinrich Frömmichen (1736-1783) and Adrian Balbi (1782-1848) – The Pioneers of Biblio- and Scientometrics. Scientometrics Vol. 52. – No. 2 (2001). – p. 225-233.

Дата поступления статьи в редакцию: 10.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

М. Г. Исаева <https://orcid.org/0000-0003-0465-9788>А. В. Моисеенко <https://orcid.org/0000-0002-9809-8899>

Прагматические функции кодовых переключений в массмедийных текстах: эколингвистический подход

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Правительства Вологодской области в рамках научного проекта № 18-412-350002 р_а «Взаимодействие языков в печатных и электронных СМИ г. Череповца и г. Вологды (эколингвистический аспект)»

В статье рассматривается новый междисциплинарный эколингвистический подход к изучению кодовых переключений. Кодовое переключение – это одна из форм языкового взаимодействия, это использование единиц разных уровней одного языка в высказывании на другом языке. Кодовое переключение всегда выполняет прагматические функции, а также может выступать в качестве стилистического средства речи. Авторы формулируют предварительную гипотезу о соотношении прагматической функции кодовых переключений и их эколингвистического статуса в масс-медийном тексте на примере печатных изданий Вологодской области. Все прагматические функции кодовых переключений делятся на две группы – функции, которые служат для передачи информации (предметно-тематическая и металингвистическая функции, функция экономии языковых средств), и функции, которые служат для воздействия, экспрессии (адресатная, эмфатическая, юмористическая, декоративная, цитатная, эмоционально-оценочная, эзотерическая и фатическая функция, а также функция самоидентификации). Кодовые переключения, выполняющие прагматические функции из информационной группы, не нарушают экологию масс-медийного текста, если при их использовании соблюдаются критерии экологичного использования иноязычной единицы (необходимость заполнения предметно-семантической лакуны; прагматическая и стилистическая оправданность; эстетическая приемлемость; потенциальная словообразовательная продуктивность; единообразие ее графического оформления; наличие пояснения значений иноязычных лексем в рамках одного текста, а также единообразие в оформлении пояснения). Кодовые переключения, выполняющие прагматические функции из экспрессивной группы, могут представлять собой случаи неэкологичного использования иноязычных единиц в силу возникновения лексической дублетности (наличие в принимающем языке общеупотребимой эквивалентной лексической единицы), отсутствия творческой составляющей в использовании кодового переключения, несоответствия целевой группе масс-медийного текста, при нарушении критериев экологичного употребления иноязычных единиц (обозначенных выше). В статье намечены дальнейшие перспективы исследования – изучение критериев экологичного использования кодовых переключений в зависимости от качественного типа масс-медийного текста.

Ключевые слова: кодовое переключение, иноязычная единица, эколингвистический подход, прагматическая функция, масс-медийный текст.

М. G. Isaeva, A. V. Moiseenko

Pragmatical Functions of Code Switches in Mass Media Texts: an Ecolinguistic Approach

In the article one examines the new interdisciplinary ecolinguistic approach to code-switching research. The code-switching is one of language contact units, it is the use of units of one language of different levels in the utterance in another language. The code-switching always carries out pragmatic functions and it can be a stylistic means in the text. The authors make a hypothesis about the relations between a code-switching pragmatic function and their ecolinguistic status in mass-media text by example of printed editions of the Vologda region. All pragmatic functions of code-switches are divided into two groups – functions that serve information convey (topic-related, metalinguistic, language means economy) and the ones that serve for impact, expressiveness (targeting, emphatic, humorous, decorative, emotional-evaluative, citing, esoteric, phatic, self-identification). Code-switches that carry out informative pragmatic functions do not violate ecology of mass-media text if while using them one follows the criteria of foreign unit ecological application (necessity of filling in an object-semantic gap; pragmatic and stylistic accurateness; aesthetic appropriateness; potential derivative productivity; the uniformity of foreign unit graphics; explanation for a foreign unit semantic meaning in one text, the uniformity of explanation form). Code-switches that carry out expressive pragmatic functions can represent the cases of non-ecological use of foreign units because of lexical doublet (in the recipient language there is a wide-spread equivalent lexeme), the lack of creative constituent in the use of a code-switch, the mismatch of the mass-media text target group while interrupting the above-said criteria of foreign units ecological use. One forms the further prospects of the research, i.e. the studying of the criteria of foreign units ecological use depending on the quality type of a mass-media text.

Keywords: code-switch, foreign unit, ecolinguistic approach, pragmatic function, mass-media text.

В настоящее время экологический подход в лингвистике определяется через взаимозависимость между языком и природной, биологической и социально-экономической средой. Обозначенное взаимодействие определяется различного рода факторами, одни из которых являются консервативными и способствуют устойчивости языковой системы, а другие приносят изменения и прямо или косвенно оказывают влияние на систему языковых норм и правил [23, с. 134]. Постепенно экологическое направление в лингвистике начинает обособляться, формируется эколлингвистическая понятийно-терминологическая система, что подтверждается изданием словаря соответствующих терминов [9], намечаются области пересечения с биологической лингвистикой, в рамках которой описываются вопросы языковой эволюции, определяются биологические аспекты когнитивных процессов и адаптивные механизмы языка, разрабатываются био-культурные концепции трактовки значения слова [16]. Внутренняя дисциплинарная структура эколлингвистики, в свою очередь, охватывает несколько исследовательских направлений, краткая характеристика которых приводится ниже.

1. Так главенствующей темой публикаций в русле эколлингвистических исследований являются разнообразные аспекты языковой политики и языкового планирования, языковые контакты, зоны напряженных языковых ситуаций во взаимоотношениях глобальных и локальных языков [11].

2. Языковые характеристики экологического дискурса включают, как правило, описание топонимов с точки зрения их культурной и экологической значимости [15]; определение лексических средств, выражающих эксплицитные и имплицитные оценки разнообразных аспектов отношений между обществом и окружающей средой [21]; выявление ключевых лексем, функционирующих в контексте устной и письменной коммуникации на экологические темы и представляющих важные параметры экологических событий – ситуация, активная и пассивная деятельность, место, характерные особенности [24, с. 292]; [13, с. 70-71]; интерпретации иллюстраций в массмедийных текстах экологической тематики в русле цифрового, дискурсивного и семиотического типов анализа [6, 12].

3. Особое место занимают исследования, посвященные выявлению экологических аспектов изучения иностранных языков. В частности актуальным представляется определение степени влияния индивидуальных факторов и факторов окружающей среды в широком ее понимании на возникновение у студентов чувства тревожности в течение урока иностранного языка. К индивидуальным факторам относят положительные и отрицательные эмоции учащихся, степень их заинтересованности темой коммуникации, внутреннее отношение к ошибкам и оценке со стороны других участников образовательного процесса. К факторам окружающей среды при этом причисляют предыдущий опыт

обучающихся в освоении иностранных языков, наличие или отсутствие давления со стороны родителей в этом вопросе, стиль ведения урока учителем, особенности организации контрольных мероприятий в учебном заведении [14].

4. В фокусе отечественных исследований по эколлингвистике находятся вопросы деградации и загрязнения коммуникативного пространства русского языка, охватывающие такие явления, как большое число кодовых переключений в речи носителей языка, активизация жаргонной лексики, практики вербальной манипуляции [1]; [10, с. 181]. В современной лингвистике эколлингвистический подход к изучению иноязычных единиц в устном и письменном дискурсе является одним из наиболее перспективных. Данный подход предполагает несколько направлений для проведения исследований: 1. Составление перечня критериев, на основе которых можно оценить стилистическую уместность использования иноязычной единицы в тексте масс-медиа. Обзор научной литературы по данной теме позволяет говорить о следующих критериях экологичного использования иноязычной единицы: а) необходимость заполнения предметно-семантической лакуны; б) прагматическая и стилистическая оправданность; в) эстетическая приемлемость (благозвучность); г) потенциальная словообразовательная продуктивность [9, с. 101-102]; д) передача (возможно, дополнительная) иноязычной единицы при помощи кириллицы и единообразие ее графического оформления в рамках одного текста; е) наличие пояснения значений иноязычных лексем в рамках одного текста, а также единообразие в оформлении пояснения [4, с. 45-46]. 2. Определение структурных моделей контекстуальных синонимических рядов и пар с включением иноязычных единиц на материале статей из русскоязычных журналов и газет [3]. 3. Анализ взаимосвязи прагматической функции иноязычных единиц и ее эколлингвистического статуса в журнальной и газетной статье.

Настоящее исследование примыкает к четвертой группе эколлингвистических работ, цель которого заключается в выявлении основных прагматических функций кодовых переключений, одной из разновидностей иноязычных единиц, в региональных массмедийных текстах и в уточнении их соответствия через реализуемую прагматическую функцию критериям экологичности. Под кодовым переключением в данном исследовании мы понимаем «использование единиц разных уровней одного языка (морфем, слов, словосочетаний, предложений) в высказывании на другом языке» [7]. Кодовые переключения в устной и письменной речи всегда выполняют прагматические функции, а также могут выступать в качестве стилистического средства речи. Кодовые переключения изучаются в рамках контактной лингвистики, исследующей различные аспекты (структурный, прагматический, стилистический, социоллингвистический, психоллингвистический) функционирования в устной и письменной речи единиц

языкового контакта (кодовых переключений, заимствований, интерференции, конвергенции и др.). В качестве отдельной дисциплины контактная лингвистика оформилась в 2002 г. с выходом книги американского исследователя К. Маейрс-Скоттон [19]. На современном этапе для контактной лингвистики характерен пересмотр и уточнение данных моделей [20], а также разработка новых подходов к изучению контактных единиц – креативного [17] и эколингвистического.

Целью настоящего исследования является разработка гипотезы о соотношении прагматической функции и эколингвистического статуса кодового переключения в региональном массмедийном тексте – газетах и журналах г. Вологды. Материал исследования представлен примерами кодовых переключений в контекстном окружении, собранных посредством сплошной выборки в период с августа по октябрь 2018 г. из трех типов изданий Вологодской области – качественная общественно-политическая газета «Вологда РФ», «Наша Вологда» – газета, занимающая промежуточное положение между качественными и таблоидными изданиями и глянецовый журнал «Рандеву».

Методологическую базу исследования составляют концепции междисциплинарности, основными постулатами которых является соединение теоретических основ, методов и процедур анализа материала, наличие диалога между взаимодействующими элементами и рефлексия на каждом этапе исследования [5, с. 30]; [22]; [25]. В нашем случае такими соприкасающимися дисциплинами являются контактная лингвистика и эколингвистика, взаимодействующие согласно централистской модели [18, с. 4-5], когда при изучении особенностей функционирования кодовых переключений контактная лингвистика занимает главное положение, а эколингвистика является вспомогательным инструментом.

Применяемые в исследовании методы объединяются в 2 группы. Первая группа включает общелогические методы проведения исследования и описания его результатов. Описательный метод используется для первичной систематизации материала и описания прагматических функций и эколингвистических особенностей их функционирования. Метод систематизации применяется для формулирования гипотезы о соотношении прагматической функции кодовых переключений и их эколингвистического статуса. Метод обобщения служит для формулировки выводов исследования. Вторая группа представлена лингвистическими методами анализа материала. Методы компонентного и лексикографического анализа используются для уточнения значения иноязычных лексем в русскоязычных массмедийных текстах. Метод прагматического анализа применяется для определения первичных и вторичных прагматических функций кодового переключения в контексте статьи на основе классификации прагматических функций

Г. Н. Чиршевой [8]. Все прагматические функции из данной классификации можно объединить в две группы: функции для передачи информации и функции для воздействия на читателя. В первую информационную группу входят предметно-тематическая и металингвистическая функции, а также функция экономии языковых средств. Вторая экспрессивная группа представлена адресатной, эмфатической, юмористической, декоративной, эмоционально-оценочной, эзотерической и фатической функциями, а также функцией самоидентификации.

Материал исследования и его методологическая база позволяют сформулировать следующую предварительную **гипотезу** соотношения прагматической функции кодового переключения и его эколингвистического статуса: 1) Кодовые переключения, выполняющие прагматические функции из первой информационной группы, не нарушают экологию масс-медийного текста, если при их использовании соблюдаются критерии экологичного использования иноязычной единицы (необходимость заполнения предметно-семантической лакуны; прагматическая и стилистическая оправданность; эстетическая приемлемость; потенциальная словообразовательная продуктивность; передача (возможно, дополнительная) иноязычной единицы при помощи кириллицы и единообразия ее графического оформления; наличие пояснения значений иноязычных лексем в рамках одного текста, а также единообразие в оформлении пояснения). 2) Кодовые переключения, выполняющие прагматические функции из второй экспрессивной группы, могут представлять собой случаи неэкологичного использования иноязычных единиц в силу возникновения лексической дублетности (наличие в принимающем языке общеупотребимой эквивалентной лексической единицы), отсутствия творческой составляющей в использовании кодового переключения, несоответствия целевой группе масс-медийного текста, при нарушении критериев экологичного употребления иноязычных единиц (обозначенных выше).

Рассмотрим примеры, иллюстрирующие данную гипотезу соотношения прагматической функции кодового переключения и его эколингвистического статуса.

1. Информационное издание Вологодской области – общественно-политическая газета «Вологда РФ», № 31 за 2018 г. В следующих примерах кодовые переключения выполняют предметно-тематическую прагматическую функцию, являющейся составной и предлагающей несколько причин использования иноязычной единицы: тема дискурса, отсутствие эквивалентной лексики в принимающем языке, цитирование слов другого лица, идиоматические кодовые переключения (имена собственные, культурные реалии) и др. [2, с. 70]. В данных примерах, согласно приведенной выше гипотезе, использование иноязычных единиц является допустимым: 1. «В июльский полдень у ТИЦ *«Visit Vologda»* остановился мотоцикл». В данном примере кодовое переключение

выступает в качестве идиоматического переключения, то есть имени собственного, названия туристического информационного центра. Следовательно, с точки зрения эколоингвистического статуса, использование данной иноязычной единицы приемлемо. 2. «Регулярно выходит журнал «Литературный Дагестан». На самом деле это не одно издание, а как минимум шесть: на аварском его название звучит как «Гьудулги» («Дружба»), на даргинском «Гьалмагъдеи» («Дружба»), на кумыкском «Тангчолпан» («Утренняя звезда»), на лакском «Цубарз» («Новолуние»), на лезгинском «Самур», на ногайском «Байтерек» («Древо жизни»)). Кодовые переключения на разнообразные языки являются идиоматическими переключениями, то есть именами собственными, которые приводятся в тексте статьи с учетом критериев экологичности, так как в тексте они переданы при помощи кириллицы, поясняется значение переключений в виде перевода.

2. Информационно-рекламное издание Вологодской области – газета «Наша Вологда» за 2018 г. В следующих примерах кодовые переключения выполняют предметно-тематическую прагматическую функцию, но в некоторых случаях рекомендуется соблюдать критерии экологичности для приемлемости использования иноязычных единиц в масс-медийном тексте. 1. «BBC назвало три причины этого странного вологодского феномена». Кодовое переключение – идиоматическая единица, имя собственное, название медиакорпорации, поэтому использование данной иноязычной единицы допустимо в исследуемом контексте. 2. «Итак, англоязычная аббревиатура **IQ** (произносится «ай кью») – это весьма популярный стандарт для измерения человеческого интеллекта. Но если можно измерить «ай кью» отдельно взятого индивидуума, то кто запретит определить уровень интеллектуального развития целых человеческих сообществ – к примеру, муниципальных образований?». В данном случае использование иноязычной единицы является экологичным, так как присутствует пояснение значения кодового переключения, а также присутствует транслитерация латиницы в кириллицу для облегчения восприятия читателем. 3. «Организовал я в своем подъезде **буккроссинг** – книгообмен». Кодовое переключение используется для реализации одновременно эмфатической и предметно-тематической прагматической функции, то есть служит для обозначения ремы, занимающей финальную позицию в предложении, а также используется для передачи лексического значения, для которого нет полностью эквивалентной единицы в русском языке (буккроссинг – это не просто книгообмен, а общественное движение, его суть заключается в том, чтобы оставить книгу в многолюдном месте для другого незнакомого человека, который, в свою очередь, после прочтения книги таким же образом передаст ее следующему читателю). Предметно-тематическая функция переключения, его графическое оформление при помощи кириллицы и наличие

небольшого пояснения в виде примерного перевода позволяют нам говорить об экологичном применении иноязычной единицы.

3. Глянцевое издание Вологодской области – журнал «Рандеву» за 2018 г. Рассмотрим прагматические функции и эколоингвистический статус кодовых переключений в следующих примерах: 1. «Брюки **oversize** из натуральной шерсти Emporio Armani. Шерстяные тенденциозные брюки силуэта **oversize** – идеальное сочетание комфорта и стиля». В данном случае кодовое переключение выполняет предметно-тематическую прагматическую функцию (в связи с отсутствием эквивалента в русском языке и функцию экономии языковых средств (сравните **oversize** и «модные вещи свободного кроя, выглядящие чрезмерно большими»), но использование иноязычной единицы не соответствует критериям экологичности (например, нет пояснения значения лексической единицы, нет варианта написания единицы на кириллице). В следующем примере журналист дает примерный перевод кодового переключения, тем самым соблюдается критерий экологичного использования иноязычной единицы: 2. «Не уступают в популярности **mom jeans** (мамины джинсы), опять же модель из 90-х: тяжелый деним, высокая посадка, подчеркнутая объемным кроем линия бедра и подвернутые края». Переключение выполняет предметно-тематическую прагматическую функцию, так как лексическая единица **mom jeans** не является полным эквивалентом выражения «мамины джинсы»: это не джинсы, принадлежащие маме, а разновидность их фасона – с завышенной талией, длиной по щиколотку). 3. «Цитата. **«Time to do or die»** – время действовать или умереть. Это цитата из песни группы 30 Seconds to Mars». Выделенное кодовое переключение выполняет непосредственно цитатную прагматическую функцию, но сопровождается переводом на русский язык и, соответственно, не нарушает экологичность текста. 4. «**Teplitza beauty street party**» (заголовок). Предположительно, данное кодовое переключение в заголовке выполняет декоративную прагматическую функцию, не сопровождается переводом (пояснением значения), несмотря на значительный объем фразы, и транслитерацией, следовательно, не соблюдаются критерии экологичного использования иноязычных единиц в прессе.

Приведенные выше примеры свидетельствуют о том, что процедура определения эколоингвистического статуса кодового переключения в печатных текстах СМИ достаточно сложна, так как в ней задействованы три составляющие – прагматическая функция кодового переключения, критерии экологичного использования иноязычной единицы в масс-медийном тексте и качественный характер масс-медийного текста. В данной статье практически не затронут последний аспект, изучение которого мы обозначаем в качестве перспективы дальнейших исследований в рамках эколоингвистического подхода к анализу кодовых переключений и, в целом, иноязычных единиц в

структуре печатных текстов СМИ в зависимости от типа печатного издания (информационного, таблоидного, рекламного, глянцевого и др.), когда может варьироваться перечень критериев экологичности иноязычной единицы.

Библиографический список

1. Брусенская, Л. А., Куликова, Э. Г. Экологическая лингвистика [Текст] : монография / Л. А. Брусенская, Э. Г. Куликова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2016. – 184 с.
2. Исаева, М. Г. Кодовые переключения в СМИ [Текст] : монография / М. Г. Исаева. – Череповец : ФГБОУ ВПО «Череповецкий государственный университет», 2012. – 162 с.
3. Исаева, М. Г., Моисеенко, А. В. Кодовые переключения в структуре контекстуальных синонимических рядов (эколингвистический аспект) [Текст] / М. Г. Исаева, А. В. Моисеенко // II Международная конференция и X международный научно-практический семинар «Многоязычие и межкультурная коммуникация: Вызовы XXI века» (Пула, 16-23 июля 2016). – М. : Инновации и эксперимент в образовании, 2016. – С. 151-154.
4. Исаева, М. Г., Моисеенко, А. В. Параметры эколингвистического анализа иноязычных единиц в региональных глянцевых журналах [Текст] / М. Г. Исаева, А. В. Моисеенко // Научный результат. Вопросы теоретической и прикладной лингвистики. – 2018. – Т. 4. – № 4. – С. 42-49.
5. Комарова, З. И. Технология научных исследований в системной методологии современной лингвистики [Текст] : учеб. пособие / З. И. Комарова. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2018. – 208 с.
6. Манович, Л. Язык новых медиа [Текст] / Л. Манович. – М. : АД Маргинем Пресс, 2018. – 400 с.
7. Чиршева, Г. Н. Двужычная коммуникация [Текст] / Г. Н. Чиршева. – Череповец : ЧГУ, 2004. – 190 с.
8. Чиршева, Г. Н. Кодовые переключения в общении русских студентов [Текст] / Г. Н. Чиршева // Язык, коммуникация и социальная среда. – 2008. – № 6. – С. 63-79.
9. Экология русского языка. Словарь лингвоэкологических терминов [Текст] / авт.-сост. д. филол. наук, проф. А. П. Сковородников. – М. : ФЛИНТА : Наука, 2017. – 384 с.
10. Abuzyarova D. L., Takhtarova S. S., Ionova S. V. Ecolinguistics and prospects of anthropocentric research in linguistics / D. L. Abuzyarova, S. S. Takhtarova, S. V. Ionova // Revista Publicando. – 2018. – No 16. (1). – P. 178-185.
11. Chen, S. Language and ecology: A content analysis of ecolinguistics as an emerging research field / S. Chen // Ampersand. – 2016. – № 3. – P. 108-116.
12. Ebim, A. M. An ecolinguistic study of media depictions of oil spillage in Ogoniland / Matthew Abua Ebim. – URL: <http://ecolinguistics-association.org/journal/4563035324>.
13. Gong, H., Liu, L. Ecological discourse analysis of an UN environmental story in terms of transitivity process / Heng Gong, Lingling Liu // Advances in Language and Literary Studies. – 2018. – № 9 (3). – P. 67-77.
14. Kasbi, A., Elahi Shirvan, M. Ecological understanding of foreign language speaking anxiety: emerging patterns and dynamic systems / Saba Kasbi, Majid Elahi Shirvan. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s40862-017-0026-y#citeas>
15. Kolahdouz, M. An ecolinguistic approach regarding toponyms in Iran and India / Mandana Kolahdouz. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/316135238>
16. Kravchenko, A. V. Two views on language ecology and ecolinguistics / A. V. Kravchenko // Language Sciences. – 2016. – № 54. – P. 102-113.
17. Kharhourin, A. V., Wei, Li. The role of code-switching in bilingual creativity / A. V. Kharhourin, Li Wei // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13670050.2014.884211>
18. Leeuwen van T. Three models of interdisciplinarity // A new agenda in critical discourse analysis: theory, methodology and interdisciplinarity (Discourse Approaches to Politics, Society and Culture) / T. van Leeuwen / edited by Ruth Wodak and Paul Chilton. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. – P. 3-18.
19. Myers-Scotton, C. Contact linguistics / C. Myers-Scotton. – Oxford University Press, 2002. – 356 p.
20. Myers-Scotton, C., Jake, L. J. Revisiting the 4-M model: codeswitching and morpheme election at the abstract level / C. Myers-Scotton, J. L. Jake // International Journal of Bilingualism. – 2017. – V. 21, #3. – P. 340-366.
21. Ponton, D. M. Siracusa: Italy's smartest city? Rebranding issues from a critical ecolinguistic perspective / D. M. Ponton. – URL: <http://ecolinguistics-association.org/articles/4593204474>
22. Unger, J. W. The interdisciplinarity of critical discourse studies research / Johann W. Unger. – URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms201537>.
23. Wang, J. The intermediate status of Superposed Chinese Sequences (SCS): an ecolinguistic perspective / Jun Wang // Language and Semiotic Sciences. – 2017. – Vol. 3. – № 1. – P. 125-142.
24. Yuniawan, T. The study of critical eco-linguistic in green discourse: prospective eco-linguistic analysis / T. Yuniawan, F. Rokhman, Rustono, H. B. Mardikantoro // Humaniora. – 2017. – Vol. 29. – № 3. – P. 291-300.
25. Zienkowski, J. Reflexivity in the transdisciplinary field of critical discourse studies / Jan Zienkowski. – URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms20177>.

Reference List

1. Brusenskaja, L. A., Kulikova, Je. G. Jekologicheskaja lingvistika = Ecological linguistics [Tekst] : monografija / L. A. Brusenskaja, Je. G. Kulikova. – M. : FLINTA : Nauka, 2016. – 184 s.
2. Isaeva, M. G. Kodovye perekljuchenija v SMI = Code switches in media [Tekst] : monografija / M. G. Isaeva. – Cherepovec : FGBOU VPO

«Cherepoveckij gosudarstvennyj universitet», 2012. – 162 s.

3. Isaeva, M. G., Moiseenko, A. V. Kodovye pereklyucheniya v strukture kontekstual'nyh sinonimicheskikh rjadov (jekolingvisticheskij aspekt) = Code switches in structure of contextual synonymic ranks (ecolinguistic aspect) [Tekst] / M. G. Isaeva, A. V. Moiseenko // II Mezhdunarodnaja konferencija i X mezhdunarodnyj nauchno-prakticheskij seminar «Mnogojazychie i mezhkul'turnaja kommunikacija: Vyzovy XXI veka» (Pula, 16-23 ijulja 2016). – M.: Innovacii i jeksperiment v obrazovanii, 2016. – S. 151-154.

4. Isaeva, M. G., Moiseenko, A. V. Parametry jekolingvisticheskogo analiza inozazychnykh edinic v regional'nykh gljancevykh zhurnalakh = Parameters of the ecolinguistic analysis of foreign-language units in regional glossy magazines [Tekst] / M. G. Isaeva, A. V. Moiseenko // Nauchnyj rezul'tat. Voprosy teoreticheskoi i prikladnoj lingvistiki. – 2018. – T. 4. – № 4. – S. 42-49.

5. Komarova, Z. I. Tehnologija nauchnykh issledovanij v sistemnoj metodologii sovremennoj lingvistiki = Technology of scientific research in modern linguistics system methodology [Tekst]: ucheb. posobie / Z. I. Komarova. – M.: FLINTA: Nauka, 2018. – 208 s.

6. Manovich, L. Jazyk novykh media = Language of new media [Tekst] / L. Manovich. – M.: AD Marginem Press, 2018. – 400 s.

7. Chirsheva, G. N. Dvujazychnaja kommunikacija = Bilingual communication [Tekst] / G. N. Chirsheva. – Cherepovec: ChGU, 2004. – 190 s.

8. Chirsheva, G. N. Kodovye pereklyucheniya v obshhenii russkikh studentov = Code switches in Russian students' communication [Tekst] / G. N. Chirsheva // Jazyk, kommunikacija i social'naja sreda. – 2008. – № 6. – S. 63-79.

9. Jekologija russkogo jazyka. Slovar' lingvojekologicheskikh terminov = Russian ecology. Dictionary linguoecological terms [Tekst] / avt.-sost. d. filol. nauk, prof. A. P. Skovorodnikov. – M.: FLINTA: Nauka, 2017. – 384 s.

10. Abuzyarova D. L., Takhtarova S. S., Ionova S. V. Ecolinguistics and prospects of anthropocentric research in linguistics / D. L. Abuzyarova, S. S. Takhtarova, S. V. Ionova // Revista Publicando. – 2018. – No 16. (1). – P. 178-185.

11. Chen, S. Language and ecology: A content analysis of ecolinguistics as an emerging research field / S. Chen // Ampersand. – 2016. – № 3. – P. 108-116.

12. Ebim, A. M. An ecolinguistic study of media depictions of oil spillage in Ogoniland / Matthew Abua Ebim. – URL: <http://ecolinguistics-association.org/journal/4563035324>.

13. Gong, H., Liu, L. Ecological discourse analysis of an UN environmental story in terms of transitivity process

/ Heng Gong, Lingling Liu // Advances in Language and Literary Studies. – 2018. – № 9 (3). – P. 67-77.

14. Kasbi, A., Elahi Shirvan, M. Ecological understanding of foreign language speaking anxiety: emerging patterns and dynamic systems / Saba Kasbi, Majid Elahi Shirvan. – URL: <https://link.springer.com/article/10.1186/s40862-017-0026-y#citeas>

15. Kolahdouz, M. An ecolinguistic approach regarding toponyms in Iran and India / Mandana Kolahdouz. – URL: <https://www.researchgate.net/publication/316135238>

16. Kravchenko, A. V. Two views on language ecology and ecolinguistics / A. V. Kravchenko // Language Sciences. – 2016. – № 54. – P. 102-113.

17. Kharhourin, A. V., Wei, Li. The role of code-switching in bilingual creativity / A. V. Kharhourin, Li Wei // International Journal of Bilingual Education and Bilingualism. – URL: <http://dx.doi.org/10.1080/13670050.2014.884211>

18. Leeuwen van T. Three models of interdisciplinarity // A new agenda in critical discourse analysis: theory, methodology and interdisciplinarity (Discourse Approaches to Politics, Society and Culture) / T. van Leeuwen / edited by Ruth Wodak and Paul Chilton. – Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2005. – P. 3-18.

19. Myers-Scotton, C. Contact linguistics / C. Myers-Scotton. – Oxford University Press, 2002. – 356 p.

20. Myers-Scotton, C., Jake, L. J. Revisiting the 4-M model: codeswitching and morpheme election at the abstract level / C. Myers-Scotton, J. L. Jake // International Journal of Bilingualism. – 2017. – V. 21, #3. – P. 340-366.

21. Ponton, D. M. Siracusa: Italy's smartest city? Re-branding issues from a critical ecolinguistic perspective / D. M. Ponton. – URL: <http://ecolinguistics-association.org/articles/4593204474>

22. Unger, J. W. The interdisciplinarity of critical discourse studies research / Johann W. Unger. – URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms201537>.

23. Wang, J. The intermediate status of Superposed Chinese Sequences (SCS): an ecolinguistic perspective / Jun Wang // Language and Semiotic Sciences. – 2017. – Vol. 3. – № 1. – P. 125-142.

24. Yuniawan, T. The study of critical eco-linguistic in green discourse: prospective eco-linguistic analysis / T. Yuniawan, F. Rokhman, Rustono, H. B. Mardikantoro // Humaniora. – 2017. – Vol. 29. – № 3. – P. 291-300.

25. Zienkowski, J. Reflexivity in the transdisciplinary field of critical discourse studies / Jan Zienkowski. – URL: <https://www.nature.com/articles/palcomms20177>.

Дата поступления статьи в редакцию: 12.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

А. С. Кондина <https://orcid.org/0000-0002-8795-4629>

Е. В. Пастухова <https://orcid.org/0000-0001-7627-8306>

Проявление эмоционального интеллекта как существенный признак нарративизации вторичной языковой личности

Статья посвящена сложной и неоднозначно определяемой категории нарративизации. В работе указываются в качестве ведущих эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты, входящих в структуру модели эмоционального интеллекта, определяемого посредством нарративизации, а также определяется суть понятий «эмоции» и «эмотивности», представляются эмоции в специфических речевых актах – эмотивах. Обращается внимание на появление лингвистической теории эмоций *homo sentiens* в контексте преподавания английского языка в Высшем учебном заведении на неязыковых факультетах и выявляется корреляция между эмоциями и когницией личности бакалавра/магистранта/аспиранта, определяется необходимость изучения вторичной языковой личности в процессе нарративизации. Вскрываются процессы концептуализации и лексикализации эмоционального и когнитивного аспектов нарративного подхода при изучении вторичной языковой личности, а также приводятся примеры использования сторителлинга, задающего положительную эмотивность текстов. Обращается внимание на экологичный характер анализируемого контента и устанавливается, что положительная оценка пережитого опыта, находящего отражение в процессе нарративизации, имеет терапевтическое влияние на его пользователей и создает мотивацию к изучению иностранного языка. Намечаются перспективы исследования языка науки и образования в контексте изучения проявления эмоционального интеллекта как характерного признака нарративизации с точки зрения когнитивного и лингвистического аспектов. Исследование вторичной языковой личности в рамках нарративного подхода позволяет установить необходимость и актуальность полипарадигмального и междисциплинарного освещения приводимых аспектов нарративизации и наррации в языке образования и науки.

Ключевые слова: язык науки, наррация, нарративизация, нарративный подход, эмоциональный интеллект, вторичная языковая личность, эмотив, эмоции, *homo sentiens*.

A. S. Kondina, E. V. Pastukhova

Manifestation of Emotional Intelligence as an Essential Feature of the Secondary Linguistic Personality Narrative

The article is devoted to a complex and ambiguously defined category of narrativization. The work identifies the leading emotional, cognitive and behavioral components that make up the structure of the model of emotional intelligence, defined through narrativization, and also defines the essence of the concepts of «emotion» and «emotiveness», presents emotions in specific speech acts – emotive. Attention is drawn to the emergence of the linguistic theory of emotions of *homo sentiens* in the context of teaching English in the university at non-linguistic faculties and the correlation between emotions and cognition of the bachelor / undergraduate / graduate student personality is revealed, the need to study the secondary linguistic personality in the process of narrativization is determined. It reveals the processes of conceptualization and lexicalization of the emotional and cognitive aspects of the narrative approach in the study of the secondary linguistic personality, as well as examples of the use of storytelling, which sets the positive emotiveness of the texts. Attention is drawn to the eco-friendly nature of the analyzed content and it is established that a positive assessment of the experience experienced, reflected in the process of narrativization, has a therapeutic effect on its users and creates motivation to learn a foreign language. Prospects for the study of the language of science and education are outlined in the context of studying the manifestation of emotional intelligence as a characteristic feature of narrativization from the point of view of cognitive and linguistic aspects. The study of the secondary linguistic personality in the framework of the narrative approach allows us to establish the need and relevance of polyparadigmatic and interdisciplinary coverage of the reducible aspects of narrativization and narration in the language of education and science.

Keywords: the language of science, narrative, narrativization, narrative approach, emotional intelligence, secondary linguistic personality, emotive, emotions, *homo sentiens*.

Современная наука позволяет установить, а дискурсивная практика подтверждает, что человек является не только *homo sapiens*, но и *homo sentiens*, поскольку эмоции лежат в основе многих человеческих действий. Известно, мысль же возникает

первоначально в довербальной форме в виде эмоционального образа [3, с. 29-31]. Эмоции многофункциональны и каждая из них имеет свою адаптивную функцию для отдельного индивида. Поэтому формула эмоции включает в себя основание

оценки: языковая личность считает, что объект приятен или же неприятен по ряду соображений: моральным, этическим, социальным, политическим или же каким-то субъективным причинам.

При этом принципы-характеристики эмоций измеримы, логично назвать ряд ключевых принципов в контексте нашего исследования: дифференцированности эмоций, взаимодействия систем, адаптивности и психопатологии, эмоционального заражения, эмоциональной коммуникации.

При помощи языка *homo sentiens* кодифицированно выражает, симулирует, имитирует, скрывает, описывает и называет свои эмоции. Согласно современной эмоциологии, эмоции включены в структуру сознания и мышления, сопряжены с когнитивными процессами и с *mental style* [3, с. 30].

Эмоции связаны со знаниями: меняются знания и как следствие меняются и эмоции. Долгое время в психологической науке эмоции и разум языковой личности были разведены по разные стороны психики. Психика, сознание, мышление и язык находятся в тесной взаимосвязи и в любом языке имеют эмотивные знаки, вербализирующие эмоциональные отношения человека с миром (Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, А. Н. Леонтьев). Человеческая речь пронизана эмоциями. Эмоции представлены в словах, в памяти, в музыке, искусстве, представляя собой [9, с. 33].

Понятие нарратива тесно связано с философским понятием дискурса, как социокультурно обусловленной речи, и в некоторых контекстах может также являться одной из форм его проявления. Известно, что нарративный подход акцентирует внимание на дискурсивной природе рассказа, понимает его как инструмент-посредник конструирования и объяснения смысла, показывает центральную роль процесса повествования в создании идентичности и осмыслении индивидуального опыта, ориентируется на поиск стратегий высказывания, которые делают видимыми культурные установки, стереотипы, действующие в обществе, а, в конечном счете, микрофизику социальных взаимоотношений, окрашенных, в том числе и в этнокультурный колорит. Явная междисциплинарность подхода предполагает, что в рамки изучения этих стратегий высказывания вводятся конструкты, почерпнутые из ряда дисциплин – лингвистики, литературоведения, истории, философии. Нарративный подход изучает отношения между нарративной формой и нарративным содержанием, между индивидуальной историей личного опыта и культурой, делает видимым зазор между высказанным и подразумеваемым [4, с. 155]. Данное положение является весьма актуальным в системе непрерывного

образования, как на родном, так и на иностранном языке в процессе участия в международных образовательных программах.

Так же следует отметить, что нарративы носят принципиально диалогический характер [13, с. 159]. Мысль всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов, как говорит М. Бахтин, рождается в попытках объяснить и понять. До тех пор пока она не оформлена вербально, она носит характер чистой возможности. Будучи оформленной в словах, мысль обретает горизонт формы выражения, который всегда хранит следы ускользающего возможного смысла [4, с. 158].

Диалог является слиянием горизонтов мысли различных субъектов по-разному рисующих мир. Интересной техникой представленной авторам данной статьи был прием «Диалог Сократа» во время участия в международной образовательной программе при поддержке Совета Европы в Германии в 2015 году [2]. Суть данного метода, названного в честь древнегреческого философа Сократа, заключается в проведении диалога между двумя индивидуумами, для которых истина и знания не даны в готовом виде, а представляют собой проблему и предполагают поиск. Этот метод часто подразумевает дискуссию, в которой собеседник, отвечая на заданные вопросы, высказывал суждения, обнаруживая свои знания или, напротив, свое неведение [16, с. 52].

Далее следуя логики настоящей статьи, центральной процедурой в нарративном подходе является процесс интерпретации, который является не столько истолкованием (объяснением), но, скорее, пониманием схватывающим и актуализирующим множественные смыслы, рождающиеся в диалоге. Герменевтический потенциал нарративного подхода дает возможность рассматривать повествование на нескольких уровнях интерпретации, что особенно значимо для этнопсихологического исследования, предметом которого является расширительно понятый межкультурный диалог. Любая интерпретация, а тем более интерпретация феноменов другой культуры, встречается с диалектичностью репрезентации. Фактически, мы сталкиваемся с тем, как непосредственный личный опыт включается в культуру и в научное знание, проходя через сито таких процедур как: участие в событии (1), рассказывание истории о событии (2), фиксирование (перевод в текстовую форму) (3), перевод с родного языка на язык научного исследования (4), анализ текста (5), чтение (6). Безусловно, каждый уровень интерпретации вносит новые коннотации в текст. Следует отметить, что нарративный подход в психологии обладает мощным эвристическим потенциалом [4, с. 157].

Так, мы обращаемся к понятию эмоционального интеллекта (Emotional Intelligence/EI), эксплицированного Д. Гоулманом, получившего вербальное опредмечивание. Благодаря чему, стало возможным соотнесение эмоциональной жизни человека и его интеллекта, привнесение интеллекта в эмоции. Квинтэссенцией интерпретации понятия «эмоциональный интеллект» стало трактование Д. Гоулманом о том, что эмоциональный интеллект помещает эмоции в центр адаптивной способности человека к жизни. Эмоциональный интеллект человека – это рационализация эмоций, а значит, сознательное управление ими в любых эмоционально напряженных и стрессовых ситуациях [9, с. 32].

Согласно идеям западных ученых высокий показатель эмоционального интеллекта (EQ) обеспечивает своему обладателю жизненный успех во всех его проявлениях. Поэтому уровень EQ стал цениться более, чем IQ. Уже известно, что показатель IQ в течение всей жизни неизменен и означает способность к обучению. А что наиболее ценно, EQ можно развивать и повышать. EQ – это то, что является основой множества наиважнейших навыков взаимодействия с людьми. Он влияет практически на все, что мы ежедневно говорим или делаем. Высокий показатель EQ – это 60 % личной эффективности в любом деле [22].

Представленный краткий обзор нелингвистического рассмотрения эмоций констатирует сложность этого феномена, многообразие его проявлений.

В рамках данного исследования авторы делают фокус на эмоциональный, когнитивный и поведенческий компоненты, входящих в структуру модели эмоционального интеллекта, рассматриваемой в работах И. Н. Мещеряковой. Особый интерес представляют составляющие компонентов: эмоциональный («полезная тревожность», мотивация достижения успеха), когнитивный (адекватная самооценка, рефлексия), поведенческий (способность управлять эмоциями, психологическая гибкость в выстраивании отношений и продуктивное взаимоотношение с другими личностями) [11, с. 158].

В контексте нарративизации вторичной языковой личности также требует изучения лингвистический аспект эмоций и их выражения в языке. Рассмотрение же эмоционального аспекта языка как объекта лингвистики начинается с выступления Ф. Даниша в Берлине (1987 г.). Так, впервые был сделан акцент на тесную взаимосвязь когниции и эмоций, показана лингвистическая значимость изучения этой стороны языка. С тех пор можно говорить о зарождении и становлении отечественной лингвистики эмоций (эмотиологии). Параллельно следует сделать акцент и

на использование нарративного инструментария воздействия в сфере науки и образования. Нарратив – это понятие, которое начинает широко использоваться различными психологами при исследовании личности, самовосприятия, способов коммуникации, при исследовании различных социальных практик и мотивов занятия этими практиками [3, с. 265]. Как отмечает Г. Г. Почепцов нарративный потенциал заложен здесь в разных ситуациях, среди прочих он выделяет развлекательную функцию нарратива, все больше и больше становящейся одной из характерных черт современного образования. Помимо этого, следует указать и формирующуюся путем нарратива мотивацию для обучения и в принципе познания нового в мире, науке или образовании [7, с. 71]. Создание ситуации успеха при формировании языковой личности вообще и вторичной языковой личности в частности на самом деле можно рассматривать и в бытовом, и научном аспектах. С начала 80-х годов в зарубежной лингвистике пристальное внимание уделяется эмоциональному аспекту языка (А. Вежбицкая, В. Волек, Дж. Эйтчисон). В 1985 году создан Международный центр по исследованию эмоций при Гарвардском университете. Выпущено большое количество словарей эмоциональной лексики. Так, например, Devil's Dictionary представляет собой сатирическую книгу Амброза Бирса, опубликованную в 1911 году. Книга представляет собой сборник афоризмов о разных сторонах человеческой деятельности. Книга была написана в 1906 году и выпущена под названием «Лексикон циника», но была переиздана в 1911 году под новым заголовком.

Обращаясь к практике, приведем пример применения техники, реализованной авторами на практических занятиях по иностранному языку. Студентам было предложено принять участие в игре “Guessing Game”, для чего в качестве домашнего задания каждым студентом было выбрано несколько примеров из упомянутого словаря. Во время занятия группа была разделена на две мини-группы, поочередно зачитывались дефиниции. Группе-сопернику давалось 30 секунд для подбора подходящего ответа. Далее представлены наиболее интересные варианты, выбранные студентами-бакалаврами 1 курса факультета психологии и педагогики МПГУ уровня Pre-Intermediate на практических занятиях по английскому языку. Мини-группа, угадавшая большее количество слов, признается победителем.

BEAUTY, n. The power by which a woman charms a lover and terrifies a husband.

DENTIST, n. A prestidigitator who, putting metal into your mouth, pulls coins out of your pocket.

MOUTH, n. In man, the gateway to the soul; in woman, the outlet of the heart.

WITCH, n. (1) Any ugly and repulsive old woman, in a wicked league with the devil. (2) A beautiful and attractive young woman, in wickedness a league beyond the devil. [12].

В качестве обратной связи стоит прокомментировать ход игры. Студенты получили массу положительных эмоций, отмечая, что получили особое удовольствие в процессе отбора слов для игры и потом непосредственно в ходе игры. Цитируя одного из студентов: «Нестандартные формулировки заставляли извилины работать. Тридцать секунд ... не позволяют расслабиться, понимаешь, что необходимо мобилизоваться, думать на языке, вытащить много лексики из пассива, и, что ценно, работать в команде, а это приятно и позволяет сблизиться с ребятами из группы». Студенты просили проводить аналогичные задания. На данном занятии английского языка студентами был пережит позитивный опыт, и создана ситуация успеха и мотивация к изучению языка.

Стоит заметить, что учеными выделены две семиотические системы эмоций – Body Language и Verbal Language. Многие аспекты человеческой деятельности просто не передаются словами, язык беднее действительности. Каждый из homo sentiens не раз испытывал «муки слова» при выражении и коммуникации своих эмоций. Эмоции никогда не проявляются в дифференцированном чистом виде, и потому их вербальная идентификация всегда субъективна [19]. Одна и та же эмоция выражается разными языковыми личностями по-разному. Эмоции всегда когнитивны и ситуативны, а, следовательно, и выбор языковых средств ситуативен/ дискурсивен [22]. Лингвисты отмечают семантическую универсалию – так, в лексиконе эмоций всех языков наблюдается дихотомия по оценочному типу. При этом, сравнивая эмотивную лексику по критерию оценочного знака, то во всех языках превалирует эмотивная отрицательная оценочная семантика [15].

Если под нарративом понимается изложенное самостоятельно повествование о некотором множестве взаимосвязанных событий, представленных зрителю, читателю или слушателю в виде определенной последовательности слов, фраз или образов, то под нарративизацией в современной филологии, истории и психологии понимается процесс воплощения слова и мысли, принадлежащих определенному субъекту повествования, в рамках общей системы наррации. В этом смысле нарративизация, как она понимается в нарратологии, включает в себя двухэтапный конструкт, состоящий из когнитивных и лингвистических аспектов. Один из них представляет собой

бессознательное выделение когнитивных единиц в качестве событий среди потока истории в целом. Другой аспект подразумевает языковое изложение данных событий путем внесения в них связности и последовательности. Сам по себе процесс нарративизации представляет собой субъективный эмоционально окрашенный и оказывающий определенное влияние на окружающих познающий и лингвистический акт, включающий в себя одновременно и процесс и результат деятельности конкретного субъекта, языковой личности [6].

Примером такого взаимопонимания и стремления к когнитивному развитию конструктивного диалога имеющихся образовательных дисциплин являются в том числе организованные Советом Европы летние школы и семинары программы Песталоцци, в которых авторы данной статьи принимали активное участие в 2008, 2015 и 2017 годах (Pestalozzi: «Supporting Teaching in a Multicultural VET Institute» (2008), «Competences for a democratic culture: from onlookers to engaged and active citizens» (2015), «Pedagogy makes the difference» (2017)) [24]. Во всех случаях акцент делался на непрерывности обучения как специфической черте современного образования.

Еще одним примером формирования мотивации становятся семинары круглые столы и работы в группах, в том числе конференции, в рамках которых осуществляется коммуникация научных сообществ, людей разных конфессий и мировоззрений [14]. Так, авторами статьи была организована конференция «Psychology and Pedagogy. Research Trends. Inside Out» как один из практических способов повышения уровня эмоционального интеллекта у магистрантов неязыкового факультета, которым было предложено принять участие в данном мероприятии на уровне факультета психологии и педагогики и кафедры иностранных языков института международного образования Московского Государственного Педагогического Университета. Участниками конференции было подготовлено выступление с промежуточными результатами магистерского исследования.

Презентации и выступления участников конференции оценивались по следующим критериям (planning: evidence of careful preparation; objectives: clarity appropriacy to audience/subject; content: relevance, subject knowledge, research; approach: message support and reinforcement, variety; visual aids: appropriacy, clarity, handling; delivery: eye-contact, audibility, intonation, confidence, body language, enthusiasm; language: accuracy, fluency, pronunciation, clarity; overall: clarity of message, achievement of objectives, interesting, enjoyable, informative, motivating).

По итогам конференции магистрантам факультета психологии и педагогики было проведено анкетирование, ориентированное на получение рефлексии о формировании вторичной языковой личности, развитии уровня эмоционального интеллекта, при подготовке и выступлении на иностранном языке по тематике научного исследования. Так, в качестве обратной связи на вопрос, открытого типа: «Сформулируйте, как опыт участия в конференции повлиял на а) формирование вторичной языковой личности, б) мотивацию к изучению иностранного языка, в) уровень эмоционального интеллекта были получены следующие ответы, наиболее интересные из которых представлены в ниже данной статье.

«...Мотивация к изучению литературы по специальности на английском языке; взгляд на проблему шире, через статьи и публикации зарубежных авторов по тематике исследования за последние несколько лет; возможность практического применения навыков иностранного языка в профессиональной сфере; опыт выступления на английском языке по теме профессиональной тематике; снятие языкового барьера и желание выступить на международной конференции на иностранном языке...»

Анализируя данные результаты, мы приходим к выводу, о положительном опыте участия магистрантов в конференции и переживание ситуации успеха способствует формированию вторичной языковой личности в целом и динамике уровня эмоционального интеллекта при изучении иностранного языка обучающихся, в частности.

Другим мощным инструментом воздействия на аудиторию со стороны обучающегося в качестве вторичной языковой личности при изучении иностранного языка становится нарративизации. Еще одним ярким примером нарративизации, включающей в себя сочетание мимесиса и диатезиса в данном ключе становится возможность развития языковых способностей, обучающихся посредством выполнения задания на создание ситуаций с описанием фотографии, которую языковая личность рассматривает как животрепещущий элемент события или событий в своей жизни.

Так следуя инструкции, предложенной в учебном пособии New English File издательства Oxford в Student Book уровня Pre-Intermediate студентам-бакалаврам неязыкового факультета Московского Государственного Педагогического Университета, следует подготовить последовательно изложенную историю к фотографии о том или ином событии в их жизни или жизни их близких, так называемую «background story», следуя пунктам задания: What's your favourite photo? Where do

you keep it? Why do you like it? Who took it? When and where? Tell me more about who or what is in the photo? [17, с. 25].

Так, приведем несколько примеров таких увлекательных историй:

История 1. Hello, this is my favorite photo. One of my favorite photos is of a niece. I took this photo in the autumn of 2018 when I was visiting my sister. In my free time I came to visit my sister to talk with her and my nieces. I have two of them. Nadia is eight years old, and Vera is four months old. Nadia loves Vera very much. Vera smiles at her sister and lets hug and kiss her. My niece, Vera, turned 4 months old in October. In this photo she plays with her favorite frog toy. She especially liked the fact that the frog sings wonderful lullabies under which Vera loves to fall asleep. I keep this photo in my telephone. I really liked this photo because we can see a huge sincere joy in the eyes. Always when I have a bad mood, I can look at this photo and a smile appears on my face and all the problems seem trifles.

Далее возьмем еще два примера.

История 2. This is one of my favorite photo. I took this one when I was in Paris, France in 2013. I had one of my best weekends ever. The weather was really excellent and we decided to go sightseeing. The most interesting sight in Paris is the Eiffel Tower. I was really happy because my dream came true. Vladimir, our guide, was charming and very interesting person, told us about wonderful things, about some facts from history and culture of the French. I keep the photo on the shelf in my room. When I feel sad I look at it and I'm like in Paris once again.

Следующая не менее эмоционально окрашенная история создания фотографии представляет собой сочинение, изобилующая лексикой, передающей положительно заряженные когнитивные процессы.

История 3. Well, this is my favorite photo. I took it in Georgia, last summer. It is famous Georgian Military Highway, which links Georgia and Russia. If you want to see unbelievable nature, majestic mountains Kazbegi, to breathe fresh air, to freeze a moment in its silence, you must go to this road. There are lot of sights near it too. We rent a car and went there at 7 a.m. The whole way from Tbilisi to the border of Russia with stops took us 5 hours. It was the most memorable travel in whole Georgia!

Обращение к эмоциям человека особенно важно поскольку позволяет получить доступ к сфере ratio и cognitio, поскольку эмоция и когниция неразделимы. Эмоция является мотивационной основой сознания. Последнее положение особо значимо при анализе языка на предмет его экологичности. Как следствие, положительные эмоции лежат в основе экологичного, а отрицательные – неэкологичного языка [18].

Переживание конкретной эмоции всегда сопровождается психосоматическими коррелятами, что имплицитно подразумевает невозможность рассмотрения сферы эмоционального в отрыве от ее влияния на здоровье (психическое и физическое) *homo sentiens*. Это еще один факт, который должен учитываться в процессе лингвоэкологического анализа эмоциональной коммуникации [8].

Рассмотрим вышеприведенные истории в рамках определения их эмотивной экологичности на примере употребления лексических единиц.

Первая история. Первый из представленных здесь рассказов повествует об опыте взаимодействия с окружающим миром другого, отличного от вторичной языковой личности субъекта. Рассказ тем не менее не становится от этого менее окрашенным эмоционально и оказывается выраженным как в языковом, так и в когнитивном аспектах: *favourite photo / toy, to love – to smile – to kiss – to hug* (причинно-следственная связь), *wonderful lullabies, joy in the eyes, especially / really* (усиление), *bad mood – look at this picture – smile appears – problems seem trifles* (решение ситуации).

Вторая история. Второй рассказ можно рассматривать как эго-текст, который также задает эмоциональность и несет в себе познавательную функцию так же, как и лингвистическую: *excellent, charming, the most interesting sight* (превосходная форма предполагает позитивную тональность коммуникативной реализации), *feel sad – look at the picture – I'm like in Paris again* (причинно-следственная связь).

Третья история. Третий рассказ о путешествии и проникновении автором всей красотой и природой края: *unbelievable nature, majestic mountains, the most memorable travel* (превосходная форма).

Приведенные примеры историй явно подчеркивает позитивный настрой авторов, положительный опыт путешествий, здоровые отношения внутри семьи, определенно вызывает положительных эмоций. Положительная эмотивность текстов задает экологичный характер анализируемого контента, а положительная оценка пережитого опыта имеет терапевтическое влияние на его пользователей и определенно создает мотивацию к изучению иностранного языка.

Интересна модель устного нарратива, представленная американским лингвистом Вильямом Лабовым (William Labov), может успешно применяться к повествовательной структуре коротких рассказов. Ценность данной модели представляется прежде всего для лингвистов-стилистов, преподавателей иностранного языка и дискурс-аналитиков. Структура данной модели включает в себя шесть компонентов,

каждый из которых подразумевает ряд ответов на соответствующие вопросы. Рассмотрим подробнее: (1) *Abstract: What was this about?* / Аннотация: О чем это было? (2) *Orientation: who, when, what, where?* / Ориентация: кто, когда, что, где? (3) *Complicating action: Then what happened?* / Сложное действие: что случилось потом? (4) *Evaluation: so what?* / Оценка: и что? (5) *Result or Resolution: what finally happened?* / Результат или решение: что в итоге произошло? (6) *Coda: It prevents any further questions regarding the story events.* / Код: предотвращает любые дальнейшие вопросы относительно событий истории [23, с. 73].

Обращаясь к идеям Ю. Н. Караулова в его монографии в рамках антропоцентрической парадигмы, мы говорим о том, что человек не только создал язык и пользуется им, но и создает на нем тексты, можно смело цитировать фразу из этой книги «за каждым текстом стоит человек» [10, с. 130].

При обучении иностранному языку важно рассмотрение мотивирующих текстов, взятых из реального контекста, основанных на опыте, близких к личностным переживаниям, провоцирующих, выбивающихся за пределы серости и определенно сфокусированных на реальных потребностях языка, практически используемого и выраженного в живой разговорной речи. Рассматривая в рамках нарративизации вторичную языковую личность взаимодействие бэкграунда, медиа, логического мышления, эмоционального интеллекта, мы видим имитацию психических процессов во внешнем мире. Переживания и мысли, сплетаясь в единую последовательную историю, тщательно прорабатываются языковой личностью и создают модель новой реальности. Здесь именно творчество придает смысл новым ощущениям и интуитивным убеждениям. Языковая личность так или иначе контролирует мотивы разных типов, включающие в себя чувства, эмоции, побуждения. Причем эмоциональный компонент непосредственным образом оказывается связанным с когнитивным компонентом познающего, где обучающийся и обучающий время от времени меняются ролями и становятся некоторым зеркалом, а вернее даже зеркальной системой, много раз преломляющей мировоззрения двух языковых личностей, взаимодействующих и взаимовлияющих друг на друга в рамках образовательного процесса.

Так в лингвистике примером нарративизации становятся техники Сторителлинг, позволяющие доносить важную информацию с помощью знаний, историй и рассказов, провоцирующих у читателя, слушателя или зрителя пробуждение эмоций и мыслительной деятельности. Сторителлинг как эффективный метод обучения включает в себя

управленческие и психологические моменты, которые необходимым образом сопровождают когнитивные и лингвистические аспекты языка науки.

Здесь Сторителлинг выступает не только в качестве способа формирования и оформления в некий текст и рассказ, но и способом воздействия на аудиторию с помощью историй, независимо от того, вымышленные или реальные события передает рассказ, включает ли он в себя как способ передачи информации определенных смыслов, включает ли развитие познавательных способностей либо же несет на себе развлекательную функцию. В качестве инструмента воздействия на читателя, слушателя или зрителя, нарратив становится ведущим компонентом языка науки и образования [18].

Так одним из способов формирования и повышения уровня логического мышления и эмоционального интеллекта становится нарративизация предыдущего профессионального, учебного, жизненного опыта, научного исследования уровня знаний и расширения мировоззрения вообще. В данном контексте следует учитывать тот факт, что любое событие в действительности дает отклик в сознании индивида, исходя из выдвинутого предположения о пучках сознания (см. Худа «Иллюзия я») можно говорить о том, что каждое новое событие дает языковой личности возможность пересмотреть каждое предыдущее ему событие под совершенно неожиданным углом зрения. Точка фокализации порой меняется на абсолютно противоположную и познавательный аспект настолько тесно связывается с лингвистическим, что означает время от времени их попеременное включение друг в друга. Состояние языков науки в настоящее время показывает, что наиболее универсальным из них является язык математики, который соответствует конкретному объекту научного исследования. Обращаясь к практике преподавания английского языка в Вузе, объясняя структуру английских времен, позиционируя их как математические формулы студенты меняют подход к уровню сложности английских времен как языкового явления. Например, объясняя логику образования структур, учим студентов самостоятельно строить предложения (утвердительные отрицательные и вопросительные), используя те или иные видовременные формы английского языка. Согласно вышеописанному примеру, можно говорить о том, что эмоциональная готовность субъекта как вторичной языковой личности может меняться в зависимости от способа выражения и подачи явлений различного уровня исследований. Также стоит отметить, что способ донесения научной информации зависит и от его окраски, в том числе эмоциональной или фактической.

В свете полипарадигмальности современного образования и науки акцент делается на развитие языковой личности, которая будет всесторонне развита, этакий *all-rounder*, и в то же время особенно успешная в определенной области – *high-flier*. Обучения иностранным языкам на неязыковых факультетах студентов неязыковых специальностей иностранному языку следует ФГОС ВПО третьего поколения и Примерной программе и, разумеется, ориентировано на конечный результат, выраженный в компетенциях (общекультурной (ОК) и профессиональной (ПК)). Содержательная же сторона которых разрабатывается преподавательским составом кафедры. Согласно этим требованиям, студенты в результате обучения должны владеть следующими знаниями, умениями и т. д.:

- знать: специфику различных функционально-смысловых типов речи (описание, повествование, рассуждение), разнообразные языковые средства для обеспечения логической связности письменного и устного текста, специфику различных видов чтения и уметь осуществлять на иностранном языке различные виды чтения, чтение текстов различной жанрово-стилистической принадлежности, сущность межкультурного посредничества;

- уметь: осуществлять иноязычную коммуникацию в письменной форме, осуществлять устную иноязычную коммуникацию, осуществлять межкультурное и межъязыковое посредничество / общение в устной и письменной форме на языковом материале, определенном объемом учебной программы вуза по иностранным языкам;

- владеть: технологиями самостоятельной подготовки текстов различной жанрово-стилистической принадлежности требуемого объема, письма делового характера, конспектов лекций/презентации на семинаре, технологиями самостоятельной подготовки сообщений в устной форме по широкому кругу актуальных для учащегося вопросов (рассказ о прочитанном или услышанном, устное выступление на семинаре, презентация на конференции), технологиями осуществления устного речевого взаимодействия в монологической и диалогической формах в ситуациях подготовленного и спонтанного речевого взаимодействия (дебаты, дискуссия, собеседование, интервью и т. д.), технологиями восприятия иноязычной устной речи как в непосредственном предъявлении (лекции, беседы, доклады), так и в записи (радио-и видео сюжеты) с различной степенью понимания содержания услышанного (понимание основного содержания, извлечение необходимой информации) [5].

Заявленные компетенции в рабочих программах по иностранному языку в ВУЗах определяют базу знаний студентов, как вторичной языковой личности.

Так, обучение иностранному языку в ВУЗе призвано формировать коммуникативную компетенцию как способность владеть одним из иностранных языков на уровне, позволяющем получать и оценивать информацию в области профессиональной деятельности из зарубежных источников. Сюда добавляется проблема взаимопонимания и самопознания языковой личности посредством языка иностранного и через него языка родного. Именно в такой последовательности понимание достигается должным образом. Исходя из вышесказанного получается интересная дихотомия. С одной стороны, мы изучаем иностранный язык, когда уже в достаточной мере владеем родным и этот факт позволяет нам сравнивать, насколько. Это объясняется следующим образом: человек как языковая личность часто не отдает себе отчета в том, как он пользуется своим родным языком, он ведь окружает его с самого детства и становится чем-то обыденным, привычным и не позволяющим смотреть на него извне. С другой стороны, на свой родной язык мы способны взглянуть объективно

В то же время следует помнить, что, воспитывая и образовывая, мы вместе с тем организуем и самообразование обучающихся. Эти две языковые личности (преподаватель-обучающийся) формируются в тесной связи друг с другом, создают ситуацию успеха при формировании как собственной позиции, так и мировоззрения друг друга, достигается «высший мотивационный уровень устройства языковой личности» согласно идеям Ю. Н. Караулова. [1, с. 53] Посредством нарративизации фактов действительности, выделяемой в текстах, создаваемые, а также событийности реальной жизни вторичная языковая личность способна формировать тексты, понимаемые в широком смысле этого слова. Тексты, создаваемые и трактуемые тем или иным образом, получают свое дальнейшее развитие в рассказывании и нормировании. Таким образом, формируемая нарративизация вторичной языковой личности, с одной стороны, может рассматриваться как процесс, а, с другой стороны, она в конечном счете приносит свои плоды и может рассматриваться уже и как результат.

Так, подводя итог необходимо отметить очевидную связь и значение между понятиями и явлениями: «эмоции», «эмоциональный интеллект», «нарративизации» обучающегося как вторичной языковой личности и важность использования активных методических приемов при обучении иностранному языку студентов / магистрантов на

неязыковых факультетах. Организация практических занятий на неязыковом факультете авторами с использованием методических приемов и техник (активное участие в конференции в качестве спикеров по профилю специальности, игра «Guessing Game», Диалог Сократа / Socrate's Dialogue, Бекграунд Сторителлинг / Background Storytelling) создает при помощи потенциала нарративизации ситуацию успеха, способствует повышению уровня мотивации для обучения и познания нового в мире, науке или образовании. Участие в конференции представляется одним из способов рационализации эмоций, а значит, сознательного управления ими в эмоционально напряженных и стрессовых ситуациях как, например, выступление в качестве спикера на публике на английском языке, и представляется методом развития эмоционального интеллекта обучающихся магистрантов. В рамках данной работы представилось возможным также рассмотреть нарративизацию при изучении иностранных языков в Вузе и ее значение при вовлечении обучающихся в процесс нарративизации способствует формированию вторичной языковой личности в частности, которую можно рассматривать в бытовом и научном аспектах. Вышеперечисленные активные техники и приемы направлены на реализацию ФГОС 3+, достижение общекультурной (ОК) и профессиональной (ПК) компетенций обучающихся, а также способствуют: академической адаптации, обучающиеся знакомятся с предметами профиля более глубоко и с разных перспектив (научная литература на родном и иностранном языке); лингвистическому продвижению (активная работа с иностранным языком в процессе подготовки к конференции, «Guessing Game» и т. д.), социальной адаптации (знакомство и сотрудничество с обучающимися в параллели).

Библиографический список

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю. Н. Караулов. – М. : Изд-во ЛКИ, 2007. – 264 с.
2. Кондина, А. С. Международная образовательная программа «Педагогика имеет определяющее значение». Обратная связь [Текст] / А. С. Кондина. – М. : Наука и школа, № 1, 2019. – С. 209.
3. Кутковая, К. С. Нарратив в исследовании идентичности [Текст] / К. С. Кутковая // Национальный психологический журнал. – № 4. – 2014. – С. 264.
4. Малахаева, С. К. Нарративный подход в этно-психологическом исследовании: возможности и границы метода [Текст] / С. К. Малахаева // Психология в экономике и управлении. – 2013. – № 2. – С. 156-164.
5. Мекеко, Н. М. Новый подход к преподаванию иностранных языков студентам неязыковых факультетов [Текст] / Н. М. Мекеко // Вестник РУДН. Серия:

Русский и иностранные языки и методика их преподавания. – 2014. – № 3. – С. 107-110.

6. Пастухова, Е. В., Семейн, Л. Ю. Использование нарративных стратегий и механизмов понимания текста вторичной языковой личностью (на примере стихотворения Сильвии Плат *Frog Autumn* («Осень лягушки»)) [Текст] / Е. В. Пастухова // Электронный научно-методический журнал Омского ГАУ. – 2018. – № 5.

7. Почепцов, Г. Г. Нарративный инструментарий воздействия [Текст] / Г. Г. Мекеко // Верхневолжский филологический вестник. – 2015. – № 3. – С. 69-74.

8. Сребрянская, Н. А. Эмотивная лингвистика – перспективное направление лингвистических исследований [Текст] / Н. А. Сребрянская // Вестник Воронежского государственного университета. – Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – № 2. – 2008. – С. 282-284.

9. Шаховский, В. И. Эмоции как объект исследования в лингвистике [Текст] / В. И. Шаховский // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 29-43.

10. Шаховский, В. И. Когнитивная матрица эмоционально-коммуникативной личности / В. И. Шаховский // Вестник РУДН. – Серия: Лингвистика. – 2018. – № 1. – С. 54-79.

11. Мещерякова, И. Н. Формирование эмоционального интеллекта студентов-психологов в процессе обучения в вузе [Текст] / И. Н. Мещерякова // Вестник Тамбовского университета. – Серия: Гуманитарные науки. – 2010. – № 1. – С. 157-161.

12. Ambrose, Bierce The Unabridged Devil's Dictionary. Athens : The University of Georgia Press, 2000. – 404 p.

13. Bischooping Katherine, Gazso Amber. Analyzing Talk in the Social Sciences: Narrative, Conversation and Discourse Strategies Sage. York University, Canada : SAGE Publications Ltd, 2015. – 292 p.

14. Czarniawska, Barbara. Narratives in Social Science. – London : Research SAGE Publications, 2004. – 168 p.

15. Gómez González María de los Ángeles, Lachlan Mackenzie J., González Álvarez Elsa M. Languages and Cultures in Contrast and Comparison. Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2008. – 364 pages.

16. Mintz Avi I. Plato: Images, Aims, and Practices of Education. Springer : Springer Briefs in Education, 2018. – 81 p.

17. Oxenden, Clive. New English File: Pre-Intermediate : Student's Book / C. Oxenden, C. Latham-Koenig, P. Seligson. – Oxford; New York : Oxford University Press, 2018

18. Rühlemann Christoph. Studies in English Language. – Cambridge University Press, 2014. – 304 p.

19. Toolan, M. Making Sense of Narrative Text: Situation, Repetition, and Picturing in the Reading of Stories. New York : Routledge, 2016. – 284 p.

20. Satterfield, J. M. Boosting Your Emotional Intelligence USA: The Teaching Company, 2017. – 238 p.

21. Schiff, Brian. Explorations in Narrative Psychology. – Oxford University Press, 2017. – 281 p.

22. Sullivan, Kellie. Emotional Intelligence: 50 Effective Ways To Improve Communication Skills, EQ And Mastering Your Emotions Amazon, 2016. – 133 p.

23. Perdawdy, Ismail A. A. An Analysis of the Narrative Structure of Three American Short Stories: A Linguistic Approach. Kurdistan-Iraq : Erbil Polytechnic University, — 2016. – 132p (39-42)

24. Calendar of activities. – URL: <https://www.coe.int/en/web/pestalozzi/calendar>

Reference List

1. Karaulov, Ju. N. Russkij jazyk i jazykovaja lichnost' = The Russian language and language personality [Tekst] / Ju. N. Karaulov. – M. : Izd-vo LKI, 2007. – 264 s.

2. Kondina, A. S. Mezhdunarodnaja obrazovatel'naja programma «Pedagogika imeet opredelajushhee znachenie». Obratnaja svjaz' = The international educational program «Pedagogics has a defining value». Feedback [Tekst] / A. S. Kondina. – M. : Nauka i shkola, №1, 2019. – S. 209.

3. Kutkovaja, K. S. Narrativ v issledovanii identichnosti = Narrative in research of the identity [Tekst] / K. S. Kutkovaja // Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal. – № 4. – 2014. – S. 264.

4. Malahaeva, S. K. Narrativnyj podhod v jetnopsihologicheskom issledovanii: vozmozhnosti i granicy metoda = Narrative approach in an ethnopsychological research: opportunities and method borders [Tekst] / S. K. Malahaeva // Psihologija v jekonomike i upravlenii. – 2013. – № 2. – S. 156-164.

5. Mekeko, N. M. Novyj podhod k prepodavaniju inostrannyh jazykov studentam nejazykovyh fakul'tetov = New approach to teaching foreign languages to students of non-linguistic faculties [Tekst] / N. M. Mekeko // Vestnik RUDN. Serija: Russkij i inostrannye jazyki i metodika ih prepodavanja. – 2014. – № 3. – S. 107-110.

6. Pastuhova, E. V., Semejn, L. Ju. Ispol'zovanie narativnyh strategij i mehanizmov ponimaniya teksta vtorichnoj jazykovoj lichnost'ju (na primere stihotvorenija Sil'vii Plat Frog Autumn («Osen' l'jagushki»)) = Use of narrative strategy and mechanisms of understanding the text by the secondary language personality (on the example of the poem by Silvia Plath Frog Autumn («Fall of a frog»)) [Tekst] / E. V. Pastuhova // Elektronnyj nauchno-metodicheskij zhurnal Omskogo GAU. – 2018. – № 5.

7. Pochepcov, G. G. Narrativnyj instrumentarij vozdejstvija = Narrative tools of influence [Tekst] / G. G. Mekeko // Verhnevolzhskij filologicheskij vestnik. – 2015. – № 3. – S. 69-74.

8. Srebrjanskaja, N. A. Jemotivnaja lingvistika – perspektivnoe napravlenie lingvisticheskix issledovanij = Emotive linguistics – a perspective direction of linguistic researches [Tekst] / N. A. Srebrjanskaja // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. – Serija: Lingvistika i mezhkul'turnaja kommunikacija. – № 2. – 2008. – S. 282-284.

9. Shahovskij, V. I. Jemocii kak ob#ekt issledovanija v lingvistike = Emotions as a research object in linguistics [Tekst] / V. I. Shahovskij // Voprosy psiholingvistiki. – 2009. – № 9. – S. 29-43.
10. Shahovskij, V. I. Kognitivnaja matrica jemocional'no-kommunikativnoj lichnosti = Cognitive matrix of the emotional and communicative personality [Tekst] / V. I. Shahovskij // Vestnik RUDN. – Serija: Lingvistika. – 2018. – № 1. – S. 54-79.
11. Meshherjakova, I. N. Formirovanie jemocional'nogo intellekta studentov-psihologov v processe obuchenija v vuze = Formation of student- psychologists' emotional intelligence in the course of training in higher education institution [Tekst] / I. N. Meshherjakova // Vestnik Tambovskogo universiteta. – Serija: Gumanitarnye nauki. – 2010. – № 1. – S. 157-161.
12. Ambrose, Bierce The Unabridged Devil's Dictionary. Athens : The University of Georgia Press, 2000. – 404 p.
13. Bischooping Katherine, Gazso Amber. Analyzing Talk in the Social Sciences: Narrative, Conversation and Discourse Strategies Sage. York University, Canada : SAGE Publications Ltd, 2015. – 292 p.
14. Czarniawska, Barbara. Narratives in Social Science. – London : Research SAGE Publications, 2004. – 168 p.
15. Gómez González María de los Ángeles, Lachlan Mackenzie J., González Álvarez Elsa M. Languages and Cultures in Contrast and Comparison. Philadelphia : John Benjamins Publishing Company, 2008. – 364 pages.
16. Mintz Avi I. Plato: Images, Aims, and Practices of Education. Springer : Springer Briefs in Education, 2018. – 81 p.
17. Oxenden, Clive. New English File: Pre-Intermediate : Student's Book / C. Oxenden, C. Latham-Koenig, P. Seligson . – Oxford; New York : Oxford University Press, 2018
18. Rühlemann Christoph. Studies in English Language. – Cambridge University Press, 2014. – 304 p.
19. Toolan, M. Making Sense of Narrative Text: Situation, Repetition, and Picturing in the Reading of t Stories. New York : Routledge, 2016. – 284 p.
20. Satterfield, J. M. Boosting Your Emotional Intelligence USA: The Teaching Company, 2017. – 238 p.
21. Schiff, Brian. Explorations in Narrative Psychology. – Oxford University Press, 2017. – 281 p.
22. Sullivan, Kellie. Emotional Intelligence: 50 Effective Ways To Improve Communication Skills, EQ And Mastering Your Emotions Amazon, 2016. – 133 p.
23. Perdawdy, Ismail A. A. An Analysis of the Narrative Structure of Three American Short Stories: A Linguistic Approach. Kurdistan-Iraq : Erbil Polytechnic University, — 2016. – 132p (39-42)
24. Calendar of activities. – URL: <https://www.coe.int/en/web/pestalozzi/calendar>

Дата поступления статьи в редакцию: 16.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

О. В. Лукин <https://orcid.org/0000-0001-9101-9134>**Теодор Гейнзиус: от языкознания и лингводидактики восемнадцатого века к новой лингвистической парадигме***Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ № 17-04-00200-ОГН*

В настоящей работе дается оценка вклада О. Ф. Т. Гейнзиуса (нем. *Otto Friedrich Theodor Heinsius*; 6.09.1770 – 19.05.1849) в немецкое языкознание и лингводидактику XIX столетия. В работе описан его жизненный путь и научное творчество на фоне меняющейся лингвистической парадигмы и перечислены основные лингвистические (грамматические, лексикологические, стилистические и лингводидактические) труды. Получив богословское, филологическое и педагогическое образование в Йенском университете и защитив докторскую диссертацию, О. Ф. Т. Гейнзиус в течение 52 лет преподавал немецкий язык в гимназиях Берлина. Его занятия лингвистикой и лингводидактикой были тесно связаны между собой. Вместе со своими коллегами Т. Гейнзиус основал Берлинское общество немецкого языка. Практическая преподавательская деятельность профессора преобладала над его лингвистической работой. Поэтому практическая направленность его многочисленных грамматических, лексикологических, стилистических и лингводидактических публикаций, издаваемых на протяжении 60 лет, в известном смысле не позволила ему обратиться к творческому освоению и развитию идей его современников – представителей сравнительно-исторического языкознания, а сделала его в известной степени транслятором лингвистических идей эпохи Просвещения. Большое внимание уделено анализу самой крупной работы О. Ф. Т. Гейнзиуса «Теут или теоретико-практический учебник всего немецкого языкознания» (нем. *Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der gesamten Deutschen Sprachwissenschaft*). Анализ и интерпретация творческого наследия О. Ф. Т. Гейнзиуса позволяет по-новому взглянуть на динамику развития лингвистических парадигм и влияющие на это факторы.

Ключевые слова: лингвистическая историография, О. Ф. Т. Гейнзиус, лингводидактика, преподавание немецкого языка, грамматика немецкого языка, Германия, эпоха Просвещения, XIX век.

O. V. Lukin

Theodor Heinsius: from the XVIII century Linguistics and Linguodidactics to a New Linguistic Paradigm

This paper presents an assessment of the contribution made by Otto Friedrich Theodor Heinsius (6.09.1770 – 19.05.1849) to German linguistics and linguodidactics of the XIX century. The article describes the life path of the scientist in the context of the development of German linguistics and presents a list of his main linguistic (grammatical, lexicological, stylistic and linguodidactic) works. After getting degrees in theology, philology and pedagogy at University of Jena and defending a thesis Otto Friedrich Theodor Heinsius taught German for 52 years in Berlin high schools. His studies of linguistics and linguodidactics were closely related. Together with his colleagues T. Heinsius founded the Berlin society of the German language. Practical teaching activities of the professor outweighed his linguistic studies. Practical focus of his numerous grammatical, lexicological, stylistic and linguodidactic papers published within 60 years prevented him from studying the works of his contemporaries – representatives of comparative linguistics, and from developing their ideas, but made him an interpreter of the linguistic ideas of the age of Enlightenment. The paper also focuses on the analysis of Heinsius's major work 'Teut or theoretical-practical textbook of German linguistics' (*Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der gesamten Deutschen Sprachwissenschaft*). A close study and interpretation of Heinsius's creative heritage enable to see in a new light the process of formation of linguistic paradigms and the factors affecting their development.

Keywords: linguistic historiography, O. F. Th. Heinsius, linguodidactics, instruction in the German language, German grammar, Germany, the age of Enlightenment, XIX century.

Теодор Гейнзиус (нем. *Otto Friedrich Theodor Heinsius*; 6.09.1770–19.05.1849) – один из наиболее интересных немецких грамматистов, лексикографов и лингводидактов XIX столетия (биографические данные приводим по: [2, S. 1826, 16, S. 660, 3, S. 1996]). Он родился задолго до окончания XVIII века на территории современной Польши в деревне Черно неподалеку от Зонненбурга в семье пастора. В

1788-1790 гг. посещал Иоахимстальскую гимназию в Берлине, в 1790-1793 гг. изучал богословие, филологию и педагогику в университете г. Йена, где защитил диссертацию.

Начало его педагогической деятельности приходится на самый конец XVIII столетия: с 3 февраля 1795 года Т. Гейнзиус начал свою преподавательскую деятельность в королевской

гимназии Фридриха-Вильгельма в Берлине (впрочем, позволим себе усомниться в этом распространенном мнении, т. к. указанная гимназия была основана в 1797 году). На протяжении 52 (!!!) лет он преподавал во многих средних учебных заведениях столицы Пруссии; его биограф В. Шерер особо подчеркивал: «Учитель, не ученый» (ср. нем. *Ein Lehrer, kein Gelehrter*) [16, S. 660] (перевод с немецкого языка на русский здесь и далее наш, во всех немецких текстах сохраняем оригинальную орфографию и пунктуацию – О. Л.). Хотелось бы обратить особое внимание как на необыкновенно долгий срок педагогической и связанной с ней научной деятельности, так и на его сотрудничество с весьма престижными учебными заведениями прусской столицы, сыгравшими важную роль в становлении германской государственности.

Вся дальнейшая жизнь Т. Гейнзиуса была связана со старейшей берлинской гимназией – гимназией «У серого монастыря» (нем. *zum Grauen Kloster*), где с 4 апреля 1801 года до 1847 года он занимает должность учителя, впоследствии – профессора и директора (1845 – 1847). Это существующее и поныне знаменитейшее учебное заведение Германии было основано в 1574 году в пустовавших помещениях монастыря францисканцев в самом центре Берлина. Гимназия первоначально позиционировала себя как бюргерская школа, возникшая под влиянием Реформации. С самого своего основания она была гуманистической школой, где большое внимание уделяли преподаванию древних языков.

Педагогическая деятельность Т. Гейнзиуса была связана и с другими учебными заведениями Берлина. С 1803 года он в течение 36 лет он возглавлял женскую гимназию в Берлине (нем. *die höhere Töchterschule in Berlin*), с 1804 года преподавал немецкий язык и литературу во французской гимназии Берлина. В 1814 году вместе со своими коллегами И. А. Цойне (*Johann August Zeune*; 12.05.1778 – 14.11.1853) и Ф. Л. Яном (*Johann Friedrich Ludwig Christoph Jahn*; 11.08.1778 – 15. 10.1852) Т. Гейнзиус основал Берлинское общество немецкого языка ((нем. *Berlinische Gesellschaft für Deutsche Sprache*), впоследствии – Берлинское общество немецкого языка и изучения древностей (нем. *Berlinische Gesellschaft für deutsche Sprache und Alterthumskunde*)). 3 февраля 1845 года в честь 50-летия его педагогической деятельности король Пруссии Фридрих Вильгельм IV отметил заслуги Т. Гейнзиуса орденом Ордена Красного орла третьего класса на ленте (нем. *der rote Adlerorden 3. Klasse mit Schleife*) – рыцарским орденом королевства Пруссии, которым награждались не только за храбрость в боевых действиях, но и за долгую, верную службу королевству.

Парадоксально, но хотя большая часть жизни, научного и педагогического творчества Т. Гейнзиуса приходится на XIX век, его языковедческое мышление своими корнями уходит в XVIII столетие. В течение всей своей жизни он пытался приспособить заложенные тогда установки к новым веяниям в науке и обществе. В своем лингвистическом и лингводидактическом творчестве Т. Гейнзиус показал себя истинным последователем языкознания XVIII века, ориентированным, прежде всего, на повседневную школьную практику, прилежным учеником и последователем учения И. К. Аделунга (ср. [3, S. 160-161]).

Многолетнее преподавание немецкого языка закономерно приводит учителя Т. Гейнзиуса к необходимости не столько лингвистического, сколько лингводидактического осмысления преподаваемого им грамматического, лексикологического и стилистического материала. На протяжении шестидесяти лет – с 1798 по 1848 гг. – он опубликовал значительное количество научных и научно-педагогических трудов (значительное количество этих работ перечислено в [15]). Это, в первую очередь, работы по грамматике, труды по стилистике и лексикографические работы. Как вполне справедливо отмечает Л. М. Эйхингер, все эти три области его научно-методического творчества находились под значительным влиянием языкознания эпохи Просвещения XVIII века [3, S. 160].

В 1798-1799 гг. молодой учитель опубликовал три тома своей первой лингвистической работы «Немецкая грамматика, особенно предназначенная для использования в школах» (нем. *Teutsche Sprachlehre, besonders zum Gebrauch in Schulen eingerichtet. Mit einer Vorrede von Herrn Oberkonsistorialrath Teller*). Первый том содержит описание грамматики немецкого языка в традициях И. К. Аделунга, второй том – лингводидактические материалы по правописанию, грамматике и стилистике, третий том посвящен прикладной риторике. Переиздания этой работы впоследствии появляются под названием «Новая немецкая грамматика» [7].

С 1800 года Т. Гейнзиус публикует работу под названием «Справочник по немецкому языку» (к 1825 году выдержала 5 переизданий, см. [4]), с 1804 года – его сокращенную версию под названием «Краткая теоретико-практическая немецкая грамматика для школ и гимназий», которая к 1829 году выдержала уже 12 переизданий [6]. Кроме публикации собственных работ Т. Гейнзиус занимался также изданием произведений И. К. Аделунга и К. Ф. Морица.

Самым масштабным лингвистическим творением Т. Гейнзиуса стали шесть томов его труда «Тевт или

теоретико-практический учебник всего немецкого языкознания» (нем. *Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der gesammten Deutschen Sprachwissenschaft*), выдержавший несколько переизданий. В предисловии к первому тому он емко и парадоксально сформулировал основные достижения культуры и гуманитарного знания немецкого Просвещения: «Кант осветил весь научный мир своей критикой чистого и практического разума; Клопшток силой своей эпической и лирической музыки воодушевил сердца всех христианской любовью и любовью к отечеству, Аделунг открыл большое богатство немецких слов в своем критическом словаре; критический взгляд Лессинга и Винкельманна облагородили вкус в искусствах и прекрасных науках; оба Штольберга, Виланд и Фосс посеяли произведения древней классической литературы в немецких одеждах на нашу почву; Иоганн фон Мюллер раскрыл в немецком языке мир полный исторических фактов в духе Фукидида; Гарве и Энгель упростили самые абстрактные истины в легкой и беглой речи; Цолликофер и Рейнгард пламенными устами призвали немцев к благочестию; а Гете и Шиллер уверенно говорили на отечественном языке при дворе и на сцене» [8, S. V-VI].

Первый том, вышедший под названием «Немецкая грамматика» (нем. *Sprachlehre der Deutschen*), состоит из введения «О языке вообще, и о немецком особенно» (нем. *Von der Sprache überhaupt, und der Deutschen insbesondere*) и двух неравных по своему объему частей (1. «Учение о говорении, или руководство, как правильно говорить» (нем. *Die Sprechlehre, oder die Anweisung, richtig zu sprechen*) и 2. «Учение о правописание, или орфография» (нем. *Die Rechtschreibtlehre, oder die Orthographie*)) [8].

Первая часть состоит из трех разделов. Первый раздел «Этимология» (нем. *Die Etymologie*) описывает фонетику и морфологию немецкого языка и состоит из пятнадцати глав. Первые четыре затрагивают фонетическую проблематику:

1. О звуках (нем. *Von den Lauten*).
2. О фонетике (нем. *Von der Lautlehre*).
3. Об образовании слогов и слов (нем. *Von der Bildung der Sylben u. Wörter*).
4. О словесном ударении (нем. *Von dem Wortaccent*)

Два раздела посвящены частям речи и их изменению:

5. О частях речи (нем. *Von den Redetheilen*).
6. О флексии (нем. *Von der Flexion*).

Остальные девять разделов посвящены девяти частями речи немецкого языка:

7. О существительном (нем. *Von dem Substantiv*).
8. Об артикле (нем. *Von dem Artikel*).
9. О местоимении (нем. *Von dem Pronomen*).

10. О предлоге (нем. *Von der Präposition*).

11. О числительном (нем. *Von dem Zahlwort*).

12. О прилагательном (нем. *Von dem Adjectivum*).

13. О наречии (нем. *Von dem Adverbium*).

14. О глаголе (нем. *Von dem Verbum*).

15. О междометии (нем. *Von der Interjection*).

Второй раздел «Синтаксис» (нем. *Die Syntax*) посвящен словосочетаниям и предложениям. В третьем разделе «О метрике» (нем. *Von der Metrik*) автора рассматривает просодию, части стиха, виды стиха и рифму.

Второй том под названием «Начальная школа искусства языка и речи, или теоретико-практическое руководство по правильному говорению, письму и пониманию немецкого языка» (нем. *Vorschule der Sprach- und Redekunst, oder theoretisch-praktische Anleitung zum richtigen Sprechen, Schreiben und Verstehen der deutschen Sprache*) содержит является лингводидактическим продолжением первого тома и состоит из трех частей [9].

Первая часть «Подготовительные упражнения по говорению и письму» (нем. *Vorbereitende Sprech- und Schreibübungen*) содержит два раздела: 1. Морфологические и синтаксические упражнения (ср. нем. *Etymologische und syntaktische Uebungen*) и 2. Упражнения по письму (нем. *Schreibübungen*).

Вторая часть «Подготовительные стилистические упражнения» (нем. *Stylistische Vorübungen*) включает в себя: 1. «Руководство по правильному мышлению» (нем. *Anleitung zum richtigen Denken*) и 2. «Руководство по письменным сочинениям» (нем. *Anleitung zu schriftlichen Aufsätzen*). Третий раздел «Синонимика» (нем. *Die Synonymik*) содержит перечисление синонимов, сгруппированных по частям речи.

Третья часть второго тома «Объяснение немецких письменных образцов» (нем. *Erklärung Deutscher Musterschriften*) содержит краткие основы герменевтики и примеры интерпретации текстов.

Третий том «Оратор и поэт, или руководство по ораторскому и поэтическому искусству» (нем. *Der Redner und Dichter, oder Anleitung zur Rede- und Dichtkunst*) автор посвящает «своему уважаемому другу, директору берлинской гимназии «у серого монастыря» г-ну д-ру Кепке» (нем. *seinem verehrten Freunde, dem Director des Berlinischen Gymnasiums zum grauen Kloster, Herrn Dr. Köpke*) и рассматривает вопросы риторики и поэтики [10].

Полное название четвертого тома гласит: «История немецкой литературы, или языкового, поэтического и речевого искусства немцев, вплоть до настоящего времени» (нем. *Geschichte der Deutschen Literatur, oder der Sprach-, Dicht- und Redekunst der Deutschen, bis auf unsere Zeit*). Как следует из названия, этот том

посвящен истории немецкой литературы с самых древнейших времен [11]. Интересна авторская периодизация истории немецкого языка:

1. Языческая и христианско-готская эпоха. С древнейших времен до Карла Великого, или от X. до 768 г. н. э. (готский диалект).

2. Франкская эпоха. От Карла Великого до швабских кайзеров, или до 1137 г. (франкский диалект или древневерхненемецкий)

3. Эпоха миннезингеров или швабских поэтов. От швабских кайзеров до основания немецких университетов, или до 1348 г. (аллеманский диалект или средневерхненемецкий).

4. Эпоха мейстерзингеров. От основания немецких университетов до появления полного перевода Библии Лютером, 1534 г. (смешение диалектов, особенно аллеманский и нижненемецкий).

5. Эпоха возрождающейся научности. От перевода Библии до Опица, или до 1625 г. (образование нововверхненемецкого как письменного и национального языка).

6. Эпоха борьбы мнений. От Опица до Клопштока, или до полного появления мессиады, 1755-1773 гг. (порча языка и очищение языка).

7. Эпоха классической литературы. От Клопштока до смерти Гете, или до 1832 г. (ритмическое и философское совершенствование языка в поэзии и прозе) [11, S. 3-4].

Пятый том, вышедший под названием «Материал для разработок, обсуждений, свободных докладов и речей, в большом количестве научно упорядоченных заданий, распоряжений и образцов стиля» (нем. *Stoff zu Ausarbeitungen, Besprechungen, freien Vorträgen und Reden, in einer Menge wissenschaftlich geordneter Aufgaben, Dispositionen und Stylproben*), включает в себя лингводидактические материалы, указанные в названии, в том числе, стилистические упражнения и образцы литературных произведений [12].

Шестой том «Справочник немецкого делового стиля для подготовки не-студентов и начинающих коммерсантов» (нем. *Handbuch des Deutschen Geschäftstyps zur Vorbildung für Nicht-Studierende und angehende Geschäftsleute*) предназначен для «... многочисленных молодых людей, которые при неуверенном элементарном знании своего родного языка и при полном неведении достижений, которые необходимы для частной и государственной службы, обращаются в высокие и низкие учреждения, чтобы получить в них назначение» [13, S. I–II]. Том состоит из трех разделов. Первый «Необходимые начальные знания для письменных работ» (нем. *Nöthige Vorkenntnisse zu schriftlichen Arbeiten*) включает в себя главы:

1. Начальные логические знания (нем. *Logische Vorkenntnisse*).

2. Начальные грамматические знания (нем. *Grammatische Vorkenntnisse*).

3. Начальные риторические знания (нем. *Rhetorische Vorkenntnisse*).

Второй раздел «О различных видах и формах стиля» (нем. *Von den verschiedenen Arten und Formen des Stils*) содержит описание стилистических особенностей деловых документов.

Самый маленький третий раздел называется «О деловой практике» (нем. *Von der Geschäfts-Praxis*) и дает информацию о различных видах государственных дел: в сфере юстиции, государственного управления, финансовой и военной сферах (нем. *Verschiedene Arten der öffentlichen Geschäfte: Justiz-, Regierungs-, Finanz- und Militärgeschäfte*), о коллегиях вообще (нем. *Von den Collegien überhaupt*) и об отдельных персонах, которые служат в коллегиях и особенно об их делах: руководящих, ведущих учет, подчиненных (нем. *Von den einzelnen Personen, die bei den Collegien angestellt sind und deren Geschäften insbesondere: Dirigirende, Notirende, Subalterne*) [13].

Закономерно, что в работах Т. Гейнзиуса можно найти немало мыслей не только о языковых – грамматических, лексических, стилистических – феноменах, но и лингводидактических идей, которые так или иначе свидетельствуют о его взглядах на меняющуюся лингвистическую парадигму. Так, роль И. К. Аделунга Т. Гейнзиус видел в том, что до появления его грамматических и лексикографических работ немецкий язык как таковой не преподавался. Незнание родного языка было таким значительным и всеобщим, что даже среди ученых и представителей высших сословий «... царило незнание и беззаконие» [14, S. 124]. Вместе с тем, как замечает Т. Гейнзиус, преподавателям немецкого языка в гимназиях не следует находиться на той высоте, на которой находятся такие представители современного сравнительно-исторического языкознания как Ф. Бопп, Я. Гримм, фон дер Хаген и Рюкерт: такие ученые мужи нужны университетам [5, S. 47-48].

Несомненно, вслед за И. К. Аделунгом Т. Гейнзиус сыграл важную роль в области стандартизации и нормирования немецкого языка (см. [1, S. 289-293]). Вместе с тем, как указывал один из его первых биографов В. Шерер, главная особенность, которая отличала Т. Гейнзиуса от грамматистов, стилистов и лексикологов своего времени – это преобладание практического над теоретическим [16, S. 660]. Учитель всегда шел впереди ученого, поэтому Т. Гейнзиус на протяжении всей своей долгой жизни был в известной мере транслятором лингвистических идей эпохи

Просвещения, весьма далеком от рождавшегося на его глазах научного языкознания (ср. [16, S. 660]). В течение всей своей жизни он не принимал того факта, что с появлением и развитием сравнительно-исторического языкознания (романтико-исторической школы (нем. *der romantisch-historischen Schule*)) научность в языкознании стала получать совершенно иное измерение (ср. [3, S. 161]).

Reference list

1. Banhold, D. Standard, Varianz und Sprachbewusstsein. Kernbegriffe der neuhochdeutschen Sprachentwicklung in deutschen Schulgrammatiken / D. Banhold, W. P. Klein // Jana Kiesendahl / Christine Ott (Hg.) Linguistik und Schulbuchforschung. Gegenstände – Methoden – Perspektiven. – Göttingen : V&R unipress, 2015. – S. 285-302.
2. Dümmler, F. (Hrsg.) Heinsius (Theodor) / F. Dümmler// Dümmler, F. (Hrsg.) Verzeichniss im Jahre 1825 in Berlin lebender Schriftsteller und ihrer Werke. Aus den von ihnen selbst entworfenen oder revidirten Artikeln zusammengestellt und zu einem milden Zwecke herausgegeben. – Berlin : bei Ferdinand Dümmler, 1826. – S. 98-101.
3. Eichinger, L. M. Heinsius, (Otto Friedrich) Theodor / L. M. Eichinger, H. J. Höller // Biobibliographisches Handbuch zur Sprachwissenschaft des 18. Jahrhunderts. Die Grammatiker, Lexikographen und Sprachtheoretiker des deutschsprachigen Raums mit Beschreibungen ihrer Werke Herausgegeben von Herbert E. Brekle, Edeltraud Dobnig-Jülch, Hans Jürgen Höller und Helmut Weiß. Band 4. – Tübingen : Max Niemeyer Verlag, 1996. – S. 160-181.
4. Heinsius, O. F. Th. Der Deutsche Ratgeber, oder alphabetisches Noth- und Hülfswörterbuch zur grammatischen Rechtschreibung und Wortfügung in allen zweifelhaften Fällen, für diejenigen, welche Briefe und Aufsätze aller Art möglichst fehlerfrei zu schreiben wünschen / O. F. Th. Heinsius. 5. Ausg. – Berlin : im Verlage bei J. W. Boicke, 1825. – VI, 292 S.
5. Heinsius, O. F. Th. Die Germanologie auf deutschen Lehrstühlen / O. F. Th. Heinsius. – Berlin : Mylius'sche Verlagslhandlung, 1848. – 48 S.
6. Heinsius, O. F. Th. Kleine theoretisch-praktische Deutsche Sprachlehre für Schulen und Gymnasien / O. F. Th. Heinsius. 12. Aufl.. – Berlin : Duncker & Humblot, 1829. – XII, 251 S.
7. Heinsius, O. F. Th. Neue deutsche Sprachlehre, zum Gebrauch in Schulen und zur Selbsterlernung eingerichtet / O. F. Th. Heinsius. – Leipzig : bei Gerhard Fleischer dem Jüngern, 1821. – XVI, 352 S.
8. Heinsius, O. F. Th. Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der gesammten Deutschen Sprachwissenschaft / O. F. Th. Heinsius. Band 1. Sprachlehre der Deutschen. 5. Aufl. – Berlin : bei Duncker und Humblot, 1835. – XII, 488 S.
9. Heinsius, O. F. Th. Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der gesammten Deutschen Sprachwissenschaft / O. F. Th. Heinsius. Band 2. Vorschule der Sprach- und Redekunst. 5. Aufl. – Berlin : bei Duncker und Humblot, 1838. – XII, 504 S.
10. Heinsius, O. F. Th. Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der gesammten Deutschen Sprachwissenschaft / O. F. Th. Heinsius. Band 3. Der Redner und Dichter, oder Anleitung zur Rede und Dichtkunst. 5. Aufl. – Berlin : bei Duncker und Humblot, 1832. – XII, 266 S.
11. Heinsius, O. F. Th. Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der gesammten Deutschen Sprachwissenschaft / O. F. Th. Heinsius. Band 4. Geschichte der Deutschen Litteratur, oder der Sprach-, Dicht- und Redekunst der Deutschen. 4. Aufl. – Berlin : bei Duncker und Humblot, 1829. – XVI, 568 S.
12. Heinsius, O. F. Th. Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der gesammten Deutschen Sprachwissenschaft / O. F. Th. Heinsius. Band 5. Stoff zu Ausarbeitungen, freien Vorträgen und Reden, in einer Menge wissenschaftlich geordneter Aufgaben. 5. Aufl. – Berlin : bei Duncker und Humblot, 1840. – XVI, 342 S.
13. Heinsius, O. F. Th. Teut, oder theoretisch-praktisches Lehrbuch der gesammten Deutschen Sprachwissenschaft / O. F. Th. Heinsius. Band 6. Handbuch des Deutschen Geschäftstyps zur Vorbildung für Nicht-Studirende und angehende Geschäftsleute. 2. Aufl. – Berlin : bei Duncker und Humblot, 1837. – VI, 246 S.
14. Heinsius, O. F. Th. Zeitgemäße Pädagogik der Schule. Historisch und kritisch aufgefaßt für das gesammte Schulpublikum / O. F. Th. Heinsius. – Berlin : Druck und Verlag von Carl Friedrich Amelang, 1844. – XII, 276 S.
15. Koner, W. (Hrsg.) Heinsius (Theodor) // Koner, W. (Hrsg.) Gelehrtes Berlin im Jahre 1845. Verzeichniss im Jahre 1845 in Berlin lebender Schriftsteller und ihrer Werke [Text] / W. Koner. – Athenaeum in Berlin : Verlag von Th. Scherck, 1846. – S. 136-141.
16. Scherer, W. Heinsius, Theodor / W. Scherer // Allgemeine Deutsche Biographie, herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Band 11 – Leipzig : Duncker & Humblot, 1880. – S. 660.

Дата поступления статьи в редакцию: 09.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Е. Н. Макарова <https://orcid.org/0000-0002-4439-5521>

Отражение коммуникативной цели в языковой структуре

Статья посвящена способам передачи смысла вариантов коммуникативного членения английских письменных высказываний носителями русского языка, изучающими английский язык в качестве иностранного. Представлен обзор точек зрения российских и зарубежных лингвистов на роль порядка слов и фразового ударения как основных средств смыслового членения высказывания в разных языках. Обоснована актуальность обращения к заявленной теме, важность проведения исследования на материале письменной речи, а также его новизна. Дано описание методики проведения эксперимента по анализу русских эквивалентов английских предложений носителями русского языка, детально описаны его этапы, приведена характеристика информантов, принявших участие в эксперименте, описан использованный для анализа материал. Представлены результаты семантического и структурного анализа вариантов смыслового членения нераспространенных английских предложений, принадлежащих к коммуникативному типу «утверждение» и «вопрос». Рассмотрены две группы примеров, в том числе, варианты с разным местом логического ударения и варианты с разной степенью эмпазы. На основе анализа экспериментального материала проведена классификация способов передачи смыслового содержания английских письменных высказываний на русский язык, используемых носителями русского языка. Выявлено, что для выражения смыслового центра наиболее часто были использованы изменение порядка слов и актуализирующие лексические элементы; зафиксированы случаи синтаксического калькирования английских примеров. Намечены перспективы более глубокого изучения рассматриваемой проблемы, обозначены области ее дальнейшего исследования.

Ключевые слова: смысловое членение, варианты, значение, фразовое ударение, английский язык, русский язык.

E. N. Makarova

Reflection of the Communicative Goal in Language Structure

The article deals with the issue of difficulties in transferring written English utterances meaning with different semantic structure by native Russian speakers. A literature review provides views of Russian and foreign scholars on word order and sentence stress as basic means of a signaling semantic structure in different languages. Theoretical and practical relevance of the research topic, its novelty, and the significance of using written speech material are stated. The methodology of the experimental study is presented, aimed at analyses of Russian equivalents of the English sentences. Experimental material, Russian subjects, and experiment stages are described. The semantic and structural analysis of the English variants with different semantic centre position, belonging to a «statement» and «question» communicative type, is presented; the results of the study are discussed. Two groups of examples, including variants with different position of logical stress and variants with different degrees of emphasis are considered. On the grounds of the experimental material analysis, a classification of methods, used by native Russian speakers in the process of meaning transfer, is offered. Word order changes and usage of certain lexical items are proved to be the most frequently used by the Russian subject for semantic centre actualization. Cases of English examples syntactic replication are revealed. Suggestions for further research are outlined; areas for in-depth study of the issue are indicated.

Keywords: semantic structure, variants, meaning, sentence stress, English language, Russian language.

Проблема передачи смысла вариантов одного предложения, допускающего варианты коммуникативного членения, с английского на русский язык интересна с разных точек зрения. В лингвистическом аспекте сопоставительное изучение средств выражения смыслового членения представляет важность для контрастивной лингвистики, поскольку направлено на поиск различий и сходств на нескольких уровнях языковой структуры. Потенциальные проблемы в понимании и передаче смысла английских высказываний с разным местом смыслового центра носителями русского языка могут быть обусловлены разницей в структуре русского и английского языков. В английском языке с фиксированным порядком слов, как и в большинстве германских языков, для передачи

коммуникативных значений широко используются фонетические средства [20]. Русский язык характеризуется относительно свободным словопорядком. Как следствие, в целях актуализации смыслового центра задействовано не только фразовое ударение, но и изменения в порядке следования лексических элементов. Изучение стратегий, используемых носителями русского языка для передачи коммуникативной цели в неродном языке, актуально в нескольких аспектах: анализ коммуникативной структуры высказывания в неблизкородственных языках способствует более глубокому пониманию общих языковых закономерностей в этой области. Важность представляет изучение поставленной проблемы с методологической точки зрения, поскольку

передача коммуникативных значений на иностранном языке относится к первоочередным задачам при обучении. Связь исследуемой области с переводоведением также неоспорима. Сфера практического применения данных, полученных в результате такого исследования чрезвычайно широка: они могут применяться как в процессе преподавания английского и русского языков в качестве иностранных в условиях межязыковой интерференции, так и в обучении практическому переводу устному и письменному переводу.

Несмотря на то, что в качестве материала выбраны письменные высказывания, необходимо учесть влияние на процесс передачи цели коммуникации не только синтаксических и лексических способов маркировки смыслового веса того или иного элемента фразы, но и фонетических средств, используемых в этих целях. Хотя в распоряжении читающего есть только лексика, грамматика и порядок слов, «он по каким-то критериям принимает решение о расположении наиболее сильного ударения и о коммуникативном фокусе (реме) предложения» [1, с. 72]. Именно фонетические средства, прежде всего фразовое ударение, в большинстве языков является актуализатором наиболее важной в смысловом отношении лексической единицы [9; 11; 20; 23].

Результаты исследований, представленные в литературе, подтверждают, что интенсивность использования лексических, синтаксических и фонетических средств смыслового членения высказывания в разных языках различна. Существуют исследования, направленные на выявление типологического сходства в области средств актуализации смыслового центра. Анализ с этой точки зрения немецкого и английского [14; 25], а также английского и голландского языков [15] позволяет говорить о том, что для германских языков подвижность фразового ударения, маркирующего смысловой центр, а также деакцентуация известной и «старой» информации, являются характерными признаками [8]. Для большинства романских языков выделение самого важного элемента тесно связано с изменением порядка слов, позволяющим выдвинуть смысловой центр в сильную финальную позицию, где он, как правило, получает фонетическое выделение [7; 12; 13]. Несмотря на то, что проблема активно разрабатывается современными лингвистами и количество работ, выполненных на материале разных языков, достаточно велико, интерес к ней не ослабевает. Подтверждением этому являются лингвистические дискуссии, предметом которых является определение роли названных средств в процессе передачи смысловых значений в романских и германских языках [17; 19; 24].

Работ, выполненных на материале славянских языков, не так много. А. Шведек анализирует роль

артиклей, фразового ударения, порядка слов и синтаксических средств в актуализации элементов новой информации в нейтральной речи. Автор приходит к выводу, что в польском языке в этих целях более активно используется порядок слов, тогда как в английском языке это прежде всего фразовое ударение и синтаксические средства [22]. Работа Т. Дубеды и К. Мади по исследованию особенностей фонетического выделения нефинального лексического элемента выполнена на материале чешского, венгерского и английского языков. Их выбор, согласно комментариям авторов, обусловлен разницей в использовании лингвистических средств при выражении информационной структуры фразы [10].

Большинство из исследований выполнены на материале устной речи, поскольку фонетическое выделение является основным средством при маркировке смысловой нагрузки элементов высказывания. Однако, его роль в понимании смысла письменной речи и ее переводе на иностранный язык, неоспорима. Несмотря на то, что «механизмы принятия решения о расположении наиболее сильного ударения и о коммуникативном фокусе (реме) предложения в письменной речи... представляются одной из наиболее интересных тем во всем комплексе аспектов актуального членения» [1, с. 72], работы, посвященные ее разработке, единичны.

Выбранная для исследования тема представляется актуальной и в свете представленных в литературе данных о нетипичном и «странном» для русского языка порядке слов, присутствующих в тексте переводов с английского языка на русский. Отмечается, что отклонения от нормы перевода связаны чаще всего с нарушением правил актуального членения. Во многих переводах на русский язык имеет место синтаксическое калькирование английских предложений, которое приводит к нарушению синтаксических норм русского языка [3]. Результатом таких нарушений является как искажение смысла высказываний, так и полное разрушение их смыслового наполнения. Проявления негативного эффекта, производимого на читателя в случаях нарушения правил словопорядка в русском языке, представлены в работе А. В. Павловой [2].

Анализ русских эквивалентов вариантов английских фраз с разным местом смыслового центра важен и в аспекте разработки темы межязыковой интерференции. Ей посвящены исследования на материале разных языков [5; 6; 10; 16; 18; 26]. Появляются работы по сопоставлению машинных переводов и текстов, выполненных переводчиком [4; 21]. С этой точки зрения, изучение способов передачи смысла высказывания на неродном языке и их использование системами автоматического перевода и человеком, приобретает особую актуальность.

Анализ русских эквивалентов английских письменных высказываний, выполненных носителями

русского языка, изучающих английский язык как иностранный, был проведен в два этапа.

Материалом для эксперимента послужили 40 английских предложений, в качестве смыслового центра которых могли выступать две или три лексические единицы. Минимальный контекст, в рамках которого экспериментальный материал был представлен информантам, не ограничивал потенциальной возможности реализации фразового ударения на разных словах письменного высказывания. Возможность разной позиции смыслового центра была связана с логическим выделением того или иного элемента, а также потенциальной возможностью реализации ударения эмфазы, выделяющего интенсификаторы. Место смыслового центра в каждом письменном высказывании было подчеркнуто.

В качестве информантов выступили носители русского языка, студенты-экономисты, владеющие английским языком на уровне C1 в соответствии с системой общеевропейской компетенции владения иностранным языком (CEFR). Возраст 30 информантов, принявших участие в двух этапах эксперимента от 19 до 21 года. 12 из них мужчины, 18 человек – женщины. Информантов можно назвать наивными носителями русского языка, не имеющих специальной лингвистической подготовки. На первом этапе эксперимента испытуемым было предложено пояснить разницу между двумя предложениями с разным местом смыслового центра. Участники эксперимента понимали, что в качестве этого элемента выступает подчеркнутое слово. В предварительной беседе информанты объяснили свое понимание смыслового центра как самого «главного» слова, определяющее смысл фразы. Способ описания разницы между предложенными вариантами мог быть любым. Время для выполнения задания не ограничивалось.

Практически все информанты с уровнем владения английским языком C1 понимают и интерпретируют разницу между смысловыми вариантами, отличающимися потенциальной возможностью постановки логического ударения. Примеры, в которых актуализация разных смысловых центров служит выражению того или иного эмоционального значения, оказались более сложными для испытуемых. Участники эксперимента в большинстве случаев либо восприняли предложенные варианты смыслового членения как равнозначные, либо представили неверную трактовку разницы между ними.

На втором этапе эксперимента информантам было предложено перевести экспериментальные фразы с английского на русский язык. Время выполнения задания не ограничивалось. Различия в структуре русского и английского языков позволяли предвидеть использование русскими испытуемыми перестановок, позволяющих продемонстрировать разницу между

смысловыми вариантами. Вместе с тем, не исключалась возможность того, что участники эксперимента применяют синтаксическое калькирование и сохраняют английский словоупорядок.

Анализ полученного в ходе проведения второго этапа эксперимента материала, позволяет выделить типичные варианты и описать основные лингвистические средства, использованные информантами в процессе перевода.

Первая группа представлена примерами, допускающими постановку логического ударения на нескольких лексических элементах фразы. Смысловый центр каждого из вариантов выделен курсивом:

– I've just met Rosie downstairs. Have you seen her?

1) – What is *Rosie* doing here?

2) – What is Rosie doing *here*?

3) – What is Rosie *doing* here?

В английском языке одинаковый порядок слов не мешает передаче разных коммуникативных значений. На первом этапе эксперимента испытуемые подтвердили существование смысловой разницы между представленными выше вариантами. Большинство информантов постарались передать эту разницу различными способами и в переводе. Одним из самых частотных оказались перестановки, результатом которых стало перемещение русского слова, эквивалентного английскому, в сильную конечную позицию:

1) – What is Rosie doing here?

– Что здесь делает Роза?

2) – What is Rosie doing *here*?

– Что Роза делает здесь?

3) – What is Rosie *doing* here?

– Что Роза здесь делает?

Участники эксперимента представили несколько вариантов перевода одного и того же английского примера, активно используя перестановки в целях передачи коммуникативного намерения участника диалога:

– What is Rosie doing here?

– Что Роза делает здесь?

– Что делает Роза здесь?

– Что здесь Роза делает?

Перестановки слов в данном случае не изменяют смысл фразы. Позиция имени собственного в реплике-ответе может быть разной, важно, будет ли оно фонетически маркировано. Только в этом случае русский перевод будет эквивалентен английскому вопросу со смысловым центром на «Rosie». Один из информантов использовал при переводе частицу «то», используемую для подчеркивания слова, к которому она относится. Именно она позволяет более точно указать на смысловой центр варианта «What is Rosie doing here?» и выразить недоумение по поводу присутствия Розы:

– Роза-то что здесь делает?

Лексические единицы «именно» и «то», «может» были использованы тремя информантами при переводе вопроса с семантическим центром на наречии «here»:

- What is Rosie doing *here*?
- Что Роза делает именно здесь?
- Что здесь-то она делает?
- Здесь-то что она делает?
- Что она может делать здесь?

При переводе вопроса с смысловым центром на глаголе «What is Rosie *doing* here?» половина испытуемых заменили глагол «делать» на синонимичный глагол «заниматься»:

- Чем она тут занимается?
- Чем она занимается здесь?

Вопрос о соответствии полученных переводов нормам русского языка в рамках данной статьи не обсуждается. Это предмет отдельного изучения, требующий привлечения не только наивных носителей русского языка, но и лингвистов-экспертов. Их оценка в данном случае необходима, хотя предварительно можно привести примеры переводов, которые можно назвать «странными» с точки зрения словопорядка:

- What is Rosie doing *here*?
- Что здесь Роза делает?
- Почему тут Роза?

Фразовый акцент на обстоятельстве места в русском языке позволяет передать удивление спрашивающего по поводу присутствия Розы именно в этом месте. Однако более привычным представляется вынесение этого члена предложения в финальную позицию, где он автоматически получает наибольшую степень выделенности.

10 информантов перевели три возможных варианта смыслового членения используя калькирование английского словопорядка:

- Что Роза делает здесь?

Написав этот вариант три раза, испытуемые выделили слова «Роза», «делает» и «здесь» подчеркиванием.

Анализ смысловых вариантов, представленных ниже, показал похожие результаты. Наряду с разнообразными перестановками при переводе английских возможных вариантов, русские испытуемые активно используют лексические средства, которые, в ситуации отсутствия фразового ударения, помогают им маркировать смысловой центр:

- Jeremy is in the library.
- 1) – Why is he there *today*?
- Почему он там именно сегодня?
- 2) – Why is he *there* today?
- Почему именно там он сегодня?
- Почему он именно там сегодня?
- 3) – Why is he there *today*?
- По какой причине он там сегодня?
- Почему вообще он там сегодня?
- Почему же он сегодня там?

Выбор предпочтительных вариантов, как было сказано выше, требует проведения отдельного эксперимента по восприятию полученных переводов носителями русского языка. Это актуально и для перевода трех английских вариантов одним русским предложением с калькированным английским порядком слов «Почему он там сегодня?». Возможно, информанты, представившие этот перевод и не использовавшие для выделения смыслового центра лексические средства и перестановки, подразумевали его маркировку изменением места фразового ударения.

Вторая часть экспериментального материала состоит из переводов фраз с возможностью реализации эмфатического ударения на интенсификаторе, например:

Her name is Jane and her face looks very familiar.

1) – I've never *met* her.

2) – I've *never* met her.

Переводы варианта с выделенным глаголом «met», выполненные половиной испытуемых, представляют собой синтаксическое калькирование английской фразы, хотя позиция местоимения в русском высказывании не имеет строгих ограничений в сравнении с английским:

1) – I've never *met* her.

– Я никогда не был знаком с ней.

– Я никогда не встречал ее.

Эти варианты переводов с финальным местоимением содержат идею контраста, ничем, однако, не обусловленного в рамках предложенного контекста.

Более того, анализ порядка слов в переводах русских испытуемых не отражает разницы между первым нейтральным высказыванием и возможным вариантом с семантическим центром на наречии «never», содержащим эмоциональную составляющую. Переводы с разным порядком слов, выполненные большинством информантов, имеют одинаковую эмоциональную окраску:

1) – I've never *met* her.

Я никогда не встречал ее.

2) – I've *never* met her.

Я никогда ее не встречал.

Шесть испытуемых, не увидев возможности передать эмфазу перестановкой членов предложения, подчеркнули или выделили заглавными буквами наречие «никогда» в своих переводах.

В другом случае испытуемые воспользовались лексическими средствами, позволяющими продемонстрировать разницу между нейтральным и эмфатическим вариантами, выражающими разную степень сомнения или удивления второго участника беседы:

– Her wedding dress is so beautiful!

1) – Do you really *like* it?

2) – Do you *really* like it?

Только 60 % испытуемых попытались показать разницу между двумя вариантами:

- 1) – Do you really like it?
– Тебе оно понравилось?
- 2) – Do you *really* like it?
– Тебе серьезно оно понравилось?

Или

- 1) – Do you really like it?
– Оно тебе действительно нравится?
- 2) – Do you *really* like it?
– Оно тебе по-настоящему нравится?

Итак, целью проведенного эксперимента явилось определение приемов, используемых носителями русского языка, при передаче смысла вариантов письменных английских высказываний. Проведенный анализ показал, что для выражения коммуникативной нагрузки лексических элементов английских фраз русскими учащимися были использованы разные способы. Одним из самых частотных явилось изменение порядка слов с вынесением в сильную финальную позицию наиболее семантически важного элемента. В этих случаях перестановки влияли на степень его коммуникативной нагрузки, а фразовое ударение в случае устной речи было бы реализовано на финальном лексическом элементе. Вместе с тем, не все русские эквиваленты с измененным порядком слов равнозначны английским вариантам: перестановки не всегда способствовали необходимым смысловым изменениям. Изучение полученного в ходе проведения эксперимента материала позволило выявить случаи синтаксического калькирования, в том числе, при переводе фраз с финальной позицией местоимений. В процессе обработки экспериментального материала было зафиксировано применение лексических средств актуализации смыслового центра. Их использование позволило информантам продемонстрировать разницу между вариантами с разным местом логического ударения и разной степенью эмпазы. Можно предположить, что несмотря на работу с письменной речью, информанты трактуют и передают смысл английской фразы, исходя из позиции фразового ударения, место которого ассоциируется у них с позицией смыслового центра. Этот вывод можно сделать исходя из анализа примеров с подчеркиванием или капитализацией лексических единиц. Вероятно, не найдя других способов маркировки смыслового центра (перестановок или лексических средств), информанты обращались к актуализации места потенциального фразового ударения как к главному средству смыслового выделения графическим способом.

Проведенное исследование является первой ступенью анализа особенностей передачи смысла вариантов коммуникативного членения с английского на русский язык. Полученные данные позволяют наметить перспективы более глубокого изучения поставленной проблемы. В проведенном эксперименте

место смыслового центра и, соответственно, потенциальное место фразового ударения, было маркировано. Предоставление информантам «свободы» в проведении процедуры коммуникативного членения иноязычного высказывания и определения позиции коммуникативного центра, будет, вероятнее всего, представлять для них сложную задачу. Повлияет ли это на точность в передаче коммуникативных значений, можно выяснить только экспериментальным путем. Интересным представляется анализ стратегий, используемых носителями английского языка при выражении коммуникативной структуры русских высказываний. Потенциальное влияние ограничения в свободе словоупотребления, существующее в английском языке, может приводить к межъязыковой интерференции на уровне порядка слов – явлению малоизученному как с лингвистической, так и лингвометодической точек зрения.

Библиографический список

1. Павлова, А. В. Понимание смысла предложений в связи с местом фразового ударения при восприятии письменной речи [Текст] / А. В. Павлова // Вопросы психолингвистики. – 2009. – № 9. – С. 71-91.
2. Павлова, А. В. Порядок слов и место ремы в русском повествовательном предложении на письме [Электронный ресурс] / А. В. Павлова. – URL: <http://www.thinkaloud.ru/feature/pavlova-rheme.pdf>
3. Петрова, О. В. О синтаксическом калькировании, коммуникативном синтаксисе и смысле [Текст] / О. В. Петрова // Проблемы теории, практики и методики перевода : сб. ст. – Серия «Язык. Культура. Коммуникация». Вып. 16 – Т. 1. – Нижний Новгород : Нижегородский гос. лингвист. ун-т им. Н. А. Добролюбова, 2013. – С. 84-90.
4. Полхович, А. С. Сопоставительный анализ особенностей перевода текстов, выполненных с английского языка на русский автоматической системой перевода и переводчиком [Текст] / А. С. Полхович // Языковая личность и перевод : сб. материалов II Межвуз. науч.-образоват. форума молодых переводчиков / отв. ред. С. В. Воробьева. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – С. 166-169.
5. Al-Khresheh, M. H. A Review Study of Error Analysis Theory / M. H. Al-Khresheh // International Journal of Humanities and Social Science Research. – 2016. – Vol. 2. – P. 49-59.
6. Aqel, K. A. J. D. A Longitudinal Analysis Study of Writing Errors made by EFL / K. A. J. D. Aqel, F. Mohammed // British Journal of Education. – 2017. – Vol. 5(13). – P. 127-145.
7. Buring, D. Intonation and meaning / D. Buring. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 336 p.
8. Calhoun, S. The interplay of information structure, semantics, prosody, and word ordering in Spanish intransitives / S. Calhoun, E. La Cruz, A. Olssen // Laboratory

Phonology: Journal of the Association for Laboratory Phonology. – 2018. – Vol. 9(1). – P. 1-30.

9. Cruttenden, A. The de-accenting of given information: A cognitive universal? / A. Cruttenden // Pragmatic organization of discourse in the languages of Europe / ed. by G. Bernini, M. L. Schwartz. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 311-355.

10. Duběda, T. Nucleus position within the intonation phrase: a typological study of English, Czech and Hungarian / T. Duběda, K. Mády // INTERSPEECH 2010: 11th Annual Conference of the International Speech Communication Association / ed. by T. Kobayashi, K. Hirose, S. Nakamura. – Makuhari, Japan : International Speech Communication Association, 2010. – P. 126-129.

11. Dweik, B. S. Lexical and grammatical Interference in the Translation of Written Texts from Arabic into English / B. S. Dweik, Z. A. Othman // Academic Research International. – 2017. – Vol. 8(3). – P. 85-90.

12. Estebas-Vilaplana, E. Análisis de los rasgos prosódicos en el acento imitado: El caso de las enumeraciones / E. Estebas-Vilaplana // Tendencias actuales en fonética experimental. CIFE 2017 / ed. by V. Marrero Aguiar, E. Estebas Vilaplana. – Madrid : UNED, 2017. – P. 116-120.

13. Face, T. Reconsidering a focal typology: Evidence from Spanish and Italian / T. Face, M. D'Imperio // Italian Journal of Linguistics. – 2005. – Vol. 17. – P. 271-289.

14. Fanselow, G. Syntactic and prosodic reflexes of information structure in Germanic / G. Fanselow // The Oxford handbook of information structure / ed. by C. Féry, S. Ishihara. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 621-641.

15. Gussenhoven, C. Prosodic typology meets phonological representations / C. Gussenhoven // Phonological Typology / ed. by L. M. Hyman, F. Plank. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2018. – P. 389-418.

16. Havlaskova, Z. Interference in students' translation / Z. Havlaskova. – Brno, Czech Republic : Masaryk University, 2010. – 120 p.

17. Hualde, J. I. The perception of phrasal prominence in English, Spanish and French conversational speech / J. I. Hualde, J. Cole, C. Smith, C. Eager, T. Mahrt, R. Napoleão de Souza // Speech Prosody. – 2016. – P. 459-463.

18. Jaskulska, M. Polish as L1, English as L2: the linguistic transfer impact on Second Language Acquisition stemming from the interlingual differences: implications for young learners education / M. Jaskulska, M. Łockiewicz // Problemy wczesnej edukacji (Issues in early Education). – 2017. – Vol. 2(37). – P. 68-76.

19. Klassen, J. Prominence shifts in English and Spanish parallel constructions / J. Klassen, M. Wagner, A. Tremblay, H. Goad // JerSem: Proceedings of the 20th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue / ed. by J. Hunter, M. Simons, M. Stone. – 2016. – P. 76-85.

20. Ladd, D. R. Intonational phonology / D. R. Ladd. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 349 p.

21. Napitupulu, S. Analyzing Indonesian-English Abstracts Translation in View of Translation Errors by Google Translate / S. Napitupulu // International Journal of English Language and Linguistics Research. – 2017. – Vol. 5(2). – P. 15-23.

22. Szwedek, A. The Thematic Structure of the Sentence in English and Polish Sentence Stress and Word Order / A. Szwedek. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2011. – P. 1-7.

23. Vallduví, E. Information structure / E. Vallduví // The Cambridge handbook of formal semantics / ed. by M. Aloni, P. Dekker. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – P. 728-755.

24. Vander Klok, J. Prosodic focus in English vs. French: A scope account / J. Vander Klok, H. Goad, M. Wagner // Glossa: A Journal of General Linguistics. – 2018. – Vol. 3(1). – P. 71.

25. Wells, J. English intonation: an introduction / J. Wells. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 276 p.

26. Wongranu, P. Errors in translation made by English major students: A study on types and causes / P. Wongranu // Kasetsart Journal of Social Sciences. – 2017. – Vol. 38(2). – P. 117-122.

Reference list

1. Pavlova, A. V. Ponimanie smysla predlozhenij v svyazi s mestom frazovogo udarenija pri vosprijatii pis'mennoj rechi = Understanding of the sense of sentences in connection with the place of a phrase stress at written language perception [Tekst] / A. V. Pavlova // Voprosy psiholingvistiki. – 2009. – № 9. – S. 71-91.

2. Pavlova, A. V. Porjadok slov i mesto remy v russkom povestvovatel'nom predlozhenii na pis'me = Word order and the place of a rheme in the Russian narrative sentence in writing [Elektronnyj resurs] / A. V. Pavlova. – URL: <http://www.thinkaloud.ru/feature/pavlova-rheme.pdf>

3. Petrova, O. V. O sintaksicheskom kal'kirovanii, kommunikativnom sintaksise i smysle = About syntactic tracing, communicative syntax and sense [Tekst] / O. V. Petrova // Problemy teorii, praktiki i didaktiki perevoda : sb. st. – Serija «Jazyk. Kul'tura. Kommunikacija». Vyp. 16 – T. 1. – Nizhnij Novgorod : Nizhegorodskij gos. lingvist. un-t im. N. A. Dobroljubova, 2013. – S. 84-90.

4. Polhovich, A. S. Sopostavitel'nyj analiz osobennostej perevoda tekstov, vypolnennyh s anglijskogo jazyka na russkij avtomaticheskoy sistemoy perevoda i perevodchikom = The comparative analysis of features in translation of texts done from English into Russian by an automatic translation system and a translator [Tekst] / A. S. Polhovich // Jazykovaja lichnost' i perevod : sb. materialov II Mezhdvuz. nauch.-obrazovat. foruma molodyh perevodchikov / otv. red.

- S. V. Vorob'eva. – Minsk : Izd. centr BGU, 2018. – S. 166-169.
5. Al-Khresheh, M. H. A Review Study of Error Analysis Theory / M. H. Al-Khresheh // International Journal of Humanities and Social Science Research. – 2016. – Vol. 2. – P. 49-59.
6. Aqel, K. A. J. D. A Longitudinal Analysis Study of Writing Errors made by EFL / K. A. J. D. Aqel, F. Mohammed // British Journal of Education. – 2017. – Vol. 5(13). – P. 127-145.
7. Büring, D. Intonation and meaning / D. Büring. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – 336 p.
8. Calhoun, S. The interplay of information structure, semantics, prosody, and word ordering in Spanish intransitives / S. Calhoun, E. La Cruz, A. Olssen // Laboratory Phonology: Journal of the Association for Laboratory Phonology. – 2018. – Vol. 9(1). – P. 1-30.
9. Cruttenden, A. The de-accenting of given information: A cognitive universal? / A. Cruttenden // Pragmatic organization of discourse in the languages of Europe / ed. by G. Bernini, M. L. Schwartz. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2006. – P. 311-355.
10. Duběda, T. Nucleus position within the intonation phrase: a typological study of English, Czech and Hungarian / T. Duběda, K. Mády // INTERSPEECH 2010: 11th Annual Conference of the International Speech Communication Association / ed. by T. Kobayashi, K. Hirose, S. Nakamura. – Makuhari, Japan : International Speech Communication Association, 2010. – P. 126-129.
11. Dweik, B. S. Lexical and grammatical Interference in the Translation of Written Texts from Arabic into English / B. S. Dweik, Z. A. Othman // Academic Research International. – 2017. – Vol. 8(3). – P. 85-90.
12. Estebas-Vilaplana, E. Análisis de los rasgos prosódicos en el acento imitado: El caso de las enumeraciones / E. Estebas-Vilaplana // Tendencias actuales en fonética experimental. CIFE 2017 / ed. by V. Marrero Aguiar, E. Estebas Vilaplana. – Madrid : UNED, 2017. – P. 116-120.
13. Face, T. Reconsidering a focal typology: Evidence from Spanish and Italian / T. Face, M. D'Imperio // Italian Journal of Linguistics. – 2005. – Vol. 17. – P. 271-289.
14. Fanselow, G. Syntactic and prosodic reflexes of information structure in Germanic / G. Fanselow // The Oxford handbook of information structure / ed. by C. Féry, S. Ishihara. – Oxford : Oxford University Press, 2016. – P. 621-641.
15. Gussenhoven, C. Prosodic typology meets phonological representations / C. Gussenhoven // Phonological Typology / ed. by L. M. Hyman, F. Plank. – Berlin : Mouton de Gruyter, 2018. – P. 389-418.
16. Havlaskova, Z. Interference in students' translation / Z. Havlaskova. – Brno, Czech Republic : Masaryk University, 2010. – 120 p.
17. Hualde, J. I. The perception of phrasal prominence in English, Spanish and French conversational speech / J. I. Hualde, J. Cole, C. Smith, C. Eager, T. Mahrt, R. Napoleão de Souza // Speech Prosody. – 2016. – P. 459-463.
18. Jaskulska, M. Polish as L1, English as L2: the linguistic transfer impact on Second Language Acquisition stemming from the interlingual differences: implications for young learners education / M. Jaskulska, M. Łockiewicz // Problemy wczesnej edukacji (Issues in early Education). – 2017. – Vol. 2(37). – P. 68-76.
19. Klassen, J. Prominence shifts in English and Spanish parallel constructions / J. Klassen, M. Wagner, A. Tremblay, H. Goad // JerSem: Proceedings of the 20th Workshop on the Semantics and Pragmatics of Dialogue / ed. by J. Hunter, M. Simons, M. Stone. – 2016. – P. 76-85.
20. Ladd, D. R. Intonational phonology / D. R. Ladd. – 2nd ed. – Cambridge : Cambridge University Press, 2008. – 349 p.
21. Napitupulu, S. Analyzing Indonesian-English Abstracts Translation in View of Translation Errors by Google Translate / S. Napitupulu // International Journal of English Language and Linguistics Research. – 2017. – Vol. 5(2). – P. 15-23.
22. Szwedek, A. The Thematic Structure of the Sentence in English and Polish Sentence Stress and Word Order / A. Szwedek. – Frankfurt am Main : Peter Lang, 2011. – P. 1-7.
23. Vallduví, E. Information structure / E. Vallduví // The Cambridge handbook of formal semantics / ed. by M. Aloni, P. Dekker. – Cambridge : Cambridge University Press, 2016. – P. 728-755.
24. Vander Klok, J. Prosodic focus in English vs. French: A scope account / J. Vander Klok, H. Goad, M. Wagner // Glossa: A Journal of General Linguistics. – 2018. – Vol. 3(1). – P. 71.
25. Wells, J. English intonation: an introduction / J. Wells. – Cambridge : Cambridge University Press, 2006. – 276 p.
26. Wongranu, P. Errors in translation made by English major students: A study on types and causes / P. Wongranu // Kasetsart Journal of Social Sciences. – 2017. – Vol. 38(2). – P. 117-122.

Дата поступления статьи в редакцию: 08.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

DOI 10.24411/2499-9679-2019-10404

УДК 81'34

М. В. Новиков <https://orcid.org/0000-0002-2013-1919>

Т. Б. Перфилова <https://orcid.org/0000-0002-2498-8688>

Мир вещей архаических и древних людей в освещении Ф. И. Буслаева

*Работа выполнена по государственному заданию Министерства науки и высшего образования РФ,
проект 33.7591.2017/8.9*

Отмечается, что при рассмотрении заявленной в данной статье проблемы Ф. И. Буслаев смог в большей степени проявить себя как историк, а не только как историк культуры и филолог. Ему пришлось преодолеть разножанровость источников, их принадлежность к различным историческим эпохам. Подчеркивается, что Ф. И. Буслаеву удалось обнаружить важную для историка информацию: в коммуникативных многоуровневых связях и повседневных реалиях быта скрывались нормы духовной жизни, исконные культурно-исторические традиции, системы жизненных ценностей; контакты человека с природным и социальным Универсумом происходили через многочисленные виды хозяйственной деятельности и разнообразные общественные практики, которые насквозь были пронизаны языческими представлениями и ритуальным консерватизмом. Повседневные жизнь и быт наполняли мелкие языческие божества и мифологические персонажи, которые сопровождали человека от рождения до смерти, присутствуя в доме, хлеву, в реке, лесу, на поле, пастбище. Боги не только персонифицировали природные явления, космические феномены, но и отождествлялись с социальными силами, новыми явлениями в жизни общества. Отмечается, что именно Ф. И. Буслаев обратил внимание на символический характер народной культуры: одежда, предметы быта, хозяйственная утварь, оружие своими формами, цветовыми сигналами, смыслами транслируемых художественных образов отражали мир и содержали объяснения природным и социальным установлениям, исходя из единственно возможного на той ступени культурно-исторического развития способа восприятия и осмысления Универсума, – мифологического мышления.

Ключевые слова: земледельческий быт, труд, богатство, эквиваленты стоимости материальных благ, золото, металлургия, оружие, предметы быта, мифологическая логика, неотделимость мира людей и мира вещей.

CULTURAL SCIENCE

M. V. Novikov, Perfilova T. B.

Archaic and Ancient People's World of Things according to F. I. Buslaev

It is noted that by consideration of the problem stated in this article F. I. Buslaev could reveal himself more as a historian, and not just as a historian of culture and a philologist. He had to overcome genre diversity of sources, their belonging to various historical eras. It is emphasized that F. I. Buslaev managed to find information, important for the historian: norms of spiritual life, primordial cultural and historical traditions, systems of vital values disappeared in communicative multilevel communications and daily realities of life; contacts of the person with a natural and social Universum were realised through numerous types of economic activity and various public practices which were completely penetrated by pagan representations and ritual conservatism. Daily life and life were filled with small pagan deities and mythological characters who accompanied the person from birth to death, being present at a house, shed, river, forest, field, pasture. Gods not only personified the natural phenomena, space phenomena, but also were identified with social forces, new phenomena in life of society. It is noted that F. I. Buslaev paid attention to the symbolical nature of national culture: clothes, household items, economic utensils, weapon by their forms, color signals, meanings of the broadcast artistic images reflected the world and contained explanations for natural and social establishments, proceeding from the cultural historical development of a way of perception, unique at that step, and judgment of the Universum, – mythological thinking.

Keywords: agricultural life, work, wealth, equivalents of the cost of material benefits, gold, metallurgy, weapon, household items, mythological logic, inseparability of the world of people and the world of things.

При рассмотрении социокультурных аспектов жизни архаических и древних народов Ф. И. Буслаев в большей степени смог проявить себя как историк, а не только как филолог и историк культуры, к чему стремился с начала своей ученой карьеры. Разрозненность мифопоэтической информации, ее разножанровость и принадлежность к различным культурно-историческим эпохам не стали для него непреодолимыми препятствиями для выявления эманаций мифологического типа мышления применительно к миру людей и миру вещей. Развивая исторические представления о детерминированности символики быта хозяйственной средой, он уделил пристальное внимание стадии «варварства» по периодизации Л. Г. Моргана, характеризующейся, прежде всего, производящим хозяйством и переходом к длительной оседлости.

Когда земледелие получило «перевес» перед всяким иным способом хозяйственного существования архаических народов, считал Ф. И. Буслаев, коллективная мудрость отреагировала на это появлением пословиц, подчеркивавших превосходство хлебопашества «перед жизнью пастуха»: «„Соха и заступ хранят свет“, — говорит серб... „Плуг кормит, а луг портит“, — говорит русская пословица» [11, с. 97].

Земледелие стало тем видом хозяйственной деятельности, которая приучила народы к регулярному, «настоящему труду», поэтому немецкое «arbeit», готское «arbaiths», скандинавское «arvidi» первоначально означали «пахание, возделывание земли» и только значительно позже приобрели смысл «работа» [11, с. 97]. Хотя в «народных изречениях» постоянно подчеркивается тяжесть и непосильность земледельческого труда, именно он, отмечал Ф. И. Буслаев, позволял семье рассчитывать на безбедное существование и даже на вероятность накопления богатства: «Так как земледельческий быт славян уже в старину незапамятную заслонил от нас предшествующую ему грубую эпоху непосредных дикарей, — писал он, — то весьма естественно, что первобытные понятия об имуществе и богатстве как о сокровище змея или потом как о достоянии скотья бога Волоса уже издревле должны были уступить образу, взятому из жизни оседлых земледельцев и выраженному словом збожие — одного корня и с ныне употребительным словом богат...» [11, с. 97].

Возделывание земли заставляло пахаря дожидаться плодов от обработанной по весне нивы, и это ожидание результатов своего труда «нечувствительно приучает его к одному месту» жительства, которое становится ему родным. «Оседлый земледелец как бы вкореняется на своей родной земле. Главная его деятельность — на поле; лес — граница его взорам на отдаленном небосклоне, а также и граница его возделанному полю» [11, с. 99]. Эта физически ощущавшаяся «рама» вокруг усадьбы земледельца и дала толчок к осознанию значений слов: «свое», «личное», «собственное» — они были подсказаны «родным... оседлым жилищем», считал ученый [1, с. 369].

Таким образом, Ф. И. Буслаев высказал соображение о том, что земледельческий труд породил представления о собственности, которая на первых порах имела овеществление в виде поля, требовавшего регулярной обработки. Формировавшееся право собственности как категория правовой мысли, следовательно, сначала, как и любое абстрактное понятие, должно было иметь «материальное» воплощение и подкрепляться видимым, то есть физически ощущавшимся, земельным участком.

Изнурительность земледельческого труда не исчерпывала его созидательного характера, непреходящего значения для перешедших к оседлости племен, поэтому для первобытных обществ хлебопашество всегда считалось благородным видом деятельности. В «варварских» коллективах вообще отсутствовало пренебрежительное отношение к физическому труду, утверждал Ф. И. Буслаев, потому что он являлся основой благосостояния большей части соплеменников, однако в некогда едином коллективном сознании уже закладывались представления о разной доле землепашцев и воинов, о несовместимости их жизненных интересов и ценностей. «Песнь о Риге» — яркое тому свидетельство.

Появление земледелия, одомашнивание животных, за которыми закрепились функции эквивалентов стоимости материальных благ [8, с. 277], зарождение возможности безбедного существования могли послужить стимулами для создания преданий о «великом сокровище» — каком-то чудесном, сокровенном знании, которое является источником вечного благоденствия, а потому требует тщательного сохранения [4, с. 228, 239].

В финском эпосе таким национальным сокровищем и символом неиссякаемого богатства финнов стало Сампо, выкованное из секретов главных видов хозяйственного быта этого северного народа: для земледельцев, скотоводов, рыбаков оно стало залогом изобилия и процветания [4, с. 228, 239].

Если для финнов Сампо означало олицетворенную потребность жизни с постоянными материальными благами [19, с. 214], то для народов, уже познавших ценность благородных металлов, символом богатства стало золото, полагал Ф. И. Буслаев.

О том, что золото желанно, но не может быть общедоступным и требует подвигов для обладания им, свидетельствуют немецкие предания. В одном из них, сообщает исследователь народного эпоса, рассказывается о хранителе золота — змее, который спал на этом сокровище, как на постели [15, с. 87]. Змей по имени Фафнир — один из зловещих персонажей «Старшей Эдды» — отдал свою жизнь, защищая несметные богатства, несколько раз менявшие своего хозяина.

Сначала «красное золото», или «речное пламя», находилось под толщей вод и за ним присматривал карлик Андвари, превращенный злой Норной в щуку. Известное по русским сказкам выражение: «Пощучьему веленью, по моему прошенью», — являлось,

по мнению Ф. И. Буслаева, рецепцией фрагмента скандинавского эпоса, повествующего о щуке Андвари, отдавшей за сохранение своей жизни пойманному ее Локи все золото, спрятанное в воде [4, с. 231].

Затем золотом завладел коварный и злокозненный ас Локи, но ему пришлось расстаться с сокровищем, отдав его в качестве виры за неумышленное убийство сына богатого и могущественного человека Хрейдмара, Отра, который, приняв образ выдры, лакомился рыбой.

Золото, оказавшееся в семье Хрейдмара, привело к распри между другими его сыновьями: Регином – искусным кузнецом, наставником и советником Сигурда, и Фафниром. В борьбе за этот роковой металл братья сначала убили отца, а затем вступили в кровавую распрю друг с другом. Победителем в схватке оказался Фафнир, который, приняв облик змея, превратился в хранителя проклятого Андвари сокровища [4, с. 228-231].

Когда Сигурд, мстя за поражение Регина, пришел к лежищу Фафнира, тот дал герою совет не прикасаться к богатству: «Звенящее золото, пламенно-красные деньги и кольца будут тебе на смерть». Однако Сигурд, следуя наставлениям Регина, начал битву со змеем, потому что ему, как и «всякому, хотелось владеть деньгами до последнего дня своей жизни...» [8, с. 277].

Змей отчаянно защищал сокровища. Он даже выпустил яд в героя, но тот остался невредим, а испугавшись в крови поверженного врага, еще и приобрел роговую оболочку, которая сделала его тело неуязвимым для рубящего и колющего оружия. Отведав сердце Фафнира, он стал понимать пение птиц, предсказавших ему счастливую семейную жизнь [8, с. 279, 280, 287].

Золото, добытое Сигурдом, стало «знаменитым кладом Нифлунгов» [4, с. 231].

Но сверхъестественные способности Сигурда и роговая оболочка не стали панацеей от смерти героя. Следовательно, проклятие Фафнира сбылось. Не обрели бессмертия с обладанием золотом и герои «Песни о Нибелунгах», и храбрые воины из «Беовульфа». В этом Ф. И. Буслаев видел силу проклятия клада (золота).

Опасные предсказания вещей мифических существ о вреде золота для всех, кому бы оно ни досталось, не были лишены оснований. Богатства, особенно в больших количествах, обладали вызывающе привлекательным и затемнявшим рассудок магнетизмом, который заставлял людей обнажать их худшие качества: сокровища словно притягивали к себе алчность и зависть, провоцировали соперничество родственников, порождали конфликты соплеменников и их вражду с соседями.

«По убеждениям северной мифологии, – констатировал Ф. И. Буслаев, – с тех пор произошли между людьми и богами великие бедствия, когда [они. – М. Н., Т. П.] познали цену золота. Золото, проклятый клад (hort), является роковой судьбой в германском героическом эпосе» [4, с. 228]. Вместе с

обретением вкуса золота и в мире людей, и в мире богов «водворились корысть и зависть» [4, с. 173].

Тем не менее, стремление к обладанию им имело непреодолимую силу: золото воспринималось самым эффективным «лекарством» для избавления от всех бед, могущественным средством решения всех жизненных проблем. Не случайно потому бедные, нищие, нуждавшиеся, о которых упоминала народная поэзия, любыми ухищрениями стремились заполучить хотя бы крохотную частицу сказочных сокровищ или стать обладателями какого-то эквивалента клада – золота (hort).

К примеру, сообщал Ф. И. Буслаев, бедняк из итальянской сказки, исходивший весь свет в поисках счастья, получил от двенадцати месяцев «чудесный ящик, из которого выходило все, чего только бедняк не захочет» [12, с. 322].

В словацкой сказке об исчезнувшем Солнечном Коне «старый нищий» помогает чародею, принявшему облик красного пламени, а не правителю в обличье белого пламени, потому что только первый имел цвет золота и к тому же пообещал ему за оказанную услугу золотой [12, с. 330].

В сербской сказке о чудесном волосе бедняк по наущению младенца вырывает из косы «чудной девы червленый, как кровь, волос» и за огромную сумму продает его царю, который хотел извлечь из памяти этого волоса сохраненные тайные знания [12, с. 352].

Притягательность любого сокровища, способного кардинально изменить жизнь людей, отразилась и на процессе словообразования. Если при господстве пастушеского быта, комментировал это важное наблюдение ученый, деньгами считался скот, откуда произошло и слово «скотници» – сокровища, то при переходе к земледельческому быту мерилем ценностей уже стал хлеб, что отразилось в семантике слова «збожие», одновременно означающего и «жито, и богатство».

В слове «богатство», отмечал Ф. И. Буслаев, присутствует корень «бог», придававший ему положительную коннотацию: бог должен был оберегать всех, заполучивших средства к безбедному существованию, в том числе и тех, кто скопил сокровища безнравственными способами: стяжательством или преступлениями [4, с. 240].

О возраставшем значении в жизни «варварских» обществ драгоценных металлов могли свидетельствовать некоторые новые смысловые акценты, появившиеся в народной словесности. К примеру, финский культурный герой Ильмаринен после смерти своей супруги попытался компенсировать потерю тем, что выковал из золота и серебра другую супругу. Из этих же металлов создаются и украденные лоухами с неба Солнце и Месяц. Копии настоящих астрономических объектов были с виду прекрасны, но не давали ни света, ни тепла [4, с. 241, 242].

Акцентуация в этих двух сюжетах из «Калевалы» того факта, что без благородных металлов люди уже не мыслят своего существования, очевидна. Однако

имплицитно присутствующая мысль о том, что обладание сокровищами не может сделать ни человека, ни целый народ счастливыми, также отчетливо прочитывается. Видимо, звучавшие ноты печали, огорчения, помещенные рядом с символами истинного, по меркам тех времен, счастья – золотом и серебром, должны были принизить градус стяжательства, отрезвить сознание общества, рвущегося к наживе любой ценой.

Итак, благодаря этимологическому анализу и комментариям «мифического эпоса», Ф. И. Буслаеву удалось привлечь внимание последователей к такому важному компоненту картины мира архаических и древних народов, как жизненные установки и ценности, отношение к труду и богатству. Он обратил внимание на непонятный и кажущийся странным эпитет золота – красный (металл), рассмотрел главный способ обогащения наиболее удачливых баловней судьбы доисторического времени – насильственное изъятие сокровищ у врага, олицетворенного в страже золота – змее, показал изменение духовного климата у тех племен, которые превратили смысл своего существования в процесс добывания этого рокового металла. Сокровище золота в пещерах или на дне водоемов выражало идею его труднодоступности, предостерегало о невозможности насытить богатством каждого страждущего. Кровавые распри как единственно гарантированный путь обладания сокровищами служили указанием на связь военного промысла с обогащением и подсказывали предпочтительный способ безбедного существования: он был обусловлен ратным подвигом, а не мирным оседлым земледельческим бытом.

Эти лежащие на поверхности объяснения, производившиеся Ф. И. Буслаевым исключительно с нравственных или эстетических позиций, сегодня выглядят недостаточными. Е. М. Мелетинский указывает на то, что в распространении мотивов, связанных с золотом, решающую роль сыграла эпоха викингов, способствовавшая как накоплению значительных богатств, так и развитию социального неравенства. По мнению автора, на первых порах золотое оружие, клады, драгоценные дары были окружены «магическим ореолом»: сами асы ковали золотые украшения, играли в золотые тавлеи, жили в золотом чертоге. Однако в «Прорицании Вельвы», где уже отсутствуют следы «архаических мифологических представлений», изложена концепция рокового богатства, гибельного золота. Золото становится знаком роскоши, символом социального неравенства. А. Я. Гуревич реконструировал отношение германских «варваров» к богатству, сложившееся задолго до их расселения на территориях Западной Европы. Захваченные во время экспедиций к «цивилизованным соседям» драгоценности, доспехи, снаряжение были свидетельствами героической жизни, отличительными знаками высокой доблести вождя и его дружины, средствами сплочения коллектива и утверждения авторитета вождя, то есть богатство выполняло

«важную знаковую функцию». Лишиться сокровищ «значило погибнуть, потерять свои важнейшие свойства и боевую удачу». Стремясь заполучить часть магической силы и военного счастья удачливого военного предводителя, дружинники домогались у вождей гривен и колец, которыми похвалялись, выставляя их напоказ. Вождь, скупой на дары и раздачи, был попросту немислимым: через подарки не только скреплялись верность и дружба военачальников с войском, но и происходило выгодное всем приобщение к удаче предводителя [19, с. 120, 123, 147, 183, 240, 241; 16, с. 229-232, 235].

Хотя интерпретация темы «рокового богатства» у народов древности изменилась, именно Ф. И. Буслаев, стремясь понять образ мысли человека с мифологическим типом мышления, отметил неоднозначное, колеблющееся отношение коллективного сознания «варварских» обществ к началу формирования механизмов имущественного и социального неравенства. Ему также хорошо удалось показать эволюцию содержания сюжетов народного творчества: чем моложе было время их появления, тем отчетливее начинала транслироваться тема удаления от «золотого века» былого эгалитаризма и невозвратности священных устоев предков.

Как бы ни тяготело народное творчество к обладавшей магией архаике идеализировавшегося быта предков, остановить процесс накопления позитивных знаний и опыта в сферах материального производства не представлялось возможным. А успехи в хозяйственной деятельности рано или поздно вносили изменения в жизнь доисторических народов. Пытаясь уяснить, как совершенствование предметов домашнего обихода, повседневного быта влияло на жизнь древних земледельцев и их склад ума, Ф. И. Буслаев с увлечением изучал орудия труда «солнцеклонников», черпая нужные ему сведения из продуктов духовной деятельности потомков праиндоевропейцев: их словарного запаса и эпической поэзии.

Собранные им сведения позволяют понять, как человек с мифологическим сознанием объяснял происхождение вещей, нужных и важных для организации жизнедеятельности, в каких отношениях он находился с неодушевленными хозяйственными атрибутами своих бытовых и производственных акций.

Ф. И. Буслаев подчеркивал, что в «древнейших преданиях» ощущается «мифическое чествование земледелия», что следует, к примеру, из сюжетов о «чудесном происхождении плуга». «Чудесным», или сверхъестественным, изобретением «небесной сохи» могли похвастаться скифы-земледельцы, которым повезло и с прародителями: они вели свое происхождение от младшего сына Солнца – князя-кола. Ученый пояснял: «Скифское имя этого князя Koloksaïs – коло-князь, или едущий на колесах», то есть в колеснице, на повозке. Только он мог справиться с сохой из горящего золота, которая упала с неба. Два брата Солнца: князь-щит и князь-стрела – обожгли себе руки, когда захотели прикоснуться к ней.

Интерпретируя сведения этого мифа, Ф. И. Буслаев сообщил: «Воины и кочевники, братья старшие, то есть как поколение старое, еще не знали тайны земледелия, которая от самого неба была открыта поколению младшему в лице их младшего брата» [10, с. 66].

В чешском мифе о земледельце Премысле связь с магическими потусторонними силами имела уже не только соха – первое орудие труда земледельца, но и два быка, на которых распахивались поля.

Когда за Премыслом пришли послы, чтобы отвести его к «чешской княжне Любуше», быки поднялись «на воздух, а потом, опустившись, скрылись в расщелине скалы, которая, приняв быков, сомкнулась» [1, с. 372; 10, с. 68].

Вероятно, комментировал Ф. И. Буслаев этот сказочный эпизод, быки поднялись вместе с ярмом, а если это предположение верно, то созвездия «Ярем, или Ярмо, и Плут должны состоять в связи с мифами о водворении земледелия» [1, с. 72]. Скалы, скрывшие быков Премысла, могли бы быть «сближены с Великанами Скал – вратами земледелия», однако имя пахаря, производное от слова «мысль», как и пустошь, распаханная им на берегу Белой реки – «Священной воды», скорее свидетельствуют не о начале земледельческого быта, а уже о его победе над пастушеским, кочевым образом жизни. Этот знаменательный процесс преобразовал и пантеон богов славян, где появился Перун – божественный покровитель производящей, рождающей силы земли и земледельческого труда [1, с. 361, 372]. Его помощь была необходима «новому поколению» людей, чья «трудолюбивая и мирная жизнь» была враждебно встречена предыдущим «диким поколением» звероловов и пастухов [11, с. 98]. Вопреки этим комментариям Ф. И. Буслаева, в современных исследованиях Перун называется «русским Зевсом-громовержцем», покровителем грозы, грома, небесного огня, а с VI в. – «покровителем воинов, оружия, войн». Позже (X в.), с укреплением власти князя Владимира, Перун становится главой княжеского пантеона, персонифицированным воплощением князя-воителя [22, с. 415-422].

В скандинавском и финском эпосе большое внимание уделено участию богов в изобретении ремесленных профессий, в создании металлов и обучении людей секретам металлургии.

Финская «Калевала» творцом металлов называет бога-демиурга Укко, который отделил воду от воздуха, а от воды – землю, а затем чудесным образом: приложив руки к левому колену, произвел «трех прекрасных девиц, трех матерей металлов. От желтого молока одной из них произошло золото, от белого другой – серебро, а от черного молока третьей – железо».

Как только железо появилось на свет, у него возникло желание повидаться со старшим братом – огнем. Но огненная природа брата не располагала к дружескому общению, поэтому, опасаясь своей гибели, железо побежало на зыбучие болота, к гремучим

ручьям, пологим скатам гор. Дикие животные, рыскавшие по лесам и болотам, заставили железо выйти из его укрытий. «Так родился Ильмаринен, – передает слова «первобытного сокровища» финнов Ф. И. Буслаев, – родился и вырос, на угольной горе родился, на угольном поле вырос, с медным молотком в руке, с клещами в кулаке. Ночью родился он, а с утра устроил уже кузницу... Он собирает железо и, расковыряв его на огне, готовит оружие и всякую утварь» [4, с. 235, 239].

Этот «вещий ковач», по определению Ф. И. Буслаева, не только познакомил финнов с искусством металлургии, но и выковал для Лоухи Сампо – «символ богатства, по преимуществу, земледельческого» [4, с. 229]. Неиссякаемый источник изобилия финского народа – Сампо – был сделан из лебединого пера, чародейской травы – крестовника, молока коровы, ячменного зерна и куска веретена, что «указывает на главные занятия финнов: земледелие, скотоводство и женское рукоделие», – отмечал ученый [4, с. 239]. Похищение Сампо из Похьелы привело к кровопролитной войне суоми и лопарей.

В скандинавской «Эдде» секреты металлургии считались достоянием карликов-цвергов, «подземных кузнецов», а один из них, относившийся «к породе черных Эльфов», – Регин, был «искусный кузнец, хитрый и вещий (сличи: ковать и ков – коварство)», знал, как изготавливать вещи из золота и серебра [4, с. 229].

Принадлежность карликов и к кузнецам, и к златоискусникам одновременно не должна смущать современного читателя, отмечал Ф. И. Буслаев, так как в старину у многих народов, и не только у скандинавов, кузнецом считался и тот, кто ковал железо, и золотых дел мастер. К тому же слово «ковать (smida)» означало «работу вообще» [2, с. 259].

Занятие земледелием «Эдда» тоже считала божественным промыслом, так как его родоначальником в эпосе назывался богатырь Тор, сын аса Одина и матери-Земли, Ерд. Хотя Тор почитался как бог грома, а его происхождение выдавало в нем решительного и храброго воина, принадлежавшего к «могущественному и героическому племени», он оказался вполне «благодетельным» для людей, разъяснял Ф. И. Буслаев нестыковки «мифологического эпоса» германских племен. Примирение между некогда враждовавшими асами и ванами, среди которых «божества земли и моря были высшими в породе», имело своим результатом принятие воинственными асами «красоты и мудрости вана», в том числе и их оседлого земледельческого быта [4, с. 149].

«Ваны были представителями новой ступени в развитии народного быта», – комментировал Ф. И. Буслаев те руны «Эдды», которые были посвящены осознанию германо-скандинавскими племенами «высокой важности возникшего земледелия» [4, с. 164].

Связь с благородным трудом землепашца изменила даже грозный нрав «громовника» Тора. «Уже самими

обычаями своими Тор отличается от воинственных привычек прочих божеств; все они обыкновенно ездят верхом на конях – только один Тор как земледелец... едет на телеге, запряженной двумя козлами. Даже в услужении у него были два лица из земледельцев», – подчеркивал ученый влияние хозяйственного быта на изменение манер и привычек не только людей, но и богов [4, с. 165].

Супруга Тора с говорящим именем Сива, что означает «мир, согласие», всем своим видом выдавала связь с плодородием и оседлым семейным укладом жизни: у нее были золотые волосы – «золотые колосья нивы» [4, с. 164; 19, с. 181].

Если обработка земли считалась мужским занятием, которое освятил сам Тор, то переработка выращенного урожая, без сомнения, была женским делом, что «безыскусно» отразила, к примеру, сербская пословица: «„Мужи пашут, жены рубы строят“, то есть прядут и шьют рубахи», – сообщал ученый [11, с. 98].

С переходом к оседлости в эпическом творчестве появился самый распространенный образ женщины – пряжа, а секреты ткацкого мастерства ей были сообщены «мифическими существами», Норнами или Парками [11, с. 98].

Важные для производственной деятельности и незаменимые в жизни людей далекого прошлого предметы тоже имели, по их соображениям, сверхъестественное происхождение.

К числу таких чудо-вещей относился крылатый молот Тора – Мьелльнир (он соответствовал славянскому кремню и «Юпитерову камню у римлян») [11, с. 86]. Молот добыл Локи в стране черных эльфов. Сначала это было оружие, вызывавшее своей поражающей силой страх даже у «диких великанов», но со временем молот стал символом семейного и общественного устройства у древнегерманских племен. «Молотом Тора, – сообщал Ф. И. Буслаев, – освящались главнейшие семейные и общественные права и обязанности, а также все важные события в жизни человека, каковы: свадьба, похороны; им же освящалось и жертвоприношение. Он был символом суда. До позднейших времен, по немецким юридическим обычаям, судья, созывая общину на суд, возвещал о том посредством молота, который он приказывал обносить по селениям. Бросанием молота, а потом и другого оружия (потому что молот есть древнейший вид оружия) определялось завладение землей и водой. Следы символического значения молота в продаже и покупке, может быть, доселе удержались на аукционах» [4, с. 165].

Стремясь понять, какой потаенный смысл скрывается за отождествлением молота как орудия труда с молотом – символом правосудия и справедливости, Ф. И. Буслаев обратился к разбору славянских преданий «далекой древности»: в них отесанный камень, который в случае необходимости превращали из предмета хозяйственного быта в смертоносное оружие, назывался «кремень».

Слово «кремень», сообщил он, своим корнем «кре» связано с санскритским глаголом «кр – бить, поражать, ранить, убивать», а окончанием «мень» – с санскритским «ман», означавшем «предмет, подлежащий действию... по которому бьют, высекая огонь». Эта родословная может указывать на то, что славянский глагол «кресить» – «высекать огонь... точить, обтачивать камень» и существительное «крес», означавшее «огонь, вызванный ударом из камня или трением из дерева», наполнили содержанием слово «кремень». При изготовлении кремня высекался огонь, растолковывал исследователь цепочку ассоциаций, которые могли возникнуть в сознании язычников. Этот огонь был способен сжечь любого, приносившего с собой беду или опасность. Аналогичный эффект давал и «огонь небесный, светило, по связи понятий луча солнечного и стрелы в языках индоевропейских». Если учесть еще один момент: использование существительного «крес» в значении карающей силы солнечного луча как наказания, идущего с неба, то, соединив «понятия об оружии и свете, огне», как это делали люди в древности, и мы догадаемся, как орудия труда превратились в разящее насмерть оружие [11, с. 84, 85].

Позже, когда славянам стало известно искусство металлургов, они перенесли впечатления от производства каменного оружия из кремня на аналогичные ощущения, возникавшие при изготовлении «жалящей меди» – оружия из металлов, поэтому в их лексиконе появились новые слова: «кречие – металл, кречий, кречим – кузнец» [11, с. 86].

«Символом и мифическим образом оружия» стал змей с его блестящей кожей и молниеносной реакцией. Сравнение оружия со змеем – «самое обычное» явление в народной словесности, отмечал Ф. И. Буслаев, а в сербских закланиях даже совпадают «понятия о змее, оружии, молнии и золоте» [11, с. 87].

В эпоху металлов эпические герои уже гордятся не своими дубинами – смертоносными орудиями, сделанными из дуба, а металлическим боевым снаряжением: мечом, ножом, щитом [11, с. 82, 88, 89] или «саблей с очами». Нерушимость клятвы также скрепляется самым надежным и насмерть разящим оружием: «концом копья ... краем щита» [15, с. 35].

Рассказывая о происхождении реликвий в виде предметов хозяйственной деятельности или вещей военного быта, Ф. И. Буслаев будто уподобляется доисторическому человеку, который, стремясь выразить сущность процесса (явления), повествовал о процессе его создания, так как «мифологическая логика» отождествляла сущность и происхождение [18, с. 178]. Привлечение законов языкознания и сравнительно-исторической грамматики давало ему уверенность адекватного проникновения в мыслительную лабораторию индоевропейских народов, хотя сегодня уже ясно, что понятие «первобытную логику» и механизмы мифопоэтического мышления без семиотических

имплицитных процедур не представляется возможным [18, с. 172, 230-262].

Работая в границах возможного, формат которого соответствовал уровню развития науки и ее познавательным возможностям, достигнутым ко второй половине XIX в., Ф. И. Буслаев смог верно подметить, что все творческие акты, осуществлявшиеся создателями культурных благ (творцами, демиургами, «культурными героями»), имели либо характер находок (перемещений), либо смысл специального изготовления. Кроме того, он дал понять, что не только все природные, но и социальные реалии получили свою санкцию в мифе, нашли в нем свои истоки и объяснение.

По современной классификации сюжетов мифов, все сказания о происхождении природных и социальных установлений, в том числе и предметов социокультурной деятельности, относятся к разряду этиологических.

По мнению Е. М. Мелетинского, детально изучившего мифологию народов мира, древнейшие этиологические мифы изображают возникновение мироустройства, а также элементов природы или культуры как «цепь перемещений и превращений одних предметов в другие». Первопредки – демиурги – культурные герои просто находят нужный людям предмет в готовом или полуготовом состоянии, а затем эту «находку» (например, чудесное Сампо, музыкальные инструменты) переносят из одного места в другое. Нередко «находку» похищают у «первоначального хранителя – великана, хтонического демона».

Автор соотносит появление таких мифов с той стадией развития первобытных коллективов, когда они еще не миновали ступени присваивающего хозяйства.

«Мифы менее архаических типов» изображают возникновение элементов мира как «созидание» и «преобразование», что, по его убеждению, соответствовало «серьезным успехам человечества в использовании орудий труда, в обработке различных материалов». В этом случае демиург как чудесный гончар или кузнец создает нужные людям предметы культуры, а иногда и порождает их [19, с. 167, 168].

Хотя тайны семиотики не были известны Ф. И. Буслаеву, ему удалось собрать сведения об отношении архаических и древних народов к миру вещей, то есть прокомментировать восприятие ими предметного мира, включенного в сферу жизненной активности сказочных персонажей, действующих лиц мифов и героев эпоса.

Явление диффузности реального и воображаемого миров, происходившее в сознании человека архаических и древних обществ, на что мы неоднократно указывали, ссылаясь на работы Ф. И. Буслаева [20; 21], породило еще один уникальный феномен – уподобление неодушевленного одушевленному, порой перераставшее в слитность хозяина вещи с предметом, ему принадлежавшим.

«Сабля с очами», то есть с атрибутами зрения ее владельца, является тому подтверждением.

Ученый приводит еще несколько примеров, свидетельствовавших о неотделимости мира людей и мира созданных ими вещей. Например, предметы, сделанные из органических тканей людей, приобретали человеческие способности, в частности, умение произносить членораздельные звуки. В немецкой сказке «Поющие кости» пастух, сделав дудку из какой-то косточки, вскоре узнал, когда заиграл на ней, подробности кровавых распрей между братьями [15, с. 20].

Во французской сказке, сюжет которой напоминает ослепление циклопа Одиссеем, великан дарит своему «ослепителю» кольцо чудодейственной силы: надетое на палец, оно заставляло человека кричать: «Я здесь», открывая тем самым слепому людоеду свое присутствие. Кольцо нельзя было снять с пальца, поэтому герой, спасаясь от преследования, в конце концов вынужден был откусить злосчастный палец с кольцом [12, с. 328].

В широко распространенном у многих европейских народов сюжете о Рыцаре Лебедя Ф. И. Буслаев обнаруживал, несмотря на «позднейшее историческое подновление ... ясный мифический смысл». Он состоял в том, что «вещая сила» Русалки – «девы озера» заключалась в ее цепи-ожерелье. «Чтобы приобрести саму деву, то есть чтобы низвести ее из высшей области богов в круг простых смертных», ожерелье следовало похитить.

Такие же цепи-ожерелья имели и ее дети, шесть сыновей и дочь, рожденные от брака с Рыцарем. Без своего «сверхъестественного талисмана» они превращались в лебедей «и только силой его» вновь становились людьми [12, с. 316, 317].

«В северной поэзии» золото, или клад, иносказательно называется «ложе, или постель, Фафнира, прах Гнитагейда, ноша, или бремя, Грани», сообщал Ф. И. Буслаев, обращая внимание на то, что представление древних искателей сокровищ о неисчислимом богатстве передается через сопричастность к его хозяину [8, с. 280, 281].

У земледельческих народов он отмечал тесную связь землепашца с «клочком земли». Земля, которую тот возделывал, «для него есть как бы дополнение собственного существа его, – подчеркивал ученый. – Видимым символом этого союза человека с возделываемой им землей [являлось. – М. Н., Т. П.] родное пепелище, усадьба» [6, с. 40].

Для скандинавов их главное средство передвижения – корабль «казался существом, одаренным жизнью, подобно коню: как к тому, так и к другому они обращались со своей речью». Кроме того, кораблю давалось имя, ему предназначались украшения. Одушевленный вид судну (ладье) придавали изображения голов дракона (или быка, коня), прикрепленные к носовой части, а также закрепленный на корме звериный или змеиный хвост [2, с. 261].

При таком сроднении человека с вещью, ему принадлежавшей, нетрудно предположить существование закона тождества: предмет отдает владельцу свои качества и свойства, и, наоборот, человек наделяет свою собственность наиболее ценившимися в его обществе качествами; в этом случае вещь начинает нести на себе неизгладимый отпечаток хозяина. Так, Брюнхильд, наказанная своим отцом, Одином, засыпает мертвецким сном в боевых доспехах, и они так плотно срастаются с ее телом, что только острый меч прославленного героя Сигурда освобождает ее от этих «бледных оков», возвращая к жизни [8, с. 281]. Прежде ее любимыми занятиями были богатырские забавы и участие в войнах: она развлекала себя, бросая огромные камни и метая копья. Ее мужественному образу и характеру воительницы соответствовали несокрушимые доспехи. Сигурд, одержавший победу над Брюнхильд, взял у нее пояс и кольцо. Вместе с поясом Брюнхильд потеряла и свою силу, отметил Ф. И. Буслаев магию волшебных предметов, способных влиять на судьбу их хозяев [15, с. 24].

Прославленный меч Сигурда выделялся из обычного ряда предметов воинского быта: он имел имя – «Gramr (Гнев)» и родословную: сначала меч принадлежал правителю асов, позже отошел в качестве подарка отцу героя, затем был расколот находившимся в гневе Одином и выкован снова Регином. Лезвие меча светилось, как огонь. Он был такой твердости и «востроты, что Сигурд пополам рассек им наковальню и прорезал струи Рейна» [8, с. 271].

Предметы были свидетелями поведения их хозяев и в случае необходимости могли превращаться в обличителей их безнравственного поведения. К примеру, кольцо на безымянном пальце могло изменить свой цвет: оно темнело в том случае, если хотело сообщить человеку об утрате нравственной чистоты.

Ф. И. Буслаев, объясняя это явление, обращается к немецкому преданию, которое, в соответствии с особенностями мифологического мышления, объединяло кольцо, сердце и безымянный палец человека: жила, якобы идущая от сердца прямо к этому пальцу, избличала своего хозяина, замешанного в каком-то грехе или преступлении. «Этот палец не может выносить и малейшей нечистоты сердца», поэтому по степени потемнения кольца, пальца и всей ладони на суде определяли степень вины «заподозренного в нечестности» [15, с. 13, 14].

С переходом к оседлому земледельческому быту, который совпал с созданием патриархальной семьи, предметы домашнего обихода могли превращаться в символы гендерной асимметрии. Одним из них являлась прялка. Первоначально, напоминал Ф. И. Буслаев, с ней соединялась мысль «о великом деле космического материнства, дающего жизнь и определяющего нитями судьбу человечества». Постепенно «первообраз» космического материнства был изжит, и прялка с веретеном превратились в символы «неустанной деятельности матери семейства»,

хранительницы семейного очага, заботливой хозяйки [13, с. 320]. Отношение к женщине, установленное мужчинами, их представления о месте женщины в семье и обществе отныне определяли статус прекрасной половины человечества: с утверждением власти мужчин в семье и обществе женщине было уготовано подчиненное положение, и выход за навязанные ей «раммы» поведения начал сурово наказываться.

Приведенные нами примеры, почерпнутые из многочисленных работ Ф. И. Буслаева, дают основание говорить о том, что он талантливо подметил непосредственное вовлечение мира неодушевленных предметов в сферу человеческой жизнедеятельности. Этот «неперсонализированный мир» [17, с. 69] объединял человека и вещи, порождая органичную и взаимозависимую связь между ними.

Вещи могли находиться в каком-то магическом взаимодействии с хозяевами, а название их по имени и наделение характером, скрытым в этом имени, одушевляло неодушевленное и давало ему самостоятельную жизнь, влиявшую на судьбу обладателя. В свою очередь, внутреннее, скрытое состояние человека или его необъяснимые, на первый взгляд, поступки получали свое зримое, предметное воплощение через «распредмечивание», то есть персонализацию вещей.

Библиографический список

1. Буслаев, Ф. И. Древнейшие эпические предания славянских племен [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – Русская народная поэзия. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 355-376.
2. Буслаев, Ф. И. Древнесеверная жизнь [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. – Т. 1. – С. 257-268.
3. Буслаев, Ф. И. Задачи эстетической критики [Текст] // Буслаев Ф. И. Мои досуги: собранные из периодических изданий мелкие сочинения: в 2 ч. – Ч. 1. – М.: В Синодальной типографии, 1886. – С. 291-407.
4. Буслаев, Ф. И. Лекции Ф. И. Буслаева Е. И. В. наследнику Цесаревичу Николаю Александровичу (1859-1860 г.) [Текст] // Старина и Новизна: исторический сборник, издаваемый при обществе ревнителей русского исторического просвещения в память императора Александра III. – М.: Синодальная типография, 1904. – Кн. 8. – С. 97-375.
5. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания [Текст] / изд. В. Г. фон Бооля. – М.: Тип. Г. Лисснера и А. Гешеля, 1897. – 387 с.
6. Буслаев, Ф. И. О народной поэзии в древнерусской литературе [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства: в 2 т. – Т. 2. – Древнерусская народная литература и искусство. – СПб.: В тип. тов-ва «Общественная польза», 1861. – С. 1-63.

7. Буслаев, Ф. И. Памятник тысячелетию России [Текст] // Буслаев Ф. И. Мои досуги: собранные из периодических изданий мелкие сочинения: в 2 ч. — Ч. 2. — М.: В Синодальной типографии, 1886. — С. 187-208.

8. Буслаев, Ф. И. Песни древней Эдды о Зигурде и Муромская легенда [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — Т. 1. — С. 269-300.

9. Буслаев, Ф. И. Письмо к автору «Истории России» [Текст] // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве / сост., подг. текста, статья и коммент. А. Л. Топоркова. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. — С. 439-469.

10. Буслаев, Ф. И. Русский богатырский эпос [Текст] // Буслаев Ф. И. Народная поэзия. Исторические очерки. — СПб.: Тип. Императорской Академии наук, 1887. — С. 1-215.

11. Буслаев, Ф. И. Русский быт и пословицы [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — Т. 1. — С. 78-136.

12. Буслаев, Ф. И. Славянские сказки [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — Т. 1. — С. 308-354.

13. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] // Русский вестник, издаваемый М. Катковым. — М., 1873. — № 1. Январь. — Т. 103. — С. 293-329.

14. Буслаев, Ф. И. Христианский музей при Берлинском университете [Текст] // Буслаев Ф. И. Мои досуги: собранные из периодических изданий мелкие сочинения: в 2 ч. — Ч. 1. — С. 38-54.

15. Буслаев, Ф. И. Эпическая поэзия [Текст] // Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. — Т. 1. — С. 1-77.

16. Гуревич, А. Я. Категории средневековой культуры [Текст] / А. Я. Гуревич. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Искусство, 1984. — 350 с.

17. Гуревич, А. Я. «Эдда» и сага [Текст] / отв. ред. Е. М. Мелетинский. — М.: Наука, 1979. — 192 с.

18. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа [Текст] / Е. М. Мелетинский. — М.: Гл. ред. восточной лит-ры, 1976. — 407 с.

19. Мелетинский, Е. М. «Эдда» и ранние формы эпоса [Текст] / отв. ред. Г. В. Шатков. — М.: Наука, 1968. — 365 с.

20. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Генезис мифа в аспекте языкового мировидения: научное мнение Ф. И. Буслаева [Текст] // Верхневолжский филологический вестник. — 2018. — № 2. — С. 199-205.

21. Новиков, М. В., Перфилова, Т. Б. Методологические подходы Ф. И. Буслаева к изучению мифологического сознания [Текст] // Ярославский педагогический вестник. — 2018. — № 6. — С. 291-302.

22. Рыбаков, Б. А. Язычество Древней Руси [Текст] / Б. А. Рыбаков. — 2-е изд., испр. — М.: София, Гелиос, 2001. — 744 с.

Reference list

1. Buslaev, F. I. Drevnejšie jepicheskie predanija slavjanskijh plemjon = The most ancient epic legends of Slavic tribes [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. — T. 1. — Russkaja narodnaja poezija. — SPb.: V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. — S. 355-376.

2. Buslaev, F. I. Drevnesevernaja zhizn' = Old northern life [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. — T. 1. — S. 257-268.

3. Buslaev, F. I. Zadachi jesteticheskoj kritiki = Problems of esthetic criticism [Tekst] // Buslaev F. I. Moi dosugi: sobrannye iz periodicheskijh izdanij melkie sochinenija: v 2 ch. — Ch. 1. — M.: V Sinodal'noj tipografii, 1886. — S. 291-407.

4. Buslaev, F. I. Lekcii F. I. Buslaeva E. I. V. nasledniku Cesarevichu Nikolaju Aleksandrovichu (1859-1860 g.) = F. I. Buslaev's lectures to H. I. H. to the successor Crown Prince Nikolay Aleksandrovich (1859-1860) [Tekst] // Starina i Novizna: istoricheskij sbornik, izdavaemyj pri obshhestve revnitelej russkogo istoricheskogo prosveshhenija v pamjat' imperatora Aleksandra III. — M.: Sinodal'naja tipografija, 1904. — Kn. 8. — S. 97-375.

5. Buslaev, F. I. Moi vospominanija = My memoirs [Tekst] / izd. V. G. fon Boolja. — M.: Tip. G. Lissnera i A. Geshelja, 1897. — 387 s.

6. Buslaev, F. I. O narodnoj poezii v drevnerusskoj literature = About national poetry in Old Russian literature [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva: v 2 t. — T. 2. — Drevnerusskaja narodnaja literatura i iskusstvo. — SPb.: V tip. tov-va «Obshhestvennaja pol'za», 1861. — S. 1-63.

7. Buslaev, F. I. Pamjatnik tysjacheletiju Rossii = Monument to the millennium of Russia [Tekst] // Buslaev F. I. Moi dosugi: sobrannye iz periodicheskijh izdanij melkie sochinenija: v 2 ch. — Ch. 2. — M.: V Sinodal'noj tipografii, 1886. — S. 187-208.

8. Buslaev, F. I. Pesni drevnej Jedly o Zigurde i Muromskaja legenda = Songs of ancient Edda about Zigurda and Murom legend [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. — T. 1. — S. 269-300.

9. Buslaev, F. I. Pis'mo k avtoru «Istorii Rossii» = The letter to the author of "History of Russia" [Tekst] // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, stat'ja i komment. A. L. Toporkova. — M.: Rossijskaja politicheskaja jenciklopedija (ROSSPJEN), 2006. — S. 439-469.

10. Buslaev, F. I. Russkij bogatyrskij jepos = Russian folk epic [Tekst] // Buslaev F. I. Narodnaja poezija. Istoricheskie ocherki. — SPb.: Tip. Imperatorskoj Akademii nauk, 1887. — S. 1-215.

11. Buslaev, F. I. Russkij byt i poslovicy = Russian life and proverbs [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. — T. 1. — S. 78-136.

12. Buslaev, F. I. Slavjanskije skazki = Slavic fairy tales [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie ocherki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. — T. 1. — S. 308-354.

13. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izučenie narodnogo byta i poezii = Comparative study of national life and poetry [Tekst] // Russkij vestnik, izdavaemyj M. Katkovym. – M., 1873. – № 1. Janvar'. – T. 103. – S. 293-329.
14. Buslaev, F. I. Hristianskij muzej pri Berlinskom universitete = The Christian museum in Berlin University [Tekst] // Buslaev F. I. Moi dosugi: sobrannye iz periodičeskikh izdanij melkie sočinenija: v 2 ch. – Ch. 1. – S. 38-54.
15. Buslaev, F. I. Jepicheskaja poezija = Epic poetry [Tekst] // Buslaev F. I. Istoricheskie očerki russkoj narodnoj slovesnosti i iskusstva. – T. 1. – S. 1-77.
16. Gurevich, A. Ja. Kategorii srednevekovoj kul'tury = Categories of medieval culture [Tekst] / A. Ja. Gurevich. – 2-e izd., ispr. i dop. – M. : Iskusstvo, 1984. – 350 s.
17. Gurevich, A. Ja. «Jedda» i saga = «Edda» and saga [Tekst] / otv. red. E. M. Meletinskij. – M. : Nauka, 1979. – 192 s.
18. Meletinskij, E. M. Pojetika mifa = Myth poetics [Tekst] / E. M. Meletinskij. – M. : Gl. red. vostočnoj lit-ry, 1976. – 407 s.
19. Meletinskij, E. M. «Jedda» i rannie formy jeposa = «Edda» and early forms of the epos [Tekst] / otv. red. G. V. Shatkov. – M. : Nauka, 1968. – 365 s.
20. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Genezis mifa v aspekte jazykovogo mirovidenija: nauchnoe mnenie F. I. Buslaeva = Genesis of the myth in aspect of the linguistic world view: scientific opinion of F. I. Buslaev [Tekst] // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik. – 2018. – № 2. – S. 199-205.
21. Novikov, M. V., Perfilova, T. B. Metodologičeskie podhody F. I. Buslaeva k izučeniju mifologičeskogo soznanija = F. I. Buslaev's methodological approaches to study mythological consciousness [Tekst] // Jaroslavskij pedagogičeskij vestnik. – 2018. – № 6. – S. 291-302.
22. Rybakov, B. A. Jazyčestvo Drevnej Rusi = Paganism of Ancient Russia [Tekst] / B. A. Rybakov. – 2-e izd., ispr. – M. : Sofija, Gelios, 2001. – 744 s.

Дата поступления статьи в редакцию: 11.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

О. В. Розина <https://orcid.org/0000-0002-7664-0640>

**Фарфоровая фабрика Ф. Я. Гарднера и его потомков:
историко-культурологическое исследование**

В данной статье проводится комплексное историко-культурологическое исследование первой российской частной фарфоровой фабрики, открытой в подмосковных Вербилках Ф. Я. Гарднером. «Гарднеровский период» продолжался более 100 лет – со времени открытия Францем Яковлевичем в 60-е гг. XVIII в. до продажи всего производства его наследниками М. С. Кузнецову в 1892 г. Историко-культурологический подход позволяет представить историю отдельного производства в контексте общей истории России и культурных процессов, повлиявших на изменение ассортимента изделий и технологических приемов их изготовления. Кроме того, фарфоровые изделия – этот не только престижные или утилитарные предметы быта, но и произведения декоративно-прикладного искусства, эволюцию которого можно также проследить в указанный период. Начальная история фарфоровой фабрики связана с деятельностью великобританского подданного Ф. Я. Гарднера, талантливого и удачливого коммерсанта. Именно благодаря его авантюризму и амбициозности удалось открыть в России производство фарфора, не уступающего по качеству знаменитым саксонским образцам. Основатель производства заложил и основные его принципы, которые старались сохранить потомки: безупречное качество технологии, стилистическая новизна изделий и разнообразие ассортимента, как по видам, так и по ценовым группам. На определенном периоде времени фарфоровая фабрика Ф. Гарднера являлась образцом для иных подобных производств. Однако в последние годы она испытывала большие трудности, связанные с глубинными изменениями в мировоззрении русского народа пореформенного периода. Не только рабочие стали иными, но и сами хозяева не могли, да и в значительной мере не хотели в условиях ожесточившейся конкурентной борьбы уделять все свое время и силы поиску новых способов и технологий, улучшать ассортимент и качество изделий. Творческие интересы самореализации, стремление к личностному саморазвитию не находили применения в производственной сфере. Все это привело к тому, что некогда процветающее производство было продано более предприимчивым и целеустремленным конкурентам.

Ключевые слова: фарфор, Ф. Я. Гарднер, Вербилки, фарфоровая фабрика, историко-культурологическое исследование, декоративно-прикладное искусство

O. V. Rozina

**F. Ya. Gardner and His Descendants' Porcelain Factory:
Historical and Culturological Research**

In this article the author makes a comprehensive historical and cultural research of the first Russian private porcelain factory, opened in Verbilki near Moscow by F. Ya. Gardner. The «Gardner period» lasted more than 100 years – since the opening by Frants Gardner in the middle of the XVIII century till the sale of the entire manufactory by his heirs to M. S. Kuznetsov in 1892. The historical-culturological approach allows us to present the history of a certain factory in the context of the general history of Russia and cultural processes, which influenced the change in the range of products and technological methods of manufacture. In addition, porcelain products – these are not only prestigious or utilitarian household items, but also works of decorative and applied art, the evolution of which can also be traced in the specified period. The initial history of the porcelain factory is connected with the activities of the British citizen F. Gardner, who was a talented and successful merchant. His success was assured by adventurism and ambitiousness, which helped him to open the porcelain production in Russia, which was not inferior in quality to the famous Saxon designs. The founder of production laid his basic principles, which the descendants tried to preserve: the impeccable quality of technology, the stylistic novelty of products and the diversity of the range, both by type and by price groups. For a certain period of time, the F. Gardner porcelain factory was a model for other similar industries. However, in recent years it experienced great difficulties associated with the profound changes in the worldview of the Russian people of the post-reform period. Not only the workers became different, but the owners themselves could not, and, to a significant extent, did not want to devote all their time and energy to finding new ways and technologies in the face of fierce competition, to improve the range and quality of products. The interests of self-realization, the pursuit of personal self-development did not find application in the industrial sphere. All this led to the fact that the successful factory was sold to more enterprising and purposeful competitors.

Keywords: porcelain, Gardner, Verbilki, porcelain factory, historical and cultural research, decorative and applied arts.

История фарфорового производства в России давно привлекает внимание исследователей. Вышли в свет издания, носящие как общий, так и частный характер, посвященные отдельным предприятиям, судьбе их мастеров, описанию выпускаемой продукции. Однако

большинство из опубликованных материалов касается либо Императорского фарфорового завода, либо является описанием коллекций фарфора в разных музеях, либо расширенными выставочными каталогами. Часть из них богато иллюстрирована [3; 9;

17; 21; 22]. История фарфоровой фабрики Франца Гарднера представлена в общих работах фрагментарно, а в краеведческих исследованиях – слишком обобщенно [1; 6; 7; 11; 23]. Существует немногочисленная справочная литература по маркам фарфора [5, 8].

Вместе с тем «гарднеровский» этап развития фарфоровой фабрики (60-е гг. XVIII в.–1892 г.) является периодом становления российского предпринимательства, а судьба Франца Гарднера и его потомков отражает общие тенденции этого процесса. Кроме того, фарфоровые изделия – это не только престижные или утилитарные предметы быта, но и произведения декоративно-прикладного искусства, эволюцию которого можно также проследить в указанный период. С именем Гарднера связаны лучшие страницы возникновения и расцвета фарфорового производства в России во второй половине XVIII в., а с его потомками – дальнейшее его развитие под влиянием культурно-исторических процессов своего времени.

История Франца Яковлевича Гарднера (1714–1796) – это история зарождавшегося русского предпринимательства, отчасти авантюрного, отчасти удачливого, как и любые бизнес и коммерция. Это было время заимствований и подражаний, начатое Петром I, восхищавшимся европейскими технологиями, социокультурными достижениями, модой, привычками – ему все казалось достойным российского Отечества. Видимо тогда зародился миф о возможности вхождения России в западноевропейский мир, причем на равноправной основе. Стоит только «перенять и догнать». Идея интеграции с Западом становится ведущей в государственной политике. До первого серьезного цивилизационного конфликта, разгоревшегося в начале XIX в. и вылившегося в Отечественную войну 1812 г. и последующих попыток «людей 14 декабря» (В. О. Ключевский) перенести на русскую почву западноевропейские идеи модернизации государственной системы, было еще далеко. Пока же стремление верхушки русского дворянства к потребительским стандартам правящего класса европейских стран проявлялось в желании обладать статусными вещами, к которым относился, в частности, фарфор.

Фарфоровые изделия – посуда и предметы декоративно-прикладного искусства – были объектом гордости их владельцев: они стоили не дешево, а качественные изделия встречались не часто и долгое время были исключительно импортными.

Европа познакомилась с фарфором из Китая, где его производство было развито еще в период правления династии Хань (с III в до н. э.), начиная со второй

половины XIII в. благодаря итальянцу Марко Поло и купцам «Великого шелкового пути». Кропотливым трудом китайцам удалось усовершенствовать производство керамики, ставшей непроницаемой для воды и газа, легкой и почти прозрачной. Со временем они научились изготавливать большой ассортимент изделий, также расписывать их подглазурной кобальтовой а затем и надглазурной эмалевой росписью. Такой фарфор был в баснословной цене и являлся предметом коллекционирования и любования, отражая статус владельца и престиж его рода.

За пределами Китая фарфоровое производство впервые появилось в Саксонии, где путем многолетних экспериментов по разгадке китайского фарфора в начале XVIII в. был получен его аналог – мейсенский фарфор, ставший не только предметом гордости владельцев изделий из него, но и образцом высокого декоративно-прикладного искусства. Вслед за Мейсеном фарфоровые сервизы, мелкую посуду, статуэтки стали изготавливать в Дрездене и Лейпциге.

Родоначальником производства фарфоровых изделий в России стал сподвижник М. В. Ломоносова бергмейстер Дмитрий Иванович Виноградов (1720–1758), которому удалось раскрыть технологические секреты производства твердого фарфора из гжельской глины. Он успел изготовить для императрицы Елизаветы Петровны фарфоровый сервиз, названный «Собственный». Но судьба самого первооткрывателя была печальной: он умер в 38 лет от пристрастия к спиртному. Однако Невская порцелиновая мануфактура, на которой работал Д. И. Виноградов, со временем стала Императорским фарфоровым заводом (основан в 1744 г.). В музеях хранится всего 9 изделий с авторской маркой Д. И. Виноградова [4].

Европейские фарфоровые мануфактуры середины XVIII в. условно можно объединить в две группы: те, что поддерживались правящими монархами и существовали фактически на государственные средства, и частные, в которых, как и в любом коммерческом предприятии, могли быть размещены заказы королевской семьи. В Нидерландах, Германии, Дании, Австрии, Франции, Италии фарфоровое производство существовало на деньги правящих династий, в Великобритании это были частные заведения. В России сочетались обе группы предприятий. Но тайну изготовления фарфора («белого золота») строго хранили на любом из них, так как он рассматривался как один из элементов престижа государства и его правителя.

Самым известным и самым, пожалуй, лучшим частным фарфоровым производством в России на начальном периоде развития русского фарфора стала

мануфактура Франца Гарднера, размещенная в подмосковных Вербилках.

Шотландец по крови из графства Стаффордшир, великобританский подданный (он так и остался им до конца жизни), Френсис Джейкоп Гарднер (ставший в России Францем Яковлевичем) начал свой бизнес в новой стране, приехав в 1746 г. в Санкт-Петербург. Но первоначальный капитал он скопил не в результате изготовления и продажи фарфора, производство которого требовало немалых средств и, главное, знаний тонкостей самого процесса и соответствующего сырья, а с леса, записавшись лесопромышленником. Это занятие принесло ему доход, но вскоре Гарднер обратил внимание на более прибыльное и новое для России сахарное производство. Он купил поместья в Крыму и Малороссии, стал заниматься продажей сахара, не оставляя идеи когда-нибудь открыть в России фарфоровое производство.

Сложившиеся обстоятельства предоставили Гарднеру такую возможность: в Черниговской губернии он нашел глину, пригодную для изготовления фарфора. В окрестностях с. Полошки недалеко от города Глухова были обнаружены крупные месторождения кремнекислого глинозема, получившее название Глуховские, которые «долгое время оставались главными и почти единственными. Они снабжали фарфоровой глиной все главные заводы России. Из Глуховской глины выделялся весь фарфор и фаянс Московской, Петербургской, Тверской и Черниговской губерний» [10]. Некоторые авторы утверждают, что «завод в Вербилках до сих пор работает на черниговском сырье. Несмотря на политические коллизии, поставки глины в Подмоскovie продолжаются бесперебойно» [19].

Из Малороссии Франц Гарднер возвратился не в Петербург, а в Москву и поселился в Немецкой слободе, где еще со времени царя Алексея Михайловича селились иностранцы. В Корниловском переулке, примыкающем к Немецкой (Бауманской) улице, он приобрел участок земли, на котором был построен дом, а переулок с тех пор стал называться Гарднеровским. Во время пожара в период французской оккупации города в 1812 г. дом сгорел. Потомки Франца Гарнера построили новый деревянный дом на каменном фундаменте (сохранился).

Помимо особой глины для открытия предприятия по производству фарфора необходимо было знать и секреты его изготовления. Франц Гарднер изучал этот вопрос еще на родине, но опыта не имел. И здесь выдался случай.

В Москве за Таганскими воротами была расположена первая майоликовая мануфактура,

основанная в 1724 г. купцом Афанасием Кирилловичем Гребенщиковым – «Трубочная и ценинная фабрика». Здесь из гжельской глины изготавливали плитку, посуду, столовые сервизы, табачные трубки. Технологию производства совершенствовали братья Иван и Андрей Гребенщиконы, которые в 1747 г. наладили производство фарфора из гжельских глин. В 1754 г. Андрей, после смерти брата Ивана, стал владельцем фабрики, но вскоре разорился. На помощь обанкротившемуся хозяину пришел Франц Гарднер, став его поручителем при возвращении долга, но в обмен на секреты изготовления фарфора. Позже Андрей Афанасьевич Гребенщиков возглавил производство на фабрике Ф. Гарднера в Вербилках, чем и объясняется сходство первых изделий новой фабрики с ассортиментом бывшей фабрики Гребенщиконых.

За 20 лет проживания в России бывший шотландский купец приобрел различные деловые связи, познакомился с представителями многих дворянских фамилий. В 1766 г. Франц Гарднер покупает у князя Николая Васильевича Урусова сельцо Верболово (Вербильцы, ныне Вербилки) с прилегающими землями (более 1000 десятин), расположенными недалеко от впадения в реку Дубна притока Якоть. Однако приобрести будущих работников своей мануфактуры он не мог: законы Российской империи не позволяли владеть крепостными душами лицам, не имеющим русского подданства. Тогда Гарднер, будучи человеком предприимчивым, оформляет купчую на имя своего должника – русского помещика В. Вырубова, а на себя – аренду на них. Незаконность этой сделки будет обнаружена позже, но не окажет никаких последствий для деловой репутации Франца Гарднера, хотя и доставит ему немало хлопот. Кроме крепостных крестьян на его фабрике работали вольнонаемные и отходники.

Дмитровская земля для строительства фарфоровой фабрики была выбрана не случайно: помимо особой по составу глины для обжига фарфора требуются печи, работающие также на особом топливе. Такими топливом стали торфяные кирпичи (брикеты), которые изготавливались на кирпичном заводе известных местных предпринимателей Лямыных в Яхроме, в 35 км от Вербилкок. По мнению И. Шумейко, «именно сочетание благоприятной деловой среды, традиций художественных промыслов Дмитровского уезда, подходящие кадры притянули сюда лучший и мощнейший частный фарфоровый завод России» [24].

Франц Гарднер имел амбиционные планы: он стремился к тому, чтобы его производство не уступало ни по качеству изделий, ни по их популярности знаменитому мейсенскому фарфору. Фабрика

открылась в 60-е гг. XVIII в. В 1767 г. на реке Якоть была построена мельница для измельчения кварца и белой «глуховской» глины. Это производство стало первой в России частной фарфоровой фабрикой (другая известная подмосковная фабрика в Дулево начнет работать только в 1832 г.).

Долгое время датой открытия фабрики считали 1754 г., когда земля еще принадлежала Урусовым, эта датировка указывалось в фабричных документах. Но Ю. А. Арбат, изучая историю производства, впервые датировал его начало 1766 г. [1]. Документ, подтверждающий этот факт, ввели в научный оборот Е. Н. Мачульский, А. А. Зилов, Ю. Н. Кравцова [11]. Это Протокол Мануфактур-коллегии от 18 января 1766 г., согласно которому прошение Франца Гарднера об открытии фарфоровой фабрики в Вербилках было удовлетворено. Но дискуссию о дате основания фабрики продолжил Ф. Н. Семевский в рецензии на книгу Е. Н. Мачульского, А. А. Зилова, Ю. Н. Кравцовой [16]. Он предложил считать датой основания не официальное решение Мануфактур-коллегии, а 1756 г., как упомянутый в документах правительства Александра II. Однако никаких иных обоснований автор не приводит, кроме сомнений, что к 1769 г. (то есть через три года после решения коллегии) фабрика смогла выпустить более 7 тысяч фарфоровых изделий. При этом он же упоминает, что Александр и Петр Гарднеры в 1814 г. написали книгу по истории фабрики, располагая не дошедшим до нас фабричным архивом. Братья указали на 1760 г., как год основания фабрики [16].

Нам представляется, что такая путаница в датах могла возникнуть из-за нерешенности методологического вопроса: какой факт считать началом фабричной деятельности? Это могли быть различные даты: время создания проекта, разработки пробных образцов, их получения, начало строительства фабричных зданий, получение на разрешение производства, выпуск товарной продукции, получение первой прибыли и т. п. В любом случае 60-е гг. XVIII в. можно считать началом фабричной истории.

В организации фабрики Францу Гарднеру помогал его старший сын Франц и профессор Женевского университета Франц Гаттенберг, вскоре возглавивший Императорский фарфоровый завод. Младший Франц Гарднер неоднократно посещал европейские страны, привозя оттуда образцы продукции фарфоровых предприятий. На фабрику в Вербилках были приглашены иностранные мастера, хорошо знакомые с производством европейского фарфора — живописец Иохим Кестнер (в 1773 г.) [см. подробнее: 14; 18; 23] и скульптор Иоганн Миллер, до этого работавший на Императорском фарфоровом заводе и знакомый с

опытами Д. И. Виноградова по совершенствованию фарфоровой массы. Они же занимались подготовкой русских мастеров, так как на заводе было «множество русских учеников, коих тамошние дворяне отдают туда без платы» [цит. по: 20]. Небольшой (из 5 предметов) гарднеровский сервиз 1775 г. росписи И. Кестнера (победа России в русско-турецкой войне 1768-1774 гг.) стал первым российским сервизом, отразившем в росписи важную политическую тему (хранится в Русском музее).

Первоначально на фабрике изготавливали лишь опытные образцы фарфора в небольших количествах. Но в 1777 г. неожиданно вскрылась афера с покупкой крепостных на подставное имя: помещик Вырубов попал в тюрьму за воровство, а все его имущество вместе с крестьянами подлежало отчуждению. С трудом налаженное «фарфоровое дело» Ф. Гарднера оказалось под угрозой.

Но и здесь талантливый предприниматель находит неожиданный выход: он срочно приступает к изготовлению орденового сервиза для подарка императрице Екатерине II.

В 1778-1785 гг. были изготовлены четыре орденовых сервиза, именуемых в архивных документах XIX века «под орденом Св. Великомученика Георгия» (1777-1778), «под орденом Св. Апостола Андрея Первозванного» (1778-1780), «под орденом Св. Благоверного Великого Князя Александра Невского» (1778-1780), «под орденом Св. Князя Владимира» (1783-1785) [15]. Это было некое подражание подаренному курфюрстом Саксонии Фридрихом Августом II (королем Польши Августом III) императрице Екатерине II Андреевскому («Золотому») сервизу из мейсенского фарфора. Орденовые сервизы состояли из нескольких сотен до полутора тысяч предметов и использовались при сервировке стола в дни чествования кавалеров этих орденов [см. подробнее: 2]. Они были настоящими произведениями декоративно-прикладного искусства, расписывались орденовыми лентами и лавровыми гирляндами, на плоских предметах изображались орденовые звезды и ленты.

Подарок первого из серии орденовых сервизов («Георгиевского») позволил Францу Гарднеру решить сложную кадровую проблему на личной аудиенции с императрицей, несмотря на то, что он отказался принять русское подданство. После этого московский генерал-губернатор разрешил ему на изделиях ставить клеймо с изображением московского герба, а князь Юсупов, ранее управлявший Императорским фарфоровым заводом, даровал свое покровительство. Остальные три орденовых сервиза были изготовлены уже по заказу императорского двора.

В дальнейшем гарднеровский фарфор успешно конкурировал с ведущим европейскими фарфоровыми производствами и Императорским заводом. Кроме орденовских сервизов по заказу императорского двора для дворца наследника престола Павла Петровича в Павловске был изготовлен столово-десертный сервиз «Собственный» с монограммами супругов «РМ» (Павел и Мария). Придворные заказы способствовали росту авторитета фабрики, ее изделиями стали интересоваться состоятельные заказчики. Так, в 1782-1785 гг. на фабрике Ф. Гарднера было изготовлено два многопредметных сервиза для московского губернатора графа З. Г. Чернышева и князя И. А. Безбородко, младшего брата А. А. Безбородко – государственного канцлера и известного дипломата.

Франц Гарднер, будучи удачливым коммерсантом, не остановился на достигнутом успехе, и развернул на своей фабрике производство не только посуды для сановных господ и домов аристократов, но и приступил к изготовлению повседневной посуды – чайные и столовые сервизы, суповые чаши, блюда, тарелки, кувшины, предметы сервировки стола и т. п. Массовая посуда завоевала популярность у купцов, мещан и обывателей, которым был недоступен мейсенский фарфор, но у которых было желание иметь хотя бы его упрощенную копию. Своеобразной визитной карточкой гарднеровского фарфора к 1780-м гг. становится свой собственный рисунок: немного раскрывшиеся бутоны розы и шиповника, нанесенные крупными мазками. Ориентация на различные социальные слои населения вскоре повлияла на расширение ассортимента: вместе с различного рода посудой фабрика стала производить изделия мелкой фарфоровой пластики, в дальнейшем продолжая расширять ее ассортимент.

В семье Франца Яковлевича и немки Сарры Александровны Гарднер было четверо сыновей – Франц, Александр, Николай, Петр и дочь Екатерина (близнец старшему брату). Чтобы находиться ближе к фабрике, Гарднеры приобрели дом в 7-ми км от Вербилка в с. Новоникольское, к этому времени находящемуся во владении детей стольника Волынского. Дом не сохранился.

Франц Яковлевич скончался в один год с императрицей Екатериной II – в 1796 г. В некоторых исследованиях и справочных изданиях указывается дата 1790 г., но это не верно.

В наследство вступил его старший сын Франц, помогавший отцу в становлении производства. Однако он ненадолго его пережил, и умер молодым (ему было около 20 лет).

Младшие братья были в более юном возрасте, поэтому фабрикой стала управлять вдова Франца Яковлевича – Сарра Александровна Гарднер (в

будущем – Гарднер-Граф). В целом ей удалось сохранить фабрику, как единственный источник семейного благополучия, и даже вложить немалые средства в обновление обветшалого московского дома. Но в целом ее руководство привело производство в упадок: новые технологии не использовались, ассортимент изделий не обновлялся, на фабрике усилилось воровство. Против воли С. А. Гарднер (повторно вышедшей замуж) купеческая гильдия с целью охраны имущества несовершеннолетних детей назначила опекунами купцов Герасима Ивановича Целибеева и Степана Ивановича Зорина, которые не были специалистами по фарфору. Кроме того на состояние фабрики повлияла и общая неблагоприятная ситуация в империи: войны с Персией (1796, 1804-1813) и Турцией (1806-1813), наполеоновской Францией (1805-1814) и Швецией (1808-1809), что подрывало экономическую ситуацию в целом. «Гарднеровский» фарфор становился не конкурентно способным.

Сын Николай в юном возрасте поступил на военную службу, приняв российское подданство. Он первый из семьи получил дворянство, выйдя в отставку в 1826 г. в чине подпоручика. Будучи в отставке, он жил в Вербилках, выучил 4 иностранных языка, имел богатую библиотеку[12].

Пока Николай был на службе, вся надежда на возрождение былой славы гарднеровского фарфора была связана с братьями Александром и Петром, и они ее оправдали. Старший Александр стал заниматься производственными вопросами, младший Петр – коммерческими. Со временем Александра, отошедшего от фабричных дел, заменит брат Николай. За успехи на «мануфактурном поприще» братья Николай и Петр Гарднеры были награждены орденами святого Станислава III степени, что дало возможность и Петру Францевичу стать российским дворянином. Николай Францевич умер в 1846 г., фабрика перешла в управление Петра Францевича.

Благодаря трудам братьев Александра, Петра и Николая гарднеровский фарфор, несмотря на появление к этому времени иных частных фарфоровых фабрик, вновь стал привлекать покупателей изяществом изделий, отражающих как передовые европейские тенденции, так и свои национальные особенности, а сами изделия для появившихся конкурентов становятся объектом для подражания.

Весной 1821 г. Петр, выйдя из купеческой гильдии, поступил на государственную службу (копиистом в Сенат) в надежде, что так будет проще решать различные фабричные вопросы с Министерством финансов, но уже в 1827 г. он был вынужден уволиться по причине болезни глаз. Однако Петр Францевич и до

и после увольнения со службы продолжал посещать крупные ярмарки (в том числе Нижегородскую) и заниматься торговыми проблемами сбыта изделий, внимательно следя за возникающими потребностями покупателей. Такой «коммерческий мониторинг» давал возможность братьям Александру, а затем Николаю вносить изменения в ассортимент изделий, учитывая «веяния моды».

Так, еще сразу же после окончания Отечественной войны 1812 г., учитывая национальный и патриотический подъем народного духа, на фабрике стали изготавливать предметы сервировки стола и частные коллекции с портретами героев войны. Чайная чашка с таким портретом считалась достойным подарком, со временем обрастая легендами о его личном происхождении от изображенного лица. Кроме того, на изделиях часто изображались различные батальные сцены войны и заграничные походы русской армии. Пользовались популярностью так называемые «именные чашки», выполненные по индивидуальным заказам, поэтому весьма разнообразные по росписи: дворянские, княжеские, графские гербы и короны, монограммы, орнаменты и пр. Массовость подобных заказов привела к созданию некоторых шаблонных вариантов росписей.

Уже в начале XIX в. появилась тенденция украшать жилые помещения небольшими статуэтками, которые выставляли на кружевных или вышитых салфетках группами или поодиночке на предметах мебели. В 1817 г. среди различных слоев населения приобрела популярность изданная в Санкт-Петербурге книга «Волшебный фонарь, или Зрелище расхожих продавцов, мастеров и других простонародных промышленников, изображенных в настоящем их наряде и представленных разговаривающими друг с другом, соответственно каждому лицу и званию». Все персонажи были представлены на гравюрах и в словесном диалоге друг с другом. По мотивам этой книги на Гарднеровской фабрике была выпущена целая серия небольших фарфоровых фигурок, пользующаяся огромным коммерческим спросом. Аналогичная серия фигурок (только на иной форме постамента) будет выпущена в 30-е гг. XIX в. Декоративная выразительность статуэток достигалась наличием мелких деталей и росписи. С 1820-х гг. также выпускались фигурки «Франтов» и «Франтих», одетых по последней моде этих лет. Общее увлечение романтизмом привело к тому, что в 40-е гг. XIX в. появились статуэтки полуобнаженных женских фигурок. В 50-е годы приобрели популярность фигурки из бисквитного фарфора, то есть прошедшие только первичный обжиг. Изделия из него получают более пористыми и тяжелыми, но прочными и

напоминающими мраморные. По такой технологии Гарднеровская фабрика изготавливала различные изделия малой пластики – фигурки, жанровые и бытовые сценки.

В изготовлении сервизов, отдельных столовых и чайных предметов также находили отражение наиболее популярные тенденции. Так, например, на длительном отрезке времени (1780-1830-е гг.) неизменным спросом пользовались английские тоби – пивные кружки в виде сидящих или стоящих джентльменов. Фабрика Гарднера выпускала их почти полвека. В столовых и чайных изделиях использовались наиболее популярные росписи: пейзаж, архитектурные виды, военные и охотничьи сюжеты. Однако появились и свои, характерные и отличительные черты, как в стилистике изделий, так и в росписи. Большое внимание уделяется мелким пластическим деталям – навершиям крышек, фигурным подставкам, сложным рельефам бортиков круглых предметов, а также технологическим приемам (прорези, каннелюры, ажур, плетение). Появляются и свои, характерные цветочные росписи, а также цветные фоны – синий, сине-голубой, зеленый, кобальтовое крытье. Гарднеровские мастера владели самыми сложными способами декорирования изделий: подглазурная и надглазурная роспись, техника печати, цветные люстры, пластический декор, рельефные композиции, золочение и т. п. Часто фабрика в Вербилках становилась законодательницей мод в стилистике изделий и их росписи. В 1855 г. фабрике Гарднера дается право маркировать изделия изображением двуглавого орла. С 1856 г. «Мануфактура Гарднеръ в Вербилках» обладает званием «Поставщик Двора Его Императорского Величества», это звание подтверждалось и в дальнейшие годы [12].

В 1853 г. владельцами фабрики становятся братья Владимир (1819-1886) и Александр (1820-?) – сыновья Петра Францевича Гарднера. Владимир Иванович, отслужив в Московском жандармском дивизионе, вышел в отставку в чине штабс-ротмистра. Младший Александр, также отслужив в Санкт-Петербурге в лейб-гвардии Саперном батальоне, уволился в скромном чине лейб-гвардии подпоручика [13].

В 1866 г. Владимир и Александр первым из семьи Гарднеров стали помещиками Александровского уезда Владимирской губернии, приобретя крупные имения в селе Нушполы в месте впадения речки Нушполки в Дубну в 20 км от Вербилков, а также земли в Жуково и Стариково по другую сторону Дубны в 6 км от Вербилков. В 1876 г. сыновья Владимира Петровича – Борис и Владимир также были причислены к владимирскому дворянству [13]. Борис Владимирович стал надворным советником и в начале XX в. вице-губернатором Ставропольской губернии, а Владимир Владимирович Гарднер служил земским начальником

Сапожковского уезда Рязанской губернии. Его супруга – Елена Михайловна Пржевальская – была племянницей известного путешественника Николая Михайловича Пржевальского.

Братья продолжали активно развивать производство после отмены крепостного права. Приобретались новые машины, позволявшие совершенствовать технологию. Владельцы внимательно следили за качеством товара. Все изделия делились на шесть сортов, имевших различную стоимость. Демократизация общественной жизни 60-70-е гг. XIX в. находит отражение в создании серии статуэток на тему жизни крестьян и городской бедноты, а также популярных литературных образов. Внукам удается сохранить и модернизировать основные принципы, заложенные еще дедом – стилистическая новизна изделий, качественность технологии и разнообразный по ценам ассортимент. На Мануфактурных выставках 1849, 1853, 1870, 1882 гг. изделия из фарфора фабрики Гарднера привлекали посетителей изяществом форм и разнообразием росписей, а лучшие из них – белизной и тонкостью работы. Но в пореформенный период возросла конкуренция среди владельцев фарфоровых предприятий: требовалась модернизация производства и изделий в соответствии с требованиями новых покупателей, поиск рынков сбыта требовал коммерческой мобильности, условия труда и быта рабочих нуждались в улучшении и т. п.

На последнем этапе «гарднеровского периода» фабрика переходит во владение второй жены четвертого сына Петра Францевича Гарднера – Павла Петровича (1826-1869) Елизавете Николаевне Гарднер, урожденной Леман (1838-1913), дочери начальника артиллерии Московского военного округа, выпускницы Московского училища ордена св. Екатерины. В семье было двое детей – сын Алексей и дочь Мария. Дела производства вдову интересовали мало: она была увлечена музыкой. Со временем сын Алексей стал хорошим музыкантом и служил в уездной земской управе Дмитрова, занимался благотворительностью. Музыкальный талант Елизаветы Николаевны передавался потомкам в нескольких поколениях, но никто из них не имел интереса к производственно-коммерческой деятельности.

Помогать семье Гарднеров в управлении фабрикой пытался Николай Николаевич Зилов – владелец д. Кушки, в 10 км от Вербилков, ставший в 1882 г. зятем Елизаветы Николаевны. У Марии Павловны и Николая Николаевича в 1883 г. родился сын Лев (1883-1937), ставший поэтом и детским писателем. Но брак родителей распался в 1890 г. Вместе с тем Николай Николаевичу Зилову удалось добиться некоторых успехов в изготовлении статуэток. В 1880 г. в Москве и Твери были открыты лавки, торговавшие продукцией фабрики.

В 1892 г. Елизавета Николаевна Гарднер продает фабрику Матвею Сидоровичу Кузнецову вместе с моделями, формами, рисунками, образцами. «Гарднеръ» становится частью «кузнецовской фарфоровой империи». Для нового владельца это было,

несомненно, выгодное приобретение: более 120 лет безупречной деловой репутации, сложившиеся традиции, квалифицированные специалисты, отработанные технологии, широкий круг покупателей. Многие годы после сделки М. С. Кузнецов продолжал ставить на продукции фарфоровой фабрики в Вербилках прежнюю маркировку.

Продажа «гарднеровского наследства» более удачливому конкуренту не является лишь результатом производственного характера: фабрика в Вербилках по-прежнему приносила доход, но уже новому владельцу. Эта сделка отразила, на наш взгляд, глубинные изменения в мировоззрении русского народа пореформенного периода. Социалистическая пропаганда материализма привела к потере духовных ориентиров широкими слоями населения. Причем не только «низами», но и «верхи» не считали нужным отдавать свою жизнь на служение «вере, царю и Отечеству», предпочитая увлекаться идеями Вольтера, Герцена, Толстого, а затем и социалистов. Попытки самореализации и различные творческие поиски – характерное явление интеллигентской среды этого времени. Управлять рабочими, зараженными идеями переустройства мира, – сложное и неблагодарное занятие. Логика деградации элиты, обладающей финансовым и политическим могуществом, в ее апостасии и культурном вырождении. В то время как сохранившие твердые духовные и нравственные устои, традиции предков проявляют стрессоустойчивость, что позволяет им пережить переломные исторические периоды. Поэтому старообрядец М. С. Кузнецов и стал владельцем фарфоровой фабрики в Вербилках.

Как видно, изучение предпринимательства одной купеческой семьи позволяет сделать выводы о влиянии исторического контекста на становление фабричного производства в России в Новое время. Во-первых, риски предпринимательства в России иностранные купцы, учитывая специфику властных отношений в стране, стремились минимизировать, налаживая связи с императорским двором и получая его покровительство. Во-вторых, они использовали в маркировке товаров символы и культурные коды, значимые для высшего общества. В-третьих, они чутко отслеживали появление новых стандартов жизни и запросов покупателей, внося изменения в номенклатуру и качество выпускаемых изделий. В-четвертых, выживаемость предпринимательства иностранцев в России во многом обеспечивалась адаптацией к условиям страны. История предпринимательства Гарднеров доказывает, что развитие российской промышленности определялось не искусственной поддержкой государством, а естественным рыночным путем, и развивалась по законам коммерческого производства, испытывая влияние общеисторических процессов и культурных тенденций своей эпохи.

Библиографический список

1. Арбат, Ю. А. Фарфоровый городок [Текст] / Ю. А. Арбат. – М. : Московский рабочий, 1957. – 248 с.

2. Багдасарова, И. Орденские сервисы завода Гарднера. Из собрания Государственного Эрмитажа [Электронный ресурс] // Журнал Коллекция. – URL: <https://clubic.ru/?p=2533> (дата обращения 15.01.2019)
3. Барон, Н. Б. фон Вольф. Императорский Фарфоровый Завод. 1744-1904 [Текст]. – СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 2012. – 422 с.
4. Безбородов, М. Дмитрий Иванович Виноградов. Создатель русского фарфора [Текст] / М. Безбородов. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. – 512 с.
5. Борок, В., Дулькина, Т. Марки немецкого фарфора. 1710-1999 [Текст] / В. Борок, Т. Дулькина. – М.: Аксамит-информ, 1999. – 224 с.
6. Гарднер XVIII–XIX вв. Фарфоровая пластика [Текст]. – М.: Говоров и сыновья, 2002. – 320 с.
7. Иванова, Е. Фарфор в России XVIII–XIX веков. Завод Гарднера [Текст] / Е. Иванова. – СПб.: Palas Editions, 2003. – 280 с.
8. Карякина, Т. Марки русского фарфора, фаянса и майолики. Полный энциклопедический справочник [Текст] / Т. Карякина. – СПб.: Деан, 1998. – 192 с.
9. Кудрявцева, Т. В. Русский императорский фарфор [Текст] / Т. В. Кудрявцева. – М.: Славия, 2003. – 280 с.
10. Лубов, Г. В. Фаянсовый завод Ауэрбаха в XIX веке. Часть 8 [Электронный ресурс] / Г. В. Лубов. – URL: http://faienceshop.ru/read/fayans_aurbaha_19_vek.html (дата обращения 18.01.2019)
11. Мачульский, Е., Зилов, А., Кравцова, Ю. Вербилки. История фарфорового завода Ф. Я. Гарднера [Текст] / Е. Мачульский, А. Зилов, Ю. Кравцова. – М.: Авангард, 2005 – 528 с.
12. Никифорова, Л. Кто такой Гарднер? [Электронный ресурс] / Л. Никифорова. – URL: <https://nikiflove.ru/kto-takoj-b-gardner/> (дата обращения 01.02.2019)
13. Отпрыски «фарфоровых принцев» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.prizyv.ru/2016/02/15/otpryski-farforovykh-princev/> (дата обращения 15.01.2019)
14. Попов, В. А. Русский фарфор. Частные заводы [Текст] / В. А. Попов. – Л., 1980.
15. Российский государственный исторический архив, Ф. 469. Придворная Е. И. В. Контора МИДа, Оп. 14, д. 738, лл. 1 об.–6 об.
16. Семевский, Ф. Н. Рецензия на книгу по истории фарфорового завода, основанного Ф. Я. Гарднером [Электронный ресурс] / Ф. Н. Семевский. – URL: http://samlib.ru/s/semewskij_fedor_nikolaewich/recenzija_doc.shtml (дата обращения 12.01.2019)
17. Свиридов, Д. Н. Россия. Частные заводы. Фарфоровые скульптуры [Текст] / Д. Н. Свиридов. – СПб.: Свое издательство, 2017. – 710 с.
18. Трошинская, А. В. Живописец гарднеровской фарфоровой мануфактуры XVIII в. И. К. Кестнер и его произведения в собрании музея МГХПА им. С. Г. Строганова [Текст] // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА Издательство: Московская государственная художественно-промышленная академия им. С. Г. Строганова. – 2014. – № 2. – С. 51-61.
19. Фарфоровое чудо. Поездка на мануфактуру в Вербилках. Секрет вековых технологий [Электронный ресурс]. – URL: <https://welcome.mosreg.ru/stories/gardner-porcelain-verbilki> (дата обращения 12.01.2019)
20. Фарфоровый завод Гарднера [Электронный ресурс]. – URL: <http://5oclocktea.com.ua/%D1%84%D0%B0%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B2-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8/262-%D1%84%D0%B0%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9-%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4-%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0.html> (дата обращения 15.01.2019)
21. Хмельницкая, Е. С. Август Штис и Императорский фарфоровый завод. Жизнь, посвященная фарфору [Текст] / Е. С. Хмельницкая. – М.: Любимая книга, 2012. – 448 с.
22. Частные фарфоровые заводы Российской империи. 1756-1917 гг. [Текст] / под ред. Н. Н. Знаменов. – СПб.: Санкт-Петербург оркестр, 2011. – 566 с.
23. Черный, Н. В. Фарфор Вербилки: Из истории русского и советского фарфора [Текст] / Н. В. Черный. – М.: Изобразительное искусство, 1970. – 296 с.
24. Шумейко, И. Фарфор. Соревнование монархов [Электронный ресурс]. – URL: https://историк.рф/special_posts/%D1%84%D0%B0%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%80-%D1%81%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%B2/ (дата обращения 10.01.2019)

Reference list

1. Arbat, Ju. A. Farforovyj gorodok = Porcelain town [Текст] / Ju. A. Arbat. – М.: Moskovskij rabochij, 1957. – 248 с.
2. Bagdasarova, I. Ordenskie servizy zavoda Gardnera. Iz sobranija Gosudarstvennogo Jermitazha = Medal services of Gardner plant. From the Hermitage collection [Elektronnyj resurs] // Zhurnal Kollekcija. – URL: <https://clubic.ru/?p=2533> (data obrashhenija 15.01.2019)
3. Baron, N. B. fon Vol'f. Imperatorskij Farforovyj Zavod. 1744-1904 = Imperial Porcelain Plant. 1744-1904 [Текст]. – SPb.: Sankt-Peterburg orkestr, 2012. – 422 s.
4. Bezborodov, M. Dmitrij Ivanovich Vinogradov. Sozdatel' russkogo farfora = Dmitry Ivanovich

Vinogradov. Creator of the Russian porcelain [Tekst] / M. Bezborodov. – M.-L. : Izd-vo AN SSSR, 1950. – 512 s.

5. Borok, V., Dul'kina, T. Marki nemeckogo farfora. 1710-1999 = Brands of the German porcelain. 1710-1999 [Tekst] / V. Borok, T. Dul'kina. – M. : Aksamit-inform, 1999. – 224 s.

6. Gardner XVIII–XIX vv. Farforovaja plastika = Porcelain plasticity [Tekst]. – M. : Govorov# i synov'ja, 2002. – 320 s.

7. Ivanova, E. Farfor v Rossii XVIII–XIX vekov. Zavod Gardnera = Porcelain in Russia of the XVIII–XIX centuries. Gardner plant [Tekst] / E. Ivanova. – SPb. : Palac Editions, 2003. – 280 s.

8. Karjakina, T. Marki russkogo farfora, fajansa i majoliki. Polnyj jenciklopedicheskij spravocnik = Brands of the Russian porcelain, faience and majolica. Full encyclopedic reference book [Tekst] / T. Karjakina. – SPb. : Dean, 1998. – 192 s.

9. Kudrjavceva, T. V. Russkij imperatorskij farfor = Russian imperial porcelain [Tekst] / T. V. Kudrjavceva. – M. : Slavija, 2003. – 280 s.

10. Lubov, G. V. Fajansovyj zavod Auerbaha v HIH veke. Chast' 8 = Auerbach faience plant in the XIX century. Part 8 [Elektronnyj resurs] / G. V. Lubov. – URL: http://faience-shop.ru/read/fayans_aurbaha_19_vek.html (data obrashhenija 18.01.2019)

11. Machul'skij, E., Zilov, A., Kravcova, Ju. Verbilki. Istorija farforovogo zavoda F.Ja. Gardnera = History of F.Ya. Gardner porcelain plant [Tekst] / E. Machul'skij, A. Zilov, Ju. Kravcova. – M. : Avangard, 2005 – 528 s.

12. Nikiforova, L. Kto takoj Gardner? = What is Gardner? [Elektronnyj resurs] / L. Nikiforova. – URL: <https://nikiflove.ru/kto-takoj-b-gardner/> (data obrashhenija 01.02.2019)

13. Otpryski «farforovyh princev» = Offsprings of «porcelain princes» [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://www.prizyv.ru/2016/02/15/otpryski-farforovyh-princev/> (data obrashhenija 15.01.2019)

14. Popov, V. A. Russkij farfor. Chastnye zavody = Russian porcelain. Private plants [Tekst] / V. A. Popov. – L., 1980.

15. Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv, F. 469. Pridvornaja E. I. V. Kontora MIDa, Op. 14, d. 738, ll. 1 ob.–6 ob.

16. Semevskij, F. N. Recenzija na knigu po istorii farforovogo zavoda, osnovannogo F.Ja. Gardnerom = The review of the book on history of the porcelain plant founded by F.Ya. Gardner [Elektronnyj resurs] / F. N. Semevskij. – URL: http://samlib.ru/s/semewskij_fedor_nikolaewich/recenzija_doc.shtml (data obrashhenija 12.01.2019)

17. Sviridov, D. N. Rossiya. Chastnye zavody. Farforovyje skulptury = Russia. Private plants. Porcelain sculptures [Tekst] / D. N. Sviridov. – SPb. : Svoe izdatel'stvo, 2017. – 710 s.

18. Troshhinskaja, A. V. Zhivopisec gardnerovskoj farforovoj manufakturny XVIII v. I. K. Kestner i ego proizvedenija v sobranii muzeja MGHPA im. S. G. Stroganova = The painter of Gardner porcelain manufactory of the XVIII century I. K. Kestner and his works in collection of the museum of MSAIA named after S. G. Stroganov [Tekst] // Dekorativnoe iskusstvo i predmetno-prostranstvennaja sreda. Vestnik MGHPA Izdatel'stvo: Moskovskaja gosudarstvennaja hudozhestvenno-promyshlennaja akademija im. S. G. Stroganova. – 2014. – № 2. – S. 51-61.

19. Farforovoe chudo. Poezdka na manufakturu v Verbilkah. Sekret vekovyh tehnologij = Porcelain miracle. Trip to the manufactory in Verbilki. Secret of century technologies [Elektronnyj resurs]. – URL: <https://welcome.mosreg.ru/stories/gardner-porcelain-verbilki> (data obrashhenija 12.01.2019)

20. Farforovyj zavod Gardnera = Porcelain plant of Gardner [Elektronnyj resurs]. – URL: <http://5oclocktea.com.ua/%D1%84%D0%B0%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%B2-%D1%80%D0%BE%D1%81%D1%81%D0%B8%D0%B8/262-%D1%84%D0%B0%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B2%D1%8B%D0%B9-%D0%B7%D0%B0%D0%B2%D0%BE%D0%B4-%D0%B3%D0%B0%D1%80%D0%B4%D0%BD%D0%B5%D1%80%D0%B0.html> (data obrashhenija 15.01.2019)

21. Hmel'nickaja, E. S. Avgust Shtis i Imperatorskij farforovyj zavod. Zhizn', posvjashhennaja farforu = Augustus Shtis and Imperial porcelain plant. The life devoted to porcelain [Tekst] / E. S. Hmel'nickaja. – M. : Ljubimaja kniga, 2012. – 448 s.

22. Chastnye farforovyje zavody Rossijskoj imperii. 1756-1917 gg. = Private porcelain plants of the Russian Empire. 1756-1917. [Tekst] / pod red. N. N. Znamenov. – SPb. : Sankt-Peterburg orkestr, 2011. – 566 s.

23. Chernyj, N. V. Farfor Verbilok: Iz istorii russkogo i sovetskogo farfora = Verbilki porcelain: From history of the Russian and Soviet porcelain [Tekst] / N. V. Chernyj. – M. : Izobrazitel'noe iskusstvo, 1970. – 296 s.

24. Shumejko, I. Farfor. Sorevnovanie monarhov = Porcelain. Competition of monarchs [Elektronnyj resurs]. – URL: https://istorik.rf/special_posts/%D1%84%D0%B0%D1%80%D1%84%D0%BE%D1%80-%D1%81%D0%BE%D1%80%D0%B5%D0%B2%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%B8%D0%B5-%D0%BC%D0%BE%D0%BD%D0%B0%D1%80%D1%85%D0%BE%D0%B2/ (data obrashhenija 10.01.2019)

Дата поступления статьи в редакцию: 06.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Е. Л. Сараева <https://orcid.org/0000-0001-6140-7806>

**Коммуникативная практика дворянских детей первой половины XIX в. в России:
каналы трансляции национальной культуры**

В статье анализируются представления современников первой половины XIX в. – общественного деятеля, писателя А. И. Герцена, детской писательницы Е. Н. Водовозовой, историка Московского университета С. М. Соловьева – о роли русских женщин в их духовно-нравственном развитии. Основным источником по теме являются воспоминания деятелей науки и литературы первой половины XIX в. Их авторы с редкостной благодарностью создавали образы любимых ими нянь, желая сохранить их в памяти современников и потомков. Они высоко оценивали влияние нянь на их внутренний мир, развитие религиозного сознания. Няни хранили и передавали своим воспитанникам моральные ценности, а подопечные, осознанно восприняли многие значимые нравственные принципы, ставшие для них ориентирами в общении с людьми, социокультурной среде. Няни формировали у воспитанников представления о добре и зле, социальном мироустройстве, понятиях о совести, милосердии, сострадании, любви к людям и родине, взаимопомощи, благодарности. Они сыграли огромную роль в трансляции, закреплении лучших черт русской духовной культуры. Благодаря няням дети из привилегированных сословий становились носителями своего родного языка, знакомились с народной жизнью. Передача из поколения в поколение базовых составляющих русской духовной культуры была основным механизмом хранения, трансляции и развития нравственных основ жизни общества в меняющемся мире. Няни были своеобразным духовным мостом между высшим дворянским сословием и социальными низами. Благодаря няням, дворяне реально были не только знакомы с духовным миром народа, но и привнесли его ценности в новую культуру «русской европейскости», имевшую свои отличительные от западной цивилизации черты.

Ключевые слова: Е. Н. Водовозова, А. И. Герцен, А. С. Пушкин, С. М. Соловьев, русская духовная культура, национальная культура, няня, история женщин, история детства, история России первой половины XIX в.

E. L. Saraeva

**Noble Children's Communicative Practice in the first half of the XIX century in Russia:
Channels of National Culture Broadcast**

In the article are analyzed representations of contemporaries of the first half of the XIX century – the public figure, the writer A. I. Herzen, the children's writer E. N. Vodovozova, the historian of Moscow university S. M. Soloviov – about the role of Russian women in their spiritual and moral development. The main source on the subject is memoirs of scientists and literary men of the first half of the XIX century. Their authors with rare gratitude created images of the nurses loved by them, wishing to keep them in memory of contemporaries and descendants. They highly appreciated influence of nurses on their inner world, development of religious consciousness. Nurses preserved and transferred moral values to the pupils, and the pupils consciously apprehended many significant moral principles which became for them reference points in communication with people, sociocultural environment. Nurses formed the idea of good and evil, social world order, concepts about conscience, mercy, compassion, love to people and the homeland, mutual aid, gratitude in pupils. They played a huge role in broadcasting, fixing of the best lines of the Russian spiritual culture. Thanks to nurses children from exclusive estates became carriers of the native language, got acquainted with national life. Transfer from generation to generation of basic components of the Russian spiritual culture was the main mechanism of storage, broadcasting and development of moral bases of the life of society in the changing world. Nurses were a peculiar spiritual bridge between the highest nobility and underworld. Due to nurses, noblemen really were not only familiar with the inner world of the people, but also introduced its values in the new culture of «Russian Europeanness» which had distinctive lines from the western civilization.

Keywords: E. N. Vodovozova, A. I. Herzen, A. S. Pushkin, S. M. Soloviov, Russian spiritual culture, national culture, nurse, history of women, childhood history, history of Russia of the first half of the XIX century.

Российское дворянство первой половины XIX в. было носителем национальной и европейской культуры. Интеллектуальная элита сформировала культуру «русской европейскости», сочетающую в разных вариантах ценности и идеалы России и Запада. Европеизация образа жизни дворян, их общение на иностранных языках, не вытеснили полностью

русскую культуру. Важным каналом трансляции национальной культуры было общение дворян, детей и взрослых, с нянями, выходцами из народа.

Условием сохранения культуры общества является формирование у детей значимых духовных, социальных, национальных ценностей и жизненных ориентиров, норм общения. Значительную роль в

трансляции, закреплении лучших черт русской духовной культуры сыграли женщины – матери и няни, в большинстве случаев воплощавшие собой любовь, доброту, милосердие. Они вырабатывали у своих детей нравственные и социальные представления, позволявшие адаптироваться в социокультурной среде. «Именно от родителей и воспитателей зависит, какие это будут воспоминания, каким предстанет мир перед его маленьким жителем – добрым и открытым, или враждебным и злым. Какие личностные черты будут развиваться в нем – агрессия, отчуждение, уход от него или желание жить и преобразовывать его, любить и творить?», – пишет О. В. Розина о роли семьи в формировании личностной культуры ребенка [11, с. 79].

Гендерное направление исследований, популярное в современной гуманитаристике, позволило определить широкую проблематику изучения истории женщин в России первой половины XIX в.: биографии творческих личностей, повседневная жизнь дворянок, история женского образования, властные отношения в семье, детские вещи и игрушки, наказания детей, изменения в восприятии детства в российской дворянской культуре, детская повседневность, социальный статус женщин, развитие женского движения [1, 2, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 16]. Однако в исторической литературе практически не изучена роль матерей и нянь в формировании духовно-нравственных ценностей детей, что определяет новизну исследования этой темы. Все дворяне, даже самые бедные, брали нянь для ухода за детьми и их воспитания. Была сформирована традиция участия нянь в воспитании дворянских малолетних детей. В обеспеченных дворянских семьях первой половины XIX в. обязанности воспитания детей чаще всего выполняли иностранные гувернеры и гувернантки, но все равно рядом с детьми были русские женщины в роли нянь. В купеческих и мелкопоместных дворянских семьях за детьми преимущественно следили няни их русских женщин, они были крепостными или мещанками. Многие из них не имели своих детей. Выросшие в русской народной культуре, они являлись ее хранителями, в воспитании господских детей руководствовались христианскими заповедями, нравственными и социальными нормами, а также представлениями о родине, русской земле и народе, общепринятыми в их среде.

В первой половине XIX в. во многих дворянских семьях родители осуществляли наиболее общее воспитание детей, перекладывая ежедневное общение на нянь, учителей, определяя дальнейшую судьбу дочерей и сыновей. Непосредственное воспитание осуществляли няни, ежедневно влияя на ребенка,

беседуя с ним, давая ему советы, объясняя различные жизненные ситуации, раскрывая свое понимание мироустройства, добра и зла. Они играли огромную роль в развитии религиозного сознания детей. Они заботились о здоровье ребенка, ухаживали за ним, рассказывали разные истории и сказки, проговаривали пословицы и поговорки, передавая народную мудрость. Они были духовными наставниками, формировали базовые нравственные ценности ребенка, погружали детей в многовековую народную культуру.

Русская элитарная культура XIX в. включала в себя и неотъемлемые элементы народной духовности. Какую роль играли няни в развитии духовного мира детей? Некоторые авторы мемуаров о русской семейно-бытовой культуре создали образы своих нянь, с благодарностью вспоминая, с какой любовью и добром они относились к детям. К их числу относятся детская писательница Е. Н. Водовозова (1844-1923), историк С. М. Соловьев (1820-1879), писатель и общественный деятель А. И. Герцен (1812-1870).

Елизавета Николаевна Водовозова выросла в многодетной мелкопоместной дворянской семье Александры Степановны (в девичестве Гонецкой) и Николая Григорьевича Цевловских. Их небольшое имение находилось в Смоленской губернии. Лиза осталась без отца еще в малолетнем возрасте. Заботы о семье легли на плечи матери. Елизавета Николаевна писала, что ее мать была занята решением хозяйственных проблем, чтобы обеспечить семье хотя бы минимальные доходы, и у нее было мало времени на занятия с маленькими детьми.

Роль няни Марии в своей жизни Елизавета Николаевна оценила как «выдающуюся» [3, с. 66]. Мария, происходившая из мещан, в 14 лет потерявшая мать, исключительно добрую женщину, сбежавшая от тирана-отца, жестоко ее избивавшего, годами скитавшаяся, влачившая нищенское существование, сохранила в своей душе высокие духовные заповеди, воспринятые от матери. Важнейшей чертой ее личностной культуры была благодарность людям, которые помогли ей выжить, дали кров и пищу. Николай Григорьевич Цевловский, отец Лизы, увидев на улице истощенную девушку, потерявшую от голода сознание, проявил к ней участие, отправил в больницу, дал денег и свой адрес, чтобы она могла обратиться к его семье за помощью. Мария всю свою жизнь помнила, что Цевловский ее «злосчастную, из грязи вытянул» [3, с. 69]. Уже имея работу няни в доме купца Сидоровых, она разыскала семью Цевловских, чтобы «послужить ... за доброту» [3, с. 69]. «За то только, что отец когда-то свез ее в больницу, навестил ее во время болезни, дал несколько рублей на то, чтобы она могла переменить нищенские лохмотья на обычную

деревенскую одежду, душа этой молоденькой девушки преисполнилась к нему безграничной благодарностью, благоговением, доходившим до поклонения. Она дала слово Богу отдать свою жизнь на служение моему отцу и его близким и, несмотря на все превратности судьбы, сдержала свое слово» [3, с. 69]. Мария называл Н. Г. Цевловского своим «благодетелем».

Лучшей чертой русской женской духовной культуры Елизавета Николаевна считала беззаветную любовь к детям. Няня Мария нежно любила своих воспитанников как родных. «Детей своего „благодетеля“ ... она любила, как может только любить нежно любящая мать» [3, с. 69]. Преданная детям, она воспитывала в своих подопечных представления о любви, благодарности, милосердии, доброте. «Всю любовь, всю преданность своего доброго сердца няня отдала нашей семье. У нее не было своей жизни: ее радость и горе были исключительно связаны с нашей жизнью» [3, с. 69]. Выполняя работу по дому, няня «зорко следила» за детьми, заботясь о том, чтобы они были накормлены, одеты, самоотверженно выхаживала больных днем и ночью, не думая о своем отдыхе. Когда ребенок начинал поправляться, она «еще изнуренная уходом и бессонными ночами, от радости не знала, что делать: показывала выздоравливающему всякие фокусы, рассказывала сказки и приключения из своей жизни, пела, даже плясала» [3, с. 69].

Елизавета Николаевна высоко ценила в своей няне ее душевные качества — любовь, доброту, благодарность, самоотверженность, бескорыстие, милосердие, преданность, незлобивость, поражавших всех без исключения [3, с. 69, 70, 238]. Эти нравственные ценности и качества были усвоены Лизой под влиянием няни. Мать Лизы признавала, что после смерти мужа она «без няни совсем бы пропала» [3, с. 69]. По мнению Лизы, смыслом жизни ее няни Марии стали здоровье и успехи ее воспитанников. Мария умела немного читать, поскольку отец с детства готовил ее вести дела на постоялом дворе. Учившиеся в учебных заведениях дети Цевловские писали ей письма, которые она просила много раз читать вслух всем домочадцам, приучая их с заботой думать о своих братьях и сестрах. Понимая роль няни в их жизни, ее воспитанники писали ей нежные эпитеты: «дорогая, золотая, бриллиантовая, любимая нянюшечка», а она пролиwała от счастья «поток слез»: «...да разве я это заслужила?» [3, с. 70]. Если матушка была с детьми «скорее сурова, чем нежна», то няня, писала Елизавета, «обращалась с нами удивительно ласково, употребляя все усилия, чтобы предупредить вспышки матушкиного гнева». «Для нас, детей, она положительно была ангелом-хранителем» [3, с. 70]. Дети понимали и воспринимали транслируемые их

няней человеческие качества. В устном общении они называли ее «славной, дорогой, любимой», а няня никогда не оспаривала их любовь к матери, объясняя, что «разве можно кого-нибудь любить больше матушки родимой?» [3, с. 71]. Она объясняла им, что мать — самый дорогой для ребенка человек в мире, что надо любить ее, даже если она строгая. Если гувернантки иностранного происхождения, как писала Водовозова, заботились в основном о том, чтобы дети «как можно менее докучали родителям» [3, с. 97], то русская няня думала о нравственном развитии и здоровье воспитанников.

По мнению Е. Н. Водовозовой, крепостничество выхолащивало человеческое содержание отношений между господами, с одной стороны, крестьянами и дворовыми людьми, с другой. Оно обуславливало выработку норм социальной зависимости или превосходства. «...в те крепостнические времена ни одно чувство не выражалось по-человечески: господа и рабы, свободные и крепостные выражали свои чувства по-холопски, вытравляя и в детях все зародыши истинно честных и свободных инстинктов» [3, с. 70]. Рабское сознание неполноправия с господами было присуще няне Марии, считавшей себя крепостной, хотя таковой и не являлась. Поскольку в соседних имениях няни были из крепостных, кроме того, Мария боялась оказаться ненужной в доме Цевловских, и, будучи привязанной к ним, она требовала называть ее крепостной. Она сама внушала господским детям, что они не должны гнуть спину перед холопкой, даже если надо было что-то поднять, уроненное няней. Но одновременно она объясняла им, что надо проявлять милосердие к человеку, независимо от его социального положения, если он больной, немощный.

Няня словами и поступками формировала у детей представления о добре и зле, «простыми и понятными примерами их жизни объясняла» [3, с. 236] нормы поведения. Проговаривая какую-нибудь нравственную норму, она подкрепляла ее верой в то, что она установлена Богом, одновременно давая религиозное объяснение правил общения людей. Так, она учила детей понимать, что следует ценить заботу матушки о них: «Ведь она день-деньской как рыба об лед бьется», «...родную матушку Бог велит больше всех любить!» [3, с. 71]. Мать, возвращаясь с полей крайне утомленная, относилась к детям формально, задавая им стереотипные вопросы, не придавала значения их настроению, надеясь на няню: «Отсутствие заботы о нас отчасти, может быть, происходило и оттого, что она прекрасно знала страстную любовь и преданность к нам нашей няни и была покойна, что мы будем одеты и накормлены» [3, с. 103]. Няня своей заботой и любовью поддерживала связь между детьми

и их мамой, сохраняя единство семьи, заполняя своей преданностью и милосердием пустоту, которая возникала от стереотипов в поведении уставшей матери, обязанной кормить пятерых детей. В силу обстоятельств няня стала центром притяжения всех домочадцев, находя к каждому подход, объясняя, что надо принимать жизнь такой, какая есть, но и стремиться к своему личному счастью.

Елизавета Николаевна писала, что ей все время хотелось спросить мать, почему она, образованная женщина, «в такой степени ушла в свое хозяйство, что всю заботу о ...детях» свалила «на плечи няни, правда идеально честной и любящей, но совершенно необразованной» [3, с. 116]. Она понимала, что няня заменяла им мать, но даже самая любящая няня не могла заглушить в ребенке тоску по доброму слову родной матери. Няня обсуждала с хозяйкой все статьи расходов, занималась домоводством, ухаживала за детьми, осторожно защищала их в глазах матери [3, с. 120]. В жизни детей Цевловских, часто обращавшихся с вопросами к няне, она сыграла роль духовного учителя, демонстрировала пример истинно совестливого служения близким людям.

Высокий гуманизм личностной культуры Елизаветы Николаевны Водовозовой в значительной степени был определен душевностью ее няни. Елизавета Николаевна посвятила свою жизнь развитию педагогических идей, писала книги о воспитании ребенка, рассказы для малышей. Она объясняла, что важно интересоваться жизнью ребенка, уважительно к нему относиться, дарить ему любовь и заботу.

Душевная щедрость – черта добрых, любящих нянь. Однако, как уточнял С. М. Соловьев, далеко не во всех семьях были такие замечательные няни. Он родился в семье священника, служившего в Московском Коммерческом училище. Семья жила бедно в комнате при училище. Сергей Михайлович, характеризуя лиц, оказавших влияние на его интеллектуально-нравственное развитие, первыми самыми любимыми и значимыми для него в раннем возрасте назвал бабушку и няню: «Самыми близкими и любимыми существами для меня в раннем детстве были старая бабушка и нянька. Последняя, думаю, имела немалое влияние на образование моего характера» [14]. Он передал свои впечатления и мнения других лиц о женщине, которая работала няней в доме Соловьевых в 1820-е гг. Что ценил Сергей в детском и взрослом возрасте в своей няне? Она, «...сколько я помню сам и как мне рассказывали другие, обладала прекрасным, чистым характером: она была сильно набожна, но эта набожность не придавала ее характеру ничего сурового; она сохраняла постоянно общительность, веселость, желание занять, повеселить других,

больших и малых» [14]. Няню уважали и любили за высокую нравственность, в основе которой лежали православные ценности, оптимизм, юмор, доброжелательность, искренность и открытость в общении как с детьми, так и взрослыми, ее способность находить контакт с человеком, поддержать его, развеять мрачные мысли. Как и няня в доме Цевловских, няня в семье Соловьевых любила рассказывать о своих путешествиях и судьбе. Видимо, ее устная речь была эмоционально окрашенной, образной, увлекательной по сюжету, поскольку Сергей больше всего в детстве любил слушать рассказы старой няни. Он с наслаждением внимал ее воспоминания о трех путешествиях в Соловецкий монастырь и столько же раз в Киев. Сергей Михайлович писал, что эти рассказы «составляли для меня высочайшее наслаждение; если я и родился с склонностью к занятиям историческим и географическим, то постоянные рассказы старой няни о своих хождениях, о любопытных дальних местах, о любопытных приключениях не могли не развить врожденной в ребенке склонности» [14]. «Как теперь я помню эти вечера в нашей тесной детской: около большого стола садился я на своем детском стульчике, две сестры, которые обе были старше меня, одна тремя, а другая шестью годами, старая бабушка с чулком в руках и нянька-рассказчица, также с чулком и в удивительных очках, которые держались на носу только» [14]. Она «с добродушно-насмешливою улыбкою без умолку рассказывала о странствиях своих вдоль по Великой и Малой России» [14]. «...в рассказах своих она любила также шуточный тон, была мастерица рассказывать забавные приключения и даже в приключениях вовсе не забавных умела подмечать забавную сторону» [14]. Няня происходила из крепостных крестьян, ее еще ребенком продали купцу, даже не позволив родителям проститься с ней. Ее неоднократно перепродавали, превратили в наложницу, а затем купец дал вольную, заглаживая грехи своего сына и «благодаря» за верную службу [14]. В Москве она нанялась в услужение к священнику, стала воспитывать детей Соловьевых. Несмотря на страдания в холопстве, женщина сохранила христианские ценности. Рабское состояние научило ее смирению. Но главная причина ее стойкости во всех жизненных ситуациях, с ее слов, – вера в Бога, она давала ей надежду на лучшее.

С. М. Соловьев утверждал, что ему внушила глубокую веру в милость Бога няня: «Если я и родился с религиозным чувством, если в трудных обстоятельствах моей жизни меня поддерживает постоянно надежда на Высшую Силу, то думаю, что не имею права отвергать и влияния нянькиных слов: «А Бог-то!»» [14]. Няня объясняла ребенку, что надо всегда

надеяться на Бога. Ее религиозно-нравственное воздействие на внутренний мир ребенка С. М. Соловьев оценивал как сильное: «Я распространился о старой няньке своей, потому что влияние ее на образование моего характера считаю довольно сильным и потому еще, что после я не встречал подобной няньки и не мог найти для своих детей няньки, хотя сколько-нибудь похожей на мою Марьюшку» [14] Сергей Михайлович сохранил в своей памяти и воспроизвел в воспоминаниях образ своей няни, а ее нравственные установки применял в своей жизни, передал детям.

Александр Иванович Герцен начал свои знаменитые воспоминания «Былое и думы» с пересказа разговора с няней, которую он ласково называл «моя нянюшка». Первые слова в мемуарах Герцена – это обращение к няне: «*Вера Артамоновна, ну расскажите мне еще разок, как французы приходили в Москву...*» [4, с. 57]. Ее рассказы о Москве, когда в нее вошли французы, поражали воображение мальчика. Многократное воспроизведение няней сведений о событиях того тревожного времени, эмоциональное их переживание позволили маленькому Александру на всю жизнь запомнить все услышанное в деталях и пересказать позднее в своем сочинении. По мнению Герцена, первые знания о войне 1812 г. дала ему няня своим подробным изложением событий того военного времени, очевидцем которых она была. Она заинтересовала маленького еще ребенка историей своей родины, формируя его первые представления о горе и достоинстве русских людей, их любви к России, национальное сознание. Позднее Александр получал дополнительные сведения об этой войне от отца и офицеров, которые бывали в доме Ивана Алексеевича Яковлева, отца Герцена. Он оценил эти рассказы как свою «Илиаду» и «Одиссею». «...разумеется, что при такой обстановке я был отчаянный патриот...» [4, с. 64].

А. И. Герцен, выросший в богатой аристократической семье, в детстве испытал влияние многих людей и из социальных низов, и из высшего общества. Однако его оценки лиц определялись не статусом, а их нравственным и интеллектуальным потенциалом и влиянием на людей. Своих двух нянь, русскую и немку, он охарактеризовал как очень добрых женщин, но ему было скучно смотреть, как они «*целый день вяжут чулок и пикируются между собой*» [4, с. 65]. По мнению Герцена, дети проницательны, многое понимают гораздо глубже, чем полагают взрослые, способны понять доброту людей, заботившихся о них. Кроме того, господские дети лучше относились к дворовым, чем хотелось бы их родителям [4, с. 73,76].

«Там русский дух... там Русью пахнет!», – строки А. С. Пушкина [9, с. 364] о национальных корнях культуры, воспринятой им в детстве и в зрелые годы, благодаря няне Арине Родионовне. Знавший европейские языки, Пушкин писал на русском, богатство которого раскрывала ему няня, «добрая подружка», рассказывая сказки и былины из русской истории.

Как видно, коммуникативная практика дворянских детей имела своей обязательной составляющей многолетнее общение в детстве и в зрелом возрасте с представителями русского народа, служившими в господском доме, в том числе с нянями, которые становились духовными наставниками детей, вводили их в национальную культуру, транслировали им свои представления о родине и отношении к ней, религии, русской земле. Няни запомнились Е. Н. Водовозовой, А. И. Герцену, А. С. Пушкину, С. М. Соловьеву рассказами из своего прошлого, действовавшими на воображение детей, развившими их социальную память, содержавшие оценочные суждения о событиях и людях. Усваивая устную речь народа, имевшую нравственные, национальные смыслы, дети становились носителями русской духовной культуры и многих традиций. Позитивное отношение к няням лишь усиливало укоренение русскости в ментальности будущих интеллектуалов. Мемуаристы с редкостной благодарностью создавали образы любимых ими нянь, желая сохранить их в памяти современников и потомков. Няни хранили и передавали своим воспитанникам моральные ценности, а подопечные, осознанно восприняли многие значимые нравственные принципы, ставшие для них ориентирами в общении с людьми, социокультурной среде. Няни формировали у воспитанников представления о добре и зле, социальном мироустройстве. Благодаря няням дети из привилегированных сословий становились носителями своего родного языка, а не только французского и немецкого, знакомились с народной культурой. Передача из поколения в поколение базовых составляющих русской духовной культуры была основным механизмом хранения и трансляции нравственных основ жизни общества в меняющемся мире. Няни были своеобразным духовным мостом между высшим дворянским сословием и социальными низами. Благодаря няням, дворяне реально были не только знакомы с духовным миром народа, но и привнесли его ценности в свою новую культуру «русской европейскости», имевшую свои отличительные от западной цивилизации черты. Национальные особенности «русской европейскости», как называли новую культуру XIX в. западники, в том числе А. И. Герцен, С. М. Соловьев, определялись

спецификой духовного мира русских людей, высокой значимостью для них понятий совести, милосердия, добра и греха, сострадания, любви к людям и родине, взаимопомощи. Одной из составляющих элитарной культуры в России того времени, создаваемой писателями и учеными, были нравственные ценности и нормы, выработанные русским народом, переданные представителям высших слоев общества.

Библиографический список

1. Белова, А. В. Четыре возраста женщины. Повседневная жизнь русской провинциальной дворянки XVIII – середины XIX в. [Текст] / А. В. Белова. – СПб. : Алетейя, 2014. – 480 с.
2. Борисова, А. В. Образование женщины-дворянки в России во второй половине XVIII – первой половине XIX в. [Текст] / А. В. Борисова // Частное и общественное: гендерный аспект: Материалы Четвертой международной научной конференции РАИЖИ и ИЭА РАН, 20-22 октября 2011 года. – Т. 1. – Ярославль, М., 2011. – С. 306-310.
3. Водовозова, Е. Н. На заре жизни: в 2 т. Т. 1 [Текст] / Е. Н. Водовозова. – М. : Художественная литература, 1987. – Т. 1. – 511 с.
4. Герцен, А. И. Былое и думы: в 3 т. [Текст] / А. И. Герцен. – М.: Художественная литература, 1973. – 448 с.
5. Каролина де Магд-Соэп. Эмансипация женщин в России: литература и жизнь [Текст] / Каролина де Магд-Соэп. – Екатеринбург : Изд-во Уральского ун-та, 1999. – 252 с.
6. Пиетров-Эннкер, Бианка. «Новые люди» России. Развитие женского движения от истоков до Октябрьской революции [Текст] / Бианка Пиетров-Эннкер. – М. : РГГУ, 2005. – 448 с.
7. Пушкирева, Н. Л. Частная жизнь русской женщины XVIII века [Текст] / Н. Л. Пушкирева. – М. : Ломоносов, 2012. – 208 с.
8. Пушкирева, Н. Л. «История повседневности» и «История частной жизни»: содержание и соотношение понятий [Текст] / Н. Л. Пушкирева // Социальная история. Ежегодник. – 2005. – М., 2005. – С. 98-99.
9. Пушкин, А. С. Руслан и Людмила [Текст] / А. С. Пушкин // Пушкин А. С. Собрание сочинений в шести томах. – Т. 2. – М. : Правда, 1969. – С. 363-435.
10. Репина, Л. П. Персональные тексты и «новая биографическая история»: от индивидуального опыта к социальной памяти [Электронный ресурс] / Л. П. Репина. – URL: <http://ist-bessmertie.narod.ru/statrepina.htm>.
11. Розина, О. В. Нравственный идеал семьи как мировоззренческий выбор [Текст] / О. В. Розина // Традиционные семейные ценности: диалог поколений. По материалам конференций, проведенных г. Москва 24 июня в г. Алапаевск Свердловской области 16 июля 2015 года. – М. : Международная общественная организация «Союз православных женщин», 2015. – С. 79-83.
12. Рябов, О. В. «Матушка-Русь» [Текст] / О. В. Рябов. – М. : Ладомир, 2001. – 202 с.
13. Сараева, Е. Л. Русские западники о положении женщин в первой половине XIX века [Текст] / Е. Л. Сараева // Женщины Ярославля: история и современность: Материалы научно-практической конференции, 2 декабря 2004 года, Ярославль. – Ярославль : Изд-во МУ «Городской научно-методический центр социальной политики», 2005. – С. 65-70.
14. Соловьев, С. М. Мои записки для детей моих, а если можно, и для других [Электронный ресурс] / С. М. Соловьев. – URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html.
15. Яковкина, Н. И. История русской культуры: XIX век [Текст] / Н. И. Яковкина. 2-е изд., стер. – СПб. : Издательство «Лань», 2002. – 576 с.
16. Borscheid, P. Alltagsgeschichte–Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit // Uber das Studium der Geschichte / Hrsg. von W. Hardtwig. – Munchen, 1990. – S. 389-407.

Reference list

1. Belova, A. V. Chetyre vozrasta zhenshhiny. Povsednevnaia zhizn' russkoj provincial'noj dvorjanki XVIII – serediny XIX v. = Four age of the woman. Everyday life of the Russian provincial noblewoman of the XVIII – the middle of the XIX century. [Tekst] / A. V. Belova. – SPb. : Aleteja, 2014. – 480 s.
2. Borisova, A. V. Obrazovanie zhenshhiny-dvorjanki v Rossii vo vtoroj polovine XVIII – pervoj polovine XIX v. = Education of the female noblewoman in Russia in the second half of the XVIII – the first half of the XIX century. [Tekst] / A. V. Borisova // Chastnoe i obshhestvennoe: gendernyj aspekt: Materialy Chetvertoj mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii RAIZhI i IJeA RAN, 20-22 oktjabrja 2011 goda. – T. 1. – Jaroslavl', M., 2011. – S. 306-310.
3. Vodovozova, E. N. Na zare zhizni: v 2 t. T. 1 = At the beginning of life: in 2 v. V. 1 [Tekst] / E. N. Vodovozova. – M. : Hudozhestvennaja literatura, 1987. – T. 1. – 511 s.
4. Gercen, A. I. Byloe i dumy: v 3 t. Past and thoughts: in 3 v. [Tekst] / A. I. Gercen. – M.: Hudozhestvennaja literatura, 1973. – 448 s.
5. Karolina de Magd-Sojep. Jemansipacija zhenshhin v Rossii: literatura i zhizn' = Emancipation of women in Russia: literature and life [Tekst] / Karalina de Magd-Sojep. – Ekaterinburg : Izd-vo Ural'skogo un-ta, 1999. – 252 s.
6. Pietrov-Jennker, Bianka. «Novye ljudi» Rossii. Razvitie zhenskogo dvizhenija ot istokov do Oktjabr'skoj revoljucii = «New people» of Russia. Development of women's movement from sources before the October revolution [Tekst] / Bianka Pietrov-Jennker. – M. : RGGU, 2005. – 448 s.
7. Pushkareva, N. L. Chastnaja zhizn' russkoj zhenshhiny XVIII veka = Private life of the Russian woman of the XVIII century [Tekst] / N. L. Pushkareva. – M. : Lomonosov, 2012. – 208 s.

8. Pushkareva, N. L. «Istorija povsednevnosti» i «Istorija chastnoj zhizni»: sodержanie i sootnoshenie ponjatij = «Daily occurrence history» and «History of private life»: contents and ratio of concepts [Tekst] / N. L. Pushkareva // Social'naja istorija. Ezhegodnik. – 2005. – M., 2005. – S. 98-99.
9. Pushkin, A. S. Ruslan i Ljudmila = Ruslan and Lyudmila [Tekst] / A. S. Pushkin // Pushkin A. S. Sobranie sochinenij v shesti tomah. – T. 2. – M. : Pravda, 1969. – S. 363-435.
10. Repina, L. P. Personal'nye teksty i «novaja biograficheskaja istorija»: ot individual'nogo opyta k social'noj pamjati = Personal texts and "modern biographic history": from individual experience to social memory [Jelektronnyj resurs] / L. P. Repina. – URL: <http://istbessmertie.narod.ru/statrepina.htm>.
11. Rozina, O. V. Nравstvennyj ideal sem'i kak mirovozzrencheskij vybor = Moral ideal of family as a world outlook choice [Tekst] / O. V. Rozina // Tradicionnye semejnye cennosti: dialog pokolenij. Po materialam konferencij, provedennyh g. Moskva 24 ijunja v g. Alapaevsk Sverdlovskoj oblasti 16 ijulja 2015 goda. – M. : Mezhdunarodnaja obshhestvennaja organizacija «Sojuz pravoslavnyh zhenshhin», 2015. – S. 79-83.
12. Rjabov, O. V. «Matushka-Rus'» = «Mother Russia» [Tekst] / O. V. Rjabov. – M. : Lodomir, 2001. – 202 s.
13. Saraeva, E. L. Russkie zapadniki o polozenii zhenshhin v pervoj polovine XIX veka = The Russian Westerners about position of women in the first half of the XIX century [Tekst] / E. L. Saraeva // Zhenshhiny Jaroslavlja: istorija i sovremennost': Materialy nauchno-prakticheskoy konferencii, 2 dekabrja 2004 goda, Jaroslavl'. – Jaroslavl': Izd-vo MU «Gorodskoj nauchno-metodicheskij centr social'noj politiki», 2005. – S. 65-70.
14. Solov'ev, S. M. Moi zapiski dlja detej moi, a esli možno, i dlja drugih = My notes for my children and if it is possible, and for others [Jelektronnyj resurs] / S. M. Solov'ev. – URL: http://dugward.ru/library/solovyev_s_m/solovyev_s_m_moi_zapiski.html.
15. Jakovkina, N. I. Istorija russkoj kul'tury: XIX vek = History of the Russian culture: the XIX century [Tekst] / N. I. Jakovkina. 2-e izd., ster. – SPb. : Izdatel'stvo «Lan», 2002. – 576 s.
16. Borscheid, P. Alltagsgeschichte–Modetorheit oder neues Tor zur Vergangenheit // Uber das Studium der Geschichte / Hrsg. von W. Hardtwig. – Munchen, 1990. – S. 389-407.

Дата поступления статьи в редакцию: 03.04.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Н. А. Хренов <https://orcid.org/0000-0002-6890-7894>

«Творческий ответ» Сталина на вызов истории в контексте византийской традиции

Статья продолжает серию публикаций в области культур-философского исследования русской революции и постреволюционной эпохи в истории России как цивилизации. В данной статье, продолжающей предыдущие публикации, рассматривается тот «творческий ответ» находящегося у власти Сталина, который ему приходится давать в ситуации кризиса революции 1917 года, что начал ощущаться в последующие десятилетия, и в ситуации возникшей в мире милитаристской атмосферы как предвосхищения второй мировой войны. В этой ситуации Сталин, жертвуя идеалами революции, насаждает в стране тоталитарный режим, который, как он предполагает, становится неизбежным в силу необходимости противостоять Вызову со стороны Запада и, в частности, со стороны Германии. Реализуя свой «творческий ответ», как бы его не оценивать с точки зрения сегодняшнего дня, в новых условиях, Сталин из не самых известных деятелей революции 1917 года становится самым известным. В статье ставится акцент, во-первых, на то, что в этом возвышении вождя активную роль играла уставшая от революционного возбуждения масса, стремящаяся к наведению порядка в стране и, во-вторых, на том, что вторая мировая война будила психологические комплексы, связанные с непростыми отношениями, которые в истории существовали между Россией и Западом, а также, более конкретно, между Россией и Германией.

Ключевые слова: столкновение цивилизаций, революция, Сталин, постреволюционный период, вызов истории, творческий ответ, вождь, древние пласты культуры, вторая мировая война, кризис революции, романтический период революции, византизм, ментальность, германизм, Тойнби, тоталитаризм, Данилевский, Запад, славянофильство, мифологический архетип.

N. A. Khrenov

I. Stalin's «Creative Answer» to History Challenge in the Context of the Byzantine Tradition

The article continues a series of publications in the field of cultural and philosophical research of the Russian revolution and a post-revolutionary era in the history of Russia as a civilization. This article continuing the previous publications considers Stalin's «creative answer» which he had to give in the crisis situation of the revolution of 1917 that began to be felt in the next decades, and in the situation occurred in the world of the militaristic atmosphere as anticipation of the World War II. In this situation Stalin, sacrificing revolution ideals, forces the totalitarian regime in the country which as he assumed, became inevitable in order to resist the challenge from the West and, in particular, from Germany. Realizing «the creative answer», trying not to estimate it in terms of today, in new conditions, Stalin being not the most famous figures of the revolution of 1917 became the most known. In the article the emphasis is made, firstly, on the fact that in this eminence of the leader an active role was played by the masses tired from revolutionary excitement, seeking for establishing order in the country and, secondly, that the World War II awoke psychological complexes connected with the difficult relations which were in history between Russia and the West and also, more specifically, between Russia and Germany.

Keywords: collision of civilizations, revolution, Stalin, post-revolutionary period, history challenge, creative answer, leader, ancient layers of culture, World War II, crisis of revolution, romantic period of revolution, Byzantism, mentality, germanism, Toynbee, totalitarianism, Danilevsky, West, Slavophilism, mythological archetype.

Часто используемая аналогия между русской революцией 1917 года и процессами Французской революции, о чем мы писали в предыдущей части статьи, кое-что объясняет, но далеко не все. Может быть, то, что произошло на рубеже 20-30-х годов, трудно осмыслить не только в понятиях истории революции, но и в понятиях политической истории. Хотя, конечно, в эпоху Ленина и Сталина все осмыслялось исключительно с помощью политической терминологии, то есть той терминологии, что впервые появилась в сочинениях деятелей эпохи Просвещения. Так осмыслял развертывающиеся процессы, уже не

стихийные, а регулируемые, и сам Сталин. Многое свидетельствует о том, что, сосредоточив в своих руках власть и опираясь на мощный бюрократический аппарат, Сталин отныне сам задает логику исторического развития созданной им бюрократической системы, подчинившей себе поведение массы.

Но в данном случае следовало бы задать вопрос: осознавал ли Сталин все, что происходило в истории в эпоху, когда, казалось, что ничего не могло происходить такого, чего бы не мог программировать вождь? Тем не менее, кроме осознаваемых в истории процессов всегда

существовали и продолжают существовать и процессы бессознательные, то есть неосознаваемые теми людьми, которым кажется, что они полностью контролируют все происходящее. В данном случае невозможно не вспомнить суждение Гегеля. «... Во всемирной истории благодаря действиям людей вообще получаются еще и несколько иные результаты, чем те, к которым они стремятся и которых они достигают, чем те результаты, о которых они непосредственно знают и которых они желают; они добиваются удовлетворения своих интересов, но благодаря этому осуществляется еще и нечто дальнейшее, нечто такое, что скрыто содержится в них, но не осознавалось ими и не входило в их намерения» [3].

Иначе говоря, ставя какую-то задачу, которая, как кажется, способна реализовать самую благую идею, просветить и облагородить человечество, какой-то народ, используя неверные средства, способен нанести вред не только себе, но и человечеству, что постоянно в истории и происходит. Ведь для того, чтобы реализовать идею добра, справедливости и братства, русские должны быть не только нравственно способными к этой акции, но быть сильными. Но чтобы быть сильными, необходимо вызвать к жизни мощное государство, словно следуя тому же Гегелю, связавшему свободу с государством. Это государство оказывается империей, а каждая империя, возникнув, стремится распространить свое влияние на весь мир. Такова уж природа империи. Но, чтобы распространиться в мировом пространстве, империя должна милитаризоваться. На этой основе возникает культ силы. А там, где сила, там и язычество. Чем больше язычества, тем быстрее угасают те нравственные ценности, что принесло с собой христианство. Именно это усиление языческого начала на Руси усматривал В. Соловьев в связи с укреплением Иваном Грозным государственности [8]. Со временем под воздействием имперского комплекса разворачивается перерождение. Ничего другого, кроме подавления других народов, этот уверовавший в себя народ дать уже оказывается неспособным. Мечта оказывается нереализованной, да и несостоявшейся. Это произошло в XX веке с Россией. Это в XXI веке происходит с Америкой.

Хотелось бы осознать то, что не осознавалось теми, кто пытался определить логику политической истории, вмешиваясь в исторический процесс и пытаясь радикально ее изменить. Деятельность Сталина Л. Троцкий связывает с созданием бюрократического аппарата, который, собственно, и явился результатом перерождения революции. Но что означает создание бюрократического аппарата? Усиление бюрократии является свидетельством укрепления мощи

государства. Сталин реабилитирует государственность и на развалинах царской империи возводит новую империю, хотя так ее и не называя. Эта империя оказалась в изоляции, когда во всем мире империи разрушались.

Но что означает возвращение к империи? Возвращение к империи и реальность тоталитарного государства означает одно и то же. Тоталитаризм означает жесткую регламентацию всего, что существует в государстве вплоть до личной жизни людей. Хотя не каждая империя предполагает столь жесткую регламентацию, в случае со Сталиным дело обстоит именно так. Во многих исследованиях, касающихся сталинского курса, констатируется реальность тоталитаризма, связанная с курсом Сталина. Такое ощущение, что, указывая на тоталитаризм, исследователь исчерпывает все аргументы. Но почему возникает тоталитаризм? Что за ним стоит? Является ли эта политическая система новой формой государства или же она имеет прецеденты в истории?

Ставя вопрос именно так, мы уже вводим рассмотрение вопроса в пространство истории, понимаемой как история и культуры, и цивилизации. В данном случае мы следуем методологии изучения истории, используемой А. Тойнби. Именно А. Тойнби развел историю государства и историю цивилизации, которую следует понимать шире, ибо в нее могут входить несколько государств, как это демонстрирует, например, Запад. Сам А. Тойнби историю рассматривает в понятиях цивилизации, а не в понятиях государства, ведь государство представляет «эфемерный политический феномен в жизни цивилизаций, в лоне которых они появляются и исчезают» [10].

Собственно, сталинская тоталитарная система – вовсе не новая политическая конструкция, а дань и политической, и культурной традиции, сформировавшейся еще в глубокой истории в ту эпоху, когда русские многое заимствовали в Византии. Следовательно, вопрос о генезисе тоталитаризма в России – это вопрос не только курса Сталина, но истории и судьбы российской цивилизации. Оценки деятельности Сталина должны исходить из понимания того, что им сделано такого, что позволило продлить жизнь России как особой цивилизации, независимо от того, осознавал это вождь или не осознавал.

Как уже отмечалось ранее, противостояние России и Запада имеет глубокие исторические корни. Заимствуя многое у Византии, Россия включалась в то противостояние, которое связано с противостоянием Запада и Византии. Но применительно к обсуждаемой теме – теме отношений между Россией и Германией,

что стало главным во второй мировой войне, это противостояние тоже многое объясняет. Ведь еще Н. Данилевский одним из первых пытался осознать ту причину неприязни Германии к России, которая вытекала из византийских корней России. Об этом очень точно писал К. Леонтьев. «Византизм – писал он – организовал нас, система византийских идей создала величие наше, сопрягаясь с нашими патриархальными, простыми началами, с нашим, еще старым и грубым в начале, славянским материалом. Изменяя даже в тайных помыслах наших этому византизму, мы погубим Россию» [5].

Конфликт, который получил во время второй мировой войны выражение в столкновении России и Германии, уходит глубоко в историю, в отношения между Римом первым и Римом вторым, то есть Византией. Когда эти великие цивилизации угасли, их противостояние передалось более молодым народам. Эту расстановку сил в истории Н. Данилевский представляет так: «Но и Рим, и Византия уже изжили свои творческие силы и должны были передать свое наследие новым народам. Наследниками Рима явились германцы, наследниками Византии – славяне; и в этих народах должна была ожить вековая борьба, которая велась всяким оружием между Грецией и Римом» [4].

Ставя вопрос о взаимоотношениях между цивилизациями, А. Тойнби решительно относит Россию не к западной, а именно к византийской цивилизации, доказывая, что некогда усвоенные византийские формы продолжают быть активными. «Почти тысячу лет русские... принадлежали не к нашей западной цивилизации, – пишет он – но к Византии – сестринскому обществу того же Греко-римского происхождения, но, тем не менее, совершенно другой цивилизации. Российские члены византийской семьи всегда резко противились любой угрозе попасть под влияние западного мира и продолжают противиться по сей день. Чтобы обезопасить себя от завоевания и насильственной ассимиляции со стороны Запада, они постоянно заставляют себя овладеть достижениями западной технологии. Этот *tour de force* (рывок) был совершен, по крайней мере, дважды в русской истории: первый раз Петром Великим, второй – большевиками» [10].

Некогда сделанный русскими выбор в пользу Византии продолжает определять ориентации России и по сей день. Именно эта, как выражается А. Тойнби, «упрямая приверженность византийской цивилизации и породила в истории «враждебное отношение Запада» к России [10], что не могло не проявиться и в войнах XX века. Собственно, именно это отношение Запада к России и представляет Вызов. А. Тойнби еще более точно расшифровывает смысл Запада как Вызова по

отношению к России. Соответственно, усвоение византийской традиции как в ее политическом, так в религиозном и культурном преломлении навсегда определило и отношение России к Западу. «Узурпируя таким образом, сознательно и намеренно, византийское наследие – пишет А. Тойнби – русские вместе со всем прочим восприняли и традиционное византийское отношение к Западу, что оказывало глубочайшее влияние на собственно российское отношение к Западу не только до революции 1917 года, но и после нее» [10].

Спрашивается, а причем тут византизм, когда Сталин исходил, прежде всего, из марксизма как доктрины, рожденной вовсе не византийской, а именно западной цивилизацией? Но в том – то все и дело, что, возникнув на Западе, марксизм как система радикальных идей меньше всего оказался реализованным на Западе в жизни. Будучи усвоенной русскими и, прежде всего, русскими радикалами эта система здесь претерпела трансформацию. Она здесь реализуется в контексте и в формах византийской традиции. Собственно, так ведь и должно было быть. Ни одна цивилизация, заимствуя опыт другой цивилизации, не использует этот опыт в его чистой форме, то есть в форме, присущей другой цивилизации. Чтобы этот опыт прививался, он должен был быть переведен на язык культуры, усваивающей чужой опыт. Поэтому история революции, как и политическая история в России принимает византийский вид и предстает уже как порождение византийской цивилизации. В конце XVIII – начале XIX веков такой поворот дела был потенциальным, и реабилитация византийской традиции в ставшей после Петра I прозападной России развертывалась в частных сферах (например, об этом свидетельствовала реабилитация старчества, а значит, исихазма и т. д.). Так, касаясь деятельности святых отцов – святителя Тихона и старца Паисия, Г. Флоровский говорит о восстановлении лучших заветов византийского монашества и возвращении в XV век, в исихазм («Это было возвратное движение русского духа к византийским отцам» [13]).

В начале XX века марксизм этому принципу придал реальные формы. Чтобы выйти из ценностных ориентаций западной цивилизации, в соответствии с которыми Россия развивалась с Петра, нужно было опереться на какую-то уже существовавшую в истории основу. Ею и стала византийская традиция. Но в романтическую эпоху революции этот процесс еще не был очевидным. По-настоящему византийская традиция стала судьбой России в момент, когда власть сосредотачивается в руках Сталина, а, еще точнее, в экстремальной ситуации, какой и явилась вторая мировая война. Следовательно, империя в ее новой –

Сталинской редакции – это реабилитация византийской традиции, которая была так упакована в марксистскую терминологию, что, казалось, ни о какой активности этой исторической традиции не могло быть и речи. Тем не менее, это именно так. А, как известно, византийская традиция в ее государственной форме известна как «второй Рим».

Но если Сталин реабилитирует византийскую традицию, то было бы уместным назвать возводимую Сталиным вертикаль власти – новым «третьим Римом». Нет, не случайно некоторыми Сталин воспринимался в образе первого архитектора «третьего Рима» – Ивана Грозного. Так, даже работавшая в Кремле кухарка эстонского происхождения однажды, как утверждает Л. Троцкий, сказала о Сталине: «Ходит по Кремлю насуспенный, как Иван Грозный» [12]. Эта аналогия, возникающая в массовом сознании, подхватывалась и самим Сталиным. Он тоже улавливал параллель с тем, что он внедряет, что создает, византийской традиции. Поэтому он и сам бы хотел, чтобы его образ воспринимался в соответствии со средневековым русским царем. Поэтому он и стал инициатором постановки фильма об Иване Грозном, который, правда, он все же прикажет смыть, уничтожить.

Ничто так не позволяет уяснить эту тенденцию как искусство. Разумеется, ни в одной стенограмме какого-либо партийного съезда невозможно обнаружить ориентацию на Византию в ее осознанной форме. Византийский комплекс русских – это загнанный в подсознание комплекс. Но искусство как раз и призвано извлекать из подсознания такие неосознаваемые комплексы, делая их явными. Именно это и произошло с фильмом С. Эйзенштейна «Иван Грозный». Утверждение идеологии «третьего Рима» Иваном Грозным с XVI века оказывается иносказанием того, что в реальной истории происходило в России.

Но фигура русского средневекового царя появилась в эту эпоху также и в литературе. Так, государственную премию получил и роман Костылева об Иване Грозном. Это произошло уже после войны. Комментируя этот факт, К. Симонов говорит о современном его звучании, о перекличке имен. «Иван IV вчерне завершил двухвековое объединение Руси вокруг Москвы – пишет К. Симонов – Видимо, у Сталина именно в те годы могло быть схожее представление о собственной роли в истории России – и на Западе, и на Востоке было возвращено все, ранее отнятое, и все, ранее отданное, и вдобавок была решена и задача целых столетий о соединении Восточной и Западной Украины, включая даже Буковину и Закарпатье» [7]. К. Симонов не исключает того, что для Сталина образ Ивана Грозного явился средством исторического самооправдания и самоутверждения. «Для него (Сталина – Н. Х.) Грозный

был безоговорочно прав, – пишет К. Симонов – и этой правотою его и удовлетворяла, может быть, гениальная в своих художественных частностях и находках, но исторически безнравственная первая серия эйзенштейновского «Ивана Грозного» [7]. Следует отдать должное С. Эйзенштейну, который, погрузившись в атмосферу XVI века, представил это не столько иллюстрацией некогда случившихся событий, а как трагедию, что и привело к запрету этого фильма. Задумываясь о причинах запрета этого фильма. К. Симонов предполагает следующее: «По-моему, вторая серия попала к Сталину в такое время, когда интерес его к аналогиям с Грозным ослабел, это стало не очень актуальным для него – может быть, временно» [7].

Разумеется, лишь возрождение византийской традиции уже возвращает Россию к оппозиции с Западом, поскольку Византия всегда была альтернативой Западу, который собственно, во многом, во всяком случае, не в меньшей мере, чем мусульманский мир, способствовал закату византийской империи. Стало быть, реабилитация идеи третьего Рима автоматически приводит к противостоянию с Западом, а это противостояние, как это утверждает А. Тойнби, характерно для всей российской истории. Оно не стало менее заметным даже со времен Петра I. В отличие от Ленина и Троцкого, Сталин с самого начала не переоценивал значение идеи мировой революции, как и многое другое. Так, касаясь Брест-Литовского кризиса в 1918 году, Л. Троцкий пишет: «Но по существу международная революция в те дни, как и значительно позже, оставались для него (Сталина – Н. Х.) безжизненной формулой, с которой ему нечего было делать в практической политике» [12].

Судя по всему, Сталин не был западником и скептически относился к тем революционерам, которые набирались ума, находясь в эмиграции, не исключая и Ленина («Идеи Ленина кажутся ему эмигрантской фантазией» [12]). Негативное отношение к Западу проявилось и в непонимании, как отметит Л. Троцкий, Сталиным сути тех революций, что происходили в западных странах. Более того, Л. Троцкий даже утверждает, что революционер Сталин вообще не понимал сути революций, в том числе, и Октябрьской, активным участником которой, как он сам себя позднее будет подавать, он являлся. «Не вынужденный продумывать задачи революции с тем напряжением мысли, какое создается только чувством непосредственной ответственности, Сталин так и не понял до конца внутренней логики Октябрьского переворота. Оттого так эмпиричны, разрозненны и несогласованны его воспоминания, так противоречивы

его позднейшие суждения о стратегии восстания, так чудовищны его ошибки в отношении ряда позднейших революций (Германия, Китай, Испания). Поистине, революция не есть стихия этого бывшего «профессионального революционера» [11].

Л. Троцкий, как выразитель романтических революционных идей и настроений, никак не находит места Сталину ни в истории революции, ни в политической истории. Но история распорядилась иначе. Место все же нашлось. Сталин вписал себя в историю, но только понимать эту историю следует гораздо шире, чем только как история революции или даже политическая история. Российскую историю Сталин возвращал в прежнюю колею, в ту колею, которая некогда обозначилась еще в момент ассимиляции политических и религиозных традиций Византии. Иначе говоря, деятельность Сталина следует рассматривать в больших длительностях истории как истории цивилизации. В этом возвращении к византийской традиции история проявляется уже не только с политической, а с культурной и с цивилизационной стороны.

Отдавал ли отчет Л. Троцкий, который еще в 1924 году знал, что Сталин будет диктатором [12], что Сталин возрождает именно византийскую традицию и что в этом его сила? Да, Л. Троцкий это знал, хотя и не придавал значения, как всякий политический авангардист и пропагандист идей модерна, традициям. «Честолюбие Сталина – пишет Л. Троцкий – приняло некультурные, азиатские формы, помноженные на европейскую технику. Ему нужно, чтоб печать каждый день отпечатывала его портреты, говорила о нем, печатала его имя жирным шрифтом, причем даже чиновники телеграфа знают, что нельзя принимать на имя Сталина телеграмм, в которых он не называется отцом народов или великим и гениальным учителем. Роман, опера, кинематограф, скульптура, сельскохозяйственная выставка – все это должно вращаться вокруг Сталина, как вокруг оси. Литература и искусство сталинской эпохи войдут навсегда в историю как образцы непревзойденного византизма» [12].

Эту мысль о византийских установках Л. Троцкий еще раз повторит в том месте своей книги, в котором он говорит об уничтожении не только старой гвардии большевиков, хорошо его знавших, но и преданных ему какое-то время людей. «По мере того, как прежде в пропаганде, в печати, в школах поднималась волна отвратительного византизма, Сталин никак не мог терпеть на ответственных административных постах людей, которые знали правду и которые сознательно говорили ложь в качестве доказательства своей верности вождю» [12].

С этой точки зрения интересны опять-таки наблюдения К. Симонова над тем, как переписывается не только российская история, понимаемая Сталиным как предыстория к деятельности его как государственного деятеля, но и история революции, в которой Сталин задним числом должен был занять то место, которое он в реальности никогда не занимал. В связи с этим Сталин в истории революции выдвигал на первые места одних политических и военных деятелей и делал неизвестными других, подчас тех, кто как раз в революции играл главную роль. Так, например, Сталин поддерживал фильм «Чапаев» и стал инициатором фильма о Щорсе. Задумываясь о причинах такого отбора, К. Симонов пишет: «И Чапаев, и Щорс были подлинными героями гражданской войны, но при этом с точки зрения общих масштабов были, конечно, фигурами второго плана. И поддержка Сталиным фильма «Чапаев» и его идея фильма о Щорсе пришлось на ту пору, когда фигуры первого плана, занимавшие высокие посты в современной армии, такие, как Егоров, как Тухачевский или Уборевич, бывшие командующие Юго-Западным, Западным, Дальневосточными фронтами, были предназначены к исчезновению из истории гражданской войны – не просто к исчезновению из жизни, а к исчезновению из истории» [7].

Конечно, актуализация византийской традиции предполагает и соответствующее отношение к Западу. Когда выяснилось, что большой альянс, созданный в годы второй мировой войны, после ее окончания сохранить не удастся и стало очевидным, что Америка стремится лидировать в мире и диктовать свой императив, Сталин, который делал столько усилий по обеспечению равновесия и утверждению роли СССР в деле мира, переключился на создание и укрепление советского блока в странах Восточной Европы. Его план сохранения и развития демократизации в этих странах сменился жесткой советизацией. Соответственно, изменился и курс во внутренней политике. Во время переговоров Сталина с деятелями Запада в ходе войны становилось ясно, что между Россией и Западом возникает взаимопонимание, что обещало хорошую перспективу на будущее. Русские люди чувствовали благодарность Запада за совершенный ими подвиг во время войны. Россия предстала перед народами мира с лучшей стороны. Правда, никто не думал о том, ценой каких жертв, в том числе, и ограничения свободы был этот подвиг совершен.

Казалось, повторилось то, что уже было реальным в годы первой мировой войны, когда Россия вынуждена была выступить против германизма, против немецкой национальной идеи, убежденности немцев эпохи

Вильгельма II в том, что отныне они выражают дух Запада и, следовательно, способны представлять интересы всех западных стран. Собственно, так оно и было. Германизм – это то худшее, что накопилось в западной цивилизации и получило концентрированное выражение в германизме. Поэтому противостоя германизму, Россия могла способствовать освобождению Запада от того, что самим западным людям в себе не нравится и от чего они хотели бы освободиться. Таким образом, противостоя Германии, Россия укрощает дух германизма с его империалистическими амбициями и тем самым возвращает Запад к тому, что в нем есть самого идеального. Известно, что в России отношение к Западу всегда было амбивалентным. Следовательно, война с Германией – это стремление России спасти на Западе то, что русским и, в особенности, славянофилам на Западе нравилось.

По всей видимости, именно в первую мировую войну этот комплекс избавления ощутили не только русские, но сами немцы, французы и англичане. Поэтому на этой почве и возникало большее понимание, хотя оно и не имело продолжения в силу того, что Октябрьская революция и последующий террор в России вновь оттолкнул Запад от России. Эту возможность нового, более глубокого единения между Россией и Западом, ставшую реальностью еще в первую мировую войну, хорошо ощущал В. Эрн. «Отношение России к Европе – писал он – стало чрезвычайно простым после того, как отрицательные богоубийственные энергии Запада стали сгущаться в Германии, как в каком-то мировом нарыве, – и оттягивать весь воспалительный процесс в одно место. Когда вспыхнула война и наяву в Бельгии, Франции и Англии воскресли «святые чудеса», между Россией и этими странами установилось настоящее духовное единство. С этой Европою подвига и героизма, с Европою веры и жертвы, с Европою благородства и прямоты мы можем вместе, единым сердцем и единым духом, творить единое «вселенское дело» [15].

При этом В. Эрн и обращает внимание на то, что русских и других европейцев в годы войны объединил вовсе не враг, как это часто случается, в данном случае враг в лице Германии, а любовь и привязанность к родственным и близким святыням. «Как бы ни была значительна и огромна война, с более общих точек зрения судеб Европы и России она все же представляется только началом нового периода истории, в котором духовные силы Востока и Запада станут в какие-то новые творческие и небывалые еще соотношения, и Европе в дружном сотрудничестве с Россией придется пересмотреть в свете пережитого «онтологического» опыта войны, все основы своего

духовного бытия и найти новые пути дальнейшего культурного и духовного развития» [15].

То, что не могло реализоваться в первых десятилетиях XX века, то вновь стало актуальным во время второй мировой войны. Судя по всему, Сталин рассчитывал на большее понимание со стороны западных держав, и для этого были основания. Во всяком случае, после второй мировой войны для этого оснований было больше. Однако готовность Сталина открыться Западу не встретила ответной реакции. Диктатору не доверяли. Не доверяли все больше и больше. Сталин ассоциировался с Востоком, а Восток для Запада – травма на протяжении всей предшествующей истории. Такое ощущение, что, низвергнув с помощью одного диктатора (Сталина) диктатора другого (Гитлера), Запад начал наступление на Сталина, еще недавно бывшего союзником Запада. Так возникшее сближение сменялось все более утверждающим себя отчуждением. Начиналась холодная война. Выступление Черчилля в Фултоне уже свидетельствовало о том, что Запад Сталину не только не доверяет, но и высказывает опасения. Сталина, который принес в жертву миллионы жизней русских людей на алтарь освобождения, в том числе, и Запада, это ожесточило. Это не могло не сказаться на том курсе, который был взят им после войны. Ощущая недоверие со стороны Запада, Сталин отвечал тем же.

Так извечное непонимание России Западом, осмысленное еще славянофилом Н. Данилевским, получило продолжение. Уходящий глубоко в историю цивилизационный конфликт продолжал сохраняться. После войны Сталин вызвал к жизни курс, который, по сути дела, возрождает установки славянофилов. Так, то, что после войны будут называть космополитизмом, преклонением перед Западом, в XIX веке называли «европейничаньем» или «нашим балансированием перед общественным мнением Европы, которую мы признали своим судьей, перед решением которого трепещем, милость которого заискиваем» [4].

Имея в виду это «европейничанье» в России в самых разных слоях общества и, в частности, в среде общественных деятелей, Н. Данилевский писал: «Не то же ли самое происходит и с нашими общественными деятелями, беспрестанно оглядывающимися и прислушивающимися к тому, что скажет Европа; признает ли действие их достойными просвещенного европеизма? Фамусов, ввиду бесчестия своей дочери, восклицает: что скажет княгиня Марья Алексеевна – и этим обнаруживает всю глубину своего нравственного ничтожества. Мы возвели Европу в сан нашей общей Марьи Алексеевны, верховной решительницы достоинства наших поступков. Вместо одобрения народной совести, признали мы нравственным

двигателем наших действий трусливый страх перед приговорами Европы, униительно-тщеславное удовольствие от ее похвал» [4].

Возникшее после войны некоторое потепление сменилось вмешательством в процессы культуры. На первый план здесь выходила критика угодничества и низкопоклонства перед Западом. Это был ответ на жесткую политику «холодной» войны, начавшейся со знаменитой речи Черчиля в 1946 году. Вновь активизирующееся давление Америки, да и всего Запада против коммунистического мира провоцирует в Сталине озлобленность, и она обрушивается на представителей интеллигенции, что проявилось в так называемой «ждановщине». Интеллигенцию начинают упрекать в низкопоклонничестве перед Западом. Сам Сталин в мае 1947 года на встрече с писателями, по свидетельству К. Симонова, говорил следующее: «Если взять нашу среднюю интеллигенцию, научную интеллигенцию, профессоров, врачей, у них недостаточно воспитано чувство советского патриотизма. У них неоправданное преклонение перед заграничной культурой. Все чувствуют себя еще несовершеннолетними, не стопроцентными, привыкли считать себя на положении вечных учеников. Эта традиция отсталая, она идет еще от Петра. У Петра были хорошие мысли, но вскоре налезло слишком много немцев, это был период преклонения перед немцами. Посмотрите, как было трудно работать Ломоносову, например. Сначала немцы, потом французы, было преклонение перед иностранцами – застранными» [7].

Таким образом, смысл деятельности Сталина, а, следовательно, и его «творческого ответа» следует соотнести и с обществом, и с интеллигенцией. Реабилитируя империю, спасал ли Сталин с помощью ее реабилитации общество или же предпринимаемая им реабилитация империи была продиктована необходимостью спасения цивилизации? Может быть, кризис, который начали ощущать после революции, на самом деле был кризисом уже не только общества, но и российской цивилизации в целом? Осознавал ли сам Сталин смысл предложенного и реализуемого им «творческого ответа» до конца? А именно, как творческого ответа на надлом российской цивилизации, который казался только постреволюционным кризисом России?

Независимо от того, осознавал ли сам Сталин смысл своего творческого ответа, предпринятые им действия имеют отношение к судьбе российской цивилизации в целом. Возвращение к жесткой государственности, происходящее по инициативе и под руководством Сталина, означало не только реабилитацию империи, а, следовательно,

реабилитацию политических ценностей, определяющих ту часть российской истории, которая исчерпывается петербургским периодом российской истории. Вместе с реабилитацией империи происходила и реабилитация столь значимой для России византийской традиции, которую следует понимать в самом широком смысле, и, в том числе, под такой традицией следует подразумевать и традицию политической культуры. Ведь жесткая государственность – это именно византийская традиция. Реабилитация империи оказывается реабилитацией той традиции, которая, начиная с XVII века, постепенно угасала, уходила в подсознание русских людей.

Ставя вопрос именно так, то есть имея в виду судьбоносный творческий ответ Сталина на вызов истории, который, в свою очередь, явился следствием вызова со стороны России в форме революции 1917 года, мы этот творческий ответ Сталина можем сопоставить с творческим ответом, данным в свое время Петром I. Эта аналогия между творческими ответами двух выдающихся деятелей российской истории не является и искусственной, и неожиданной. Не случайно в это время некоторым, в том числе, даже великим поэтам приходило в голову это сравнение Сталина с Петром I. А. Солженицын приходил к выводу, что к жизни вызвала гигантский проект Беломорканала не целесообразность, а тщеславное стремление Сталина вступить в состязание с Петром I, причем осознанное стремление. Симпатию к Петру Сталин проявил уже в момент термидора. Об этом свидетельствует произнесенная им на ноябрьском пленуме ЦК ВКП (б) 1928 года речь, посвященная индустриализации. Затрагивая, в частности, вопрос о технико-экономической отсталости страны, Сталин говорит о необходимости догнать Запад. По его мнению, технико-экономическая отсталость передана в наследство всей историей страны. «Когда Петр Великий, – говорил вождь – имея дело с более развитыми странами на Западе, лихорадочно строил заводы и фабрики для снабжения армии и усиления обороны страны, то это была своеобразная попытка выскочить из рамок отсталости» [9].

По мнению Сталина, вековую отсталость страны можно ликвидировать лишь в настоящий момент, опираясь на преимущества социализма. Художникам, начавшим сотрудничать с властью, эта аналогия подсказывала особые замыслы. Так, А. Толстой начинает писать роман, а режиссер В. Петров снимать фильм о Петре I. Воспринимать Сталина сквозь призму исторических реформ Петра I становится традицией. Но только как мы сегодня должны к этому сопоставлению отнестись? Если творческий ответ

Петра был прогрессивным, то творческий ответ Сталина, связанный с реабилитацией византийской традиции, оказывается явно регрессивным. Ведь смысл петровских реформ как раз заключался в разрушении византийской традиции.

Но, однако, несмотря на регресс, судя по всему, сталинский творческий ответ оказался единственно в тех условиях возможным. Более того, курс Сталина связан еще и с переоценкой модерна, а, следовательно, с реабилитацией тех идей, которые успели обозначиться в эпоху романтизма и явились реакцией на модерн. Как известно, романтизм явился сопротивлением модерну. Романтизм начинает реабилитировать национальные и религиозные ценности. Он имел широкое распространение в России, о чем свидетельствует движение славянофилов, критически оценивающих реформы Петра I и весь тот курс, который был связан с втягиванием России в процессы вестернизации, что, естественно, способствовало отречению от византийской традиции. А. Янов писал о возвращении в эпоху оттепели к славянофильским настроениям, и лидером этих настроений он сделал А. Солженицына, возвращающего к национальной традиции [16]. Романтизм и в самом деле связан со значимостью национального начала в истории.

Однако, может быть, Сталин, ставший объектом критики А. Солженицына, и был, как это ни покажется странным, в XX веке первым славянофилом, хотя известно, что славянофилы не были государственниками. В самом деле, когда война уже началась и Сталин 7 ноября 1941 года выступал на параде на Красной площади, он вспоминал исторические фигуры предков – Александра Невского, Димитрия Донского, Кузьму Минина, Димитрия Пожарского, Александра Суворова и Михаила Кутузова. Среди названных были герои святой Руси. Имея в виду содержание этой речи, Д. Робертс пишет: «Удивительнее всего в этих выступлениях было полное отсутствие каких бы то ни было упоминаний о советской коммунистической партии. Хотя Сталин и упомянул Ленина, но не как основателя партии большевиков, а как одного из представителей пантеона героев Руси. Сталин отнюдь не сбрасывал партию со счетов; напротив, партия оставалась ключевым инструментом всесоюзной мобилизации. Однако тем, что он в своей речи ничего не сказал о партии, Сталин хотел показать, что он хотел патриотического единения, которое не ограничивалось бы рядами убежденных коммунистов» [6].

Самое интересное – это то, что сам Сталин называл себя славянофилом, точнее, «новым славянофилом». Это определение он позволил себе в тот момент, когда,

казалось, что международная обстановка и отношение западных лидеров к России были благоприятными, то есть после Ялтинской конференции в 1945 году. Такое признание он сделал в контексте развиваемой им идеи К. Леонтьева о необходимости единения славян перед лицом угрозы со стороны Германии во время приема в честь приезда чехословацкой делегации. «Мы, – говорил вожь – новые славянофилы – ленинцы, славянофилы – большевики, коммунисты, стоим не за объединение, а за Союз славянских народов. Мы считаем, что независимо от разницы в политическом и социальном положении, независимо от бытовых и этнографических различий все славяне должны быть в союзе друг с другом против нашего общего врага – немцев. Вся история жизни славян учит, что этот союз нам необходим для защиты славянства. Вот возьмите хотя бы две последние мировые войны. Из-за чего они начались? Из-за славян. Немцы хотели поработить славян» [6].

Но эту реабилитацию византийской традиции осознает не только Сталин. Ее формулирует теоретик и историк цивилизации А. Тойнби. Для него не секрет, что под видом марксизма в России возрождалась именно эта традиция. Когда А. Тойнби пытается понять политический опыт России в XX веке, он явно его не исчерпывает марксистскими идеями. Он пишет, что сталинская Россия попыталась приспособить марксизм для себя. «В секуляризованном варианте повторив метод староверов, – пишет он – русский коммунистический режим объявил себя единственной истинной марксистской ортодоксией, предполагая, что теория и практика марксизма могут быть выражены в понятиях только русского опыта. Таким образом, приоритет социальной революции вновь дает для России возможность заявить о своей уникальной судьбе, возродив идею, которая уходит корнями в русскую культурную традицию. К славянофилам она перешла в свое время от русской православной церкви, хотя никогда ранее она не получала официальной секулярной санкции» [10].

У Л. Троцкого тоже превосходно прослежено недоверие Сталина ко всему западному, даже к тем революционерам, которые готовили революцию, находясь в эмиграции и изучая сочинения западных мыслителей. Курс Сталина, однако, не исчерпывается возвращением к византийской традиции. Как известно, самобытность византийской цивилизации, которая утверждалась в эпоху византийских императоров, будь то Ираклий I, Алексей I Комнин или Михаил VII Палеолог, утверждалась в пику западной цивилизации ассимиляцией элементов восточных цивилизаций, что соответствовало ментальности существующих на территории России этносов, поскольку в далекие

времена, как утверждает Г. Вернадский, они входили составной частью в восточные империи [2].

Совсем не случайно Сталин дает сигнал реабилитировать русскую историю, и эта реабилитация в экранных формах началась с Александра Невского. Ведь именно этим политическим лидером было сделано судьбоносное решение, связанное с определением места России в ряду остальных государств. Известно, что часть русских областей в эпоху Средневековья ориентировалась на Запад, который жаждал если и не присоединить Русь к себе, то хотя бы ее контролировать. Это именно Александр Невский сделал выбор в пользу Великой Степи, что определило всю последующую историю России, как и ее весьма непростые отношения с Западом [1]. Хотя с Петра I Россия радикально повернула на Запад, тем не менее, она никогда полностью не могла порвать ни с византийскими, ни с восточными традициями, столь существенными для ментальности русских.

Так, творческий ответ можно рассматривать с точки зрения того, что в первой половине XX века не очень осознавалось, но было актуальным. Конечно, отдельные мыслители над этим уже начинали размышлять. Размышляли, например, те, кто прочитал Шпенглера, а также те, кто задумывался о судьбе России, оказавшись в эмиграции. Этот творческий ответ был связан именно с пониманием судьбы России как типа цивилизации. В частности, в этом направлении размышляли евразийцы. Может быть, именно евразийцы оказались более близки к пониманию творческого ответа применительно уже не к революции или социуму, но именно к типу цивилизации. Но дело не только в византийской традиции, которая, кстати, не чужда не только России, но и Грузии, поскольку Грузия, как известно, приняла христианство раньше России на шестьсот лет из рук Византии, а Сталин, учась в православной семинарии, усвоил именно эту средневековую традицию.

Дело также и в том, что Сталин оказался еще ближе к коллективному бессознательному русских, ибо это коллективное бессознательное у них связано с Азией, Востоком. Когда соратники Сталина выносят оценки его поступкам, акцент они ставят на том, что он – азиат. Так, Каменев предупреждает Л. Троцкого: «Вы не знаете этого азиата...» [12]. Конечно, можно было бы привести множество деталей, позволяющих уловить в Сталине восточное начало. Например, находясь вместе с ним в ссылке, некоторые соратники отмечают его нелюбовь к труду («Все, кто ближе соприкасался с ним в более поздние периоды, знали, что Сталин не любит работать» [11]).

А вот еще один штрих в психологии Сталина, объясняемый национальными особенностями среды, из

которой вышел этот революционер. Это гипертрофированная мстительность, которую Л. Троцкий представляет как национальную особенность осетин. Это древнейший обычай кровавой мести из рода в род («Сталин перенес этот обычай в сферы высокой политики» [12]. И, наконец, Сталин в глазах других – уже не только двойник Ивана Грозного или кто-то из византийских императоров, но и Чингис-хана. Так, касаясь испуга новой бюрократии от действий Сталина, Л. Троцкий пишет: «Он (Сталин – Н. Х.) затронул ножом жизненные ткани правящего слоя. Бюрократия испугалась и ужаснулась. Она впервые увидела в Сталине не первого среди равных, а азиатского тирана Чингис-хана, как его назвал некогда Бухарин» [12]. Л. Троцкому, поставившему своей задачей представить характер Сталина, пришлось выяснять черты национального характера грузин, с одной стороны, ленивую беззаботность со взрывчатой вспыльчивостью, с другой, холодность, сочетающуюся с упорством и коварством» [11]. Парадокс, видимо, заключается в том, что личность, в которой сохранились азиатские, восточные черты, оказалась во главе новой империи («Грузин Джугашвили стал носителем великорусского бюрократического гнета по тем же законам истории, по которым австриец Гитлер дал крайнее завершение духу прусской милитаристской касты» [12]).

Так что курс Сталина предполагал формирование новой идентичности русских на основе древнейших традиций, тех традиций, которые пытались выявить русские философы-эмигранты, которых мы знаем как евразийцев. Нет, не случайно Сталина называли современным Чингис-ханом. Ведь Сталин родом из того этноса, который сохранял древнейшие традиции, которые, казалось, уже давно не существовали. Нужно было ждать эпохи величайших геологических сдвигов в истории, чтобы они прорвались в реальность и получили выражение. Но это в XX веке, как доказывал Г. Федотов, и происходит. Не случайно Сталина часто называют азиатом. Его можно назвать и славянофилом, и евразийцем. Это только подчеркивает, что в своем курсе он оказался очень далеко и от революции, и от модерна. Следовательно, его курс нужно осмыслять совсем на другом уровне.

Данный им «творческий ответ» может быть понятным лишь в том случае, если все кризисы XX века мы будем осмыслять под углом зрения надлома цивилизации. Творческий ответ Сталина имеет цивилизационный смысл. Осмыслить его деятельность на всех других уровнях бессмысленно. Все выводы тогда могут быть поверхностными. Но если его «творческий ответ» осмыслять в контексте цивилизационных процессов, то это предполагает то,

что во внимание следует принимать особую длительность цивилизации, а также и те фазы, которые каждый тип цивилизации проходит. Время цивилизации отличается от времени общества, которое можно исчерпать краткими длительностями. Время цивилизации – это время больших временных протяженностей, которыми обычный человек не мыслит. Тем не менее, они существуют. То обстоятельство, что по отношению к Сталину до сих пор не существует единой оценки, только свидетельствует о том, что его деятельность осмысливается в соответствии с краткими длительностями истории (вклад Сталина в революцию, вклад Сталина в индустриализацию, вклад Сталина во вторую мировую войну и т. д.). Но все это частные вопросы.

Теперь вернемся к тому мифологическому архетипу, что возрождается в Сталине, то есть к уничтожающему возможным претендентов на роль бога Кроноса. Позиция мифологического образа Кроноса вообще связана с выходом из истории в миф, что вообще характерно для курса Сталина и что проницательно отметил В. Паперный в своей книге, анализируя архитектуру эпохи Сталина. О том, что Кронос связан с особым отношением ко времени, пишет Ф. Шеллинг. Отношение к своим соперникам, которых Кронос вынужден истреблять, связано с тем, что он вообще не хочет изменений во времени, не желает продолжения истории и вообще истории как таковой. Он стягивает время (и настоящее, и прошлое, и будущее) лишь к тому мгновению, когда он один удерживает власть в своих руках. С этого момента время останавливается. «Из этой все еще удерживаемой Кроносом единственности следует также – пишет Ф. Шеллинг – что он не желает терпеть какого бы то ни было бога после себя и кроме себя, не желает допустить какой бы то ни было сукцессии, не желает вообще ничего исторического, и равным образом из этого его сопротивления всякой сукцессии явствует, в каком смысле Кронос является богом времени и в каком – нет. А именно, не есть, к примеру, как это принято полагать повсеместно, бог действительного времени: напротив, он как раз есть отрицающий действительное время, для себя время отвергающий, не желающий существовать во времени. Поскольку он сам не желает стать прошлым, он препятствует всякой возможности открытия прошлого, настоящего и будущего, то есть выхода в действительное время; ибо действительное время положено лишь тогда, когда *ipso iudemque actu* полагается прошлое, настоящее и будущее, то есть действительное время есть только в том случае, если нечто полагается как прошлое; он есть, таким образом, всего лишь бог еще не открытого действительного

времени, он есть бог лишь хаотического, вновь и вновь пожирающего свои творения времени; он есть, конечно же, с действительным временем борющаяся, его самого не допускающая, симультанность, а значит – он никоим образом не есть прогрессирующее, все порождающее, однако вслед за этим вновь поглощающее, время» [14].

Исчерпывающая оценка деятельности Сталина оказывается в зависимости от перспектив существования российской цивилизации. Мы обязаны ответить на вопрос: способствовала ли его деятельность продлению длительности цивилизации или же она способствовала ускорению надлома этой цивилизации? При этом следует принять во внимание то обстоятельство, что надлом российской цивилизации, как это доказывает Л. Гумилев, собственно, начался задолго до XX века. Исчезновение в начале XX века царской империи уже было свидетельством наступления следующей фазы в истории цивилизации, свидетельством продолжающегося надлома. Эту мысль мы продолжим излагать в следующей части настоящей статьи.

Библиографический список

1. Вернадский, Г. Два похода святого Александра Невского [Текст] // Русская идея. В кругу писателей и мыслителей русского зарубежья. – Т. 2. – М., 1944.
2. Вернадский, Г. Начертание русской истории [Текст] / Г. Вернадский. – М., 2004. – С. 47.
3. Гегель, Г. Лекции по философии истории [Текст] / Г. Гегель. – СПб., 1993. – С. 79.
4. Данилевский, Н. Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому [Текст] / Н. Данилевский. – М., 1991. – С. 294, 308.
5. Леонтьев, К. Восток, Россия и славянство. Т. 1 [Текст] / К. Леонтьев. – М., 1885. – С. 104.
6. Робертс, Д. Иосиф Сталин. От Второй мировой до «холодной войны» [Текст] / Д. Робертс. – М., 2014. – С. 164, 338.
7. Симонов, К. Глазами человека моего поколения [Текст] / К. Симонов. – М., 1990. – С. 111, 160, 162, 163, 164.
8. Соловьев, В. Византизм и Россия [Текст] // Соловьев В. Сочинения. В 2-х т. Т. 2. – М., 1989. – С. 572.
9. Сталин, И. Сочинения. Т. 2 [Текст] / И. Сталин. – М., 1952. – С. 248.
10. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории [Текст] / А. Тойнби. – М., 2003. – С. 51, 370, 372, 373, 407.
11. Троцкий, Л. Сталин. В 2 т. Т. 1 [Текст] / Л. Троцкий. – М., 1990. – С. 21, 126, 323.
12. Троцкий, Л. Сталин. В 2 т. Т. 2 [Текст] / Л. Троцкий. – М., 1990. – С. 24, 166, 171, 175, 190, 204, 205, 264, 267, 271.
13. Флоровский, Г. Пути русского богословия [Текст] / Г. Флоровский. – Киев, 1991. – С. 126.

14. Шеллинг, Ф. Философия мифологии. Т. 2 [Текст] / Ф. Шеллинг. – СПб., 2013. – С. 229.

15. Эрн, В. Время славянофильствует [Текст] // Эрн В. Сочинения. – М., 1991. – С. 382.

16. Янов, А. Русская идея и 2000 год [Текст] / А. Янов. – Нева, 1990. – № 11.

Reference list

1. Vernadskij, G. Dva pohoda svjatogo Aleksandra Nevskogo = Two campaigns of Saint Alexander Nevsky [Tekst] // Russkaja ideja. V krugu pisatelej i myslitelej russkogo zarubezh'ja. – T. 2. – М., 1944.

2. Vernadskij, G. Nachertanie russkoj istorii = Tracing of the Russian history [Tekst] / G. Vernadskij. – М., 2004. – С. 47.

3. Gegel', G. Lekcii po filosofii istorii Lectures on history philosophy [Tekst] / G. Gegel'. – SPb., 1993. – С. 79.

4. Danilevskij, N. Rossija i Evropa. Vzgljad na kul'turnye i politicheskie otnoshenija slavjanskogo mira k germano-romanskomu = Russia and Europe. A view of the cultural and political relations of the Slavic world to German-Romance [Tekst] / N. Danilevskij. – М., 1991. – С. 294, 308.

5. Leont'ev, K. Vostok, Rossija i slavjanstvo. T. 1 = The East, Russia and Slavic peoples. V. 1 [Tekst] / K. Leont'ev. – М., 1885. – С. 104.

6. Roberts, D. Iosif Stalin. Ot Vtoroj mirovoj do «holodnoj vojny» = Joseph Stalin. From World War II up to «Cold War» [Tekst] / D. Roberts. – М., 2014. – С. 164, 338.

7. Simonov, K. Glazami cheloveka moego pokolenija = With eyes of my generation person [Tekst] / K. Simonov. – М., 1990. – С. 111, 160, 162, 163, 164.

8. Solov'ev, V. Vizantija i Rossija = Byzantium and Russia [Tekst] // Solov'ev V. Sochinenija. V 2-h t. T. 2. – М., 1989. – С. 572.

9. Stalin, I. Sochinenija. T. 2 = Compositions. V. 2 [Tekst] / I. Stalin. – М., 1952. – С. 248.

10. Tojnbi, A. Civilizacija pered sudom istorii = Civilization on the stand of history [Tekst] / A. Tojnbi. – М., 2003. – С. 51, 370, 372, 373, 407.

11. Trockij, L. Stalin. V 2 t. T. 1 = Stalin. In 2 v. V. 1 [Tekst] / L. Trockij. – М., 1990. – С. 21, 126, 323.

12. Trockij, L. Stalin. V 2 t. T. 2 = Stalin. In 2 v. V. 2 [Tekst] / L. Trockij. – М., 1990. – С. 24, 166, 171, 175, 190, 204, 205, 264, 267, 271.

13. Florovskij, G. Puti russkogo bogoslovija [Tekst] / G. Florovskij. – Kiev, 1991. – С. 126.

14. Shelling, F. Filosofija mifologii. T. 2 = Mythology philosophy. V. 2 [Tekst] / F. Shelling. – SPb., 2013. – С. 229.

15. Jern, V. Vremja slavjanofil'stvuet = Time is a Slavophile [Tekst] // Jern V. Sochinenija. – М., 1991. – С. 382.

16. Janov, A. Russkaja ideja i 2000 god = Russian idea and 2000 [Tekst] / A. Janov. – Neva, 1990. – № 11.

Дата поступления статьи в редакцию: 15.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

Т. В. Юрьева <https://orcid.org/0000-0002-1874-5487>

Иконописец Пимен Софронов: причудский период творчества

В статье впервые дается целостный анализ творчества всемирно известного, но мало изученного старообрядческого иконописца и реставратора икон Пимена Максимовича Софронова. Автор осуществляет систематизацию разрозненных сведений о его творчестве, выстраивает хронологию создания основных его произведений, делает предварительный анализ его авторской манеры. Анализируя биографические данные и творчество иконописца, автор статьи выделяет три основных периода его деятельности: причудский, или шире – прибалтийский, западноевропейский и американский. Посвятив данную статью первому периоду творчества П. М. Софронова, автор рассматривает иконные комплексы старообрядческих моленных Причудья, где иконописец работал в составе мастерской своего учителя, Г. Е. Фролова: это иконостасы храма д. Раюши, храма Резекненской общины, моленной в д. Казепель, моленной в д. Кикита, моленной в Малых Кольках, старообрядческого Троицкого храма в Муствее, моленной «Благовещения Пресвятой Богородицы», святителя Николая и девы Стефаниды в Таллинне. Обширное число выявленных произведений позволяет исследователю сделать вывод о формировании в этот период авторской манеры художника, отличающей его иконописные произведения от иконописной манеры других причудских мастеров. Исследование получит продолжение в ряде последующих статей автора, посвященных следующим этапам творчества П. М. Софронова.

Ключевые слова: икона, старообрядчество, иконописание XX века, Русское Зарубежье, П. М. Софронов

T. V. Yurieva

Icon-painter Pimen Sofronov: Period of Creativity in Prichudie

In the article the complete analysis of works of the world famous, but little studied Old Belief icon painter and the restorer of icons Pimen Maksimovich Sofronov is given for the first time. The author carries out systematization of certain data on his creativity, makes chronology in creation of his main works, does the preliminary analysis of his author's manner. Analyzing biographic data and works of the icon painter, the author of the article allocates three main periods of his activity: Prichudie, or wider – Baltic, Western European and American. Having devoted this article to the first period of P. M. Sofronov's creativity, the author considers icon complexes of Old Belief preaching-houses in Prichudie where the icon painter worked with his teacher, G. E. Frolov: these are iconostases of the temple in Village Rayushi, the temple of the Rezekne community preaching-house, a preaching-house in Village Kazepel, a preaching-house in Village Kikit, a preaching-house in Maly Kolki, the Old Belief Troitsk temple in Mustvee, a preaching-house «Blessed Virgin Mary's Annunciation», the prelate Nikolay and the maiden Stefanida in Tallinn. The extensive number of the revealed works allows the researcher to draw a conclusion on formation during this period of the author's manner of the artist distinguishing his icon-painting works from the icon-painting manner of other Prichudie masters. The research will be continued in a number of the author's subsequent articles devoted to the following stages of P. M. Sofronov's creativity.

Keywords: icon, Old Belief, painting of icons of the XX century, Russian Abroad, P. M. Sofronov.

Имя Пимена Софронова (1898-1973) парадоксально мало известно в России, несмотря на то, что биографы и исследователи с очевидным постоянством отмечают, что это один из величайших иконописцев XX века (например, статьи В. Завалишина «Лучший иконописец нашего времени» [2] и В. Малышева «Пимен Софронов, величайший старообрядческий иконописец XX столетия ...» [5]). Как справедливо отмечено, Пимен Софронов «заслуженно считается самым выдающимся русским и славянским иконописцем XX столетия, сохранившим технику и стиль древнерусского <...> письма, унаследованного от Византии» [7, с. 146-147].

Его заслуга перед русским иконописанием состоит в том, что, работая на протяжении всей своей жизни, он создал огромное количество произведений, продолжив традиции русской иконописи в XX веке, а также создал

по всему миру несколько иконописных школ. Он обучал учеников в иконописной мастерской при рижском «Кружке ревнителей русской старины [Иванов], заложил основы «парижской школы» иконописания, когда вместе с П. А. Федоровым и Г. В. Морозовым организовал иконописную артель общества «Икона» в Париже [15, 16], обучал монахов в монастыре Аме (Бельгия), работал на курсах иконописи при Кондаковском семинаре в Праге [12], организовал школу иконописи в монастыре Раковицы близ Белграда (Сербия).

Нельзя сказать, что исследовательская литература о П. М. Софронове обширна. Совсем нет работ, направленных на анализ его иконографического творчества. Тем не менее, биографические сведения о нем мы можем почерпнуть из словаря «Художники

Русского Зарубежья» О. Л. Лейкинда, К. В. Махрова и Д. Я. Северюхина [8], или в двухтомнике, посвященном обществу «Икона» в Париже [1, с. 16-17; 289-291], а также в статьях Т. К. Шор [13, 14], М. Ржоутила и др. [3, 12, 18].

Из них мы узнаем, что Пимен Максимович Софронов, всемирно известный старообрядческий иконописец и реставратор, родился 4 сентября 1898 г. в деревне Тихотка (эстон. Тихеда) Казепяэской волости Тартуского уезда Лифляндской губернии, расположенной на западном берегу Чудского озера, в семье крестьянина-старообрядца. В роду Софроновых были авторитетные наставники, иконописцы. Анализируя биографические данные и творчество иконописца, мы можем выделить три основных периода его деятельности: причудский, или шире – прибалтийский, западноевропейский и американский.

Данная статья посвящена первому периоду творчества мастера, когда сначала он жил в Причудье, а затем работал в Таллинне и Риге.

В 12 лет Пимен начал учиться древнему ремеслу иконописания у известного мастера-старообрядца Гавриила Ефимовича Фролова (1854-1930) при моленной в соседней деревне Раюши. На протяжении 16 лет он был духовным сыном, соратником и наследником этого известного федосеевского наставника, иконописца и духовного писателя.

Поэтому, прибалтийский период в творчестве П. М. Софронова в основном ученический, художник работал под руководством Г. Е. Фролова, являясь членом его артели. Все работы этого времени по созданию иконостасов в причудских моленных были результатом их совместного труда. Это иконостасы в храме Резекненской общины, моленной в д. Казепель, моленной в д. Кикита, в Малых Кольках, старообрядческого Троицкого храма в Муствэе, таллиннской моленной «Благовещенья Пресвятой Богородицы», святителя Николая и девы Стефаниды.

Первой известной масштабной работой, в которой участвовал П. М. Софронов, все биографы называют участие в росписи старообрядческого храма в д. Раюши, в частности, известно, что для этого храма он написал икону «Спасителя»

Этот храм, правда, не в первоизданном его виде, существует по сей день. Первая моленная была построена в 1879 г., обновлена она была под руководством Г. Фролова и при его частичном финансировании в 1902-1910 годах. Как указывает Янис Плаат, «основная часть икон для храма и большой иконостас были закончены Фроловым и его мастерской около 1920 года.» [9, с. 20]. Во время второй мировой войны, в 1944 г. моленный дом сгорел, но большую часть икон спасти удалось и они по-прежнему

украшают моленную в д. Рая (Раюши). Это обширный пятирядный иконостас и две большие иконы: «Спаса Вседержителя» (справа), и «Св. Николая Чудотворца» (слева) впереди, в киотах. Часть этих икон, несомненно, принадлежит руке П. М. Софронова.

Мастерская Г. Фролова, в состав которой продолжал входить П. Софронов, работала практически во всех, за редким исключением, старообрядческих храмах Причудья. Храм Резекненской старообрядческой Кладбищенской общины представляют собой особую историческую ценность – это единственная деревянная старообрядческая моленная в Резекне. В 1906 году в храме был установлен четырехъярусный иконостас и оформлен интерьер. По состоянию на 1908 год, здесь числилось 110 икон и крестов, 44 крупнейшие из них были пожертвованы И. П. Синицыным. Указывается, что 45 образов храма написана известным русским иконописцем Гавриилом Фроловым и его учеником Пименом Софроновым. В каталоге Ю. Н. Мануйлова опубликована икона «Благовещение Пресвятой Богородицы», написанная П. М. Софроновым для этого храма в 1926 г. [6, с. 161].

Моленная в д. Казепель (Казепяэ), которая стоит и по сей день, была построена на месте предыдущей (1862 г.) в 1902 г. по проекту губернского архитектора Вильгельма Шиллинга. В связи с этим иконостас моленной обновляли иконописцы мастерской Г. Фролова. Всего сейчас в моленной находится более 100 икон различного времени.

Первая моленная в д. Кикита (Кикитовская моленная) была освящена в 1740 году, следующая ее постройка была сделана в 1865 году. Она частично сгорела в 1943 г., но иконостас удалось спасти. Современная моленная существует с 1945 года. Храм освятили 28 августа 1950 года в честь Рождества Иоанна Крестителя и Успения Божьей Матери. Туда и был перенесен иконостас, часть икон которого были написаны в 20-е годы Г. Е. Фроловым и его учениками П. Софроновым и Ф. Мызниковым. Иконостас четырехрядный, состоит из 36 икон. Помимо этого в Кикитовской молельне находится выполненный П. М. Софроновым крест-распятие «на память от имени Андрея и Ефросинин Смолкиных [6, с. 161].

Старообрядческий Троицкий храм в Муствэе (Черная, Чорна) был построен в 1927-1930-х годах по проекту инженера Й. Янсена. До сего дня этот храм остается самым большим старообрядческим храмом Эстонии. Иконы для храма писались Г. Фроловым, П. Софроновым, М. Солнцевым. Атрибутированы семь икон, принадлежавших кисти Софронова. Это центральная икона из первого ряда – «Троица Ветхозаветная» (ок. 1930 г.), четыре иконы второго ряда иконостаса: «Похвала Пресвятой Богородицы»

(ок. 1930 г.), «Св. великомученик Димитрий» (ок. 1930 г.), «Воскресение Христово» (ок. 1930 г.), «Св. мученица Агриппина» (ок. 1930 г.), икона из третьего ряда «Рождество Христово» [6, с. 161].

В 1927 году Пимен Софронов работал в моленной в Малых Кольках. Здесь также мастерской Г. Е. Фролова был написан иконостас [9, с. 250]. Исследователями определяется ряд икон, принадлежащих манере П. М. Софронова. Это «Благовещение», «Спас на троне с предстоящими», «Богоявление» в местном ряду иконостаса [6, с. 92].

Важным моментом в исследовании творчества П. М. Софронова этого периода является то, что поскольку все эти работы осуществлялись артелью художников, не всегда возможно различить авторство икон этой мастерской. Одна из исследователей творчества Фролова и Софронова Мари-Лийс Паавер делает такую попытку, предлагая считать самым достоверным доказательством личное письмо. Она дает характеристики такового у Фролова следующим образом: «При более внимательном рассмотрении можно заметить, что у Фролова лики выписаны более приглушенными светящимися слоями. Последний светящийся слой у него не столь обширен, как, например, у Пимена Софронова, и нанесенные на него оживки трудноотличимы от самого слоя. У ликов на иконах Фролова нет (вероятно также, по сравнению с манерой Софронова – Т. Ю.) большого светлого «пятна» на скуле, над бровью, на лбу и шее. Ему свойственно при написании ликов наносить как бы два высветляющих слоя (третий, очевидно, был очень незначительным, почти незаметным) и на них три тонких коротеньких оживки» [10]. К сожалению, подобные наблюдения за художественным стилем П. М. Софронова отсутствуют. Отмечая, в частности, что на раюшских иконах можно увидеть разные типы личного письма, исследовательница не пишет, какие же иконы моленной принадлежат тому и иному художнику [11, с. 170]. Важно также отметить, что разделение труда в мастерской Фролова вероятно предполагало совместную работу над одной иконой, где доличное и личное выполнялось разными мастерами. Так, Ю. М. Мануйлов указывает, на две иконы из частного собрания с клеймом Фролова, на одной из которых, по его мнению, «лик Апостола явно написан рукою П. Софронова» [6, с. 111]. Это также затрудняет атрибуцию при выделении икон, принадлежащих собственно П. М. Софронову.

В этом смысле важным объектом для исследования творчества П. М. Софронова является иконостас в Таллиннской моленной «Благовещенья Пресвятой Богородицы, святителя Николая и девы Стефаниды» в росписи которой П. М. Софронов участвовал в

1930-1931 г. Моленная была построена по проекту архитектора Николая Тамма-младшего в 1930 году. В ней находится четырехрядный иконостас с двумя добавочными киотами. П. М. Софроновым написан нижний ряд иконостаса, состоящий из девяти икон: центральная икона «Спаса Нерукотворного», справа – иконы Иоанна Крестителя, апостола Павла, евангелиста Иоанна Богослова, св. Александра Невского (изображен по древней традиции в схиме); слева – иконы Богоматери, апостола Петра, евангелиста Матфея, св. мученицы Стефаниды. Как считает Янус Платт, «это была его крупнейшая самостоятельная работа в Эстонии до начала интенсивной деятельности за границей...» [9, с. 192]. Поскольку таллиннская моленная ни разу не подвергалась разграблению, иконостас сохранился полностью и может служить основой для разнонаправленных исследований, в том числе и стиля художника. Как отмечает Ю. Н. Мануйлов, «все иконы написаны на фанере. Зеленого цвета фон икон украшен стилизованными облачками, заимствованными автором с икон конца XVI – начала XVII веков. В этих иконах уже видны излюбленные приемы мастера, в частности, растушеванные нимбы и узнаваемый „софроновский взгляд“» [6, с. 91]. Вторит ему исследовательница Мари-Лийс Паавер, которая к таковым относит зеленые облака и постепенный переход от оливково-зеленого цвета возле головы к золотому на внешнем крае нимба, что является излюбленным приемом Мстеры и Палеха, но не свойственно местной иконописи в целом [10, с. 204]. Однако, позволим себе заметить, что несмотря на несомненную общность данных икон и наличие упомянутых в каждой из них облаков, этот прием, как показывают дальнейшие исследования, не является характерным для творчества П. М. Софронова в целом и практически не использовался им в других иконах.

Помимо иконописной работы в храмах, в прибалтийский период у П. М. Софронова появилось еще одно важное занятие, которому он много времени уделял на протяжении всей последующей жизни. Это преподавание практического иконописания. В 1928 г. по приглашению И. Н. Заволоко Софронов приезжает в Ригу, где открывает иконописную мастерскую при старообрядческом обществе «Гребенщиковское училище», а также возглавляет иконописную мастерскую при «Кружке ревнителей русской старины». У него учились К. А. Павлов, один из учредителей кружка, в будущем – известный иконописец, причетник Рижской Гребенщиковской старообрядческой общины, художники Ю. Г. Рыковский и Е. Е. Климов, иконописец Т. В. Косинская. Помимо преподавания

П. М. Софронов продолжал писать и реставрировать иконы. В 1929 г. состоялась выставка икон, на которой особое внимание получили образы П. М. Софронова «Деисус» и «Спас Нерукотворный».

К комплексу икон П. М. Софронова, принадлежащих данному периоду следует отнести также произведения из частных коллекций. Известны такие иконы, как «Введение в церковь Пресвятой Богородицы с приписными святыми» (ок. 1930 г., частная коллекция Курта Эберхарда [19]), «Успение Пресвятой Богородицы (ок. 1930 г., частная коллекция, Таллинн), «Спас Смоленский с припадающими святыми» (ок. 1930 г., частная коллекция, Таллинн), «Богоявление Господне» (ок. 1930 г., была представлена на выставке икон в Латвии в 2009 г.). Они дают дополнительное представление об иконописи П. М. Софронова.

Несмотря на неокончательную атрибуцию достаточно обширный круг произведений, принадлежащих иконописцу, позволяет сделать вывод о формировании в этот период авторской манеры художника, отличающей его произведения от иконописной манеры других причудских мастеров. Как и положено старообрядческой иконописи, художник тяготеет к образцовым каноническим формам, свойственным древнерусской живописи XIV–XVI вв. С другой стороны, как справедливо отмечает Ю. Мануйлов, в ранний период творчества П. М. Софронов еще во многом повторяет манеру своего учителя, Г. Е. Фролова. В целом его манере свойственна четкая композиция: уравновешенное распределение частей, а также строго определенная иерархия частей по отношению друг к другу и к целому; геометризация архитектуры, стилизация скал в виде каменных блоков, группирование и противопоставление теплых и холодных тонов. При этом «Софронова отличает большая мягкость живописных приемов, которая достигается использованием разбеленных красок и пробелов» [6, с. 96].

В дальнейшем иконописная манера П. М. Софронова будет изменяться под влиянием различных тенденций мирового искусства. Художник пройдет достаточно длинный путь в своем творчестве, создав во второй половине своей жизни грандиозные фресковые комплексы в русских храмах православной Америки. Ряд последующих статей будет посвящен западноевропейскому и американскому периоду его творчества.

Библиографический список:

1. Вздорнов, Г. И., Залесская, З. Е., Лелекова, О. В. Общество «Икона» в Париже: В 2 томах. Т. 1 [Текст] / Г. И. Вздорнов, З. Е. Залесская, О. В. Лелекова. – М.; Париж: Прогресс-Традиция, 2002.
2. Завалишин, В. Лучший иконописец нашего времени (К пятилетию со дня кончины Пимена Максимовича Софронова) [Текст] / В. Завалишин // Русское Возрождение. Независимый русский православный орган. – 1980. – № 12. – С. 177-187.
3. Иванов, И. Пимен Софронов [Электронный ресурс] / И. Иванов // Сайт «Русские Латвии». – URL: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/pimen-sofronov.html>
4. Лейкинд, О. Л., Махров, К. В., Северюхин, Д. Я. Пимен Софронов [Электронный ресурс] / О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин // Сайт «Искусство и архитектура русского зарубежья». – URL: <http://www.arttr.ru/1804786658.html>
5. Малышев, В. Пимен Софронов, величайший старообрядческий иконописец XX столетия ... [Электронный ресурс] / В. Малышев // Сайт «Старообрядческая мысль». – URL: <http://starove.ru/izbran/pimen-sofronov-velichajshij-starobryadcheskij-ikonopisets-xx-stoletiya/>
6. Мануйлов, Ю. Н. Икона староверов Причудья: Гавриил Ефимович Фролов и его иконописная мастерская [Текст] / Ю. Н. Мануйлов. – Таллинн: Sihtasutus Ikooni muuseum, 2013. – 454 с.
7. Несговоров, А. Пимен Максимович Софронов [Текст] / А. Несговоров // Русский американец. Обзорный выпуск. – Nyack, N. Y. – 1997. – № 21. – С. 144-148.
8. Пимен Софронов [Текст] / О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин // Лейкинд, О. Л., Махров, К. В., Северюхин, Д. Я. Художники Русского Зарубежья. 1917-1939. Биографический словарь / О. Л. Лейкинд, К. В. Махров, Д. Я. Северюхин. – СПб., 1994. – С. 538-539.
9. Плат, Я. Русские старообрядцы в Эстонии и их храмы [Текст] / Я. Плат. – Таллинн, 2016.
10. Паавер, М.-Л. Иконы Раюшской моленной [Текст] // Плат, Я. Русские старообрядцы в Эстонии и их храмы. – Таллинн, 2016.
11. Паавер, М.-Л. Иконопись старообрядцев Эстонии [Текст] // Плат, Я. Русские старообрядцы в Эстонии и их храмы. – Таллинн, 2016.
12. Ржоутил, М. Пражский кружок иконописи Пимена Максимовича Софронова (1932-1939) (На материале чешских и зарубежных архивов) [Текст] / М. Ржоутил // Международные заволокинские чтения. – Сб. 4. – Рига, 2016. – С. 90-97.
13. Шор, Т. К. Софронов Пимен Максимович [Электронный ресурс] / Т. К. Шор // Сайт «Религиозные деятели русского зарубежья». – URL: http://zarubezhje.narod.ru/rs/s_086.htm
14. Шор, Т. К. Софронов Пимен Максимович [Текст] / Т. К. Шор // Барановский В., Потапенко Г. Староверие Балтии и Польши. – Вильнюс: Aidai, 2005. – С. 353-355.

15. Юрьева, Т. В. Православный иконостас как культурный синтез [Текст] / Т. В. Юрьева. – Ярославль : РИО ЯГПУ, 2005.

16. Юрьева, Т. В. Православные иконостасы в храмах Русского Зарубежья [Текст] / Т. В. Юрьева // Сборник трудов Ярославской духовной семинарии. 2018. – № 8. – С. 132-154.

17. Erikson, K. Ikoonide maalimisest Peipsiaarse vanausuliste juures. Kleio, 1997, Nr. 3 (21), 18-22 lk.

18. Erikson, K. Ikoonimaalija Gavriil Frolov (1854-1930) ja Peipsiaarse Rajakula ikoonimaalijakoda. Magistritöö. Juhend. MA Kaur Altoa. Tartu, 2003, 115 lk., ill. 64 lk;

19. Eberhard, K. Unbekanntes Russland. Известная Россия. – Verlag : Henrich Editionen. – Frankfurt im Main, 2010.

20. Plaat, J. Vene vanausulised ja nende puhakojad Eestis. – Tallinn, 2016. – 304 lk., ill.

Reference list

1. Vzdornov, G. I., Zaleskaja, Z. E., Lelekova, O. V. Obshchestvo «Ikona» v Parizhe: V 2 tomah. T. 1 = Society «Ikona» (Icon) in Paris: In 2 volumes. V. 1 [Tekst] / G. I. Vzdornov, Z. E. Zaleskaja, O. V. Lelekova. – M.; Parizh : Progress-Tradiciya, 2002.

2. Zavalishin, V. Luchshij ikonopisec nashego vremeni (K pjatiletiju so dnja konchiny Pimena Maksimovicha Sofronova) = The best icon painter of our time (To the fifth anniversary from the date of Pimen Maksimovich Sofronov's death) [Tekst] / V. Zavalishin // Russkoe Vozrozhdenie. Nezavisimyj russkij pravoslavnyj organ. – 1980. – № 12. – S. 177-187.

3. Ivanov, I. Pimen Sofronov = Pimen Sofronov [Elektronnyj resurs] / I. Ivanov // Sajt «Russkie Latvii». – URL: <http://www.russkije.lv/ru/lib/read/pimen-sofronov.html>

4. Lejkind, O. L., Mahrov, K. V., Severjuhin, D. Ja. Pimen Sofronov = Pimen Sofronov [Elektronnyj resurs] / O. L. Lejkind, K. V. Mahrov, D. Ja. Severjuhin // Sajt «Iskusstvo i arhitektura russkogo zarubezh'ja». – URL: <http://www.artz.ru/1804786658.html>

5. Malyshev, V. Pimen Sofronov, velichajshij starobryadcheskij ikonopisec XX stoletija = Pimen Sofronov, the greatest Old Belief icon painter of the XX century ... [Elektronnyj resurs] / V. Malyshev // Sajt «Starobryadcheskaja mysl'». – URL: <http://starove.ru/izbran/pimen-sofronov-velichajshij-starobryadcheskij-ikonopisets-xx-stoletiya/>

6. Manujlov, Ju. N. Ikona staroverov Prichud'ja: Gavriil Efimovich Frolov i ego ikonopisnaja masterskaja = Icon of Prichudie conservatives: Gavriil Efimovich Frolov and his icon-painting workshop [Tekst] / Ju. N. Manujlov. – Tallinn : Sihtasutus Ikoonimuuseum, 2013. – 454 s.

7. Nesgovorov, A. Pimen Maksimovich Sofronov = Pimen Maksimovich Sofronov [Tekst] / A. Nesgovorov //

Russkij amerikanec. Obzornyj vypusk. – Nyack, N. Y. – 1997. – № 21. – S. 144-148.

8. Pimen Sofronov = Pimen Sofronov [Tekst] / O. L. Lejkind, K. V. Mahrov, D. Ja. Severjuhin // Lejkind, O. L., Mahrov, K. V., Severjuhin, D. Ja. Hudozhniki Russkogo Zarubezh'ja. 1917-1939. Biograficheskij slovar' / O. L. Lejkind, K. V. Mahrov, D. Ja. Severjuhin. – SPb., 1994. – S. 538-539.

9. Plaat, Ja. Russkie starobryadcy v Jestonii i ih hramy = The Russian Old Believers in Estonia and their temples [Tekst] / Ja. Plaat. – Tallinn, 2016.

10. Paaver, M.-L. Ikony Rajushskoj molennoj = Icons of Rayushi preaching house [Tekst] // Plat, Ja. Russkie starobryadcy v Jestonii i ih hramy. – Tallinn, 2016.

11. Paaver, M.-L. Ikonopis' starobryadcev Jestonii = Iconography of Old Believers in Estonia [Tekst] // Plat, Ja. Russkie starobryadcy v Jestonii i ih hramy. – Tallinn, 2016.

12. Rzhoutil, M. Prazhskij kruzhok ikonopisi Pimena Maksimovicha Sofronova (1932-1939) (Na materiale cheshskih i zarubezhnyh arhivov) = The Prague circle of Pimen Maksimovich Sofronov's iconography (1932-1939) (On material of the Czech and foreign archives) [Tekst] / M. Rzhoutil // Mezhdunarodnye zavolokinskie chtenija. – Sb. 4. – Riga, 2016. – S. 90-97.

13. Shor, T. K. Sofronov Pimen Maksimovich = Sofronov Pimen Maksimovich [Elektronnyj resurs] / T. K. Shor // Sajt «Religioznye dejateli russkogo zarubezh'ja». – URL: http://zarubezhje.narod.ru/rs/s_086.htm

14. Shor, T. K. Sofronov Pimen Maksimovich = Sofronov Pimen Maksimovich [Tekst] / T. K. Shor // Baranovskij V., Potashenko G. Staroverie Baltii i Pol'shi. – Vil'njus : Aidai, 2005. – S. 353-355.

15. Jur'eva, T. V. Pravoslavnyj ikonostas kak kul'turnyj sintez = Orthodox iconostasis as cultural synthesis [Tekst] / T. V. Jur'eva. – Jaroslavl : RIO JaGPU, 2005.

16. Jur'eva, T. V. Pravoslavnye ikonostasy v hramah Russkogo Zarubezh'ja = Orthodox iconostases in temples of the Russian Abroad [Tekst] / T. V. Jur'eva // Sbornik trudov Jaroslavskoj duhovnoj seminarii. 2018. – № 8. – S. 132-154.

17. Erikson, K. Ikoonide maalimisest Peipsiaarse vanausuliste juures. Kleio, 1997, Nr. 3 (21), 18-22 lk.

18. Erikson, K. Ikoonimaalija Gavriil Frolov (1854-1930) ja Peipsiaarse Rajakula ikoonimaalijakoda. Magistritöö. Juhend. MA Kaur Altoa. Tartu, 2003, 115 lk., ill. 64 lk;

19. Eberhard, K. Unbekanntes Russland. Известная Россия. – Verlag : Henrich Editionen. – Frankfurt im Main, 2010.

20. Plaat, J. Vene vanausulised ja nende puhakojad Eestis. – Tallinn, 2016. – 304 lk., ill.

Дата поступления статьи в редакцию: 22.03.2019

Дата принятия статьи к печати: 18.04.2019

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Байгожина Дана Омирбековна – старший преподаватель, докторант факультета журналистики и политологии Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. 010000, Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2. E-mail: baigozhina777@mail.ru

Басовская Евгения Наумовна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой медиаречи ФГБОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет». 125993, г. Москва, Миусская площадь, д. 6. E-mail: jeni_ba@mail.ru

Бойчук Елена Игоревна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой теории и практики перевода ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: elena-boychouk@rambler.ru

Болдырева Елена Михайловна – доктор филологических наук, доцент, профессор Института иностранных языков Юго-Западного университета. КНР, 400715, г. Чунцин, район Бэйбэй, ул. Тяньшэн, д. 2. E-mail: e71mih@mail.ru

Борисова Елена Георгиевна – доктор филологических наук, профессор кафедры германистики и лингводидактики Института иностранных языков ГАОУ ВО «Московский городской педагогический университет». 105064, г. Москва, Малый Казенный пер., д. 2. E-mail: egbor@mail.ru

Гапонова Жанна Константиновна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: jangap@yandex.ru

Джонсон Мария Александровна – студент факультета иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: petrosyan.maria@yandex.ru

Зими́на Лариса Ивановна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: larissazimina@mail.ru

Исаева Мария Геннадьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, ул. Луначарского, д. 5. E-mail: Mashasuprugina@yandex.ru

Клубкова Татьяна Владимировна – кандидат филологических наук, доцент, старший преподаватель кафедры общего языкознания ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет». 199034, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 9. E-mail: genling.spb@gmail.com

Клушина Наталья Ивановна – доктор филологических наук, профессор кафедры стилистики русского языка факультета журналистики ФГБОУ ВО «Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова». 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 9. E-mail: nklushina@mail.ru

Кондина Анна Сергеевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков Института международного образования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1. E-mail: annfom@gmail.com

Коптелова Наталия Геннадьевна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственный университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Кузьмина Марина Дмитриевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры книгоиздания и книжной торговли Высшей школы печати и медиа-технологий ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна». 191186, г. Санкт-Петербург, ул. Большая Морская, д. 18. E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Кустова Надежда Николаевна – учитель французского языка МОУ СОШ № 1 г. Рыбинска. 152934, г. Рыбинск, ул. Радищева, д. 15. E-mail: nadejdak1@mail.ru

Ли Чэньчэнь – аспирант кафедры словесности и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина». 117485, г. Москва, ул. Академика Волгина, д. 6. E-mail: lichenchen@mail.ru

Лукин Олег Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой теории языка и немецкого языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Лученецкая-Бурдина Ирина Юрьевна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: lucciano55@yandex.ru

Макарова Александра Игоревна – кандидат филологических наук, доцент департамента фундаментальной подготовки ФГБОУ ВО «Российский государственный университет туризма и сервиса». 141221, Московская обл., Пушкинский район, п. Черкизово, ул. Главная, д. 99. E-mail: alexia90@rambler.ru

Макарова Елена Николаевна – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой делового иностранного языка ФГБОУ ВО «Уральский государственный экономический университет». 620219, г. Екатеринбург, ул. 8 марта, д. 62. E-mail: makarovayn@mail.ru

Моисеенко Анна Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры германской филологии и межкультурной коммуникации ФГБОУ ВО «Череповецкий государственный университет». 162600, г. Череповец, ул. Луначарского, д. 5. E-mail: anna.moiseenko@mail.ru

Мокляк Владимир Иванович – преподаватель русского языка и литературы ГПОАУ ЯО «Ярославский колледж гостиничного и строительного сервиса». 150043, г. Ярославль, ул. Чкалова, д. 34. E-mail: makturino@rambler.ru

Новиков Михаил Васильевич – доктор исторических наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Пастухова Елена Валерьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры иностранных языков Института международного образования ФГБОУ ВО «Московский педагогический государственный университет». 119435, г. Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1/1. E-mail: lyisyakova@mail.ru

Перфилова Татьяна Борисовна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Разумов Роман Викторович – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: rvrazumov@list.ru.

Розина Ольга Владимировна – кандидат исторических наук, доцент ГОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А. E-mail: olgarozina@yandex.ru

Сараева Елена Леонидовна – доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: els5656@yandex.ru

Скуратов Игорь Владимирович – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой романской филологии ФГБОУ ВО «Московский государственный областной университет». 105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10-а. E-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Степанов Валентин Николаевич – доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой массовых коммуникаций ООВО «Международная академия бизнеса и новых технологий (МУБиНТ)». 150003, г. Ярославль, ул. Советская, д. 80. E-mail: stepanov@mubint.ru.

Суханова Ирина Алексеевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ФГБОУ ВО «Ярославский педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: ioeirena1955@mail.ru

Тахан Серик Шешенбаевич – доктор филологических наук, профессор факультета журналистики и политологии Евразийского национального университета имени Л. Н. Гумилева. 010000, Казахстан, г. Астана, ул. Сатпаева, д. 2. E-mail: takhan_serik@mail.ru

Филипповский Герман Юрьевич – доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Фокина Мадина Александровна – доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной филологии ФГБОУ ВО «Костромской государственной университет». 156005, г. Кострома, ул. Дзержинского, д. 17. E-mail: madi.fokina@mail.ru

Хренов Николай Андреевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник отдела медийных и массовых искусств сектора зрелищно-развлекательной культуры ФГБНИУ «Государственный институт искусствознания». 125009, г. Москва, Козицкий пер., д. 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Цыбова Ирина Александровна – доктор филологических наук, профессор, старший научный сотрудник кафедры французского языка ФГАОУ ВО «Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД РФ». 119454, г. Москва, пр. Вернадского, д. 76. E-mail: ia.tsybova@gmail.com

Частных Валерий Владимирович – старший преподаватель, заместитель директора Института русского языка и культуры ФГБОУ ВО «Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова». 117218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, к. 1. E-mail: tchastnykh@mail.ru

Юрьева Татьяна Владимировна – доктор культурологии, профессор кафедры журналистики и издательского дела ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского». 150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, д. 108/1. E-mail: icona-yar@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Baigozhina Dana Onirbekovna – a senior teacher, a doctoral candidate of the Faculty of Journalism and Political Science of the Eurasian National University named after L. N. Gumilev. 010000, Kazakhstan, Astana, Satpaev Street, 2. E-mail: baigozhina777@mail.ru

Basovskaya Evgeniya Naumovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Media Speech Department of FSBEI HE «The Russian State Humanitarian University». 125993, Moscow, Miuskaya Square, 6. E-mail: jeni_ba@mail.ru

Boichuk Elena Igorevna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor of the Roman Languages Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: elena-boychouk@rambler.ru

Boldyreva Elena Mikhailovna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Professor of the Foreign Languages Institute of South-West University, China. 400715, Tiansheng road, № 2, Beibei district Chongqing Municipality, China. E-mail: e71mih@mail.ru

Borisova Elena Georgievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Germanic Studies and Linguodidactics Department of the Institute of Foreign Languages of SAEI HE «Moscow City Pedagogical University». 105064, Moscow, Maly Kazenny Lane, 2. E-mail: egbor@mail.ru

Gaponova Zhanna Konstantinovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: jangap@yandex.ru

Johnson Maria Aleksandrovna – a student of the Faculty of Foreign Languages of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: petrosyan.maria@yandex.ru

Zimina Larisa Ivanovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: laris-sazimina@mail.ru

Isaeva Maria Gennadievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the German Philology and Cross-Cultural Communication Department of FSBEI HE «Cherepovets State University». 162600, Cherepovets, Lunacharsky Street, 5. E-mail: Mashasuprugina@yandex.ru

Klubkova Tatiyana Vladimirovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, a senior teacher of the General Linguistics Department of FSBEI HE «Saint-Petersburg State University». 199034, St. Petersburg, Universitetskaya Embankment, 9. E-mail: genling.spb@gmail.com

Klushina Nataliya Ivanovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Language Stylistics Department of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 119991, Moscow, Leninskie Gory, 1. E-mail: nklushina@mail.ru

Kondina Anna Sergeevna – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department of the Institute of International Education of FSBEI HE «Moscow Pedagogical State University». 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya Street, 1/1. E-mail: annfom@gmail.com

Koptelova Nataliya Gennadievna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the National Philology Department of FSBEI HE «Kostroma State University». 156005, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. E-mail: nkoptelova@yandex.ru

Kuzmina Marina Dmitrievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Book Publishing and Book Trade Department of the Higher School of the Press and Media Technologies of FSBEI HE «Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design». 191186, St. Petersburg, Bolshaya Morskaya Street, 18. E-mail: mdkuzmina@mail.ru

Kustova Nadezhda Nikolaevna – a teacher of French of MEI SES No. 1 in Rybinsk. 152934, Rybinsk, Radishchev Street, 15. E-mail: nadejdak1@mail.ru

Li Chenchen – a post-graduate student of the Literature and Cross-Cultural Communication Department of FSBEI HE «Pushkin State Institute of Russian». 117485, Moscow, Academician Volgin Street, 6. E-mail: lichchenchen@mail.ru

Lukin Oleg Vladimirovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Language Theory and the German Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: oloukine@mail.ru

Luchenetskaya-Burdina Irina Yurievna – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: lucciano55@yandex.ru

Makarova Aleksandra Igorevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Fundamental Training Department of FSBEI HE «The Russian State University of Tourism and Service». 141221, the Moscow Region, Pushkin district, Settlement Cherkizovo, Glavnaya Street, 99. E-mail: alexia90@rambler.ru

Makarova Elena Nikolaevna – Doctor of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Business Foreign Language Department of FSBEI HE «Ural State Economic University». 620219, Ekaterinburg, March 8 Street, 62. E-mail: makarovayn@mail.ru

Moiseenko Anna Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the German Philology and Cross-Cultural Communication Department of FSBEI HE «Cherepovets State University». 162600, Cherepovets, Lunacharsky Street, 5. E-mail: anna.moiseenko@mail.ru

Moklyak Vladimir Ivanovich – a teacher of the Russian Language and Literature of SEEAI YaR «Yaroslavl College of Hotel and Constructional Service». 150043, Yaroslavl, Chkalov Street, 34. E-mail: matturino@rambler.ru

Novikov Mikhail Vasilievich – Doctor of Historical Sciences, Professor, Honoured Worker of Science of the Russian Federation, Head of the Theory and Methods of Professional Education Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Pastukhova Elena Valerievna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Foreign Languages Department of the Institute of International Education of FSBEI HE «Moscow Pedagogical State University». 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya Street, 1/1. E-mail: lyisyakova@mail.ru

Perfilova Tatiyana Borisovna – Doctor of Historical Sciences, Professor, a leading researcher of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: m.novikov@yspu.org

Razumov Roman Viktorovich – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: rvrazumov@list.ru.

Rozina Olga Vladimirovna – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of SEI HE «Moscow State Regional University». 105005, Radio Street, 10 A. E-mail: olgarozina@yandex.ru

Saraeva Elena Leonidovna – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Russian History Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: els5656@yandex.ru

Skuratov Igor Vladimirovich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Roman Philology Department of FSBEI HE «Moscow State Regional University». 105005, Moscow, Radio Street, 10-a. E-mail: iv.skuratov@mgou.ru

Stepanov Valentin Nikolaevich – Doctor of Philological Sciences, Professor, Head of the Mass Communication Department OOHE «International Academy of Business and New Technologies (MUBiNT)». 150003, Yaroslavl, Sovetskaya Street, 80. E-mail: stepanov@mubint.ru.

Sukhanova Irina Alekseevna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor of the Russian Language Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: ioeirena1955@mail.ru

Takhan Serik Sheshenbaevich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Faculty of Journalism and Political Science of the Eurasian National University named after L. N. Gumilev. 010000, Kazakhstan, Astana, Satpaev Street, 2. E-mail: takhan_serik@mail.ru

Philippovsky German Yurievich – Doctor of Philological Sciences, Professor of the Russian Literature Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: i.luchenetskaya-burdina@yspu.org

Fokina Madina Aleksandrovna – Doctor of Philological Sciences, Professor of the National Philology Department of FSBEI HE «Kostroma State University». 156005, Kostroma, Dzerzhinsky Street, 17. E-mail: madi.fokina@mail.ru

Khrenov Nikolay Andreevich – Doctor of Philosophical Sciences, Professor, a leading researcher of Media and Mass Arts of the Sector of Entertainment Culture of FSBEI HE «The State Institute of Art Criticism». 125009, Moscow, Kozitsky Alley, 5. E-mail: nihrenov@mail.ru

Tsybova Irina Aleksandrovna – Doctor of Philological Sciences, Professor, a senior researcher of the French Language Department of FSBEI HE «Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation». 119454, Moscow, Vernadsky Avenue, 76. E-mail: ia.tsybova@gmail.com

Chastnykh Valery Vladimirovich – a senior teacher, Deputy Director of the Institute of the Russian Language and Culture of FSBEI HE «Lomonosov Moscow State University». 117218, Moscow, Krzhizhanovsky Street, 24/35, Building 1. E-mail: tchastnykh@mail.ru

Yurieva Tatiyana Vladimirovna – Doctor of Cultural Studies, Professor of the Journalism and Publishing Business Department of FSBEI HE «Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky». 150000, Yaroslavl, Respublikanskaya Street, 108/1. E-mail: iconayar@mail.ru

ВЕРХНЕВОЛЖСКИЙ ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

VERHNEVOLZHSKI PHILOLOGICAL BULLETIN

Научный журнал

Главный редактор М. В. Новиков

Ответственный редактор Л. В. Ухова

Редактор Т. В. Шаркова

Переводы на английский язык – Е. В. Мишенькина

Объем 28 п. л., 25,5 уч.-изд. л. Формат 60×90/8.
Печать ризографическая. Заказ № 113. Тираж 500 экз.

Дата выхода в свет: 25.06.2019

Цена свободная

Издатель

Редакционно-издательский отдел ФГБОУ ВО
«Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского» (РИО ЯГПУ)
150000, г. Ярославль, ул. Республиканская, 108/1

Отпечатано в типографии ФГБОУ ВО «Ярославский
государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского»

Адрес типографии:
150000, г. Ярославль, Которосльная наб., 44
Тел.: (4852) 32-98-69